

SAN FRANCISCO PUBLIC LIBRARY

3 1223 10283 0230

МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ

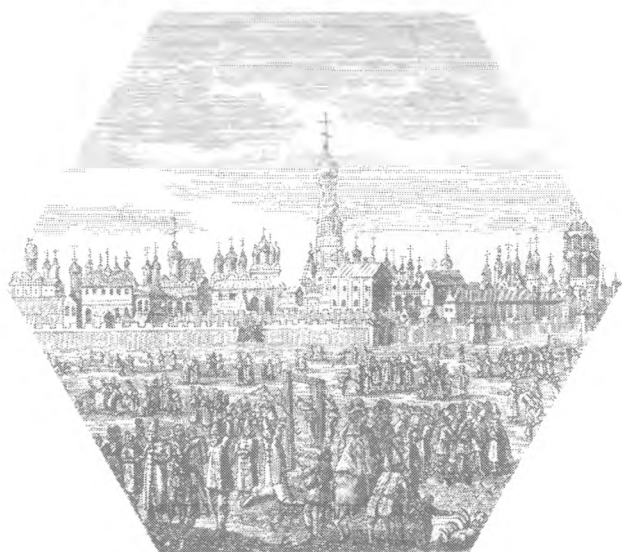

ЗАХВАТ МОСКОВИИ

НАЦИОНАЛ-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

**МИХАИЛ
ГИГОЛАШВИЛИ**

ЗАХВАТ МОСКОВИИ

НАЦИОНАЛ-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Москва 2012
ЭКСМО

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 46

Оформление обложки *Н. Ярусовой*

Гиголашвили М.

Г 46 **Захват Московии. Национал-лингвистический роман : роман / Михаил Гиголашвили. — М. : Эксмо, 2012. — 624 с.**

ISBN 978-5-699-55393-8

Одним прекрасным днем в середине XVI века немец Генрих фон Штаден въехал в пределы страны Московии. Его ждали приключения и интриги, фавор и опала, богатство и нищета. А цель была одна — захват страны.

Одним прекрасным днем в начале XXI века его далекий потомок Манфред Боммель въехал в пределы страны России. Его ждали интриги и приключения, фавор и опала, тюрьма и сума... Но его целью тоже был захват страны.

Между двумя немецкими вторжениями — пять веков. Что изменилось за этот срок? Что нашли немцы вместо этой страны, какая судьба ждала их? Что у них получилось? Какая судьба ждет то, что называют Московией и Россией?

Читайте новый роман Михаила Гиголашвили — учебник по перекраиванию карты мира и пособие по русской жизни с картинками.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-55393-8

© М. Гиголашвили, 2012
© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

...и многу мятежу и нестроению в те времена
быша в нашей христианьской земле, грех ради
наших, государю младу сушу, а бояре на мзду
уклонишася без возбранения, и много кровопро-
лития промеж собою воздвигоша, в неправду суд
держаше, и вся не о Бозе строяше, Богу сиа по-
пускающе, а врагу действующе.

Из русской летописи

Россия – большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры.

Марко Поло
«Книга о разнообразии мира», XIII век

Но каково бы ни было происхождение имени «Россия», народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке «Russi», столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь одним и тем же именем «русские».

*Сигизмунд фон Герберштейн
«Записки о Московии», XVI век*

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному!.. Чему я, пес смердящий, могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, воровстве и ненависти, во всяком злодействе... Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира — и так дел достаточно!

Иван Грозный
Послание в Кирилло-Белозерский монастырь

Противно твой злобесный собацкий лай слушать. Если ты, раскрыв собачью пасть, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Иван Грозный
Из письма князю Курбскому

Главному редактору журнала «Пламя»

Дорогой Андрей Иванович!

Тому уже лет пять, как мы виделись на конференции (то ли в Тоскане, то ли в Провансе). Эх, давно ли в одной аудитории сидели, а время уже косится с укоризной – не запозднились ли на этом свете, пора и по домовинам!.. Пока, слава богу, живы, чего и другим желаем.

Пользуясь нашей многолетней дружбой, решил послать тебе этот текст и посоветоваться в некоем щекотливом (но, возможно, интересном для тебя) деле. Ты знаешь, что я уже 30 лет работаю в университетах Германии и всегда прошу моих студентов, которые едут на практику / учебу / стажировку в Россию, вести дневники / записки, что они и делают с похвальной немецкой тщательностью и пунктуальностью. Кто-то пишет по-немецки, кто-то по-русски. Некоторые тексты мы потом обсуждаем на семинарах. Но в данном случае все сложнее.

Дневниковые записи моего студента Манфреда Бомеля, филолога-русиста, были присланы мне по почте из полиции с припиской, что в данное время этот человек находится в тюрьме г. Мюнхен, а копии обнаруженных у него при обыске бумаг полиция пересылает мне, как их адресату (оригиналы в качестве вещдоков оставлены до суда).

Я пытаюсь сейчас через своего адвоката добиться с ним свидания. Парень отправился совершенствоваться в языке, а попал в очень опасную историю, которая неизвестно

чем может для него закончиться; дневник его не дописан, прерван буквально на полуслове, а сидит он уже около месяца.

Надо сказать, что этот молодой человек, Манфред, — одаренный, способный, умный, с огоньком, с тягой к эксперименту, любознательный и, как мне кажется, совестливый, наивный и чистый, притом с сильным славянским фоном со стороны бабушки, поэтому русским языком владеет достаточно хорошо, с детства, иногда, правда, из-за отсутствия практики в разговорах не сразу находит нужные слова и путается в формах. Прослушал у меня несколько разных семинаров и в целом хорошо образован и начитан.

Меня его записи заинтересовали с точки зрения убийства сразу трех зайцев — и твоего читателя потешить, и мне пару грошей перехватить (если дашь за редактуру и перевод), но, главное, — помочь парню: я очень надеюсь, что публикация его дневника в известном российском журнале может быть учтена / взята во внимание немецким судом, как смягчающее обстоятельство и/или аргумент в пользу его благонадежности / благонамеренности (талантливый молодой автор, журналист-лингвист, поехал писать очерки, а оказался по неопытности вовлечен черт знает во что). Кстати, его дневник подтверждает, что любому иностранцу в любой стране в глаза вначале бросается негатив, и только потом, с опытом — позитив.

Хоть бедный Манфред и пытался кропать свои заметки на русском, много отрывков написано им по-немецки: очевидно, в этих местах он или был не уверен в своих силах, или спешил. Я их перевел как можно ближе к оригиналу (как учил нас милый академик Ганиевский — «к исходному тексту прижиматься нежно, но плотно, как к фемине»). А в написанных по-русски кусках и пассажах навел порядок, выправил орфографию, грамматику, но прямую речь и диалоги не трогал, оставил как есть — не до этого сейчас, надо спасать человека (однако, если возьмешь для печати, по ним тоже надобно пройтись разок).

В дневнике есть, конечно, разные лексические сбои, огрехи, тики и несуразности с точки зрения школьной

грамматики, но этим-то он и интересен, как любой оригинальный текст. Начало можно было бы и сократить – активные действия начинаются, собственно, с 3-й главы, с первого ареста, но я не стал ничего менять, только для удобства разбил заметки на главы и подобрал эпиграфы ко всему тексту.

Вкратце о вставках. Дело в том, что далекий предок Манфреда по материнской линии, Генрих фон Штаден, был реальной колоритной личностью, искателем приключений, ландскнехтом, толмачом, трактирщиком, купцом, меховым маклером, а в старости даже сделал карьеру дипломата, разъезжая по европейским государям с планом захвата Московии. В числе прочего этот авантюрист служил несколько лет в опричниках у Ивана Грозного, умудрился уцелеть и написал сочинение «Страна и правление московитов», о котором несколько раз упоминает Манфред; оно относительно хорошо известно в ученном мире.

Я нашел это сочинение в Интернете (в русском переводе 1925 года¹) и вставил его между главами дневника, настолько интересной и поучительной показалась мне жизнь и судьба этого плута и флибустьера (кому лень или неохота читать, может эти отрывки пропустить). Исходный текст фон Штадена я немного сокращал и стягивал (в частности, убрал детали в «Плане захвата Московии», чтобы ни у кого не возникло бредового желания этим планом воспользоваться), озаглавил отрывки, чтобы было легче ориентироваться в том месиве жизни, которое будто сползло с картин Брейгеля-старшего или даже самого Иеронима Босха.

А по ходу работы много чего в голову лезло... Ведь мы, как ни крути, дети красной империи, и нам совсем небезразлично, что творится сейчас в ее развалах и отвалах. Ну и что из того, что я треть жизни провел в Германии, а ты редактируешь журнал, не вылезая из Америки?.. Родом-то мы все равно оттуда, из нашей молодости, это просто Интернет уничтожил время и пространство...

¹ «Moscowiter und Regierung Beschriben durch Henrichen von Staden»: <http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/shtaden.php>.

Вот такая история. В общем, смотри и решай сам. Я свое сделал. Если возьмешь для печати — название придумай сам. Не возьмешь — отправлю в журнал «Старый свет», там точно возьмут — они любят такие плутовские романы.

Обнимаю, твой однокашник, друг и давний подписчик —

*доктор филологии N,
профессор славистики,
Германия / 2009*

1.

19–20 сентября 2009 г.

Приезд в Петербург. Виталик и Настя.

1-я встреча с граммар-наци.

Дело Хорстовича

• НАЧАЛО •

Полет из Мюнхена в Пулково прошел отлично. Под визги младенцев и смех пьющей компании я думал о том, как пройдет (будет проходить) наша встреча с Машей. С этой симпатичной девушкой я познакомился в Интернете — по Вашему совету, что язык лучше всего учиться в постели. Но пока пару дней проживу в Петербурге, у знакомого студента Виталика Иванова (помните, он был у нас по обмену, делал доклад по синонимам?). Он согласен меня принять. А потом поеду в Москву. И буду, конечно, стараться всё записывать в дневник, как и обещал Вам на последнем занятии.

Когда мы сели, было далеко за полдень. В аэропорту треть зала завалена чемоданами, сумками, баулами, ящиками вдоль стен. На каждом — листок с текстом. Слово длинное, трудное... «Не-вос-тре-бо-ван-ный багаж» — и номер рейса.

Что это? Почему столько забыли? Почему не уносят куда-нибудь? Их же могут украсть? Они мешают ждать багаж... Или «ждать багажа»?.. Ох, эти формы генитива!

На паспортном контроле я не знал, куда идти, — значка Евросоюза нигде не было. Я отстоял очередь, и, к счастью, всё прошло хорошо: девушка в пилотке выстукала мои данные в компьютере и, прижимая телефонную трубку плечом и говоря вполголоса что-то про

рыбку и зайку, щелкнула штемпелем и лукавым взглядом лаконично приказала уходить.

Когда я вышел наружу, с чемоданом, сумкой и открытым паспортом, один таксист сказал другому вполголоса:

– Вон лох голландский! Возьмешь?

– Не голландский, а германский! – бодро отозвался я, как Вы учили («всё обращать в шутку, ибо русские смешливы и непосредственны, как дети; смех – их врач, шутка – медсестра»). Конечно, он шутит – разве я похож на лох-несс-монстра?..

– Да ты спец! Тебе б на стрёме стоять! – похвалили они меня.

Я поехал, но был все время начеку, размышляя, что такое «на стрёме». Не из того ли набора, о котором Вы говорили, что в нём – вся эволюция рода человеческого, мы ещё учили его хором наизусть: «Из времени родилось пламя, из пламени – семя, из семени – племя, из племени – имя, имя встало на знамя, всем – на бремя...» Но я на всякий случай был настороже – наобум ничего не говорил (помня из семинара, что «за наобум бывает бум-бум»).

Пока ехали, шофер долго и фонетически отчетливо ругал правительство, я почти всё понимал, а кое-что даже успевал записывать в мой электронный словарь (простые двухтактные лексемы вроде «моль из подворотни», «сука цветная»), уточнял:

– Это шутки народа?

– Да, шутки-прибаутки...

– Прибаутки? От «баю-баю», спать?

– Вроде того...

И я пару раз повторил в уме «прибаутка», потому что очень люблю сразу осваивать и пускать в ход новые лексемы и идиомы, хотя, конечно, иногда делаю ошибки, но тот не ошибается, кто ничего не говорит.

Когда шофер узнал точнее, где живет Виталик, то сказал:

– Да это же у чёрта на рогах! Ты вначале один про-

спект говорил, а теперь совсем другое... Туда стольник баксов тянет! Кризис! — что мне не очень пришлось по душе: и чёрт, и рога — оба слова ругательные, да еще вместе со «столиком» и «тянуть»... Вы же знаете, у нас говорят: «jemanden über den Tisch ziehen» — «перетянуть через стол» в значении «обмануть»... Но я промолчал.

Потом шофер спросил:

— Ты откуда, с Прибалтики?.. Хорошо по-русски говоришь... У вас дороги не такие хреновые, небось?

— Я не боюсь, — ответил я.

— Чего?.. Хотели было дороги ремонтировать, да кризис пришёл... Вот скажи мне, что у нас за страна такая — всё через задницу делать?.. У вас, небось, под дождем асфальт не кладут?

— Я не боюсь. Не кладуют, нет.

— А у нас как дождь — так асфальт класть...

— Почему?

— А скажи?.. — Он даже отпустил руки от руля.

— Что сказать? — опешил я (внутри себя я всё понимаю быстро, но, когда волнуясь, не сразу могу искать и ловить нужные слова). — У вас дождь часто ходит?

— Где?.. А... Идёт... Да нет. Тут дело не в дожде. Что плохо сделано — часто чинить надо, правильно?.. А на починку что нужно? Правильно: бабло...

— Бабло? — на всякий случай переспросил я (в Вашем «Словарике жлобского языка» было слово «бабки» — наверное, то же самое). Ну да, вот он объяснил:

— Значит — деньги, бабки... капусту из бюджета выписывают, а потом распиливают...

— От «пилить-распилить»? Капуста? Пилой? — Я уже всерьез забеспокоился, правильно ли понимаю его речь.

Он засмеялся:

— Зачем пилой — ручкой! Вот я строитель, должен дорогу отремонтировать, а ты — инспектор, должен меня проверить. Я пишу отчет, что я всё сделал, а ты подписываешь, что да, проверено, всё сделано честь честью. А деньги за всю эту бодягу мы делим пополам,

хотя ничего не сделано или сделано тяп-ляп... Вот и всё. Потому это «пилить бабло» называется... А там, наверху, в кабинетах, большой калым от перестроек и ремонтов капает. А если они хорошую дорогу сделают, с-под чего им потом бабки тянуть?..

Я хотел уточнить, что такое «бодяга», но он стал спрашивать про цены в Германии на битые машины и автобусы. К сожалению, я мало разбираюсь в машинах, тем более в битых, несмотря на то что мой папа Клеменс работает на заводе «BMW». Когда я сообщил об этом шоферу, он очень обрадовался:

— Да ты чего, в натуре?.. — (Вот и первые слова из Вашей «Памятки»!) — На самом заводе?.. Вот здорово!.. Дай телефон, приеду к вам, будем битую машину закупать, а тут чинить и продавать — у меня шурин автосервис открыл. Тут всё сбавим, как два пальца... Тебя в долю посажу, ты на месте машины искать будешь... Пятнадцать процентов тебе хватит?.. Посмотри, есть там блокнотик? — Он перегнулся и долго искал бумагу, ведя машину вслепую.

Я хотел сказать, что я не хочу помогать ему покупать-купить битую машину, но решил не отказывать и написал в блокнотике свой домашний телефон, специально пропустив одну цифру (как Вы советовали поступать в тех случаях, когда лучше не обострять: «не отказывать, но и не соглашаться»). Он оживленно стал прятать блокнотик в карман:

— Похоже, где-то тут хоромы твоего Виталика. Ну, до встречи в Мюнхене! Удачи! Ладно, полтинника хватит!

Вот подъезд № 4. У входа сидят бабушки в платках, какие носила русская кормилица моей матери, баба Аня, Бабаня.

Она была из остарбайтеров, попала служанкой в нашу семью, вырастила и выходила мою больную с детства мать, а после войны осталась, потому что ехать ей было некуда и не к кому. Она была женщина простая и

добрая, немцев всегда ругала, но так заботилась о маме, что соседи приводили её всем в пример. Свою родину Россию жалела, вздыхала: «Глупая, всем всё дает, а сама без исподнего... душа нараспашку и карман распорот: сколько туда вечером ни сунь — утром ничего не останется...» С мамой (а потом и со мной) Бабаня говорила только по-русски, меня называла Фредя. Помогала делать уроки русского, который я выбрал в гимназии как второй язык (чему все были рады, особенно безрукий дед Адольф, считавший, что войны между Россией и Германией никогда больше не будет, и не потому, что Россия такая хорошая, а потому, что Германия получила от неё такой урок, который навечно застрял в её генном мозгу). И я давно мечтаю проверить себя на деле, в стране языка, где никогда не был!

В подъезде под лестницей сидела старушка в платке (похожая на мышку-норушку из сказки, что мы прорабатывали в прошлом семестре). Она отставила кружку, вытерла рот углом платка и строго спросила:

— К кому? Откудова такой? — и потребовала паспорт.

Долго сверяла мое лицо со снимком, говоря:

— Надо же, скажите пожалуйста... Немець... Откуда? Не из-под Нюрнберга, чай?

— Чай? — не понял я, но на всякий случай подтвердил, что да, хочу пить чай с моим товарищем. Нет, не из Нюрнберга, из Мюнхена. Виталик Иванов меня в гости звал-позвал (я часто употребляю обе формы глагола, потому что не знаю, какая будет правильной).

— Вас всех и не углядишь, — неприязненно сказала она, вписала что-то в свою тетрадь, неохотно отдала паспорт и вернулась к кружке свинцового цвета. — Можете идти. Свободны.

Я пошел по лестнице наверх, думая о том, что похожая кружка, только со вмятиной от пули, хранилась у нас в семье. Она — единственная — осталась от дяди Пауля, когда он, наконец, умер в нашем подвале, где просидел после войны десять лет, пока ловили бывших

эсэсовцев (а он был офицер дивизии СС «Мёртвая голова»). Моя мать должна была каждое утро опускать на веревке в подвал корзину с хлебом, колбасой и бутылкой шнапса, а взамен поднимать ведро с нечистотами. Пауль в подвале свихнулся и целый день в голос молился, отчего мама иногда в истерике кричала: «Я больше не могу, я схожу с ума — в нашем доме поселилось огромное насекомое! И оно жужжит, жужжит, жужжит!... Лучше бы он застрелился тогда!» (намекая на тот грузовик, где перед приходом Советской армии застреливались по очереди офицеры СС: один стрелялся, пистолет выпадал из руки, другой брал пистолет, стрелялся, третий брал... А вот дядя Пауль был последним и не застрелился, а явился ночью в наш дом и залез в подвал).

Сам я этого всего не помню, я поздний ребенок. Моя мать, Клара фон Штаден, с детства была чахлой и слабой, часто болела, поздно вышла замуж и родила меня, когда ей было за сорок, а при родах чуть не умерла вместе со мной. Бабаня рассказывала, что я трудно рождался, не хотел вылезать на этот свет, врачи уже спрашивали отца, кого оставить в живых — мать или плод, оба не выживут, уже хотели резать плод по кускам, но приехал старый врач и выдернул меня щипцами из нирваны, хотя я лично его об этом не просил, о чем и говорил потом не раз моему психотерапевту... Бабаня еще говорила, что я родился такой белый, что меня носили по палатам и говорили: «Посмотрите, какой белый ребенок появился!»

Если бы не Бабаня, я бы много не знал... что, например, дядя Пауль умер в тот день, когда решил выйти сдать экзамен: она была в кухне и видела, как он вылез, выпрямился, постоял так минуты две, шатаясь и скуля по-собачьи, потерял равновесие и рухнул обратно в подвал, сломав при этом себе спину... И хоронить пришлось ночью, в углу сада, куда никто после этого никогда не ходил. Мама потом объяснила мне, что дядя Пауль был очень грешен перед русскими, за что и лишился рассудка.

1. 19–20 сентября 2009 г.

А подвал, сколько ни мыли и ни дезинфицировали, всё равно пропах чем-то противно-горьким, так что я всегда боялся спускаться туда, а мать не раз заводила разговор о продаже дома.

Виталик встретил меня по-дружески, познакомил с длинноногой, будто складной, по-рыбьи медленной в движениях подругой Настей, пригласил выпить пива.

Комната была большая, перегорожена шкафами, со старой мебелью. Спать мне было постелено на полу, на тонком матрасе.

Было еще не поздно, я хотел выйти погулять, но Виталик был занят – ждал важного звонка. Когда я решил прогуляться один, он стал наставлять и предупреждать:

– Фредя, с едой на улице поосторожней, всякие там пирожки с ливером, шашлыки, гриль, шаверма... чтоб не отравиться. И выпивку в ларьках не покупай – всё палёное.

– Что это – палёное?

– Ну, не настоящее, люди сами химичат... – А Настя добавила:

– И чем больше на бутылке всяких блямб и пломб, тем опаснее...

Я сказал, что это странно, что у нас в Баварии чем красивее бутылки, тем содержимое лучше.

– А у нас – наоборот... – объяснила членистоногая девица (руки и ноги у неё были складчатые, как у богомола, которых я ловил летом у деда Людвиг в Альпах). – Ну, у нас страна такая, всё наоборот, не как у людей... Тяпландия называется. Страна Шалтай-Болтай... Какнибудия...

Выпивку я покупать не собирался, но совет принял и попросил Виталика объяснить суть проблемы.

– Проще пареной репы. Где-нибудь в подвале, гараже или ауле люди разливают по бутылкам спирт пополам с водой, лепят этикетки, всякую мишуру, акцизные марки... Поналепят – и готово, в магазине такая

бутылка стоит пятьсот—тысячу рублей, а ему она обошлась в пятьдесят...

— Если не в пятнадцать. — Волоокая Настя опять подалась вперед. — Магазиинчики с ними в сговоре... Некоторые, совсем наглые, чаю в спирт намешают, в бутылки из-под «Хеннеси» разольют и по сто евриков через самые дорогие магазины толкают. И все в доле.

— А где эти блямбы, пломбы берут-найти?

Виталик равнодушно пожал плечами:

— Да где угодно. Воруют. Сами печатают, ксерят. Или вообще покупают прямо там, где их печатают... Короче, кому как удобно.

Я был удивлён. Если про все эти махинации знают Виталик и Настя — значит, и милиция должна знать?

— А как же? Милиция всё это дело крышует... — Виталик поднял руки над головой. — Менты сверху всё видят, всё слышат, всё знают, всё покрывают — за бабки, разумеется... Как же без них?

Я не поверил ему, хотя на наших семинарах Вы неоднократно то ли в шутку, то ли всерьез говорили, что милиция — это наиболее опасный сегмент российского социума, от неё лучше держаться подальше и что сам министр МВД по ТВ недавно говорил, что пусть граждане сами защищаются от милиции, как могут, а еще лучше, если гражданин, завидев милиционеров, сразу, но не ускоряя шага и не привлекая внимания, перейдет на другую сторону улицы, юркнет в подъезд и переждёт с полчаса...

Виталик еще обронил, что такая история, как с алкоголем, вполне может быть и с другими продуктами — чем они лучше (или хуже):

— Особенно с икрой и рыбой осторожнее будь. Вот Настя недавно кило осетрины за тысячу двести рублей купила, а когда дома сняли целлофан, рыба развалилась в пыль...

— Верно! — подтвердила многочленная Настя, вспомнив, что недавно по ящику показывали, как эти нелюди

старую рыбу моют в физрастворе, пожилую ветчину покрывают лаком, бывшие свежие фрукты опрыскивают живой водой, вялые овощи обмывают, как покойников, химией, в мясо десятилетней давности шприцами вводят фосфаты, а на продуктах, у которых в прошлом веке срок годности закончился, перебивают бирки-цены и толкают, как свежие. — Типа того, что народ всё схавает и не подавится.

— У нас при советской власти животы ко всякой дряни привыкли, а вот у тебя желудок точно накроется, ты поосторожнее, — предупредил Виталик.

— Куда накроется? Чем?

— К ебене фене, медным тазом...

Я пошел погулять, но ничего особого не увидел: рабочий район, дома облезлые, трубы дымят. Молодые люди в спортивных штанах и капюшонах сидят на корточках, пьют пиво. И мне пора что-нибудь поесть. У Виталика было неудобно спрашивать. Но что? И где? На улице, он сказал, не надо. Значит, надо войти внутрь.

Скоро встретилось кафе «Уют». Нет, не ларёк. На столе даже хлеб уже лежит, порезан. Несколько человек у окна. Рядом за столиком — мужчина невеселого вида за кружкой пива. Приблизилась официантка.

— Я слушаю вас. — Она со вздохом вытащила карандаш.

— Что есть тут? — вежливо спросил я.

— Кухня уже закрыта, поздно. В меню смотрите закуски... — глядя на меня, как на тяжелобольного, терпеливо ответила она.

— Так, балык, икра... Ну а есть-поесть что-то?..

— Поесть? — удивилась она. — Кура гриль. Но я лично вам не советую. Вон, разбираются из-за курей, — прибавила она свистящим шепотом, кивнув в угол зала, где двое мужчин что-то тихо доказывали друг другу.

Я читал дальше:

— Бульон с гренками есть?

— Бульон... Тёплый... Да он из-под тех же курей, так что не переживайте.

— Вот, еще: ветчина с хреном.

— Жирная очень. Да уж закрываемся, поздно...

— Ясно. А что есть поесть? Чай с каким-нибудь?

— Это можно, — встрепенулась она и занесла карандаш над блокнотом. — Пирожные хорошие.

— И бутерброд, тут написанный.

— Хорошо, с сыром.

Мужчина, не вставая из-за своего столика, спросил у меня негромко:

— Уважаемый, магнитофон не нужен? Купить не желаете?

— Я? Что это? Рекордер? Нет, совсем нет, не необходимо. А почему? — удивился я.

— Разрешите? — И он пересел ко мне. — Обстоятельства. Деньги нужны.

— Да, нужны, — ответил я (как Вы учили отвечать в неясных моментах — повторять последние слова партнера по диалогу с улыбкой и кивком) и добавил, на всякий случай, что я немец-турист.

— Ну, ничего... — с некоторой жалостью успокоил он меня.

Мужчина был лет сорока, вида простого, рубашка мятая, старая, лицо не очень брито. Он покрутил кружку, я отпил чай, предложил ему бутерброд, он взял, сказав, что знает: слово «бутерброд» вышло из немецких слов «масло» и «хлеб» — только не знает, какое из них «масло», а какое — «хлеб».

Я всегда рад объяснить, если могу:

— «Буттер» — масло, а «брот» — хлеб. С «т» на конце.

— А, ну да, с «т», — понял он. — С «д» — другой коленкор: брод... Не зная броду... Да, вот такой бутерброт... В жизни-то не так всё, как в кино...

И он, хотя я ни о чем не спрашивал, сообщил, что работает на фабрике, встает в семь утра, возвращается в семь вечера, питается вареной картошкой и колбасой,

смотрит что попало по ящику и после программы «Время» засыпает. На мой осторожный вопрос о семье ответил:

— Родные умерли, с женой в разводе, детей нет... Была и у меня трехкомнатная квартира, и жена, коза мочёная... Когда с женой разошелся, раздербанили хату на две коммуналки. Мать скоро умерла. Жена ушла. Даже бабу привести стыдно: у одного соседа Васи вечный запой, у другого Васи — понос... — Он махнул рукой. — Так то жизнь крутит. Вот, штаны последние три года ношу, теперь порвались, а что делать — не знаю. Пару бутылок купил — и вся получка.

Чай и пиво были выпиты. Я не знал, сколько и кому платить, но мужик сказал:

— Оставь ей на столе, она сейчас занята. — (Официантка сидела широкой спиной к нам и тоже что-то объясняла мужчинам в углу.)

Я положил 10 долларов. Вышли.

— Тебе жена надо, смотрит за тобой. — Я не придумал ничего умнее.

— Да я бы рад... А где взять-то?.. Не знаю.

— Дискотека. Или компьютер.

— У меня этих игрушек нету... Ни к чему они мне.

Да и девушка даром не нужна. Мне б такую, которая уже все прошла, перебесилась и по хозяйству чтоб... А то эти девушки!.. Одни проблемы с ними, чтоб... Ну и пусть себе гуляет, человеку нужен выход, только пусть комната чтоб в порядке была и на кухне чтоб... Что, она — первая или последняя? А девушкам-то такой, как я, не нужен. Без денег, без квартиры, без ничего — на кой ляд я им такой? И где я этих девушек искать буду, где с ними знакомиться? Для этого ж надо куда-то ходить, где они там... плещутся... а я уж и забыл про всё это... С моей зарплатой не то чтоб ходить куда, а с голоду не подохнуть чтоб... Указов наиздавали прорву, а такого указа, как на 5000 рублей в месяц не подохнуть, нету... А баба, которая перебесилась, всё прошла, такая, может,

и пойдет... Ей покой нужен. Бывалые — они понятливые, они то самое, чтоб...

Не зная, что отвечать, я сказал:

— Учиться не попробовал?

— Учиться? — переспросил он. — Как же, хотел в юности в геологи пойти, я природу сильно люблю — с палаткой по лесам, рекам... Да жена условие поставила: или я, или геология. Я и пошел на завод. А она меня вскорости бросила: не соответствуешь, говорит, моим требованиям, мозгов у тебя мало... Теперь уж учиться трудно, голова чугунная, не варит совсем, отупел до крайности, да и возраст уже... Как-нибудь уж дотяну, чтоб...

— Дотяну? Что? Куда? — не понял я.

— Жизнь... До пенсии, — просто объяснил он. — 20 лет осталось, дотяну уж как-нибудь... Ну, бывай! — И скрылся в своем подъезде, я даже не успел у него спросить, как идти на улицу, где живет Виталик.

От его рассказа стало тоскливо. И на улице неприятно стемнело, а небо как будто растянулось в красно-розовой злой улыбке.

Когда я пришёл, в комнате никого не было. Я лег за шкафом и долго записывал, что запомнил. Но такое обилие (или избытие?) всего!..

...Скоро в полусне я услышал сильный шум, какие-то вскрики, вдруг из открытых дверей в комнату начинает хлестать вода, несёт куриные ножки, катит их на меня, а женский голос где-то в панике кричит: «Эй, гадлюры, спилятные хайки там швыканите!» — а мужской голос ей спокойно отвечает: «Пурсинный марасул пробит». «Блуйко кукуина юсинит, сил нет!» — надрывается женский голос, а мужчина в ответ резонирует: «Это марасул, болтоёбка, ма-ра-сул отсубинивает, а не кукуина!»

Утром побаливала голова и как-то уныло ныло тело. Виталик и Настя ушли, сказав: «Мы отъедем ненадолго, ты тут сам». А я попытался незаметно пробраться в туалет около кухни, где какая-то особа в халате жарила

яичницу. За хлипкой дверью был замшелый унитаз, на полу — пара тараканов, на стенах — старые календари и две бумажные розы, но я не смог там остаться, потому что в кухню вышла другая женщина и они начали громко разговаривать, перекрикивая жгучее шипение яичницы и стук тарелок. Надо перейти в кафе «Уют»... Заодно и кофе выпить.

Я быстро нашёл кафе. У молодой кельнерши было усталое лицо. И это — в начале рабочего дня!.. У нас бы сразу с работы уволили. Папа рассказывал, у них на работе кто-то попросил начальника за какую-то женщину: «Ей нужен отпуск! У нее дома проблемы!» А начальник отвечает: «Вот-вот, а я что говорю? Кто дома не может наладить дело, тот и на работе имеет проблемы!» И уволил женщину. А тут, видно, не так, люди человечные!.. Недаром Бабаня говорила: «В России люди хорошие, а всё остальное дерьмо, а в Германии всё хорошее, да люди дерьмо»...

Я спросил, как она себя чувствует. Она несколько раз тяжело вздохнула, сказав что-то вроде «охохушеньки» или «оухоошеньки», отчего я насторожился (зная из Вашего семинара по русским сакральным словам, что дифтонг «ху» ничего хорошего не предвещает и его лучше в разговорах избегать, как и лексем с корневыми сочленениями «ёб-еб», «жо» и «пи»). Но все-таки уточнил, почему она вздыхает. Она бесхитростно сказала, что много проблем: мать больна, нужны деньги, дочь в детский садик «без лапы» не берут, электричество дорожает, обувь... продукты... муж нервный стал — куда ни глянь, кризис, такая жизнь...

Что было отвечать-ответить?

— Надо подумать позитивно, — не нашелся я.

— Да уж думаю, думаю... Сколько можно?.. Чего-то всё этого позитива не видно, опаздывает... Кому я в срок нужна?

Тут целый комплекс проблем, понял я и тактично замолчал.

И мне было приятно, что кельнерша так запросто рассказала мне свою грустную историю. Что-то очень человеческое проскользнуло между нами. Я запомнил её терпеливые, добрые, усталые глаза. Если бы я мог помогать всем, кому надо!.. Но это утопия, надо рассуждать реально.

Когда я вернулся, Виталик и Настя были уже дома, лихорадочно куда-то звонили и со мной в Эрмитаж идти не могли. Виталик объяснил, что у них фирма-однодневка, надо сидеть на телефоне, отзваниваться. Внимательно осмотрел меня и вздохнул:

— Да, выглядишь очень не по-нашему как-то... Эти бачки, волосы как-то глупо лежат, пиджак в клетку... Нет, не пойдет! — И предложил мне свою студенческую робу, чтобы в кассах Эрмитажа меня приняли за местного, а то иностранцев заставляют платить за вход втрое дороже, чем своих. — Почему? А потому, что у нас каждый умник — иностранец, а каждый иностранец — умник... Вот пусть и платит. Ты надень робу, капюшон накинь. Не брейся сегодня, не улыбайся, говори сквозь зубы, смотри волком...

— Но зачем волк? — удивлялся я.

— Не зачёмкай, так надо. Страна такая... Так лучше понимают...

Потом Виталик стал предупреждать, что ходить по улицам надо осторожно и ни с кем разговоров не заводить, сейчас много разного мусора шляется — и левые, и правые, и наци, и скины, и милитари, и лимоновцы:

— Ты, это, на улицах в балабол не вступай... И ни в коем случае не трынди, что из Прибалтики, — сейчас прибалтов больше не любят, лучше уж фашист, чем прибалт... Если что — кричи: я дипломат, дайте позвонить в посольство... Хотя для отморозков что дипломат, что папа римский... А так много всяких экзотов развелось. Готы, месси... Зацеперы... Йоганутые... Кришнаиты... Харадзюки... Сектанты... Нацболы... Просто болваны...

Настя волнистым движением руки откинула с лица водоросли волос:

– Даже вампиры есть, сестра рассказывала. Соберутся на квартире, пригласят какого-нибудь здоровяка-спортсмена, за 200–300 долларов спустят у него крови литра полтора и давай её пить!..

– Зачем? – не поняли мы с Виталиком.

– А так, организм требует, вроде мела... Выпьют по стаканяке и кто куда разбегаются по своим делам.

Мы покачали головами. Виталик, шмыгая туда-сюда глазами по столу, сообщил, что недавно в универе познакомился с парнем из новой партии – граммар-наци, это значит: «партия национал-лингвистов», этот парень на экономическом учится, но в философии сильно се-чёт. И главный лозунг у них ништяк: «Чем больше убитых безграмотных, тем вольнее дышать».

– Хвалился, что недавно в прессе заметка была, как их радикальное крыло в Москве акцию сделало, кого-то избил... Сейчас декрет об отмене глаголов готовят...

Я удивился:

– Не может... Какая это глупость? Как можно... глаголы?

– А междометиями заменить: вместо «нырять» – «бул-тых», вместо купаться – «чупи-чупи», вместо «включить» – «щёлк», вместо «целовать» – «чмок», вместо «трахаться» – «шпок» или «чих-пых»!..

– А что, клёво! – весело всполошилась Настя. – Давай «чмоки-шпоки» делать! Чихи-пыхи!

Виталик тоже развеселился:

– Ну, такие вот черти. Я, кстати, с ними должен встретиться, просили софт им сделать, а у меня брат дока... Если интересно, пошли вместе.

– Да, хочу. Национал-лингвисты!.. – Отмена русских глаголов! Было бы очень хорошо!

– Они сейчас деньги собирают, хотят место в Думе купить, чтобы потом там шороху навести, всех депутатов на чистоту языка проверить...

До Эрмитажа пешком идти было далеко, на метро я не умел. Какой-то старичок повёз меня на злокаче-

ственном для экологии «опеле», каких в Германии уже давно нет.

Но женщина в кассах Эрмитаже тут же поняла, что я иностранец. А когда я не поленился спросить, как она узнала, услышал, что в очереди я не суетился, стоял смиренно, и взгляд у меня чересчур спокойный.

— А у других какой? — спросил я. — Сугулый?.. Сугрюмый?

— Да уж не такой, как у вас.

Это меня так удивило, что в музее я смотрел больше на глаза людей, чем на стены. И, скоро устав от картин и жары, вышел наружу, стал ходить по улицам.

На Невском скорая толпа шелестела мимо. И все говорили по-русски!... Это была русская река! Она шевелилась и жила, я понимал смысл фраз — вот, пожалуйста: «я ему сказала, что он в корне...», «ну, у них так принято...», «чего в натуре старое полоскать...». И я чувствовал единение с этой рекой!...

Много кокетливых женских лиц. Молодые милиционеры переминаются с ноги на ногу, помахивают жезлами. У входа в магазины — водовороты, диффузия. Около витрины сидит черный ньюфаундленд, похожий на огромного спаниеля, и смотрит не отрываясь, на хозяина, а хозяин закутан в шарф и громко говорит в никуда:

— Ничего!.. Напьются на том свете смолы, закусят угольями!.. Для всех уже сковороды приготовлены, котлы начищены!.. Скоро буди сие, скоро, скоро буди!..

Монах?.. Мормон?..

Как будто кто-то включил над городом слабый неон — за каждым домом, особняком, дворцом — низкое, плотное, словно на крупнозернистом холсте, отечное, одутловатое небо. Напряженно стоят чугунные львы, недоверчиво щупают лапами ядра земных шаров, проверяя их на прочность. На задворках старушка приличного вида в шляпке украдкой ворошит зонтиком мусор в баке, чёрные джипы аккуратно объезжают её.

Гуляя по каналам, я думал о том, что заставило царя Петра Большого предпринять такое строительство. Почему на самом углу империи?.. Ведь опасно?.. Почему на болотах?.. Ведь трудно строить, когда нет почвы?.. Через каких-нибудь пятьсот лет город может исчезнуть, как Венеция. Наверно, все тираны лишены здравого смысла, иначе бы не строили городов на воде и пирамид в пустыне, забывая, что люди — не рыбы и не жуки. Но зато потомкам есть чем любоваться.

Покупая на Невском мороженое, я спросил румяного пожилого продавца:

— Здравствуйте. Мое имя Манфред, можно Фредя. Я турист. Нравится город. Но почему Петр Большой строил город тут, где сыро, мокро, газы?... Разве сухое не хорошо?..

Продавец — в колпаке и белом переднике с медвежонком — вопросу не удивился:

— А на сухом месте воды нет, потому.

— Ну не надо!

— Это вам не надо, а ему надо было. Стоит же Амстердам?.. Ну и Петербург будет стоять — мы что, хуже?.. Вот что он думал.

— Но ведь волнения воды?.. Колдунцы смотрели-посмотрели череп, где змея... Сказали, что плохо, опасно?

Продавец усмехнулся:

— Колдунцы!... Тут одним черепом не обошлось... Кто знает, что этот инквизитор думал... Кому он отчеты давал?.. Может, доказать хотел Европе, что и мы можем, не хуже их... Пломбир? «Магнум»? — уточнил он у девочки, дал ей брикетик. — Вы голландец, немец?

— Да, зарубежец. — (Язык не повернулся сказать, что немец.)

Продавец навел порядок на лотке:

— Вы нашей жизни не знаете. Так повелось, что наш царь был хозяин всей земли, а весь народ эту землю у него как бы арендовал. Царь делал что хотел. Потом Сталин делал что хотел. А куда денешься?.. Всё это из

Византии пришло, — заключил продавец, передавая толстому мальчику два пломбира. — Не только двуглавого орла, купола и иконы, а всю систему переняли...

— Византия? Бизанц? А вы откуда... так хорошо?.. — удивился я (у нас продавцы мороженого не знают, как соседний городок называется).

— Как же не знать?.. Я учитель истории. На пенсию вышел, вот подрабатываю... — («Работать-подрабатывать-подрабатывать, работать-переработать-перерабатывать», — застучал в голове мотор, который иногда целыми днями не даёт покоя.) — Сыну ремонт нужно делать, а цены кусаются, надо как-то вертеться, — искренне ответил он. — Каждый день всё дорожает. У вас в Европе тоже после кризиса цены так повысились?

Когда я объяснил, что у нас после кризиса цены снизились и не кусают, он не поверил:

— Как же так?.. Что же это? Всюду дешевлеет, а у нас дорожает! Есть кризис — дорожает. Нет кризиса — дорожает еще больше!..

— А почему говорите про Петра — Инквизитор? Он же хорошее для России делал-сделал? Романов-царь?

Продавец вытер руки о фартук, достал портсигар, подмигнул мне:

— Трофейный! Отец с войны привёз, — закурил и объяснил, что назвал он его Инквизитором потому, что Петр с бухты-баракты скинул русский народ с насиженного места, заставил его чему-то подражать, что-то копировать, копошиться не в своей тарелке, а после царя всё окончательно стало плохо, хуже некуда:

— Верхи оказались в раю, стали жить, есть, пить и говорить по-другому, слушать другую музыку, одеваться по-европейски, а низы попали к ним в полное рабство. И реформы все пошли крахом. Даже флот его хваленый сгнил, из-за которого он пол-России сгноил... Такая страна... И что вообще осталось от Романовых? Только Петербург. Да и никаких Романовых на самом деле нет, были Захарьины-Юрьевы...

— Как?

Он не успел ответить — к лотку подошли туристы, и я, забрав ещё один «Магnum», отправился дальше, думая о том, что все произносят эту магическую формулу — «такая страна»... И как это — нет Романовых?.. А кто есть?.. И кто такие эти Юрьены?..

Я ходил по городу, а стыд грыз меня. Петербург — это молчаливый позорный срамный шрам на лице Германии (которой и помимо этого есть за что стыдиться). Я антифашист, мы объездили все концлагеря. Когда я стоял в Аушвице перед черными печами, мне было до бешенства стыдно, что я принадлежу к этому преступному племени. И я поклялся перед печами, что буду полной противоположностью своих предков... Надо целовать камни этого блокадного города, как это сделал Раскольников, о котором Вы нам рассказывали с такой теплотой... Конечно, не в центре, чтобы не повели в милицию... Лучше всего в садике или на кладбище... Есть, говорят, специальное...

И что вообще нам было надо в России?.. Неужели ни один генерал не осмелился развернуть перед Гитлером карту и сказать, что да, мой фюрер, до Урала мы еще кое-как доберёмся, людей и бараньих тулупов хватит, но за Уралом открывается сибирская бездна. И воевать в России можно только с мая по октябрь. А зимы?.. А провиант, логистика, подвоз снарядов по бездорожью в тундру?.. А плачевный опыт Наполеона, Чингисхана, Карла и прочих?.. Ничего нельзя сделать со страной, которая сама с собой ничего сделать не может!.. Анархия лежит в сердцевине руеской души, её не подавить порядком... Поэтому, мой фюрер, не лучше ли заняться тем, что поблизости, под рукой, и оставить Московию в покое?.. Есть же Польша, Чехия, Прибалтика... Посылал же геноссе граф Шуленбург из Москвы отчаянные телеграммы о том, что вторжение в Россию будет гибельным и губительным для Рейха, приводил четыре

пункта доказательств: безграничные просторы, неисчерпаемые ресурсы, мощь Красной армии и стойкость советского народа?.. Говорил же фон Риббентроп, что Кремль лучше держать в сторонниках, нужно только поласковее обращаться с ним, не дразнить, а задабривать уступками и дарами, как других восточных владык?.. Не лучше ли, великий фюрер, начать прополку с нашей картошки, а звезды оставить в покое?.. Ведь Московия — это недосягаемая звезда, смутный мираж, мутный миф без конца и начала... Разве миф можно победить? Разве мираж подвластен разуму?

И поделом было нам потом, после войны. Отец рассказывал, как в поствоенной Европе, узнав, что немец, — плевали, били газетами, а то и кулаками по лицу, пинками изгоняли из кафе, из отелей, отнимали деньги и кошельки; отец сносил всё, но думал про себя: «Я же ничего не сделал, я, лично... меня за что?..» Обида, унижение, покорность... Заслуженно.

Кое-как добравшись на такси до Виталика, я застал их на диване — они в четыре мобильных телефона звонили по каким-то фиктивным номерам. Подушки валялись на полу, в комнате крепко пахло потом и чем-то сладковатым. Я открыл окно и угостил их пивом, купленным в ларьке возле дома, о чем и предупредил, но Виталик махнул рукой:

— Пиво закрытое, баночное, авось не подделано... Или только если у вас в Германии не заёршили... где-нибудь в Карлсруэ... Помнишь, мы смеялись на семинаре, как правильно говорить — Кларсруэ или Сралсклуэ?.. Ну, как в Эрмитаже было? Узнали, что не наш?.. Ну да, у них глаз-алмаз... Вот покажи, как ты будешь брать билеты на поезд в Москву, — там, кажется, такая же история, для иностранцев дороже! Что будешь говорить?.. Вот подошел к кассе, говори!

Я сосредоточился:

— Добрый день, будьте уже добры, пожалуйста, одна карта 2-й класс до Москвы, на одну сторону... — на что

Виталик стал смеяться, а Настя проделала волнообразные движения:

– Нет, дружок, такие сопли не канают. Скажешь без всяких прибабасов: «Один до столицы». И цыкнешь так... зубом... Как мужики после мяса делают... И хватит.

Потом мы начали заниматься мелкими делами – Виталик и Настя вернулись к телефонам, а мне надо было зарядить мобильник, переложить кое-что в багаже, записать впечатления, диалоги и новые слова. Да и полежать неплохо – ноги нудели после прогулок...

Настя не могла куда-то дозвониться, волнообразно, словно под водой, грозила кому-то трубкой, Виталик допил со мной пиво, спрашивая, что я видел и с кем говорил. Я отвечал, что с таксистами: они все говорят про бабло и ругают власти и дороги, и у нас в Германии тоже таксисты всё ругают, на что Виталик заметил, что «вам до нас далеко, тут бабло пилится безжалостно, до крови», и вспомнил притчу, которую мы вместе с ним учили на Вашем семинаре по сакралу о квазиумном мужике, который – вместо того, чтобы убрать огромный камень, который лежал посреди площади и мешал езде по городу, – предложил выкопать рядом с камнем большую яму и свалить камень туда, с глаз (сглаз?) долой, закопать. И все были поражены его смекалкой, кричали: «Знай наших! Можем, если захотим!» Тут же первым делом устроили пир на весь мир, наградились медалями, три дня плясали и пели, мужика посадили на высокое крыльцо, выдали туесок монет, бурдюк водки и фамилию Умнов. Но скоро пошли дожди, земля над похороненным камнем начала мокнуть, мякнуть, мяукать под шагами, проседать и мешать теперь уже не только езде, но и ходьбе по городу. И надо было снова раскапывать землю, вытаскивать камень... А где этот мужик Умнов?.. А он к тому времени свой бурдюк опустошил и в ус не дует – что с него взять?.. Наказали тем, что высекли и переиначили в Тупицына, потом нашли другого умника и начали пилить бабло по новой...

Потом Виталик сказал, что он должен сегодня встретиться с граммар-наци в 10 часов на Невском и мне при желании можно будет познакомиться с этими людьми, а в 12 часов уехать в Москву на последнем поезде. Так и решили. Виталик с Настей заперлись в ванной, а я уложился на лежащий матрас и затих на пару часов.

В кафе на ул. Рубинштейна Виталик направился в угол, где сидели два молодых человека. На голове у одного — фуражка, из-под которой вылезал конский хвостик, другой — с бритым черепом. На столе — два бокала: один — с желтым соком, другой — с бесцветной жидкостью.

Пока шли, Виталик коротко пояснил:

— Этот, в фуражке — у них главный, а другой — писарь или типа того...

Около стола он дружественно сказал:

— Хайль! Вот, привел вам еще одного члена, интернационального! Манфред Боммель, германец! — Так я был представлен типу в фуражке, с недвижимым холодным лицом в родинках, одет в плащ-накидку без рукавов, но с нашивкой:

GRAMMAR NAZI

Высунув из прорези плаща руку, он подал влажную длинную ладонь и буркнул, высокомерно приоткрыв векастые глаза:

— Многим благодарны. Исидор Пещеристый, региональный гауляйтер, прошу покорно садиться.

Писарь с узкими губами, оставив бумаги, воткнулся в меня глазами:

— Мы хорошим людям рады, тем более германцам! Читать-писать по-русски умеем?

Виталик, опередив меня, поспешил заверить:

— Еще бы! Магистр! Бакалавр! По-русски так шпарит — нам не угнаться.

Писарь покивал:

— Грамматик махт фрай!.. Я Фрол Ванюкин, штурмбанн. — У него были белесые глаза и какой-то переплюснутый, слоистый, узкий лоб. Рядом на стуле строго разложены пачки бумаг. — К нам вступать будешь?

— Это да. Виталик говорил-сказал, вы глаголы... это... ликвидовать... — Я растерялся, вдруг не понимая, всерьез это всё или так, шутка, и хотел для верности еще добавить, что мой предок Генрих фон Штаден служил у Грозного в опричниках, а потом сбежал и написал книгу «Записки о Московии» (о чём я знал со слов мамы, а та — от своей бабушки), но решил воздержаться пока от этого.

Исидор подергал плечами, поправляя всякие хлястики с железными пуговицами (пальцы у него были длинные, аккуратные), снисходительно спросил:

— Откуда вам известен наш великий язык?

— От бабушки... Бабаня... В гимназии учил... Потом еще учил... От ученья светло...

— Ученье — свет! — поправил Фрол, но Исидор остановил его:

— Не мешай, боец, тут кадр интересный...

— А, кадр, вот и сказали!.. «Кадр» — это разве русское слово?.. — довольно заулыбался Фрол, а нам объяснил: — Мы поклялись чужестранные слова не говорить, не то плати подать! — с чем Исидор соизволил согласиться:

— Ну ладно, виноват, сорвалось... Экземпляр... Хм... Тип?.. Субъект?.. Нет, тоже оттуда... из-за бугра... Черт, куда ни сунься, чужие словеса. — (Фрол с некоторым злорадством следил за начальником.) — А, вот, нашел — «существо»! Или «личность»! Лады, с меня столярник в кассу... А дай-ка нашему магистру письменный испыт, пусть напишет диктовку...

— Диктат? — уточнил я.

Исидор внимательно, почти угрожающе посмотрел на меня:

— Нет, диктант! Диктат — это из другой оперы, этим мы потом займемся... — а Фрол пододвинул мне лист:

— Ну, мил-человек, бери, пиши... Готов?.. — и стал очень напористо читать: — Ти-шэ... шээ... мы-шы... шы... кот... кот... на кры... шы...

Я автоматически начал писать, от волнения вдруг позабыв все правила — так со мной бывает: когда волнуясь, вдруг оказываюсь в ступоре — ничего не могу вспомнить: белый лист тёмным покрыт... как скатерть-самооборонка... И слова в голове дwoятся на слоги, не поймать... Хорошо, что наша учительница фрау Фриш заставляла нас в гимназии писать со слуха, говоря, что это вводит детей в транс... А всё равно правильно говорить «диктат»...

А Фрол долбил дальше:

— ...а ко-ко... тя-тя...та... ешш...ешшо... вы-ы-шэ-э...

Я сумел кое-как написать это предложение. И дальше, про объёмистую свинью, которая съела под елью съедобные объёмные объедки съестного, и про жирных ежей и мышей, которые с раннего утра шуршат в тихой глуши, возле межи, где камыши и ужи...

Исидор, тихо поговорив по делу с Виталиком (краем уха я отметил, что разговор состоял только из запрещенных слов — «плата», «карта», «мемори-диск», «интензо», «корпус»), теперь, брезгливо прикрыв один глаз, следил за мной, тихо напевая:

— М-м-м... Разряди заряды гнева, заряди наряды ласки... чтобы сразу, без указки... словно в сказке...

— Гимн для партии сочиняет, — шепотнул мне Виталик.

Но когда Фрол начал диктовать: «Пачка чёрного чая упала чисто реально нечаянно навзничь» — Исидор, открыв второй глаз, сквозь зубы спросил:

— А ты уверен в этом предложении, боец? — на что Фрол бодро откликнулся:

– А чего?.. Эти, как их... наречия проверяем, оптом, скопом!

– Ну-ну... м-м-м... заряди заряды риска... чтоб потом из списка...

Когда я закончил, Исидор развернул к себе бумагу, прошёлся по ней взглядом, кое-что исправил, но был в целом доволен:

– Ничего, сойдёт... Это же надо – немец, а так хорошо пишете! Весьма похвально! Вас надо на акции брать, чтобы ущербные чурки видели пример...

А Фрол решил проверить меня еще и устно:

– Ну-ка, разгадай-ка загадку, кто это: «Идёт в баню чёрен, а выходит красен»?

Я решил, что это – русский мужик: жизнь заела до черноты, идёт в баню, выпьет крепко – и выходит красен. Виталик предположил, что это может быть какой-нибудь депутат: во власть идёт с чёрным налом, а обратно выходит с красным капиталом.

– Какой же это красный капитал? – ехидно спросил Фрол. – С кровью, что ли?

– Ну, народное добро, красное...

– Глубоко копаешь. – Исидор улыбнулся поощрительно, углами губ, как паралитик, и решил мне помочь: – Ну, не угадали?.. Что люди с пивом любят?

Я растерялся:

– Что?.. Солёные брецели¹... то есть пруники... нет, куржики... бубулики...

– Это у вас там, в Европиях. А у нас?

– Водка?

– Это само собой...

– Ну, такое, с большими лапами, по реке ползает, – подсунулся Фрол, чем привел меня в полный испуг:

– По воде ползает?.. Только Езус Кростус... Христос... Христоса с пивом любят? Поэтому «дай бог» говорят? – (Я вспомнил какой-то русский фильм, где всё

¹ От Brezel – крендель (нем.).

время на берегу реки чокались стаканами и говорили: «дай бог», «не дай бог», «с богом», «под богом», «перед богом» — и дальше, по всей парадигме.)

Исидор колыхнулся, приподнял фуражку, вытер рукой волосы (черно-золотая кокарда блеснула и погасла), сказал Фролу:

— Видишь, где недоработки у тебя, боец?.. Надо сказать «по дну реки»... И какие у рака, скажи на милость, лапы?.. А?..

— Это я так сказал, чтобы иностранцу понятнее было, «клешни» он знать не может...

— Ага, Фролушка, как раз он понял — зверь с лапами по реке ползает... Ты еще ему Афанасия Никитина процитируй, про землю Египет, где в Нильской реке крокодилы злючи, горбаты и зубаты, он сразу поймет...

«О, Фролушка! Исидорушка!» — умилился я суффиксам и вспомнил:

— Вот Виталик... Вы декреты, чтобы глаголы... решить?..

Исидор согласно кивнул:

— Да, хотим переделать кое-что...

— Еще можно вот про суффиксы... декрет, чтобы свободу, совсем...

Исидор почему-то насупился:

— Это какие же суффиксы имеются в виду?

— Ну, всякие... стеклянный-оловянный-деревянный... всякие -нька, -онька, -ушка, -юшка... Я их обожаюсь... Я от них млею... или мелею?... омлеты...

— Так они ж и так свободны, насколько мне известно?

— Нет — чтобы совсем, до конца! — Я не знал, какой пример привести, но тут осенило: — Ну... Ну, например, нельзя же сказать «Исидорочка»...

Исидор мрачно усмехнулся, а Фрол льстиво произнес:

— Сказать-то можно, да вот говорить никому не советую...

– Вот! Это я хотел! Чтоб свобода! Декрет! Это даст краски... О, я люблю русского языка!.. Такие суффиксов нигде в мире!.. Я специально осмотрел... – разволновался я.

Исидор что-то записал поверх моего диктанта:

– А что, можно подумать, идея здравая... Чем больше свободы – тем лучше!

Я с воодушевлением поддержал его:

– Да. Полно свободы! Свободище! – и стал доказывать, что всегда должно быть место для импровизации, а то сейчас что выходит: если ты муттершпрахлер¹, тебе всё позволено, у тебя есть право говорить, как ты хочешь, а если ты иностранец, то должен говорить «правильно», «по правилам», а где грань между ошибкой и импровизацией?.. Всё время слышно: «Так нельзя сказать-говорить», – а если мне так больше нравится и если я считаю, что мои когнитивные процессы так будут выражены в полном объеме?..

– Во чешет! – покачал Фрол уважительно головой. – Молоток! – а Виталик приосанился:

– Я же говорил, кентяра мой – магистр! Скоро бакалавр!

– Вот, кентяра, суффикс «ара-яра»! – обрадовался я, а Фрол повторил:

– А, бычара, котяра... Понятно!

Чтобы сделать приятное Исидору, я напоследок сообщил, что древнее имя Исидор восходит к богине земледелия Исиде, на что он удовлетворенно поправил фуражку:

– Конечно, это тот, кто ниву пашет, почву возделывает. Землепашец!

– Нивопащец! – подтвердил я.

– А по-нашему Сидор, – некстати вставил Фрол. – Взял сидор – да и пошел!

Исидор окатил его брызгами неприязненного взгляда:

¹ От Muttersprachler – носитель языка (нем.).

— Но-но!.. А что, сильно! Нивопашец! — и стал напевать: — Пашет ниву языка... Видит всё издалека... В плен берет «языка»... Нет, два раза слово «язык» плохо, хоть и с кавычками второй раз... Да, Фролушка, с кавычками, точками с запятой и прочей дребеденью тоже бы разобратся следовало... Кстати, за отсутствие тире наши радикалы в Москве одного так отделили, что три месяца в больнице провалялся...

— Чурку? — Виталик не удивился. — Чебурека?

— Да нет, в том-то и дело, что не чурку, а своего, русского нациста, представь себе... Он на стене написал «россия для русских», а наш патруль его застукал и отмутил за милую душу за то, что «Россия» с маленькой буквы написал, тире в составном сказуемом не поставил и восклицательный знак забыл. Так что эти точки-тире дорогого могут стоить... Нам всё равно, кто безграмотен, — всех на плаху уложить надо!.. Ну да ладно, дел много еще впереди!.. С вами, господин магистр, всё ясно — приняты в ряды граммар-наци! Прошу заплатить сто долларов, годовой взнос, и получить мандат и памятки!

Сто долларов!.. Я в растерянности посмотрел на Виталика, но он только как-то повёл плечами. Видя мое замешательство, Фрол начал меня успокаивать:

— Да эти деньги не пропащие, за них будешь корочку путёвую и новые вести от нас иметь, в курсах будешь, что к чему... на наш веб-сайт ходить, вот — www.grammar-pazi.ru, тут пин-код, чтоб тайные страницы смотреть...

— Вебсайт? Пин-код? — вдруг окрысился на него Исидор.

Фрол сдал назад:

— Извини, с языка слетело... страница в Сети... тайное слово... Вот еще листовки, памятки, устав, призывы, списки запрещенных слов... — Он стал брать из пачек по листу и складывать в плотный коричневый конверт. — Вот значки, нашивка на куртку, — он подвинул мне очередного орла со свастичным пауком:

Делать нечего. Я вытащил из бумажника пятьдесят долларов:

– Вот, больше с собой нету.

Фрол схватил купюру:

– Отлично, остальное потом отдадите. Теперь мы вместе! – а Исидор поинтересовался:

– Вы куда теперь?

– Я?.. В Москву.

– А, в столицу... И мы скоро там будем... там дела завариваются, акции... действия... Где жить будете?..

Я, помня о Вашем совете никому ничего конкретно не говорить, помялся:

– Точно не помню... не памятью... – но Виталик счел должным помочь мне:

– Ты говорил – гостиница «Центральная», – и мне ничего не оставалось, как кивнуть.

В кафе прибавилось народу, шум нарастал. Исидор с Фролом заспорили: можно ли делать скидки, если ошибки в диктанте допускает иностранец, или все, кто гадит язык, должны быть наказаны. «Все!» – считал Фрол, но Исидор качал головой:

– Несправедливо! Должны быть скидки... Есть смягчающие и отягчающие обстоятельства... Например, отягчающие – серийность ошибок, упорство в ереси, отказ от признания вины... А смягчающие – признание, раскаяние или если ошибки допущены в сложных словах...

Через штрафы решать, если словесных шприцрутенцов не хватит...

— Чего? Рутенцов? — вылутился на него Фрол.

Исидор искоса посмотрел на него:

— Это слово специальное... то есть особое... Такие палки, чем наказывают! Достоевского били... Вот, умные немцы выдумали! Они на такие вещи мастаки!

Мне было очень неприятно, что немцы опять выходят фашистами, но я всё-таки объяснил, что это слово значит «палочная дорога», от Spieß — копьё, и Rute — путь, что раньше в прусской армии солдата, кто виноват, гнали-гоняли, а другие должны его бить-ударять...

Исидор внимательно выслушал:

— Это типа «крестный путь» выходит?.. Понятно... В любом случае штрафы для партии лучше... Как же без податей?

Копаясь с бумагами, я незаметно включил в кармане диктофон, чтобы потом проанализировать их дебаты, которые становились все жарче: Фрол горячился в том плане, что уничтожать надо всех неучей, рубить невежество в зародыше, как учил гроссадмирал Ломоносов, а Исидор надменно водил головой:

— Не язынь... Рано еще... Не время... Не окрепли мы... Пока маскироваться... До столетия... До 17-го года само созреет... А пока брать на заметку, составлять списки... Зарядить заряды гнева... Потом враз накроем... Пойдём в полный отвяз...

Нет, настаивал Фрол, надо делать акции, громкие и крепкие — вот после московского погрома, около двух сотен новых членов вписалось, — но Исидор был твёрд — сотни и тысячи будут потом, пока рано для большого, пока надо подготовиться, задача стоит шире — надо всю голову отрубить сразу, а не гадить по мелочам, как нацболы, которые не дают людям спокойно жить, а после их идиотских акций менты активничают, хватают всех подряд... нет, надо всё разом, одним ударом поднять на воздух, а пока хачиков чихвостить да азеров

трясти – так, для тренировки, это рутина, каждодневка, быт...

Я шепотом спросил у Виталика:

– Они что взрывать? Кремль? Мавзолей? – но тот отмахнулся:

– Да нет... Так, разговоры, базары... чурок прессовать хотят...

Тут Исидор, закончив беседу («ладно, это всё потом, в рабочем порядке»), обратился ко мне:

– Скажите, господин магистр, как будет правильно – «die Grammatik macht frei» или просто «Grammatik macht frei», без die... не знаю даже, как по-русски слово «артикуль»...

Я воодушевился – это-то я знаю! И объяснил, что слово «артикуль» произошло от латинского «artus», что значит «сустав», где кости вместе сходятся, есть даже болезнь – «артрит».

– А, знаю, конечно, у моей бабушки... артрит или артроз... Значит, можно употреблять без сустава?.. А то мы спорили вчера, один читака утверждал, что надо обязательно с «die».

– Читака? Это много читает? Какое хорошее! – понравилось мне. – Видите, продуктивный суффикс «ака»! Можно еще читальщик, читулька...

Это всех развеселило, стали предлагать версии: «Читайка! Читаец! Читайчонок!» – так что с других столов уже стали посматривать на наш чирикающий стол.

Стало еще веселее, когда Исидор сказал, что этот его знакомый читака ругался на артикли и говорил, что лично он плевать хотел на все эти «der-die-das», что это просто глупые довески, которые засоряют речь, можно прекрасно обходиться без них, поэтому он положил на артикли с большим прибором.

– Как глупые подвески? Большой прибор? Артикли – это как по-русски концы слов, они слова связывают так-так, *zusammen*¹, – показал я руками, забыв от возмущения

¹ Вместе (нем.).

ния русское слово. — У вас сколько их?.. Всегда окончания! Никто помнить не может... В школу, в школе, обо школе, в школой...

— Ну и ты положи с прибором на эти окончания, не переживай, — успокоил меня Фрол, но я не успокаивался:

— Без артикля сказать-говорить — это лингвистичное неряхство, да... Если эта читайка так положила свои подвески, то я тоже... ложить-положить-покласть...

Тут в зале появились ребята с нашивками «GN», подошли к нам, обступили, стали что-то шептать на ухо Исидору, передали мятые деньги, тут же исчезнувшие под плащом. У одного парня рука была обмотана платком в крови, на куртке другого я заметил пару свежих блестящих неприятных пятен. От ребят пахло то ли пылью, то ли асфальтом.

Подходило время отъезда, надо еще взять билет.

— Ну, нам пора! До встречи! Удачи! — Мы подняли руки, они ответили короткими косыми взмахами — «хайль!» — что меня испугало, я оглянулся — но никто не обратил внимания.

— Ребята умные, образованные, перспективные, — не очень уверенно говорил Виталик, провожая меня до вокзала (ему явно было неловко из-за этих долларов). — Скоро в Думе место выкупят, тебя не забудут. У себя в Германии отделение партии откроешь...

— Какое? У нас такая символика — нет, нельзя!

— А что такого? Нашивка и нашивка! Видишь, с каким они уважением к тебе... Всю вашу наци-структуру переняли, названия...

— Чью — вашу? Чью — вашу? — вспыхнул я (хотя пора бы привыкнуть, что всюду как только увидят немца — так сразу фашизм вспоминают). — Это не мое! Я борюсь с этим!

Виталик примирительно и как-то даже смиренно обнял меня:

— Ну, не кипятись! Удачи! Вот тут короткая дорога на вокзал, отсюда иди! До встречи!

Я пошел между пустыми ларьками и в темноте на-
ткнулся на кого-то у стены. Небритый человек недобро
посмотрел из-под шапки:

– Чего на людей наступаешь?.. Чего зенки выкатил?
Сволочуга волосатая! Пошёл на хуй!

– Укусывай за хую! – вспомнил я правильный ответ
из тех, которые мы отработывали на Ваших практиче-
ских занятиях по отводу сомнительных преамбул и по-
сылков, и, пока искал кассы, в голове выскакивали эти
вопросы-ответы из нашей «Памятки» («кто? – конь в
пальто!», «где? – в Караганде!», «куда? – на кудыкину
гору!», «откуда? – от верблюда!», «почему? – по кочану!»,
«дай? – уехал в Китай!»).

Около кассы я вспомнил наставления Виталика, но
опять промахнулся: не успел подойти к окошечку и ска-
зать «Один билет...» – как кассирша приветливо улыб-
нулась мне:

– А, иностранец! – а на мой вопрос, как она узнала,
ответила: – Так сразу же видно – подходишь и улыба-
ешься. И по дороге в урну так аккуратно плюнул. Наши
по-другому подходят... И зубы больно ровные, блестя-
щие! – А на мое немое удивление засмеялась: – Шучу!
Ну, акцент, конечно, чувствуется, а я в этом деле битая,
зять у меня из Баку, всего наслушалась... А ты? Из Риги?..
Но здесь касса для льготников, ты льготник? Нет? Пло-
хо... Ну хорошо, хочешь, выпишу билет, чтоб тебе в кас-
сах не толкаться? Видишь, сколько там народу? По-бы-
строму, без чека?..

– Да, хочу, – не понял я. – Сколько заплачивать?

– Ты какой хочешь? Люкс?

– Нет, простой...

– Ну, вот есть за 2790, повышенной комфортности,
тебе дам за 1500... Идёт?

– Ну, можно.

– Для хороших людей не жалко.

Получив билет (который она оторвала от связки, вы-
нутой из кармана кофты и спрятанной туда же, а деньги

сунула в другой карман), я был доволен тем, что начал как будто понимать, что к чему. Правил много, но их можно нарушить, если дать-давать деньги. Это, очевидно, главное правило, которое тащит за собой все остальные, это надо понимать-понять!

Около вагона в голову опять начали лезть лексемы из Вашей памятки, типа «не подмажешь — не поедешь», «жалко? — у пчёлки в попе!», «чижик-пыжик, где ты был?», «стой, попалась, птичка, пой!»... И даже такие недозволенные корневые сочленения, как «а ху-ху не хо-хо?» — вставали поперек головы и чуть не выскочили в ответ на вопрос проводницы, не хочу ли я чаю.

Я боялся, что в купе мне попадет кто-нибудь, кто будет пить водку и петь цыганские песни, как это было с одной моей знакомой ирландкой, которую еле откачали наутро. Но всё было отлично: чай — крепким, а попутчик Олег Васильевич — любезным и молчаливым: строгий молодой человек в хорошем костюме, окончил пединститут, бывал в Европе, занимается бизнесом. У него была бутылка коньяка с разными блямбами, поэтому выпил я совсем мало. Мы поговорили по-немецки обо всем и ни о чем, тары-бары-разбазары и всякие шутки-прибаутки, он интересовался, как после кризиса дела на бирже, я отвечал, что ничего, идут, наверно.

Он, оказалось, работает в какой-то инспекции, и на мой понимающий вопрос, что такое «распил бабла», о котором все говорят, объяснил на салфетке, что это делается легко и просто — предположим, в реале три таджика врыли за час в землю десять труб, а мастер с ревизором пишут: «затрачена тысяча человеко-часов, уложено сто труб, ушло десять тонн стройматериалов», после чего бабло за виртуальные трубы, человеко-часы и стройматериалы для воздушных замков делится вполне реально, всем по куску:

— Даже новое слово для этого выдумали: «освоить средства»...

— От «свой», моё? Моё сделать?

– Ну... У всех же один принцип: если трахать – так королеву, воровать – так миллион, вот и осуществляют непреклонно... – Он пристукнул по газете, которую читал: – А чего вы хотите? Вот, – зачитал он, – пишут, что Россия плотно сидит в десятке стран с самыми опасными условиями ведения бизнеса, а по уровню коррупции заняла 154-е место в мире, на двадцать позиций хуже Зимбабве...

– Почему такое?

– По-русски читаете? Есть такой журналист-камикадзе, Пионтковский – вот он пишет, прочтите заключение... – И Олег Васильевич развернул ко мне газету, указав на абзац, где я хоть и медленно, но прочитал про себя: – «...отсталая сырьевая экономика, которую и экономикой-то назвать нельзя – одни взятки да откаты, системная коррупция, пылающий Кавказ, вымирающее от алкоголизма и наркомании население, больная и неразвитая политическая система, эклектичная внешняя политика, движимая разными комплексами и бизнес-интересами и т.д. – это Россия сегодня, страна-деградант...»

Всё это я, к сожалению, понял и затих – сказать было нечего, только спросить:

– А почему всё такое?

Он объяснил:

– А потому, что совок 70 лет в клетке сидел, света божьего не видел. А как выпустили его из клетки – так и кинулся на деньги и роскошь, как голодный волк на мясо... Самые шустрые стали пожирать всё вокруг, ну а народ только ушами хлопал и про демократию сказки слушал... – Он помолчал, стал со вздохом собирать газетные листы: – Поэтому богатеи своих детей и внуков к вам отправляют, а тут только бабло рубят, средства осваивают... Никто ни во что уже не верит, после перестройки был всплеск, а сейчас – опять болото, только теперь уже на много лет вперед... Кстати, вот тут написано, что с будущего года вводятся новые правила для немцев, чтобы въехать в Россию, – читали, нет?

— Не читали, нет. А что?

Он зачитал с последней страницы:

— С 1 ноября 2010 года гражданам Германии для получения визы в Российскую Федерацию надо представить в посольство РФ и Германии выписку с банковского счета — раз, справку о доходах — два, документ о регистрации фирмы — три, если пенсионер — справку о размере пенсии, это четыре, свидетельство о наличии и стоимости собственности — пять... Вот наши мудаки! Вместо того чтобы пошире открывать двери, они их запирают!.. Я немцев знаю: они даже своим папам и мамам не говорят, какая у них зарплата, — что, в посольстве писать будут? Больше им делать нечего! Кто же поедет, когда всю подноготную о тебе выспрашивают?

На мой вопрос, правильно ли я понимаю слово «подноготная» — это то, что под ногами, на чём стоишь, что имеешь? — Олег Васильевич жёстко ответил:

— Нет, что под ногтями... куда гвозди загоняли... — и на мое непонимание, при чём тут ногти, гвозди и виза, объяснил, что в русском языке полно таких словечек из старых пыточных времён: — Ну, типа, тянуть жилы, гнуть в три погибели... согнуть в дугу... стоять как вкопанный... Вот говорят — «подлинная правда»... Значит, настоящая, главная, да?.. А от чего это слово идёт, знаете?

— Нет, не знаете. От «длинная»? Большая правда? Гросс?

— «Длинники» во времена Грозного — это такие просмоленные кнуты с кусочками свинца, еще от татар остались... И что человек под этими кнутами говорил, то и была главная правда... Чему удивляться? Россия всегда была большим Косово...

Где-то у него в карманах зазвонил телефон, он устроился на долгий разговор, а я лег на свою полку, хотел записать в дневник новые лексемы, но задремал под нервный тик колёс и сквозь сон слышал, как он тихо, стараясь не шуметь, подключил ноутбук, надел наушни-

1. 19–20 сентября 2009 г.

ки и допоздна вкрадчиво кладал по клавишам, побуркивая в микрофон что-то вроде:

— Вот сучка... Не идет из-под льда... Сколько же проектов можно сожрать зараз... а не подавишься ли... если что, у нас с этим строго... никаким кризисом не отговариваться...

Сквозь сон начало думаться о встрече с Машей... Я даже не успел ей позвонить... Ничего, завтра. Как это будет?.. Что?.. Где?.. Не опасно ли?.. Вот случилась же неприятность с Хорстовичем, моим приятелем. Хорошо, жив остался...

Этого парня я знаю с детства – мой папа и его отец, Хорст, вместе работают на заводе, поэтому мы называем его Берндт Хорстович. Раньше он служил в одном турбюро в Мюнхене. Его хобби были русские красавицы: стены увешаны их снимками, все фото строго пронумерованы, а в папках хранились досье – письма красавиц, его ответы, новые послания.

Это была его картотека, которую он начал вести после того, как один раз был в Москве по льготной турпутевке и дал, по совету знакомых, ради шутки, объявление в «Учительскую газету», куда было дешевле всего: «Немец приятной наружности ищет русскую женщину для серьезного совместного будущего». После того как число писем за неделю дошло до сотни, он начал составлять картотеку.

Он нумеровал письма, раскладывал по группам, клеил фотографии. В список А попадают те женщины, с которыми он переспал бы с большим удовольствием. Их фото он подолгу рассматривал, а ответы писал длинные и обстоятельные. Русского языка Хорстович не знал, но у него был помощник – казахстанский немец-переселенец из Джекказгана, раньше Евгений-Женя, а сейчас Ойген, который брал по 3 евро за письмо. Хотя многие и утверждают, что русские немцы вобрали в себя худшие черты обоих народов, этот Ойген был милый парень

без претензий и притязаний, хоть и весьма ограниченный, если не сказать – туповатый (один раз, например, удумал резать на Пасху барана в детской песочнице в центре Мюнхена при детях, отчего детей в истерике увезли на «скорой помощи», а полицейским он объяснил, что кровь уйдет в песок – и всё путём, они в Казахстане всегда так делали, с чего шум и гам, он не понимает). Список В – для женщин, с которыми Берндт Хорстович переспал бы охотно. Им писалось покороче (один евро за письмо). Самые уродливые попадали в список С, и цена им: стандартный отказ всегда одной и той же фразой: «Я чувствую, что мы не сойдемся характерами».

Письма претенденток были разные, но все содержали один и тот же мотив: вырваться, бежать! Женщины изо всех сил расписывали свои хобби и плюсы, причем очень красочно, с литературными сравнениями: Катерина, Анна Каренина, Татьяна... Были рассказы о карельских реках и берёзах, о соблазнительных таежных ночевках с ухой и грибами, о сибирской тайге (хотя слова «Тайга» и «Sibirien» для Хорстовича обозначали полный конец света, и он, бывало, смеялся в душе над дурочкой, которая верила, что он может вот так просто взять и поехать жить на край света, где, говорят, вечный лед и снег, а люди от голода едят ягоды, коренья и насекомых). Кто-то пытался заманить на Алтай, когда цветёт женьшень. Какая-то учительница немецкого языка признавалась, что с детства мечтала поцеловать порог дома, где родился Генрих Гейне, другая предлагала все свои знания и силы великой Германии, где покой и порядок в отличие от Кемеровской области, где страшно не только самой по улицам ходить, но и собаку выпускать: поймают и шапку сделают, а мясо корейцам продадут. А какая-то пожилая бухгалтер из Мордовии (сразу непоправимо попавшая в список С) страстно желала только одного: увидеть Париж – и умереть.

Хорстович не особо вникал во все эти тонкости, брал несколько раз в году отпуск и льготным тарифом

летел в Москву, где в гостинице производил осмотр и отсеивал претенденток. Заранее, из Германии, он извещал группу А и выборочно группу В (про запас) о своем приезде. И женщины ехали к нему из разных городов, заранее зная, что он — очень занятой человек и больше, чем нескольких часов, уделить не сможет.

Он тщательно брился и спускался в вестибюль. Дальше бывало по-разному: одни скоро уходили (по правде сказать, Хорстович — не красавец, и слова о приятной наружности — больше преувеличение, стандартный фразеологизм, чем реальность), но другие застревали, причем всем без исключения Хорстович читал по бумажке одну и ту же фразу: «Ti mne otschen' nravischsja, ja shenjus' na tebe». Иногда ночь делилась между двумя или тремя претендентками. Наутро он аккуратно записывал данные для визы, говорил жестами и междометиями, что надо подумать, но что он уже близок к тому, чтобы жениться именно на ней. Для большинства на этом всё заканчивалось, а он шел принимать ванну и готовиться к завтраку с очередной дамой — день был распisan плотно.

Пропустив за неделю-другую пару дюжин женщин, он улетал домой, в свой городок под Мюнхеном, где подробно и охотно, обстоятельно сверяясь с дневником и показывая фотографии, рассказывал собутыльникам о русских красавицах, на что молодые смеялись и просили взять с собой в поездку, азартно крича за пивом: «Alle Slaven sind Sklaven!»¹, пожилые качали седыми головами, а Ойген злился и грозился: «Вот был бы жив Сталин, Иосиф Виссарионович, он бы показал тебе, как русских баб портить!» — других защитников у него не было.

Всё это длилось до тех пор, пока однажды Хорстовича не опоили каким-то зельем и не обобрали, причем за грабежом последовала пара страшных дней в милиции (пока разобрались, что к чему, немецкий паспорт тоже был украден). Именно эти дни Хорстович вспоми-

¹ Все славяне — рабы (нем.).

нал с самым большим ужасом – в полусне, под каким-то препаратом, он лежал в углу «obesjannika» вместе с вонючими алкоголиками, которые обшаривали его карманы и заставляли кому-нибудь – «да хоть Гитлеру» – позвонить, чтобы привезли денег. Он просил врача, но слышал в ответ, что в трупохранилище его обязательно осмотрят...

После этого Хорстович перестал ездить в Москву.

Я его, честно говоря, не очень понимаю. Как можно за неделю переспать с двумя дюжинами женщин?.. И, главное, – зачем?.. Или я слишком застенчив, как многие немцы?.. Или мне просто не надо такого обилия-изобилия?.. Тошнить же будет!.. Много женщин вместе всегда производят гнетущее впечатление... Это как с собаками: одна молчаливая псина – хорошо, а стая шавок – уже противно...

...И чудилось под перестук колёс, что лают собаки на ночных станциях, поезд скрипит тормозами, а я, один, давно уже сижу в вагоне-ресторане, где на столы бесстыдно, как подолы у шлюх, задраны скатерти, из-под них выглядывают странные существа, похожие на улыбчивых панд; где-то уныло шлёпают лопасти вентилятора, нудно ссорятся два кельнера: «Куда нести чириш, блин?» – «А где, на хер, врулибное спурильце с алаевой такой черепёлкой?» – а буфетчица их понукает: «Скорее, мозгоклюи, свастовать потом будете, рухинный крётень ждет».

• НАЧАЛО •

В этой и последующих частях можно узнать, как я, Генрих фон Штаден, прибыл в Лифляндию, а из Лифляндии в Москву, как я пребывал там у великого князя и как милосердный Бог избавил меня из рук и из-под власти этих нехристей и опять вернул в Германию.

1. 19–20 сентября 2009 г.

Я, Генрих Штаден, сын бюргера, родился в Аалене, который лежит в округе Мюнстер, в одной миле от Бекума, в трех милях от Мюнстера, в одной миле от Гамма и в двух — от Варендорфа. В Аалене и других окрестных городах живет много моих родных, из рода фон Штаденов.

Мой отец был хорошим, благочестивым, честным человеком; звали его — Вальтер Штаден Старый, ибо мой двоюродный брат, теперешний бургомистр в Аалене, носит имя Вальтера Штадена Молодого. Мой отец скончался тихо в мире с бодрой уверенной улыбкой и радостным взором, обращенным ко всемогущему Богу. Имя моей матери Катерина Оссенбах; она умерла во время чумы.

Родители мои жили около восточных ворот, в первом доме по правую руку, если идти в город; там три дома пристроены один к другому; в них-то и жили мои покойные родители, как и подобает благочестивым супругам-христианам. Теперь в том доме живет моя сестра вместе со своим мужем дворянином Иоганном Галеном. Мой брат, Штаден Бернгард, служит пастором в Уэнтропе и викарием в Аалене.

Когда в Аалене я настолько выучился, что мог подумать о выборе профессии и намеревался стать пастором, разразилось неожиданное несчастье: меня оклеветали, будто я ранил в школе одного ученика в руку шилом, из-за чего родители наши друг на друга подали в суд.

Между тем из Лифляндии прибыл мой двоюродный брат Стефан Говенер, бюргер из Риги. «Братец! — сказал он мне. — Поезжай со мной в Лифляндию; тогда тебя никто не тронет!»

Когда мы выходили с ним за ворота, с нами вместе был мой шурин Франц Баурман. Он взял терновую ветку и сказал: «Дай-ка я взбороню дорогу так, чтобы Генрих Штаден не мог ее опять отыскать».

В Любеке я попал в дом моего другого двоюродного брата, Ганса Говенера. Этот отправил меня с тачкой во-

зить землю на городской вал. А по вечерам я должен был приносить полученные мною расчетные марки, с тем чтобы все они были налицо, когда он потребует вознаграждения от городской казны.

Шесть недель спустя, вместе с моим двоюродным братом я отплыл на Ригу, в Лифляндию. Там я поступил на службу к Филиппу Гландорфу — суровому господину, члену городского совета. И я опять должен был работать на городском валу. Здесь пришлось мне совсем горько.

Ввиду наступления великого князя с постройкой вала очень спешили. А раздатчик марок заболел и поручил мне раздавать марки. Тут я так хорошо снабдил себя марками, что мне не пришлось уже больше работать, и я мог спокойно прогуливаться по валу и осматривать его. Так я изучил, как следует насыпать или сооружать вал. Но мой двоюродный брат Стефан Говенер заметил: «Нехорошо ты это делаешь!» И я сбежал тогда и пришел в замок Вольмар.

Здесь я поступил на службу к амтману Генриху Мюллеру и принялся за изучение сельских ливонских порядков. Но меня так часто секли, что я сбежал и пришел в мызу Вольгартен.

Там хозяйка замка спросила меня: «Умеешь ли ты читать и писать?» — «Я умею читать и писать по-латыни и по-немецки», — ответил я. Ее приказчик Георг Юнге обманывал ее, поэтому она, когда мы переспали с ней и ей понравилось, предложила мне: «Я доверю тебе все мое имение; мои фогты научат тебя. Только будь честен, а я тебя не оставлю». «Но мне же только 17 лет», — возразил я. «Ничего, ты парень крепкий».

Так я стал приказчиком в мызе Вольгартен, Паткуль, Меллупёнен. Но скоро муж хозяйки скончался, взамен его появился Георг Гохрозен, который тут же выгнал меня.

Я отправился дальше и с одной лошадейю пришел в Вольмар к коменданту Александру Полубенскому, стал

1. 19–20 сентября 2009 г.

у него служить. С польскими воинскими людьми мы постоянно производили набеги на дерптский округ и к нам постоянно попадали в плен русские бояре с деньгами и всяким добром. Но добыча делилась нечестно и не поровну, я не хотел доплачивать из того, что получил раньше, и поэтому ушел от них, однако они захватили меня в городе, бросили в тюрьму и грозили повесить, но я сумел откупиться брошью, подаренной мне хозяйкой Вольгартена.

Вскоре, вдоволь насмотревшись на лифляндские порядки, которыми Лифляндия и была погублена, и видя, как хитро и коварно великий князь Иван Васильевич забирал эту страну, я собрался и ушел на рубеж.

Здесь опять пришлось мне подумать о виселице. Ибо всякого, кто бежал, изменив великому князю, и кого ловили на границе, того убивали со всей его родней; равно как и тех, кто из Лифляндии хотел бежать тогда к великому князю, также ловили и вешали. А из Лифляндии бегут теперь на Москву великие роды и там поступают на службу к великому князю.

Придя на границу, я заткнул перо для письма за шнур моей шляпы, за пазуху сунул кусок чистой бумаги и чернильницу, чтобы отговориться толмачом, когда меня схватят.

Когда я перешел границу – реку Эмбах – и пришел в укромное местечко, я написал знакомому Иоахиму Шрётеру в Дерпт, чтобы тот запросил великого князя; и если великий князь даст мне содержание, то я готов ему служить, а коли нет, то я иду в Швецию; ответ я должен получить тотчас же.

За мной выслали одного дворянина, Аталыка Квашнина, с восемью всадниками. Он встретил меня приветливо и сказал: «Великий князь даст тебе все, что ты ни попросишь».

Когда я пришел в Дерпт в крепость к наместнику князю Михаилу Морозову, последний жестами выказывал мне свое расположение и сказал: «От имени вели-

кого князя мы дадим тебе здесь поместья, если ты пожелаешь служить великому князю. Ты ведь знаешь лифляндские дела и знаешь язык их». Но я возразил: «Нет! Я хочу видеть самого великого князя!» Тогда наместник расспрашивал меня, где теперь польский король. «В Польше я не бывал», — отвечал я на это.

Тем временем ямские лошади и с ними один дворянин были уже наготове, и в шесть дней я доехал на ямских от Дерпта до Москвы.

Там я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя. Тогда же мне разрешили открыть корчму и немедленно выдали «память», или памятную записку, — на основании ее каждый день я мог требовать и получать полтора ведра меда и 4 деньги кормовых денег. Тогда же мне выдали в подарок шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой.

По возвращении великого князя на Москву я был ему представлен, когда он шел из церкви в палату. Великий князь улыбнулся и сказал: «Хлеба есть», — этими словами приглашая меня к столу. Тогда же мне и дана «память» в Поместный приказ, и я получил село Тесмино со всеми приписными к нему деревнями.

Итак, я делал большую карьеру: великий князь знал меня, а я его.

Тогда я принялся за учение; русский язык я знал уже изрядно.

Из наших при дворе великого князя было только четыре настоящих немца: два лифляндских дворянина: Иоганн Таубе и Еларт Крузе, — я — Генрих Штаден — и Каспар Эльферфельд; этот последний был в Германии в Петерсгагене ланд-дростом и доктором права. Сердца обоих лифляндских дворян лежали к польскому королевству, и в конце концов они ухитрились со всем своим добром, с женами и детьми добрататься до короля Сигизмунда Августа.

Каспар Эльферфельд видел, как я наживал большие деньги корчемством (русским великий князь запрещает держать корчмы), а потому он решил отнять их от меня и устроил следующее. Взял ларь или сундук; снизу в дне прорезал отверстие, положил туда несколько платьев и других вещей, взвалил все это на сани, запряг лошадей и послал с санями на мой двор двух своих слуг. Они остановились у меня в корчме, стали пить. Тем временем Каспар Эльферфельд поехал на Судный двор и бил челом судье, будто бы люди его, выкравши у него несколько тысяч талеров, сбежали со двора. А теперь-де он узнал, где они укрылись. Пусть судьи дадут ему, как полагается, целовальников и приказных, чтобы доказать преступление. В Русской земле все люди имеют к таким делам большую охоту, поэтому тут же и дали, что он просил. Затем Каспар Эльферфельд пришел на мой двор, как-то странно переодетый, а целовальники и приказные нашли, конечно, и его якобы сбежавших слуг, и сани с лошадьми, и сундук. Меня тогда в корчме не было.

Все были довольны, но Каспар Эльферфельд захотел дать волю своему высокомерию; с досадой он поднялся вверх по лестнице в расчете найти меня в горнице, но мой слуга Альбрехт оглушил его и сбросил вниз. Целовальники и приказные забрали Альбрехта вместе со слугами, санями и лошадьми Эльферфельда и поволокли всё на Судный двор. Перевязанный сундук со всем, что в нем было, был также притащен на суд.

Тогда Каспар начал свою жалобу: «Государи мои! Эти слуги мои украли у меня 2000 рублей и с ними укрылись во дворе вот этого человека, где я и нашел их в присутствии целовальников. Денег в сундуке нет! Давай мне назад мои деньги!» Но Альбрехт отвечал: «Нет у меня твоих денег!» — «Твой господин, — продолжал Эльферфельд, — держит корчму и много там бывает убийств». — «Позвольте мне, — возразил мой дворецкий, обращаясь к судьям, — прямо отсюда, так, как я здесь стою, пройти на его, Эльферфельда, двор. Я хочу доказать, что у него

в подклетях или под полом лежат мертвые тела». Тогда тот струсил, а судьи были очень довольны.

Узнав об этом, я несколько не испугался, ибо знал, что Альбрехт действительно докажет сказанное. Я быстро собрался, поехал, сам стал на суд и обратился к боярам: «Вот здесь я сам! Отпустите моего дворецкого». Эльферфельд косо взглянул на меня, я на него — дружелюбно. Бояре же сказали нам обоим: «Договаривайтесь друг с другом». — «Я готов», — отвечал я.

Итак, мой дворецкий был освобожден, оправдан и отпущен, а я поехал вместе с Эльферфельдом на его двор, где сказал ему: «Любезный земляк! Я прошу вас дружески, возьмите у меня сколько вам угодно и оставайтесь моим приятелем и земляком». — «А сколько же вы готовы дать?» — спросил тот. «Двести рублей», — ответил я. Этим он удовлетворился. «Однако, — продолжал я, — у меня нет сейчас таких денег». — «Так напишите расписку — я готов поверить вам на год». Я написал ему расписку и приветливо передал ее.

Затем мы оба поехали на Судный двор. Здесь мы поблагодарили бояр, и Эльферфельд сказал им, что он удовлетворен. Я заплатил сколько нужно судебных издержек, после чего разъехались — он на свой двор, а я на свой. Он радовался. Да и я не печалился: он мечтал о том, как получит деньги, а я о том, как бы мне его задушить.

Но скоро Эльферфельд возвратил мне мою расписку, потому что около меня было много сильных людей, и он видел, как на его глазах я выполняю ответственные поручения великого князя. За одним обедом я встал и сказал ему громким голосом: «Каспар Эльферфельд! Я порешил убить тебя на площади у твоего двора за то, что ты так не по-христиански со мной обошелся». Этого тучного и богатого господина, обучавшегося юриспруденции, я ударил этими словами прямо по сердцу, да так здорово, что он оробел смертельно и, не говоря ни слова, поднялся, ушел и принес мне обратно мою расписку.

Кончил он плохо. Во время чумы великий князь послал одного дворянина в Москву, чтобы переправить Каспара Эльферфельда в места, не тронутые чумой. Между тем Бог послал на Каспара чуму: он умер и был зарыт во дворе. Тогда я просил одного из начальных бояр, чтобы он разрешил мне вырыть тело и похоронить его в склепе, который покойный заранее приказал выложить из кирпичей вне города в Наливках, где хоронились все христиане, как немцы, так и другие иноземцы. «Когда пройдет чума, — ответили мне, — тогда это можно сделать».

Великий князь приказал выдать мне грамоту, что русские могут вчинять иск мне и всем моим людям и крестьянам только в день рождества Христова и св. Петра и Павла. Но всякий остерегся бы сделать это. Ведь жил я все больше на Москве и был близок великому князю.

Вообще если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают, зачем он пришел. Все его сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно отправляют на ямских с дворянином к Москве, куда доставляют его в 6 или 7 дней. В Москве его снова тайно и подробно расспрашивают обо всех обстоятельствах, и, если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Не смотрят ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы. В Москве также в день приезда выдают ему «кормовую память», т.е. записку о кормовых деньгах.

В Москве устроен особый двор, где ставят мед вареный и невареный. Здесь все иноземцы ежедневно получают свои кормовые деньги согласно с «памятью» — один больше, другой меньше.

Ему же выдается «память» в Поместную избу или приказ о том, что великий князь пожаловал ему 100, 200, 300 или 400 четвертей поместья. И уже сам иноземец должен приискывать себе поместье и расспрашивать там и здесь, где какой дворянин умер без наследников или убит на войне. В таких случаях вдовам давалось немного на прожиток. Затем иноземцу отделялось по книгам по его указанию. Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему даются деньги. Еще некая сумма денег жалуется ему на обзаведение. Вместе с тем жалуется ему платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями. А когда иноземец снимал жатву, с него вычитывали кормовые деньги.

До пожара Москвы великий князь давал обычно иноземцу двор на Москве; теперь же ему дают дворовое место в 40 саженой длины и ширины на Болвановке за городом, если только он из конных немецких воинских людей: пешие в счет не идут. Это место ему огораживается, и иноземец волен здесь строиться, как ему угодно. Если же он попросит у великого князя на постройку дома, ему по его ходатайству выдается еще кое-что. Во дворе он волен держать и кабак: русским это запрещено, у них это считается большим позором.

Иноземец имеет еще годовое жалованье и по всей стране освобожден от таможенных пошлин вместе со своими слугами.

Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвиняли их, кроме двух сроков в году: дня Рождества Христова и Петра и Павла. В грамоте писалось еще имя особого пристава, который только и мог вызвать на суд иноземца в эти два праздника. А если приходил другой пристав, имени которого не значилось в грамоте, и требовал иноземца на суд, то иноземец был волен на своем дворе пристава этого бить, одним словом, обойтись с ним по

1. 19–20 сентября 2009 г.

своему желанию. Если пристав жаловался на иноземца, то сам же и бывал бит или как-нибудь иначе наказан. Иноземец же имел право хоть каждый день жаловаться на русских. Так великий князь узнаёт все обстоятельства всех окрестных дел.

2.

21 сентября 2009 г.

Переезд в Москву. Обед в кафе.
Ветераны. История деда Адольфа.
Надо идти в контору

• ПРИКАЗЫ •

В Москву приехали рано утром. Голова была не свежа — коньяк еще запуская в неё свои коричневые иглы.

— Гостиница «Центральная»?.. Там же ремонт, кажется? — сказал таксист и справился по связи с диспетчером. — А, понял... Понял... Понял... — а на мой вопрос, в чем дело, объяснил: — Перенесли на время ремонта... Да не сказать, чтоб уж очень близко...

Пока ехали в гостиницу, я смотрел в окно. Да, в моих гимназических учебниках всё было правильно описано: «Москва — это большой и красивый город с высокими домами и зелеными парками. По широким улицам Москвы бегут трамваи, автомобили, автобусы, а под городом идут поезда метро. На поездах метро тысячи людей утром едут на работу, а вечером — домой, в театры, в кино и клубы»...

Да, но отчего такие широкие улицы? Неужели раньше, во времена Ивана Грозного и Петра Большого, строили такие широкие улицы?.. Ведь и людей было мало, и машин не было... Не могли же цари предвидеть автобум (пусть Исидор простит мне это слово)?...

Я решил спросить об этом шофера, светлого крепыша в клетчатой ковбойке нараспашку, с крестом на шее. Он весело ответил:

– Иван сидел в Кремле и носа из-за стен не высовывал, как и эти сейчас!

Я возразил ему, что Иван Грозный был кровосос и кровопей, народ притеснял, я много читал про это.

– Кто ж не притесняет?.. Уж он-то, конечно, кровь пил будь здоров, без вопросов, но и о державе заботился – вон Сибирь прирастил, татарву в Казани усмирил, всякую чухну на место поставил... А эти только растаскивают, от Сибири скоро ничего не останется... Тут такое дело – пока кнутом не врежешь – мужик не чешется. А правда, что в Германии его Иваном Страшным называют – Иван дер Шреклихе?

– Да, Шреклихе, Страшный. А вы... откуда узнаете? – удивился я.

Шофер продолжал прикидывать:

– Наверно, для нас он был Грозный, а для вас – Страшный.

– Может быть. А как знаете?

– Да еще со школы в голове застряло. Мы нем-язык учили. Знаешь, бывает, что-то западет куда-то туда, завалится далеко и лежит там до поры до времени...

От такого обилия глаголов и наречий голова пошла кругом, но я ответил:

– Да, понимаю.

– А Иван мужик суровый был, беспорядка не терпел... А знаешь, почему он своего сына ужокошил?

– Кокоша? Сказка? – вспомнилось что-то смутное про крокодила.

– Какая сказка – реально убил! Ну, в музее еще не был, картину Репина не видел, нет? Он еще такими дикими глазами смотрит...

– За изменство? – предположил я.

– Не, за измену это Петр... и Тарас Бульба... Какое там!.. За бабу!.. Прикинь, ходит как-то царь ночью по Кремлю, не спится ему, бессонница заколебала, и вдруг видит – сноха беременная, босая, по коридору тихо пробирается... Сноха?.. Ну, жена сына... невестка, одним сло-

вом... В исподнем, брюхатая, босая, по темным коридорам шастает!.. Ну, Грозный её и отгаскал за волосья — куда, мол, сука, крадешься, людей пугаешь?.. К полюбовнику нешто, блядина эдакая?

— Эдакая? — уточнил я слово.

Шофер, заложив крутой поворот, объяснил:

— Такая, значит... Ну, так говорят: такая-сякая-эдакая... Курвятина, словом. А сын проснулся и за жену вступаться начал, царь и огрел его посохом. А чего, в натуре — отцу перечить?.. Да еще такому?.. Будь мой отец или дядя — Грозный, я бы как мышь в шоколаде катался... Не рассчитал малость владыка — или в темноте не видеть было — в висок угодил... А может, и самозащита была — сын с кулаками на него кинулся, а он жезлом неудачно отмахнулся...

— А не могло быть тут... адьюльтер между царем и этой эдакой снохой?.. А сын их увидел? — предположил я, вспомнив наших Каролингов, сплошь и рядом со своими дочерьми, сестрами и внучками спавшими.

— Может, и так... Кто царю перечить может?.. Но, полюбому, сам подрубил Рюриковичей... Вот что одна глупая босая баба сделать может! А потом пришли эти... Романовы с улицы... И началась дребедень.

— А знаете, мой прапрапредок служил у Грозного, опричник был... — сообщил я, чем вызвал его большое удивление:

— Иди ты! Как это? С какого бодуна?

— Да, он был бодун...

И я, не удержавшись, коротко пересказал ему то, что знал от мамы: этот Генрих фон Штаден родился в Мюнстере, учился на пастора, но повздорил с учителем, после чего сбежал к дяде, где научился строить крепостной вал. Оттуда, подравшись с кем-то, сбежал в Ригу (где решили возводить новый вал — на юге шевелились русские войска, было опасно). Там он жил хорошо, делал какие-то темные пушные гешефты с русскими, немало научился их разговору. Потом Ригу осадили вой-

2. 21 сентября 2009 г.

ска Ивана Страшного, стало голодно и опасно, но Генрих продолжал ночами выезжать за вал к любовнице, где и был пойман русским дозором, но сумел внушить им, что он — перебежчик, знает чертежи крепости и как раз шел к русскому царю сдаваться. Ему поверили, хоть чертежей он представить не смог, сказав, что они тяжёлые, у него в Риге под койкой спрятаны, он, если надо, по памяти нарисует или, если отпустят, принесёт. Его даже взяли толмачом и представили великому князю, которому он понравился.

Шофер слушал, открыв рот, и забыл поворот к гостинице. Пришлось ехать назад. За свою ошибку он почему-то начал ругать правительство, но так быстро и подробно, что я ничего не успел расслышать, кроме последней фразы:

— Бычати́на копы́том бьёт... Дума-Шму́ма! — отметив эту странную контаминацию («дума-шму́ма»), и, чтобы поддержать разговор, сообщил ему в шутку, что по-немецки «dumm» означает «глупый», «дурак», так что «дума» выходит — «собрание глупцов», но тут же, чтобы он не обиделся, объяснил, что так бывает в языках: вот, по-польски «уро́да» — красавица, а по-русски — наоборот. И в шутку добавил:

— Или по-немецки «херр» — это «господин», а по-русскому вы сам знаете, что...

Это его развеселило.

— У нас точно так: сколько ни думай, все один херр глупость выйдет! Даже стишок такой есть: «Как у нас на месте лобном, на народной площа́ди, калачи так славно сдобны, что наешься — и перди»...

Потом он с политики переключился на богатеев-евреев — вы, немцы, молодцы, правильно Гитлер евреев долбил, захватили весь мир, Россию растащили по кускам, своим шлюхам ненасытным брюлики дарят за народные деньги (я в эти разговоры старался не вникать — нам Конституцией запрещено слушать ругательства в адрес евреев, наговорились в свое время, хватит); он

долго перечислял фамилии на «ович» и «ский», а потом вдруг предложил «чистую телочку за полтинничек»:

— От себя отрываю, только по дружбе! Тихая, дома сидит, учится...

— Нет, спасибо великое, я свою имею, Машу! — ответил я.

— Имеешь — ну и имей, — усмехнулся он. — А то смотри — телочка первый сорт, юненькая совсем... Я понимаю: чем баба сучее и блядистее, тем её приятнее жарить, но и в целочках есть свой смак...

— Не надо жарить, — твердо отказался я.

— Ну, бывай! Генриху привет!

В гостинице, в номере за 300 евро (где, однако, не было ни мини-бара, ни халата, ни тапочек, ни расчесок в бумажных футлярах, ни шампуня) я позвонил со своего мобильного Маше, но металлический голос сообщил, что абонент недоступен. Мы никогда не говорили с ней по телефону, только списывались по Интернету, но она ведь знала, что я приезжаю... Надо бы спросить у портье, как тут правильно звонить-позвонить.

Я долго сидел у окна и смотрел на улицу. И, кажется, начал понимать, почему глаголы движения типа «ехать-ездить» такие непредсказуемые. Возможно, система глаголов просто отражает реальность, такую хаотичную. Да и когда было тут учиться ездить по правилам?.. Ни машин, ни дорог не было... Сам я за рулём с пятнадцати лет, но строго по правилам, а от хаоса прихожу в беспокойство. А все поездки в машинах тут, в России, вызывают у меня выбросы страха: гудят, летят, тормозят, подгоняют...

Конечно, в русской грамматике и так слишком много белых пятен и черных дыр, но такого произвола, как с глаголами движения, нет ни в одном из разделов. Я помню, как мне было трудно объяснить их систему Хорстовичу, когда тот, во времена своих гаремных походов на Восток, возжелал учить русский язык (слава богу,

скоро бросил, сказав: «Nicht machbar», — что можно перевести как «не делаемо», «не подлежит деланию», «невозможно для делания»).

Муки с Хорстовичем начались с первых текстов. Под одной картинкой была одна стрелка с подписью: «Дети идут в школу», — под другой — пучок стрелок в разные стороны и подпись: «Отец ходит по комнате и носит большого ребенка на руках».

«А какая разница? Почему разные слова?» — удивился Хорстович.

«В русском есть 16 пар глаголов движения, одни обозначают движение без цели, туда-сюда, а другие — с целью, временем и другими конкретными данными. Вот, “папа ходит по комнате”, это туда и сюда, из угла в угол, без цели и направления». — Я стал показывать Хорстовичу, как папа ходит, на что он хмыкнул:

«А углы — разве не направления?»

Я пропустил это замечание, продолжая изображать хождение:

«Вот, папа ходит без цели, без смысла, без дела... просто ходит...»

«Лентяй, значит», — понял он.

«А “идти” — это когда есть цель, время, что-то конкретное. Например, “мы сегодня вечером идем в театр”... или “дети идут в школу”... — Я показал, как дети целенаправленно идут в школу. — Когда даны время, цель, место. Ясно?»

Это Хорстовичу было понятно, хотя он тут же нашел картинку с двоехвостой стрелкой с подписью: «Дети каждый день ходят в школу» — и спросил, а школа — это разве не цель и направление? Почему же они не «идут», как нормальные люди, а «ходят»?

Этого я боялся. Пришлось открывать, что глаголы типа «ходить» имеют еще второе, дополнительное значение: ходить куда-то регулярно, туда и обратно (в принципе, противоречащее первому). Я, например, каждый день хожу в школу или в театр...

«Но позволь! Ты только что сказал, что папа ходит туда-сюда, хаотично, без направления, как кабан по лесу. А сейчас выясняется, что направление все-таки есть?.. Школа или театр — разве не направления?» — начал бледнеть Хорстович.

«Имеется в виду: ходил в школу и вернулся обратно, домой!»

«А что, они там, в России, не уверены, что вернуться домой? — не унимался он. — А если кто-нибудь умрёт в театре? Он тогда “ходил в театр”, туда и обратно, или “шёл”, только туда?..»

Этот вопрос тоже застал меня врасплох: «Вот если умрёт — то, наверно, пошел... однонаправленное действие... хотя... тут надо быть настороже — может, имеется в виду, что он — его тело — умерло, а душа вернулась домой и ждет, например, когда сорок дней исполнится, чтобы окончательно уйти, как известно из штудий “Верования древних славян”?.. Он пошёл в театр, а душа — ходила?..»

Тупик был полный. Еще хуже стало, когда Хорстович заметил, что в прошедшем времени надо говорить «идил», «идила», «идило», «идили», а не «шел», «шла», «шло», «шли». Я не мог объяснить, откуда пришли эти шорохи — наверное, от шелеста уходящих ступней — шшшёл, шшшёл, шшшшла... И почему «ходьба» есть, а «идьбы» нет, тоже никто не знает...

Поэтому, когда Берндт стал приставать с дальнейшими вопросами, я просто (и довольно грубо) оборвал его, сказав, что в языке нельзя спрашивать — «почему». Это так — и всё!.. Надо принять к сведению, а выразить недовольство или раздражение — очень плохой лингвистический тон, и если у твоей женщины на заднице родимое пятно, то не надо её каждый день спрашивать, откуда оно и почему. Откуда?.. От верблюда!.. Вот, например, в русском есть буква (и звук) «ё», но эти точки над ним почему-то не ставятся (никто не знает почему), но требуется, чтобы произносили там, где надо, это

2. 21 сентября 2009 г.

проклятое «ё». А я, иностранец, откуда знаю, где надо, если точек нет?.. Но я же не протестую, а просто сам ставлю точки над «ё» там, где могу... С ударением такая же история — ударений нет, а должны быть. Ну и что? Я каждое новое слово записываю в словарь с ударением — и всё! Во французском тоже все слова надо с ударением учить...

После этого первого и последнего урока упрямый, как всякий баварец, Хорстович заявил: «А все равно я буду говорить “идил”». — «Говори, что хочешь, русским это всё равно!» — ответил я.

Потом Хорстович начал капризно спрашивать, зачем ему, собственно, учить этот язык, что хорошего есть в России и где можно использовать этот язык, получив от этого пользу и прибыль. Я ему на это возразил, что он уже попользовался в России прибылью, пусть радуется, что жив остался. Но, честно говоря, я не знал, чем его увлечь. И его понять можно: что наш бургер в Германии слышит о России?.. По ТВ — одни ужасы, кошмары, взрывы, катастрофы, аварии, пожары, трупы, мафия, коррупция, отчего создается впечатление, что эта страна заселена варварами, пьяницами, аферистами, ворами, бандитами и неумелыми идиотами. Из-за этого все боятся. Логично. Кто же будет туда ехать-ездить, если только не к родным, не по большому делу, не из интереса к языку, как я, например, или как Хорстович — по женскому делу?..

Я не ел по-человечески уже пару дней. Надо выйти. Интересно, что у них в магазинах. О, я наизусть помню свой первый текст о Москве, который мы читали в гимназии на уроках русского у фрау Фриш!.. «Продукты москвичи покупают в магазинах “Гастроном”. В советской столице много таких магазинов. Там можно купить разные продукты: мясо, рыбу, масло, колбасу, сыр, сахар, хлеб, молоко, чай, кофе и т.д. В “Гастрономе” можно также получить фрукты, вино, водку и папиросы. В ма-

газинах всегда чисто. Нельзя курить. Всюду висят маленькие таблички. На этих табличках покупатель может увидеть цены на продукты»...

Но около гостиницы «Гастронома» не видно. Зато стоит ларёк унылого хлюпкого расхлябного построя. Внутри висят желтые клейкие усатые ленты с мухами. В витрине — несколько колбас, сыра, каких-то молочных продуктов. Из вин — в основном чилийские и австралийские, по десять долларов и выше (у нас такие стоят два-три евро). На других товарах тоже не русские этикетки. Как жаль!.. А я так хотел поупражняться в чтении вывесок и надписей!..

Я спросил у продавщицы, есть ли в её ларьке продукты из России. Она долго думала, осматривая полки, а потом с улыбкой сказала, ткнув себя в грудь:

— А я?! Чем плоха?

Мы посмеялись. Она поворошила макаронные изделия, нашла что-то серое, повертела в руках, но, видимо, не решилась мне показать.

— Завтра сметану завезут, белорусскую...

— А разве Белоруссия — это Россия?

— А что же еще? Америка, что ли? Братский народ, а как же? — удивилась она.

— Украина?

— Тоже, конечно. Киев ведь что? Мать городов русских! Русских, а не украинских! А вообще то, что Россия производит, в магазинах не продается! — с таинственной шутливостью сообщила она.

Я не стал уточнять, что она имеет в виду, и купил бутылку австралийского вина с кенгуру на этикетке — у кенгуру из сумки вывешивались гроздья винограда... Видно, в Австралии кенгуру дают вино прямо у себя в сумках... Дави себе лапами, сливай в бурдюки (из таких же кенгуру сделанных) и посылай в Москву, через весь земной шар (странно, что десять, а не сто долларов стоят). Неужели ближе приличного вина не нашли?

Глаза у продавщицы были добрые и усталые, я их

2. 21 сентября 2009 г.

запомнил. Они были похожи на глаза той официантки, которая все время говорила «оухохоушки» или «охохуюшки». Чтобы ободрить её, я сказал, что мне очень нравится Москва и её окрестности, и она сама тоже.

– Правда? – загорелась она. – А вы к нам приезжайте, на Вологодчину, там такая красота...

– Сделаю.

– А вы сами откуда?.. Из Германии?.. Да, слышала, что хорошо у вас там, чисто, тихо...

– Сейчас уже не так тихо... границы открыли... Евророзона ширилась...

– А, ну да, понимаю... наш брат куда придет – там себя и покажет... Ничего больше брать не будете?

– Еще вас заверните! – осмелел я.

– Не продаётся! Уже продано... к сожалению... Вот сдача. Удачи вам!

– И доброго желаю! Сдача-удача-дача-передача, да! – с удовольствием повторил я, принимая мешочек с бутылкой кенгурового вина.

Потом я решил поесть. Напротив ларька было кафе «Маковка». Внутри уютно играла музыка. За стойкой – высокая и пикантная, но безгрудая барменша (а нам, немцам, грудь важна, Вы сами на практических занятиях указывали на большие размеры грудей валькирий в немецких сагах и сравнивали их с бюстами героинь русских сказок, а студентка Дарья, попавшая к нам по обмену, так на это возмутилась, что даже задрала майку, чтобы доказать первенство русской груди, отчего мы долго не могли прийти в себя и тотчас признали её правду и победу).

Не зная, должны ли иностранцы в ресторанах платить в два раза дороже, как в музеях, я на всякий случай кивнул не очень приветливо, даже хмуро, ног о коврик не вытер и двери за собой не закрыл.

Ко мне подбежал кельнер в бабочке:

– Прошу пожаловать! Куда изволите?

– Сюда изволю.

Я сел возле приоткрытого окна. Зал был пуст. Ска-терти, приборы, цветы – всё в норме и форме. Барменша ласково полоскала плоские бокалы, они глухо пофырки-вали в воде.

В меню было несколько загадочных блюд русского генезиса, и мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить Ваши спецзанятия «Веселие Руси» (которые так любят посещать студенты и где всегда можно попробовать пи-рожки и блины). Пока читал меню, то слышал (и слу-шал), как барменша говорит кельнеру:

– Что-то хандрит наш хачик, того хочу, этого не хочу... это хо-хо, то не хо-хо, время идет, а он всё вокруг да около ходит, крутит-вертит... Вот не выдержит Ми-тюня, разнесет наш кабак за неуплату – чего тогда? Нет, не идет ему такое поведение... как бы ногами вперед не вынесли... Торчи потом где-нибудь на солнцепёке день-деньской, как пень...

Кельнер бросил через плечо:

– А ты плюнь... Нам-то чего с этого? Как работали – так и будем работать, – и подошел брать заказ.

На первое я решил заказать солянку «Поселянку» мясную, на второе – жаркое в горшочке:

– И один кофе.

– И один булочка? – кисло улыбнулся кельнер, а я вначале подумал, что он не знает, что «кофе» – мужского рода, но потом вспомнил, что есть такой анекдот, Вы нам его еще рассказывали (вообще Ваши методы обуче-ния через песни, стихи, игры, пироги и блины с водкой мне очень нравятся. Во что превратились бы без этого уроки русской грамматики?).

В окно вдруг долетел обрывок фразы:

– ...сумрачный суглинок смерти... – и я долго думал, как это понять.

Вдруг в не закрытую мною дверь вкралась кошка и деловито проследовала под столы.

– Кыш! – шикнула на неё барменша.

Но кошка, нагло вато прядая ушами, упорно кралась куда-то в глубь зала.

— Вот шкода ласкавая, хвост завернула трубой и в ус не дует! — Кельнер отправился её выгонять, а у окна остановились прикурить два парня:

— А я этой пиздоляжке сказал: если ты, крыса текучая, еще раз к Вовану навязываться будешь, несдобровать тебе!

Что это за слово — «пиздоляжка»?.. Я не успел включить диктофон, но тут же записал его на салфетке. Это очень интересно, я же в первую очередь лингвист, а потом всё остальное. Представить себе это слово в образе я не мог. Соединять два существительных — прерогатива немецкого языка, причем можно соединять что угодно с чем угодно, и смысл каждый раз будет разный, но в русском эти конструкции малоупотребимы. Но вот, оказывается, есть!..

И я стал спешно вспоминать разные русские ругательства, которым меня учил дед Адольф. Записывал их на салфетке в столбик, разбивал на части и слоги, механически соединял... «Губосиська»... «Задляжка»... «Сукожопа»...

О, какой большой спектр импровизации! Я, конечно, к такому разнообразию не привык. Как Вы нам говорили на семинаре по сакральным словам, в Германии есть пять-шесть стандартных ругательств — и всё, а в России брань — это россыпи слов, роскошь фантазии, брань носит не формально-словесный, как в Европе, а эмоционально окрашенный, душевный, даже духовный характер, хотя иногда понять, что именно имел в виду носитель языка с механико-технической точки зрения, очень сложно. Наверно, тут как раз именно такой случай.

Когда появилась прекрасно пахнущая солянка-поселянка, я был уже взмылен этой игрой, и только первые ложки целебного супа вывели меня из лингвистического экстаза. Ложки-ляжки!..

Кельнер стал двигать стулья, но кошка ушла в угол и оттуда с презрением наблюдала, как кельнер шарит под скатертями, приговаривая:

— Я тебя, сучка нырливая, найду, куда ты денешься...

Барменша тоже включилась в дело: двинулась в зал, обходя стулья плавными уворотами бедер, а я подумал, будет ли фигура моей Маши похожа на её фигуру?.. Как Вы говорили на спецсеминаре «Веселие Руси», славянки всегда высоко ценились в германских племенах, ибо вековые контакты с Востоком сделали их гибкими в ментале, нежными в орале, податливыми в анале, а германские валькирии остались теми же грубыми ведьмами, какими были, и стали еще хуже после тотальной уродоносной эмансипировки.

А какая будет моя Маша?.. Машу я представляю себе по тому отрывку «Капитанской дочки», который Вы представляли нас учить наизусть, я и сейчас его помню: «девушка лет восемнадцати, круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели»... Вы еще обратили наше внимание на эти уши — почему они горели? — и мы долго обсуждали этот вопрос. Может быть, Маша испугалась личного свидания?.. Или врала много? В Баварии говорят: у кого правое ухо горит, тот говорит правду, а у кого левое — лжёт... А тут как, если оба горят?

Я стал звонить ей, но или мой мобильник в Москве не работал, или я что-то неправильно набирал. Я пробовал и 495, и 499, и 423, и 438, варьировал с 007 — безрезультатно. Теперь голос говорит, что «абонент заблокирован». Это мне уже совсем не нравится. Утром портье объяснил мне, что совсем недавно некоторые коды сменили на новые. А когда я спросил, почему телефонная служба об этом не сообщает при звонках, он ответил: «Потому что всем всё по чесноку».

Наконец, общими усилиями кошка была изгнана, но удалилась с достоинством, подергивая хвостом, что у хищников означает раздражение, как у женщин — по-

2. 21 сентября 2009 г.

стукивание каблучком по полу (мой папа Клеменс часто указывал маме: «Не стучи, я всё понял»).

Жаркое в горшочке оказалось еще вкуснее, чем солянка-поселянка, а черный ржаной хлеб был просто фантастика!.. После сытного обеда с бокалом вина, после того, как барменша прогоняла кошку таким понятным человеческим звуком «кыш-кыш», я почувствовал, что перестал нервничать, что мне спокойно.

Да, русские еще очень добры к нам, немцам... Мы затеяли две войны, разнесли в клочья европейскую цивилизацию, устроили холокост, газовые камеры, завалили мир трупами — а отвечать за всё должна только горстка нацистов, не успевшая сбежать в Южную Америку?.. И права Бабаня, которая говорила, что мало еще Сталин немцам отомстил: «Надо было всех фрицев в Сибирь загнать и заставить там лет 50 города и дороги строить»... А то что же это выходит, в самом деле?.. После разгрома Рейха треть нацистов сбежала, треть — ушла работать в разведки мира, а третья треть — по подвалам отсиделась, как дядя Пауль, а потом вылезла. Нет, ни я, ни мои друзья не хотим иметь с этим ничего общего. «Сын за отца не отвечает» — разве не Вы много раз цитировали эти строчки?.. Вот я и не отвечаю ни за деда Людвига, ни за деда Адольфа. Но всё равно на мне — клеймо, которое я иногда ощущаю физически...

Я подошел к стойке и, указав на телефон, спросил у барменши, можно ли позвонить, а то мой мобильник не работает. Или я не знаю, как звонить... Она любезно согласилась, взяла бумажку и стала набирать номер Маши. Но безрезультатно.

— Может, вы что-нибудь напутали?.. — Обволокнув меня взглядом, она положила листок с номером на стойку. Пальцы были безукоризненны.

Кельнер тоже стал пробовать. А мне стало от этого еще приятнее — я не только не боялся никого, но чувствовал себя очень коллективно, и мы даже что-то обсмеяли вместе. А, наглуую кошку!

Вдруг из кухни я услышал чей-то окрик:

— Разомни, блин, тунца, чтоб не было катышков!..
Разомни, блин, как полагается, не ленись!

Внимание раздвоилось между барменшей и грамматикой, голова разрубилась надвое, а я впал в ступор: «разомни»?.. Разомнивать — разомнять?.. Размонивать-размонять?.. На мой смущенный вопрос, что такое «разомни», барменша красивыми руками начала делать какие-то движения:

— Ну, это так вот, на маленькие кусочки, в массу размять, туда-сюда... так и сяк... Мять... Мнуть... Рыбу размять в салате. «Тунец» знаете?

— А, давай-давай, — вспомнил я волшебное слово, обозначающее всё на свете. Но мой мозг не успокаивался — раз речь идёт о блюде, еде, то есть о неживом, должен быть винительный падеж — «разомни тунец», как «разомни творог»... Я спросил и об этом.

Барменша с некоторым интересом проскользила по мне глазами:

— Я в падежах особо не разбираюсь, другим в те годы голова занята была... но да, «разомни тунец»... звучит как-то не того... Правда, Серый?.. Хотя фигушки ты чего знаешь...

Тот согласно скривился:

— Вечно у нас всё не как у людей...

Да, тут лингвистикой не разживешься. Спрятав бумажку со злосчастным номером, я попрощался. Погулять после обеда?.. Но где и как это сделать?.. Не ходить же по улицам просто так, туда-сюда, как папа с больным ребенком по комнате... Надо куда-то идти. Но куда?.. Да и лень. После вина и такой вкусной и сытной пищи лучше вздремнуть.

Я взял свою бутылку шато-кенгуру и без происшествий добрал до гостиницы. В пустом вестибюле уборщица звонко щелкает тряпкой, её зад шевелится из-за колонны. Радио говорит где-то бодрым голосом:

2. 21 сентября 2009 г.

— Вы слушаете радиостанцию «Маяк». Московское время — четырнадцать часов. В начале программы — выпуск новостей...

В номере после очередной неудачной попытки позвонить Маше я решил записать новые смешные слова и продолжить дневник... «Фигушки» мне понравились... Помню Ваши спецзанятия по уменьшительным суффиксам, таким милым и ласковым в русском... «У маленькой свиночки — розовые ушки»... Я их обожаю — ими можно играть, как угодно, свобода, креативитет... О, все эти Енька, Онька, Улька, Алька!.. В них столько ласковой упругости, в этих голоногих девочках из дивного леса, где всегда светло и тепло...

А наш немецкий весь изрезан регламентом, у нас, немцев, ничего подобного нет — есть только два уменьшительных суффикса, «chen» — для мужского рода, «lein» — для женского, причем если слово употреблено с этими суффиксами, то оно автоматически меняет свой род и становится среднего рода, что вообще абсурд — как может предмет менять свой род?..

Такой же абсурд, как отсутствие в немецком таких нужных букв, как русские Ч или Ж, не говоря уже о Щ... Что, германцы считают ниже своего достоинства употреблять шипящие?.. А единственное наше Ш — SCH — состоит из целых трёх знаков! Что, нельзя было позаимствовать в других языках, если своего знака выдумать не могли?... Значит, звуки есть, а букв к ним — нет! А ведь в нормальном языке для каждого звука должен быть аналог!..

Или наш счёт. Кто ещё в мире считает так, как мы, наоборот — не тридцать семь, например, а семь и тридцать? Мама и Бабушка всегда считали по-русски, а папа — по-немецки, отчего у меня в голове всё это плохо уложилось, и сейчас, если я нервничаю или возбужден, я считать не могу, цифры перепрыгивают друг через друга, не поймать...

Кстати, кельнер сказал о кошке «ласка́вая», с ударением на втором «а», а я думал — «ла́сковая»... Ну, он носитель языка, ему всё можно, это другим ничего нельзя...

На глаза попался объемистый коричневый конверт с круглой печатью «GN», данный мне Фролом. (Кстати, он Фрол или Флор?... Флор Мазюкин, что ли?..) Я хотел рассмотреть содержимое конверта еще вчера в поезде, но попутчик мешал. Высыпал наружу нашивки, наклейки, бумаги... Всюду нацистская символика, буквы под готику. И они хотели, чтобы я это прикрепил на рукав?..

Так, на этом листке (бумага хорошая, плотная, глянцевая) — заголовок:

Grammar Nazi (Grammatik-Nazi, грамматический нацист, национал-лингвист, лингвофашист, грамотей-опричник) — агрессивный грамотей с врожденной грамотностью и обострённым чувством прекрасного.

«Вот куда я попал... Лингвофашист... Опричник... Знали бы они, что мой предок служил опричником у Грозного... Не с той, так с этой стороны всё равно выхожу фашист... О, а это что... как понять?.. «ГРАММАТИЧЕСКИЙ ХОЛОКОСТ. Каждый истинный граммар-наци точно знает, кто будет гореть в топках Грамматического холокоста, когда мы придём к власти. Запомни: стоит тебе употребить слово из расстрельного списка, и твое имя уже записано в Большую Черную Книгу»...»

Глупость какая-то... кто это может проконтролировать... А что здесь?.. Увесистый «УСТАВ» и «МАНИФЕСТ», 27 пунктов, их потом, позже... а, вот... декреты...

2. 21 сентября 2009 г.

ДЕКРЕТЫ

*Для облегчения жизни сограждан
разработаны следующие декреты:*

- О главенстве русского языка
- Об упразднении всех иностранных слов
- О полном упразднении твердого знака Ъ
- Об обязательных точках над Ё
- О ликвидации всех исключений
- О ликвидации корневых чередований гласных
- О приведении шипящих к фонетической норме
- О слитном написании всех наречий
- О модернизации глаголов

Надо всё это в Германию взять, в университете показать... Я начал складывать в конверт бумаги и нашивки. Они это всерьез или в шутку?

Но нашивки были сделаны добротнo, буквы и знаки прорисованы чётко, бумага дорогая, кокарда на фуражке Исидора тоже денег стоила... Значит, кто-то тратит на это средства... Виталик говорил, что лингвофашисты своего депутата хотят в Думу... Кому-то это надо... Интересно, кто тут главные?.. Вот список... Гроссадмирал Ломоносов, гроссмайстер Шишков, обергауляйтер Даль. Ну, Ломоносов, Даль — это понятно... Шишкова не слышал... Кто такой Розенталь?.. Дитмар Эльяшевич... Будь Вы здесь, Вы бы объяснили... Имя немецкое, а вот Эльяшевич... О, тут даже портрет!

А вот еще ксерокопия с какой-то газетной заметки:

Граммар-наци избили в Москве русского националиста

*Грамматическим нацистам не понравилось,
что царь пишет с ошибками.*

Очередное преступление произошло сегодня вечером в Москве возле торгового центра «Европейский».

Граммар-фюрер
Дитмар Эльяшевич Розенталь

Как стало известно, трое неизвестных избили молодого националиста за нарушение правил орфографии и пунктуации.

«Я написал маркером на стене “Европейского” лозунг “Россия для русских”, — рассказал нашему криминальному корреспонденту потерпевший, 20-летний И. Иванов. — Тут ко мне подбежали три здоровых парня, стали избивать меня и орать: “Почему ‘Россия’ со строчной, где тире и восклицательный знак, имбецил? Ты не русский, что ли?”»

По словам случайных свидетелей, потерпевший упал на землю и стал кричать, что он свой, русский. После этого хулиганы прекратили избиение и устроили проверку.

- Какого спряжения глагол «ненавидеть»?
- Что такое «ланиты»?
- Разбери по составу слово «русский»!

И когда Иванов не смог внятно ответить, преступники продолжили избиение, выкрикивая оскорбления по поводу его грамотности и необразованности.

Как сообщили в УВД Западного округа Москвы, преступников удалось задержать по горячим следам. Ими оказались выпускники филологического факультета МГУ из радикальной группировки «Национал-лингвисты Москвы», которая борется за чистоту русского языка.

«Мы ненавидим тех, кто родился в России, но по-свински относится к родному языку, неграмотно говорит и пишет, – заявил нашему корреспонденту один из задержанных. – Тот тип, который получил от нас по рогам, заслужил свое. Зачем России такие неучи? Всё, на что они способны, – это блеять всем стадом “расия впирёт”. Он правил пунктуации даже на уровне начальной школы не знает. Словарный запас скудный. Не мог он ямба от хореев отличить, как мы его ни били».

Руководство УВД ЗАО Москвы отметило, что это уже не первый случай проявления агрессии и насилия со стороны радикально настроенных филологов в отношении неграмотных представителей других группировок.

Вот это читать уже было неприятно... Значит, это всё не игра. Студенты МГУ!.. Вы нам их представляли как лучшую часть, а тут – нацисты, радикалы, выпускники... Нацисты избили националиста... А как по составу разобрать? Скажешь «рус» – корень, а «ск» – суффикс – избыток за то, что слово великое не уважаешь, где второе «с»?.. Скажешь, что корень «русс», – опять избыток, правил не знаешь, где это видано, чтобы в корне удвоенные согласные были?..

...Постепенно какие-то золотые фигурки в юбочках с оборочками стали мерно прыгать на черном батуте и кричать: «Бувырляк!.. Захурдыш!.. Ложка-Ляжка!.. Тё-

лочка-Ёлочка!.. Брагое овдо!.. Рупьян!.. Рупьян!..» – а сверху свистом и скрежетом отзывалось эхо...

...Очнувшись, я пересилил дремоту и решил выйти на воздух, где наверняка есть интернет-кафе, надо Маше написать письмо. Было часов пять вечера.

На улице опять вспомнились тексты о Москве, которые учительница фрау Фриш, похожая на костлявую рыбу, задавала нам в гимназии учить наизусть. Она родилась где-то в Союзе, её отец преподавал в школе немецкий язык, а во время войны был взят к коменданту переводчиком; когда наша армия бежала, то забрала его с собой в Германию, чтобы красные не расстреляли. Так фрау Фриш стала двуязычной билингвалкой и учила нас по старым учебникам, где всюду сияют гербы, светят серпы, бьют молоты и сверкают колосья, а по широким улицам Москвы едут автобусы и троллейбусы, пешеходы спешат по делам, а тысячи людей каждый день едут на работу, а вечером – в клубы, театры, кино, кружки и спортзалы...

И слова в этих книгах были неинтересные, скучные, не то что на Ваших занятиях по сакралу. И я считаю очень правильным, что Вы сразу даете студентам «Словарь сленга» и «Словарь русского мата», где всё объяснено. Вы же сами рассказывали, как еще студентом спорили с друзьями, как пишется то или иное запрещенное слово – например, «малафья», «малофья» или «молофья»?.. Согласен, странное слово, по структуре – женского рода с палатализованной j-основой (типа «свинья», «скамья», «эскадрилья»), множественного числа не имеет... А вот посмотрел в словаре – и знаешь. Я этот словарь всегда с собой вожу.

Я шурился по сторонам. Нигде не видно ни сквера, ни сада. Машины мчатся – подойти страшно. Что делать?.. Я решил сесть в такси и попросить отвезти меня туда, где люди гуляют. Шофер меня сразу понял, усмехнулся:

— Гуляют всюду. Смотря что вам надо и за какие деньги. А так — не вопрос.

Но при чем деньги? Хочу просто гулять-погулять.

— Просто? Как это — просто? — Шофер так удивился, что притормозил. — Без баб, без выпивки? По улице, что ли, прошвырнуться?

Я объяснил, что баба у меня есть, дозвониться не могу, выпивку я уже выпил, а теперь был бы полезен мотоцион по широким улицам столицы.

Шофер разочарованно сделал: «Пф-ф-ф!..»

— Ну, раз баба есть — тогда свезу тебя на Плешку, ха-ха, там и мальчики найдутся...

— Каких еще? Не надо совсем.

— Ну, тогда куда-нибудь на Тверскую, там есть всё. — Таксист почесал под кепкой и повез меня на улицу, которую я часто изучал на плане города, рассматривая его под лупой перед поездкой.

Ехали долго. По дороге он поглядывал на небо и бормотал что-то про смог и газы (действительно, небо было желтовато-сероватое):

— После кризиса и бабы подорожали, раньше за полтинник соглашались, а теперь бери выше... А вон на Миуссах — чем не сад?.. Вот там и гуляй, с фронтовиками беседуй — видишь, сидят, в козла режутся?.. — кивнул он в сторону сквера, где были видны седые, беретные и шапочковые головы и слышался стук фишек и костей. Дальше виден памятник каким-то военным... Хорошо бы не против фашистов...

Фронтовики? Козла режут?.. Что-то не видно дыма...

Когда я подходил к скверу, некоторое беспокойство бродило во мне, будило холодок — ведь на скамейках сидят те, кто дрался с немцами, убивали их... А вдруг среди них — Павлюша, спасший моего деда Адольфа?.. Хотя нет, вряд ли он дожил до сегодня... Один шанс на миллиард, что он сейчас сидит тут, козла режет... Дед Адольф помнил только голубые глаза и широкий нос.

Я скромно приблизился к столу, где два старичка играли в шахматы. Один, плотный, с неприятными жировиками на лбу и щеках, обмахивался соломенной шляпой и бубнил что-то так неразборчиво, что я не мог идентифицировать ни одной фонемы. А другой, худой, углый, но с большими руками, говорил чётко и раздельно, тебя остатки пуховых волос:

— Сижу, как швед под Полтавой... Что же делать?.. Выхода как будто нет... Но он должен быть... Должен...

— Ты играй, божий одуванчик, а не философствуй...

— Здравствуйте. Можно тут играть? — спросил я вежливо.

Те удивленно вlepились в меня глазами, но подвинулись:

— Пожалте!

Я присел и стал оценивать позицию.

Проиграв, божий одуванчик хлопнул в досаде по столу корявой рукой, наверняка державшей автомат, нож и пистолет:

— Пропал. Два пива за мной.

— Разрешите угостить пиво? — сказал я, как это делается у нас в Баварии. — Я немец, учу русский язык, хочу напрактиковаться тут.

— Мы гостям рады, — ответил одуванчик, подозвал парнишку и, почтительно взяв у меня из рук десять долларов, велел сбегать за пивом, да немецкого взять, если будет, а не всякой там помойки, а на возражение ленивого парнишки, что продавщица на доллары не даёт, ответил:

— Не бойсь, скажи — для нас, она и на доллары даст, и на марки, и на иены. Вот, гость из Германии...

Ветеран в соломенной шляпе спросил:

— Как величать вас?

— Моя фамилия Боммель, мое имя Манфред, можно Фредя.

— Фредя? Это хорошо!

— Да, моя бабушка русская. Она так назвала-называла меня, — объяснил я про Бабаню.

2. 21 сентября 2009 г.

Разговорились. Тот, что с шишками на лице, осанистый и осадистый, говорил очень нечётко, я его плохо понимал, о чем сразу же сообщил партнёрам по диалогу, на что божий одуванчик объяснил, что он лично успел сделать себе зубы, «пока эти мародеры все льготы не прикарманили», а вот Павел Иванович опоздал, а теперь денег на новую челюсть ему уже не дают:

— А старая разболталась, как тапка. Потому и неразборчиво.

Павел?.. На всякий случай я спросил:

— Павлюша?

— Да какой я ему Павлюша?.. Вам что, гражданин, собственно, надо? — принимая пиво и откупоривая банки, насупился Павел Иванович.

— А собственно ничего надо. — И я поспешил объяснить, что один русский солдат с таким именем спас моего дедушку во времена войны: — Я антифашист... Вы на лагере в Франции сидели?

Павел Иванович пошевелил кустистыми бровями:

— Да ты чего, сынок?.. Какая Франция?.. У нас что, своих лагерей мало было?.. Нет, я не успел. Только призывали — через полгода закончилась вся эта мясомолка. Бог миловал. А ты откуда, не из-под Риги, что ли? Там, говорят, наших ветеранов обижают?

Но я сказал, что не из Риги, а из Баварии, и что у нас сейчас никого не обижают.

— А, Бавария!.. «БМВ» хорошие аккумуляторы для танков «леопард» делал! — вспомнил божий одуванчик и стал с уважением хвалить боевые качества немецких танков.

— И для «тигров» тоже делал... Надо бы выпить за усопших, — пробулькал Павел Иванович, шевеля шишками. — Да не пива бы... Пиво без водки — деньги на ветер.

Божий одуванчик, не найдя, кого послать, осторожно и деликатно, как собака — сахар, взял у меня из пальцев 10 долларов и сам принес из ларька две бутылки водки, три стаканчика и три «сникерса».

Водки я (в отличие от других Ваших студентов) не боюсь — у нас в Баварии многие делают сами, мой дед Людвиг хранил в подвале столитровую бочку шнапса, всегда полную.

Выпили. Старики немного размякли, стали вспоминать разные случаи. Павел Иванович, тряся шишками, всё больше нападал на СМЕРШ и заградотряды, а божий одуванчик вдруг рассказал, как он в конце войны в одном селе в Германии в поисках квартир для офицеров вошел в зажиточный дом и увидел, как вокруг стола на коленях стоит немецкая семья — отец, мать и трое детей, руки связаны сзади, рты открыты, языки вытаснены наружу и прибиты толстыми гвоздями к столешнице, а на столе — кастрюля, полная нечистот... Они были еще живы, только младшая девочка умерла и висела недвижно на вытянутом розовом отростке.

Внутри всё похолодело от жуткого рассказа, а Павел Иванович насупился:

— Это кто ж такую пакость сделал?

— Не знаю. Я санитаров вызвал и дальше пошел...

Павел Иванович покачал головой, предположил:

— А само гестапо и делало, чтоб народ испугать, — дескать, вот что Красная армия творить будет, если придёт, защищайтесь против них... А, что наш СМЕРШ, что их СС — одно дерьмо. На войне ведь тоже надо уметь обращаться с мирным населением... Недавно вот кого-то присудили за преступления против законов и обычаев войны...

Божий одуванчик иронически посмотрел на него:

— Это какие такие обычаи войны?.. Гвозди в черепа вбивать, на вертелах коптить, в кипятке купать?.. На то и война, что нет никаких законов. Победитель всегда прав — вот один закон!

Скоро водка стала кроить свои узоры, подливать сил, и мне от избытка тепла захотелось рассказать им о деде Адольфе, тоже ветеране, только... как бы сказать... с другой стороны... На меня иногда нападает сильное

2. 21 сентября 2009 г.

желание говорить, говорить, говорить, ступор сменяется словесным поносом, но я с этим ничего не могу делать-сделать...

Старички оживились, закрыли доску. Выпили еще по одной – «за германо-советскую дружбу» – и приготовились слушать.

Уверен, что его история будет интересна и Вам – она похожа на судьбу того инвалидного капитана, то ли Копилкина, то ли Колайкина, о котором мы так подробно говорили на Вашем семинаре «Домострой – настольная книга росса».

Отец моей матери фон Штаден был из северных дворян, имел хорошую профессию – строитель мостов и тоннелей. На его вначале счастье, а потом несчастье, звали его, как и фюрера, – Адольф. В армию его не призывали, он был нужен в тылу. Когда нацисты взяли Польшу, сразу же стали строить дороги, чтобы побыстрее освоить эти земли. Для этого решили соединить полезное с нужным: переселить туда из Германии надёжных мастеров, чтобы они там начали наводить железной рукой чугунный порядок.

Семья деда не особенно жаловала нацистов – а кто их, кроме солдатни и люмпен-пролетариата, жаловал?.. Кому могло понравиться, что в праздники и воскресенье по домам ходит патруль и считает куски мяса в кастрюлях и поросят в хлеву?.. Если кусков больше, чем членов семьи, семья тут же бралась на заметку, следовал настоятельный совет побольше жертвовать в казну НСДАП, не то хуже будет, а поросята конфисковывались и с визгами резались тут же во дворе, по тарифу, под расписку.

Условия переезда были столь заманчивы, что Адольф с женой и дочерью, моей мамой, решил перебраться в Познань, где сразу получил чью-то огромную квартиру, хорошую зарплату и начал работать в бюро – чертить и делать расчеты.

После Курской битвы в армию пришлось забирать всех, в том числе и Адольфа, вполне гражданского человека, который ничего, кроме карандашей и циркулей, в руках никогда не держал. «Раз Адольфом зван — должен идти на фронт!» — кисло шутили домашние.

После месячных сборов, в первую же вахту с Адольфом случился конфуз: стоя на часах, он не узнал генерала и заставил того лезть в карман за удостоверением, чего генерал перенести не мог и на дружеском обеде с командиром части спросил, что это за круглый идиот, который не знает начальства в лицо: «Что, Адольф?.. Такое имя позорит! Болван! Его надо проучить». И Адольф тотчас же из-за стола был послан обучаться на минёра. Уже будучи в учебном взводе под Ганновером, он узнал, что вся его прежняя часть разбомблена в эшелоне, шедшем на Восток. И офицер сказал ему: «Счастливчик! Заново родился! Недаром Адольфом зовут!»

— Ага, судьба прошла мимо, плечиком задела, о себе напомнила... — ядовито заметил Павел Иванович, медленно выпивая водку из стаканчика.

Полгода дед учился на курсах минёров. Как-то курсанты веселились на плацу — от нечего делать надевали каски, клали на них лимонки и взрывали их, чтобы доказать надёжность германской металлургии. Недалеко от Адольфа какой-то молодой лейтенант, демонстрируя противотанковую мину, со словами: «Она взрывается, только если на неё наедет! Не меньше! Смотрите!» — в учительском рвении вскочил на мину — и был разнесен в клочья. Деда спасли тела курсантов, стоявших вокруг. «Адольф-везунчик!» — стали его называть: ведь погибло десять человек, а он не получил ни царапины.

— Второй раз судьба сигнал подала — я тут, не забываясь и не выебываясь! — Божий одуванчик разлил водку.

Первым местом службы Адольфа стала Нормандия, где он послушно минировал причалы и исправно шпи-

2. 21 сентября 2009 г.

говал смертью песок пляжей, чтобы затруднить высадку союзников. Он старался не терять бодрости духа, хотя понимал, как и все, что война проиграна.

После капитуляции он был взят в плен французами, которые тут же, в Нормандии, соорудили лагерь, согнали туда пленных, под надзором американцев вели себя с пленными сдержанно, но без американцев били и унижали, как могли. Ему перепало вдвойне — «Адольфу — тройной тариф!»

Как-то в лагерь приехал французский генерал с приказом разминировать пляжи. Но в огромном лагере было всего несколько человек, которые разбирались в этом деле. Среди этих несчастных счастливиц был и Адольф, которого генерал назначил главным, посадил на хороший паек, а в ученики дал толпу пленных немцев, понимая, что мало кто останется в живых после этих «учений».

И вот на одном уроке Адольф вытащил из песка мину, которую когда-то сам и поставил! Ему ли не помнить примет и зарубок, где что было вкопано и зарыто! Он разволновался, стал вывинчивать запал. Но запал успел заржаветь в сыром песке, треснул, и мина взорвалась у Адольфа в руках.

Какое-то время он лежал один — никто не рисковал по минному полю подходить к груде рваного мяса и белых костей. Да и какой смысл?.. Когтистыми баграми оттащили тело в яму с трупами и припорошили хлоркой — не засыпали только потому, что завтра собирались довалить её доверху трупами пленных немцев, которых французы решили гонять по минному полю, как коз — так разминировка выходила дешевле и продуктивнее. «Адольфу — Адольфова смерть!»

Под утро дедушка очнулся. Без рук до локтей, без одного глаза и без правой ноги до колена. На его счастье, он был так обильно засыпан хлоркой, что она остановила кровоток. Его заметила похоронная команда из немцев, не поленилась вытащить, хирург обработал раны, про-

извел ампутации, сказав, что хлорка дезинфицировала раны, и Адольф остался жить — но в виде полуслеплого хромого обрубка, с лицом в серых татуировках из жженого пороха.

— Вишь ты, в третий раз судьба бабахнула, но помиловала, — удивились старички и немного поспорили о том, не лучше ли сразу застрелиться, чем жить в таком виде. «Да как застрелишься, когда рук нет? И чем? И где пистолет? На Большом Каретном?»

Да, так судьба в третий раз ударила его, в него, по нему, но не переместила в мир иной, оставила в живых, что само по себе было безмерным счастьем по сравнению с полной бедой мертвых.

Около полугода дед Адольф существовал в лагере, лежа на нарах или сидя на земле около барака. Зрелище было такое жалкое, что даже французские патрули не трогали его, а другие пленные помогали ему пить баланду и спускать штаны. Когда я потом спросил его, о чем он тогда думал, он ответил: «Мысли бегали по кругу, искали выход, хотелось жить — вот и всё».

— Ну да, а как же, это всегда так, а как по-другому, не выходит никак, ни в какую, только так и не иначе, ничего другого, без никаких... — поддакнули старички цепью нарастающих наречий.

Потом были подписаны договоры, всех пленных набили в вагоны для скота и отправили в Германию. Не забыли и Адольфа. Но случилась беда — воры ночью на станции умудрились отцепить от эшелона последний вагон с провиантом, так что в Германию поезд в конце третьей недели доехал, забитый трупам.

Однако судьба в четвёртый раз выдернула Адольфа из влагилица смерти, ему опять повезло — как раненый, он ехал в лазарете, где еда для больных была складирована прямо в вагоне. А есть и пить ему помогал один русский солдат, Павлюша, хорошо знавший немецкий язык и каким-то образом затесавшийся среди пленных немцев. Он дедушку и спас — кормил и поил его.

— Да, хорошие люди везде есть, — сказал божий одуванчик, разливая остатки водки.

— И плохих тоже предостаточно... Может, шпион был какой этот Павлюша, власовец-бандеровец?.. Чего русскому было надо среди пленной немчурь? — Павел Иванович возмущенно потрянул желтоватыми жировыми соплодиями, на которые уже было совсем не противно смотреть... Напротив, как хорошо сидеть в Москве и пить водку с ветеранами... И про танки всё знают... И про войну всё понимают... Это еще Хорстович отмечал: если говорить с англичанами, французами, американцами о войне, они обычно рассказывают о том, что было с ними и с их друзьями, а русские — всегда о том, что было с немцами — тактика, вооружение, мортиры, гаубицы, подлюдки, — а о себе молчат.

Я застал дедушку Адольфа бодрым стариком, который отлично управлялся с предметами. К ноге был приспособлен особый костыль. Для еды и всяких мелких дел были специальные вилка, ложка, нож, отвертка, шило, топорик, все — с железными ободами, в которые дед вставлял свои обрубки. Тарелка стояла на высокой подставке, чтобы удобнее отправлять еду в рот. Он приспособил косу к своим культякам — и косил траву, следил за растениями, рыхлил землю. Цепочка от часов у него была приспособлена поднимать и опускать змейку на ширинке... А в особом браслете закреплялись кисточки и карандаши, когда дед выходил на природу рисовать пейзажи — он с юности увлекался рисованием. Пейзажи покупали туристы. Другими доходами деда были разные инвалидные пособия и бесплатные услуги, так что дед мог часто ездить с бабушкой на курорты, но в Нормандию ехать-ездить наотрез отказывался. «Я уже там побывал, с меня хватит, — говорил он, ловко закуривая сигарету от специальной зажигалки, — больше судьбу гневить не хочу, хватит».

— Вот именно, чего судьбу гневить?.. Ты хоть стой, хоть падай, а она свое возьмет, хоть ей, может, и не на-

до... — подытожил божий одуванчик. — Хикмет, как мусульмане говорят.

— Не хикмет, а кисмет, — поправил его Павел Иванович. — Да и то сказать, судьба — твоя хозяйка...

А я, допив из стаканчика, в душе обрадовался — ведь их выводы полностью подтверждали тезисы нашего семинара, где Вы отводили особое место апатичному пассивному оптимизму русских и даже давали список слов, связанных с этим (типа «авось, само собой, как-нибудь, обойдется, сложится, склеится, рассосётся, устроится, уляжется, устаканится»), и объясняли, что фатумность сознания людей, а также их традиционная необязательность произрастают из долгих зим, дальних расстояний и ненадежных дорог, когда никто не уверен, сможет ли он выйти из избы и выехать со двора, не замерзнет ли по пути, не провалится ли в яму на дороге, не попадёт ли под бандитский нож...

Я тихо сидел, растопленный изнутри водкой. Да, судьба — хозяйка, домохозяйка, человекохозяйка... Решив рассмешить их, я сообщил, что немецкие хозяйки используют словосочетание «Красная армия» — «Rote Агмее» — как синоним менструации: «завтра я жду Красную армию», «Красная армия придёт в конце недели», «неожиданно напала Красная армия», «Красная армия треплет». Да, Красная армия... получили от неё по носу так, что даже на нас, их детей и внуках, синяки не проходят.

От разговоров о дамах и месячных старички стали облизываться, шутить, что у немок срамное место расположено не как у людей — вертикально, а по-немецки — горизонтально. Божий одуванчик, заметив, что надо бы выпить сто грамм за дам, дорассказал, что они около месяца стояли в том селе, где он нашел прибитую языками к столу семью. И он, тогда молодой парень, влюбился в одну красотку немку, малолетку, но та не давалась, а он не хотел насильничать (да и приказ как раз

2. 21 сентября 2009 г.

подоспел об изнасилованиях), тем более что у неё были более податливые подружки, и за пару шоколадок можно было найти, «куда спускать отработанную жидкость». Но нет, он любил её, регулярно напивался и приходил к ней во двор, палил из автомата долгими очередями и кричал на всю округу: «Их либе дих!» Жители села упрасивали девочку отдаться ему, пока он в один день всё село не перестреляет, пастор даже деньги предлагал, уподобляя её Марии Магдалине, которая должна спасти свой народ. Но упрямица — ни в какую...

Божий одуванчик до сих пор её помнил:

— Лицо — как порцелан... Такая вся расфарфоренная! Чистый замш!.. Глаза быстрые, груди здоровые, из рубахи наружу пузырятся... они вообще сисястые, немки... ягодицы упругие, увесистые, удрученные такие... Как вспомню — так вздрогну... Так бы и пилил её целый день! Душа не стареет! — Подняв кулак, божий одуванчик блеснул глазами и стал подзывать кого-то из пареньков, вповалку сидевших в детских грибках.

Я дал еще десять долларов и хотел пошутить, что если душа не стареет, то, значит, все умирают в младенчестве?.. Мне было тепло и хорошо возле них. Не хотелось никуда идти. Им надо рассказать о фон Штадене — может, знают, где можно достать его книгу о Москве?.. Мама этой книги найти нигде не могла, просила посмотреть, может быть, тут в библиотеках есть. Надо у кого-нибудь спросить, как в библиотеку пойти-ходить...

Но ягодицы навели на мысль еще раз попытаться позвонить Маше. Металлический голос ответил, что связи нет. Как это понять — не знаю.

— Старики, а тут интернет-кафе? — спросил я.

— Какие мы тебе старики? — Павел Иванович сурово уставился на меня, а одуванчик поласкал пух на голове:

— Да кто его знает, у нас свои книги есть... А ты вот лучше скажи, правда ли, что баварцы — совсем другое племя, чем немцы? Вон Павел Иванович утверждал не-

давно, что баварцы — не немцы. — И божий одуванчик показал лапой на визави.

— Да, я утверждаю, бавары — другие. — Досасывая пиво из банки, Павел Иванович дерганул всем лицом, указывая подошедшему пареньку бутристым надбровьем на деньги: — Вот, на сколько будет. И тебе банку пива за труды.

— Пиво — на чай! — пошутил я и согласился, что, конечно, Бавария — это не Германия, а сепаратная, древняя страна: в III веке император Август завоевал эту местность и устроил там провинцию с главным городом Augusta Vindelicozum, сейчас Аугсбург, а с VIII века у нас — христианское королевство, первым королем был Пипин...

— Это какой же Пипин? Сын Карла Великого? — переспросил одуванчик, жадно посматривая в сторону ларька, где посланный паренек препирался с продавщицей.

— Да. Откуда знаете? — опешил я.

— Да знаем. А это какой Пипин — Пипин Горбун или Пипин Короткий?.. Их там много было, Пипинов-то этих... — продолжал одуванчик.

— Короткий.

Я был поражен эрудицией этих людей и сообщил, что германские голоштаные князья еще по пещерам жили, когда в Баварии уже царствовал пышный королевский двор, куда частенько навевывались в гости епископы, короли и сам папа, и никогда не уезжали с пустыми руками и рукавами. Да и говорят в Баварии на шестидесяти диалектах такого особого языка, что не понятен остальным немцам. И экономика у нас самая лучшая. И вся серьезная промышленность у нас... Словом, никто не может тягаться со Freistaat Bayern¹!

— Антифашист-антифашист, но Бавария — юбер аллес, а? — хитро подмигнул мне божий одуванчик, укладывая пух на голове.

¹ Свободное государство Бавария (нем.).

2. 21 сентября 2009 г.

Павел Иванович насмешливо что-то подквакнул, а мне стало стыдно — не следует так хвалиться, тем более что главный фашистский гнойник был именно у нас, в Баварии, — если бы его удалить вовремя, всё было бы по-другому, но баварцам речи фюрера были очень по душе... «А оттого, — как объяснил мне папа Клеменс, — что Бавария была богата и хотела стать еще богаче, нажиться на войне, как это и бывает. Не бедняки же начинают войны, а богачи и банкиры».

Обрадовавшись пиву, старички стали хвалить всё немецкое: пиво, сосиски, машины, шницели, танки, мины, аккумуляторы, порядок, дисциплину. Божий одуванчик завел разговор о группе «Аненербе», которая по Крыму искала сокровища:

— Вот эти ребята, анербы — они все из Баварии были или из разных концов Германии?

(Откуда этим простым людям известно об особом отделе СС «Аненербе», о котором даже сами немцы мало что знают?.. Мне-то от деда Людвига известно, что это была группа, которая искала по миру реликвии, связанные с теорией расизма Гобино о том, что у истоков человечества стоят две проторасы: высшая, духовная нордическая раса с Севера, и раса Юга, с континента Гондвана — звероподобные существа с низменными инстинктами. Но откуда они всё это знают?)

Я спросил об этом.

— А эти анербы в Крыму шарили, мне свояк Осип рассказывал, они его нанимали поклажу на горы тащить. Там гора святая, Басман.

— Хули им там надо было, на горе-то? — недоверчиво мотнул Павел Иванович своими оплодиями.

Божий одуванчик расплылся в улыбке от такого грубого вопроса:

— В свое время, когда турка к Царьграду подкрадывалась, из него все византийские сокровища в Тавриду вывезли и в разных местах попрятали. В Крыму, на Бас-

мане, на Бойке. И чего там только не было!.. И колыбель, где Христос родился, и пеленки — ну, в чем он там богомладенец лежал, пился... и саваны какие-то... и стакан, из которого он в последнюю вечерю пил...

— Он не из стакана, он из кружки пил, — поправил Павел Иванович.

— Да? А ты почему знаешь — там сидел, что ли?

— Я видел на картинах. Тогда стаканов не было.

— Плущка, — помирил я их, вспомнив, что Бабаня называла как-то так подобную посуду, на что божий одуванчик искоса взглянул на меня и пригладил возмущенно шевелящийся на голове пух.

— Ну вот, когда фрицы вошли в Крым, то сразу спецотряд этих анербов послали по пещерам клады искать. Но хрен бы им в глотку!.. Все, кто в отряде был, перемёрли, как мухи: кто со скал свёрзился, кто задохся, кто в пещерах исчез, кто заболел. Проклятие, значит, над теми местами было. Только одну палку с бронзовой балдой нашли — говорили, Иоанна какого-то жезл... Ну, свояк Осип этот жезл спёр и сбежал к свиньям собачьим... Хотел в музей сдать, да соседка упростила ей за штоф горилки отдать — больно красивая была палка, удобно бельё в чане мешать... А начальником в отряде был такой малахольный профессор, то ли Каускофер, то ли Хоферхаус...

Поразительно!.. Как прав был Хорстович — русские знают о Германии всё!.. Казалось, этим двум ветеранам известны главные тайны вермахта!.. Да, профессор Хаусхофер, мюнхенский мистик-профессор (в чьих ассистентах ходил Рудольф Гесс), не уставал повторять, что самой большой катастрофой во всей истории германцев было расовое смешение с примитивными существами из Гондваны, главные из коих — евреи, и необходимо срочно очистить расу: если не мы, то кто?.. — хотя кое-кто осторожный из окружения фюрера и возражал, что евреи отнюдь не звероподобны, а скорее скользки, как рыбы, а уж говорить, что они бессловесны, совсем

неправильно: а Библию кто написал?.. А Иисус Христос кто был, в конце концов?..

– Откуда вам это известно? – искренне удивился я, а на сердце у меня было очень тепло и тянуло выпить пива, водки или чего-нибудь еще.

– А я в Военной академии преподавал, физподготовку... читать люблю... да и свояк Осип много чего рассказывал... Его потом за этот жезл на три года упекли, чтоб госимущество не тырил, хоть соседка жезл и сдала... кто ж знал, что она с майором НКВД спит, он и увидел, вызнал, – сказал божий одуванчик, а Павел Иванович указал на него глазами:

– Он – полковник в отставке! С ним не шути!

Полковник!.. У нас полковники на пенсии живут как короли. А тут на пиво с трудом мелочь собирается...

Я заикнулся было о льготах для ветеранов, но в ответ слышалось столько ненормативной лексики, что я растерялся. Энергетика ругани оживила, зажгла старичков, они стали как-то моложе и крепче. Морщины разглажены матерщиной, пух на голове божьего одуванчика угрожающе завивается:

– Во, видал, как немцы своих ветеранов уважают – слепой, безрукий, безногий, а по курортам ездит и в ус не дует. А наш курорт – это конура, аптека и ларёк, в магазине на цены только облизываться можем... Дождались, пока все ветераны перемёрли, сейчас им квартиры дают – очень они им нужны! На том свете свои ЖЭКи имеются, я их в бога душу мать!..

А Павел Иванович, отругавшись (и между делом общив, что вот ты на него так не смотри, он-то полковник, а во время войны разведчиком семь десятков фрицев лично зарезал), стал звать мальчишку, застрявшего с банками возле друзей, где пиво могло быть нагло выпито...

При упоминании о семидесяти зарезанных немцах меня пробрала дрожь, невольно посмотрелось на его руку – жилистую, корневую, коренную, с грубыми наколками... Не рука, а рубонь... лапонь... рукладь...

Мальчишка с пивом не хотел подходить, дразнил старичков, показывал им кукиш:

— Фигушки вам, а не пиво! — (А я с ликованием отметил, как хорошо работает эта новая для меня идиома, и некстати вспомнил нашу любимую притчу об умном вокзальном мальчишке, которому некий человек из вагона дал денег и попросил купить два пирожка; мальчик принес один, а про второй сказал, что он съел его. «Как съел?» — удивился человек. «А вот так!» — ответил мальчик и сожрал-слопал второй пирожок. Тут поезд и отъехал.)

Началась перепалка. Павел Иванович горячился:

— Быстро, я сказал, принёс сюда пиво! Перестреляю всех!

Пора. Я спросил:

— Где ловить такси?

— Ловить везде можно, а вот где поймать — это вопрос... — засмеялся божий одуванчик. — Вон там, на углу — видишь машины?.. Там эти джихад-такси стоят... Вон там спроси! Спасибо за угощение!

— «Леопарды» были хороши, но и наши «тридцатьчетверки» не хуже! Удачи! Спасибо за шнапс! За родину, за Сталина! — поддакнул шишками Павел Иванович.

— Гитлер капут! — подтвердил я и, веселый, начал было вылезать из-за стола, когда Павел Иванович вдруг спросил:

— Слушай, Фредя, а как, говоришь, твоего деда звали? Слепой был?

— Адольф. Один глаз не был. Без рук-ног. А что? — Я застыл. — Вы знали его?

Тот обмахнулся шляпой пару раз:

— Да был тут один смешной немец... пленный, случайно после войны возле ларька познакомились. Они тогда высотки строили, их отпускали под конвоем пиво пить. Но он полностью слепой был, его вообще не трогали, мы ж после войны добрые были, сразу размякли, разлеглись... Патриком звали. Я ему говорю — почему

Патрик, а не Петер? А он объяснил, что мать француз-женка у него...

— Вот, и таким Гитлер затылки брил... — вставил божий одуванчик.

Павел Иванович презрительно воззрился на него:

— А он что, по паспорту брил, что ли?.. Да у него диких дивизий из поляков, чехов и эстонцев навалом было...

— Каких диких? — Я ничего об этом не слышал.

— А вот убийц всяких, чистильщиков, палачей... Немцы брезговали, а эти — нет, свою любовь к русским ножом и пулями показывали... особенно западенцы с Украины...

— Глупости, не было никаких дивизий! Это я тебе как преподаватель говорю! — возразил одуванчик.

Павел Иванович сощурился, отчего шишки на лице заколебались:

— И преподаватели не всё — ох, не всё — знают... Ну да ладно. Этот Патрик потом уезжать не захотел, так ему наш борщ по душе пришелся. Женился на русской бабе, трескал каждый день борщ и свою песенку напевал: «Айн шусс — айн русс, айн штос — айн францоз, айн тритт — айн бритт»¹... И шустрый был по бабам — слепой-слепой, а дырки нашаривать мастак первый сорт! Бабы от него только ахали...

— Известно, после войны мужиков не было, бабы на всякое зарились, хоть на слепое, хоть на ползающее, лишь бы корень был, — подтвердил божий одуванчик, прихорашивая своей лапонью легкие волосёнки на чрепе.

Зарились? Заря? Зарево?.. Корневые чередование «зар-зор»?.. В голове уже всё мешалось, морщилось и мялось, с плесетом начали остывать мозги. Приближался ступор. Я успел сказать:

¹ От «ein Schuss — ein Russ, ein Tritt — ein Brit, ein Stoß — ein Franzos» (нем.) — «Один выстрел — один русский, один пинок — один британец, один удар — один француз».

— Моего деду... тут не было... он там... Франция...

— А, ну-ну... Франкрайх! А так — завалили мы всё-таки немца! — с удовольствием констатировал Павел Иванович, трясанув утвердительно жировиками.

— Завалили? Куда? — не понял я (мысли отяжелели, русские и немецкие слова чередовались, как мясная начинка в слоёном пироге, который по праздникам делала Бабаня... Разломни пирога!).

— Куда? В могилу, — усмехнулся Павел Иванович.

— А я кто?.. Я живой!

— Ты? Новый немец. Видно, что хороший парень, добрый, с душой. — Он сощурился, а одуванчик спросил:

— Вот почему новые немцы такие хорошие вышли, а новые русские — такие падлы все?..

Павел Иванович объяснил коротко и веско:

— У нас планида такая... кривая.. не успели коммунизм построить — давай опять капитализм строй... То туда, то сюда... — Он веско переложил шляпу со стола на шахматную доску: — Качает нас маятником, из одного тупика в другой... Всё перестраиваемся с великих князей, всё никак не уляжемся, всё велосипед выдумываем, хотя другие давно на машинах шуруют... Страна такая, ничего не попишешь... А знаешь, Фредя, почему Сталин войну выиграл?

— Нет, Фредя не знает.

— А потому, что ваш Гитлер хотел хорошее только для немцев — «Дейчланд юбер аллес»! А наш Сталин — для всех народов, «коммунизмус юбер аллес»! Наш лозунг был справедливый, интернациональный, а ваш — эгоистический, узконациональный!

— Да, это настояще правильно.

Мне было радостно, что я мог так долго поддерживать разговор. Но голова стала ныть, болеть. Не до интернет-кафе сейчас, лишь бы до постели добраться. Нашел в кармане карту, где была обозначена гостиница.

— Пора! Значит, такси там? — спросил я, пожимая одуванчику лапоть, которой он зарезал сотню немцев.

2. 21 сентября 2009 г.

– Такси не знаю, а машины – вон они! Удачи, Фредя! – И одуванчик записал на кромке карты свой номер телефона: – Заходи, гостем будешь, поговорим. Нам с немцем всегда хорошо поговорить, мы как братья после той войны стали!

– Да... Круто... Я тоже... про дядю... как у Ивана Страшливого послуживал-прослуживал... нет, заслужёвывал?..

– Да ты чего?.. У Грозного? Ну, лады. Звони, заходи, мы или здесь, или там. – Одуванчик неопределенно указал куда-то в сторону.

– Понятно всем. Спасибо. До свидания желаю.

Дойдя до угла, возле машин я увидел стаю людей. «Джихад-такси», сказали ветераны.

– Кута, друк? – спросил невысокий худяк с очень узкими глазами и очень широкими скулами. Тюбетейка пита-вышита золотом. Я назвал адрес. – Сатис, етем. – (Он говорил так, как у нас говорят турки, – много спирантов, придыхательных, сонантов.)

По дороге он, метко оглядев меня, поинтересовался, понимаю ли я по-русски, и тут же, с ходу, начал жаловаться, почему люди такие злые:

– Вот ти как челафек кафаришь, я как челафек кафарю, а они... Один, слюши, сел и втрук по шея утарил: «Впириёт симотри, чуркан чумаз!» – а сам анаша в сикарет напивает... И чурка я, и чурбан, и места мой – чулан...

Я в душе возразил, что ему-то, с его раскосыми глазами, надо молчать – ведь, как мне известно из Вашего семинара «Родовая травма великоросса», монголо-татарское иго было той первой генной, системной психотравмой, которая стала причиной всех бед и зол, пока на неё не наложилась вторая – византийщина, после чего дело пошло совсем швах...

Я не хотел с ним спорить, сказал только, что сам я немец, фашист и поэтому должен вообще молчать в трубочку, и что сейчас я очень душевно беседовал с рус-

скими ветеранами и пил с ними водку, и они очень хорошие люди, хоть и убили много немцев одной рукой.

— А, немесь... Ваш Гитлер для простой челафек хороши хател, дароки строил, а эти шито?..

«Да, здесь тоже, видно, как немца увидят — так сразу Гитлера вспоминают, — подумалось мне. — И как-то так по-доброму, по-свойски вспоминают, как своего дядю... Или уважение гостю хотят показать?..»

А монгол в тубетейке, крутя плоской мордочкой и увёртываясь от машин, продолжал чесать своё:

— Пьяны, сягут, бап сзади лапают, мне кричат: «Выполняй, чума!» Ну, чурка телает, а чего телать?.. — Он ловко вырулил ко входу и, давая сдачу, после каждой купюры поднимал на меня свои чёрные прорези, ожидая слов «хватит, остальное — тебе».

Но я ему оставил мало. Во-первых, мне претит всякая агрессия, в том числе и речевая, во-вторых, я могу себя отождествить с русскими, но с монголо-татарами я себя отождествить не могу, хоть я не расист, а только русист.

В вестибюле было людно, в вольных позах сидели длинноногие девушки, бритые ребята ходили между колонн. Один целиком бритый овчара — даже брови сбриты, проходя мимо, тихо сказал на таком английском, что я едва понял его:

— Hello, bundes, how are you? Do you want very beautiful girl? Night — 500 dollars, hour — 100¹.

— Тёлочка?.. — «У телочки — вымя, у бычка — семя», — вспомнилось откуда-то из семинара.

— О, понимаете по-русски! Часто у нас бываете? — оживился он.

— Да, чисто часто.

— Вот и хорошо, мы бундесу всегда рады! Так как насчет девочек?

— Но спасибо, не сегодня будет, — вежливо закончил я, думая, откуда ему известно, что я «бундес».

¹ Привет, бундес, как дела? Хочешь очень красивую девчонку? Ночь — 500 долларов, час — 100 (искаж. англ.).

Хотя о чем думать — вон стоит портье, худой, в бриолине, похожий на кистеухую свинку, которую я видел на сафари в Кении — такая симпатичная мордушка, а на ушеньках — маленькие кистяйки. Вот он и сообщил ему, что я «бундес». Наверно, все тут заодно. Лучше идти отдыхать.

Я уже двинулся в номер, но портье сделал знак, чтобы сообщить, что все иностранцы, которые остаются в столице нашей родины на срок более чем три дня, должны зарегистрироваться, и это надо завтра же сделать, потому что вы уже четвертый день в России, а в участке до сих пор не были, и что без этой печати вас могут из России не выпустить, или «столько бабла с вас срубить, что мало не покажется».

Оба эти выражения были мне, к сожалению, очень известны из «Жлобского словаря».

— А точно надо? — без надежды спросил я, хотя и раньше слышал от Хорстовича, несколько раз летавшего-летевшего в Москву и обратно, что эта операция может быть достаточно стрессовой: очереди из китайцев и негров, духота, неразбериха, злые чиновники (если они не на обеде и не на перерыве), каких-то бумаг и печатей всегда не хватает, а в конце всё равно придется платить это самое «бабло» (по-немецки «Schmiergeld», «пачкающие деньги»).

— Где это надо делать-сделать?

— Тут, недалеко, два квартала пройти, паспортный стол, бюро по миграции. Они с утра еще на месте, потом уже не поймать, разбегаются, — с явной завистью сказал портье (ему-то тут стоять весь день, как пень-пеньской, а они хвосты завернули — и пошли).

К нам приблизился бритый коняра, недовольно посмотрел на меня и, ничего не заказывая, вкинул деньги в пустую ячейку для ключей. По нервным бликам фрочной крысы я понял, что тут какой-то гешефт, о котором мне знать не нужно, и развернулся к коридору. Если уже даже коридор зевает, то и Фреде пора в постель.

В номере скинул ботинки и лег на постель. Этого еще не хватало! С утра идти в бюро! А если там очередь?.. А Большой театр?.. А кремлёвский Мавзолей?.. Мавзолейный Кремль?.. А широкие улицы и большие проспекты?.. Матушка-пушка и Батюшка-колокол?.. А Пинин и Можарский? Театры и музеи? Третjakowka?.. Но все это я хотел посмотреть с Машей. Надежды найти её я не теряю.

Как мне советовал психоаналитик (у которого я взял пару сеансов перед поездкой), при первой встрече с Машей надо искать точки соприкосновения, нащупывать общие интересы, отмечать в ней — в виде комплиментов или намёков — всё то хорошее, за что можно уцепиться (улыбка, глаза, фигура) и что не будет звучать явной ложью. Еще он сказал, чтоб я был осторожен: в Ост-Блоке многие женщины хотят выйти замуж за иностранцев, поэтому стали психически латентны, гибки, непритязательны, умеют терпеть, покорны, способны перенимать повадки и манеры и быстро всему учиться, в том числе и языкам, что очень важно для интеграции.

Потом я стал вспоминать красавиц, которых видел в вестибюле... Да, Хорстовича понять можно... На такой или женись, или много плати, а он хитро устроился — «dewki» сами к нему в номер шли... Как мы пели на Ваших практических «Посиделках»?.. «Не ходите, девки, в сад, ой, берегите пышный зад, ой, попадёте в зоосад, ой, не избегнете засад, будет хуже, чем в Моссад, ой-ой-ой»... И каждому студенту — столку водки и солёный огурец!.. И каждый должен сказать тост. Первая — колум... Вторая? Как же, человек на двух стопах стоит... Адам с Евой... Потом бог троицу любит-полюбит... Ну, и стол на четырех ногах не качается... За пятое колесо!.. Шесть — крутлое число... Семь раз отмерь, налей, выпей... У восьминожки много ног... Девятеро одного не ждут, а водку жрут. Палочка с нулем — уже десять... Потом — две палочки бьют тревогу: пить-пора, пить-пора!.. За двенадцать!.. Апостолы, столы, колы... Тут обычно занятие подходило к концу и мы хором пели нашу лю-

бимую печально-величальную песнь «Россияне осенны»:

То с монголом не поладит,
то князей всех пересадит,
то царя вон скинет с трона,
до последнего патрона...

...Потом всплыл злобный монгол в тубетейке... Я не помню, были ли Вы на том докладе в Мюнхене, где приезжий генетик из Москвы, профессор Барыгин, утверждал, что геномные установки формируются за гораздо меньший срок, чем существовало на Руси татарское иго, а само иго, по его мнению, длилось не 300, а все 500 лет, потому что иго следует делить на «активное», с XIII по XV век, когда татары сидели у власти, и на «пассивное», «окольцовывающее», век до и век после «активного», когда татары делали набег для устрашения и разбоев. Значит, с XII века и вплоть XVI, до Ивана Грозного, а при нем уже опричнина появилась, на том же набеговом принципе работающая и все татарские навыки перенявшая. Так что народ жил в постоянном подавленном страхе, что хуже всего влияет на подкорку народного менталитета и обычно получает выход во всевозможном негативе — бунтах, погромах и разбое...

Кстати, согласны ли Вы с такой гипотезой одного германского русиста, Уве фон Клейста, что слово «иго» возникло из звукоподражательного «иго-го» лошадей, на которых являлись татары?.. «Иго-го!» — предупреждали мужики, слышав ржание татарских коней, крестясь и пряча жен и девок в подпол, чтоб не платить живой ясак. У меня лично подозрение, что междометия «охо-хо» (в значении «плохо, тяжело») и «ого-го» (в значении «много») тоже могут быть протомонгольского происхождения. Хотя Вы, наверно, не будете с этим согласны — ведь Вы утверждали на семинаре, что слово «иго» появилось только в XV веке и впервые употреблено польским хронистом Яном Длутошем — «*iugum barbarum*».

Знаю, что Вы не охотно встречаетесь с коллегами, называя их в шутку «преподловательским составом», но Ваше мнение мне всегда интересно.

Кстати, мне очень интересна Ваша теория, что имя руссов можно вывести из арамейского Resissaia или Resaia, что обозначает «разбрызгивание» и указывает на «разбросанность» народа по бескрайним просторам. А может, правы те, кто считает, что слово было изначально «Расея» — от «расеять-рассеивать», и «рассияне» — это те, кто рассеяны среди степей и лесов?..

На ночь я еще раз просмотрел Ваш «Словарик», кое-что добавил в него. Он мне очень помогает, я его всегда ношу с собой. Вы хоть и предупреждали, что слова эти отвратительны, как грязное белье, но признавали, что они очень полезны в обиходе, ими можно охватить все сферы жизни, поэтому я намереваюсь проверить их на практике.

СЛОВАРИК ЖЛОБСКОГО ЯЗЫКА

в натуре	отъехать, отойти
делать бабки	пафосный
жесть	по-любому
жизнь удалась	проплачивать-проплатить
зажигать	работаем, работаем
зацени	расслабься
как тузик грелку	реально
какие люди	решить вопрос
классно	состоялся
круто	супер-пупер
мало не покажется	уколбашиваться-уколбаситься
накрыть поляну	успешный
не напрягай	чисто
не переживай	чума
не проблема	шибко умный
опаньки	я тебя урою
отзвонить	

2. 21 сентября 2009 г.

...Сквозь сон я слышал, как перед гостиницей кто-то не очень отчетливо ругается и стучит железом о железо, а женский голос повторяет одну и ту же лексему: то ли «точно», то ли «тошно». Мне не лень было удивиться. Что это могло быть?.. Надо высунуться, послушать ночную живую речь, но нет сил...

...Ночью я опять проснулся от шумных движений на улице — кого-то громко то ли высаживали из машины, то ли выталкивали из дверей под женский визг и мужские крики:

— Вали отсюда, падла, пока охрана не подъехала! Чтоб десятой дорогой обходила, не то худо будет! Пошла вон!

Рот пересох, голова болела.

Две занавески под ветром изгибаются, как живые, — поводят боками, шевелят плечами и пышными зыбкими задами, бесстыдно касаются друг друга тюлевыми лапками, припадают друг к другу — и вдруг отлетают... зыбучие зады, тягучие плоды, кипучие лады... А где-то кто-то грубым голосом приказывает:

— А ну, подляры шарашобные, взяли свои овда и суреньте отсюда, не то отсваствуем по первое число!.. Чего пигуна давишь?.. Не видишь — клутно здесь!..

«И чего клутного там, в пигунах? — обстоятельно думалось мне. — Овда где? В Караганде! Конь в пальто еще не валялся, но уже отзвонил...»

• ПРИКАЗЫ •

В Русской земле на Москве у великого князя было много фюрстов, или князей, у которых были особые, им выделенные области, города, дворы и деревни. А именно: князь Иван Дмитриевич Бельский, князь Михаил Воротынский, князь Никита Одоевский, князь Андрей Курбский, князь Василий Темкин, князь Петр Шуй-

ский и еще много других князей; еще Иван Шереметьев, а также Турунтай, Алексей и его сын Федор Басмановы, Иван Мстиславский и много других таких же начальников высокого чина.

Как эти начальники, так и другие, им подобные, бывали правителями, воеводами или наместниками в особых областях с городами — «уездах» и сменялись каждые два года. И все их прегрешения, преступления, постыдные дела, всякое людодержство и насилие — все, что причинили они купцам и мужикам да и забыли! — все это выносили наружу те, кто приходил им на смену.

У них были писанные судебники, по которым они должны были судить. Но это забывалось! Были затем бояре высоких родов, которые судили, сидя в Москве; в своих руках они держали все управление. В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал. Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен.

На Казенном дворе сидели Микита Фурников, дьяк Тютин и дьяк Григорий Локуров. Они получали все деньги — доходы страны — из других приказов и опять пускали их из казны, каждый по своему усмотрению. Всячески утягивали они от простонародья третью деньги и хорошо набили свою кошну. Однако отчеты представляли великому князю в полном порядке.

Микита Романович сидел в Приказе подклетных сел: это те села, которые служили для содержания дворца. Как он там хозяйничал, о том не толковали. Причина тому — он был шурином великого князя.

В Поместном приказе сидели Путило Михайлович и Данила Степанович. Оба они хорошо набили свою кошну, ибо им одним была приказана раздача поместий; половину нужно было у них выкупать, а кто не имел, что дать, тот ничего и не получал.

Иван Григорьевич был в Разряде. Те князья и бояре, которые давали денег в этот приказ, не записывались в воинские смотренные списки, а кто не мог дать денег, тот должен был отправляться в поход, даже если ничего, кроме палки, не мог принести на смотр. В этом приказе ведались и все польские дела.

Иван Булгаков сидел в Приказе Большой казны. Деньги, поступавшие из других городов и уездов, здесь уплачивались и взвешивались так, что всякий раз пятидесятая часть оказывалась в утечке еще до записки. При выплате же из приказа не хватало уже десятой части.

В Разбойном приказе сидел Григорий Шапкин. Если где-либо в стране — по уездам, городам, деревням и по большим дорогам — слыхают убийцу, так тут же его подстрекали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали грабить и убивать, а с тех потом сдирали три шкуры батогами до тех пор, пока не приносились деньги или золото. Так эти «великие господа» добывали себе богатства.

В общей Судной избе сидели Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Сюда приводились на суд все те, кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в 10 алтын, что составляет 30 мариенгрошей. Если где-нибудь в тайных корчмах находили пиво, мед или вино, все это отбиралось и доставлялось на этот Судный двор. Виновный должен был выплатить тогда штраф в 2 рубля, что составляет 6 талеров, и к тому же бывал бит публично на торгу батогами. Было много приказчиков или чиновников, которые за этим надзирали. И прежде чем приведут они кого-нибудь на Земский двор, еще на улице могут они дело неправое сделать правым, а правое, наоборот, неправым. К кому из купцов или торговых людей эти приказные не были расположены, к тем в дом подсылали они бродягу, который как бы по дружбе приносил стопочку вина. За ним тотчас же являлись приказные с целовальниками и в присутствии целовальников хватали парня вместе

с хозяином, хозяйкой и всей челядью. Хозяину приходилось тогда растрясать свою кошину, коли он хотел сохранить свою шкуру.

Было также много недельщиков, которые всякого высылали на суд за деньги, причем сумма определялась в зависимости от расстояния. Они ставили на суд всякого в стране. Обвиняемому назначался первый срок явки соразмерно с тем, жил ли тот далеко или близко. Недельщик же, придя на место, брал с собой с ближайшей таможни, но не с поместий и не с уездов, двух или трех целовальников и бросал «память» в дом или во двор обвиняемому. Так повторялось до третьего раза. Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват. Если же он не приходил, то жалобщик мог, словив и связав его, взять и бить на торгу публично до тех пор, пока тот не заплатит. Можно было также, по желанию истца, сделать человека холопом, если только у него не было защиты: нужно было либо уплатить все с процентами, либо всю свою жизнь вертеть ручную мельницу. Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. Так добывали эти ребята деньги.

В Ямском приказе обычно, когда приказывали отправлять грамоты, устраивали так: копили ребята все грамоты вместе и отправляли их на ямских все зараз. А затем представляли полный счет — сколько раз и когда лошади будто бы были наняты, и оставляли себе деньги, которые должны бы лежать в казне.

В приказе, где прочитывались все челобитья, пожалованные и подписанные великим князем, получал свою, подписную челобитную тот, у кого были деньги. А если какой-нибудь посадский или простой человек не имел денег, то не мог он найти и управы прежде, чем не заплатит. Только тогда челобитья подписывались и вычитывались. Рука руку моет.

В Казанском и Астраханском приказах они изрядно

набили себе мощну. В Рязанском приказе они хозяйничали столь же бессовестно. Но теперь им это запрещено. Причина: крымский царь управлялся с этой землей так, как великий князь с Лифляндией.

Андрей Васильевич сидел в Посольском приказе. Здесь ведались все немецкие и татарские дела и сюда же поступали сборы с Карельской земли. Там повседневно бывали толмачи различных народов. У них были поместья, и они же получали годовое жалованье. Здесь проделывались такие же штуки, как и в других приказах.

На дворе, где все иноземцы получают изо дня в день свои кормовые деньги, сидел Иван Тарасович Соймонов и один дьяк. Ежели кто из иноземцев не брал своего меда и кормовых денег за 10, 20 или 30 дней, с того постоянно удерживали десятую часть, когда потом он хотел их получить. Каждый иноземец имел на руках «память»: она была так искусно изготовлена, что никто не мог, подделав почерк, незаметно что-либо в ней приписать.

Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца. А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и цедить мед на пробу изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал, конечно, свою полную меру. Если иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет полностью все «выдачи»!

Таковы, коротко говоря, были знатнейшие приказы. В других дело шло тем же порядком.

Денежные сборы с государства распределялись так, что в каждый приказ поступали деньги; в том же приказе производился и суд соответственной области

страны. Из приказа в приказ деньги не передавались; один получал тогда от другого подписную память, которая подписывалась дьяком. «Памяти» склеивались вместе и наматывались в «столпцы».

В каждом приказе или судных избах были два сторожа. Они открывали двери тем, кто давал деньги, а кому нечего было дать, перед тем двери закрывались. Кто хотел влезть насильно, того сильно били по голове палкой в локоть длиной. Не щадили никого! У кого же не было денег, тот стучался и говорил: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных». В ответ на эти слова сторож открывал ему дверь; тот входил и многократно бил челом князьям, боярам или дьяку. Если он бывал недостаточно смел, то боярин ударял или отталкивал его посохом и говорил: «Недосуг! Подожди!» Многие так и ждали до самой смерти. Все князья, бояре и дьяки и в приказах, и в церкви постоянно имели при себе посох.

Во всех приказах все дела — малые и большие — записывались в книги. В приказах были еще сливяные и вишневые косточки, при помощи которых производился счет.

По всем приказам были подьячие — помощники дьяков — в числе 20, 30, 40, 50, то больше, то меньше. Они переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал там на всех местах, где приходились сставы, так что половинки букв бывали на обоих концах бумаги. Никто не мог подделывать грамоты и не мог приписать в ней что-нибудь еще. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне, на первой склейке грамоты, дьяк писал от себя титул великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть: «Царь и великий князь Иван Васильевич всяя Руси». Перед дьяком на столе стояла чернильница с перьями. Помощники дьяков, или подьячие, держали свои чернильницы с перьями и бума-

гой в левой руке и на коленке переписывали грамоту набело.

Летом по приказам ходит много парней, или «малых», с деревянными чашками и каменными кувшинами; в них лежит лед. Если кто-нибудь пожелает пить, тот дважды или трижды может напиться за один чешский пфенниг. Ходят еще по приказам с продажным питьем, которое называется сладкий морс. Изготавливается он так: берут из ручья свежую проточную воду и можжевелевую ягоду и кладут ее в эту воду; оттого вода становится кислой. Затем берут мед, подмешивают его в воду и процеживают сквозь волосяное сито. Вода делается тогда сладкой. Сколько кто захочет выпить, столько и должен заплатить.

Если кто-нибудь в стране или по городам Московского государства не найдет управы, то он идет в тот или иной приказ. Когда сойдутся две стороны и правый поцелует крест, то он выигрывает дело и получает деньги. Но виноватый мог, не выплачивая долг, вызвать правого на бой, даже и после присяги. На Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого. И кто выигрывал дело под присягой, а противная сторона судебным решением была недовольна, тот должен был биться на бою со своим соперником или же нанять за себя бойца. Постоянно так и бывало, что тот, кто был прав и присягал, тот оказывался затем неправым. Если у неправого было больше денег, чем у правого, — и пусть он действительно неправ, — он все же оказывался, благодаря деньгам, правым, а правый неправым. Когда бились бойцы, то тот, который получал большую сумму денег от противника, падал во всем своем вооружении ниц перед своим соперником и говорил: «Виноват, казни!» Вследствие этих слов правый нередко проигрывал и неправый выигрывал, ибо неправый мог дать больше, чем правый.

Кто получал свою подписную грамоту, должен был идти к Ивану Висковатому, который хранил печать. Че-

ловек он гордый, и счастливым мог почитать себя тот, кто получал от него свою грамоту в течение месяца. Висковатый был не прочь, чтобы крымский хан забрал Русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам же он был очень враждебен.

Рядом с ними, князьями и боярами высокого чина, были князья и бояре низшего ранга. Они бывали чиновниками в подклетных селах, которые принадлежали Дворцу. Обычно их слушались купцы и крестьяне согласно приговору князей и бояр.

За тем, кто пожелал бы пожаловаться великому князю, внимательно следили и потом сажали его в тюрьму. Коли были у него деньги, он мог выйти вон, если же нет, он оставался сидеть, пока волосы не вырастали у него от головы до пупка — тогда или выпускали, или приказывали сидеть до тех пор, пока срамные места не будут закрыты волосами.

Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи. И если кто-нибудь из них так тяжело грешил, что заслуживал смерти, то митрополит мощной своей мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре он был свободен от преследования, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на большой дороге взял то, что принадлежало казне великого князя.

Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собиравшие добро, говорили, ухмыляясь: «Бог дал!»

Вообще немцы учили меня, что народ в Москве гораздо хитрее и лукавее всех прочих, и особенно вероломен при исполнении обязательств; московиты и сами прекрасно знают об этом обстоятельстве, а потому всякий раз, когда общаются с иноземцами, притворяются,

будто они не москвиты, а пришельцы, желая тем внушить к себе большее доверие, так что надо быть всё время начеку, не то обманут и надуют.

Женщины русских прекрасны, но положение их весьма плачевно. Москвиты не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Они отказывают женщине в целомудрии, если она позволяет смотреть на себя посторонним или иностранцам. Заключенные дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве; все домашние работы считаются делом рабов и слуг. Всем, что убито руками женщины, будь то курица или другое какое животное, они гнушаются как нечистым. У тех же, кто победнее, жены исполняют домашние работы и стряпают. Если они хотят зарезать курицу, а мужа или рабов случайно нет дома, то они становятся у дверей, держа курицу или другое животное и нож, и усердно просят прохожих мужчин, чтобы те зарезали животное.

Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже — на беседы с друзьями, и только в том случае, если эти друзья — совершенные старики и свободны от всякого подозрения. Однако в определенные праздничные дни летом они разрешают женам и дочерям сходитьсь вместе для развлечения на широком лугу. Здесь, усаживаясь на некое колесо, наподобие колеса Фортуны, они едут то вверх, то вниз; или иначе — привязывают веревку, так что она провисает, и, сидя на ней, они после толчка раскачиваются и движутся туда-сюда, или, наконец, они забавляются определенными песнями, хлопая при этом в ладоши; плясок же они совершенно не устраивают.

Прелюбодеянием у русских считается только тот случай, когда кто-либо имел общение с чужой женой. Любовь между супругами по большей части умеренна, в особенности у мужей именитых и знатных. Это происходит оттого, что они женятся на девушках, которых

Михаил ГИГОЛАШВИЛИ

раньше никогда не видели, а затем, занятые государственной службой, вынуждены бывают покидать жен и заводить любовниц на стороне.

Представления о любви у них тоже своеобразные. Есть в Москве один немецкий кузнец из Халле по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: «Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?» Муж ответил: «Да я сильно люблю тебя». — «Но у меня нет еще, — говорит жена, — знаков любви». Муж стал спрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: «Ты ни разу меня не ударил». — «Побой, — ответил муж, — разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану». Таким образом немного спустя он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги.

3.

22 сентября 2009 г.

Конфликт в конторе. Знакомство с полковником Майсурадзе. В КПЗ, с Алкой и Матвеем Самуиловичем

• ТЯЖБЫ •

С утра я пошел, куда меня послали. Новый портье – пузатый, с двойным подбородком, красная мордашка в цветной рубашке – сказал, что в бюро надо идти направо, а потом налево и еще направо, километра с два.

– Там щит увидите, где много чего понаписано...

– Как сказки... Богатыри, камень висит... Дуб-дубной...

– А на нем Соловей-Разбойник сидит... Вроде того, – ощерился портье.

– И Змей Горынович, – поддакнул я, желая показать, что и сам не лычкой щит (помню, Вы учили, что у Змея Горыновича – три головы: чревоблудие, рукоугодие и питьевиние, кажется).

Мордашка сощурился:

– Вот-вот, Горынович... И Абрамович с Вексельбергом... Вместе сидят, яйца высиживают...

«Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», – вспоминал я по дороге ответы Бабани на мои детские навязчивые вопросы «куда», «зачем» и «почему». Она же и читала мне сказки по старинной книге с «Ө», «Ъ», «і» и часто при этом ругала главного героя Ивана лентяем и говорила, что, если все лежать будут на печи, кто же тогда еду готовить будет, дворцы убирать и золотом одежды вышивать?.. Разве что Золотая Рыбонька? Горезлосчастие?.. Конёк-Горбушок?..

Ну, а потом — Ваши занятия по русской сказке («Сказка — лупа ментала»). Да, я хорошо помню, как Вы были безжалостны к главному герою Ивану-дураку: он беспробудный лодырь, у него много дурной жалостливости и туповатого интереса ко всему встречному-поперечному, целей у него нет, и он, разбуженный, встав с печи, обычно шлетётся куда глаза глядят, отвлекаясь на всё, что попадается по пути, но потом — вдруг — достигает чего-то, чего и сам не ожидал, — невесты-царевны, еды, дворца и даже трона. Мораль выводили однозначно: ничего не делай, лежи на боку, положишься на бога, душу, мать, властей и бояр — и всё придет само собой и как-нибудь. И поэтому для русских людей советский строй, «путь печи», с его ленью, пьянством, неприхотливостью и дурной уравниловкой, был идеален. И я тогда же возразил Вам, что, несмотря на всё это, герой этот мне очень близок и понятен, потому что и сам я обожаю валяться в постели и ничего не делать.

Правда, было не очень приятно слышать, как Иван иногда обходится с людьми и даже со своими братьями, — «нарезал из спины ремней», «отрубил пальцы», «утопил в проруби», «выколол глаза»... Но первыми моими сказками были братья Grimm, где убивают, мучают и пытаются куда чаще и подробнее, так что не привыкать. Каков народ — таковы и сказки, хотя некоторые фольклористы считают наоборот: вначале — сказки, потом — народ. И братья Grimm должны были сидеть на нюрнбергской скамье вместе с Герингом и другими.

Но я в любом случае такого мнения, что не может никчемная и ленивая нация породить гениев во всех областях духа, на что Вы на семинаре сказали, что тут противоречия нет — как раз «путь печи», «лежание» в широком смысле и дает самые поразительные результаты в искусстве, и никто не может отнять у русских их мистицизма, иррационализма, самосозерцательности, самокопания, из чего растет настоящее искусство, причем чем страшнее реал, тем сильнее виртуал, а искус-

ство в России такое сильное и мощное, потому что насквозь трагично, а трагично потому, что творцы видели, что происходит вокруг, сами жили в этой жуткой реальности, страдали и мучились...

Навстречу шел, приплясывая и жестикулируя, какой-то странный тип в галстукe нараспашку, очень оживленный. Подскочил ко мне с воплем:

– Мы победим, друг! Мы будем чемпионами, дружок!

– А как же нет, да, – поспешил полусогласиться я (как Вы учили реагировать в малопонятных речевых ситуациях – как в игре «да и нет не говорите»). – Каких проблем, друг?

– Никаких! Мы победим! – крикнул он на ходу и, пританцовывая, отправился дальше, вскидывая руки и ноги.

Хорошо, что обошлось так тихо, – я был уверен, что он будет просить деньги на «выпить». Впрочем, по совету Хорстовича десятидолларовая купюра у меня всегда наготове, я их наменял в Мюнхене в банке, где служащий, узнав, что я еду в Россию, сказал, что мы русских должны холить и лелеять, потому что никто, кроме них, не покупает бриллианты и золото за наличные евро, не кладет такие большие деньги в банки и, если б не русские, многие ювелирные лавки и дорогие автохаусы типа «Феррари» давно прогорели бы... На мое возражение, что радоваться нечему, ведь такой вывоз средств ведет к обеднению страны, он ответил типично по-немецки, что это – не его проблемы, а когда я заметил, что от такого воровства в России опять может случиться революция, он отмахнулся: «Это – их проблемы, а сюда революция не докатится, не те сейчас времена, чтобы казаков до Парижа допустить, есть, Gott sei Dank¹, у Запада средства массовой защиты, всякие ПВО, авиация, ракеты, а Сталина у русских нет»...

Перед бюро топтался очередной бритый охранник-бетонник в чёрной коже, похожий на слоняру без хобота. Он недобро посторонился, давая мне протиснуться в

¹ Слава богу (нем.).

дверь. В кулуарах обнаружился десяток китай-монголов и пара белых людей длинной светлой наружности.

— Кто последний? — спросил я, вдруг забыв, как надо правильно говорить — «крайний» или «последний» (оба слова не хороши).

Очередь не ответила — может, она не понимала-поняла вопроса?.. Только один китаец что-то хрюкнул, глаза его свились в щёлочку. Я встал возле него, около стены, и стал исподтишка оглядываться. Человек десять типовых монголоидов, группой. Они совещались, нервно перекладывая что-то по карманам.

В коридоре было несколько дверей. Очередь шла резво. Китайцы входили, чтобы скоро выйти. Я вспомнил, как вчерашний портье сказал про это бюро: «Вашего брата европейца они особо не трогают, зато китайцев чехвостят, будь здоров. Китаец вошел, сказал “злас-тву-те”, бабки положит — “по-за-су-ста!” — и вышел, “до-сви-да-ня”».

Из другой двери показался подтянутый молодой человек в дорогом костюме, с серебряной серьгой в ухе:

— Граждане Евросоюза есть?

— Да, есть, — отозвались скандинавы.

Я тоже сказал:

— Да, мы есть.

— Проходите.

Скандинавы вошли вместе, я остался ждать, но переместился ближе к кабинету. В этот момент китайцы окружили вышедшего сородича, о чем-то заспорили, стали ропотать и топотать. В их щебете я распознал экспрессивную лексику типа «ибиомать» и исподтишка щелкнул кнопкой диктофона, решив зафиксировать, для нашего семинара по сакральным словам, как звучит русская брань в китайском исполнении.

Ропот и лопот нарастали. Один китаец особенно горячился, глаза его скрутились в ниточку, он тряс мятым конвертом и упорно повторял дифтонг «сюка-сюка-сюка», перемежая его китайской трелью.

Скандинавы появились из кабинета гуськом, что-то весело обсуждая на ходу. Я постучал, вошел.

Кабинет был весь сплошь завален бумагами. Кипы и ворохи бумаг – не папок или подшивок, что было бы логично, а просто ворохи печатных листов свисали со шкафов и полок, как шапки снега. Пачками завалены оба подоконника. Бумаги топорщились неровными колоннами в углах кабинета, ими полностью, до подлокотников, было завалено кресло для посетителей. Это был кадр из Кубрика или даже Хичкока.

На столе от бумаг были свободны только пепельница и пачка сигарет. Около стены черноволосый, с пробормом, чисто бритый, с серьгой в ухе, со строгим галстуком на шее молодой человек искал что-то среди бумаг в одном шкафу.

– Добрый день. Моя проблема – регистрация. – Я протянул ему паспорт.

– Добрый день. Из Германии?.. Н-да, путёвая страна, был недавно...

– Путинская, – пошутил я, вспомнив частушки последнего спецкурса.

– Нет, путинская – это наша, а путёвая – это ваша... Где живем?

– Бавария.

– А тут, в Москве?

– В «Центральной», гостиница.

Он просмотрел паспорт, хмыкнул:

– М-да-а... А вы опоздали, между прочим... Вы уже столько в России, а приходите только на четвертые сутки...

– Приходить?.. – испугался я: что это, каждый день ходить-идти-приходить?.. – Или прийти?

– Да, прийти – но вовремя. Вовремя! А за просрочку, кстати, штраф, и немалый! Вот, полюбуйтесь! – веско добавил он, указывая на листок в рамочке на стене, где было написано:

Любой иностранец обязан в течение трех суток уведомить территориальный орган о своем прибытии и зарегистрировать свою визу в России.

Нарушение правил миграционного учета грозит иностранному гражданину последующим ограничением на въезд в Российскую Федерацию сроком до пяти лет.

Этого еще не хватало! Пять лет! Слова вдруг слиплись в ком, не хотели расплетаться:

— Но мне... меня... от мне... я...

Чиновник повертел паспорт:

— А почему ваша гостиница сама не проводит регистрацию?

— Откуда знать? — Я развел руками. — Сказали — надо, я приходил...

— А где ваш билет? Как вы прибыли? Надолго пожаловали?

— Нет, никому не пожаловал! — забеспокоился я, чтобы он не подумал, будто я стану писать жалобы.

Он усмехнулся:

— Какова цель визита?

— Я лингвист, учу русского языка... антифашист... еще что-то...

— Что же еще, например? — Он потрогал серебряную серьгу в ухе.

— Есть женщина, жена...

— У вас тут жена?..

— Нет, еще уже нет... Пока женщина... По Интернету знакомился...

Он кисло заулыбался:

— Да уж, разные вещи... Жена — это жена, а женщины — это все остальные... Ну что же с вами делать?

— Дать регистрации...

Чиновник мягко покачал головой:

— Нет, уважаемый, так просто это не делается. Вам надо донести кое-что...

Донести? Доносчик? Это слово я знал из семинара по сакралу: «Доносчику – первый кнут». Что это – он вербует меня?.. Говорил же Хорстович, что они всех хотят вербовать, даже праздник такой устроили – Вербное воскресенье, кажется... нет, вербовальное... или вербальное?.. Ну да, надо говорить в этот день...

– Как понять? Донести? Кому?

– Мне, кому же еще?.. Вот, ознакомьтесь, – и он указал моим раскрытым паспортом, не выпускаемым из руки, на стену, где висела еще одна рамка, а в неё был вставлен лист бумаги:

Согласно Федеральному закону № 109-ФЗ от 18 июля «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», регистрация визы означает следующее:

1. Любое физическое лицо, постоянно зарегистрированное в РФ, может стать для иностранца принимающей стороной.

2. Иностранец предьявляет принимающей стороне:

2.1. паспорт иностранца;

2.2. миграционную карту.

3. Принимающая сторона:

3.1. делает ксерокопию:

а) страниц паспорта иностранца (разворота с фотографией и страницы с отметками о пересечении границы);

б) миграционной карты иностранца;

в) страниц своего паспорта (разворота с фотографией и страницы с регистрацией по месту жительства);

3.2. идет в районный отдел УФМС (ОУФМС) того района, в котором постоянно зарегистрирована принимающая сторона;

3.2.1. в ОУФМС заполняет в одном экземпляре бланк «Уведомления о прибытии иностранца»;

3.2.2. предъявляет в ОУФМС:

- а) заполненный бланк «Уведомления...»;**
- б) свой паспорт (т.е. паспорт принимающей стороны) + ксерокопию соответствующих страниц;**
- в) копию страниц паспорта иностранца;**
- г) копию миграционной карты иностранца.**

3.2.3. Инспектор ОУФМС всё проверяет. Если всё заполнено правильно, то от «Уведомления...» отрезается нижняя отрывная часть, на которой инспектор проставляет дату приема, ставит подпись, ФИО и заверяет печатью.

3.2.4. Принимающая сторона передает отрывную часть «Уведомления...» иностранцу.

Больше ничего до убытия иностранца делать не надо.

Я сумел прочитать и понять только несколько строк — канцелярит меня сильно удручил и основательно, почти физически, напугал.

А чиновник был неумолим:

— Это всё значит, что до регистрации ваша виза недействительна и вы находитесь нелегально на территории нашей родины.

Этого еще не хватало!.. Я в панике не знал, что делать. Где искать-ловить все эти бумаги?.. Где эта принимающая сторона, я сам её ищу, не могу ловить-поймать. Переписать список задач со стены? Полчаса займет.

— Могу сделать фото? — спросил я, вытаскивая фотоаппарат.

— С чего?

— Ну, этот список... сделать то, другое... В словаре посмотрю... я лингвист, интересно...

— А, ну-ну... — Он недобро покосился на фотоаппарат.

Я сделал снимок и сунул аппарат в карман, а он сказал:

— Кстати, а где ваша миграционная карта?.. Нет?.. Как это — «нет»?.. Её вам должны были выдать при пересечении границы...

– При границе я спал, – признался я, вспоминая, что, кажется, нам раздавали в самолёте какие-то серые бумажки в четверть листа (соседи по полёту, помню, даже сказали: «Четвертушка, как в туалете! Бумаги им, дьяволам, жаль? Ни хрена не разобрать!»); я оставил этот листок под сиденьем.

– Спали! Оставили! Видите! А её, эту бумагу, надо иметь с собой! Без неё – никак нельзя. Вот, ознакомьтесь! – он в третий раз строго указал на стену, где в очередной рамке было написано:

3.2.5. В процессе нахождения иностранца в РФ он при проверках предъявляет:

- а) паспорт;**
- б) миграционную карту;**
- в) отрывную часть «Уведомления...».**

Я был подавлен. Что за эмиграционная карта?.. Что за уведомление, да еще отрывочная его часть?.. Чтобы всё это перевести, понять, собрать, придется потратить пять-шесть дней... Нет, надо заплатить. Другого выхода нет. Но как, сколько?.. Хорстович говорил, что лучше давать сразу и без задержек. Но мне никогда не приходилось этого делать!..

Словно читая мои мысли, чиновник стал перебирать стопку листов на столе, приговаривая:

– Вообще-то все квоты уже исчерпаны, но одна миграционная карта здесь где-то у меня завалялась...

На это я спросил осторожно:

– Вот, тут написано – «штраф»... Могу давать... нет, дать штраф и быть свободен?

– Смотря что имеется в виду под «штрафом»... Вы же лингвист, сами понимаете... – туманно хмыкнул чиновник.

– Ну скажите-говорите, сколько?

Чиновник закрыл паспорт и указал им на рамку на стене:

— Вот почитайте, посчитайте.

За неведение территориального органа о приезде иностранного гражданина действующим законодательством предусмотрены штрафные санкции:

— на иностранных граждан — от 2000 до 5000 руб.
(п. 1 ст. 18.8 КоАП РФ);

— на граждан РФ, принимающих иностранцев, — от 2000 до 4000 руб. (п. 4 ст. 18.9 КоАП РФ);

— на должностных лиц — от 40 000 до 50 000 руб.
(п. 4 ст. 18.9 КоАП РФ);

— на юридических лиц — от 400 000 до 500 000 руб.
(п. 4 ст. 18.9 КоАП РФ).

— ...С вас — 5000 рублей, и с принимающей стороны — 4000 рублей, итого выходит 9000 рублей, или 300 баксов... Чтобы не терять время на хождение по банкам, заплатить штраф можно тут, у меня... И все бумаги оформить. А то ведь штраф не заменяет регистрации. Штраф — штрафом, а регистрация — регистрацией, всё своим чередом...

Ничего себе! Триста долларов! Но делать нечего, надо платить.

Я в волнении начал шарить в набитых карманах, вспоминая, есть ли у меня с собой вся сумма. На стол выскользнул диктофон, в котором крутилась кассета.

— А это что? — Чиновник схватил диктофон, нажал перемотку, потом «play» — из диктофона зазвучало: «...девять тысяч рублей, или триста баксов... чтобы не терять время... можно тут, у меня...»

Ах я идиот!.. Забыл его выключить!

Чиновник побелел, стал перематывать кассету. Другой рукой, не выпуская паспорта, он нажал несколько кнопок на мобильнике, лежащем на столе:

— Антоша, зайти... Да... Да...

Услышав стук в дверь, он вырвал кассету из дикто-

фона и сунул её себе в карман. В кабинет ввалился слоняра в черной коже.

— Вот, гражданин без регистрации... подозрительный тип... снимает на фото, записывает на диктофон... И документы не в порядке... нет регистрации...

— Типа шпион? — не удивился Антоша.

— Какое? Я лингвист, записываю разные... эти... его... — Я от волнения не мог найти слов.

Слоняра оглядел меня с ног до головы:

— Вот-вот, разные... Милиция разберётся... А ну на выход! — Он куда-то позвонил и тихо сказал: — Ребята, тут одного задержали... Вынюхивает чего-то... Разберитесь! Ага... Ну как всегда... Насчет вчерашнего — не переживай... Не, не вопрос, реально... Я ему сегодня уже отзвонил... Ага, чисто по-дружески... Ну давай...

Чиновник передал ему мой паспорт:

— Пусть разберутся. — (Паспорт вместе с диктофоном исчезли за кожаной пазухой Антоши.) — Смотри, чтоб он факты не уничтожил, кассеты...

— Есть еще кассеты? Сюда положил! — Слоняра ткнул в стол огромным пальцем с золотым кольцом поверх татуировки.

Я не стал препираться, отдал кассеты и фотоаппарат. В конце концов, что запрещенного я делал-сделал?..

Слоняра слизнул все это за пазуху:

— Еще факты есть?

— Какие? Это ошибка! Я учусь по-русски... изучаю русского...

Слоняра с удивлением посмотрел на меня:

— Смотри, какой шустрый... Русского он изучает... Ладно, милиция разберётся, что ты там изучаешь. На выход! — подтолкнул он меня бесцеремонно.

«Не расстреляют же они меня в ГУЛАГе?» — в панике думал я, стоя на крыльце проклятого бюро рядом со слонярой. Ах, жаль, неизвестен номер германского посоль-

ства в Москве!.. Говорил же Хорстович — держи телефон наготове, при себе, а я что?..

Мы стояли на ступеньках, я чувствовал запах нагретой кожи от куртки слоняры, и легкий холодок бегал в мозгах, и некстати настырно лезли Ваши слова (на семинаре «Князева дружина — мать ЧК»), что в России лучше заболеть чумой или угодить в лапы разбойников, чем попасть в поле зрения милиции, ибо поле её зрения куда шире и объемнее нашего, что эти хищники в погонах беспощадно охотятся на своих несчастных собратьев и могут сделать виновным любого, даже самого Иисуса Христа — сочинили же они свой анекдот о том, что «и Христос бы воровал, если б руки не прибили»... Вы еще очень смешно представляли, как бы милиция составляла дело на Христа: «Так, значит, Христос кто у нас — мошенник! Воду в вино превращал, свидетелей — пять тысяч. Левыми рыбами кормил? Кормил... Иоанн это разбавленное вино на базаре толкал, Симон с Андреем отмывали деньги, а подкупленный Пилат делил всё с синедрионом фифти-фифти...»

Но сейчас эти знания бесполезны — я уже попал в поле их зрения. Особого страха не было, но беспокойство отягощало. Вдобавок я вспомнил, что не последовал совету Хорстовича и не сделал ксерокопии с паспорта и визы и не спрятал их отдельно. Сейчас, предположим, просто ушел бы отсюда, а потом поехал бы с этой копией в германское посольство, а уж оттуда не выдадут так просто...

Но как уйти?.. Слоняра — тут, настороже, что-то скрипит у него в ушном жучке.

Нет, надо налаживать вербальный контакт. Даже на серийных маньяков действует.

- Кого ждем-подождём? — осторожно спросил я.
- Милицию.
- Зачем?
- В участок свезут.
- Кого?

– Вас, кого еще.

«Участок»! – это слово наводило на меня ужас уже при чтении «Преступления и наказания» в гимназии!..

– Почему? Что там?

– А там человек разберется.

– Какой-эдакий?

Слоняра поправил рацию в нагрудном кармане, покрутил жучок в ухе.

– А вот такой – полковник Майсурадзе, Гурам Ильич, начальник 3-го отделения.

– Май-су? Дзе? – удивился я. – Япон?

– Япон?.. – Слоняра выкатил на меня глаза. – Нет, он грузинец. Как Сталин. Знаете Сталина? Грузия?

– Конечно, Сталина знаю... Фашизм победил... Джорджия?... Георгиен?

Как же Сталина не знать, если русский язык учишь?.. И про Георгиен в прошлом году целую неделю по CNN танки и взрывы показывали, какие-то тощие солдатики унитазами ложки-плошки выносили откуда-то.

– Недавно там что-то... Это что, как Чечениен?

Слоняра поправил на голове вязаную шапочку:

– Да не дай бог!.. Нет, грузинцы сами по себе, а мы – сами по себе... Они маленькое государство обидели, а мы вступились... Южная Осетия, слышали?

– Да, слышал... По ZDF... Очень маленькое...

– Ничего. Маленькое, да удаленное... Авось как-нибудь...

– А, ну да... Авось да небось... Мой профессор в Германии всегда сказал, что коммунисты сперва делали, а потом думают, – не утерпел я, о чем тут же пожалел, но Антоша неожиданно согласился:

– Это он на сто процентов прав. Постоянно в какую-нибудь фигню влезает, а как вылезти потом – неизвестно. Так уже с Афганом и Чечней было.

– Да, фигушки-фигня.

Я был рад, что слоняра дружественно косится на меня лошадиным глазом. Чтобы смазать и умягчить си-

туацію, я решил прочесть стишки, которые мы писали на лабораторных:

– Вот, мы писали.. Прочесть?..

– Давай, чтоб не скучно стоять.

– «Авось, Небось да Как-Нибудь решили в гости заглянуть, выпили, съели, поспали, ушли, платить-заплатить позабыли башли...»

Слоняра одобрительно кивнул:

– Один к одному.

– Вот еще: «Халтура и лень – главная хрень, что нас кособочит и мордой вниз волочит...»

– Ха-ха... Это кто ж такое пишет?

– Мы на семинаре.

Постояли еще немного. Я чувствовал себя шатко, хоть и знал, что никакой вины за мной нет. Ну, регистрация... Ну, штраф... Дал бы этому, с серьгой – и всё... А теперь что делать Фреде?..

Я с детства был застенчив и труслив, как и многие мои товарищи, – например, в бойскаутском лагере в лесу неделю не ходил в мобильный туалет, потому что боялся пчел, роящихся у дыры, а пойти куда-нибудь в кусты – стеснялся. Живот вздулся, окаменел, я не мог спать, есть, ходить, пока не приехала мама и, узнав о моей очень большой нужде, не потащила меня к туалету, выгнав оттуда всех пчел и пообещав отгонять их, пока я буду внутри... Сейчас я чувствовал себя так же неприятно. Думая о том, что меня ожидает («человек разберётся»), я вспомнил странное имя, сказанное Антошей.

– А почему... откуда этот Мансур-дза тут, в Москве?

Слоняра усмехнулся, пуская кольца дыма (курил он почему-то дамские длинно-тонкие сигаретки), ответил вопросом:

– А почему все они сюда бегут, как у себя напако-стят?.. Кого откуда взашей не погонят – к нам бегут.

– Зашей? Что зашей?

Антоша пробежался рукой по рации, по поясу, по

карманам и объяснил, что уже лет двадцать назад, когда в Грузии начались всякие заварушки, этот полковник себе тут местечко присмотрел – пусть, мол, там друг друга режут, там правосудие не нужно, там бардак и анархия, лучше я тут посижу, послужу. Ну, и перевелся сюда, чин чинарём... правда, на чин ниже, но теперь уже опять полковник... Умный мужик, уважают его ребята, ушлый...

Ушлый – который ушёл?

– А куда он ушёл?

– Он? Никуда не ушёл. Наоборот, пришел. Куда ему уходить? Назад ему нельзя, там сейчас, говорят, другие порядки... Ему и здесь хорошо. Вот, дом уже купил под Москвой... Всё как у людей...

– Но вы говорите «ушлый». Это же тот, кто ушёл? – не унимался я, хотя нервы винтились всё сильнее. А когда глаза упирались в дубинку на поясе кожаного бетонника, то изнутри начинала бодаться слепая паника.

Слонище рассмеялся:

– Нет, не так. «Ушлый» говорят, если человек битый, умелый, хитрый... дотошный, дошлый...

– Дошлый – это который дошёл? Дойти до, доехать до? – Я совсем сник под струёй слов, но слоняра вдруг принял почтительный вид, а мне шепнул:

– Тсс, милиция... Быстро добрались, больших пробок еще нет...

Подъехал милицейский пикап. Из него громадным пузом вперед начал выгружаться милиционер. Вылез, встал на ноги, покачнулся. Живот двойным пластом нависал над поясом. Милиционер тучно колыхнулся и пошел, с трудом передвигая ноги в стоптанных кроссовках с выпирающими вразброд пальцами. Одет в форму, но китель расстёгнут (не мог быть застёгнут), узел галстука распущен и едва виден из-под тройного подбородка, нисползавшего сизобритыми мясными слоями на грудь.

«Вот мордохаря!.. Ряшкорожа!.. Жабоморда!» — начал я невольно находить новые слова.

— Капитан... — Отдышавшись после пяти шагов, он приложил пухлую лапу к фуражке. — Жирновский!

— Чей? — не понял я.

— Я — капитан Жирновский! Зачем, гражданин, нарушаете?

— Я не гражданин, я товарищ! И тамбовский медведь мне друг! — вспомнил я присказку.

Но капитан проигнорировал это замечание:

— До выяснений вы пока что гражданин. Если б не нарушали, нас бы не вызывали.

— Я не знаю, что я рушил... регистратура... печать... зигель¹... штемпель...

— Да уж что-нибудь нарушили... В чем дело, Антоша? — Капитан перевел рачьи глаза на охранника, угодливо дышавшего рядом.

Антоша вытащил из-за кожаной пазухи поочередно фотоаппарат, кассеты, диктофон:

— Вот, снимал, выведывал что-то, вынюхивал... Немец, но по-русски чешет круто. Вот его паспорт! — а я успел предупредить (как Вы учили):

— Паспорт германский. Немецкий. Бундес. Дейтчланд. Джормени.

Одни пухлые пальцы спрятали мои вещи в карманы, другие пухлые пальцы начали листать паспорт:

— Так... Это что?.. Батюшки! Кения?..

— Да, на сафари, — поспешил я ответить, чувствуя себя без паспорта деморализованным.

— Хм... Денег, наверно, немерено стоит туда поехать? — Капитан уставился на меня, а я осекся, вспомнив Вашу заповедь: «всегда приbedняться — студент, сирота, в Германии ни денег, ни имущества нет и не было» — и ответил:

— Да, в ресторане... официант...

¹ От Siegel (нем.) — печать.

– Это что, практика, что ли, типа?

– Да, практика типа.

– А это – Австралия... Что, и в Австралии тоже работал?

– Нет, заграничный семестр. Все студенты... один семестр... быть там, где язык, – заторопился я, не успевая слепить фразу.

– Ясненько... О, Израиль... А там что?.. Работа или практика? – с язвинкой спросил капитан.

– Там боже мой родился-родился.

– А, ну да... Туризм, значит... И все полгода туристовали? Регион-то опасный, огнеёмкий... – И он склонился на меня (поворачивать шею не мог, стоял как стоял, только глазами крутил).

Антоша вставил:

– Он в бюро всё фотковал, на диктофон писал. Выслеживает чего-то. Может, экстремал какой?

Капитан усмехнулся, похлопывая моим паспортом по своей голубой от сала ладони:

– Чего у нас выслеживать, окстись!.. – и я с тревогой увидел, как паспорт исчез во внутреннем кармане мятого кителя. – Разберёмся... Сам-то как, Антош? – спросил капитан, пытаясь оглядеться (брюхо поворачивалось за телом, как чужое полушарие, живущее собственной жизнью).

– Да так... Стоим пока тут... до лучших времён...

– Доживём ли, Антоша?.. Худшие чтоб не наступили!.. – Похлопывая себя по карманам, капитан зашевелился и сделал рукой вертящий знак в сторону машины – «заводи мотор!» – а мне сказал: – Товарищ прошёл к автотранспорту!

Я не понял:

– Какой товарищ прошёл?

– Вы. Идите. Прошу.

Антоша нам в спины тихо сказал:

– У него в карманах еще много чего реально есть, я не уточнял, права не имею, потрогал только...

— Уточним, мы на всё право имеем, — сказал капитан на ходу и, доковыляв до задней дверцы, открыл её: — Товарищ сел!

Сам он вгрузился на переднее сиденье, ногами вперед, живот втащен с помощью рук. За рулем угрюмо крючился молодой прыщавый во все щёки милиционер без звёзд на мятых погонах.

— Заводи, сержант Пьянчужников!

Сержант злобственно прошипел в ответ:

— Я Пичужников, товарищ капитан, сколько раз повторять...

— Нет, ты Пьянчужников. Запойников, Похмелицын. Как ты на Дне милиции генералу китель облевал! Как же ты не мистер Блевайло?.. Тяпунец, Пьянец... Вчера, небось, пил бормотуху с Надькой? Засадил ей в подъезде по самые ушки?

Сержант нервно завёл мотор:

— А вот это вас не касается... Ну, пил — право имею в отгул... Куда?

Капитан безмятежно зевнул:

— Вот и воняет в машине, как в хлеву... В отдел, куда еще? Наше дело — людишек свозить на правёж. А там пусть разбираются.

— Может, сразу на Лобовое место? — решил я еще раз попробовать шуткой, но капитан искоса посмотрел через плечо:

— Смотри ты!.. Лобовое... Никто палачествовать не собирается. Мобильник есть?

— Да, есть.

— Дал сюда...

— Сюда никто не дал. Это моя, я принёс...

Жирновский с натугой шевельнул корпусом:

— Принес? Ты что, через леса шёл? Может, из Прибалтики?.. Разведчик?.. Пока вы нелегально находитесь на территории России и официально не опознаны, все ваши личные вещи — это вещдоки и имущество России, ясно? Дал мобильник сюды! — Он протянул через плечо

перламутровую от жира руку, куда я вложил мобильник, помня наш семинар по ЧК: органы в России нельзя злить, сердить, нервировать, огорчать или возбуждать, потому что это может плохо кончиться, так как органы правопорядка всегда правы... Даже если собаку пихнуть палкой, то она укусит, а чего удивляться, если волк загрызёт?.. Лучше сразу делать, что они говорят, и пытаться дать кому-нибудь знать, где вы, чтобы вас могли спасти... Но как дать знать?.. Куда звонить?.. Папе Клеменсу в Мюнхен?.. Папа скажет: «Пойди в полицию...» — что еще может сказать честный бюргер?.. В посольство?.. И как звонить — телефон забрали..

Капитан, чуть поворачивая шеей под тройным оплывшим затылком, разглядывал мой мобильник и, увидев в зеркальце мой расстроенный вид, сказал потеплее:

— Да вы не переживайте. Правило такое. Ничего вашего не пропадёт. Человек разберётся, слово скажет... Вы ж не преступник, не мафия?

— Нет, какое там, — встревожился я. — Я лингвист, антифашист, языковедский... нет, не мафиист, не наркотист..

— Ну ить а я чего говорю?.. А зачем записи пишете? Что фиксируете?

— Слова, диалектизмы, идиомы...

— Аха, ебиомы всякие, хе... Ну, Майсурадзе во всём сечёт и волокёт. — Он понятиливо мотнул головой и сунул мобильник в другой внутренний карман.

— Да вы ему человеческим языком объясните, он же инстранец, он вашего воровского жаргона не понимает! Или другой язык забыли? — вдруг раздраженно подал голос сержант, а в мою сторону пояснил: — Капитан говорит, что Майсурадзе всё понимает, во всем разбирается.

— А, ну да, извиняюсь. — Капитан виновато двинул потным загривком. — Тут с урками мать родную забудешь, не то что язык... Ты, Пьянчужка, к главному входу не сворачивай, там видео-шмидео сейчас понатыкано... нам этого не надо... останови у черного...

От этой реплики меня обдало холодком: почему не хотят?

— Почему не видео-шмидео? — решил я спросить, вспоминая «думу-шмуму».

Капитан хмыкнул:

— Так же лучше — никто не увидит. А вдруг ты шпион? Завтра все газеты напечатают.

— Как? Это же тайна?

— Тайн нет — от бабла всех пучит, что угодно куда угодно продадут... А так — никто не входил, никто не выходил... если всё еще миром уладится...

— А как еще? — полностью всполошился я.

— Ну, я не следователь, подробностей не знаю... что там и как... Так, с бухты-барахты, сказать не могу... Давай-давай, Пьянчужка, урежь перед тем шпингалетом, не видит, что ли, что милиция едет? Нет уважения к форме, правильно говорит полковник... Вышли все! — указал он мне плечом на дверцу, а сам начал процесс выволакивания брюха на свет божий (которого оно, кажется, стыдилось и не желало вылезать).

Сержант запер машину, угрюмо прочапал к зданию и распахнул разболтанную дверь, капитан двумя руками внёс туда свое пузо. За ним, самым последним и крайним, шёл я, думая, что такое барахта бухты?

Пахнуло табачным дымом и казармой (где я был раз в жизни, когда отказывался от военной службы в пользу гражданской, в госпитале санитаром, за что папа Клеменс называл меня «альтернативный немец», а дедушка Людвиг ругал трусом и саботёром).

На черной лестнице — людно и оживленно: кого-то куда-то вели, кто-то мелко бежал по ступеням, кого-то звали:

— Олечка! Олег! Ордера не забудь,хвати, у меня кончились!

На второй площадке в кружок курили какие-то люди в одежде панков, с красными и зелёными хохлатыми гребешками и гремящими браслетами.

– Что, перекур? – спросил у них, отдуваясь после каждой ступени, капитан.

– Отбегались на сегодня. Отчет писанём – и всё... А ты кого поймал? Аль-Капона?

– Вроде того. – Капитан, переваливаясь, как корабль в бурю, пыхтя и упираясь руками в колени, одолел последние ступеньки и косолапо двинулся по коридору; сержант тащился рядом со мной, я чувствовал спёртый запах алкоголя. – Вон, сам стоять изволит...

И капитан сбавил темп до почтительного минимума, хотя и так полз, как разлапистая черепаха. Он попытался чуть склониться, но живот не позволял лишних движений: только вперед и по инерции.

Около кабинета стоял улыбчивый светлоглазый человек лет шестидесяти, седой, подтянутый и ширококостный, в штатском, хорошо сшитом костюме. В руках он держал расчерченные бумаги, похожие на ведомости или анкеты.

– Кого ведёшь? Куда? – спросил он, а я уловил какой-то странный акцент (реализация «е» как «е»-открытого, слабая палатализация).

– К вам, Гурам Ильич, куда ж еще? Вот, из бюро цыганули – иностранец, мол, с регистрацией опоздал, листка нет, всё на плёнку снимает, записывает...

Полковник засмеялся:

– Что же он может в этом гадюшнике записывать?.. Этих бездельников-лоботрясов?.. Здравия желаю, Егор Павлович, как рыбалка прошла? Успешно? Господь милывал, не было дождя? – Это он перенес свое внимание на бодрого старика в форме, спешившего с папками; тот на ходу ответил:

– Да как по маслу, вашими молитвами.

– И слава богу. Ну а дальше что? – Полковник перевёл глаза на Жирновского, меня между делом прорезав взглядом насквозь и наискось.

– Вот, вещдоков полные штаны, – указал капитан на оттопыренные карманы своего кителя.

— Главный вещдок — вот он, никуда не спрячешь. — Полковник указал на его брюхо. — В поте живота своего добываю хлеб свой с колбасой... Кстати, говорят, скоро толстяков будут сокращать и увольнять за ненужность... по профнепригодности...

— Да ить ну ерунда ж, половину уволить надо, все брюхатые. — И капитан захлопал воловьими глазами.

— Нет, не ерунда — вот анкеты, новые, анонимные, прислали. — Полковник потряс бумагами, но, когда капитан потянулся к ним, он не дал ему их, а наставительно продолжил: — Тучных лентяев и жирных лежебок уволят, оборотней в погонах изведут, милицию переименуют в полицию — и всё будет в порядке!.. С меня пример бери, — похлопал он себя по плоскому животу и приветливо спросил у проходящего мимо молодого человека с кобурой под мышкой: — Витя, решил проблему?

— Как будто вырисовывается...

— Ну, бог в помощь, я всегда, чем могу...

— Да я знаю, Гурам Ильич, спасибо...

Полковник проводил его задумчивым взглядом и вернулся к теме:

— Диета, Жирновский, диета и еще раз диета, как учил нас товарищ Сталин...

— Да я уж и так, тоже... на ей сажу... булочек почти не ем, про пельмешки забыл, вкус не помню, от всяких там спагеттей и тортелиней отказался, чего ещё?.. Ни ватрушечек, ни пампушек, ни сдобочек всяких, ни пончика там, ни тортика...

(«Вот они, суффиксы!» — пронеслось ликование, и я, не к месту и времени, не мог не вспомнить Ваши слова о непреодолимой тяге русских обозначать продукты питания исключительно через ласково-уменьшительные формы, что является прямым следствием перманентного голода в этом суровом климате.)

— Да, и что-то не по форме одеты, товарищ капитан. — Пропуская мимо ушей «сдобочки и пирожки», полковник покосился на капитановы уродливые крос-

совки, на вылезшие из-под ремня углы голубой рубахи. — Где сапоги и сухпаек на двое суток?

— Да ить ведь... Ноги опухают, пухнут, вода...

— Будут опухать, когда им такой вес носить придется, — сказал полковник и холодно-серьезно присовокупил на «вы»: — Как преступника преследовать будете, когда вы по лестнице выше второго подняться не в силах? А? Что? Вон, до сих пор отдышаться не можете...

Жирновский беспомощно разлапил рот:

— Так... Куда ж он уйдет? Предупредительный, в воздух...

— А если нарушитель не остановится?.. Тогда на поражение стрелять? А может, он глухой?.. Или от испуга бежит?.. Или пьяный, не слышит, как с сыном генерала Блюдоплахова случилось... Нет, не годится так... — И, не обращая внимания на испуганное бульканье капитана, улыбочиво приложил руку к виску в полупоклоне, когда вдали прошествовал какой-то, очевидно, большой начальник, не менее объемистый, чем Жирновский, но более вальяжный, задумчивый и спокойный; за ним рьяной рысцой следовала группка людей, как стая гиен — за львом (чему я был свидетель на сафари в Кении). — В общем, бегать надо по утрам, бегать... Положи вещи доки на стол! — Полковник посторонился, распахнув дверь с табличкой:

МАЙСУРАДЗЕ

Гурам Ильич

Начальник 3-го отделения

Капитан виновато внёс внутрь свое брюхо. Полковник корректно указал мне ладонью на открытую дверь:

— Геноссе, битте! Шпрехен зи дейч?

— О, ја, ја! А вы говорите? — обрадовался я.

— Нет, в школе учил... мало что помнится... Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч? И каждый вечер в этот час он открывает васисдас... у нас немцев уважают...

А откуда он знает, что я немец? Капитан ему этого, кажется, не говорил...

В кабинете капитан, со свистом одышливо пыхтя и урча, стал выволакивать из карманов «вешдоки». Я стоял у стола. Полковник не спешил войти и серьезно говорил кому-то, мне из кабинета не видному:

— Да, не вышло у тебя, не успел, что делать... волка погоны кормят... в следующий раз будешь умнее... нет, если так — оставь себе, мальчишкам на молочишко... хорошо, сдай ведомость в хозчасть, я подпишу потом... Так, ты сейчас куда? — обратился он к капитану, войдя в кабинет.

Тот, с треском задрал рукав, с трудом нашел часы (на них с двух сторон налезало складчатое сало):

— Да ить... Полдень... Обедать пора... Ну и сержанту... чего-нибудь горячего, он совсем скис, вчера на дне рождения где-то, сегодня сам не свой...

— Да вы за себя говорите, товарищ капитан. Я очень даже свой, — подал из коридора голос сержант.

— Ну, давайте — вы своё дело знаете. — И полковник, пропустив в дверь шумного капитана, закрыл её. Взял со стола паспорт и, взмахнув рукой, открыл его на лету: — Боммель. Манфред. Германия, Мюнхен... Хм... Бавария, значит... Зетцен зи, битте!

— Да. Бавария, Байерн, — подтвердил я, садясь. — Фредя зовут.

— Виза на две недели, до 29 сентября... Всё честь честью, всё в порядке. Чего же этим хищникам надо? — Он не отпускал глазами моих глаз, пока усаживался в кресло; с недоумением и отдельно, как на уроке фонетики, спросил: — Что? Им? Надо?

— Регистрация... зачем, если виза?..

Полковник жестом подтвердил:

— Ну скажите на милость, зачем? Зачем нужна еще и регистрация, когда есть уже виза? Зачем так затруднять въезд в страну?.. Чтобы давать набивать карманы

этим гадам?.. Даже в Зимбабве нет никакой регистрации, а у нас – пожалуйста, бегай немец по бюро, шнель, шнель, партизанен... Правильно говорят: серп и молот – смерть и голод! Совсем обнаглели...

А я вдруг начал проникаться к нему доверием – он так по-человечески спрашивает, по-доброму смотрит, шутит, такой ничего плохого сделать не может... Или сможет?..

– Вот да, давай-давай, туда-сюда... Штраф плати...

Полковник заинтересованно стал вслушиваться:

– Это он вам говорит – штраф плати? В бюро? Такой высокий, прилизанный, с серьгой? То ли Оболдихин, то ли Облепихин?.. Интересно! – И он что-то пометил в календаре. – Так прямо штраф и плати ему? Не в кассу, а ему в руки? Наличными? Или карточку тоже берёт?

По этим вопросам я понял, что лучше молчать:

– Да так... Нет, он не говорит... Да, штраф за регистрацию... Я не понял...

– И сколько?

– Там правило на стене, написано... Но я не платил, нет.

– Ах, у него еще и правила написаны на стене? Интересно!.. Ну, об этом потом. Что еще видели-слышали?

– С ветеранами водку-пиво пил-выпил... Хорошие ребята... старичайки... давай-давай... всё про вермахт знают... – Мне вдруг захотелось рассказать ему об этом, так заинтересованно и участливо склонил он голову:

– Что вы говорите! Отлично! А что вам надо было у фронтовиков? Вы вообще из какой организации? По какому делу приехали, Фредя? Из какого фонда?

Нет, Фредя не из фонда:

– Я – турист. Лингвотур делаю... Маша пригласила, но я её искать не могу... найти... Был, смотрел герой-город на Неве, сейчас Московия... Москау... Компьютерный лингвистик, маленький лингвистик, больше никто...

Участливо качая головой, он закрыл паспорт и оставил его у себя под ладонью:

— О, трудная профессия, наверно? Вы отлично говорите по-русски, лучше меня, наверно... А как в финансовом плане? Что это дает?

— Кто где как...

— А, ну да, ну да... — Он покачал приветливо головой. — Это всюду так... Кто как, кто где, что почём... Да, жизнь своё берёт... — добавил он как-то задумчиво и невзначай указал глазами на кассеты: — Это что?

— Записываю эдакие слова, фразеологизмы, диалектизмы... еще лекции записаны, можно слушать. — Я поймал себя на том, что за сегодня уже в третий раз оправдываюсь и говорю одно и то же.

— Зачем, позвольте спросить?

— Чтобы язык учить, учиться.

— Какой?

— Русский.

— Зачем вам учить — вы и так прекрасно говорите.

Где вас обучали?

— Дома, Бабаня...

— Бабаня — это что, кличка?

— Нет, баба Аня.

— Вот как... А зачем сюда ездить? По книгам учить нельзя разве?

Я даже удивился этому вопросу:

— По книгам — это пассив, теория, первый этап, а в стране — актив, практикум, второй этап...

— С этапами поосторожней... Хотя вы правы — теория и практика едины, как учил нас Сталин, Иосэб Бэсариневич...

— Иосэб? Почему? Я знаю — Иосиф. Или Йозеф. Или Йожеф.

Полковник подмигнул:

— Это по-русски. А по-нашему правильно будет «Иосэб». Можете тоже записать и гонорар прислать, когда статья выйдет... О, я о Сосо много знаю!

— Сосо? Что это?

— Имя. Мужское.

Я сказал ему, что мне это имя кажется очень странным: для женщины еще куда ни шло, но для мужчины?..

Полковник погрозил пальцем:

— Вы с этим именем не шутите! Сосо — это сокращенное от «Иосиф»... Это была кличка Сталина... А меня, кстати, отец вообще хотел назвать Ибест...

Я удивился еще больше (всем известно, что «еб-иб» — опасный корень):

— А это... От «бест» — лучший?

— Нет, это от имени Сталина — И-осиф Бе-ссарионович Сталин... многие так детей называли... Грузины брали имена прямо в Шумере, у хеттов... Бэс — какой-то бог у них там был... Поэтому Сталин — Бэссарионович, сын бога... А ваш Гитлер, кстати, совсем не Гитлер, а Гидлер.

— Откуда знаете? — изумился я (да, действительно, чиновник вписал в паспорт ошибочно «Гитлер» вместо правильного «Гидлер» — об этом только единицы знают, а мне рассказал дед Людвиг, который дружил с сестрой Клары Пёльцль, матери Адольфа Гитлера). — Дедушка Людвиг бывал знаком с теткой Гитлера...

— Хорошие знакомства у вашего дедушки, как я посмотрю. Хотел бы и я с ним познакомиться лично, — удовлетворенно, даже ласково заметил полковник, что меня обрадовало.

Тут зазвонил телефон. И полковник, послушав в трубку, стал говорить на языке, который я никогда не слышал и не смог идентифицировать — было много абруптивов, гортанно-смычных, щелевых:

— Сад хар? Харахура сад арис? Каи, мовал!¹ — вот что я успел запомнить (у меня сильная звуковая память, Вы еще отмечали этот факт). Странное слово «харахура» напомнило мне «харакири». И эта странное окончание фамилии полковника — «дзе»...

Раздосадованно бросив и тут же подняв трубку, полковник набрал короткий номер:

¹ Где ты? Вещички где? Хорошо, приеду! (*сгуз.*)

— Жирный, сержант здесь еще?.. Нужен мне. Пусть к черному входу срочно едет... Ничего, потом пообедаст, я ему дам бабки на опохмелку... Мне надо по делу отехать, человеку помочь, кое-куда на «канарейке» подскочить, да... Жду... — Потом вытащил из ящика целлофановый пакет, сложил в него предметы со стола и спросил, почему-то шепотом: — Что еще есть? Дайте сами, не хочу вас унижать обыском. Гебен зи битте!

Я подал ему электронный переводчик со словарём Ожегова.

— Бумажник?

— Зачем?

— Уверяю вас, так будет лучше... Ничего не пропадёт... Здесь будет надёжнее... Нихт паник махен.

Я отдал и бумажник. Хоть я был в бессильном волнении, я всё-таки не забыл:

— На каком языке вы сейчас говорили? Очень красиво так... журжит...

Полковник мечтательно потянулся:

— Понравился?.. Это грузинский, язык богов... — и бросил, не глядя, бумажник в пакет: — Всё? Я ознакомлюсь с материалами дела. Прошу простить, срочный вызов, прошу немного подождать, геноссе. Как думаете, встречались Сталин и Гитлер? Говорят, была тайная встреча?

— Не умею знать такое. — («Опять без Гитлера не обходится...»)

— Да. Говорят, была встреча, где-то в горах, с немецкой стороны — Гитлер, Дениц, Роммель и Кальтенбруннер, а с нашей — Сталин, Молотов, Берия и Каганович. Каганович здоровый был, его для испугу взяли... Не слышали, нет? — Он нащелкал трехзначный номер на белом телефоне без диска, но с кнопками и сказал: — Эй, спите там? Пятая свободна у вас?.. Вы что, всех дворняжек с улицы сажаете?.. А третья?.. А, ничего, они его не обидят... Да, подержите, я скоро буду, — а мне бросил: — Еще раз прошу извинить, майн герр, цайт, цайт!

И спешно вышел, спрятав мешок.

А я остался думать, ошарашенный. Материалы дела?.. Свободна?.. Может, я свободен? А паспорт, бумажник, телефон? Что им вообще надо?.. И почему я не попросил этого улыбчивого полковника позвонить в германское посольство?.. Там бы подняли анкеты... Он спрашивал, из какого я фонда... Кажется, кто-то из студентов говорил, что сейчас в России опасаются всяких фондов... Может, милиция думает, что я из фонда Макартура или Сороса?.. Конечно, они Сороса не любят, Сорос говорил, что, когда рушится империя, наступает дефолт остатков, и сильные берут себе brutальное brutто, а народу кидают пустое нетто, и кто начал есть, тот не остановится...

Да, хорошо было шутить на семинаре — а тут сидеть?.. Я Вас не упрекаю, не Вы меня сюда посылали... Вы, наоборот, предупреждали, что в России может случиться что угодно, ибо страна непредсказуема...

В двери возник белобрысый паренек в синей форме.

— Задержанный Буммель?

— Да, Боммель.

— Ну. Манфред? Год рождения? — Он сверился с бумажкой. — Встал, пошёл со мной.

— Кто пошёл? — Я с трудом поднялся на затёкшие ноги (тело ломило, я был словно обожжен на солнце, лихорадило).

— Кто? Вы, кто ещё? — он посторонился, давая мне пройти. — Вперед и вниз, по ступеням.

На черной лестнице было пусто, пахло опилками и бензином. В самом низу, в подвале, у поворота в коридор, сидел человек в погонах и ел пирожок. Перед ним на бумаге лежало еще несколько. Выглядели они столь аппетитно, что я, несмотря на стресс, наверно, облизнулся — человек в погонах заметил это и, уточнив:

— Это тот немец? — указал мне на пирожки и произнёс громко, как глухому, по складам: — У-го-щай-тесь!

— О, спасибо! — Я взял один.

— И ты бери, Кроля. После того как мы эту забега-ловку потрясли, они поболее мяса класть стали.

Кроля тоже взял. Жуя, он внимательно смотрел на меня.

— Что? Что такое? — спросил я (не терплю, как все европейцы, прямых долгих взглядов).

— Я вот смотрю... ты не родственник ли спортсмену Буммелю?.. Нет?.. Жаль... Ух и сильно с шестом прыгал...

— Куда в шестом?

— Ну, через перекладину... У меня брат спортом увлекается — так, для себя качается, у него в комнате плакат с Буммелем висел, так ты на него реально похож... Не родня, нет?

— Нет, нет, я Боммель, Манфред, Фредя.

— А, ну да.

Человек в погонах переложил по бумаге оставшиеся пирожки:

— Берите!

— А обед? Заказать? — спросил я.

— Куда? В камеру?

— Что за камера? — не понял я.

— А это что? — Он указал на угол стены, я заглянул — там был ряд дверей за железными решетками...

— Что это, тюрьма? — Меня обдало жаром изнутри и морозом снаружи. — Зачем? Куда я убегаю? Я не хочу! Это есть обезьянник?

Кроля, откусывая от пирожка, сказал:

— Нет, это мартышник... Посидишь немного, подождёшь Гурам Ильича, а потом он решит...

— Какого Ильича?

Что они говорят? Что они хотят сделать?

— Дайте позвонить в посольство! — Я дернулся к лестнице, но Кроля крепко схватил меня скользкой от жира рукой:

— Куда? Стоять! — и, не отпуская, дыша пирожком и глядя исподлобья, навязчиво повторил: — Сказал, подо-

ждал час-полчас, пока Майсурадзе придет и решит... Вот, возьми эти пирожки и иди. Там никого нет. Одна плюшка и Самуил Матвейч. С ними посиди, побухти, таких у вас в Германии нету небось...

– Я не боюсь, – по инерции ответил я, хотя очень боялся. Шлюшка – тоже малопривратно – вдруг сифилис? А вот Самуил... Иудей. А они, говорят, иногда на немцев бросаются – после холокоста...

– А он опасный?

– Кто? Самуилыч? Не, тихий... Да мы права не имеем тебя выпустить, а то пустили бы – зачем ты нам тут?

Человек в погонах тоже стал успокаивать:

– Камеры чистые, новые, только что ремонт сделали... Если что – стучите! – (Эта реплика привела меня в полный ужас – «если что...»!), а Кроля взял со щита блестящий зловещий ключ и подтолкнул меня к коридору, но вдруг остановил:

– Поясок, шнурики есть?

– Зачем?

– Не положено.

– Куда не положено?

Но Кроля вместо ответа бесцеремонно задрал на мне свитер, пояса не обнаружил, нагнулся и приподнял штаны – ботинки были на цепких мохнатых цеплялках, без шнурков.

Разогнувшись, он немного смущенно объяснил:

– Нельзя, понимаешь, чтоб ремешки или шнурики... Повеситься, задушиться... В карманах есть что? – И, не дожидаясь ответа, полез в карманы, вытащил платок, ключ и нашивку. – Опаньки!.. А это что?.. Фашистский знак, гляди!

А!.. То была одна из нашивок, которыми меня снабдил Фрол.

– Это нет... не фашисты... так, игра... Фрол в кафе давал.

Они рассматривали нашивку.

— Видите, написано «Grammatik macht frei», «грамматика делает свободным»! Это такая партия... там всякие эдакие...

— Лимоновцы? Нацболы? — сказал дежурный, а Кроля спросил:

— Где эта партия? Здесь, что ли? Или у вас, в Фашистии?

— Нет, они тут, около Мавзолея, избили... чистый язык... борьба...

— Отдам полковнику — пусть разбирается, — решил Кроля и указал мне рукой: — Так, вперед пошли!

Он вразвалку повёл меня к камере с номером «3». Покопавшись в двери ключом, толчком открыл её. Оттуда пахло запахом свежей краски, что немного успокоило. Ничего не оставалось, как входить-войти.

В большой свежеекрашенной зелёным комнате с окнами в решетках стоял стол, по бокам — две скамьи, вделаны в стены. На одной — аппетитная женщина: в яркой помаде, большеротая, с пухлой грудью, в чем-то ярком и коротком, полные коленки изрядно вылезают наружу. Напротив величественно громоздился старик в берете, с синяком под глазом.

— Здравствуйте, я немец, Манфред, учу русского, стажировка...

Баба равнодушно скользнула по мне, но заинтересованно остановилась на свёртке:

— Что там? — а старик отозвался:

— И не старайтесь! Наш язык не поддается дрессировке, как и наш народ!

— Во, завёл шарманку... — Женщина досадливо поморщилась, взяла пирожок. Старик тоже потянулся было к пирожку, но она ловко забрала себе и второй: — Тебя сейчас выпустят, а мне сидеть еще до хер знает сколько...

— Извольте. Вы не женщина, а баба. Правильно говорят — хамунизм мы построили, а до всего остального руки не дошли...

От старика шёл легкий винный запах. Я решил сесть к бабе, но и от неё тянуло спиртным.

— Меня зовут Манфред, Фредя. А вас?

— А меня — Земфира... А вообще — Алка.

— Не понял, — сказал я.

Старик злорадно уточнил:

— Земфира — это рабочий псевдоним, знаете ли, как у Ульянова — Ленин, у Бронштейна — Троцкий...

Активно прожевывая кусок — грудь ходила валунами, — Алка махнула на него пирожком:

— Да замолк, дай спокойно пожрать!

Они все постоянно употребляют совершенный вид прошедшего времени: «Сделал! Сел! Встал! Принес! Замолк!» Есть в этом что-то очень неприятное, фамильярное, грубое, наглое... И интонации голоса при этом такие... недружественные... грубые... язык — зеркало социума...

Алка, дожевывая пирожок, поинтересовалась:

— Сигарет, случайно, нет?

— Нет, не курю.

— Я слыхала, у вас в Европе никто уже почти не курит?

— Да, мало кто.

Она вытерла пальцы о юбку:

— За что тебя? Драка?

— Нет, какое!.. Регистрация не была.

— А, в рейд попал?

— Нет, в бюро. Там началась всякая, такая... катавасия... Бухты-барханы...

— Чего?

— Шум-шмум. — Я вспомнил шофера. — Разговоры, карточки... Зачем фотоаппарат, кассеты...

— И всё? Отпустят, — уверенно сказала она. — Проверят и выгонят. У меня тоже прописка просрочена, вот менты и выловили...

— И что делали?

Она подкинула снизу груди:

– Ничего. Сижу, жду, когда бабло подвезут. Сестра должна приехать к вечеру из Холмогор, бабки привезти, чтоб этим проклятым гадам пасть заткнуть... А пока вот с утра посадили... до денег, сказали, будешь сидеть...

– Разбойный приказ, одним словом, – подал реплику старик и приподнял шляпу: – Самуил Матвейч!

Он был одет в потертый клетчатый пиджак и тёплую ковбойку, на лице – костяные очки; скрюченно-неподвижными пальцами он трогал синь в подглазье.

– Чей приказ? – не понял я.

– Раньше сие заведение называлось Разбойный приказ. А еще раньше – Разбойная изба. Сидка главных разбойников.

Тут я вспомнил:

– Да, Пётр Большой, Гроссе, знаю... Приказы... Учили.

– Нет, батенька, Разбойный приказ был еще при деде Петра... И до него... Заведовал разбоями, грабежами, палачами, тюрьмами... Потом сыск назывался...

– А вы почему тут? – спросил я, хоть и знал по фильмам, что в тюрьме такие вопросы задавать нельзя. Но это и не казалось настоящей тюрьмой – скорей как в очереди к врачу.

– Видите ли, обстоятельства...

Алка поправила лифчик, подбросив снизу руками груди:

– Он в киоске газетном тут работает, у него иногда пакеты с травой ребята оставляют... Ну и... что-то не срослось с ментами...

– О нет, нет! – запричитал старик, а баба рявкнула на него:

– Чего нет-нет? Да-да! Марихуана, а что же? Марья-Иванна!

– Но они говорили, что это тибетский сбор трав, от кашля... календула... простуда...

– Ага, тибетский сбор с краснодарских гор...

– Я не знал.

– Всё ты знал.

Значит, это дилер. Алка спросила меня:

– Слушай, дружок, а ты там, у себя в Германии, по борделям ходишь?

Я опешил:

– Я?.. Нет. У меня подруга Элизабет.

– А... а я думала... – разочарованно протянула она. – А цены не знаешь?

– Какие?

– Ну, на эти... на секс.

– А, – понял я. – Средняя – от 50 до 100 евро.

Алка удовлетворенно кивнула и восхищенно закатила глаза:

– Это что же, в день до штуки евро срубить можно?

– Зависит от вашей выносливости, мадам, – ядовито вставил старик, а я ответил:

– Нет, оттуда еще платить... комната, свет, отопление, телефон, налоги, профсоюзные сборы... По ZDF показывали.

– Что, и профсоюз есть?

Услышав, что да, сейчас открыли, «Гидра» называется, все проститутки платят в медицинскую и пенсионную кассы, она озабоченно посмотрела на меня:

– Сделаешь визу? Месяца на три?.. Приеду, отработаю и тебя не забуду – приходи хоть каждый день...

– Конечно, посмотрим... потому что почему нет... – уклончиво ответил я («да и нет не говорите»).

– Ручка есть, дедуль, бумажка? – спросила она у старика.

– Вот, прошу – хоть и обыскали, но книжку не забрали... И карандаш, если пишет. – Старик, обдавая меня острым затхлым запахом, малоподвижной рукой выволок из кармана древнюю записную книжку и вырвал из неё желтый листок.

Алка размашисто рассадилась по нему значки.

— Вот мой телефон. Надо будет — заходи, — дала она мне разнокалиберно нацарапанные цифры. — А твой номер?

Я написал свой правильный телефон — пусть приедет, почему нет?.. Отведу её на Мариенплац, а там сама разберётся... Наши баварцы такие груди без внимания не оставят, грудь для баварца — важнее пива.

— Отлично, Фредя! — Она спрятала бумажку куда-то за пояс юбки. — Можешь и ночевать у меня, если чего... Ты где остановился? В гостинице? Там дорого, наверно, я тебе комнату задёшево сдам, в одной ты будешь, в другой — я... Я две комнаты снимаю...

Старик усмехнулся:

— Под крики и стоны клиентов не очень-то и уснёшь.

Алка вспыхнула:

— Никаких криков! Дом сталинский, стены — во, в пять хуев толщиной, — она показала руками отрезок в метр, — еще твои немцы строили... — а на мой вопрос, какие такие мои немцы и что они строили, старик пояснил:

— Она имеет в виду — военнопленные, немцы, после войны. Да, что при Сталине построено — до сих пор прочно стоит, спросом пользуется... И мой номер запишите, у меня тоже две комнаты, милости просим. Так, дай бог памяти... Пять... Пять... Потом три двойки... Тридцать девять в конце... улица Нежданова, 58, киоск напротив дома. Я или дома, или в ларьке... Видно, что вы — учтивый и вежливый молодой человек, не то что этот Юрка-быдло... Оставь, говорит, Самуилыч, пакет до вечера, таскать с собой неохота, вот тебе 1000 рублей, вечером — столько же... расплачусь при заборе...

— На каком заборе? — не понял я.

— Ну, когда забирать придут. А забрали — меня: явились менты, пакет вскрыли — там пахучий цветок какой-то... весы у них с собой были...

— Да не заливай! Прекрасно ты знал, что в пакете!.. Первый раз, что ли?

3. 22 сентября 2009 г.

— Да я... 50 лет в библиотеке проработал... интеллигентный человек... нужда заставляет...

— Это ты ментам лапшу вешай, мне-то чего заливаешь? — Алка взвилась возмущенной грудью. — Я сама у тебя как-то экстеzi брала!

— Это ментоловые таблетки, что ли? — сделал заинтересованное лицо старик.

— Хрен там ментоловые! Экстеzi! Ты еще пошутил — мол, меняю на виагру...

Старик обидчиво подтянул губы:

— Мне, слава богу, виагра пока не нужна...

— Как же!.. Барыга старый!

— Не раздражай меня! Я хоть и незлобивый, но тоже могу укуcить...

А мне под их ласковую перепалку стало думаться вдруг, какие все-таки русские люди — простые и легкие в контактах: угощают пирожками, дают адреса, телефоны, приглашают в гости... А как по-доброму, по-человечески они говорят друг с другом!.. Антоша — с толстым капитаном, капитан — с полковником, с сержантом... По-доброму, по-домашнему, по-родному... Тут нет дистанции, всё запросто, любой может заговорить с тобой, сказать что-нибудь, у нас же все друг с другом — на расстоянии руки... Только официально: «Фрау Шмидт! Герр Мюллер!» Нет человечности — ни в языке, ни в менталитете, а у русских — есть... В немецком даже слова такого — «человечность» — нет, что меня не удивляет... Да, помню, как я обиделся, когда Вы дали нам перевести цитату из Ломоносова, что на немецком языке надо говорить с лошадьми, а сейчас понимаю, что он был очень прав. Гроссадмирал Ломоносов! А сколько оттенков в русском?.. Вот Бабаня часто повторяла «незлобивый народ», а я никак не мог понять, что это значит. В немецком есть «злой» — и всё... В немецком даже нормального слова для понятие «добрый», «доброта», «добро» нет — «gut» — это «хороший», «barmherzig» — «милосердный»,

а где «добрый»? И этот факт, кажется, многое объясняет в нашем менталитете и в той катастрофе, которую мы учинили и которая произошла с нами... Хотя самые большие чванцы и чопорюги — это всё-таки пруссаки... Мы, баварцы, другие. Ну да мы и старше их на тысячу лет... И не происходит ли само наше название «баварец» — от «боярец», «боярин», *Bojarisch*?.. Очень может быть... Говорят же, что германские племена произошли от славянских, а не наоборот.

Я вполуха и вполслуха слушал-слышал, как Алка учит меня, что надо отвечать на допросе — «ничего не знаю, ничего не видел, турист-интурист»:

— Ничего не говорить, молчать... Скажешь одно словечко — они из тебя сто вытащат... Что, у тебя две головы с ними связываться?

— Иногда думаю, что у меня не две, а три или четыре головы, — пошутил я, но сам подумал, откуда она знает, что у моего далекого предка с отцовской стороны — Рюдигера — было, согласно семейной легенде, действительно, две головы.

И мне вдруг захотелось рассказать это хорошим людям. Что-то подгоняло, словно растягивало меня изнутри, давило на мозг, заставляло говорить так быстро, что я слышал свои слова раньше, чем успевал оборачивать в них мысли...

Это была речевая течь, которая иногда открывалась во мне после ступора.

Да, мой предок, некий Рюдигер, обладал двумя головами, которые росли из его шеи, как два цветка из одной лунки. Одна голова у Рюдигера была главная, основная, а вторая — поменьше, побочная, но очень живая и бойкая. Она не ела, не говорила, но вздыхала, только охала или блаженно улыбалась, отваливаясь на плечо, как тряпичный Касперле. Рюдигер аккуратно брил и причёсывал ее перед зеркалом. Сам двуголовый человек жил припеваючи — гулял по рынкам и трактирам, люди толпами ходили за ним, и стоило малой голове начать

кривляться или строить рожи, как деньги дождём сыпались в таз.

На вопрос, какой головой он думает, спит ли вторая голова, видит ли сны, Рюдигер не мог вразумительно ответить. Напрямую он своего второго лица тоже видеть не мог (только в зеркале) и во время пирушек не знал, что эта хитрая головка корчит сбоку.

Рюдигер говорил, что разницы между рукой, ногой и этой второй головой он не видит и не знает, известны ли второй голове его мысли. Он подозревал, что известны, потому что при появлении красивых женщин малая головка так оживлялась и начинала так уморительно вздыхать и охать, что все покатывались с хохоту, а бедный Рюдигер пытался руками закрыть бесстыжие глаза и заткнуть нахальный рот малой головы. Женщин у него была масса, ибо, по слухам, членов у него тоже было два — один большой, основной, а второй поменьше, вспомогательный, для которого всегда, впрочем, находилась работа. Некоторые дамы лобызались исключительно со второй головой, утверждая, что она необыкновенно нежна и трепетна, а Рюдигер говорил, что баба и с трехголовым драконом переспит из любопытства, если только пламя не помешает.

Был он нрава легкого и окончил свою жизнь в довольстве, среди чад и домочадцев. У одного внука было шесть пальцев на левой ноге, и дедушка Рюдигер успокаивал шестипалого малыша: «Это ерунда, ты же видишь — у меня две головы, а ничего, всё в порядке! Это совсем не страшно!» Кстати, никто из детей этой второй головы не боялся — они совали ей пальцы в рот и нос, а если какой-нибудь малыш вдруг начинал плакать от страха, на голову надевали черный колпак — и дело с концом. Когда дедушка Рюдигер умер, были сомнения, не закрыть ли в гробу вторую голову капюшоном, но знающие люди говорили, что этого делать не следует.

— Какие ужасы! — сказала Земфира-Алка, слушавшая напряженно, до пота на верхней губе.

А старик, поправив квадратные очки, в ответ сообщил: как раз вчера в ларьке он прочитал, что в Англии лет десять назад родились сиамские близнецы, девочки, тело у них — одно, а головы — две; и до школы жили мирно, проблемы начались потом: сколько их — одна или две? Раз головы отвечали на уроках самостоятельно, в журналах стояло два имени. Но вот когда подошло время брать водительские права, полицейские заартачились: кто ведет машину? На кого права выписывать? Кто сдает, какая голова машиной управляет? А медицинскую страховку платить — одну или две?.. Тело одно, но зубов — шестьдесят четыре, не говоря уже о четырёх глазах, четырёх ушах, двух носах и двух ртах!..

Тут из-за двери послышались топот, движения тел, глухие толчки, вскрики:

— Ну, падлы, козлы, фашисты ёбаные, вашу мать!..

— Свою еби, — со смехом отвечали ему, и опять — тупые глухие толчки, топотание сапог по полу, стоны, потом скрипы и грохот двери.

Мы слушали это с испугом.

— Повели кого-то... Беспредельники, убийцы, — проворкотал Самуил Матвеич. Алка вздохнула:

— Меня недавно на субботнике пять оперативников три часа подряд драли... Звери!.. Обоньются, обнюхаются, накурятся, у них же изъятой наркоты полные закрома, вещдоками забиты под тюбетейку — и нагрянут прямо на дом... А не дашь, пискнешь — в тюрьму законопатят или вообще жизни лишат, как вот Вальку из Нижнего... В лесу нашли, всю трактором расквашенную, по куску татуировки брат опознал... Но ты не бойся, тебя они не тронут, они иноземцев боятся...

— Никого они не боятся, — подавленно сказал Самуил Матвеич.

— Ну, опасаются, суки ебёные...

— А как правильно — «ёбаный» или «ебёный»?.. Или «ебатый»?.. Это же всё пассивные причастия? — завертелось в голове, слетело на язык и вылетело изо рта.

Алка молча вздохнула полными буграми. Отозвался Самуил Матвеич:

– Не дай вам бог этим причастием причаститься... Скажите лучше, к вам евреи едут?

– Нет, не едут. Откуда? Куда?

Старик переложил свои неподвижные крючковые руки:

– Не к вам лично, а в Германию... Я слышал, много едут...

– Я тоже слышал, – ответил я неопределенно, хотя и знал по университету, что есть такая еврейская эмиграция, «Kontingent-Flüchtlinge» называется, что само по себе по-немецки звучит довольно глупо: «контингент – беженцы», как понять – вечные беженцы?.. – Слышал. Но не знаю.

Повздыхали и притихли, замолкли, думая не о приятном.

После рассказа о двухголовом предке я устал – поток иссяк, наступило болото, мысли превратились в рассыпчатую массу, мозги втянулись в кости. И так всегда – то изо рта слова не выплюнешь, то они без контроля вылезают... Я был так утомлен, что, кажется, вздремнул. Но вскоре всполошился от скрежета ключа в дверях. Это пришли за стариком:

– Самуилыч, вышел из камеры!

– Не бзди, дашь им штуку баксов – отпустят, – подержала его Алка.

– Да где эти штуки-то?.. На деревьях растут, что ли? – бормотал тот, выбираясь из камеры и придерживая берет. – Всего доброго! Звоните, Фредя!

Мы остались одни. Алка сразу подвинулась по скамье, начала, жарко трогая меня за колени и руки, рассказывать о сестре, что должна деньги привезти: мучается она с двумя сыновьями и мужем – все беспробудно пьют, младшего недавно замели за драку, дали трешку, на меньшее денег не хватило, прокурор прожорливый

попался; и муж озверел без работы — фабрика, где они при Советах трусы-кальсоны шили, закрылась, перепродалась, потом и вовсе сгорела, а директор с деньгами и страховкой исчез; а недавно один фрэер украл у неё из комода деньги, собранные на Турцию, и молодые девки-сучки со всей России едут в Москву проститутствовать, отбивают клиента, и жизнь дорожает, а мужики грубеют....

Я был забит в угол. Не бежать же от неё?.. И куда?.. Она еще ближе пододвинулась ко мне, положила голову на плечо, стала мечтать, как придет ко мне в Мюнхен и будет там работать с богатыми надёжными и чистыми бургерами, что она — специалистка своего дела, от неё никто без удовольствия не уходил, потому что опыт есть.

— Хочешь, миленький, сделаю тебе сладкое, прям сейчас, тут? — Она прижалась ко мне, стала тереться грудью, потом сползла на колени, вывалила груди, полезла в штаны, зубами открыла змейку...

Я, вначале трепыхнувшись, а потом остолбенев, успел прошептать, тыча в круглое окошечко в двери, сейчас как будто тёмное (или темно в глазах?):

— Здесь... кругленькая... дырушка...

— Их нет... на обеде... здесь дырочка, здесь... — невнятно бормотала она, роясь пальцами и губами в ширинке.

Всё мое напряжение собралось в её кулачке: он ходил вверх-вниз, то ласково-напористо, то медленно-тягуче, потом уступал место её услужливо-мягким губам и красным соскам, отчего вихрь носил меня где-то в седьмом небе, на упругих облаках...

Но мысль, что сейчас могут застать нас в такой нелепости, заставила меня открыть глаза и вернуться на землю в виде белой струйки, которую Алка ловко поймала на лету, тщательно слизав брызги с бюрок.

— О, хорошо... Земфиренька... Алушка... — в блаженстве шептал я с закрытыми глазами, пока она по одной закладывала груди в лифчик, приговаривая:

– Что, класс?.. То-то... Вот приеду в Баварию, каждое утро-вечер буду тебе делать бесплатно – ты только помоги на ноги встать... в колею лечь...

– Да, да...

Только я успел застегнуть змейку на ширинке, а Алка – зачихать грудь на место и одернуть блузку, как в двери раздался скрежет ключа и сержант Кроля, поведя носом, буркнул:

– Вы это чего тут того, а?.. Так, немец на выход!

– Звони, Фредя! – улыбнулась Алка.

– Да, будет! – искренне отозвался я, радуясь, что дал ей правильный телефон.

После такого эмоциона идти было куда легче. На повороте человека в погонах не было, но промасленная бумага от пирожков лежала на столике.

– Не обижали? – спросил в спину сержант.

– Нет... наоборот.

– Как это? Конфетку дали, что ль? – Он выдал какой-то хрюкающий звук, а я исподтишка проверил в кармане листок с телефонами. Надо спрятать в другое место. Прятать-спрятать-спрятывать...

На изломе первого этажа Кроля остановился поболтать с низкорослым субъектом в пятидневной щетине, нервно ходившим с сигаретой в зубах по лестничной площадке.

Я стоял в стороне, не мог опомниться. Как это хорошо!.. Да, недаром Хорстович шастал в Россию! Теперь я его хорошо понимаю... Немки тоже умеют это, но делают как роботы, механически, а тут... то так, то сяк, то пересяк... перепады, перелизы, пересосы... «по-французски» с русским акцентом... mit der Seele¹... до сих пор голова кружится... небось и «по-испански» в её исполнении будет не хуже – вон, груди так и пышатся... нет, пыжатся... выпукливаются из лифчика, как булочки... не знаешь, чего ожидать в следующий момент, что дальше,

¹ С душой (нем.).

выдумка, фантазия, а у Элизабет всё известно наперед, механика...

Скоро мы оказались около двери с фамилией «МАЙ-СУРАДЗЕ».

«Запомнить, по схеме, — сосредоточился я, ища подобия, как Вы учили: май... месяц... сура... Коран... дзе... дзе... дзе... Ши-га-дзе!.. в Гималаях, где погиб брат Райнхольда Месснера...»

Кроля постучал:

— Можно? — и уступил мне дорогу: — Вошёл, пожалуйста.

Полковник с грохотом отъехал на стуле и подбежал ко мне, взял за локоть, повёл к столу:

— Прошу извинить, геноссе, пришлось задержаться... таузенд пардон, — а сержанту бросил через плечо: — Браток, скажи там чаю-кофе, печенья... Знаю, что голодны... Эти изверги вам в камеру даже обед не удосужились подать... Только пирожками покормили... Мяса хоть было достаточно?

— Да... было хорошо... и пирожок... мяса... как прижали, так много класть-положить... — вспомнил я слова человек в погонах.

— Да, у нас так: не наедешь — не поедешь. Садитесь, битте шён! А вы знаете, отчего я так хорошо говорю по-русски? И пословицы знаю?.. Я в таком районе в Тбилиси вырос, где многие по-русски говорили... соседи у меня были... А вы в каком заведении язык учили?

— Я с бабушкой, мамой...

— Ах, ну да, вы говорили... Баба Таня...

Усадив меня, полковник отправился за свой стол, где были разложены кассеты, диктофон, фотоаппарат.

Я увидел, что остальные мои вещи — мобильник, листочки, ручки, калькулятор и всякая мелочь лежат в плетёной корбушке, в какой Красная Шапочка бабушке пирожки несла-носила. А корбушка стоит на стуле рядом с креслом полковника.

– Вы позвонили в посольство? – спросил я.

– А чего туда звонить?.. У вас всё в порядке, кроме этой глупой регистрации... Тут, знаете ли, чего только не выдумают, чтобы воровать... И так и сяк, а получается всегда себе в карман... Чиновников много развелось, губят страну. А как награбят – тут же к вам на Запад бегут, от своего греха подальше... Вот в газетах писали, что за пару лет вывезено около шестисот миллиардов долларов, сбежало несколько миллионов человек... А, каково? Это кто – я и вы – вывезли?.. Нет, тут большой саботаж!.. Диверсии!.. Все повязаны и по горизонтали, и по вертикали!.. Такая страна, ничего не попишешь... Тут маленький Гитлер не помешал бы, пару тысяч прижать – другие бы попритихли, а то очень уж наглеют... Вот правда, от души говорю... Россия дичает, идёт в третий мир. Она в тупике. Её будут насиловать и обирать до смерти банды подлецов, кто бы ни пришел к власти, а потом бросят умирать... Да чего, скажите на милость, можно ожидать от страны, где председатель Конституционного суда живет в хоробах размером с Кремль, а двести жен высших чиновников дерутся в очередях за «мазератти», «ламборгини» и участки ценой выше десяти лимонов?

А я, уже почти привыкнув, что все мои собеседники говорят о «такой стране», о Гитлере и воровстве, обратил внимание на руки полковника: они были подвижны и выразительны – пальцы активно двигались, разглаживали бумагу, разминались, похрустывали; полковник часто сгибал фаланги, смотрел на ногти, шевелил пальцами, как будто даже любовался ими...

Он поговорил еще немного:

– Да, воры-люди... Даже пословицы оправдательные выдумали, вот, вчера генерал Блюдоплахов говорил: у своего гумна всяка свинья умна... хе-хе, можете записать...

– О, хорошо. А гумно – это что? От «умно»?

Полковник усмехнулся:

— Совсем наоборот... Это... это такое место, где свиньи живут... где им хорошо... гумно, где говно... — Вдруг шевеление пальцев прекратилось, улыбка перешла в гримасу, а полковник раздумчиво произнес, наблюдая за мной: — С визами-то всё в порядке... Да вот с другими делами что-то не совсем ясно... Вы где остановились?

— В гостинице, тут... Направо пойдешь, налево пойдешь... Соловей... Щит... «Центральная»...

— А зачем вам в номере немецко-персидский разговорник нужен? С кем вы беседуете с его помощью?

Это меня удивило.

— Я недавно купил... начал учить... важный язык... А что, запрещено?

Руки полковника побегали по кромке стола, побарабанили, поерзали:

— Да? Важный? Для чего, для кого?

— Для лингвиста. Мы на семестр-два... разного языка, надо понять структур... Я делал курс японского, шведского. В гимназии — латынь, сейчас персидский начал, английский знаю... французский могу со словарём...

Полковник удовлетворенно разгладился:

— О, bravo... Сколько языков знаешь — столько раз ты человек... Я разговариваю с многоликим человеком... Эрудит! Ну и немецкий, разумеется?

— Конечно, Hochdeutsch¹...

— И баварский? — Полковник заинтересованно сделал руками волнистые движения: — И с жителями... э... региона можете разговаривать?

— Да, знаю диалект... мои гроссэлтерн... большие родители... бабушка и дедушка в Баварских Альпах живут-поживают...

— Ах, как звучит заманчиво! Скажите пожалуйста! — И он начал интересоваться, сколько может стоить дом в Баварских Альпах и понимаю ли я юридическую тер-

¹ Букв. «высокий немецкий», то есть общегерманский литературный немецкий язык (нем.).

3. 22 сентября 2009 г.

минологию, а то вот он учился на юрфаке, а теперь всю латынь забыл, потому что всю жизнь пришлось говорить на мате: — К сожалению, этот язык лучше всего понятен был моему контингенту... хотя еще помню, вот: *mea supra*... моя вина, *vox populi* — голос народа... или *magnum homo* — большой человек.

Я ответил, что насчет домов не знаю, а в бумагах да, разбираюсь, немецкий канцелярит знаю, отец учил, у нас в Баварии мужчины должны заполнять бесконечные бумаги и уметь понимать этот иезуитский, громоздкий и особый язык, который женщины, как правило, понять не могут.

Он с искренностью и пониманием подхватил, указав руками на стол:

— Да-да-да, я вот тут тоже... иногда читаю — и не понимаю... Слова какие-то всё новые, непонятные, длинные...

В дверь постучали, проснулся молодой человек с кобурой под мышкой, но полковник плавно отвел его:

— Витя, позже! Вы где сидите?.. Я позвоню туда, закрой дверь. — Потом как-то помрачнел, посерьезнел: — Это всё хорошо, лирика... Но зачем вы вчера так долго в машине с каким-то подозрительным исламистом разговаривали? И о чем?

Я опешил:

— Какой? Где? Исламинин?

— Около гостиницы. В тубетейке.

Тут до меня дошло.

— Это такси, он привозил меня.

— Нет, это был не таксист, — отрезал он. — На видео всё зафиксировано.

Ах да! Около гостиницы было видео, я его видел! Забыл!

— Да, не таксист, вроде того... мне говорили... сказали... ездить лучше на этих... без пушечков...

— Шашечек?

— Да... а без них, на частных машинах... такси, водилы-рубилы... Вот там какой-то узбек или монгол...

Руки полковника выделали несколько па, он посу-
ровел еще больше и могильно-торжественно объявил:

— Ладно, видео не в счет, суд это не учитывает, мало
кто где сидел... А вот это уже — чистые факты. — Он щёлк-
нул по диктофону и прочел по бумаге: — «Нет, русский —
самый злой... только для себя жрут и пьют... как курносый
нос вижу — не сажу...»... Это что? — вдруг выкрикнул он,
вызвав во мне панический вздрог. — Это же прямое под-
стрекательство к розни!

Я остолбенел, окоченел:

— Это... это... не я, это речь джихад-такси... приды-
хательные... тюркский акцент... речь реципиента...

— Какая, мать твою, речь? Это прямой саботаж!
Призывы! Это не придыхательные, а издыхательные!
Да этого хватит, чтоб вас лет на пять засадить! Уж дело-
то открыть и под следствием три месяца в тюрьме про-
держать — пара пустяков, вот у меня ордера тут, сколько
угодно! — Он со стуком открыл ящик и потряс в воздухе
какими-то бланками, потом возмущенно швырнул их
обратно. — Я еще ваши фото не смотрел, там тоже сто
процентов что-нибудь подрывное будет. — (Я облился
страхом, в голове всё перевзбаламутилось и не улеглось,
обрывки разноязыких мыслей стали разлетаться и про-
падать в пропасти). — Кто вас послал? На какую орга-
низацию работаете?

— На себя, — выдавил я. — Никто слал, ни хт, никто,
сам...

— Кто этот никто, раз вас то в Израиль, то в Австра-
лию, то в Кению засылает?.. Кто?.. «Эмнисти интер-
нейшн»? «Хюмен райт вотч»?

«Они боятся, что я правозащитник!» — понял я и
начал убеждать:

— Я не защитник... не нападение... кого хотите уби-
вайте, всё равно... я студент... бедный студент... лингвист...
лингфон... знакомился с Машей, да, без результата,
найти-искать нельзя... телефон капут... не правозащита,
нет... какое! мой дедушка в Дахау работал... не проблема...

3. 22 сентября 2009 г.

моё дело в стороне, я не глобальник, плёвывать на всё хочу! – разволновался я.

Полковник криво усмехнулся:

– Вот-вот, в Дахау... Кстати, а это что? – и с большим выражением (и, кажется, удовольствием) прочел по другой бумажке: – Губосиська!.. Задояжка!.. Сукожопа!.. Это тоже лингвистика? Это что же такое?

– Конечно, сложные слова... сложность двух корней... продуктивитет 80... легко не дефинируется...

Полковник хлопнул по столу:

– Нет, это порнография! В чистом виде! Еще пару лет как минимум! Вы русский народ ругаться хотите учить! Вы подрывник!

Как ни отчаянно мне было, но тут стало смешно.

– Народ и так ругатель... профессор говорил...

– Это у вас что-то там де-фи-ни-ру-ет-ся!.. – с издевкой протянул он. – А тут у нас – по-простому: вцепил пять лет – и порядок! Это надо же – ёбасрака!.. Да вы поэт! – Он вдруг как будто подобрел, а я подумал: «Что у него еще может быть?.. Гостиницу обыскали, видео видели, кассеты прослушали... Что еще выдумает?.. Всё это для суда – ничего... Да, но для нормального суда, а не для этого... Разбойная изба... Сидка... Стойка...»

Но я ошибся – никакой доброты не было. На стол легла нашивка, отобранная Кролей внизу (зловещее «G» свернулось угрюмым квадратным эмбрионом в круте):

GRAMMATIK MACHT FREI

– На это что скажете? Ничего вам не напоминает? Тут не надо туманить... опасно...

— Меня познакомили... Партия, национал-лингвисты, за чистый язык...

— Вот как? Кто же вас познакомил?

— Знакомый в Петербурге. — (Я не хотел называть его.) — Хотят глаголы реобразовать... Взносы, устав есть... В Интернете — страница. Декреты...

— Декреты? Всё разграбить? — Полковник вертел нашивку.

— Нет, облегчить, — ответил я, машинально подумав, что, раз он спрашивает, конверта с уставом и бумагами они, очевидно, не нашли — его я сунул в крышку чемодана, куда суют газеты и журналы.

А полковник примерял нашивку себе на рукав, на пиджачный карман.

Без стука, щелкнув ручкой (явно открыв дверь локтем), Кроля неумело, задрал плечи и горбясь, внес поднос с чаем и булочками и, потоптавшись, скрылся.

В этот момент где-то внутри полковника зазвонил мобильный. Он вытащил из глубин пиджака трубку, стал слушать. Лицо его преобразилось, он вскочил и, указав мне глазами на поднос — «берите», — быстро вышел в незаметную дверцу около шкафа (которой я раньше не видел) и продолжал говорить вполголоса, но я его хорошо слышал (у меня слух отличный):

— Где вы, объясни нормально... Сразу? Так быстро?.. А, по мобильному позвонил, прямо в банк... Столько? Не верю... На венский счёт? Подожди, сейчас посмотрю, проверю, подожди...

Он вбежал в кабинет, не отпуская плечом трубку от уха, что-то стал набирать на клавиатуре, не забыв мне бросить:

— Битте, геноссе! Эссен, тринкен! Брот! Буттер!

Я занялся бутербродом, вспомнив мужчину в Питере, который не знал, какое слово — масло, а какое — хлеб. А полковник, еще пару раз доблестно щелкнув клавишами, убежал в дверцу и сказал сдавленно:

— Да, есть сумма... И очень хорошая... Очень-очень

хорошая! Это какое большое дело мы сделали!.. Сейчас его до дому довозите, извинитесь и скажите, что теперь всё разъяснено и у нас нет претензий.

Я мало что понимал, но был рад, что он в хорошем настроении, и взял еще одну булочку, о которых так хорошо рассказывал выпученный капитан – ватрушечка, пирожочки, пончики...

А полковник, вернувшись и запрятав трубку, был в радостном возбуждении: открывал-закрывал ящики, для чего-то ворошил папки в шкафу, танцевал пальцами по столу, качал головой и напевал «сулико... сулико».

Было что-то знакомое в этом слове, но я не мог вспомнить.

– Это? Это «Сулико», любимая песня Сталина. Он её напевал ночами, когда сидел у окна и смотрел в темноту. О, вот кто был настоящий *magnus homo*! А что, вы и такие вещи знаете? – заулыбался полковник. – Кто же этот ваш профессор? Где он, что он? – но я предпочел Вашего имени не открывать, сказал только, что вы большой учёный и давно в Германии, на что он заметил, что все хорошие специалисты уехали, одна бездарная сволочь осталась.

Потом он замолк, стал что-то обдумывать, глаза его перебегали с предмета на предмет. Пальцы дали пару па, он как бы очнулся:

– Битте, геноссе! Вы же голодны! На вашу долю только два пирожка и досталось, а?

– Спасибо. Пирожочки ел уже... Вчера солянка-поселянка... С пампулками... Очень нравится.

Полковник уточнил:

– Что нравится – русская кухня?

– О да, очень, – заверил я, на что он сморщил свое гладко бритое лицо:

– А по-моему – ничего хорошего... У них только борщ ничего, всё остальное – бурда, они выросли на кашах. У них своего ничего нет, пельмени – китайские, шашлык – наш, что еще у них? – (А я отметил эти частые ме-

стоимения 3-го лица: «у них», «они», «от них», — значит, он дистанцирует себя от русских. Говорил же Антопа, что он пришлый, дошлый, дошедший откуда-то.) — Грузинскую кухню пробовали?.. Нет?.. И на Кавказе не были?..

— Нет, когда?

— Попробуете еще. Царица!

— Кто?

— Кухня, говорю, наша, грузинская — царица. — («Вот теперь понятно — “наша”».) — Она не только вкусная и полезная, но и сытная, на орехах, а орехи — это протеин, мужская сила, энергия...

Тут загудел другой мобильник, золотым жуком лежавший на столе.

Полковник, посмотрев на брюхо жука, начал отвечать на своем языке, а я запомнил несколько смешных звуко-сочетаний — как будто квакали или чмокали: «Ки, ки, гаа-кетес... пули мовида... каи, пури вчамот»¹ — и стал слушать дальше, но, сколько ни вслушивался в эту таинственную речь, европейских корней уловить не смог, зато получил удовольствие от обилия экзотов: гортанных фрикативов, аффрикат, смычно-щелевых, губно-зубных... Сходные фонемы есть и в баварских диалектах...

Продолжая напевать, он стал перебирать стопку бумаг, вытащил чистый бланк и стал в него что-то вписывать, одновременно объясняя мне:

— Давайте, геноссе Фредя, сделаем так. Я выпишу вам справку, что ваша регистрационная карточка утеряна, о чем вами и заявлено в милицию. На границе покажете, если что. Но они, как правило, этого не проверяют, им не до этого, у них свои дела-делишки...

— А зачем же... муки, пытки?

Полковник хитро посмотрел на меня:

— Пытки, говорите?.. Вы устали, вам нужен покой... Нихт, Иван Андрейч?.. Сержант отвезет вас в гостиницу,

¹ Да, сделали... деньги пришли... хорошо, поедим (груз.).

а послезавтра, часиков в двенадцать-час, заходите за вещами...

— Почему не сейчас? — Я замороженно смотрел на его руки, вертящие бумажку.

Но руки бумажку не отдали, а голос подтвердил:

— Сейчас не могу — секретарши нет, печать ударить, больна. И знаете... — Он сделал паузу и проникновенно посмотрел мне в глаза. — Вы мне принесли удачу, да-да, большую, жирную, увесистую, как задница сорокалетней дамы, удачу, я хочу вас отблагодарить...

— Я принес удачу? — уточнил я, помня, как Вы подчёркивали, что слова «удача» нет в немецком языке, как нет и многих других слов типа «удаль», «приволие», «хохот», «маета», что является прямым следствием менталитета: немец на удачу не рассчитывает и удалю не страдает, и маета ему малоизвестна.

— Да, удачу. Даже счастье, если хотите. Поэтому приглашаю вас со мной пообедать...

— Где обедать, здесь, пирожки?

Он рассмеялся:

— Нет, конечно. Послезавтра, в городе, в грузинском ресторане, чтобы вы поняли, что такое настоящая кухня, а не эти пресные похлёбки. Недаром Джуга, Иосэб Бессарионович, ставил нашу кухню выше всего. А, геноссе, как вам план? Дранг нах ресторан? Я же должен исправить свою ошибку, что заставил вас сидеть в камере... Кстати, Алка к вам не приставала?

— Нет, а что? — всполошился я.

Полковник неопределенно пошевелил открытой пятернёй:

— Ну, так-то она всегда с резинкой работает, но когда имеешь дело с шалавами... Алка-давалка... И так бабы — это клоаки, куда всякая мразь сливает свою вонючую слизь, а эти оторвы... — Он махнул рукой, заулыбался: — Надеюсь, вы не очень пострадали от орального секса?..

Я был как градом бит и убит.

— Как? Откуда? Орал?

– Хе-хе, от верблюда! – развеселился полковник. – А «волчок» зачем? – И он сложил из пальцев кружок, покрутил им перед глазом. – «Глазок» всё видит, всё знает, как наша кремлёвская ОПГ...

– Но он был... есть... закрыт... – покраснев, пробормотал я (значит, и Кроля видел, недаром про конфетку сказал, а я, идиот, не понял!), но полковник доверительно успокоил меня:

– Не вы первый, не вы последний... Она мастер своего дела, по себе знаю... Мастерица!.. Там, кстати, даже когда-то микрокамера стояла в вентиляции, с микрофоном, сержанты шутили, но её бандюги выковыряли... А у нас глазок такой хитрый, заграничный – из камеры кажется, что он закрыт, а из коридора всё видно... Это у нас начальник старается, с коррупцией борется, деньги только тратит, видеокамер всюду понатыкали, а толку?.. Все по черной лестнице ходить стали – и всё... Зо ист эс, герр геноссе¹!..

Он позвонил по трехкнопочному телефону, приказал сержанту явиться в кабинет, вынул из коробушки мой бумажник, ключ от номера, передал мне:

– Остальное – потом! – И вдруг замер, что-то вспомнив: – Да, вы говорили, что ищете какую-то Машу? Зачем она вам, кто это? Чем занимается? Где служит?

Пряча бумажник, я вкратце сказал ему, что познакомился по Интернету, хочу увидеть лично, но не могу дозвониться.

– Дайте её номер, я позвоню... Тут должен быть?.. Желтая бумажка?.. Да, я где-то видел её... Вот она. Это? – Он издала показал телефон Маши. – Я поручу её найти, так что послезавтра вас ожидает двойной – нет, даже тройной – сюрприз: грузинская кухня, интересная, очень интересная беседа со мной, ну и Маша, если она существует на свете... Довольны?

– Очень довольны... – Я уже еле ворочал мозгами и

¹ От нем. So ist es, Herr Genosse. – Это так, господин товарищ (нем.).

не стал уточнять, что за «очень интересная беседа» меня ожидает — сегодня уже набеседовался, язык во рту не проворачивается. И был рад, когда сержант Пьянчульский висул в кабинет свою висло-кислую физию:

— Вызывали, товарищ полковник? — на что полковник, размашисто расписавшись на бланке и с удовольствием, с треском, шлёпнув печатью, поднял бланк за уголок:

— Тамбовский волк тебе товарищ! Господин полковник! Скоро станем полицией, и тогда всех коммунистов дорежем, и нашего начальника — в первую очередь... Обратная революция! Кто был никем — никем и останется! А то думают, что все сразу олигархами станут, поголовно... Вот ты, Сашок, станешь китайским императором! И никакой Юрий Цезарь не поможет! Страна разрушена, народ безалаберный, ленивый, вороватый, а они и в ус не дуют...

Я решил подлезбзить (пока не получу бумажку) и сообщил, что к нам в университет приезжал профессор Барыгин из Москвы, лекции читал, и на вопрос, почему в России криминал не убывает, а прибывает, отвечал в том смысле, что чего можно ожидать от народа, у которого слова «работа» и «рабство», «страда» и «страда-ние» — одного корня:

— Потому в Германии говорят — «Russische Arbeit», значит «плохая работа»...

Полковник, смеясь, подхватил:

— Да, русская работа без Сталина — кирдык!..

— Кирдык?

— Ну, каюк, капут, конец... Так. Прошу, геноссе, карета подана, лошадь вот стоит, ждет, — указал он на сержанта. — Кстати, лошадь, ты поела?

— Да, товарищ полковник, солянку рубанул за углом, спасибо...

— И тут солянка! Всюду солянка! А вы какую солянку предпочитаете — мясную сборную или рыбную отборную? — обратился он ко мне, когда я вставал из-за стола.

— Рыбная? Не знаю... — ответил я, как собака следя за справкой в его руке.

— Тут солянка и рыбная, и мясная, и всякая... даже человеческая, хе-хе, самая вкусная... шучу, шучу, завтра осетрину с баже попробуете. Осетрину знаем?

«Осетрину с “боже”? Это уже слишком даже для религиозного народа!» — успел подумать я, но не подал вида:

— Да, слышал, профессор говорил... в Волге тихо поживает, без косточек...

Он протянул мне бумагу. Я взял.

Так, «ПОВЕСТКА»...

В пустую графу вписаны по-русски и по-немецки моя фамилия, явиться 24.09.2009 (дата), 13:00 (время)... И красивая подпись с печатью...

Что это? Я ожидал, что будет «СПРАВКА» про регистрацию, а получил какую-то весть опять идти-ходить.

— Что это?

Полковник засмеялся:

— Видите, ваш профессор вам главного русского слова не объяснил! Это промах! Повестка — это приказ. Без повестки — никуда, ничего. Вор-народ только повестки и понимает... Но в вашем случае она нужна только для того, чтоб вы послезавтра без проблем вошли в участок... Завтра я занят, а вы погуляйте... Послезавтра, цайт, айне штунде, нуль-нуль, хир!¹... Мы все формальности утрясем и поедем в ресторан, вот Сашок нас повезет, правда?.. А если он откажется, то пешком пройдемся, тут недалеко...

Сашок от двери кисло-отозвался:

— Слушаюсь, господин Майсурадзе! — а мне вдруг смутно, но явно привиделась майская роза на открытой суре... Наверно, войти в этот участок куда легче, чем выйти из него... Или в моем случае уже «входить», повтор действия?.. Папа ходит по комнате... старик живёт в избе...

¹ Время, один час, ноль-ноль, здесь (нем.).

Мы с Пьянчужниковым плелись кое-как по знакомым уже коридорам. Вот мелькнул Витя с кобурой под мышкой... В открытую дверь видно — какие-то крепкие мужики совещаются над столом. Дальше двое в форме ведут двоих на полусогнутых ногах, руки заломаны за спины, тела скрючены.

— Можем с центра выйти, камеру уже отключили, — сказал глухо сержант (видно, похмелье было не до конца одолено солянкой).

— Нет, зачем?.. Лучше ничто, никто, нигде... — начал я осваиваться в неудобных наречиях.

— Ему было всё равно.

— Можно и так.

Лестница под вечер тиха. На улице стемнело, горели фонари.

— Сели, открыто.

— Спасибо.

Мы дорогой перекинулись парой реплик о том, сколько стоят в Мюнхене подержанные автомобили. Он спросил, есть ли в Германии Иностраннный легион, где, говорят, много платят и делать мало чего надо — мочить черных или жёлтых, кого скажут, а то ему надоело тут «на побегушках у боссов бегать».

— Бегушки? Боссы? — не понял я (я ассоциирую слово «босс» со средних лет седоватым итальянцем в банном халате среди полуголых девушек на кромке овального бассейна с небесно-голубой водой). — Начальники?

— Как хочешь назови, всё одно получается — хозяева, шефы, мистеры — однохуйственно... У которых главные корочки... Вон, эти! — указал он рукой на проезжающую вереницу чёрных джипов: — Начальники! Важняки! Могли бы — так в собольих шапках с камнями ездили бы! И чего я буду для них хуем угли ворошить?

Насчет углей и камней я ничего сказать не мог, но о подержанных машинах ответил, что есть и за 300 евро, но у нас в Баварии советуют машину дешевле чем за 2000 евро не покупать — нерентабельно, чинить дороже

станет. А в Легионе не только убивать, но и умирать приходится — я там, конечно, не был, но видел по «ARTE» фильм об этих «псах войны»:

— Никогда не советую. Я пацифист.

— А, так вас за это к полковнику тягают? — понял сержант.

— Нет, за другое... Но зачем профессию... убить? Есть другое.

Сержант ответил тоскливым взглядом:

— Это у кого котелок варит, образование есть. А у кого в башке пусто, тот или в ментуру, или в бандюру — куда еще податься? Не станет же нормальный человек за 300 долларов у станка задницу протирать или мешки таскать, когда один свет-газ-вода больше садятся, чем вся твоя хуиная зарплата? Цены растут, аж дрожь берёт...

Дрожать... дрожи — вожди...

— Тут налево! — Я увидел поворот, где ко мне подбежал человек с криком «Мы победим!». Ну и что, правильно кричал! Не в тюрьме, не в больнице, не на кладбище и даже уже не в милиции — значит, победил!..

Я так устал, что почти перестал понимать все языки. Сержант еще что-то говорил о проблемах со здоровьем — подозревают туберкулёз, а страховка только на свой карман хорошо работает, всюду обдирают как липку, бардак и беспредел.

Около гостиницы я поискал взглядом тупые рыльца видеокамер. Да, тут, на месте... Сержант, не попрощавшись, уехал. Недалеко от входа маячили две фигуры охранного типа. Я предпочёл юркнуть в гостиницу — если у меня еще и эти попросят паспорт, будет трудно объяснить им, где он... И что — опять ночь в тюрьме?

К счастью, в вестибюле было спокойно, а дородный портье, мордашка в пёстрой рубашке, пыхтел по телефону.

— Ну как, нашли бюро? — спросил он у меня.

— Как же. А вы всё дежуривший?

— Да, сутки, как и положено.

Как будто не знает, где я был... А кто милиции ключ от моего номера давал, где немецко-персидский словарь нашли?.. И кто видеозаписи предоставил, если не ты, конь в бордо!..

В номере всё было так, как я оставил, даже немецко-персидский словарь лежал там, где и был. Хотя словарь, конечно, как раз и должен лежать на самом том месте, где лежал. А!.. Отпустили — и хорошо!.. Как же в России на авось не рассчитывать?.. Шёл в бюро, а вернулся из милиции... Такая страна... Но я был горд тем, что этот, пока что самый страшный день моей жизни я пережил достойно.

Зато сколько разных нарраторов было со мной в диалогах?.. Разных возрастных групп и полов! Очень интересно. Настоящая практика языка на базе жизни. А Аллочка-булочка?.. Такого приключения у меня тоже никогда не было. Мы с Элизабет встречаемся уже десять лет, с гимназии, за это время, исключая мелочь вроде пары дискотечных... нет, скоротечных... в общем, каких-то течных девок на Майорке у меня ничего ни с кем не было. И вдрут такое! В таком месте! И так хорошо!..

«А может, они на камеру снимали и завтра мне покажут?.. Выкуп захотят?» Я сел в панике на кровати.

Конечно! Полковник же обещал — помимо обеда и Маши — еще и очень интересную для меня беседу?.. Да, теперь я уверен — это так! Они специально подсадили эту бабу, засняли всё на плёнку и теперь будут меня шантажировать... Да, но у меня ничего нет! И что я делал-сделал, в конце концов, нелегального?.. Секс с проституткой в общественном месте? Штраф 100 евро. В конце концов, я не Клинтон, а бедный студент. Пусть шлют куда хотят! И, кстати, на семинаре по сакралу мы узнали от Вас, что минет — прерогатива исключительно человека: ни одно живое существо до этого не дошло в процессе эволюции, и что слова «мина» и «ми-

нет» — однокоренные, что логично: ведь «Miene» по-немецки — «шахта», то есть что-то глубокое, как глотка Алки...

Нет, тут что-то другое.

На ум пришли Хорстовичевы утверждения, что они всех вербуют. Вот это — более вероятно. Если они думают, что я из правозащиты, то захотят меня перевербовать. Нет, это слишком сложно, да и зачем?.. У них тут правозащиты — ноль, по «Euronews» показывали — три старика без зубов и уродливая женщина с необъятной грудью... Да и какую пользу я могу принести?.. Я студент, к чему у меня есть доступ?.. К какой информации?.. К каким сведениям или технологиям?..

«А отец, папа Клеменс?» — вдруг вынырнула мысль. Он же на «BMW» работает, а это — объект всех разведок мира...

Да, но что им надо на «BMW»?.. Помнится, папа Клеменс говорил, что советс до сих пор «жигули» выпускают, что у них ничего нет: ни фабрик, ни оборудования, ни технологий, ни опыта. Впрочем, это не аргумент. Раз ничего нет — вдруг захотят сразу все секреты купить, производство наладить?.. Хотели же недавно всю нанотехнологию под контроль взять? Наши модераторы по ТВ еще смеялись — какая там нанотехнология, когда качественно гвоздь сделать не могут?..

Чтобы успокоиться, я, протолкнув зубной щеткой пробку в бутылку, налил австралийского вина и залпом выпил стакан. Потом ещё.. Успел выключить свет и скинуть ботинки. Мысли стали мешаться, забредать за языки и выглядывать оттуда...

...река с пирожными берегами... скатерть-самооборонка, меч-положинец... сапоги-спороходы... пароходы... шапка-невидалка... сберегите девки зад... кто-то ходит по избе... носит маму на себе... русский рысак попал впросак... ясак... молодец как огурец... молодца как огурца... молодцу как огурцу... не понять... всякая ляжкоблядь... дай уехал в Китай... никому ничего не делай-далай...

• ТЯЖБЫ •

Каждый день я бывал во дворе у великого князя. Однако я не согласился на предложение, сделанное мне через дьяка Осипа Ильина, все время безотлучно состоять при великом князе. Я был тогда юн и не знал достаточно Германии. Если бы кто-либо из больших господ спросил о чем-нибудь меня и получил неправильный ответ, то легко себе представить, как разгневался бы он и как осрамился бы я! Кто был близок к великому князю, тот легко ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал.

Скоро великий князь уравнил меня со служилыми людьми четвертой степени и к прежнему селу дали мне Меньшик и Рудак, все вотчины и поместья князей Депенских: села Красное и Новое были даны мне в вотчину, а с ними шесть деревень — в поместье. Вместе с тем я получал по уговору, по окладу поместий, и мое годовое жалованье. На Москве великий князь пожаловал мне двор; в нем жил прежде один католический священник, который был приведен пленником из Полоцка во Владимир. Этот двор был выключен из городских книг и был «обелен», то есть освобожден от государевой службы и податей.

Рядом с этим двором был другой дом; в нем жил некий немец по имени Иоганн Зёге, бывший слуга покойного магистра Вильгельма Фюрстенберга. Ему я одолжил мое годовое жалованье, чтобы на него он купил себе двор рядом с моим. У него была жена, уроженка города Дерпта, она была выведена на Москву. Она тоже занялась торговлей вином. Несколько раз в мое отсутствие, в особенности когда я разъезжал с великим князем, случалось так, что иноземцам запрещалось корчемство. И когда приказчики с Земского двора приходили к этой женщине во двор, опечатывали погреб и забирали тех, кто в нем бражничал, тогда она говорила всегда, что приказные должны пойти и на мой двор, и спра-

шивала — почему же они этого не делают и не идут на двор к ее соседу. Однако приказные твердо знали, что ко мне им лучше не идти.

Во время чумы этот мой сосед умер, а жена его собралась выехать из Москвы вместе с женой мастера-цирульника Лоренцо — в крытой повозке. Это был дурацкий поступок, ибо все окрестные слободы были подожжены со всех сторон по приказанию татарского царя. Как только повозка въехала в ворота, огонь охватил ее со всех сторон, и повозка сгорела вместе с лошадьми, вместе со всеми драгоценностями, золотом и серебром и другими ценностями. После пожара от нее нашли только железные ее части.

Ворота были заложены камнями против этого двора в Лубянском переулке; на большой Сретенской улице был еще один двор прямо против этого моего двора; он был также обелен. В нем жил раньше один полоцкий поляк, который был переведен в другое место. Этот двор я получил от одного господина, Семена Курцова, который был сокольничим великого князя. В мое время великий князь не обижал ни того ни другого. Двор этот я дал немцу Гансу Купфершмидту. По его словам, он знал немного оружейное дело. И так как он видел, что корчемство приносило мне большой доход, то он решил, что мое ремесло выгоднее, чем его, и тоже занялся вином. И когда кто-нибудь хотел проехать на мой двор с ведрами, кружками и т.д. с тем, чтобы купить меда, пива или вина, то Купфершмидт, сидя у окна на своем дворе, перезывал и переманивал к себе всякого. Он их обслуживал лучше, нежели я, и это причиняло мне большой убыток.

Тогда я разобрал мой двор и перенес его на другое дворовое место, у речки Неглинной, где у меня было два пустых смежных двора, еще неогороженных. Здесь я опять начал шинковать пивом, медом и вином. Простолюдины жаловались на меня на Земском дворе, что я устроил у себя громкую и беспокойную корчму. На

Земском дворе начальником и судьей был тогда Григорий Грязной. Ему я полюбился точно сын родной, как он говаривал. Вот что делали деньги, перстни, жемчуга и другое! Он ездил осматривать решетки и заставы и сказал всему миру: «Двор этот принадлежит немцу. Он — иноземец, и нет у него друзей-покровителей. Коли не будет у него корчмы, как же ему жить? Его забор должен идти до самой решетки». Так все и осталось по-прежнему.

Я продолжал действовать так: на имя великого князя написал челобитье, где просил еще один двор, будто я сам намеревался в нем устроиться. Так как я постоянно бывал у первого боярина Ивана Петровича Челяднина (для него помогал одному поляку переводить на русский язык немецкий «Травник» — к этому у него была большая охота и любовь), то этот боярин пошел со мной в Поместный приказ и приказал дьяку Василию Степановичу дать мне тот двор, о котором я бил челом. В приказе он оставался до тех пор, пока не была подписана грамота.

Был еще некий дворянин, прибывший из Вирландии, по имени Эверт Бремен. Его-то я и послал в мое поместье управлять крестьянами согласно наказу, который я ему дал на немецком и русском языках. Он, однако, не обращал внимания на мои писания и управлял крестьянами по лифляндскому обычаю. Оттого-то и запустело мое поместье. Тогда я попросил боярина Семена Курцова, ведавшего охотничьих птиц, соколов и орлов: «Поедем вместе со мной и с этим Эвертом в Разрядный приказ, разберемся». — «Не надо ехать, моей бумаги хватит!» — ответил Семен Курцов и тотчас же приказал написать «память» [как обычно, она была написана так: сначала на их языке «Лета», т.е. аппо, и так как по русскому обычаю счет ведется от сотворения мира, то они пишут «лета 7000» и несколько сотен. Потом идет изложение дела, например: «Никита Фуников, уравняй этого нововыезжего немца с теми, кто ему в версту». Или:

«Путило Михайлович и ты, Василий Степанович. По указу великого князя дайте этому нововыезжему немцу поместья 150 четвертей в московских городах или уездах, чтобы не было пусто». Потом стоит число месяца «того же лета», потом день. Возле, совсем рядом с числом, дьяк пишет свое имя. Эта память остается на Казенном дворе. Все памяти подклеиваются одна к другой и наматываются в столпики. Столпики остаются в Поместном приказе.

Когда отравили великую княгиню Анастасию Романовну, великий князь послал в Лифляндию, в Дерпт за некоей вдовой Катериной Шиллинг. Ее везли на Москву в золоченой карете; великий князь надеялся, что она поможет великой княгине. Он щедро одарил платьем эту женщину и сказал ей: «Если ты поможешь моей царице, мы пожалуем тебя на всю твою жизнь половиной доходов с Юрьевского уезда в Лифляндии». И великая княгиня просила: «Ты же можешь помочь мне. Помогите же!» Но великая княгиня умерла, и женщина эта была обратно отвезена в Лифляндию. Уезжая, она подарила мне свой двор со всем своим хозяйством, так как я был дружкой ее дочери. Теперь она с дочерью живет в Риге.

На этом дворе я посадил своего слугу Альбрехта, который шинковал исполу. Я выдал ему купчую, как будто бы я продал ему этот двор. И ошибся. Этот Альбрехт рассудил так: «У меня на руках купчая; с ней я могу принудить моего господина и оттягать от него двор». У меня же был верный друг Адриан Кальп, лифляндский дворянин. У нас с ним был уговор: в случае смерти кого-либо из нас один должен наследовать другому. Альбрехт противу моей воли и без моего ведома поехал во двор, схватил Адриана Кальпа за горло и отнял от него завещание; самого его выкинул за ворота и вопреки моей воле остался жить во дворе Адриана Кальпа. Но Адриан Кальп не стал разбираться. Ибо давно думал о побеге. Он собрал золото и бежал, но по дороге скончался от чумы и был при дороге похоронен. Альбрехт же был

скоро убит, купчая на дом и мое завещание пропали, а завещание Кальпа нашлось, и дом таким образом перешел ко мне, где я поставил еще один шинок.

А Фромгольд Ган, который вышел со мною из Лифляндии в Москву и был со мною дружен, начал действовать по другому плану. Он написал челобитье, передал его на Казенный двор Григорию Локурову; в этом челобитье он просил разрешения креститься по русскому обряду. Для московских господ великая радость, когда иноземец крестится и принимает русскую веру: обычно они старательно ему в этом помогают, считая, что они правовернейшие христиане на земле. Обыкновенно они же бывают и крестными отцами и из казны выдают новокрещеным крестильный подарок и злотые, а также всячески помогают ему в дальнейшем.

Когда Фромгольд Ган пребывал, как полагается, шесть недель в монастыре, где его поучали и наставляли в русской вере, он прислал ко мне из монастыря с просьбой доставить ему лютеранскую Библию. В этом я, конечно, не мог ему отказать. Но когда он вышел из монастыря и крестился, он получил крайне незначительный крестильный подарок, потому что не догадался попросить в крестные отцы настоящих бояр. А позже он был отчаянно побит в своем собственном имении своими же соседями — служилыми людьми, с которыми он затеял неразумное дело.

Он жил постоянно на своем дворе в имении; а когда запустил поместье, то рассчитывал получить другое. Но это ему не удалось, ибо, кто хочет иметь поместье, тот должен иметь деньги. Надо смазать сковороду маслом, коли хочешь испечь себе пирог, не то пирог прилинет и подгорит. Если уже нет денег, можно использовать и другие средства, но для того надо иметь неплохую смекалку!

Фромгольд Ган, крестившись по русскому обряду, не мог уже бывать в нашем обществе. Так как нигде ему не

было места — он, раздосадованный, собрал своих людей и, пользуясь моим отсутствием, пришел на один мой двор и силой забрал все, что там было, — все яровое и весь хлеб. Известие о том я получил и тотчас же совсем налегке, с одним только слугой, я пустился в путь и пришел к нему на двор так неожиданно, что он не успел надеть кольчугу. И прежде, чем он стал к ответу, я уже порешил дело: выгнал его с моего двора и взял у него некую сумму денег на некоторое время. Так я вернул свое, а он должен был брать в долг хлеб на моем дворе, когда во время голода нуждался в нем.

В конце концов село, ранее Фромгольду принадлежавшее, я отнял и променял Иоганну Таубе на деревню Спицино, расположенную в одной миле от Москвы. Эта деревня была приписана к подклетному селу великого князя Воробьева и была продана Иоганну Таубе с согласия шурина великого князя Никиты Романовича. Это место служило «для прохлады». Здесь я держал лошадей, чтобы иметь их под рукой, когда будет нужно.

В одном дворе у меня была служанка Анна: татарами она была уведена в плен из Лифляндии. Ей я доверил все свое имущество. Но мне часто доносили, что она меня обворовывает. Тогда вместо нее я препоручил свой двор татарину по имени Рудак. В мое отсутствие он управлялся так, что безо всякой пользы перевел все мое имущество. Я приказал его наказать: его выволокли обнаженным и побили плетью. А я снова все поручил моей служанке. Узнав об этом, Рудак изготовил для себя другой ключ по образцу моего. У меня был еще один человек, лифляндец Яков; он должен был сторожить арестованного татарина. Однако татарин сумел его уговорить выпустить его ночью. Татарин взял ключ, выкрал у меня золото, жемчуг, драгоценные камни и другие ценности и вместе с лифляндцем убежал прочь. Когда через некоторое время я хотел сделать подарок моей возлюбленной, все было пустым-пусто!

Немного спустя я узнал, что эти мои люди сидят в Переяславле в тюрьме; они рассчитывали укрыться с деньгами в какой-нибудь монастырь! Я бил челом великому князю и просил суда. Когда с грамотой на руках я явился к городовому приказчику, то их обоих вместе с торговыми людьми и золотых дел мастерами, которые у них покупали вещи, отвезли в Москву. Их так строго охраняли, что я не мог видеть их для переговоров. На Москве я выступил на суде. Себя я не забывал и сумму округлил изрядно, ибо вещи были на суде, опечатанные, но жемчуг и камни, что были в золотой оправе, исчезли, золото и серебро весьма усохли, печати же на вещах были целы, а посему золотых дел мастерам никто не мог помочь! Да и князья и бояре не могли принять от них никакого дара: если те предлагали сотню, то я давал тысячу. Так-то научили мастеров покупать краденые драгоценности и жемчуг! А лифляндец Яков и татарин Рудак оба были брошены в тюрьму.

Но татарин написал челобитье с изветом, будто я хотел бежать за рубеж от великого князя. Он говорил: «да», — а я: «нет», — но нас не ставили с очей на очи. Ему предложили доказать свои слова, и он решил сослаться на мою служанку Анну и ее мужа Ивана, которые будто бы знали об этом. Их тотчас схватили в земщине и поставили на суд. Бояре и дьяки в опричнине уже насмехались надо мной, и один из них сказал другому: «Не хочешь ли съесть мяса?» Дело было в пятницу, и они думали, что мне будет зарез. Но, когда моя служанка была поставлена на суд, она говорила по правде, по чести. Начальник боярин и князь Василий Темкин спросили ее: «Собирался ли твой господин бежать от великого князя?» Та, как и следует, сотворила крестное знамение и ответила: «Ей-богу, нет!» Так были посрамлены все дьяки и бояре, которые только и думали о моих деньгах. Благодаря моей служанке я выиграл дело. Татарин хотел получить мое поместье, но из-за ответа служанки он проиграл дело, а я был оправдан.

А если бы служанка сказала, что она ничего не знает, то прибегли бы к пыткам, и тогда — я проиграл бы.

Татарин Рудак был брошен в тюрьму, а я поехал к себе во двор и, взяв с собой мужа служанки, поставил его перед высокими господами. Он был также допрошен и также отвечал: «Нет». Был уже вечер. Бояре велели привести из тюрьмы татарина и сказали ему, чтоб он говорил всю правду. Когда татарин увидел, что деньги сделали свое дело, он признался в том, что это — неправда и что он оговорил меня, так как я приказал жестоко наказать его плетью. Между тем во дворе были наготове все приказные, на лошадях, кто пешие — с фонарями. Если бы татарин остался при своем, то меня тотчас же ночью схватили бы на моем дворе и увели бы в тюрьму. А так — увели татарина.

Поутру я опять пришел на опричный двор и стал перед высокими господами. Дьяк Осип Ильин сказал: «Вот твой слуга, татарин Рудак!» И в моей власти было взять его и убить. Я же ответил дьяку Осипу Ильину: «В таком слуге я не нуждаюсь». Но, так как люди мои просили меня, чтобы я помиловал его, я так и сделал и опять взял его к себе. Иначе он должен бы сидеть в тюрьме, а бояре не смели бы его отпустить без моего повеления.

Когда этот татарин опять попал ко мне во двор и понял, что я не хочу доверять ему ничего, он снова задумал донос и как-то проговорился, что он собирался жаловаться великому князю, будто бояре получили от меня деньги и за то отпустили меня. При мне постоянно были два сына боярских — Невежа и Тешата: они-то и открыли мне это. Я быстро все сообразил и приказал вытолкать татарина за ворота. Немного спустя он был пойман на воровстве и насмерть забит кистенем, а затем брошен в реку. Его сотоварищ Яков бежал из тюрьмы.

Мне донесли опять, что служанка Анна таскает многое из моего добра. У меня был слуга, лифляндец Анд-

рей; он пришел в Москву с одним поляком. Его-то я и поставил на ее место. Но, заметив, что и он ведет себя не так, как следует, я опять поставил служанку вместо него. Тогда Андрей устроил такую штуку. Он раздобыл мою печать и написал грамотку моему приказчику Надею: «Надей! Ты должен отпустить с этим самым Андреем шесть лучших лошадей. Я должен спешно выехать в одно место». Приказчик плохо рассмотрел грамотку, ибо мною она не была подписана, и отпустил Андрею шесть лошадей вместе с конюхом. Андрей взял их и привел к поляку в его поместье. А поляк, получив лошадей, велел Андрея прогнать. Узнав об этом, я спросил через посредство Иоганна Таубе у поляка, что он думает делать дальше. Видя, что я и Иоганн Таубе действуем заодно, тот возвратил мне столько своих лошадей, что я получил полное удовлетворение.

Этот мой слуга Андрей умер потом от чумы на пустом дворе, и тело его было съедено собаками.

А еще один сосед все пытался выманить у меня деньги с тем, чтобы привезти мне из заволжских степей некое чудо. Его отец якобы некогда был послан московским государем к заволжскому царю; во время этого посольства он видел на одном острове некое семя, как семя дыни, только немного крупнее и круглее. Если его зарыть в землю, то из него вырастает нечто, весьма походящее на ягненка, в пять пядей высотой; на их языке это называется «баранец», что значит «ягненок», ибо у него голова, глаза, уши и все прочее как у новорожденного ягненка, а, кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую очень часто в тех краях употребляют на подкладки для шапок; он рассказывал также, что у этого растения, если только можно назвать его растением, есть и кровь, но мяса нет, а вместо мяса — какое-то вещество, весьма напоминающее мясо раков. Далее, копыта у него не из рога, как у ягненка, а покрыты чем-то вроде волос и похожи на роговые. Корень находится у него около пупка, т.е. посредине жи-

Михаил ГИГОЛАШВИЛИ

вота. Живет оно до тех пор, пока не съест вокруг себя траву, после чего корень засыхает от недостатка корма. Это растение на удивление сладко, почему за ним охотятся волки и прочие хищные звери.

Но я денег не дал – зачем мне этот баранец? – хоть и похвалил соседа за ретивость и услужливость.

4.

23 сентября 2009 г.

2-я встреча с граммар-наци.
Головоногое. Пропажа карты.
Пьянка с Самуилычем

• О П Р И Ч Н И Н А •

С утра голова болела очень сильно, но я всё равно первым делом начал искать билет. Вот он, в кармане пиджака, в шкафу. Потом осмотрел бумажник. Все карточки целы, даже мелкие долларовые купюры не тронуты. Впрочем, мелочь не тронута, а со счета снять смогут, для них пин-код найти, счет вскрыть — не проблема: говорил же Хорстович, что тут целые отделы заняты компьютерными взломами и вирусами...

Лёжа в ванной, я думал о Ваших словах, что в СССР была добрая традиция — кто что охранял, тот то и воровал, и сейчас мало что изменилось: к примеру, отдел по наркотикам сам торгует ими (говорила же Алка, что «вещдоков под тубетейку»), а в отделе по убийствам эти же убийства и производятся, потому что удобно — сам себя ловить никто не будет, поймать не сможет... Покажут свои корочки-подкорочки — и всё, пусть конь в пальто не валяется, князева дружина едет... Помните ту картину, которую Вы задали нам письменно описать? Впереди — князь, весь в золоте, на шлеме перья трещат и трепещут, а вокруг — крепкая дружина с копьями и топорами... Потом Грозный опричнину создал и на бояр насобачивал, своего любимца фон Штадена посылал людей усмирять...

Мама говорила, что в Москве фон Штаден стал толмачом при дворе великого князя, получил подворье уби-

того им лично боярина, заодно выпросил у царя право варить и продавать пиво и мёд. Но этого было мало, вскоре он вступил в опричнину, был поставлен во главе отряда и так хорошо вёл его, куда надо, и так истово исполнял приказы, что Грозный принародно целовал его и ставил другим в пример – вот немец, а служит лучше вашего!.. Вместе с царём фон Штаден ходил усмирять Новгород, вернулся с мешками добычи, разоряя по дороге церкви и монастыри, так что жители боялись его поминать даже шепотом, а опричники сторонились, особенно после того, как на обеде у Грозного, желая заслужить одобрение царя, фон Штаден набросился на опального боярина, стянул с него исподнее и откусил мошонку, чем царь был весьма доволен, велел уложить яйца в серебряный ларец и послать жене изувеченного дьяка, а фон Штадена тут же пожаловал именем Андрей Володимирович (его отца звали Вальтер), увеличил его владения под Москвой и пообещал не обращать внимания на его несколько жён, чего никакому христианину не пристало...

Вылезая из воды, я подумал, не позвонить ли папе Клеменсу, чтоб он на всякий случай посмотрел онлайн мой счёт – евро восемьсот там должны быть, зарплата за август... Да, место научного вспомогателя на кафедре много не дает – около 800 евро. Хорошо, что жить я пока могу с родителями, как у нас говорят – в отеле «У мамы», на всем готовом-приготовом, хотя папа и предупредил, что этот рай будет продолжаться только до моего диплома, а потом я должен жить самостоятельно, как все молодые люди...

Интересно, а чем этот полковник занимается?.. Наверно, у них в отделе кого поймали, тем и занимаются... Вот, Алка без прописки, Самуилыч с пакетом, я вообще... сбоку тренога... тью-тью, воркутю...

Да, вместо мавзолейного Кремля и балета одни синие формы и вижу... Но как хорошо, по-человечески они говорят, по-дружески общаются... с шуткой-прибауткой...

Правда, вчера в камерах кто-то кричал: «ебатье фашисты»... К сожалению, слово «фашисты» стало нарицательным, и этот проклятый ярлык нам еще долго таскать на себе... Сейчас хоть в Европе на улицах не плюют, а раньше плевали... Говорил же папа, что еще в 60-е годы во Франции, если слышали немецкую речь, подходили и плевали в лицо... Или били по шее кулаком... Просто за то, что ты – или сам фашист, или сын, или брат, или внук фашиста!..

А что, у нас не было дяди Пауля?.. А дедушка Людвиг?.. Про него ходили слухи, что он служил в Дахау хаусмайстером¹, хотя на мой прямой вопрос, так ли это, дедушка Людвиг отмахнулся: «Ach, Quatsch! Nur drei Monate war ich da als Hausmeister, dort war damals alles noch leer»², – и объяснил, что он ничего не знал, пришёл наниматься, ему сказали: казармы строим, хаусмайстер нужен – ну, он и подписал контракт... Про работу дедушки в Дахау в семье никогда не говорили (как и о дяде Пауле), но мне было от Бабани точно известно, что после войны он прятался в горах, пока ловили нацистов, а потом тихо-тихо достал себе новые документы, переоформил на бабушку дом в Альпах, где и притих.

Или вот папа был раз на машине по делам в Голландии, искал дорогу к складу запчастей «BMW», ему очень подробно и вежливо объяснили, на литературном немецком, как ему ехать, а когда он поехал, куда указывали, то и попал прямиком на мусорную свалку...

А здесь нет, народ добрый. Даже и к Гитлеру как-то по-домашнему, снисходительно относятся, в разговорах не забывают упомянуть, хотя, казалось, ругать и ненавидеть должны бы. Нет, даже как будто с пониманием относятся. Вот полковник даже о «маленьком Гитлере» что-то говорил, хотя маленький у них уже, кажется, есть...

¹ От Hausmeister (нем.) – в Германии лицо, отвечающее за дом или ряд домов, мастер на все руки.

² Ах, глупости. Только три месяца был я там хаусмайстером, там тогда всё пусто было ещё (нем.).

Вытираясь, я думал с некоторой гордостью, что теперь я — битый-варёный тип: побывал в милиции и живым выпшел наружу. И я представил себе, как буду рассказывать всё это дома и как мама будет волноваться, а папа иронически вставлять: «Ja, fein... na, schön... das glaubt man doch nicht... unglaublich»¹...

Вдруг зазвонил телефон. Кто это? Может, Маша? Номер от полковника узнала? Я схватил трубку. Это был портье, сказавший:

— Тут к вам пришли. Вы кого-нибудь ждёте?

— Нет, жду никого, — ответил я, с тоской подумав: «Началось! Опять милиция?..»

— Если не трудно, спуститесь в вестибюль.

Очень трудно, но спускаться надо, а то сами поднимутся. Я почему-то был уверен, что это опять милиция. Хуже будет. Их нельзя злить и сердиться, надо торопиться. Или, может быть, полковник прислал мои вещи с сержантом? Вот это было бы круто! Реально!

Я кое-как оделся, спустился на лифте.

Портье, похожий на кистеухую свинку, указал мне на кресло, где спокойно и прямо, обхватив ступнями сумку, восседал Исидор в плаще-накидке, с золотой кокардой на фуражке, из-под которой сзади вился конский хвостик. Рядом Фрол что-то перекладывал из рюкзака в карманы черной куртки. На левом рукаве — нашивка:

¹ А, хорошо, прекрасно, в это трудно поверить, невероятно (нем.).

На правом — другая:

— Вот, эти говорят, что к вам, — неодобрительно дёрнул подбородком портье, на что Исидор громко и отчетливо, на весь зал, произнёс:

— Твое дело сторона — стоять у стойки по стойке смирно! — А Фрол сердито добавил, по-волчьи глядя на портье из-под вязаной шапочки:

— Ты грызло-то своё не корчи — кипятком чтоб не ошпарило!..

— Я — что? — скукожился, обтянулся портье. — Люди, говорю, пришли...

— Вот так и говори — люди. А не эти местоимения — «эти»! Правильно? — Фрол заглянул в лицо Исидору (который в знак согласия прикрыл свои большие ячеистые веки), а потом обратился ко мне: — Желаю здравствовать, господин бакалавр! Как доехали?

— А, спасибо, хорошо... А вы?

Я не знал, что делать, — в номер их вести не хотелось, но и тут разговаривать не очень приятно — портье, уборщица, за колоннами какие-то мурзики на диване сидят. Чтоб охрану не вызвали!

— А мы с дороги... Зашли посмотреть, как наш новый боец устроился, что делает... — сказал Фрол, выразительно глядя на меня, и мне подумалось, что они хотят остаток денег. «А, взнос! Хорошо... Дам им, и они уйдут...» Я сделал рукой жест:

— Прошу в номер!

Исидор молча ногами выдвинул вперед сумку, поднялся — был выше меня на голову; Фрол взял весь багаж на оба плеча, и мы пошли.

В номере они очень по-деловому начали раскладываться. Исидор, спросив, не против ли я, если он примет душ с дороги, отправился в ванную без моего ответа, Фрол стал вытаскивать из рюкзака какие-то ведомости, что-то перекладывать. Вид у него был ожидающий.

Я взял из бумажника пятьдесят долларов (осталась одна десятидолларовая купюра) и протянул ему:

— Вот. Мой долг, взнос!

— Ай, спасибо! — Фрол спрятал деньги.

Я ждал расписки, но он хозяйственно отгреб локтем мои вещи на столе, разложил листы, объясняя:

— Обход московских членов делаем. Начали с тебя.

— Почему так?

— А около вокзала живешь.

Да? А мне казалось, что до вокзала довольно далеко... Я сказал об этом Фролу, но тот высчитывал что-то и не отвечал.

— И как дела? — чтобы прервать паузу, спросил я.

— Дела идут — контора пишет.

— Какая контора?

— А всякая... Контора — место поганое... Тебя, слушаем, менты не цепляли?

— Меня?.. Нет, не цепляли... Не цепляка... А что? — Я решил ничего не говорить про свое горе.

— Да ничего, с нашивками и наклейками осторожнее...

— А у вас? Всюду? — указал я на его руку.

Он уставился на свой рукав, как будто первый раз его видел:

— Эти?.. А, нам всё равно! Реально засвечены! Может, и следят за нами... Цветные сейчас волю получили, шныряют и людей шнуруют только так... Хваталово идет, будь здоров!

Хваталова еще не хватало мне!... И так вчера уже схватали!

Он не успел объяснить мне, кто эти цветастые и кого-то они шнуруют, — из ванной появился Исидор. Он был в каком-то странном френче с карманами, в какой был одет на фотографиях Сталин в учебнике фрау Фриш. Приглаживая темные волосы и выжимая косичку, он огляделся.

— Что? Чайку? — Фрол замер, но в номере не было ни чайника, ни посуды, кроме двух стаканов, один из которых — в темных размывах от вчерашнего вина.

— Пили? — кивнул на стакан Исидор. — Портвейн?

— Нет, австралийское вино... из кенгуру... Кенгуровина...

— Кенгурятина, — поправил меня Фрол, с чем я согласился и сказал, что стараюсь алкоголь не пить.

Исидор понимающе кивнул, заплетая косичку:

— Мы тоже стараемся, но избежать нельзя. Вот Фролушка иногда чудит, но ему можно — он в народном крыле секретарем, а там без этого — никак...

— Крылья есть?

— А как же. Одно крыло — народное, другое — радикальное, третье — либеральное. Знаю, знаю, этих слов по-русски нету... — Он покосился на Фрола. — Думали еще дворянское крыло сделать, но решили, что не надо народ дразнить... Да и партии аристократов нигде нет, даже в Англии...

— А вот опять слово — аристократ! — заметил Фрол.

Исидор на секунды две воззрился на него с вызывающим презрением:

— А вот и нет! Это сложное слово, боец: ария — сто — крат! Стократный ария, значит, самый что ни на есть чистый ариец...

Я был удивлен этим объяснением и хотел даже возразить, что латинский суффикс «kathie» обозначает собирательное понятие, но Фрол пристыженно замолк:

— Ну, если так... — (И я тоже промолчал, решив их не задерживать.)

— А если так, то с тебя пять долларов за неверное замечание! — процедил Исидор и обратился ко мне: — Мы, собственно, по делу. Даже по делам...

— Знаю, членов считаете, Фролочка сказал... Фролушко сказало...

— Это само собой. К вам личное дело.

— Я взносы уже заплачивал...

Фрол подтвердил это сжиманием и так смятого в слои лба.

— Ну и хорошо. Значит, полноправный член нашей партии. Я, собственно, хочу предложить вам стать оберлейтером группы, ну... за три тысячи долларов...

— Нет, спасибо, не надо совсем!

Исидор немного обиженно покосился по сторонам:

— Почему же так категори... отрубно?... Это честь... Впрочем, как хотите. Нас интересует выход на Европу. Могли бы вы помочь нам наладить контакты с коллегами... то есть касания с содругами?..

— Как, такие партии разве есть в Европе?

— Как же нету? А пуристы?.. Слышали про пуристов? Мы им кинули послание, но они слишком высокомерны, пафосны... а пафос по-нашему — это отстой... В общем, не ответили...

Пуристы? Это, кажется, в Англии... Борцы за чистоту языка.

— Да, слышал, есть такие... Но контакты нету...

— Жаль, жаль...

Исидор закурил сигару, её твёрдый, как корка, дым стал ползать по номеру. Я открыл окно, однако Фрол, что-то писавший, буркнул, что в поясницу тянет, и ногой прихлопнул его, потом перебрал какие-то бумаги:

— Босс, баб тоже сегодня навещать будем? — на что Исидор, не отвечая ему, сделал две затяжки и потушил сигару:

4. 23 сентября 2009 г.

— Вижу, что вам неприятно. Так вот, в Европе... Связи нужны... Контакты...

— Если что — я сейчас... Мне вообще уходить... идти...

Исидор это замечание проигнорировал:

— Если совете в Германии ячейку, назначим вас гау-ляйтером.

— Это не хватало! У нас запрещено! — Я испугался окончательно, но Исидор остановил меня длинной ладонью:

— Не обязательно символику носить и на митинги... то есть на гульбища ходить... Можно делом помочь... Вот мне рассказывали, у вас там в Германии сейчас развелось много русских немцев, что отсюда дезертировали и там на какой-то дикой смеси немецкого и русского говорят... Вот их бы к рукам прибрать, штрафы дать... списки составить... а?..

— Да, есть такие... Но штрафы трудно... Они сами штрафы берут... Героин, кокаин... На дискотеках водку... шумят, дераются...

— Ага, ну люмпены, босяки... Ладно, ими тогда другие бригады займутся... А ваш совет, кстати, — ну, насчет свободы суффиксов — мы на бюро обсудили, всем понравилось. Взяли в доработку. Да. Есть еще одно частное дельце... — («Опять! У всех какие-то дела ко мне!») — Видите ли, я в душе поэт... прозаик... люблю писать... — Исидор подался вперед, дотянулся до своей сумки и вытащил рукопись. — Вот хотел бы предложить вам для перевода на немецкий... несколько своих эссе... то есть кратких баснеписей... Баснепись люблю с детства. Может быть, кто-нибудь заинтересуется в Германии?.. Или вы сами?

Это было другое дело.

— Давайте! Я сам пишу короткие Kurzgeschichten¹. Мне интересно. Я и переводы делал... — И я сообщил, что сам когда-то написал небольшой рассказ (про стрелочника, который всегда в 5 вечера слышал поезд, а в

¹ Короткие рассказы (нем.).

тот день, когда не услышал, — пошёл и утопился); и один раз даже пытался Чехова переводить, но там было столько разных названий еды и питья, что я не смог это перевести, у нас нету таких слов. На это Исидор чуть оживился:

— Ну, Чехов — это да, это далеко... Надеюсь, у меня таких слов нет... А гонорар... то есть добычу пополам разделим. Как вам? Отлично, вот тут оставляю... Я, кстати, и лирику пишу. Хотите, прочту?

— Давай-давай, — вспомнил я волшебное слово, пригодное во всех случаях.

Исидор встал у окна, вытянул руку:

Свёртыш сыворотки света,
Раскардаш дремотной тьмы.
Сочень солнца,
Комья мрака,
Слёпых глаз немые сны.
Силы плещут, тельце бухнет,
Шкурки шкварки роговеют,
Жар земли уже докучен.
Новый цепень цепенеет.

О! Тут я понял, как плохо знаю русский язык — всего несколько слов были мною поняты, но я не стал спрашивать, потому что Исидор стал читать дальше, возвысив голос и тряся кулаком:

— «Каркас баркаса ржав, костяк хребтины шаток, труха нутра гниет с утра...»

— Это такое... анти, да? — уловил я.

Исидор довольно кивнул, стал похож на большого ребёнка, потоптался возле занавески:

— «Супостат и остолоп доедали эскалоп, съели ножку, съели две — зашумело в голове»... Есть еще динамичное, даже можно в оперетту переделать, — и, выставив ногу, Исидор нараспев стал говорить:

— «Отведайте чуть-чуть сей лакомый обед, тут собран весь сюжет!.. Стилет — в букете. Букет — в пакете. Па-

кет — в карете. Лестница, дверь, шпингалет. Пакет — на паркет. Брюки, жилет. Дуплетом минет. Рюмка-буфет. Из шкафа — скелет, в кимоно разодет. Где пистолет? Где стилет? Где двойка, семерка, валет? Выстрела кровь, туалет. Паралет. Кончен крикет. Какой браслет? Возвращаю билет! Ах, приглашение на обед? Привет, привет. Где тут буфет? И да и нет!»

Хоть эти стихи мне показались не совсем в норме, я всё-таки похвалил их, надеясь, что граммар-наци оставят меня в покое и уйдут:

— Да, очень, очень, креативно... — (Сам думая, как понять слово «зубостат» — «зубная статистика», что ли?)

Эта похвала Исидору понравилась, и, когда я ещё раз сказал про «надо уходить-уйти», он тут же согласился:

— Ну, у вас дела и у нас дела, мы пойдем... Когда будет акция — предупредим...

— Да-да, много рад...

На это Исидор сказал, что было бы желательно — для партии — оставить у меня до вечера рюкзак с листовками — таскать трудно. Я был на всё согласен: пусть оставляют, лишь бы ушли!

— До встречи. Так Фрол завтра заберёт?

«При заборе!» — вспомнил вдруг я старика в камере:

— А там... ничего? Опасное, запретившее?

— Разве печатное слово может быть опасным в нашей стране? — улыбнулся Исидор. — У нас только деньги опасны, всё остальное — ерунда. Вы не согласны, что не может быть светлого завтра у страны, чей президент употребляет такую вот, например, лексику: какая-то идея его «заводит», его «что-то торкнуло», «надо разрулить ситуацию», «долбануло по всем», «безработица поперла наверх», «всяких структур у нас завались», «голимый пиар»?.. Если язык верхов таков, чего требовать с низов?.. Впрочем, можете проверить. — Исидор обернулся к Фролу: — Боец! Подай рюкзак, заплечную сумку то бишь!.. Вот, никаких взрывчатых веществ, бомб и динамита! Одна макулатура!

— А вот опять ихнее слово сказали! — Фрол съежил слоистый лоб, ногой выдвигая мне рюкзак. — Ма-ку-ла-ту-ра! Разве русское?

— Ну, сказал и сказал, что теперь?.. Писаная бумага для отходов.

— Отходная бумага, — сказал я, думая этим словом напомнить им об уходе.

Фрол спрятал рюкзак обратно под стол, они не спеша оделись, одернули друг на друге плащи и куртку, отсалютовали мне большим «хайлем» и пошли по коридору, распевая по-русски проклятого «Хорста Весселя», от которого меня передёрнуло (но спутать я не мог):

— Коричневым дорогу батальонам, и нет преграды для штурмовика, сегодня свастика — надежда миллионов, подарит хлеб и волю на века!..

Проследив из-за занавески, как они перешли улицу и деловым шагом удалились, я стал перебирать бумаги на столе... Нет, вначале рюкзак посмотреть!.. Так, понятно — плотные стопки листовок с любимыми гербом... Вот глянцева́я плотная бумага:

ПРИЗЫВЫ

Убей неуча!

Смерть безграмотным!

Лучше мёртвый, чем необразованный!

К чёрту логорею, даешь чистый язык!

Поросячья латынь — пороссятам!

За слова-гибриды головы рвать небритым!

Грязный язык — грязная душа!

За ошибки — сквозь строй!

Превратим невежд в дым!

Сегодня агнонимы, завтра — шпионы!

Понятно... А это что такое?.. Опять пособие?.. Нет, памятка:

ПАМЯТКА

Чтобы вызвать расовую ненависть и этническую рознь, следует:

1. Начать кампанию по оболваниванию и осмеянию намеченных жертв. Включаются средства массовой информации, общественность, запускаются слухи, сплетни, рассказы «очевидцев».

2. Тотализировать, систематизировать и узаконить гонения, от слов переходить к делам: снять с работы, не принять на работу, ограбить, поджечь, избить, унизить, пригнать, привлекая при этом, по возможности, милицию, отчего люди начнут чуждаться жертв, а жертвы — паниковать и бояться.

3. Оставить жертв в одиночестве, без помощи, чтобы они изнемогли от страха и предательств. Надо ждать, когда они вконец ослабеют, морально сломаются, перестанут сопротивляться, а потом делать с ними что угодно.

4. Исправимых жертв надлежит исправлять, неисправимых, закоренелых и строптивых следует истреблять всеми доступными способами.

5. Двигаться так: от национального самосознания — к национальному самодовольству: от национального самодовольства — к национальному самообожанию: от национального самообожания — к национальному самообожествлению.

Это мне совсем не понравилось... Терроризм какой-то... Да, зря я эти памятки тут оставил... Чего они хотят добиться?.. Интересно, что здесь, в рукописи. Так, Исидор Шеремет-Пещеристый, «Баснописи»... Я пролистал. Небольшие тексты. Вот, например, даже с эпиграфом:

Новая Вавилонская башня

...Мы растем, но не зреем, идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели...

Петр Чаадаев

Ни для кого не тайна, что мы, желая во всем достичь небесных высот, давно строим новую Вавилонскую башню.

Но увы, строительство наше находится в плачевном состоянии. Господь Бог так основательно смешал все языки и наречия, так успешно помутил наш разум, что полный хаос царит на стройплощадке — каменщики напрочь не понимают штукатуров; столяры не ведают, чем занимаются бетонщики; маляры не посвящены в дела плотников; слесари клеят обои; паркетчики варят трубы; кровельщики еще возводят фундамент, а сантехники уже принялись за крышу; одни кричат: «Майна!» — другие протестуют: «Вира!» А начальники строительства, у которых лбы широки, а мозга мало, важно наблюдают в подозрные трубы за ходом работ, одаривая иногда ценными указаниями. И главное: все всё время умывают руки, ибо никто не знает, скоро ли рассыплется башня или же еще долго будет стоять, скособочившись, пугая мир и вызывая удивленный ужас у остального человечества...

Хаос, бестолочь, суета и вселенская тупость царят на стройплощадке. Да и как иначе? Главные архитекторы умерли; проектировщики и инженеры — в бегах; производители работ — в тюрьме; подрядчики разбрелись кто куда; прорабы тащат, тащат и тащат; десятники спят; бригадиры выпивают; кладовщики закусывают; бухгалтерия подсчитывает, и лишь чернорабочие трудятся не покладая рук. Но, к сожалению, правая рука не ведаёт, что творит левая, рука руку моет, голова не знает, куда несутся ноги, которым, в свою очередь, нет покоя от большой головы.

Кирпичей миллионы штук в расход пустили, говорящие кирпичи — вещь в нашем хозяйстве не дефицитная, в отличие от всего прочего. Чего-чего, а этого добра хватает...

А, понятно — это такая протестная проза... Ну да, такую битники писали, хиппи, папа рассказывал, он тоже одно время увлекался: против всех, против власти, они даже в молодости один раз ночью сломали палками

несколько дорогих машин... Что ж, вполне можно перевести на немецкий язык... Лексика понятная, не сложная... Есть и идиомы, и фразеологизмы, они всегда полезны для тренинга...

Но который час?.. Надо выйти, поесть. В гостинице ресторан работает только вечером, в день приезда я заглянул в буфет, где мне не очень понравилось: красновато-сероватая рыба невесело поглядывала с хлеба, сыр из-под целлофана скучно морщился (вроде слойчатого лба Флорушки), а кофе, хоть и назывался чёрным, был светло-коричневым. Нет, надо пойти в то кафе, где я ел солянку-поселянку. Оно где-то недалеко. Направо идти или налево?.. Ничего, Фредя найдет...

Собрался я быстро — сунул в карманы бумажник и ключ (всё остальное лежало у полковника). Съехал на лифте вниз.

Мы с портье неприятно обнюхались взглядами и раскатились: я — к выходу, он — к кофейному аппарату, похлопал по нему и крикнул куда-то в открытую дверь: — Эй, Сергуня, аппарат опять не работает!..

Интересно, в русском слове «аппарат» — два «п» или два «р»? — думал я, бредя наугад и размышляя о том, что Исидор трудится зря: если из русского языка выбросить все иностранные слова, мало не покажется... даже очень много покажется, пол-языка исчезнет... А вот если из европейских языков выбросить русские слова?..

А есть ли они вообще в европейских языках, русские слова? Я стал вспоминать, но ничего, кроме «быстро», «бефстроганов», «балалайка», «водка», «икра», «матрешка», «рубль», «перестройка», «гласность», «калашников» и «молотов-коктейль», не вспомнилось... Значит ли это, что русскими не было создано ничего принципиально оригинального, нового, чему не было бы еще имени и что надо было как-то называть, как Рентген, Порше, Ватт и так далее?... Очевидно, так... Надо бы на семинаре этот вопрос обсудить, это важный факт, даже

фактор... Помнится, Вы со скепсисом высказывались по этой проблеме и даже говорили, что вклад русских в технический прогресс — в противовес духовному — минимален. Mendeleew-System, Pawlow-Reflexe, Botkin-Krankheit¹ — и всё... А у немцев — максимален, поэтому названия почти всех приборов, станков, деталей, частей машин, военная и медицинская лексика в русском языке просто скалькированы с немецкого. Помнится, это Вы тоже объясняли мудрым «путем печи»: Иван, совсем не дурак, валется на печи, грезит о чём-то, мечтает, ест, пьет, бабшупает — и ждёт, когда немец всё выдумает. А как немец выдумал — тут же это у немца ворует или покупает, вместе с искажённым именем — и готово, получают всякие «фартуки», «галстуки», «парикмахерские», «бинты»²... Зачем напрягаться, если Золотая Рыбка без косточек на скатерти-самооборонке всё преподнесла!..

Да, но что хорошего, если вся агрессивная терминология войны, оружия, боя — немецкие?.. Что хорошего в такой агрессии?.. Еще раз о фашизме напоминает — и всё! Хуже немцев — только Нобель, он всех с динамитом переплюнул... Лучше б этого Нобеля в тюрьму посадили, чем премии его поганого имени давать!.. В нашем кружке пацифистов он — враг № 1! Врагом № 2 идёт Бертольд Шварц, что порох выдумал, третьим — Нильс Бор...

Нет, русские не агрессивны, как немцы, войн не начинают... или, вернее, не прекращают, у них постоянно где-то идёт война... А что делать, если страна большая, со всех углов всё время враги что-то откусить хотят?.. Говорил же лектор Барыгин, что ²/₃ своей истории Россия воевала, это негативно сказалось на генофонде, а увеличение за последние 400 лет территории в 40 раз окончательно свело менталитет на «путь печи» — земли

¹ Таблица Менделеева, павловские рефлексy, болезнь Боткина (нем.).

² От *Fahrtuch* (нем.) — ездoвая накидка; *Halstuch* (нем.) — шейная повязка; *Perücke machen* (нем.) — делать парики; *binden* (нем.) — вязывать.

много, леса полны, всё растёт, бегают и чирикают, авось с голоду не помрём... С другой стороны, Вы сами говорили на семинаре по Домострою, что вера в бесов, домовых, духов, фэй и леших засела в русском сознании ещё со времен славянского двоеверия, отсюда — тяга к собирательству грибов и ягод, что было свойственно матриархату, и хотя настольной книгой россов всегда был «Домострой», а в итоге вышла смесь бабоархата с домоперестроем...

...Так, а где тут кафе, солянка-поселянка?.. «Уют», кажется?... Нет, тот не очень уютный «Уют» был в Петербурге... надо говорить — «Петерсбурхь», бург Петра... В том «Уюте» мужчина мне про свой безвыходный фатум рассказывал... Нет, я не такой. У меня есть будущее... А, кафе «Маковка», сейчас вспомнил. Или «Камовка»?.. Ну да, Кама впадает в Каспийское море... Где-то подальше... И где тут вокзал, про который они говорили?.. Нет никакого... Пойду, как Иван, куда глаза направлены...

Блуждая по улицам, я вдруг увидел название — «улица Нежданова»... Что-то знакомое... Да это же та улица, где сидит в ларьке старик в берете, Самуилович!.. Газетчик! Может, он будет знать недорогое, но хорошее кафе?.. Где его адрес, телефон?..

Я покопался в бумажках с номерами — да, вот прыгающие цифры Алки, вот, квадратными печатными буквами с дрожью, номер старика... И адрес, «ул. Нежданова, 58». А я пока где?.. Около дома 11... Ну, недалеко идти. Но надо переходить, а это опасно, чисто реально в натуре... Такси взять, объехать?

Тут я вспомнил, что денег осталось всего 10 долларов и одна запасная 50-евровая. Вот это проблема! Как тут брать-взять деньги? Где банк?.. Где разменять эти 50?.. Но вывесок с «\$» и «€» попадалось много...

Пройдя еще немного, я увидел надпись «ПУНКТ ОБМАНА». Что? Как это — «обмана»? Шутка такая? А, нет, просто буква отсвечивает. Пункт обмена, конечно. Ко-

соватая будочка со слабой дверью... Спердельный воздух... Окошко-решётка... Человек лежит, лицом к стене, на короткой лежанке. Рук и ног как-то много... как у головноного моллюска (которого я видел в океанариуме в Израиле)...

Это вообще что? Какой-то конурок...

— Хелло! — сказал я.

Человек повернулся всеми конечностями (это был небритый молодой человек южанского типа) спустил ноги в носках, отчего воздух неприятно шевельнулся.

— Та?.. Слюшаю! — с придыханием и излишней палатализацией сказала головноное.

— Деньги меняете?

— Та, тэньки...

— А карточкой можно?

— Нэ... картчк-мартчк нэт... Чисты кеш тэньки...

— А где автомат — деньги брать-взять? — Я показал ему карточку.

— Нэ, афтмата нэту...

Я заглянул за решетку — какие-то древние приборы на столе, куб монитора, на полу — коробки от пиццы...

— У меня 50 евро. Сколько за них дадите?

— Сиколк? Шас шитаем, да...

Головноное долго тыкало одним пальцем в кнопки калькулятора, но что-то не сходилось. Счет начинался снова. Было попробовано посчитать от руки. Наконец было сказано, с чесанием затылка:

— Ну, пошти тысца тириста... ну так, да... пошты тысца тириста с чем-той, да, пятьдесят, пошти...

— Давайте!

Я отдал купюру, он взял её двумя руками, дёрнул на просвет, спрятал в железный сундучонок, оттуда достал рубли и дал мне:

— Пшалсты...

Я поспешил на воздух, на улице попытался пересчитать... Столько примерно я заплатил вчера в кафе за солянку-поселянку?.. Не помню, долларов сорок... Но дол-

жен же быть где-нибудь автомат для денег?.. Нет, надо говорить «банкомат», как Вы учили нас на занятиях по разговорной речи... Интересный спор тогда затеял этот беспокойный студент из Косово, который хотел доказать, что он, как муттершпрахлер, может говорить, как ему угодно и удобно, но другие иностранцы (если им взбрѣдет в голову учить албанский язык), должны говорить по учебным правилам школьной грамматики. Может быть, он и прав, Вы тоже не раз говорили, что носители языка всегда правы, ибо наука описывает язык, а не язык учится у науки... Как в том анекдоте про бедного лингвиста, который Вы всегда рассказываете новым студентам (пристающим с вопросами «а можно так сказать по-русски?», «а так?» «а так?»): отправился молодой учёный к аборигенам учить их язык, всё время спрашивал: «А так можно сказать? А так?» — пока, наконец, вождю не надоело, он крикнул: «Да, да, да, так сказать можно, но мы так не говорим!» — и приказал изжарить лингвиста на ужин, чтоб не надоедал пустыми вопросами.

Людей на улице прибавилось. Все отлично одеты. По широким улицам Москвы едут машины и автобусы... Да, едут, ещё как едут!.. И улицы широкие... И даже очень, очень, даже слишком, широкие... А вон на той стороне банкомат... Но как перейти? Проблема. Машины едут слишком быстро по очень широким улицам Москвы... Надо найти живой щит...

Около «зебры» я подождал, пока какой-то здоровый дядя с пакетами, в плаще до пят, начал переходить, и пошёл рядом с ним, надеясь, что при наезде его туша спасёт меня (как в свое время дедушку Адольфа спасли от мины тела стоящих вокруг курсантов).

Банкомат стоял в кабинке. Я сунул карточку. Автомат был согласен и предложил суммы в рублях. Я принялся высчитывать, что для меня всегда — большая проблема: счёт сводит меня с ума, а когда я нервничаю,

русский и дурацкий наш немецкий обратный счёт путаются в голове.

Около будки появилась молодая пара, стала настырно смотреть на меня, и я, сбившись и недосчитав в уме, нервно нажал на «5000». Автомат спросил, нужна ли квитанция... нет, не нужна... нужны деньги... Подтвердить... да... да... Вот... Тайный номер? PIN Code... Я начал набирать, первые две цифры помнил хорошо... И вдруг от волнения забыл последние две цифры!.. 79 или 97?.. Цифры забежали одна за другую, я не мог их поймать. О, Gott!.. На вариант 79 банкомат ответил отказом. Я лихорадочно набрал другой вариант – тоже отказ. Тогда первый вариант, другого варианта нет... При наборе я задел еще какую-то клавишу, по дисплею что-то промелькнуло – и банкомат с хрустом прекратил операцию, не выдав ни денег, ни карточки, и тут же стал с громким металлическим хищным верещанием перезагружаться.

Я в панике начал нажимать все кнопки подряд. Щупал рукой прорезь. Стучал по экрану. Пусто. А банкомат, лязгнув и железно облизнувшись, выбросил на дисплее первую страницу, где на берегу синего моря желтые шляпущие Проценты с гитарами и в сомбреро предлагали себя нарасхват всем желающим...

Воздуха не хватает. Я открыл дверь. Парень спросил:

- Проблемы?
- Карта... Захватило... Хваталово... Шнурово...
- Ну, бывает, может, что-то не так... Разрешите!

Он втиснулся в будку, я вышел, а его подружка, пахнущая чем-то свежим, стала участливо меня о чём-то расспрашивать, но мне было не до неё... Может, правда со счётом проблема?.. Могли же они вчера в милиции снять все деньги, пока я в камере сидел? Могли, конечно... Наверное, это. А что еще?.. Счёт ушёл в минус – и всё.

Парень, укрывшись спиной и пощелкав, спрятал что-то в бумажник, вышел:

– Ничего, дает нормально. Вам надо в банк обратиться. Вы в каком банке?

– «Deutsche Bank», я... куда...

– Вот туда. Где-нибудь в центре...

Они ушли, а я не мог двинуться. Еще раз обтрогал весь автомат — нет, ничего, с дисплея улыбаются дурацкие жёлтые долговязые проценты в соломенных пляжных шляпах... Да, вот так на практике учатся глаголы: одно дело — «брать», а совсем другое — «взять»... Но что делать?..

Надо карту закрыть! Немедленно! А номера горячей линии я не знаю... Э, говорил же Хорстович, что, помимо копии всех документов, включая билеты, надо иметь номера телефонов, по которым можно закрыть карточки!.. Фредя полный идиот!..

Надо звонить папе. Но мой телефон у полковника в коробушке! О, горе!.. Может быть, у Самуиловича есть телефон?.. Телефонная книга?.. Auskunft¹...

Я в возбуждении начал смотреть на номера домов... Вот 46... Магазины... Вот жилые дома... уже хорошо пожившие... пожилые... штукатурка отвалилась от стен... Вон, кажется, ларёк... «ПРЕССА»... А в ларёке — беретная серая голова...

– Добрый день, Матвей Самуилович!

– День добрый! — Он сразу узнал меня. — Выпустили из избы?

– Да... А вас? Вы?

Старик развел руками с недвижимыми клешнями (как у того чёрного рака, что в баню ходит):

– Отдал штуку, будь они неладны...

– И у меня тоже злонесчастье — карточку автомат взял... не отдавал... Опаньки — и всё!.. При заборе! Беспередел! Мне надо позвонить скорей... запереть... У вас телефон?

Самуилович покопался в карманах клетчатого пиджака, протянул ключи:

¹ Справка, справочное бюро (нем.).

— Видите подъезд? Поднимайтесь на третий этаж, налево, табличка «Беренберг», это моя квартира, там телефон, звоните куда хотите, я минут через пятнадцать ларёк прикрою и приду. Код Германии знаете? 0049...

Я молча взял ключи и пошел, удивляясь — он же меня совсем не знает, кто я ему, чужой, а ключи дает.. Какой наш немец сделал бы так?.. Вот она, загадочная душа... нараспашку... нет, нараспашонку...

Квартира была убогая, со старой мебелью, захламистая. Старомодная кровать, ночной столик с книгами, потёртые коврики с оленями. Пара салфеточек, слонишки, мелкие вещишки, фото в облезлых рамах, фарфоровая балеринка без правой кисти за мутным стеклом... Но книг много! До потолка. И старые, тёмные, и светлые, новые.

Диван, вздохнув, просел подо мной до дна. Телефон тоже старинный, массивный, шнуры сидят кое-как... Я начал набирать. И, на счастье, дозвонился — трубку взял отец.

— Vater, ich bin's, Manfred...

— Wie geht's dir, mein Sohn?

— Gut. Aber... der Geldautomat hat meine Karte geschluckt.

— Oh, das ist schlimm!

— Ruf, bitte, die Sperrhotline an, die sollen die Karte sperren...

— Gut, sag mir mal deinen Pin-Code. Welche Bank? Gut, mache ich. Mama lässt grüssen. Brauchst du Geld?

— Na ja...

— Ich kann dir das Geld per Western Union Bank schicken, kommt sofort.

— Danke. Aber zuerst sperre die Karte. Ich melde mich¹.

¹ — Отец, это я, Манфред.

— Как поживаешь, сын мой?

— Хорошо. Но... Банкомат проглотил мою карточку.

— О, плохо!

Когда пришел Самуилович, я уже сидел спокойно. Настроение поднималось, нагревалось. В конце концов, люди всё теряют. Там денег было — кот в плаще не валялся... Вот, папа в поезде забыл ноутбук со всеми работками... чуть с работы не того... тью-тью, воркутью... И что, собственно, случилось такого?.. Карточку закроют, а папа деньги пришлёт... И всё! А хорошо «У мамы» жить!.. И в банке «У папы» деньги получать!.. И правильно меня Бабаня всегда стыдила, что я — «паникмахер»: «Вы, немцы, все паникёры, всё хотите заранее по полочкам разложить, а так не бывает. Всё само собой по местам уляжется».

— Ну как вы? — спросил старик из коридора. — Не испугались моего кавардака?

— Нет. А что это?

— Ну, когда неубрано... Удалось позвонить?.. Ну молодец!

— Да. Удалой молодец... На овец и сам седец... Книг много тут!

— Собираю, читаю... Вон и пластинок много, жена собирала... Знаете, кроме этого угла с лампой, чаем и книгой, ничего ведь не осталось! А хотелось бы пожить... Поразительно, как быстро наше сегодня превращается во вчера! И как человек привыкает к своему одиночеству! Как собака к подстилке!

Я деликатно промолчал.

На окнах — цветы в горшочках, пестрые цветульки в горшულках. Потолок в водяных оводьях... нет, поводьях... или разводьях?..

Старик заметил мои разглядывания, объяснил:

— Соседи, пролили. А ремонт делать!.. — Он махнул рукой и подсел к столу. — Сейчас чай будет. Ну, как вы,

— Позвони, пожалуйста, по горячей линии и заблокируй карточку.

— Хорошо, скажи мне свой пин-код. Какой банк? Ладно, сделаю. Мама передает привет. Тебе нужны деньги?

— Ну... да...

— Я могу послать тебе через «Вестерн Юнион», придут сразу.

— Спасибо. Сначала заблокируй карточку. Я буду звонить (нем.).

освоились? Вы же студент, не так ли? Учитесь или как? Нравится у нас?

Я полукивнул:

— Да... Почти что... Еще не усвоился... Трудно... Но люди хорошие, добрые... некоторые... — добавил я, вспомнив противного типа с серьгой из бюро, затеявшего мои злонесчастья.

Самуилович усмехнулся, потрогав голубой синяк на щеке:

— Чем это они добрые?.. Испоганился народ. Деньги с ума свели. В наше время все сто двадцать рублей зарплату получали и делали, что хотели, — книжки читали, общались, а сейчас... За копейку глотку перережут... Я же в ларьке сижу, всё слышу, что люди говорят...

И он рассказал о каких-то чёрных риелторах, которые, желая завладеть квартирами одиноких людей, под пытками заставили двух стариков переписать на них жилплощадь, а потом убили их, растворив живьем в бочке соляной кислоты, а остатки — костное месиво — собрали лопаточкой в трёхлитровые банки, закатали крышками и отнесли к мусорным бакам, типа выбросили испорченные консервы:

— А бомжи поели, отравились — так и выяснилось всё... Ну да ладно. Дозвонились, куда хотели?

— Да, коротко. В Мюнхен, папа карточку приоткрыл... нет, наоборот, призакрыл...

— А, ну да, ну да... Я этих шуток не имею, карт. — Он пошёл на свист чайника.

Вдруг на окне я увидел в банке какой-то гриб, похожий на медузную саркому, мерзкий и скользкий. Бородавчатое тельце висело, как розоватый эмбрион. Какие-то щупальца и шлёпальцы свисали из банки, как ноги головоногого с койки...

— Это что за... флора?

Я поднялся помочь старику, несущему с трудом две тарелки с дребезжащими чашками, но он благополучно добрался до стола:

– Всё, спасибо. Какая такая Флора? А, это... Гриб такой...

– Вид противный... Я бы не мог...

– Да, вид малоприятный, – согласился он, – но полезный, кисленький... Его пьют. Для почек хорошо... Вот заварочка, сахарок! – Он достал с полки крупную сахарницу. – А может, чего покрепче? За знакомство? Как на Руси с пятнадцатого века говорят...

– Почему с тогда?..

– А тогда генуэзские купцы, будь они неладны, научили монахов Чудова монастыря водку сотворять...

Я удивился:

– А что, до этого не пили? Я думал, всегда...

– Пили, конечно, но что-то другое, брагу, пиво, мёд...

Из буфета была вытащена отпитая бутылка. Этикетка на бутылке была самая простая, без прибабамов. Две тяжелые рюмки из толстого граненого стекла – такие были у деда Людвига, он называл «кайзеровские» рюмки, Kaiserpokal.

Старик снял пиджак, остался в той же вчерашней клетчатой рубашке.

– Ну, за знакомство! Хоть и в плохом месте произошло, но ничего, будем надеяться на лучшее, хотя сейчас хороших мест уже нет...

– Как так? А где?

Водка была тёплая, обжегучая, сразу забрела не в то горло, чуть не вывернув меня наружу. Старик заволновался:

– Что? Без закуски не идёт?

Из кухни появились холодные макароны в кастрюле, пол-огурца, хлеб, масло в маслярочке, старик суетился:

– Вот, закусите... Батончик... Я, знаете, для себя не готовлю... Как жена скончалась, на всё махнул рукой... Раньше всё было – семья, дети, работа, сейчас ничего нет... Ну, по второй?.. Нет, это не грязь, это царапины... Извините, кастрюля совсем прохудилась...

— Как? Худая стала? Похуделась?.. Ну да. У человека две ноги... Без Евы Адам не ходит... Хотя чёс на голове коли... Ну, соколом!

Вторая пошла легче. Самуилович, ловко, как щипцами, захватил негнушмиися пальцами макаронину, окунул её в солонку, потом закинул в рот, а я вспомнил:

— Вы в библиотеке работали?

— Да, в музейной...

— Как это?

— Ну, при Музее атеизма была библиотека. Вон там всю жизнь протрубил, хотел в свое время в университет, на исторический, пойти, да по пятому пункту не прошел... А что, вам в библиотеку надо?

— Да, надо... А вот вы не умеете знать, где искать... нет, найти книгу...

— Что за книгу? В Ленинке всё есть.

— «Записки о Московии» называется.

Он поправил недвижной клешницей берет, который не снимал:

— А кто автор? Таких записок много, многие писали, хоть их никто и не просил об этом...

— Мой предок писал-написал. Далёкий давний долгий длинный предок. Хайнрих фон Штаден.

Старик покачал головой:

— Нет, не слышал. Надо у букиниста узнать. Тут, недалеко, есть один. Я спрошу. Этот Штаден кто был? Дипломат?

— Какое там... атас... Опричник у Грозного... Отъехал в Новгород...

— Скажите пожалуйста! — (И мне с уважением была подлита заварочка из чайничка.) — Вот, свеженькая... И что он? Много народа порубил?..

— Да уж... мало не покажется... Много... Бунт усмертил... За это от царя виλλу получил... со всем скотом...

Старик поднял обе руки одновременно:

— Знаете, я вам скажу: этот народ усмиряй не усмиряй, всё равно хаос будет... Вот Ключевский пишет:

«Русские – бытовые бунтари»... Недаром пригласили варягов, врагов практически, царствовать, сами справиться были не в силах... до сих пор бардак... Писали же Рюрику – мол, приходи, земля наша велика, а порядка нет... А порядка как не было, так и нет... Потом ваши немцы явились, ордунг наводить, здравствуй, жопа, новый год...

– Здравствуй... Куда мои немцы? – растерялся я.

– На Русь, в Россию явились. Вон давеча у Ключевского читал... – Самуилович пошёл к ночному столику, взял том, полистал, как порубал, недвижимой ладонью... – Вот... «Иван Грозный выписал 1500 немцев для армии, уже при нём вся армейская верхушка стала немецкая»... Может, и ваш предок там был... Опричники – это первые дворяне, против боярства выступили...

– А Малюточка, Скураточка? – вспомнил я семинар «Князева дружина».

– Нет, мучили и пытали свои... Немцы армию держали, где дисциплина нужна. При Петре уже начали ехать толпами, а потом... Вот, Ключевский пишет... – И он процитировал по книге: – «При Анне Иоанновне немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались во все доходные места в управлении. Вся эта стая кормилась досьята и веселилась до упаду на деньги, выколачиваемые из народа»...

Что это? Самуилович на что-то намекает – «немцы», «посыпались», «выколачивали»... первая – колом... Водка оказалась хорошей, в голове начал буркать адреналинушко. «Не на Дахау ли намётывает?» – покосился я на клешницы и на кухонный нож, которым он как раз мазал бутгер на брот. Рискнул спросить:

– А вы на войне были?.. В армии служивый?.. Людей – того, тютю?

– Нет, бог миловал, я ребенком был в войну. Но голод и холод видел, не дай бог никому!

И он рассказал, что отца его убили в начале войны. Немцы наступали, была паника, и мать, связав два узла из простынь, потащила пятилетнего Самуиловича и его младшего брата на вокзал, чтобы уехать к сестре в Челябинск. Ехали три недели, в тамбуре, места в вагоне не было. Мать часто выходила — то с туфлями, то со стачеткой, продавала на станциях, меняла на хлеб. У него от голода началась цинга, и он игрался тем, что давил себя пальцами, из-под которых выступала жидкость... Как-то он сидел и через узлы смотрел на младшего брата. Вдруг брат начал падать и замер. Умер. Куда его потом дела мать — неизвестно...

Я подавленно молчал, стыдно было посмотреть на старика. А он продолжал:

— Ну вот, приехали. А тети в Челябинске не оказалось — уехала в Алма-Ату. Власти определили нас в совхоз. Халупа с дырами в крыше. Есть нечего, кто из соседей давал горсть пшена, кто огурец... Мать от голода не могла ходить на поле, а я только ползал, сил стоять не было... Мать просила бригадира забирать её по утрам на подводе в совхоз, но ей отказали. Тогда она написала письмо Сталину. Через два месяца примчался председатель совхоза, обещал халупу отремонтировать, а потом стал маму лично каждый день возить на своей бричке!.. Иногда мать и меня брала с собой, сажала на стог, я хотел есть, жевал колоски, мать запретила, тогда я стал жевать украдкой, и если видел, что кто-то смотрит, то переставал двигать челюстями... Представьте, ребёнок, а знает, что нельзя!

— Проклятые немцы! Их всех!.. Я бы сам убивал всю эту фашистическую наци, хоть и пацифист. — Я возмущенно искал и не мог найти слов, и мне очень хотелось, чтобы он тоже начал сейчас ругать немцев, очень, очень хотелось... Но он отмахнулся, потянувшись к бутылке:

— Что — немцы? Их тоже, как баранов, Гитлер на войну погнал... Вот, видели, как стая собак гонит отару овец туда, куда надо?..

— Нет, стаю не видел...

– Кому была охота замерзать и умирать? В грязи и холоде, без женщин, без еды по вшивым окопам валяться?.. Народ всегда страдает, что русский, что немецкий... Ну, по третьей, за хороших немцев! – начал он разливать.

– Бог Троицыну любит... Страдун-народ... Но за Гитлера я не выпью!

– Господь с вами, кто за него пить собирается! Нет, за хороших немцев, за великую нацию философов, поэтов...

Я усмехнулся и сказал ему, что да, нас называли «народ поэтов и мыслителей», «das Volk der Dichter und Denker», а после войны стали называть «народ судей и палачей» – «das Volk der Richter und Henker»:

– Такой пень-пеньской... И я имею от этого большую неприятность в себе...

Старик поставил рюмку:

– Ну, не переживайте! А как же немецкая философия, музыка? Куда от этого денешься? Бетховен! Бах! Вагнер! Что может быть прекрасней! Выпьем за музыку!

– Хорошо, можно, музыка... Хотя Вагнер... – Я вдруг вспомнил, что старик – еврей, поэтому Вагнера, да и Бетховена, лучше не вспоминать, но Самуилович ловко схватил растопыренными пальцами рюмку:

– А что Вагнер? Великий композитор.

– Да, но... Я был в Израиле, там Вагнера нельзя... Запретный! Антисемитчик!

– Да кто не антисемит! Все! Я иногда думаю, что я сам антисемит, когда вижу, какие шахер-махеры они крутят, все эти Абрамовичи-Березовские... – И опрокинул водку в рот.

– И я иногда думаю, что я сам фашист, – признался я и тоже заложил вираж, но не сумел допить рюмку до конца. – А шахер-махер – что такое?

– Это на идише, воровской жаргон. Если хотите знать – треть русского воровского жаргона состоит из идиша...

Это очень удивило.

— А чего, как, тут свои слова где есть-нету? Я всегда тут слушаю — там украдли, здесь воровались...

Старик засмеялся:

— Конечно, полно своих, вон, Даля посмотрите!

— Откуда вообще это слово — «вор», «воровать»? Корень какой? — спросил я (как Вы учили: сразу надо выделить корень, чтобы понимать потом все однокоренные слова).

— Раньше так называли смутьянов, зачинщиков, как Пугачёва, тех, кто что-то ворочает, ворошит, варит... Корень «вор» или «вар»...

Он не поленился снять с полки Даля, открыть, пролистать:

— Вот, на «воровство» целая страница...

Но я теперь не понимал про идиш:

— Значит, идишевские слова в русском ворском языке?... Но евреи же такие... тихие?... Они разве разграбители?

Старик развел обруч рук:

— Тем не менее... Я же в Музее атеизма работал (сейчас в Музей религии переименовали), так у нас в библиотеке много словарей было. И такой был словарь... Я читал его... Я вообще много читал и читаю.

— Вы... как читали? Знаете идиш?

— Нет, словарь жаргона по-русски был. — Он оторвался от Даля, поправил квадратные очки. — Помню, что «шахер-махер», например, от «сахер-мехер» — что значит «торговые комбинации»... Или вот пиджак, — он тронул меня за рукав, — по-воровски будет «клифт», а это идёт от «халифа» — одежда. Или «хана» на иврите — «остановка в пути», а на жаргоне — «плохо дело, конец»... Даже «шалава»...

— Это кто шалит? Шалишка?

— Нет, это проститутка, девка, вот, как та Земфира, что с нами в Разбойной избе сидела, с таким большим бюстье... это идет от «шилев», что значит «сочетать»...

— А, сосчитать не может...

— Нет, сочетает разных мужчин... всем даёт, короче...

«О, очень интересно!.. Надо на занятиях по разговорной речи сообщить», — подумал я, но сказал совсем из другого семинара:

— Стол о четыре ноги — и то спотыкнется...

— Да, пора.

Разлили без остатка, выпили. Желудок начал шептаться, что макароны могут быть очень вкусны, но мозг отдавал другие приказы:

— Матвеевич... Самуилович... у вас где-то кушать-выпить-купить есть? Я уже два дни не ем... не ел... не емши... Вот. — Я вытащил из бумажника деньги, положил на стол. — Тысяча триста... почти... так человек сказал в пункте... Может, вы сами...

Увидев деньги, старик бодро встрепенулся, аккуратно и бережно, как ветеран в саду, взял 1000-рублёвую в пальцевую щель:

— Что брать?

— Не брать, а взять. Ну, сами... Я не знаю... ливрейные... нет, ливровые пирожки не надо, опасно. — Я вспомнил Виталика. — А я пока позвоню, в отель к папе, узнаю, что он сделал...

— А что, папа тоже в отъезде?

— Нет, это отель так называется, «У папы»...

— Ваш, что ли, отель? Собственный? Папин?

— Нет, в шутку. — Я не знал, как это объяснить. — Ну, отель папы...

-- О как... люди свои отели имеют... Звоните! — Он переставил поближе телефон, надел кое-как свой клетчатый клифт, ушел к вешалке и уже оттуда, из-за косогора, спросил: — Вы как больше любите — водку вином или пивом полировать?

— Никаких. Чистая водка... Без прибонбонов! — громко сказал я, чтобы он услышал.

— Есть, товарищ-геноссе! — донеслось до меня и не удивило: хорошо, что не фюрер! Нет, за Гитлера я пить никогда не буду!

Он хлопнул дверью, а я набрал папе, который сообщил, что всё в порядке — карту он закрыл. Я начал говорить о деньгах, но он, что-то услышав в моем голосе, сказал, что деньги он мне лучше вышлет завтра, и где я вообще нахожусь, чем занимаюсь, и не лучше бы мне пойти сейчас лечь спать:

— Ich wusste, das du in diesem verdammten Russland Wodka trinken wirst!

— Nein, Papi.

— Und sei vorsichtig mit den Frauen!

— Ja, Papi.

— Vergisst nicht Joggi!

— Gut, Papi, ich melde mich!

— Na, hoffentlich!¹

Ха, помнить о Йогги!.. Я помню. Это наш сосед, Йогги. Он водил большие автобусы, с музыкантами, рок-группами, один раз даже «Rolling Stones» возил, правда, недолго и без Мика Джаггера; автобусы были огромные, двухэтажные, с душем, баром, постелями, где в пути валялись пьяные музыканты. Как-то в Гамбурге Йогги сильно выпил с «Dire Straits», въехал на какую-то гигантскую стройку в порту, заблудился, застрял и сам вызвал полицию. Суд предложил на выбор: или лишение на два года, или отправить на Украину, как мера воспитания (сейчас это у нас принято — по ARD показывали, что плохих немецких подростков посылают, например, на

¹ — Я знал, что ты в этой проклятой России будешь водку пить!

— Нет, папи.

— И осторожнее с женщинами!

— Да, папи.

— Не забывай о Йогги!

— Хорошо, папи, я дам о себе знать.

— Надеюсь! (нем.)

Байкал, в Сибирь или в Африку, чтобы они там исправлялись, а потом ценили свою родину).

Йогги выбрал Украину – и совсем не прогадал: день и ночь ел борщ и общался с украинскими девушками, даже выучил несколько слов: «горилка», «мясо», «сметана», «красивая», «пить», «соль», «сало», «вареники», «гарна шкура»... Потом, правда, уже в Германии попал со своей лингвистикой в глупую ситуацию: познакомившись в Мюнхене в кафе с русской туристочкой, решил блеснуть знанием русского и сказал, глядя её по руке: «Красива шкура!» – она обиделась: «Что? Я шкура?» – он сказал: «О, нет, нет, красивая мяса!» – на что она дала ему легкую пощечину и убежала... (как потом выяснилось, русское слово «кожа» действительно происходит от праславянского «kozja», то есть «козья шкура»). Он теперь, кроме чистой водки, ничего не пьёт и утверждает, что водка – самая полезная: печень чистит и уничтожает все микробы в организме и микроорганизмы в микробах...

Я попробовал макароны, но больше не захотел. Походил по комнате. На столе лежал открытый словарь. Я заглянул в него. Значит, старик говорит – «воровство». Да, на «воровство» много, целая страница... У нас в немецком одно утрюмое «stehlen» и укромное «klaunen» – и всё, а тут!.. И как много диалектизмов, идиом!.. Зачем идишь при таком переизобилии?.. И как-то непатриотично даже... Ну, ворам виднее... Я стал читать:

ВОРОВАТЬ, *ворóвывать* что стар. мошенничать плутовать, обманывать; || ныне: красть, похищать чужое, взять что тайком и присвоить себе. *Вворовавшись, не вдруг отстанешь*, от привычки. *Доворуешься до кобылы. Воры на Благовещенье заворовывают*, для счастья. *Изворовался впух. Наворуешь, а с собой не унесешь*, на тот свет. *Обворовали меня кругом. Он поворовывает*, иногда. *Подворовался под него*, подольстил. *Переворовали всех лошадей. Проворовал век. Разворовали все книги. Ты своровал*, солгал, сплутовал. *Уворовал*,

украл. Для чего не воровать, коли некому унять. Не учишь воровать, коли не умеешь концов прятать. Лучше воровать, чем торговать, о плохой торговле. Кто чем торгует, тот тем и ворует. Вор ворует до поры, до времени. Люди воруют, да нам не велят. Они воруют, да они же и горюют, а мы с тобой все живем, сказал хозяин о работниках, о которых ему говорили худо. **Вороваться**, безличн. Хорошо ли воруются? удачно ли. **Ворованье** ср. действ. по знач. глаг. **Воровство** ср. стар. обман, плутовство, мошенничество, бездельничество, подлог; || ныне: кража, похищение, татьба. **Воровство** и **то ремесло**: на рель заносит. Всяко ремесло честно, кроме воровства. Солдата за все бьют, только за воровство не бьют. Закон наш поныне различает **воровство-кражу**, похищение прямое, и **воровство-мошенничество**, обман, плутовство. **Вороватый** твер. **ворский**, плутоватый, хитрый, лукавый, увертливый, ловкий, продувной. Ты вороват, а я узловат. **Горбатый**, **вороватый**. Чем горбатее, тем вороватее. **Воровской** стар. мошеннический, а вообще преступный, противозаконный. **Воровские деньги**, поддельные. **Воровской лист**, возмутительное объявление. **Воровские люди**, сволочь, негодяи; мятежники. || Ныне: свойственный, принадлежащий ворами; краденый, похищенный. **Воровское** уйдет, а твое добро с собой уведет. **Вору** воровское и будет. **Вору** воровская и слава (мука). **Вору** воровское, а доброму доброе. **Воровый** сев. вост. (от вор? вар?) проворный, быстрый, скорый, прыткий, бойкий, расторопный, ловкий, живой, поворотливый. **Постой, корова**: конь поворовой. Не хвастай, корова: есть лошадь поворовой. Не ворово, да здорово. **Воровский** нареч. плутовски, мошеннически, бесчестно, обманом; || тайком, украдкою, скрытно, утайкой. **Воровщина** ж. собирает. краденые вещи, воровское добро. **Вор** м. **воровка**, **воруха**, **вориха** ж. стар. мошенник, бездельник, обманщик; изменник; разбойник; так Гришка Отрепьев, Ванька Каин и др. назывались ворами. || Ныне: тать, тайный хищник; || хитрый, лживый, лукавый человек. Это вор малый, ему не верь. Это плут ворихка. Нет таких воров, как портных мастеров (они пьют-едят готовое, носят краденое). На воре шапка горит, закричал

знахарь, а вор и ухватился за голову. У вора воровать, только время терять. Один приказчик, один вор; два приказчика, два вора. Вор вору терпит. Вор на вора не доказчик. Грабежи есть, воровство есть, а воров нет. Воришка зевает, а вор ничему не спускает. Малый вор бежит, большой лежит. Доброму вору все в пору. Что вора с рук сходит, за то воришек бьют. Вор на воре, воров погоняет. На каждого вора много простора. Добрый вор без молитвы не украдет. Вор на вора напал (наскочил). Вор у вора дубинку украл. Вор на воре не ищет. Вор по воре всегда по рукам. Я ли не молодец? у меня ли дети не воры? **Воряга** м. вор, воришка; || *Костр. вологодск.* (кажется, неправильно *варяг*) офеня, коробейник; разносчик, плутоватый торгаш. **Воропрят**, **вороприимец** м. укрывающий воров, дающий им пристанище.

Вот, «воряга» слово есть, а «воряра» — нет, а почему? Могу я так сказать?.. Или мне запрещено, как этот косо-вар утверждал, и я должен говорить только то, что кто-то из носителей уже сказал?.. Можно-нельзя — кто решает? Комиссия? Вот эту диктатуру надо уничтожить! Пусть все говорят как хотят, язык развиваться будет...

Я пожалел, что со мной нет электронной записной книжки — некоторые лексемы стоило бы выписать. Хотя словарь оберфюрера Даля есть у нас в университете, можно посмотреть, когда вернуться...

Самуилович пришёл скоро, неся одетые на большие пальцы, как на вешалки, два пакета:

— Всё взял. У метро всё есть.

В одном пакете были баночки-стекляночки, хлеб, колбаса, что-то белое, какие-то пирожковые... В другом — две бутылки водки неказистого вида, что меня обрадовало, и я сразу взялся открывать, но чуть не порезался крышуйкой — пробочка не хотела сходить...

— Стой! Я сделаю! Это раньше водка хорошо открывалась, а теперь... Всё шахер-махер...

— Что хотите сказать? Это спалёнка?

— Да кто её знает, всё может быть.

Он начал ворочать кухонным ножом, а его слова меня успокоили — раз «может быть», значит, «может и не быть», а это уже фифти-фифти. И была же до этого хорошая водка — вот она, пустая, на этикетке даже написано «ВОДКА ХОРОШАЯ»... Почему эта должна быть плохая?..

Когда бутылка была открыта, старик пошел на кухню за вилками, а я разлил по рюмкам. Теперь меня интересовало одно — когда люди откупоривают вторую бутылку, и тосты следует начинать-начать с начала, «первая — колом», «человек на двух ногах» и т.д., — или можно продолжать прежнюю нумерацию?..

Самуилович, чем-то звеня и гремя из-за косогора, ответил:

— Думаю, надо продолжать. А то так всё время на первых трёх тостах просидеть можно...

Логично, если всё время новую бутылку открывать... И я подумал о том, что Вы были не совсем правы, когда говорили, что немец может мыслить долго и системно, потому что у него душа толстая, со страховкой, а русский долго и системно мыслить не может — у него душа трепетная, неусидчивая, летящая, летающая, свободная — взмывает, взметается ввысь, катится вниз, поэтому никаких своих философских систем в России не создано, кроме «пути печи». Вот, мыслит же Самуилович очень даже логично и системно!

А он принес из кухни разные открывалки и принялся открывать банки, приговаривая:

— Вот батончик, еще свеженький даже... Тут ветчинка... Это такая вкусненькая колбаска, испанская, написано, хотя не верь глазам своим, человек... Вот лучок свеженький (что мне сразу напомнило наш семинар по Бабоархату: славяне не только называют всю еду в уменьшительных формах, но, по легенде, от вечного голода даже научились жевать свои дёсна, отчего дёсна у них много краснее, чем у арийцев)...

Но всё это в прошлом! У метро всё есть!.. Надо выпить за метро!

— Стоит метро на четырёх ногах... качается! — вспомнилось мне что-то; я поднял и чуть не опрокинул полную кайзеровскую рюмку.

— Угощайтесь, вот пончики, свеженькие... Вот беляши... У вас нет таких?

— Нет. Таких откуда?.. — Я откусил вкусный кусок. — Это что — беляш? Белая армия ела?

— Какое там! В Гражданскую голод был страшный... Ну, за всё! — И Самуилович не спеша вытянул жидкость из рюмки себе в рот.

Я заглянул в свою, уже пустую: что это — всё время «голод, голод, голод»?.. На краеведении тоже, как новая тема — так в России голод, голый голодняк...

— А почему этот голод? Страна большая, что ли? Или кушают много? — Я вспомнил Кению, где гид объяснял особой прожорливостью и большой похотью африканцев тот факт, что в Африке много голодного и лишнего народа.

Самуилович начал разворачивать что-то белое:

— Большая страна, конечно, девять часовых поясов, шутка ли?.. Притом шестьдесят процентов территории — вечная мерзлота...

— Мерзота?

Самуилович объяснил:

— Ну, лёд, где мамонтёнка нашли... И все кушать хотят, конечно, а как же... Да и народ наш... как бы это сказать... не слишком чтоб уж очень трудолюбив... Это даже по языку видно — слов для «хороший работник» почти нет, а если есть, то такие, не очень хорошие, вроде «трудяга», «работяга», «умник»... Но зато слов для безделья и лентяйства — сколько угодно: лодырь, лоботряс, шалопай, оболтус, сачок, фланер, лежебока, дармоед... Да вот, сами увидите...

Не вставая, он сволок с полки какую-то книгу (я успел заметить кусок названия, что-то с диалектами), полистал её, начал читать:

— Пожалуйста, полюбуйтесь, в одной только Смоленской области масса обозначений бездельника: алатырь, алахарь, балахрыст, базарник, байдуга, байтус, банцуй, балтёжник, быкса, байдуска, вислый, воропёха, гулебен, гуляга, гуляка, гулёна, гуляльщик, гуляльщица, гулянок, гулячка, гуляшка, гулявица, гульгай, гульгайка, гульгьяка, жалбер... — Он замолк, видя мое немое удивление, потом продолжал: — Кавзель, дендюря, дырда, дрыгалка, лоёха, лёна, лында, латрыга, луйда, ляга, ошар, опока, пусто-гряк, пяхтирь, плёха, сябёр, страбуль, турбыль, тельпух, тягарик, телепень... И так далее... Ну что ты с этим народом делать будешь?.. А ведь что в жизни — то и на языке! — Потом, отложив книгу, пододвинул ко мне белое сало: — Лучше вот попробуйте сальце, еще Роза Наумовна делала, в берёзовой кадке на балконе сама солила, потом в ларёк сдавала...

Но я не хотел сальце, я был сражён обилием лексики — такого же нет нигде! Вот это богатство, чтобы для обозначения одного понятия было столько слов! И опять пытался понять про вечную голодину:

— Нелогично: если шестьдесят пять процентов лёд, мерзота и никто не живет, то кто тогда всё время кушать хочет и голодает?.. Сами говорите — тундра, степь, Сибирия... Емелюшка Тимофей кассировал... Долго шёл, казаки съели свои сапоги, голод был... А, за пятое колесо выпить, запасное, чтоб всегда в пути!.. Пять концов звезды! Там, на Мавзолее!..

Мы дружественно выпили. Обдавало изнутри толчками жара. Мои слова казались мне такими важными и нужными, что казалось, от них сейчас звезда загорится ярче:

— Да, да, звезда горится!.. Была тоже при Иване Шрек-лихе на Кремле?..

— Вам лучше знать — ваш предок у Грозного служил...

Потом мне приспичило обязательно и обстоятельно узнать, как надо правильно говорить женский тост — за женщин, девушек, дев, баб, мам, дам, мадам? — на что

Самуилыч сказал, что они всегда пили «сто грамм за прекрасных дам».

— Кстати, может быть, музыку желаете послушать? — И он, порывшись толчками рук в пластинках, достал одну: — Вот, Вагнер! — поставил её кое-как на предположенный проигрыватель, отчего в комнате вдруг поднялся ужасный вой и переполох, звуки стали бить по голове, нарывать в ушах, сполоховать в глазах.

Я с детства ненавижу эту музыку, которую постоянно слушает дед Людвиг у себя в горах! Бог! Бог! Чары! Чаша Грааля! Аненербе! Какой бог? У фашистов — один бог, смерть! Они должны не эту вазу-чашу искать, а косу носатого косаря... да, в носу косатого носаря...

Самуилович загребал стоячей рукой что-то прямо из банки, говорил то ли о боге, то ли о беге:

— Не могли бы вы узнать там, в Германии, а то тут бегать трудно...

— Что? — поднимая рюмку, не понимал я.

— Ну, как в Германию переехать...

— Ко мне?

Старик рубанул воздух:

— Да не к вам, а жить, вообще... Многие вот уехали...

О ком он говорит? О чём?

— Кто? Куда?

— Евреи... Вот, Роза Наумовна недавно, соседка... Здесь жила, напротив, сейчас в Дюссельдорфе...

— Не знаю. Но за пятое колесо... допить... а то не поедет...

Допив, он поведал, что у Розы Наумовны дети давно в Израиле, им там до чёртиков надоело — жара, опасно, арабы, — но их оттуда не пускают уехать в Германию...

— Кто, Моссад? Не ходите, девки, в сад, там сидит Моссад!

— Ну да, типа того... Говорят, раз вы приехали на свою историческую родину, то и сидите на месте. Тысячу лет шли в святую землю, куда вам еще?.. Вот. А у неё из Москвы получилось поехать на жительство в Германию

напрямую... Сейчас живет как в раю — квартира и медицина бесплатные, еще 300 евро на расходы, всякие блага...

— А за что ей? — как-то не увязывал я и вдруг испугался: «Может, она в Дахау сидела? Живала? И он будет мстить за соседку?» Нож опять торчал в его плетне. — Она где, в концлагере?

— Нет, она в войну в Ташкенте жила, бухарская еврейка, её сын потом перевёлся в Москву, её забрал, квартирку купил. Нет, нигде не сидела. Просто так. За то, что еврейка.

— И правильно! Не триста, а три тысячи должны... Мы на кружоче... я человек-пацифист... часто дискутируем... был в Израильске... прокляты немцы всегда, что делали-сделали, а?! — И я потянулся к бутылке, которая быстро пустела.

Самуилович отправился в коридор. Качаясь и наткаясь на мебель, шлёпая тапочками, принес папку со шнурками, заботливо уложил её на стол:

— Вот, мои документы. Собрал.

Я понял, что ему что-то надо. Но что?

— А мне зачем? Куда?

Самуилович доверительно сообщил, аккуратно открывая картонную папку:

— Их надо сдавать в ОВИР, кажется. Но я никому не доверяю. Отдашь — а потом скажут «потеряли», и всё. В синагоге раввины спрашивали меня — обрезан? Нет, говорю. Мать еврейка? Нет, говорю. Всё, негоден!.. Да что ж такое!.. Когда не надо — я еврей, пятый пункт, по отцу, а когда надо — я не еврей! Оказывается, по их еврейским законам, если мать еврейка, то и ребёнок еврей, а у меня мать русская — значит, я русский, Беренберг..

У него был такой горестный вид, что я сейчас же захотел помочь ему и сказал, что пусть он сделает ксерокопии, я возьму их в Мюнхен и покажу в синагоге, я знаю, где это — на Райхенбахштрассе, там моя девушка жила... Такое мрачное здание, угрюмый бункер, всегда

два полицейских стояли, даже в дождь, под плащами, я думал ещё всегда – зачем они стоят, кто сейчас на синагогу нападать будет? Раньше бы стояли, когда надо. Я спросил у Самуиловича, почему у евреев считается по матери, а не как во всем мире – по отцу?

– Наверно, громили и насиловали их часто, вот и неизвестно, кто отец, потому по матери... – предположил Самуилович.

– Ну, плохо... Я туда отойду, но мне стыдно туда...

– Ходить не надо, вы только их сдайте – и всё! Ну, спасибо заранее, родной!

Он обрадованно отложил папку, и мы выпили за «круглое число шесть, хорошо, что ты есть». Теперь Вагнер мне показался глубже. Тянуло закрыть глаза и утопиться в звуках. Но я вдруг очнулся: у меня же есть номер Алки! Вот было бы хорошо встретиться сейчас! Ничего, что за окном темнота! Ключи от номера у меня!

– Давай-давай Алке звонить!

Самуилович поморщился, но телефон передал:

– Пожалуйста.

– И тебе шалавеньку возьми-берём, – успокоил я его, но вдруг вспомнил: а деньги? Денег ведь не осталось! – и отложил трубку, а на хитрый вопрос Самуиловича: «Что, заело?» – пришлось ответить: – Бабло тю-тю, варкутю... на фонтане морду мыл...

Самуилович подмигнул и вытащил с книжной полки целлофановый пакет, открыл его – он был набит мятыми деньгами:

– Вот... Это мне в ларьке остается. Я по-стариковски их в сторонку каждый раз откладываю...

– А, чай на пиво? Пиво на чай!

– Ну да. Сдачу люди иногда не берут, не хотят с мелочью связываться. Так что звоните, бабло есть.

Ну, если есть... Я нашел её телефон. Она ответила не сразу. Я уже ждал, что металл скажет: «абонент недоступен», как недоступна Маша, – но телефон ответил.

– Привет, это я, Фредя, мы вместе в избе сидели...

— Да, привет, милый. Ну как, выпустили? Я же говорила. Сам-то как?

— Я сам с Самуиловичем, в гости, недалеко тут.

— Ты смотри, с ним осторожней, — вдруг сказала она.

— Почему?

— Может, он с ментами нюхается...

— Да? — Я с плохим чувством посмотрел на старика — тот доедал рыбу из банки, зажав ложку в стоячих руках. — А синяк?

— Ой, да я так, на всякий случай... Никому доверять нельзя. Может быть...

«Раз может быть, значит, может и не быть, фифти-фифти, как с водкой», — успокоился я:

— Ты что? Свободна?

— Нет, котик, сегодня занята очень, на весь вечер...

— А то могли бы... про Баварию... сюда-туда, — вспомнил я её интерес, и мне очень захотелось пощупать её большие и многосочные соски.

— Давай завтра? Ну, не обижайся, котик, сегодня никак...

(— Что, очередь большая? — вставил ехидно Самуилович, поправляя квадратные очки, сползшие по носу.)

— Всё, уже зовут. Завтра! Чмоки-чмоки!

И она отключилась. Вот плохая!

— Ну, бог с ней, не переживайте! — успокаивал меня Самуилович, разливая остатки по рюмкам. — Не будешь же с бабой спорить? Завтра так завтра!

Я подтвердил кивком:

— Да, мой дедушка Людвиг тоже всегда говорит: «Mit einer Frau zanken — ist wie ein Ferkel scheren: es gibt keine Wolle, aber dafür viel Gewinsel»¹... Значит, если малую свинью брить... большой визгопляс будет... — Я начал переводить, но бросил, потому что был фрустрирован (почему старик сказал «бог с ней»? Почему бог не с нами? А

¹ С женщиной спорить — что поросенка стричь: шерсти нет, а визгу много (нем.).

с нами кто?) и сообщил старику, что я лично в бога не верю после того, как прочитал «Братьев Карамазовых», по-немецки, конечно, на что Самуилыч ответил:

— От Достоевского голова совсем кругом пошла, небось?

— Я не боюсь! И не верю!

И после того, как мы открыли новую бутылку и выпили за семь светильников, закусив салом, которое он ел большими кусками и предлагал мне на кончике пончика («Вот, попробуйте, не пожалеете!»), я начал доказывать, что глупо верить в разумного бога, который говорит «не убий!» — а сам жизнь в природе построил так, что идёт беспрерывное убийство: все жрут друг друга, как белковую массу, и что в целом жизнь на Земле убедительно свидетельствует об отсутствии какой-либо разумной жизни на небе, ибо разумное начало не может терпеть того, что творится на земле, а если терпит, то оно не разумное, а подлое:

— Зачем хищники жрут козулек? Не мог разве этот бог так делать, чтоб все траву грызли, никто мясо?.. По-немецки «бок» — козёл... А то что... оленюшка... молодец... бэмби стоит, на новый мир удивлен, а волки бегают-бегут, голову оторвают... съели... Зачем с удивлением, если волки?.. Так и люди... Зачем?.. Меня учили молиться утром, вечером, перед едой, руки держать... А когда я узнал про наци, я не стал... Хищники всегда в кружок, вместе... а бычья добыча — отдельно... Ненавижу смерть, церковь, там противно нюхать... Я думал тогда — если бог в церкви живёт, то как ему скучно сидеть... пыль, холод... Если бог есть — почему не покарывал Дахау?

И я признался, что я ненавижу попов, святош, ханжей в сутанах, лицемеров в рясах, терпеть не могу церквей и больниц, и врачей, и запахов болезней, бинтов и ран, не выношу цветов на могилах, надгробий, панихид, похорон — в общем, всё, связанное со смертью, мне ненавистно...

От бога и могил разговор перешёл к людоедам — чего же удивляться, что таких всё время становится всё больше, если сам бог такую каннибальскую систему ввёл: если кого-нибудь с утра не убьешь и не сожрёшь, к вечеру сам с голоду подохнешь... И Настя говорила — вампиры на перерыве кровь пьют...

О, я много про это знаю!.. У нас на кружке пацифистов недавно был доклад одного студента-медика про каннибала из Ротенбурга, о котором Самуилович ничего не слышал. И я, ощущая сильное желание говорить, рассказал ему о том, что жил в городе Ротенбург вежливый, симпатичный, подтянутый банковский клерк, который вел жизнь холостяка, ездил на курорты, встречался с женщинами и только время от времени предлагал в Интернете кого-нибудь съесть — так и писал: «Ищу мужчину от 20 до 40, который бы согласился быть съеденным», — пока один псих-инженер из Берлина не клюнул и не предложил себя в качестве пищи.

— Это как же, позвольте спросить, понять? В прямом смысле? Съесть? — Старик пошевелил кусок хлеба.

— Да, того... как сало — Розы с берёзы...

Ротенбуржец встретил его на вокзале, повел к себе домой, там они выпили по бокалу виски, он установил видеокамеру, чтоб было понятно, что всё происходит по доброй воле и жертва попросила в микрофон никого не винить в её смерти, она сама этого хочет; потом, опять-таки по просьбе, ротенбуржец отрезал у инженера член, наложил повязку, член обжарил, они вместе съели его, а потом он убил инженера ударом ножа в сердце, расчленил и съел кусок ноги, а остатки спрятал в морозилку, где их и нашли через месяц.

И когда его адвокат на суде утверждал, что это не преступление, а высшая форма демократии и свободы — один с детства, с мультфильмов, хотел кого-нибудь съесть и отождествлял себя с теми зверьками, которые едят других, а другой, тоже с детства и тоже с мультфильмов (они об этом, в числе прочего, рассказали на

видеокамеру) хотел был съеденным и отождествлял себя с теми букашками-таракашками, которых ели, так что если два человека дали возможность друг другу реализоваться, то где проблема и кого за что сажать?.. И суд не знал, как судить каннибала: статьи за людоедство в кодексе нет, клерк никого не принуждал и не насиловал, просто предлагал. Спрос рождает предложение. За что его судить?.. За то, что людей ест?.. Но если эти люди хотят, чтобы их съели?.. За то, что человеческое мясо ест?.. А чем оно принципиально отличается от свинины или говядины?.. Там лошадей едят, здесь кошек и собак, азиаты червей наворачивают, негры — обезьян, а где-то человечина в ходу — в чем вопрос? Те же белки, органика... Да и статьи нет такой... В итоге ничего не нашли и дали какую-то ерунду по статье «надругательство над останками»...

На это Самуилович рассказал, что вот тут, в соседнем подъезде, живёт один бодрячок-боровичок, с густыми бровями, в ушанке зимой и летом, вернулся из Сибири по хрущевской слякоти, и вот про него шепотом поговаривают, что он — людоед, человекоядец, в зоне человечино́й пробавлялся, что будто бы у него в зоне, за ограждением, свой сарайчик — «и даже с холодильничком» — был, куда надзор не приближался и куда время от времени подсаживали какого-нибудь неудобного начальству зэка, который потом исчезал:

— Это всё известно стало от человека, который в том же лагере сидел... По ночам иногда собаки выли и странной гарью пахло, дым шел из трубы... Будто бы видели у него там разделочную доску, топор, цепь, кадки...

— Кадки? На балконе? — машинально уточнил я, пришибленный этой историей.

— Ну... Что-то, наверно, и солил, что-то вялил... запасы готовил... — Самуилович удрученно почесал берет стоячей рукой. — А потом здесь десятилетняя девочка пропала, так народ на него думать стал, убить хотели, но нашлась потом девочка, к бабушке решила поехать

и не на тот поезд села... А вот был еще в советское время такой Джумагалиев, так тот чуть ли не ползвода съел, пока дознались...

Одолели очень невесёлые мысли. Вспомнили Достоевского, слезу ребёнка и долго, зло ругали ацтеков, которые мучили детей перед жертвоприношением, чтобы выцедить побольше слёз в дар их идиотским богам с раскрашенными мордохарями... Какие это боги? Хищняги! О, проклятые ацтеки! Они умели размягчать камни соком какого-то неведомого растения, придавать им любую форму, как идеальные каменные шары, найденные в Коста-Рике, скатанные в честь дурацких разноцветных мордатых богов-злодеев! По башке бы их этими шарами!

Вагнер долбил на всю макушку. Крещендо гналось за глиссандо, адажио змеиными тропами пробиралось к ушам, чтобы проскочить сквозь них прямо в душу и выворотить её. Глаза – окна души, рот – её рупор, уши – трубы...

Тут мы услышали, что в дверь стучат, и, кажется, ногами.

Старик, спрятав отпитуемую водку и выставив пустые бутылки на стол, поспешил к дверям, откуда понеслось:

– Чего у тебя тут, концерт? Я с работы пришёл, поспать не могу! – И в комнату заглянул пузырястый тип в майке и синих штанузах, скользнул глазами по пустым бутылкам, но Самуилович чётко выдал информацию:

– Всё выпили, Паша, опоздал, – на что тип недовольно указал рукой на проигрыватель:

– Раз всё выпили, так тише сделай шарманку, хули веселиться? – и, поколебавшись и еще раз осмотрев стол, удалился, сказав мне неприязненно: «Здрассьте!», а Самуиловичу погрозил кулаком: – Смотри, в милицию позвоню! – на что Самуилович трусливо побежал к проигрывателю делать музыку тише, а я подумал, что если Самуилович боится милиции, то, значит, в ней он сам

не работает: если бы работал, не боялся бы сам себя?.. Логично. Так что Алка врёт с три чемодана!

Потом бутылка вернулась на стол, мы помянули восьминожку, у которой восемь ног, и все всегда голодные, оживились, стали ходить по комнате, смотреть книги. Самуилович что-то говорил о декабристах, Наполеоне, потом открыл картинку — «вот, Павел I» — и спросил, не нахожу ли я, что наш нынешний глава — копия Павла I:

— Тот же малый рост, тот же туповато-задумчивый, дебиловатый взгляд, узкие плечи, несуразные черты лица, нос картошкой...

Я посмотрел. Да, похож. Ну и что?

— Нос курнос? А у кого нет? Все русские друг на друга...

— Да, но Павел I по матери немец.

Это меня тоже не убедило, даже если бы я знал, о чем идёт у нас такой поджарый спор. Я вспомнил наш семинар по сказкам и сказал, что русская собака даже лает по-другому — вот, как по-русски собака лает? «Гав-гав»? А по-немецки — «wau-wau», «вау-вау», так протяжно, противно, как будто русские своих собак дразнят, а немцы своих — бьют:

— А кошка? А корова? На семинаре мяукали и мукали...

И мы начали в голос показывать друг другу, как надо лаять и хрюкать. После тоста о девятерых, что одного не ждут, а водку жрут, я ослабел. В голове всё было залито чернилами, и диван, колыхаясь, хрипло чертыхался, а лампа над столом как будто искрила... и я не мог ответить на вопрос старика, как меня «величать по батюшке»:

— Величально-печальная... Клеменсович... Клемович...

— А, Климентьевич!

— Да, Климентиневич... А вот — кто такие Захаровы?.. Юрьины?.. Нет династии Романовых, а где они, куда ушлые, пришлые? — Я вдруг вспомнил продавца мороженого на Невском, на что старик начал усмехаться и кивать:

— Да-да, настоящая фамилия нашей династии — Захарьины-Юрьевы. Романовыми их стали называть из-за того, что они были в родстве с Анастасией Романовной, женой Грозного... Первый, Михайло Романов, плакал в Ипатьевском монастыре перед коронацией, отчаянно не хотел идти царём, и последний, Николай с семьей, через 300 лет тоже плакал в Ипатьевском доме перед расстрелом... — Я не верил, но старик, еще раз подтвердив: — Да-да, именно так, такой рок, Ипатьевский, — со скрипом встал и с чашкой в руке направился к окну, где стоят мерзлотный гриб; негибучими руками поднял банку (отчего гриб противно шевельнулся), налил в чашку, выпил: — Ой, хорошо! Освежает! Хотите попробовать?

Это было последнее, что я хотел бы сделать в жизни, но он может подумать, что я, немец, трус?.. Нет, я не трусец, как дядя Пауль!..

— Давайте! — И подал ему свою чашку, где раньше был чай.

Он налил. Я взял и, прикрыв глаза, надпил. Было кисленько, как лимонад. Но тут я нечаянно приоткрыл один глаз, который против воли дал мне заметить, как отвратительно колыхнулся в банке своим мёртвым скользким боком этот белый бугорчатый эмбрион... И внутри тоже всё закачалось, пошло выходить наружу...

Я побежал в коридор. Коридор побежал на меня. Дверь не желала пропускать к унитазу, ручка двери кусала пальцы, и я не удержал до раковины хлынувшей рвоты... Отдышавшись, сел на край ванны, но в себя прийти не мог. Тянуло лечь, сейчас же лечь и навсегда закрыть глаза... Я заполз в ванну, в пустое холодное железо, но оно было сейчас таким приятным... тянуло прижаться щекой к его шершавой шкуре-шкуре, замереть, завернуться в морозный металл, завертеться вместе с ним...

...Обрывки мыслей начали шарить в непроницаемой пустоте, а откуда-то доносились щелчки тряпки и добрый голос говорил:

— Ничего, с кем не бывает... бужулушка пурынит... Сейчас вытрем... Это всё от перешотки... Клутно при-шуробило...

• ОПРИЧНИНА •

Так управлялась Московия при всех прежних уже умерших великих князьях. Так же повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну Марию, дочь князя Михаила Темрюковича из Черкасской земли. Вообще великий князь до женщин — большой охотник, берёт женщин в ту же минуту, когда захочет, будь то обед или приём послов. Когда великий князь едет по городам и сёлам, молодые бабы (не из черни) должны, заголившись, выставлять в окна срамные места, за неисполнение — казнь всей семьи, а князь берёт себе, какую пожелает.

Эта-то Темрюковна и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрельков, щедро пожаловал их одеждой и деньгами, чтобы они повседневно, и днем и ночью, ездили за ним и охраняли его (у них в Черкассии и на Кавказе у каждого князя есть такой отряд). С этого и начал великий князь Иван Васильевич всея Руси и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд, куда и я попал. И так устроил опричных и земских. Опричные — это были люди великого князя, земские же — весь остальной народ. Вот что делал дальше великий князь. Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.

Князья и бояре, взятые в опричину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе. Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы

водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки, а у колчана, куда прятались стрелы — что-то вроде метлы или кисти, привязанной к палке, и отрубленную собачью голову. По этому узнавали опричников.

Согласно присяге, опричники не должны были говорить ни слова с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать. А кто из опричных будет просто разговаривать с земским, то тут же казнить обоих — был приказ великого князя.

Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу — в двух днях пути от Москвы. Оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует. Также послал в земщину приказ: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом, поняли, кто «наши», а кто «чужие». Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. И поле не имело здесь силы: все бойцы со стороны земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми, а то и просто не допускали на поле, убивая по дороге.

Великий князь приезжал из Александровской слободы в Москву и убил Прохора Челяднина, брата одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челяднина. На Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно по-

могал бедному люду добиваться скорого и правого суда; несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — Дерпте и Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды.

После него наместником и воеводой был князь Андрей Курбский. Как только понял эту штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сизигмунду Августу. На его место прибыл боярин Михаил Морозов. Этот оболгал лифляндцев перед великим князем так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин.

А великий князь вместе со своими опричниками ехал и жег по всей стране села вместе с церквями и всем, что в них было, — с иконами и церковными украшениями. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур, а потом насиловали и убивали.

Великое горе сотворили они по всей земле! У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимира Алексеича, на дочери которого был женат герцог Магнус, а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор был уже подписан. Первыми боярами и князьями в земщине были следующие: князь Володимир Андреевич, князь Иван Дмитриевич Бельский, Микита Романович, митрополит Филипп с его епископами — Казанским и Астраханским, Рязанским, Владимирским, Вологодским, Ростовским и Суздальским, Тверским, Полоцким, Новгородским, Нижегородским, Псковским и в Лифляндии Дерптским. Надо думать, что и в Ригу думали посадить епископа. Все эти епископы ежегодно должны являться в Москву на митрополичий выезд в Вербную субботу; потом все монастыри, монахи и попы соборные, т.е. те, которые входят в совет. А при великом князе в опричнине, говоря коротко, были князь Афа-

насий Вяземский, Малюта Скуратов, Алексей Басманов и его сын Федор и другие.

В это время великий князь ушел с большим нарядом; он не знал ничего об этом сговоре и шел к литовской границе в Порхов. План его был таков: забрать Вильну в Литве, а если нет, так Ригу в Лифляндии. Он думал взять Ригу лаской или хитростью. Но это не удавалось, и тогда он решил взять город силой. Тогда под Ригой пало несколько тысяч поляков. Узнав об этом, великий князь приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом и поставить его перед собой.

Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в палате — по правую руку великого князя, а земские — по левую. Вильгельм Фюрстенберг предстал перед великим князем в своем обычном платье. Я стоял неподалеку от Вильгельма Фюрстенберга и толмача Каспара Виттенберга, чтобы слышать, правильно ли толмач толмачит.

И вот великий князь начал и сказал: «Бывший магистр Лифляндии! Мы хотим тебя пожаловать и опять посадить тебя в Лифляндии. Только ты должен свято обещать и скрепить обет присягой, что ты завладеешь и всем остальным: Ревелем, Ригой и Финляндией, всем, что принадлежало твоей бывшей державе. После тебя в нашей прародительской вотчине, простирающейся до Балтийского поморья, будет править молодой магистр Вильгельм Кеттлер». Вильгельм Фюрстенберг сказал в ответ великому князю: «Того я не слыхал и не ведал, что Лифляндия до морского берега Остзеи твоя прародительская вотчина». Великий князь возражал: «Но ты же видел огонь и меч, убийства и казни. Ты видел, как пленниками были уведены из Лифляндии и ты, и другие. Так теперь держи ответ: что же ты хочешь делать?» Вильгельм Фюрстенберг отвечал: «Я приносил присягу римскому императору: на этом я готов жить и умереть». Великий князь разгневался на это, и Вильгельм Фюрстенберг был отослан обратно в Любим. Если бы он со-

гласился, он должен бы отправиться с великим князем под Ригу, а все немцы были бы пожалованы деньгами и одеждой. Но ничего из этого не вышло.

Князь Володимир Андреевич открыл великому князю сговор и все, что замышляли и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу, а что он ездил «прохладиться» и осмотреть прародительскую вотчину.

На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни.

Под Александровой слободой, в 3 верстах от нее на юг по Московской дороге, была застава, Каринская по названию. И те, кто был при великом князе в Слободе, не могли выйти и никто извне не мог войти без памяти, т.е. памятной записки в качестве удостоверения. Об этом узнали все неверные слуги своих господ — земских. И когда кто-нибудь из них подходил к заставе и говорил: «У меня есть дела господарские», — его тотчас же доставляли от заставы в Слободу, в приказ, и всему, что бы ни говорил он о своем господине, всему давалась вера.

А великий князь продолжал: приказывал приводить к нему всех бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается, — одного так, другого иначе.

Митрополит Филипп не мог долее молчать ввиду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях. А великий князь вновь избрал митрополита — по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы, так что один город или монастырь ничего

не знал о другом. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и спаливалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел проникнуть в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел уйти из лагеря в Москву и был схвачен стражей.

Когда великий князь со своими опричными грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал насмерть всех пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков с лошадьми и санями — свозить в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтоб никто ничего не мог унести. Все это должно было быть разделено по справедливости, но этого не было.

Когда великий князь отправился во Псков, ко мне прибежали несколько купцов, которые пришли из Холмогор. У них было много сороков соболей, и они опасались, как бы их не отобрали. А потому хотели расторговаться, ибо дороги были крепко заняты заставами. Они говорили: «Господин! Купите у нас наших соболей и дайте за них сколько вам будет угодно». — «Но, — отвечал я, — у меня нет с собою денег!» — «Так дайте нам расписку: мы получим деньги от вас на вашем дворе в Москве». Я мог бы получить этих соболей и без денег, но не сделал этого. Причина: я имел дела и дружбу с Петром Вислоухим, сборщиком на Пустоозере, который собирает годовую дань соболями с самоедов. Я им отказал.

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел и накормил их, составил из них отряд. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За

это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали чество, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за какими-то шестью всадниками. В то время только я один был в седле и, не зная еще, были ли те шесть человек земские или опричные, стал скликать моих людей из церкви к лошадям. Но тут выяснилось подлинное положение дела: те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; потом прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались каменя. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке.

Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на пороге. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей...

Когда я поспешил опять во двор, те шестеро опричников упали мне в ноги и воскликнули: «Мы благодарим тебя, господин! Ты только что избавил нас от смерти. Мы скажем об этом нашему господину, и пусть он донесет великому князю, как рыцарски держался ты против земских. Собственными глазами видели мы твое бере-

жение и храбрость». Я же, обратившись к моим слугам, сказал им: «Забирайте, что можно, но поспешайте!»

Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому незащищенному посаду. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал.

Когда великий князь отправился грабить свой собственный народ, свою землю и города, то взял меня с собой, я был при великом князе с одной лошадейю и двумя слугами; когда же я вернулся в свое поместье с 49 лошадейми, то из них 22 были запряжены в сани, нагруженные всяким добром, которое я послал на мой московский двор.

Когда великий князь пришел в Старицу, был сделан смотр, чтобы великому князю знать, кто останеся при нем и крепко его держится. Тогда-то великий князь, узнав о том, как я спас опричников, сказал мне: «Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович». Частица «вич» означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что в этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви, и монастыри, пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — утешения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу.

Великий князь стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и кончится, но через два дня опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары, свозили в кучи, сжигали, били кого ни попало. Сам великий князь собирал пленных половчан

и немцев из тюрем, их тащили на берег Волги, в присутствии царя рассекали на части и бросали под лед. Из Твери царь уехал в Торжок, и там повторилось то же, что делалось в Твери. Но в Торжке великий князь едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Великий князь явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками, но, когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого великого князя, но его остановили. Всем татарам, подвешенным на деревья, были разрезаны животы, из которых свисали кишки, едомые собаками.

Великий князь ушёл под Великий Новгород и расположился в 3 верстах от него. Из Новгорода был предатель князь Володимир Андреевич, поэтому великий князь хотел наказать этот город особо. Он послал разведчиков, чтобы в городе прошел слух, что он ушёл в Лифляндию. А между тем он вошел в Великий Новгород, во двор к архиепископу и отобрал у него все его имущество. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано всё, что ему понравилось, даже ворота с главного собора. Так-то пощадил великий князь этот город!

Тем временем к городу подошло отборное войско палачей. Предводителем его был Малюта Скуратов. Войско было послано вперед, чтобы помешать всякому бегству горожан, а всех, кто ни попадетсся навстречу, убивать и грабить.

Как сигнал для совершения убийств был избран колокольный звон к святому причастию. Свита не взирала ни на пол, ни на возраст. Погибали изрубленные на части люди и скот, опозоренные насилием девушки, проколотые копьями дети, рушились подожженные постройки, объятые пламенем дома. 700 женщин с несчастными детьми были утоплены в реке Волхове под предлогом

того, будто они пренебрегли приказанием и честью государя, намеревались под конец жизни помолиться домашним богам, не спросив на то позволения палачей. Они были подвергнуты недостойным поношениям и тотчас же брошены с детьми в воду.

Знатные горожане, задушенные ремнями, вывешивались из филенчатых окон. И даже посадники и их помощники, запертые в здании, где заседали, уничтожались особо усердствовавшими холопами. Многочисленных окон здания было недостаточно для казней, и, чтобы приготовить место для повешения следующих, ремни с ранее повешенными и умирающими обрезались. Трупы оставались в куче, и разъяренная толпа растаскивала их крюками, добивала на всякий лад и сбрасывала в реку.

Каждый день великий князь поднимался и переезжал в другой монастырь, где снова давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне Новгорода было до 300, и ни один из них не был пощажён. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь. Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в Новгороде! Все лавки и палатки, в которых можно было предполагать наличность денег или товару, были опечатаны. Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке. Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; всё, что воинские люди не могли увести с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали или рвали щипцами.

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с их женами и детьми и те из русских, которые поженились на чужой стороне. Были снесены все высокие постройки; было иссечено

4. 23 сентября 2009 г.

все красивое: ворота, лестницы, окна. Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. А некоторые из земских переодевались опричниками и причиняли великий вред и озорство; таких выслеживали и убивали на разный манер — например, посадив в мешок, забивали камнями, и много таких мешков шевелилось и стонало на улицах, полных трупами людей, собак, лошадей и кошек.

А великий князь отправился затем дальше во Псков. Когда утром он въехал в город, его встретил юродивый Никола по прозвищу Салос. Он поднес великому князю кусок сырого мяса. «Я христианин и не ем мяса в пост», — сказал великий князь. «Ты хуже делаешь, — сказал ему Никола, — ты ешь человеческое мясо». Это так подействовало на великого князя, что он никого не казнил, но только ограбил церковную казну и ушел от Пскова обратно в Александрову слободу — со всеми деньгами, со всем добром и многочисленными большими колоколами. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси.

В Слободе он тотчас же приказал построить каменную церковь: в ней он сложил все, что было забрано наличными деньгами; в церкви были вделаны ворота, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; ворота были отлиты с историческими изображениями; при церкви же были повешены украденные колокола.

После того великий князь открыто опоил отравой князя Володимира Андреевича, а его домашних женщин и детей велел раздеть донага, позорно изнасиловать и задушить. Из его, Володимира Андреевича, бояр, близких и домашней родни никто не был оставлен в живых.

И всё время ночами светила красная луна, и люди говорили, что она красная оттого, что души мёртвых притягиваются к луне, и в дни побоищ и сражений она наливается кровавым цветом.

5.

24 сентября 2009 г.

Обед.

Предложение полковника

• БЕСЧИНСТВА •

Когда я открыл глаза, было уже светло. Я лежал на постели в своем номере, голый, что обнаружилось, когда я по дороге в ванную увидел себя в зеркале. Вид меня удручил... Вчера помнилось плохо... Я был у Самуиловича... Там Вагнер играл, Паша в растянутых штанах заходил, такой хмурёный... хмурёнок, потом... Ацтеки... Людоеды... Почему я голый?.. Обычно в трусах и майке... Вода из-под крана тоже была палёная, кислая, но не пить нельзя...

В комнате я начал осматриваться. Вторая постель смята, одеяла откинута, будто кто-то только что встал... В ней кто-то явно лежал!.. Это было уже совсем непонятно и даже жутко.

Я начал искать по комнате вещи. Бумажник на месте, но там, кроме моей медицинской карточки (о которой Хорстович говорил, что её можно и не брать, пользы от неё в Москве нет), ничего нет. Билет? На месте, в кармане пиджака в шкафу. Всё остальное — в милиции.

Милиция!

Я сел на стул. Опаньки! Здравствуй, жаба, новый ход!.. Милиция! Где бумажка? Я порылся в карманах, но ничего не нашёл... Была же такая, с красивыми завитульками и печатями... «Вестка», кажется... Даже слишком

много печатей было... Тут, наверно, с бумагами так же, как с водкой — чем больше приборбонов, тем фальшивее... Да, но который час? Часы тоже в милиции.

Я выглянул в окно. Было светло, люди шли по широким улицам столицы... Как бы мне тоже до милиции дособачиться?.. Нет, сперва до папы, до почты, где «Western Union»...

Но чтобы добраться до почты, нужны деньги. И нужен мобильник, потому что папа должен сказать код. Он один раз мне посылал деньги в Австралию, так сигнал два часа шёл... А мобильник — в милиции. Чтобы добраться до милиции — нужны деньги, а деньги в банке... А папа, кстати, на работе. Где же ему быть? Или сегодня суббота? Воскресенье?

Может, уже пора в милицию? Но как? Пешком же не пойду, куда бы глаза ни глядели... Вот, пошёл один раз в бюро, до сих пор хожу-похаживаю...

Пиво бы не помешало... Надо у портье спросить, который час, и вообще...

Я позвонил по гостиничному телефону:

— Извините, это стоялец из номера 15... Который сейчас час времени?

— А, это вы... — недобро ответили из трубки. — Ну что, пришли в себя?

— Да, пришёл. А что? А когда я не пришёл?

— Ничего не помните?..

— Нет.

— Вас, пьяного в слюни, привёл ночью какой-то вдребезину пьяный старик, вы здесь буянили... куражились, что у вас зубы голубые, что ваш дедушка у Наполеона служил... Мы уже милицию хотели вызвать, но старик увёл вас в номер...

— И... что старик?

В трубке помолчали.

— Это вам лучше знать, что вы там с ним до утра делали...

— Он что, тут... ночевал-ночал? — испугался я, поглядывая на смятую постель.

— Не знаю, меня тут не было... Дежурный всё это рассказал. Двенадцать скоро.

И трубку повесили.

Этого еще не хватало! Буянил, старик... Я на всякий случай осмотрел себя в зеркале — никаких следов... Где номер Самуиловича?

Кое-как разобравшись с проклятыми нулями, гудками, отключками, я сумел позвонить старику. Никто не взял трубку. В ларьке, наверно.

Я кое-как влез в душ, пытаюсь понять, что мне сейчас делать. Пил кислую воду из-под душа — и от воды опять кружилась голова. Тянуло лечь, замереть, исчезнуть...

Если Иван в сказках водку пил, то ясно, почему ему с печи слезать не хотелось... Я бы тоже сейчас заприлёг бы... Интересно, была ли эта водка опыленной или нет?.. И почему я голый?.. И не надругался ли как-нибудь надо мной старик, пока я спал?.. Он всё страшные вещи рассказывал... кровоядец в ушанке... кадки на балконе... Роза с берёзы... Клементинович... Нет, зачем я ему нужен? Он же просил, чтоб Алка подруту привела... На гея явно не похож.

Алка! Вот кому надо позвонить!

Я быстрее зашевелился под душем, зашпешил с полотенцем. Но куда я её приглашу без денег? Что скажу? Что мне нужно по делам в милицию?.. Зачем ей звонить, пока нет денег и ничего не известно?.. Klar? Klar und logisch!¹

Сейчас бы горячее — чай или кофе — тоже не помешало. Давала же мне Бабаня с собой кипяtilьник, еще с войны у неё был, такой, как кулак, я не взял... А вот пригодился бы.

На столе открыта папка... А, Исидор оставил. Баснепись... Или песнепись?.. Я присел за стол, полистал... С трудом начал читать...

¹ Ясно? Ясно и логично (нем.).

5. 24 сентября 2009 г.

Корабль дураков

Дуракам закон не писан,
а если писан, то не читан.

Народная мудрость

Всё должно принадлежать всем. Счастье всех является счастьем каждого, а несчастья будут общими. На таких условиях был снаряжен корабль.

И он поплыл. С виду величествен, огромен и крепок. Пассажиры постоянно латают и красят его. И на первый взгляд кажется, что на нем кипит жизнь и всего всем достаточно. Но если присмотреться внимательнее, обнаружится, что всё есть только у тех немногих, кто несет бесконечную вахту на капитанском мостике, отдает приказы, не спит, не ест, а только печется денно и ночью о благе корабля.

Всё, или почти всё, есть и у тех, кто охраняет корабль и зорко следит за тем, чтобы всё распределялось «по справедливости», то есть так, как прикажут с капитанского мостика, ибо только там совершенно точно известно, что в каждый конкретный момент следует считать справедливостью.

Весьма многое есть и у тех, кто всем этим заведует где-то там, в складах и трюмах. Немало остается и на камбузе. Кое-что есть и у тех, кто продает то, что осталось от всего, тем, у кого ничего нет, но для которых, по идее, всё должно быть, ибо ради них был осуществлен проект.

Те же, у кого ничего нет, терпеливо стоят на палубах в очередях за тем, что осталось от всего. Но остается очень мало, почти ничего. И вот за это ничего идет вечный бой — покой дуракам только снится, да и то не всегда, если повезёт.

И блуждает корабль дураков по морям и океанам, игрушка бурь и ветров. Несмотря на вечную морскую болезнь, дуракам весело — на то они и дураки, чтобы пировать во время чумы. Им мнится, что они обладают боль-

шими богатствами; им грезится — они за крепкой стеной, корабль непотопляем; им мечтается — всё будет хорошо; они делают вид, будто не знают, что обреченный корабль уже покинут жирными и хитрыми крысами, которые от века знают цену жизни и смерти.

Пираты, контрабандисты, рыбаки, пограничники — все шарахаются от корабля дураков, зная по опыту, что глупость заразна, как холера, и что нет ничего страшнее дурака злого и опаснее дурака доброго, особенно если они вместе несут вахту и молятся так истово, что весь корабль содрогается от громких ударов их бесстыдных лбов о капитанский мостик. За этими ударами почти не слышно сигналов SOS, которые упорно выстукивает одинокий радист в своей крошечной радиорубке.

Эта баснепись мне понравилась. Это такая анархическая проза... Страна-имитант, псевдо-жизнь... Да, но тут — протесты, в папке — фашистские нашивки и эмблемы, а под столом — рюкзак с листовками... Не опасно ли?.. А если КГБ?.. Князева дружина? В ГУЛАГ, погулять?..

Но текст мне понравился.

И я уже даже начал набрасывать по-немецки начало перевода: «Allen soll alles gehören. Das Glück aller wird das Glück eines jeden, das Unglück aber wird allgemein sein. Unter dieser Devise wurde das Schiff ausgerüstet. Und es stach in See. Von außen betrachtet...»

Но вот опять телефон! Не дают покоя...

Портъё сообщил, что ко мне милиция пожаловала, ждет меня внизу, а в голосе было много забористой, задористой злорадости. О! Опять?

— Кто?..

— Откуда мне знать? Конь в пальто!

— Ясно. Сейчас прихожу! — крикнул я и быстро стал одеваться, с сожалением поглядывая на перевод, где уже увидел неправильную запятую... Но надо идти, а то сами придут. А тут — листовки-фашистки, свастики, заплечных дел мешок...

В вестибюле портье настороженно показал на двери:

— На улице ждут!

Противный тип! Это он дежурил, когда шофер-монгол меня привез, и мы у входа стояли... Да, вчера фашисты, потом — пьяный старик в номере, теперь милиция...

Портье из-под бровей проводил меня крысиным взглядом, я тоже кончиками глаз следил за ним, пока шёл к выходу. Пусть. Пусть теперь в отчете пишет, что ко мне фашисты... и милиция, пень-пеньской... плевать!..

А, это сержант Пьянчуркин! Машет от машины рукой:

— Как самочувствие? Хорошо спали? Забыли, что к Майсурадзе надо ехать? Послал за вами. — Как близкого друга, сердечно приветствует он меня, жмет руку — сам он сегодня повеселее и, кажется, навеселе... и вином от него несёт покрепче, чем вчера... И от меня, наверно... А, ужас! Идиот, я же забыл почистить зубы!

Это привело меня в шок, потому что мама говорила: худшее, что может с человеком случиться, — это если он утром не почистит зубы и целый день будет ходить с противным ртом...

— Подождите, я что-то забыл!

И я кинулся обратно в номер, под язвительное от портье: «Что, важную вещь забыли?» — где долго чистил зубы, вспоминая бойскаутский лагерь, где я потерял зубную щётку и месяц не чистил зубы, пока не приехала мама и, узнав об этом, не повела меня прямо к лагерному психиатру, как будто у психиатра были в продаже новые зубные щётки... щубные зётки...

Я был около машины, когда увидел, что сержант украдкой что-то пьёт. Вот на заднем сиденье — связка пива.

— А, можно?

— Бери, — разрешил он и зажигалкой открыл мне бутылку. — Что, пили вчера?

— Да, приходилось... Пил-попивал... Старулька, добрыня бодрявичок... О, хорошо! — Я почувствовал, как пиво стало отцеплять боль от черепной коробушки.

— Да я тоже почти и не спал, едрёна вошь... такая, понимаешь, история приключилась...

И, пока садились-заходились, сержант кратко рассказал, что был вчера на свадьбе у парня, с которым служил в армии, туда ВДВ-шников навалило — ну, этих, морских беретов типа легионеров, бля, — слово за слово, языками зацепились, жених лишняку напорол, а десантура уколбасилась вусмерть и давай, как обычно, мебель крушить:

— А у меня табельный «макар» с собой был, я им в воздух пару раз пальнул, чтоб всех успокоить... ну а воздуха нет — потолок... люстра вниз... невесте плохо, какая-то падла милицию вызвала, та, пока разбиралась, где свой, где чужой, успела по рёбрам надавать — это ж Ясенево, район чужой, неизвестный, я в штатском... невесту в больницу, меня в участок, в клетке пришлось сидеть, полковнику звонить, ночью беспокоить, чтобы помог... Вот так свои чуть не порвали!.. С горя хашом опохмелился.

— Шахом? — не понял я.

— Нет, хаш — это армяны варят суп такой, на похмеле хорошо выводит. У вас похмеле есть?

— У нас в Германии?

— Нет, у вас лично?

— Лично да, бывает, но редко... Пить — организм губить. Но сегодня — да, есть. Мы тоже пили... Водка «Хорошая»...

— Да чего уж в ней хорошего... Я это, типа того, тоже не очень люблю, но что делать, когда кругом пьют?.. Не будешь же, как бука, в углу сидеть?.. Так и выходит, как в анекдоте: «Пить хочешь?» — «Нет». — «А будешь?» — «Буду».

Я согласился — да, сидеть, как буклет, глупо, и сообщил ему, что у нас в Баварии говорят, что человек пьёт

только один раз в жизни, а всё остальное время только охмеляется...

Сержант снисходительно объяснил:

— Э, друг, правильно надо говорить «по-хмеляется»! «По» — это значит «после», после хмеля, вот как сейчас, по-хмелье.

Типа Post Scriptum, понял я и хотел спросить, разве пиво — не хмель, но меня заинтересовала другая структура, которая теперь до меня дошла полностью:

— Значит, после хмеля — по-хмелье, после еды — по-еде, после чая — по-чае...

— Аха, после битья — побитье, после обеда — по-обедье, после ебли — поебье, — поддержал меня сержант, но опять вернулся к ночи: — Мне бы без полковника плохо пришлось... Спасибо, своих зверей-сородичей прислал, они на двух джипах в 5 утра в участок пожаловали — так ясеневская ментура на задницу села, хвосты поприжала, тут же выпустили, «макар» отдали, а то хотели уже прикарманить. Прикинь — я им говорю: «Куда “макар” в шкаф ложите, там же мой номер стоит!» А они отвечают: «А спилим, не боись»... Я сижу в джипе, думаю, неужели эти джигиты из-за меня в 5 утра все собрались-оделись-побрелись? Нет, смеются, у нас смена работы такая, ночная... И по-своему говорят... Хыр-хыр-хыр... Ничего не понять...

— Джипиты? Хыр говорят?

Сержант пошмыгал носом, утерся рукавом, пошнырял глазами по дороге и резко свернул через линию:

— Да на грузинском говорят. Тайный язык. Нам ни за что не понять. Дед говорил, что Сталин и Берия тоже часто на Политбюро на грузинском гутарили, а бюрошники сидели и потели — кого расстрелять хотят?.. Непонятно же. И возразить нет возможности, что сами решат, то и решат... Прикинь — политическое собрание сидит, маршалы, генералы сидят, а они меж собой по-своему трут... и все молчат, дышать не могут, ждут... Окачерыжиться можно от страха!

От пива жить стало свободнее, голова перестала казаться саркомой из стариковой банки, сил прибавилось. Я хотел спросить, кто были эти джиповики, присланные полковником, но мы уже были около милиции.

Подруливая к черному выходу, сержант обнадежил меня:

— Если вчера отпустили, сегодня уже не посадят.

«Не факт», — хотел я сказать, но передумал, занятый мыслью о том, скоро ли чипы выдумают, чтоб всадить под мозг — и готово, любой язык у тебя на мягком диске мозга сидит, по черепу крылатые слова и выражения летают... Как те проклятые жёлтые проценты в сомбреро, что мою карточку сожрали!

Высадились, вошли. На площадке курили двое молодых людей невзрачного вида, похожие друг на друга пустыми лицами. Сержант на ходу бросил:

— Здоров!.. Здоров!..

Ему эхом отозвались:

— Будь!

— Будь!

— Они братья? Больны? — спросил я.

— Почему?

— Ну, «будь здоров», похожие лица...

— Нет, это так, вроде «привет-привет». Не, это тихарики, топтуны, они всегда здоровы — по улицам в мороз и дождь бегают, что им сделается, они закалённые. — Он постучал в дверь кабинета: — Можно?

— Не можно, а разрешите войти! — донеслось до нас.

— Слушаюсь.

Полковник сидел за столом в полосатом костюме и черной рубашке без галстука. Вот он, босс из бассейна. На столе — «Hennessy», лимон на блюдечке, бокалушки на подносике.

— Прошу, дорогой Фредя, битте, геноссе! — Полковник привстал, обвел рукой стол. — Скотч перед ланчем!

Битте шён, Иван Андрейч... А говорят, что немцы пунктуальны? А? — Он шутливо с хрустом заломил манжет: — Сколько у нас? Почти два...

Я начал оправдываться:

— Пока ванна... сё и то, и эдакое... Часов нет... телефона нет... у вас... — но он прервал меня:

— Конечно, кто в милицию своими ногами идти хочет? Но учтите, все ваши бумаги готовы, как и обещано! — Он налил коньяк и ловко пустил бокал по полированному столу прямо ко мне в руки, а сержанту указал: — Один и ты можешь хряпнуть, братец, но только чтоб потом чаем закусил.

— Спасибо, товарищ господин полковник. — И сержант налил себе добрые полбокала.

— Не многовато ли? — сощурился полковник. — Ведь ты на работе, нас еще везти.

— Так я... на два раза... чаем закушу... или чесночком...

— Нет уж, лучше чаем. Ну, за наше знакомство!

Он поднял бокал и как-то просветленно-обрадованно посмотрел на меня.

Все выпили. Сержант отглотнул половину, поморщился и вороватым движением допил остаток, а я, испуганный Виталиком, пил с осторожностью — вдруг это тот самый... опылённый... Бутылка очень уж того, фанфаристая... А что, если спросить? Он знать точно будет... шахер-махеры, гешефты... И я, размягчев от коньяка, сказал о подозрениях Виталика, на что полковник удовлетворенно кивнул:

— Конечно, всё паленое. А я вам что говорил?.. Ворнарод! Я на всякий случай покупаю в дьюти-фри, так надежнее, хотя, говорят, и у вас в Европе балуются.

— Да, бывает. Недавно мафия на свое вино, калабрийское, этикетки от французского бордо... пятьдесят тысяч бутылок... того...

— Но вино можно было пить?

— Конечно! Калабрия — не хуже того... бордо в пальто... реально...

Пальцы полковника покрутили рюмку.

– Видите, у вас мафия хоть совесть имеет. А тут... Знаете, как система пала, так народ стал на всякие махинации очень изворотлив. И всегда был вороват, ну а теперь... – Он махнул рукой.

– Ворый народ? – уточнил я. – Воряры?

– Воры, воры... Чего только не услышишь в этом кресле!

Сержант Пьянчуткин до этого молча тёрся в одиночестве, как вдруг нетвердым голосом сообщил из угла:

– А недавно один топтун из 2-й бригады сам слышал, когда был на задании в ночном клубе, как один халдей сказал другому – вона, большой спец к нам пожаловал, по полтыщи баксов за бутылку платит, и уже бухой, ничего не соображает, но заказ дал, так пусть Сереженька аккуратненько и по-быстрому «Бордо ля Савиньи, 1975» и другую, «Клермон-де-Буа, 1998», делает... у него наклеек отксерена туча... Вот чего делают, падлы!..

Полковник сделал ему знак:

– Ты молчи, вчера уже пугал народ... За это еще отдельное спасибо с тебя...

– Да я, товарищ полковник, душой и телом... – Сержант по-собачьи подобрался к столу.

– Не телом, а делом должен быть предан, делом!

Сержант закопошился, не решаясь дотронуться до бутылки:

– А как же! А помните, товарищ Майсурадзе, ту официантку, что в подсобке остатки пива из бокалов в один сливала, а потом его воздухом через соломинку надувала, чтобы пена была и за свежее пустить?.. Я протокол пишу, а она говорит: «А чего такого, панику развели, чистое же?.. Бокал 10 долларов стоит, не пропадать же деньгам?»

Полковник выслушал его, потом руки его прошвырнулись по столу, подцепили бокузанчик с коньяком:

– За встречу двух индивидуумов, которые друг другу симпатичны и могут быть очень и очень полезны!

Мы чокнулись, сержант сделал движение, но полковник пришикнул:

– Эту пропусситить! Отсссоставитттть! – и сержант, ворча, убрался в угол, а полковник взял корзинку с моими вещами и, обойдя стол, поставил её передо мной (я ощутил запах одеколона, блёсткие светлые глаза близко от меня): – Прошу! Состав преступлений хоть и налицо, но они не столь велики, чтобы начинать дело, хотя, не скрою, в картотеку подозрительных личностей вы уже занесены...

– Почему так? Я часто хочу ехать-ехать... Зачем картотека?

– О, это чистые формальности, автоматика, всё в наших руках... Бог высоко, Интерпол – далеко... По ходатайству можно карточку раньше времени изъять...

Ну хорошо. Я начал копаться в корзинке, раскладывать вещи по карманам. Паспорта нет!.. Это ослепило меня – нет, ничего еще не кончено, где паспорт?

– А паспорт? – невольным фальцетом спросил я.

Полковник кивнул, откусывая печенье:

– На регистрации. В конце обеда вручу лично.

– Какая такая эдакая регистрация?.. Я думал – справка...

– Справка об утере есть, вот она, пожалуйста, готова. Видите, на какой красивой бумаге, какие печати... фиолетовые... с хвостиками, бесподобный шрифт... Вот, написано, что регистрационная карточка утеряна, о чем заявлено по месту утери... покажете на границе, если что... Всё, чист перед вами!

– Спасибо, да, большое! Но паспорт... не отходя от кассира...

Пальцы его сплясали что-то мажорное, кружевное, ажурное:

– Будет паспорт! Еще один любимый тост Сталина – за дружбу между народами! Для него все были равны, все его родные дети! Мы немцев очень любим, уважаем...

— А чего их любить-уважать? — вдруг подал шаткий голос Пьянчаткин.

Полковник, проигнорировав, но погрозив пальцем, продолжил:

— ...за их целеустремленность, исполнительность, тщательность, надежность, пунктуальность, добросовестность, аккуратность, дисциплину, разумность...

— А чего, Гитлеру на Москву лезть — разумно было? — Опять голос сержанта.

— Вчерашшнее ЧП не забывай! — зашипел на него полковник, на что сержант сделал понимающие движения, потяпав ладонями себя по губам, и затих, а я вступился за него, чтобы полковник не подумал, что я симпатизирую Гитлеру:

— Конечно, неразумно было лезть... лазить... Неразумна всякая война... Ганди говорил...

Он продолжал:

— Ну, было, да, случилось — что ж теперь, всю жизнь всех попрекать? Вот вы, например, чем виноваты перед нами? Вы, лично, лично передо мной?.. — Отчего мне стало приятно — человек понимает чувства других и, казалось, поверил, что я не фашист.

— Да, мне обидно... я пацифист, а меня фашист обзывают... обзызовывают...

— Кто? Кто вас обзывал? Здесь они? — Он указал на сержанта.

— Нет, они хорошие люди... Другие! Не в России.

— В Израиле, наверно? Ну, те право имеют... Нет, другие нам не нужны. Итак, за дружбу между народами!

Выпили. Сержант пробормотал в пустоту:

— Сказали же — одну пропустить, а уже две прошли...

Полковник, шикнув на него, как на собаку, разлил еще:

— Ну, по третьей! За прекрасных дам, шерше ля фам, никому не дам!

— Фу-ты, ну-ты... — поддержал я.

— О, да вы специалист! Браво! Поэт! Никогда не думал, что буду сидеть рядом с живым поэтом!

– Но какой я поэт? Это слова... из обихода...

– Как же не поэт? Пусть все слышат! Пусть все знают, что вы поэт! Эй, Сашок, ну-ка, посмотри, кто там в комнате у Вити, пусть на рюмашку зайдут, рассмешу... – («Есть!» – встрепенулся сержант.) – Ну, за всю прекрасную половину рода человеческого! За вашу Элизабет!..

Тут где-то у него в утробе позвонил мобильник, он вытащил и стал говорить на своем языке, а я отметил слово «германи», что мне не очень понравилось... Наверно, обо мне говорит... Этот корень ни с каким другим не спутаешь... Из слов с этим корнем мне известны, к сожалению, только «герма» и «гермафродит», что само по себе уже неприятно... Чего они хотят от Фреды?.. Почему не отдают Фреде паспорт?..

Я хотел прямо спросить об этом, но не сделал этого. Что от этого изменится?.. Если не дают – значит, есть причина... Почему? По кочану! Что-то ему надо. Всем же было что-то надо: Виталику – виза, таксисту – битые машины, коню из бюро – штраф, сержанту – Иностраннный легион, Алке – богатые клиенты, Исидору – взносы и переводы, официантке – чаевые, кассирше – без чека, старику – бегство и синагога... Но что может быть нужно ему?.. У него же всё есть, как видно?.. – спокойно расплывались на коньячной поверхности мои неторопливые мысли.

В кабинет вкрадчивой походкой ввился Витя с пистолетом, за ним пыхтел нездоровой одышкой, осторожно пронося живот сквозь двери, капитан Жирновский, на ходу укромно доедая что-то.

– Опять? Пирожки-ватрушки? – шутивно-грозно прикрикнул на него полковник.

Капитан виновато стал оглядываться, отделяваться:

– Да ить... Только кусочек махонький, вот такой малюсенький. – Он показал полжирного пальца. – Такой масюсеханький кусочек пиццы этой драной и был...

— Ну, твое дело, жиртрест... Мое дело предупредить тебя, твое дело — делать выводы, но ты не делаешь. Посмотрим, что завтра будет... Я не шучу, есть указания... Ну, разлили по рюмочкам! Мы сейчас с геноссе обедать идем, — сообщил он пришедшим. — Он мне вчера, нет, позавчера, в одном деле очень помог... Он языки знает, поэт, стихи пишет, рассказы. Хотите послушать?

Я был заинтересован больше всех. Какое дело? Какие рассказы, стихи? Я ничего не писал. Может, Исидора поймали, байкописца?..

Капитан Жирновский отбился платком:

— Мне чуть-чуть, я ж не пью...

Витя озабоченно сел, молча наполнил стакан. Сержанту дали четверть рюмки. Полковник торжественно выложил на стол мой диктофон и нажал кнопку. По первой же фразе: «Мальчик ковырялся в задку ложкой...» — я понял, что он нашел кассету с записями семинара по сакральной лексике.

— Это учебный материал! — крикнул я, но было уже поздно — из диктофона неслось:

— Мальчик ковырялся в задку ложкой и выронил её. Никто не видел. Он поднял ложку и положил на стол. Пришел отец и спросил: «Кто ложку ронял-уронил?» — «Я», — ответил мальчик. «Спасибо, что правду сказал. А ложку можешь сунуть обратно в задницу!»

— Ой, мама, учебный материал! Это кто ж вас такому учит? — засмеялся капитан, что-то подхрюкнул сержант, улыбнулся Витя, а полковник серьезно сформулировал:

— А это они так хорошо шпионов готовят... Чтобы те на народном языке говорить с людьми могли.

Смех смолк. Все вдруг как-то притихли от этого ответа. Что, он правда думает, что я — какой-то Бонд из фонда?

— Это не я, это Толстой... Толстый... — путался я. — Какой там шпион? Мы на семинаре всякие худые слова туда вписывали... Нет, вписывали...

— Шучу. Вторая тоже класс, — и полковник щелкнул кнопкой: — Белки жили на деревьях, целый день дрочи-

ли-подрачивали и были всегда веселы, а волк жил на земле, в лесу, и был всегда голоден и зол. Вот один раз спросил он у белок, почему они всегда веселы, а ему всегда скучно. «Мы, белки, с утра до вечера дровичим-подровичим, масло масляное себе делаем, другим не мешаем, потому мы всегда веселы, а ты, волк, всех только норовишь со злобой выебать, вот оттого тебе всегда скучно», — объясняли белки...

Уже смеялись в голос:

— И на баб не надо тратить...

— Кот Василий облизывал свои яйца...

Полковник, взглянув на часы, подмигивал:

— А что, чем не поэт?

Под шумок я поинтересовался, как правильно назвать человека, который мастурбирует, и получил разные ответы, опять убедившие меня в приоритете русских суффиксов:

— Дровичильщик, дровичило!

— Дрочун, дрочунок!

— Дроченька, дровичилка...

— А дрочулька или дрочара можно? — спрашивал я, на что полковник разрешил говорить, как мне нравится, и объявил: — А третья сказка — про собаку и волка!

Капитан Жирновский пробормотал:

— А, ну про нас, ментов и бандюков... — и потянулся к печению, но Майсурадзе строго сказал:

— Диета, товарищ! — и капитан отдернул толстую руку, только растерянно взглянул на еле видные из-под складок жира часы:

— Так ить ведь пьем... закуси нет... обеда время...

— Это коньяк, не горилка, его салом не закусывают...

Слушайте! — Он щелкнул клавишей: — Один худой-прехудой волк ходил-похаживал около деревни и встретил самую что ни на есть најирнейшую собаку. Он спросил у собаки: «Скажи, собака-слабака, откуда вы корм берёте?» — «Нам люди дают». — «Наверно, ваша служба

у людей трудна?» — «Нет, наша служба не трудна, нам нужно ночами по двору хаживать-похаживать». — «А, я сейчас бы в вашу службу пошел — ходил бы похаживал, только бы кормили!» — «Что ж, иди, — сказала собака, — я скажу хозяину, чтобы он и тебя кормил-подкармливал...» Волк пошел с собакой к людям служить. Они уже входили-вошли во двор, как волк вдруг увидел, что у собаки на заднице шерсть вся стёрлась. Он сказал: «А это у тебя, жирная тварь, отчего?» — «Да так», — ответила собака. «Да что так?» — «Да так, по ночам хозяин спускается во двор и нещадно ебёт-заёбывает меня до первых куриц-петухов...» — «Ну так прощай, подлая шлюха, — сказал волк, — не пойду я с тобой к людям. Пускай не так жирен буду я, да не ёбан!»

— О-хо-хо! Кто это у нас и жирен, и ёбан? Да-да, жирен, толст и ебён? Вы, случайно, такого не знаете? — начал полковник, другие подхватили и стали поглядывать на капитана, тот сконфуженно отфыркивался, а я, подстегнутый коньяком и общим весельем, предложил им прочитать на память еще одну басню, про девочку Катю, у которой две руки и две ноги, но только один рот, но полковник начал разливать остаток:

— Ехать надо! — не обращая внимания на ворчанье сержанта из угла.

— Да куда ему ехать? — Капитан посмотрел на сержанта: — Давай я вас отвезу.

— Я и слепой ездить могу, и с закрытыми глазами, а вы вот и за руль не залезете — живот мешает... — окрысился сержант на капитана, который, чтобы сгладить ссору, начал рассказывать, со слов знакомого опера, что в соседнем районе китайцы где-то купили (или получили за долги) русскую девушку, спрятали в подвал, полгода трахали оптом и в розницу, а потом, когда она сифилисом заболела, на мелкие кусочки разрезали, замариновали и в рестораны пустили, навреде утки...

Полковник покрутил рукой у виска:

— Мы обедать идем — а ты такие глупые гадости рассказываешь!.. Хотя бы при иностранце постыдился... жёлтые утки распускать...

— Фредя? Да он уже вроде как свой... — начал отдуваться капитан. — Да я что... И не сплетни — дело открыто. Старлей Можайцев ведёт, кусочки на ДНК посланы...

Молчавший Витя сделал какое-то движение, корректно спросив:

— Мы свободны, господин полковник? — на что получил ответ:

— Да, все свободны. Прощу, ваш диктофон, геноссе Фредя, ваша харахура...

— Кто? Хурахари? — не понял я. Но где-то я уже слышал это слово!

— Мелочи всякие.

Я радостно распахнул всё по карманам (не забыв укладкой вставить чистую кассету в диктофон) и спросил опять:

— А паспорт?

— Не беспокойтесь. Всё будет. Слово офицера! Сашок, пошёл умыл лицо, зубы как-нибудь почистил... там паста есть... Только не моей щеткой! — А я подумал, как он по-братски обращается с помощниками — мыслимо ли, чтобы немецкий служащий так заботился о подчиненных?.. Нет, у наших носы всегда задраны... Недаром дедушка Людвиг всегда говорил: «Die Deutschen sind Tücheltüchtig und Machtsüchtig»¹... А здесь по-простому...

Сержант пропал за дверцей, а мы начали собираться.

— Ну, пошли!

Капитан, разлаписто ступая мятыми ногами в растянутых кроссовках, первым вынес кое-как из кабинета свое брюхо. За ним проскользнул Витя и спиралеобразно ушел в глубь коридора. Полковник, выпустив сержанта, вытиравшего на ходу руки серым платком, запер кабинет и приказал:

¹ Немцы имеют тягу к титулам и власти (нем.).

— Вы идите по черной, я пойду по главной, мне как раз на перерыв пора, пусть видят... И паспорт захвачу, если готов, — а капитану погрозил подвижным пальцем: — Если, хозик, еще один пельмень в твоей пасти увижу — берегись! Все зубы вырву! Харакири сделаю!

— Да ить, товарищ полковник, который месяц уже...

Но полковник сменил тон:

— Хотя ты прав, у нас в Грузии говорят, что хинкали надо есть так, чтоб последний был еще во рту, а на первом ты бы уже сидел...

Это вызвало оживление, уважительные хеки капитана:

— Хик... Хикнали — это вещь! Куда там пельмешкам... Хикнали — самый смак... Вот кислая мужужа тоже хороша, вы нас научили... на похмелье... — (А я думал, что за японские корни опять — «хин-ка-ли», «жу-жу-жа»?)

Полковник ушел по коридору, а мы долго спускались по чёрной лестнице под охи и ахи капитана, ругавшего эту лестницу («хуже каторги, проклятая»), и под бормотание сержанта, что полковник сегодня в хорошем настроении.

— Почему тогда паспорт не дает? Не дал?

— Кто его знает. Может, куда на прописку отдал. Или на контроль, — предположил он, придерживая дверь перед брюхом капитана и выпуская его наружу, где тот сразу укловылял к лавочке и уселся рядом с двумя женщинами, которые, с сумками на коленях, напряженно чего-то ждали, поглядывая на дверь милиции.

Полковник сел впереди, я — сзади, сержант — за руль.

— Ёни, Сашок, сам знаешь, куда, — мазнул рукой полковник и весь недолгий путь до ресторана рассказывал, что раньше, 20 лет назад, когда он сюда перевелся служить, он думал, что русские взяток не берут, а когда начал тут работать, то увидел, что не то что берут — лопатами гребут, куда там тбилиским!..

— Что будешь делать? Система. Против системы не попрёшь... а попрёшь — и вылетишь... хорошо, если

только с места, а не вообще... Слыхали, как моему земляку Гонгадзе в Киеве голову отрезали за то, что систему потревожил?.. В прямом смысле, лопатой отрубили?.. Знаете, геноссе Фредя, я из очень честной семьи, отец был учителем, мать — детским врачом в поликлинике, день и ночь по этажам таскалась, по больным детям... жить противно было от этой честности... Копейки лишней не было... Я закончил юрфак в Ростове, на тбилисский денег не хватило, потом стал работать в органах... а органы, как известно, бегают, потеют и воняют... когда день и ночь с преступниками дела имеешь, сам таким же становишься... Но куда юристу податься?.. Всюду де юре всё чисто, а де факто — очень, очень грязно... как в морге...

— У нас в морге очень чисто. — Я вспомнил передачи по «Kabel 1», где часто трупы в моргах показывают.

— Ну так это у вас... А у нас очень грязно... Всё, приехали... Вот ресторан...

Я увидел старинный дом с верандой, где стояли плетёные столы и стулья, на вывеске — надпись «ЧАККА-ПУЛЛИ», над буквами КК и ЛЛ изображены звездочки салютов, машет рукой из ракеты космонавт Гагарин...

К полковнику подлетел худой юноша и стал помогать ему подниматься по ступеням. Полковник стряхнул с себя его руки, пробормотал что-то вроде:

— Стумарс михеде!¹ — и юноша перекинулся ко мне с «пажяльтэ» «пажяльуиста», сразу напомнившим мне акцент полковника, а сам Гурам Ильич, поднявшись на пару ступенек, вдруг обернулся к машине: — Сашок, ты голоден?

— Не, я рубнул уже... — ответил тот из машины.

— Ладно. Захочешь — скажи вертухаям, чтоб хинкали принесли. А так — отгони в уголок и спи, через час-другой выйдем. Только шторы опусти, чтоб не сказали, что милиция на посту дрыхнет.

¹ Поухаживай за гостем (*груз.*).

Нас с помпой усадили за стол, миленькие чёрненькие шустроглазые официанточки подбегали здороваться, полковник целовал их — кого в щёчку, кого в лобчик. Со всех сторон слышалось щебетание: «Батоно Гурам, батоно Гурам».

Батон, еще батон... Для чего ему столько хлеба? Я недоуменно вспомнил, что вчера с Самумычем мы даже полбатона не съели, и теперь не постеснялся спросить. Полковник между поцелуинами пунктирно объяснил:

— По-грузински «батоно» — это «господин, хозяин», значит — господин Гурам. А «калбатони» — госпожа, «кали» — женщина. («А, богиня Кали».) Рогов хар, Нино?¹ — вдруг сказал он. Я даже опешил:

— Харя? Рогов? — но это он приветствовал кого-то за стойкой, и я вернулся к теме и спросил, почему они не говорят его фамилии? Или отчества? Это же неприлично — без отчества? У всех русских есть имена и отчества...

— А в Грузии не приняты отчества — просто говорят «батоно» и имя...

— И вы могли бы Сталину сказать: батоно Иосиф? — Это продолжало удивлять меня.

Полковник, устраиваясь удобнее, сказал:

— Да, вполне... если б дошёл до него, не дай бог... «Товарищ» же не скажешь? Какой он тебе товарищ?.. Страшно, конечно, но, в принципе, мог бы... Хотя... Может, ему и нравилось, когда его по имени-отчеству звали, по-русски... Он же всё из себя русского строил...

— Как это — строил? Перестройка?

— Этих тиранов разве поймешь?.. Гилоцав, Жужуна!² — через зал обратился он к пожилой женщине в белом халате и колпаке, вышедшей из кухни, не поленился пойти к ней, расцеловать и сунуть что-то в карман фартука.

Но это реально круто! Жужуна! По имени! Этим, очевидно, подчеркнута особое уважение именно к тебе,

¹ Как ты, Нино? (*груз.*)

² Поздравляю, Жужуна (*груз.*)

к твоей персоне, а не к твоему папе, которого я, может быть, и знать не хочу, но должен учить и его имя почему-то. Может, действительно, отчество — это пережиток, тотемное выделение предка, как Вы говорили на семинаре по сакралу, вспоминая Индонезию, где мёртвые предки живут среди живых потомков...

Полковник вернулся, кого-то приветствуя по дороге. Кое-кто от других столиков кивал, поднимал руки в приветствиях, он салютовал, слал воздушные поцелуи, а сев, тихо сказал мне:

— Обратите внимание — разгар рабочего дня, а ресторан уже полный... хотя обед тут пол их зарплаты стоит...

— Может быть, идём в другое место? — среагировал я (если ползарплаты — как же тут сидеть?), но полковник заиграл руками:

— Я не к тому... это их ползарплаты, не мои... Известная публика... Вон бритая морда с бабами... Депутат! Его недавно «животным» один юморист обозвал, суд запретил называть его так, юморист извинился и сказал, что теперь будет называть его исключительно «растением»... Там начальник ГРЕБУ СПЗД по Московской области, генерал Крутовец... В вечернем платье — сейчас, днем! — мадам Окочурина, мусорный бизнес... С ней — кровосос, у которого, говорят, 70 квартир в Москве и столько же — в Питере... Дальше — ювелир... Тот бритый голубец держит большой катран... Через столик — грузинский вор в законе, с охраной... — (С этим вором, седовласым джентльменом, полковник довольно любезно перекинулся странным приветствием: «Рава хар»? — «Вар, ра»¹.)

Я не удержался:

— Варавва?.. Бараббас? Бабаня Библию читала.

— Нет, это только я спросил: «Как ты?» — а он ответил: «Ничего», — засмеялся полковник и объяснил про вора: — Очень хороший, порядочный человек, у него

¹ «Как живёшь»? — «Живу, ну» (груз.).

недавно сына убили, в трауре сейчас... У нас в Грузии их называют «вор в рамке», вор-законник, знает рамки жизни и смерти... А вон там в углу, видите, два тощих субъекта, сладкую воду пьют, из отдела по борьбе с наркотиками... — Он неодобрительно покосился на угловой стол, где два очень худых глазастых человека тянули через соломинку пепси. — Наборолись сегодня уже до чёртиков, видно по мордам и красным глазам...

Я едва успевал крутить глазами и ушами.

— Пит что будэтэ, батано Гурам? — подскочил кельнер с усиками.

Полковник переадресовал вопрос мне:

— Чего гость желает?

— Вино, наверно... бокал красного...

— Отлично. Три бутылки «Хванчкары», пару «Цинандали», ну и всё, как обычно, — закуска-макуска... «Хванчкара» — любимое вино Иосэба Бэссарионовича!

Выразив восхищение этим фактом и решив потом еще спросить у полковника, что означает инверсия «закуска-макуска», я заикнулся было о том, что давно не ел овощей, салат бы не помешал, но полковник засмеялся детским смехом:

— Может, борщ еще с бубликом?.. Тут всё самое лучшее и отборное! Вот меню, посмотрите.

Надо ему сказать, что у меня нет денег, что карточку... того, забор... при заборе... А может, это те парень с девушкой украли?.. Поставили жучок, он все считал, а они забрали?.. Я открыл меню, но каждое второе название вызывало вопрос. Что это? На каком языке это написано?

— Это по какому? — спросил я. — По русскому?

— Да, но названия блюд грузинские. Это же грузинский ресторан, хозяин — грузин, повар тоже, официантки все чьи-нибудь родственницы... Такое грузинское подполье... «Молодую гвардию» читали?

— А, подполье, мало не покажется... Нет. Война? Опричники? Интересно?

Полковник усмехнулся:

— Это как фашисты во время войны молодых людей мучили и убивали.

Очевидно, я покраснел, потому что он тут же спохваченно всполошился:

— О, простите, геноссе! Наступил на мозоль! Я не хотел! Битте, геноссе! Иван Андрейч! Вырвалось!

Я ответил:

— Я привыкнулся, реально. Я немец. Надо эдакое бремя... еще долго, время... всё племя... наше семя...

Принесли вино, но все бутылки были открыты, а этикетки были французские.

— Что это? Французское? Вы же говорили — любимое вино Сталина? Хан... чара?.. Он любил французское?

Полковник недобро усмехнулся:

— Какие-то дегенераты, понимающие в вине, как свинья в мандаринах, запретили продажу грузинских вин в России... Вот и приходится... маскироваться...

Это напомнило рассказ сержанта Пьяницына об этикетках.

— Это того, этикетки переклеивать? Что сержант говорил...

— Нет, тут система другая — в другие бутылки переливают. Маскировка... Парой тысяч от проклятого Онищенко не отобьешься...

Я начал было выяснять «про нищего», но принесли холодные закуски, очень красивые, а полковник объяснял:

— Это вот как раз овощи с орехами. Ну, протеины, я вам говорил... Это — зеленое лобio с гранатом, это — красное лобio, это — бадриджаны, а это, жидкое — баже, подливка с орехами... Потом будет чахохбили... А это всё вместе, — он обвёл стол руками, — называется «шарапи»¹, пир. — (Еще один японский корень меня уже не удивил — я видел ясно чёткую связь в языках и несколько

¹ Застолье (*груз.*).

раз с любовью повторил мохнато-ласковое слово «шарапи», идущее, конечно, от Хаммурапи, откуда же еще... Хаммурапи на шарапи...)

Я пробовал всё, и всё было поразительно вкусно, не похоже ни на что, мною ранее пробованное, включая филе кенийского битого крокодила гриль и консоме из хвоста кенгуру в Австралии. Ласковое, округлое, даже овальное слово «лобио» отдавало Италией (флавио, ливио, патио)... А «чахохбили» напомнило чем-то печальные «охохуюшки», которые повторяла грустная официантка, и я спросил, не связано ли это блюдо с какими-нибудь похоронными обрядами, на что полковник, смеясь, ответил, что если и связано, то лишь для курицы, попавшей после смерти в томатный рай с луковыми облаками.

Потом объяснил, что грузинская кухня очень древняя, ведет свое начало от хеттской кухни, поэтому названия блюд есть суть названий их состояний: например, «мцвади»² — это то, что зажарено, «сациви»³ — то, что холодное, охлаждено, «чашушули»⁴ — то, что потушено.

— Как?.. Ча-шу-шу-ли?.. — изумился я. — Целая песня!

Полковник приосанился:

— Да, звучит... Язык древний, умный...

Я начал спрашивать, к какой семье относится сей язык, и был очень удивлен, узнав, что по-грузински слово «мама» означает «папа», «отец». Во всех языках мира мама — это мама, а тут — папа! Может, особое уважение отцу?.. И был совсем сражен, когда полковник, хоть и путаясь в терминологии, сумел объяснить, что в грузинском языке нет родов, инфинитивов, предлогов, причастий... Нет даже слов «сын» и «дочь», а только «дитя» (что было верхом демократичности — неважно, сын или дочь, главное — ребёнок!)

¹ Шашлык (*груз.*).

² Блюдо из курятины под ореховым соусом (*груз.*).

³ Тушеное мясо с зеленью (*груз.*).

— Этого нет, того нет, а что есть?

— Всё, что надо, есть, не беспокойтесь, — заверил меня полковник.

Я не знаю, что мне нравилось больше, еда или язык, отсутствие родов или ушастые колбаски «купаты» с чем-то кисленько-красненьким внутри. Но верхом совершенства был острый кучмач¹... слово типа «мяч», «силач», «богач»... без мягкого знака...

Полковник угощал дальше:

— А вот попробуйте, это «хачапури». Если перевести, выходит «творог-хлеб», но сейчас это пирог с сыром.

На это я заметил, что у нас в Германии тоже есть «Käsekuchen», дословно «сыр-пирог», а на самом деле — пирог с творогом, всё как раз наоборот, что очень интересно с точки сравнительной лингвистики!

Полковник подлил вина:

— Мы одной крови, два пирога пара!.. Я же говорил, что у нас много общего, Германия и Грузия слеплены из одного теста! Берите осетрину, её в Европе нет! Вот к этой божественной рыбе — эта царская подливка, на бульоне с орехами, баже...

«Боже?» — послышалось мне (я с опаской наблюдал за количеством еды на столе — от запахов ноздри разъезжаются):

— О, это вкусное русское блюдо... — Я обгладывал хрящик царской рыбы.

Полковник заметно возмутился:

— Какое же русское? От кого до Каспия ближе — от Грузии или от России?... У русских ничего своего нет. Назовите хоть что-нибудь. Даже эта глупая матрёшка пришла из Японии..

— Как же нет своего? А музыка, поэзия, балет? Кремль?

Полковник сделал знак рукой солидному господину в сединах, проговорив что-то типа:

¹ Блюдо из жареных потрохов.

— Сад хар, ро ар чан хар¹? — (что отозвалось во мне каким-то китайским подскоком). — А что Кремль?.. Итальянцы строили, я сам в Венеции такие зубчики на всех соборах видел... Знаете, жить как-то стало душно тут, как-то неуютно... Хамства много, через край льётся, противно. Атмосфера плохая. 46 кило отравляющих веществ выпадает на каждого москваноида в год. Многовато! — Он прожевал крылышко, отложил косточки на край тарелки, утерся (он постоянно менял салфетки и прикладывал их ко рту после каждого укуса и куска). — И потом. Если ты богач в России, то все равно живешь в общем хлеву, просто ходишь через грязь по своим личным доскам и сидишь в своем чистом стойле, хотя 46 кило на тебя всё равно сверху сыпятся... А без денег — затопчут... Но иметь много денег еще хуже — обязательно отнимут, хорошо, если в живых оставят. Но хуже всего тем, у кого средний достаток, их жаль. Судите сами: охраны не нанять, в замке не спрятаться, на яхтах не скрыться, а платить всё равно заставят. Много такого слышишь, много... Куда ни глянь — всюду секир-башка, хана и крышка...

(«Хана» — это, очевидно, жена хана... она на крыше... — решил я, закусывая всем подряд, хотя у каждого блюда был свой вкус, и он был точно выверен.)

А полковник продолжал высказываться в том духе, что был очень удивлён, когда обнаружил, что русский народ дьявольски хитер и изобретателен на всякие мошенничества, куда там другим, рассказывал всякие истории, а я зафиксировал пару новых глаголов, «стибрить», «стырить», «слямзить». Тибра! Лямза! Тыра! Где в немецком такая россыпь оттенков?.. Одно «stehlen» — и всё. А тут!.. Эльдорадо для психолингвистов, которые утверждают: где каких глаголов много, тем народ в этом речевом поле в основном и занимается. У нас, немцев, девять модальных глаголов, например, а в русском — ни одного... Но знаменитый Левша?

¹ Где ты, что тебя не видно? (груз.)

На это упоминание полковник ехидно улыбнулся:

— А что он сделал? После него эта вошь и перестала шевелиться. А кто её, кстати, сделал? Англичане, между прочим! Так что не надо! Тут всё — кустарщина, нет профессионалов. — И он махнул рукой, передавая к мясу подливку с арабообразным названием типа «кемаль», и я уже не знал, брать ли мясо или спрашивать, что значит «кустарщина». Сделал поочерёдно.

Полковник замялся:

— Кустарщина?.. Это, ну, которые люди кусты плохо стригут...

— А, кустарники, садовики садовые?

— Да, сами не знают, что делают... Во всем, что они делают и говорят, видна полная растерянность, неумелость, неспособность, незнание, фраерство...

И он рассказал, что недавно случай был — на ЭКСПО в Китае наши министерские дураки решили сделать эмблемой российского павильона Незнайку — слышали о таком?... Ну, это герой детской книжки, от «не знаю», ласковый дурачок, вроде нашего нынешнего... Вот пришел премьер-министр Китая, увидел огромный рисунок этого недоделки Незнайки в глупой рыбацкой шляпе, покраснел, стал что-то на ухо референту шептать — и быстренько закруглил визит. А потом выяснилось, что эта книга еще в советское время была миллионными тиражами переведена в Китае, где этот Незнайка очень хорошо известен как символ дурака, балбеса и неуча, и премьер был шокирован, что такая великая страна избрала своей эмблемой такое существо:

— А всё потому, что наши чиновники, вместо того чтобы нанять дизайнера, это бабло распилили и решили — пусть будет Мурзилка, Буратино или Незнайка, один ведь хрен... Обнаглели они очень, скажу я вам! Как только русский богатеет — он сразу становится деспотом, самодуром и хамом и начинает относиться к своему народу как к отработанному шлаку, из которого всё ценное вынато и продано... Вот в руках таких подлецов и

дуралеев находимся, уважаемый геноссе, а им хоть бы хны!..

«Хны» — очевидно, родительный от «хана», — решил я, а сам среагировал смутно, как Вы учили — ни да ни нет не сказав.

Он повертел салфетку своими активными пальцами, передвинул бокалы:

— А в целом не страна, а казус, нелепость... Нет, я не говорю, что русские больше всех воруют, — все хорошо. Я 20 лет в тбилисском угро проработал, с такими типами встречался — почище, чем в Чикаго... Один мой клиент кошек рвал пополам, вот так, — он порвал салфетку, — сокамернику оба уха откусил, его восемь человек на расстрел вывести не могли из камеры, так и расстреляли через кормушку... Но там, в Грузии, бандиты грабили богатых, которые сами кого-то грабили, а эти тут... — Он махнул рукой. — Знаете, очень мелкий народ. По пьяни старух душат за пенсию, за бутылку арматурой забивают, а если уж ты, не дай бог, китаец или таджик — держись, просто так отхватить можешь за то, что чурка поганый. Статистика бытовой преступности ужасающая!.. Чуть до грузин не добрались недавно... никогда им этого не прощу... Эх, власть эту ненавижу, а народ презираю, хоть и жалею от души — несчастный, загнанный, бессловесный, обворованный, вроде того Буратины, беспутный...

— Без Путина? А где он?

Полковник в сердцах бросил салфетку так, что край её попал в одно из блюд (которое тут же унес подскочивший кельнер):

— К сожалению, не там, где должен быть... Ах, чего можно ждать от людей, которым сто лет вколачивали в голову, что бога нет, а раз нет — всё позволено, не помню, кто-то сказал... Вот и результаты. А сейчас, сколько ни вбивай обратно, что бог есть, никто уже не поверит, не то сейчас время, чтобы в бога верить... Но, знаете, несмотря ни на что, народ не злой, душой не злой, даже

наивный... — начал полковник, но тут принесли шипящее мясо на вертелах, я есть уже не мог, но запах жареного разбудил подкорку.

— О, пашлык! Шаши-шиши! Потому шипит, да, шумится?

Полковник подлил вина, исправил меня в том плане, что это называется не шашлыки, а «мцвади», он же учил, «рац шемцвари»¹ (а я удивился, как такие звуки вообще могут рождаться в горле человека), потом, подняв бокал до лица (сквозь вино мне виделся его разбухший, плавающий, как в яичнице, глаз):

— В общем и целом — решил я, мой геноссе, отсюда уехать. Хватит! 20 лет учился, 20 лет в тбилисском угро протрубил, 20 лет жизни в московской милиции угробил — хватит, генуг ист генуг!² Теперь хочу оставшиеся 20 лет прожить в свое удовольствие, где-нибудь среди цивилизации... Притом, скажу вам по секрету, — он перегнулся через стол, — здесь скоро будет большая резня, точно знаю — народ не выдержит... осенью 2017-го, в годовщину революции... — («Исидор тоже что-то говорил про 17-й...» — крутанулось в винных парах и исчезло.) — А мне уже революций не надо... Денег у меня скоплено достаточно, в отставку уйти в любой момент могу — начальник ХРУУ при ЖТК по Московскому округу, генерал-майор Клыкастый, мой друг, подпишет, когда скажу. И вот тут мне будет нужна ваша помощь...

— Моя? Какая? — Я спешился на землю, оторвавшись от обсасывания мцвадийской косточки.

Полковничья рука обежала враз все предметы на столе, поправила тарелочки, вилочки, тронула солоночку:

— Дорогой геноссе, мне нужен в Европе человек, который помогал бы мне вести дела...

«Вот что!»

— Но я не юрист! Я филологист! — возразил я.

¹ Что пожарено (*груз.*).

² Хватит — значит хватит! (*нем.*)

Полковник остановил мои возражения ладонью:

— Момент! Я знаю! Юриста найдем, когда нужен будет. По себе знаю — юристы ненадежные, лживые и продажные люди. Финансы сами посчитаем. Мне нужен честный человек, чтобы делать разное, мелкое: следить за движением счетов, платить за то, за что надо платить, что-то положить в банк, что-то снять, кому-то что-то перевести, послать, переслать... Работа чистая. А главное — я давно мечтаю купить дом в горах, вот как раз в Баварских Альпах, где ваши глубокоуважаемые бабушка с дедушкой живут... Барашки, ягняшки... У меня есть дом в Кахетии, но там жена с детьми, не захотели нах Москау... что ж... их дело... Есть и еще домик, тут, в Перегажино... есть и квартира на Кутузовском... но зачем мне всё это? Если ты богат — ты все равно варишься в том же дерьме, что и остальные, а мне надоело... А когда узнал о 46 кило, то решил окончательно...

— Но я что тут... пятая стренога в колесе? — пьянея от еды и питья, устав жевать и понимать, спросил я.

Полковник привстал, когда мимо проходили два очень толстых господина с тугими заушинами, а мне продолжал:

— Я вижу людей насквозь. Я вижу, что вы честный, порядочный, образованный, сообразительный молодой человек, отец научил вас заполнять документы, языки знаете... Я, конечно, мог бы нанять адвоката или маклера, но по собственному опыту знаю, что профессионалы — это надувалы, так и смотрят, где бы урвать и предать, а в вас этой алчности к деньгам нет, вы нормальный человек, а не эти рвачи... Знаете картину — «Рвачи прилетели»? Нет? Вот это про нас.

— Врачи? А что, реально, надо сделать? — Я оборачивался в поисках стаканчика с зубочистками, отмечая, что со всех сторон на меня настороженно смотрят лица без улыбок.

Полковник вздохнул, поводит над столом руками:

— Не так уж и много. Чтоб вы пару раз в месяц осу-

ществили те или иные операции... что-нибудь со счета на счёт перевести... чтоб помогли в покупке дома... когда приеду – встретили бы в аэропорту, определили в отель, помогли, были бы со мной, переводили бы... Ну, чтобы были как секретарь, что ли... Зарплата – от 1000 евро и выше, сами скажете, вот могу за три месяца вперед. – И он вытащил из пиджака пачку банкнот толщиной в сигаретную коробку и отсчитал под корзинку с хлебом шесть новеньких сиреневых 500-евровых купюр: – Прошу! За три месяца вперед!

Это всё привело меня в переполох. С одной стороны, деньги нужны, с другой – кто его знает?.. Если Хорстович с русскими не советовал связываться, то этот вообще грузин, как Сталин... Но что может быть плохого?.. Он скажет – я сделаю. В чем проблема? Почему нет?

Деньги слепо выглядывали из-под корбушки.

В этот момент где-то в утробе полковника затрещал телефон, он выволок его из пиджачных карманов, стал отвечать на своем языке, потом, оторвавшись от трубки, спросил у меня:

– Аугсбург – это же Бавария?.. Вы когда в Мюнхен летите? Послезавтра? Посылочку могли бы взять для друга – документы, то, сё?

Обрадованный вопросом (если «когда лечу» – значит, вообще лечу!), я ответил согласием: конечно, не вопрос, багажа мало.

Закончив, он тщательно запрягал телефон и спросил:

– Ну что, согласны? Если да – то вот моя рука и ваш паспорт. – Он достал паспорт из внутреннего кармана.

– Если нет?

– Если нет – открываю дело по двум, нет, по трём статьям и позабочусь, чтобы вы сидели... – сухо отчеканил он, обмахиваясь паспортом, как веером.

– Шантажка? Давилка? – спрашивал я, смотря на свой паспорт и думая о том, что надо в любом случае соглашаться – взять паспорт, улететь, а там видно будет...

— Называйте как хотите. Я назову это — поверенный в делах. Я дам вам доверенность на ведение всех дел... С каждой сделки — пара процентов ваши... Что в этом плохого?.. Что не запрещено — то разрешено... Вот вы и будете узнавать, что разрешено, и мы вместе будем делать то, что не запрещено... Акции, недвижимость, мало ли чего... Я и сам в этом неплохо разбираюсь, только вот языков не знаю, а сейчас учить трудно, голова не варит, память уходит... А там видно будет.

Да, видно-увидно. И я ответил:

— Я сейчас согласный.

— Очень рад.

И он передал мне паспорт, я спрятал его в карман (но руки на всякий случай не дал, помня о том, что у нас в Германии есть старый догитлеровский закон: если сделка не скреплена пожатием рук, то её потом на этом основании можно опровергнуть в суде).

Полковник руки и не протягивал: своими верткими пальцами он приподнял хлебушницу и подтолкнул ко мне сиреневые шуршащие купюры. Когда я брал (уже взял) деньги, то сквозь винный занавес понял, что дело серьезно, но не нашёл ничего лучшего, как сам себе процитировать Лютера (хоть я и католик) о том, что грех не заработать там, где можно заработать, и грех заработать меньше там, где можно заработать больше... Потом вспомнил:

— Расписка?

Полковник поморщился и сделал руками плавные, утешающе-умоляющие жесты:

— Какая расписка, геноссе? Мы же доверяем друг другу? Мы же не в Белом доме, где одни бумаги и ложка?.. Да, и у бумаг тоже своя судьба. — Он полез в карман, не глядя вытащил ещё одну сиреневую купюру. — Вот, на ней «500 евро» напечатано, и все её с уважением трогают, щупают, видите, какая она новенькая... — («Да, шелушится...») — Красивая, все с ней аккуратно обращаются, не пачкают, не сгибают, в тепле хранят, не мнут... — («А,

разомни, блин, тунца в блин!») — Из кармана в портмоне осторожно перекаладывают, и эта купюра из гипюра будет жить долго и счастливо, как на курорте, даже если все её хозяева перемрут или убиты, не про нас будет сказано, тьфу, тьфу, тьфу, — сплюнул полковник через плечо. — А другой бумагой задницы подтирают и в клоаку бросают — такая у неё судьба оказалась... Так и у людей... Вот я хочу, как эта банкнота, дожить счастливо и спокойно... — И он, перегнувшись через стол, сунул деньги в мой нагрудный карман: — Купите на эти деньги что-нибудь хорошее, нужное для вашего дедушки и бабушки в Альпах... Когда я приеду, я обязательно должен с ними познакомиться... Есть у них хозяйство? Овцы, куры?

— Овцы-куры нет, пони есть... Эта пони влюблилась в козу, эдакий день у забора... после забора... смотрит на козушку...

— Скажите пожалуйста... Пони! До свадьбы — все кони, а после свадьбы — пони, хе-хе...

Всё казалось милым, понятным, близким, добрым, ну а полковник, майская роза, и подавно... недавно... нет, уже давно друг... А его крики, шумы и гамы — это только звук, фойерверк, как на вывеске... Надо бы им сказать, что надо говорить «фойерверк», это от «фойер», а не от «файер», как кто-то утверждал... хотя кто его знает, оба слова похожи и оба подходят... Рассказывал же кто-то недавно в университете, что, когда начался пожар в доме, где жило много эмигрантов, старуха-афганка бегала по этажам, кричала вместо «фойер» — огонь — «файер» — праздник, — и все думали, что она так бурно рада какому-нибудь своему Рамадану, пока дым не повалил клубами и люди не погибли. Вот что может сделать одна буква, один звук!

А полковник крутил надо столом руками:

— Прошу, геноссе, айн штюк мцвади... — потом вытащил зазвеневший телефон и начал говорить на своем тайном языке (а я рискнул включить в кармане дикто-

фон, кашлем перекрыв щелчок, чтобы дать Вам потом послушать эту удивительную фонетику): — Им кацзе хо гитхари... давехмареби, аба рас визам... ромэл сабажозе дачерилиа саконели?... Карги, даврекав манд, вкитхав, маграм ас процентс вер гарантиреб... манд упулод арапери кетдеба, мэ вици да шен ици, хо, рогорц хвелган, аба ра, диди мафия, криминалури сахелмципо...¹

Он говорил, я тихо сидел, и мысли вдруг скорбно потекли в обратную сторону. Зачем я нужен органам? Может, я нужен органам на органы?.. Дали три тысячи, чтобы пока молчал, не дрыпался... как поросёночек перед резкой... Разрежут, продадут. Вот Хорстович говорил, тут целый конвейер работает, по всему миру почки-печень рассылают... Нет, вряд ли... Алкоголем бы не поили, печень не портили... Раз-раз — и в кутузовку...

На ум пришёл (и добавил печали) рассказ Виталика, что теперь мафия новое придумала: ищет бомжа, у которого лицо когда-то было солидным, берет его с лежбища, моет-кормит-одевает-объясняет, что он нужен для каких-то афер с ювелиркой или банком — зайти, сделать вид, что-то подписать; берут его с собой несколько раз в город, с людьми знакомят, чтоб видели — друг, а потом на какой-нибудь генеральной разборке эффектно убивают — в назидание другим: вот, мол, какие мы крутые и справедливые, ничего не прощаем, даже друга в земной элемент превратили за измену, а других вообще всех порвем, как тузик — шузики... Может, и меня так хотят, того?..

А что, я иностранец... Заставят на эти три тысячи костюмов закупить — а потом, после уборки, того... Пока начнут искать... Да и кто искать будет?.. Тот же полковник или его друзья, джипиты... джипишники... джиповоды...

¹ Насчет того человека я же сказал... помогу, а как же... на какой таможене товар стоит? Хорошо, позвоню туда, спрошу, но сто процентов не гарантирую... там без денег ничего не происходит, я знаю, и ты знаешь, как всюду, конечно... большая мафия, преступное государство (*груз.*).

они и будут, в ночную смену, квазиискать, но никак не найдут... Органы вырежут, паспорт сожгут или продадут, труп заркоут... где-нибудь у этой вот Окочуриной на свалке, ищи-рыщи... Или, может, полковник — богатый гомосексуалист и подбирается ко мне такими путями?..

Но это предположение развеялось, когда полковник, закончив беседу, поинтересовался:

— В бане были? Нет? Обязательно надо, с девочками не старше 16... Ничего, успеем. Кстати, вы считать хорошо умеете?

— Не вопрос.

— И с компьютером хорошо? Можете искать, заказывать, работать со счетами онлайн, посылать, принимать?

— Чисто! Я на лекции... экономику посещать... наш процессор говорит «филолух с голоду пожух»...

Полковник допил из бокала темно-красное вино.

— Превосходно. Вот первое задание — можете спокойно, не спеша, подыскать по Интернету домик в Альпах? Цена — до полумиллиона, ну, в крайнем случае, до миллиона... Евро, разумеется, кто сейчас в долларах считает, про рубли вонючие и не говорю...

— Но вы же должны смотреть? — («Вот странно — дом... смотреть не надо?..») — Я, конечно, могу.. искать, вам линки посылать...

Полковник вынул из кармана фотографию крепкого подворья, фахверк, с круговым балконом, зеленью, деревьями:

— Вот типа такого, знаете, в народном стиле, двухэтажный, с балконами... Вот такого вида... Я ещё в детстве, в учебнике по географии, такой дом видел и очень хотел в нём жить... Вы поищите несколько вариантов, а я, конечно, приеду, посмотрю... Может, на вас оформить придется... Вы не против?..

Я пожал плечами — мне уже было всё равно, почему нет?.. И сообщил, что у дедушки Людвиг — примерно такой дом:

— Только без хлева — после войны свинину не ест...

— Скажите пожалуйста? Он что, в Сопротивлении был?

— Нет, наоборот. Неважно.

Мне стало трудно говорить. От коньяка с вином укачивало, как в поезде, слова полковника бухли и бухали в голове, стучали, как колеса:

— Я — пока — тут — еще — кое — что — до — де — ла — ю... а — вы — мне — пока — ви — зу — при — шли — те...

Не проблема. Отзвонись и не переживай, зацени любому...

Когда он сказал, что, когда приедет дом смотреть, надо будет снять гостиницу и взять напрокат машину, я вострепенулся:

— Зачем? Я красно вожу... У нас два «BMW»... папа Клеменс... со скидкой... сам могу ехать... ездить... водить-возить...

Он усмехнулся:

— А пели песни — бедный студент... Два «BMW»... Ну, тем лучше... Совсем бедные тоже никому не нужны... Отлично. Любой труд должен быть оплачен. За всё экстра будет уплачено экстра. Ни одна минута вашего драгоценного времени не пропадет. Всё будет учтено.

Это мне очень понравилось, но я решил все-таки уточнить:

— А почему там, Баварские Альпы?.. Там дорого... Вот, говорят, во Франции... Или Монте-Негро...

Пальцы полковника замерли в трагическом изломе.

— Геноссе, я бы на старости лет поселился в Грузии, но обстоятельства таковы, что там я сейчас жить не могу... там сейчас другие люди, другие порядки, другой режим... для меня там сейчас места нет... Хотя, между нами, Грузия идёт вперёд, а эти — назад. — И, видя мое недоумение, он прикрыл глаза, как бы подтверждая свои слова: — Да-да. И если бы не эти... шакалы и тузики... Грузия уже лет через пять-десять была бы вполне как Испания или Швейцария, не полностью, но ча-

стично... уверяю вас. Знаете, кто-то сказал: «Не то странно, что человек падает, а то странно, что поднимается»... Вот и Грузии надо подниматься дальше... У нас населения — мышшь наплакала: 4 с половиной миллиона, из которых полтора — в Тбилиси, где верхушка... Знаете, Платон сказал, что общество состоит из элиты, стражи и рабов. Вот элиты там — немного, семей 30, им хвосты прижать не трудно, не то что в России — иди следи за всеми этими губерниями, в каждой области — свой совет министров, в каждом городишке — свой мэр, инспекторы, сенаторы, губернаторы, ревизоры, силовики, тысячи воров-казнокрадов... Ух, я их мамин гробин крышкин гвоздик ебал!

«А почему вы туда не едете, если там так хорошо?» — хотел спросить я, но, услышав последний пассаж про мамин гвоздик, попытался поймать его смысл за скользкий хвостик, однако полковник как-то печально продолжал, как бы услышав меня:

— Мне туда нельзя. Есть причины... Но, знаете, я недавно не выдержал, тайно переехал через Дагестан, по горам — знакомый начальник милиции помог... Ходил, осматривался...

— Инкогнито? Усы?

Он усмехнулся:

— Да, всё... И был поражён... Все всё пробивают через кассы!.. Дают чеки, сдачу... Старушка на улице мне продала семечки и провела это через кассу, которая стояла тут же, в подворотне!.. А когда я спросил, что это, она ответила, что много крови пролито было, а теперь все должны жить честно и платить налоги... Ну и вообще... Всё другое... Очень был удивлён, никогда бы не подумал... Любой народ после большой крови меняется: агрессивные, активные погибают или разбегаются, остаются податливые, покорные и тихие, вот как у вас в Германии случилось после краха... Но я туда ехать не могу, как ваш дедушка Людвиг после войны... Как в опере — чао, чао, сын!..

Откуда он знает про то, что дедушка Людвиг после войны прятался в горах? Я ему этого, кажется, не говорил... А может, и говорил — мало ли там в кабинете я молотил и молол, идиот радостный!.. Язык надо держать на цепи, а то до Саратова... нет, до Харькова доведёт...

Полковник пошевелился, поменял позу и тему:

— Да... Альпы — горы, значит, будут напоминать Кавказ... Еще попрошу вас узнать, в каких европейских банках дают самые высокие проценты на вклады... не хочу эти Кипры и Кайманы, не доверяю никому, кроме немцев...

— Реально. Люксембург. Монако. У меня друзья... экономики...

— Когда будем знать, где выгоднее всего, я привезу наличность, и вы поможете положить её в банк... Тут я даже в банк сдать деньги боюсь: придёшь утром — а банка нет, или банк есть, но нет директора со всеми активами...

Я мотнул головой: «Красть-положить...» Спрашивать, как он будет везти-возить, я не стал — зачем? Меньше знать — больше спать... Нет... Больше спать — меньше знать... Много знать — совсем не спать...

Худые лакеи в странных балахонах принесли еще что-то такое, от чего шел вкусный пар. Я остолбенело попробовал: разварное мясо с какой-то сразумасшибательной подливкой.

— Это горячее как называется?

— Хашлама. Говядина. А подлива — ткемали, наша национальная гордость, из слив. У вас сливы есть?

— А, кемали... Конечно... подсливки... — Я думал: «Что это, опять японские фонемы — ке-ма-ли... ха-ши-ли-ма... хи-ро-ши-ма... хаш-хаш...» — а потом вспомнил:

— А хаш — разве не армянский суп? Мне сержант говорил...

Полковник поморщился, подцепив кусок мяса с луковым ободом:

— Кто, Сапок говорил такую глупость?.. Да он в еде — как лошадь в мандаринах... всю жизнь, наверно, одну вермишель ел... Чмо!

— Чмо — это кто такое?

— Хрюшка, что хрюкает... Здесь же как? Лишь было бы что «пожрать», а что и как — второе дело... Щи да каша — пища наша, сами признаются... Никакой культуры застолья, скажу я вам по секрету, одно подстолье, я уж навидался на банкетах генералов в блевотине и полковников без штанов... Научились от нас готовить самое легкое — шашлык... Значит, Сапок говорит, что хаши — армянский суп?.. Нет, хаши — это наше всё! А армянская кухня — еще хуже русской: всё через ситечко протерто, как для беззубых... Значит, наша еда понравилась?.. Первый сюрприз удался. Договор мы заключили, это второй сюрприз. — Он протянул руку, я безвольно пожал её. — Ваши данные у меня есть. Будем на связи. А вот с третьим сюрпризом — загвоздка.

— Где гвозди?

— Сюрприза не вышло. — И он достал из пиджака фотографию: — Вот — это она, ваша Маша. На самом деле — Наталья Снулова. Я вчера послал ребят проверить, они её по базе нашли, сфотографировали... Спросили, почему обманывает людей и телефон отключает. Стыдно, говорит, стало, я по Интернету писала, что мне 20 лет, я красавица, а тут — сами видите... Дарю! — Он протянул мне фото «поляроида»: в неубранной комнате стоит босая и растерянная женщина в спальной рубашке, лет сорока, с жидкой волосатиной на голове... «Как невестка Ивана Страшного в темном коридоре!» — Хотите поехать к ней в гости? Пожалуйста. Адрес есть.

— Нет, спасибо великое, реально не хочу. — Я спрятал фото в карман («Хорстовичу в картотеку С»), отчетливо понимая, отчего у Маши горели уши... Ну, не переживай, Фредя!

Полковник всё понял и спросил:

— Не голодны, геноссе?

Я не мог даже отнекиваться — так был забит под тюбетейку.

— Может, поедем в баню, к девочкам? — предложил полковник, окончательно развеяв мои сомнения в его гействе и мельком глядя на часы. — Хотя времени в обрез. А хотите, поедем к вашей знакомой — Алке? А, геноссе? Позвонить?

— Не проблема реально! Эдакое бюстье, где? Борделье?

Мне было весело, уютно и вообще всё равно. В кармане лежали три тысячи, в кармашке — еще пятьсот. Их бы на кафедре я мог заработать за полгода... Я хоть и альтернативный, но немец. И нас правильно называют не жадными, а расчетливыми. И те расчеты, которые я с трудом произвожу сейчас в уме — в пользу того, что с полковником вполне можно — и нужно — иметь дело... *Wasum nicht?*¹

А полковника интересовало, боятся ли в Европе русских, как прежде:

— Ну как раньше у вас в газетах шаржи рисовали: варвары, дикари, монголоиды в фуражках с кокардами Красной армии?

На это я ответил, что сейчас этого нет, и русские, что мыкаются по Европе, — в основном, к сожалению, воришки, лгунишки, драчуны, пьянчуны, сиделки, уборщицы, дневные и ночные бабочки — большой опасности для бургеров не представляют, хоть и сильно раздражают... А что о них думают европейцы, я не знаю, но зато знаю, что европейцы о себе думают, будто они самые умные, — это мне точно известно, не раз слышал.

— А что, не правильно разве думают? Кто всю цивилизацию двигает? Руссоиды только разрушать горазды и чушек-таджиков притеснять, — уверенно ответил полковник и спросил, правда ли, что жену бывшего канцлера Гельмута Коля Ханнелору изнасиловали вкруговую в своё время бойцы Красной армии.

¹ Почему нет? (нем.)

Я этого не знал и предположил, что это, наверно, сплетни, но он рассказал — со слов одного старого кагебешника, — что жену Коля 12-летней девочкой в последние дни войны изнасиловала группа солдат Советской армии, а потом ее выбросили с третьего этажа, как мешок с дерьмом, но она выжила и с тех пор ходила в корсете и не могла переносить запахов мужского пота, чеснока, алкоголя, а когда слышала русскую речь, у неё начинались рвотные позывы, отчего вынужденное общение с женами российских руководителей было для неё тягчайшей мукой; в конце концов у несчастной женщины развилась аллергия на свет, она сошла с ума и покончила жизнь самоубийством, приняв лошадиную дозу морфия в тёмной комнате без окон...

Вдруг я увидел, что в ресторане — с блондинкой в кожаных сапогах до колен — появился тот конь из бюро, с серебряной серьгой... что сдал меня Антоше, тот — капитану, капитан — полковнику...

— Это он, сволочун! Проклятник! Гаддюра! — стал я ругаться — вино вдруг подтопило ноги и забурлило внутри.

— Кто? Кого вы увидели? — всполошился полковник и принялся энергично оглядываться.

— Вон, тот! Серьга теперь диамантовая, а в бюро была зильбер... фу-ты, ну-ты, такая... Из бюро... всю эту бердыбелу обтесал... бухты-барханы... Вон на той машине, — показал я на окно, где был виден сверкающий лимузин, из которой этот тип только что выгрузился.

— А, этот... Знаю, из бюро миграции! Зализняк, кажется... Или Оболдихин... Знаю, мой район... А ну подошёл сюда! — громко позвал полковник.

Тип с серьгой вздрогнул:

— Я?

— Да, ты. Меня знаешь?

— Как не знать, Гурам Ильич?

— Почему в рабочее время по ресторанам со шлюхами на лимузинах раскатываем?..

— Это моя жена...

Полковник пропустил это мимо ушей и закричал:

— Ты в декларации сколько дохода показал?.. А это что я в окно вижу?.. А? Марш на службу!

Тип ошарашенно ответил:

— Слушаюсь! — и непонимающе перевёл взгляд с полковника на меня (меня он, конечно, вспомнил и теперь силился увязать нас тут, вдвоем).

— Я кому сказал! Вон отсюда! — Притопнув ногой, полковник пошарил рукой по воздуху, как будто ища камень, чтобы отогнать собаку. — Пошёл на хер! И завтра мне справку, на какие деньги «ягуар» куплен...

— Вась, пшли отсюдава, — сказала блондинка в спину мужу.

— И серьгу дурацкую снял, положил сюда! — Полковник указал на стол. — В рабочее время, в госучреждении... совсем с ума посходили... Педиками все заделались?

— Вась, отдай, пшли, не связывайся! — шептала в спину жена.

Тип нервно выкрутил из уха серьгу и, положив её на стол, молча быстрым шагом удалился, жена возмущенно зацокала за ним. А полковник, не обращая внимания на усиленное внимание с других столиков, взял серьгу и облил её из флакончика:

— Уксус всё чистит... — а я сказал:

— Надо с ухами резать-отрежить... в кино так сделают всегда! — на что он улыбнулся:

— О, вы начинаете понимать предмет! Пока с него достаточно и этого... на «ягуарах», понимаешь ли, разъезжает в рабочее время... — Он протянул серьгу мне: — Вот, сувенир из Москвы, вместо матрешки... Серьга врага из рук друга!.. Геноссе! На память! В залог нашей дружбы! Битте!

Разве я мог не взять? Не мог я взять?.. Взять я не мог?.. Тем более — омытую в уксусе, ушиный панкреатит не грозит... Да я и не собираюсь носить её... так, на стену, на память... Я бросил её в карман.

— А вы, Ильич Гурам, у них всё контролирен? — Вино изрядно грело изнутри, несло по своим лукавым лабиринтам.

Он быстро ответил:

— Тут хаос, тут нет одного контролёра, тут их много, и все в деле... кто успел — тот и съел.

«Кто съел — тот молодец, тому стадо овец» — понял я, вспомнив Сороса из телевизора: «Кто съел — будет жрать и дальше, таков закон».

В ресторане стало редеть. Какие-то люди прощались с полковником, он их напутствовал («удачи», «всё будет хорошо»), шутил («берегите только себя и своих близких, на остальных наплевать, ха-ха»), почтительно привставал («всего самого доброго, Василий Спиридонович»). Ему тоже отвечали, а лысое толстое «растение»-депутат, больше похожее на беременное насекомое, пробубльвало в ответ что-то маловразумительное (причем из пяти слов три явно содержали корневые сочетания «ёб»-«еб»), на что полковник вскинул руку:

— Хайль, майн фюрер! — отчего я по привычке испугался, но тут же вспомнил, что я тут сижу с милицией и что в Москве это не запрещено, а, наоборот, даже принято, и Гитлеру, кажется, даже где-то в новых районах памятник поставили.. да-да... или его именем проспект назвать хотели?.. Не помню, в «Бильде» читал... Виталик же говорил — есть наци, есть фашисты, не такие, как Исидор, а настоящие... Купят место в Думе, внесут закон, поставят, потом не вынесешь...

Лакеи притащили на подносе стаканчики и виноградную водку — «для пищепереваривания», как объяснил полковник. Похоже на наш шнапс, я решил показать, что тоже не лаптем шит, выпил сразу три...

...Сквозь бессловесную пелену до меня в образах стало доходить, что я опьянел, уже трудно адекватно понимать слова, идёт разлад грамматики, потом будет

распад фоном, вплоть до мычного молчания, когда нет уже сил издавать членовредительские звуки. Шнапс с вином — это такой-эдакий бином.

— Что, нравится? — радовался полковник. — Пальчики оближешь! А то некоторым не нравится, говорят, что чача вонюча, как моча...

Я попытался взять себя в руки, но эта была сильнейшая водка. Наложившись на вино и вкравшись в душу, она всё гнула и гнала меня куда-то в стороны, а полковник объяснял, что водка называется «жишитаури», в ней ровно 85% и гонят её горные сваны-гномы из камня, к которому был прикован Прометей... Я на всё соглашался — как не верить?.. У нас в Баварии тоже во всех домиках — гномики... И если локти не оближешь, пальчики кусать трудно будет!

Еще полковник что-то спрашивал о горах — умею ли я кататься на лыжах, какие курорты в Альпах, сколько там стоит ресторанчик купить, бордельчик открыть и, главное, — поют ли еще тирольским пением: оказывается, что и в Грузии, в горах, это принято, и он очень это пение любит.

Я задумался — чем объяснить, что именно в горах тянет петь фальцетом, а не в пустыне, например, или в саванне, где негры так противно вопят и себя по ртам ладонями щелкают?.. Я слышал на сафари... в сари... Может, в горах мороз и они просто визжат от холода?.. Или от страха?.. Но зачем ему Альпы?

— А зачем вам... Мансур Гурамыч, Германия? — спрашивал я. — Там очень тихо без солнца. Европа — у-у... холодно... анемика... аморфика... а русские активные, жизнеобработанные... в Кении тоже... рога... народ веселенький...

Он смеялся:

— Лучше в тихом раю сидеть, чем в громком аду!

Но я заупрямился, стал доказывать, что немцы не только скучны, но и примитивны, поэтому обожают три

занятия на свете: ходить в походы по горам, пить пиво — обязательно той земли, где стоит эта гора, — а потом петь на вершине этой горы хором песни, обязательно той земли, где стоит эта гора и где варят это пиво. У меня лично волосы вздыбом встают от таких маршей. По словам Бабани, такие марши вопил иногда пьяный дядя Пауль из подвала, отчего выли собаки во дворе, а соседи закрывали окна и ставни.

Но полковник подвижными руками уложил по краю стола невидимый ряд:

— Всё логично. Все эти три занятия легко укладываются в одну схему: «поход-пиво-песня». Патриотично! Это их национальная идея. У русских тоже есть своя — «бабки-баня-борщ», каждому своё... Ничего, они пусть идут и поют, а я буду сидеть на балконе своего дома и слушать! А не захочу — войду внутрь, закрою жалюзи.

— А, джакузи с жалюзи... Да, но зачем... восток... крестonosцы... крестцы... Гроб Господень... В Альпах вскоду вонюет навоз...

Полковник усмехнулся:

— Там хоть только воняет, а тут сидишь в дерьме по горло — разница есть?

Потом я замолк и как будто протрезвел, потому что с ходу напоролся на острую мысль — зачем я его отговариваю?.. Если он отговорится, то ведь и деньги заберёт... А их отдавать очень не хотелось... И не потому, что жадность, а потому, что расчёт — на них можно купить новый ноутбук, с Элизабет куда-нибудь съездить... И не надо папу беспокоить-побеспокоить-обеспокаивать...

На глаза вдруг попалась плюшка с баже, я окунул в неё палец, обсосал его и понял, откуда появился боже — боже вылез из баже! Боже жил в баже!

Полковник, внимательно осмотрев меня, подозвал лакея и велел ему запаковать всё, что осталось.

— У меня там конь не кормлен... ждет, — объяснил он. — Если есть нетронутые хинкали с тарелок, их тоже положите в пакет, он потом пожарит...

— Нет, — грозил я ему грязным пальцем в бажевых бежевых разводах, — у вам... с японцем... общая корень.. один лингвообъект... ив... — на что полковник широко показывал рукой куда-то под стол:

— Мой корень в три раза длиннее и в два раза толще японского... У японцев алкоголь не расщепляется, а у нас этих глупостей нет — пей каждый тост полным бокалом до дна, делай, что тамада велит, — и всё будет тип-топ!

— А, та-ма-дааа?!.. Хайка?.. Хуйка?.. Окинава?.. Где проблема? — кричал я, а потом стал спрашивать у полковника, как называются детородные органы по-грузински (это главное в языке). Название мужского органа я не смог даже произнести, таким оно было хлестучим и могучим, как меч, горловые резкие абруптивы... А вот от нежного женского названия пришел в восторг, был сражен: оно звучит почти как наше немецкое «Mutter», надо только чуть-чуть окончание па-ла-та-ли-зо-ва-ть... Это совпадением быть не может!.. Здесь явно большая лингвоприцепка!

Вконец отяжелев, я хотел полезть в карман, расплатиться, но полковник сделал строгие глаза и тихо, но отчетливо прошипел, как на сержанта:

— Сссспрятать! Сейчасссс жжже! — и добавил, помягче: — Всё в порядке. Орднунг мус зайн!¹ Они еще мне платить должны, что я их гадюшник курирую... Ух!.. — И он сжал кулак, неожиданно увесистый и круглый.

Увидев кулак, я с трудом поднялся на ноги — мне показалось, что полковник хочет бить меня, или других, или всех... мое мировлюбие... кулаком не позволю вертеть-повёртывать!..

— Ильич! Тут подполье... резистанс... Лапшу вокруг пальца... за уши подвесить... японский пень-пеньской... — понесло меня в сторону вместе со стулом и безответным вопросом; посыпались звоны и скрежеты; руки подхватили, не хотели слушать, как я могу петь фальцетом: —

¹ От Ordnung muss sein (нем.) — порядок должен быть.

5. 24 сентября 2009 г.

Уцветали яблоней и грушей... Шостакович... Частокочич... а ху-ху... хо-хо... Частокочович... бей, да посильней... шею пудрить... мозги мылить... куч-кач... хаш-лаш... кач-куч... муттельшпайхер!..

Помню еще потолок милицейской машины, две бутылки пива, которые сержант велит мне приложить к лицу, чтобы освежиться, а я безуспешно пытаюсь открыть их ногтями...

• БЕСЧИНСТВА •

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидевши эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товары и деньги. Въехал великий князь, за ним — опричники, я тоже был среди них. За нами волокли 300 человек осужденных на казнь. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Великому князю не понравилось это, он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать кто с чердака, кто из погреба и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» — закричал великий князь народу. «Будь здоров и благополучен! — закричал народ. — Преступникам и злодеям достойная казнь!»

Тогда великий князь велел всех казнить мучительным образом, причем почти каждому была придумана особая казнь (а жены и дочери казненных были потоплены, перед тем подвергаясь изнасилованиям и поруганию). Вначале он умертвил до 130 начальников, из которых

каждый судил и рядил по старине. Иван Висковатый держал в земщине печать; Микита Фунтиков был казначеем. Ивану Висковатому отрезали сперва нос и уши, потом отсекали руки. Микита Фунтиков был привязан к столбу на торгу и был обливаем то кипятком, то холодной водой; так его сварили живьем.

Ивану Петровичу Челяднину, обвиненному по ложным свидетельствам в измене, было приказано взять скипетр и корону, а затем его, трепещущего и дрожащего от страха, посадили на высокий трон. Обратясь к нему, великий князь сказал: «Здравствуй, непобедимый цезарь руссов, вот я тебя, наконец, вознес на недосыгаемую вершину величественного царского достоинства, которого ты так горячо добивался. Но ты будешь царствовать недолго». И, не говоря больше ничего, тотчас же пронзил несчастного старца острым копьём. Затем помощники безжалостно изрубили труп убитого. И ничего не осталось в семье и в доме этого человека — ни людей, ни животных, за деревянной оградой было заперто 300 человек и, после закладки пушечного пороха, подожжено. Покойный оставил беременную жену и незамужних дочерей, которых опричники, прежде обесчестив, растерзали на части.

Тогда же были разорваны раскаленными клещами князя Никита Романович Одоевский и Петр Куракин. Боярин Иван Бутурлин был главоотсечен и погребен в убогой яме. Повешены несколько окольных, в числе — дядя и брат одной из бывших цариц, Марфы Собакиной. Князь Борис Тулупов был посажен на кол, и перед глазами его с варварским бесстыдством истязали старую мать его.

Был тогда же великий голод; из-за кусочка хлеба человек убивал человека. А у великого князя по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода, а собаки пожирали их трупы.

К тому же всемогущий Бог наслал еще великий мор — чуму. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался, и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; и многие живые из семьи умершего умирали в этих заколоченных домах. Все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было, — с повозкой, седлом и уздечкой. Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками. Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу. По большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно молились, чтобы Господь смилостивился и отвратил от них чуму.

Потом в чуме объявили виновным слона и араба. Дело в том, что великому князю был подарен слон вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое жалованье. Это подметили русские бражники, т.е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и зернью играют. Из-за денег они тайно убили жену араба, а сам араб был ими оклеветан и оговорен вместе со своим слоном, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкий. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи крестьян и посадских. Слон стоял обычно в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле. Там его и добились камнями; выбили у него клыки и доставили великому князю и доказательство того, что слон действительно околел.

Великий князь разделил Москву на две части. Себе он взял незначительную часть, а город и кремль он оста-

вил земским, но всякий раз, когда великий князь брал в опричнину какой-либо город или уезд, он отписывал себе в опричнину одну или две улицы из пригородных московских слобод. Так убывали в числе земские — бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более. Иногда великий князь «перебирал» уезды, после чего опричники отбирали от земских их вотчины и всё, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им что полюбится.

Князь или боярин, не включенный в опричный список, заносился в особый список, который пересылался князю Ивану Дмитриевичу Бельскому и прочим земским боярам, с тем чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко.

Через Москву протекает река Неглинная в один фут шириной и глубиной. Ручей этот и был границей опричнины и земщины. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видывали, он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они не скоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских.

Если опричникам там, где их имения и села граничили с земскими, полюбуется какое-нибудь поле или лес, луга или пруд, то они выкапывали рядом два рва: один — в 2 сажени длины и ширины, и это были владения опричнины; другой — в 1 сажень длины и ширины, и это отходило к земским.

Все крестьяне страны имеют в Юрьев день осенний свободный выход. Они принадлежат тому, кому захотят. Кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех эти последние вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились или сжигались и крестьянские дворы.

Много богатых торговых людей, бояр и богатых гостей из земских, те, что не служили на войне, закладывались — вместе с вотчинами, женами и детьми и всем, что у них было, — за тех опричников, которых они знали; продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: «Мы не можем держать вас дольше; вы же знаете, что мы не можем общаться с земскими, что это противно нашей присяге. Уходите, откуда пришли!» И земские должны были еще Бога благодарить, что ушли непобитые!

Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказания; говорили, будто бы великий князь указал убить того или другого и из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя.

Начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Ночью приходили туда, где можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей их наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, и работники, и служанки, и простолюдины. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки и малые опричных князей и дворян! В силу указа все считалось правильным.

Началась смута. Многие рыскали шайками по стране якобы из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били насмерть людей и жгли дома. Захватили они много государевых денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было.

Тоже и поляки делали такие маскарады, охотились по границам — например, комендант в одном из городов

Лифляндии, Александр Полубенский, отправился вместе с 800 поляками, переодевшись опричниками. При нем было трое русских служилых людей, сбежавших от великого князя: Марк Сарыхозин и его брат Анисим; имя третьего было Тимофей Тетерин; (в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю Сигизмунду). Итак, комендант подошел к Изборску, а Сарыхозин закричал воротнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Ворота были тотчас же открыты. Так врасплох захватили поляки Изборск, однако удерживали его не долго и сдали его русским опричникам, которые дограбили город дотла.

Многие опричники (и не опричники) отправились на остзейское поморье с подложными наказами, принялись переписывать по посадам всех богатых купцов и девушек — дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка, будто бы она некрасива. А та, что и в самом деле была дурнушкой, должна была идти за красивую. Так заполучали они деньги.

Видя все это, великий князь по всем пограничным замкам и городам разослал указ — не впускать никого, если кто придет как бы из опричнины. А сам принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей Басманов и его сын Федор, с которым великий князь предавался разврату, были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике! По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь. Князь Михаил, сын Темрюка из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зобатый сожжен в бочке с маслом. Петр Швед — повешен на собственных воротах пе-

ред спальни. Князь Андрей Овцын — повешен в опрочнине на Арбатской улице, вместе с ним была повешена живая овца. Маршал Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя — и был убит, а сестра его изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Уновский, по отсечении рук и ног, был живьем спущен под лед. Григорий Грязной был сварен в котле, а его сын Микита сожжен. Его брат Василий был взят в плен татарами. Писец и дьяк Постник Суворов был убит прямо в Поместном приказе. Дьяк Осип Ильин был позорно казнен во Дворовом приказе.

Всех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро или деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех сразу убивали где ни попадя — и у церквей, и на улицах, и в домах — во время сна или бодрствования, а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидула, в ней указывалась причина казни. Записка эта прищипливалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в острастку народа — все равно, был ли казненный прав или виноват.

На великого князя были обижены также торговые люди — как русские, так и из других государств, постоянно торгующие в его стране.

В своей стране великий князь не терпел рядом со своими торговыми людьми никаких других, кроме тех, кто торговал у Нарвы с немцами, французами, англичанами и со всеми заморскими и кого он указывал обогатить — одного больше, другого меньше, по своей воле.

Что касается до торговых людей чужих стран, то турчанин купец Чилибей был отослан из Москвы; за товары, которые взял от него великий князь, ему ничего не было уплачено; он должен был удалиться в опале без снисхождения, хотя люди его страны пользуются правом покупки всех пленных, которых русские привозили из Литвы или Польши, а также и из Швеции, равно как

из Лифляндии и других окрестных стран; турки вольны разводить их по своим и чужим странам.

Некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя.

Из Персии шли англичане, которые приезжают к Холмогорам. Как только подошли они к Волге, явился русский станичный голова со своими стрелками, якобы в качестве провожатых и охраны от черкасских татар и нагаев, от луговой и нагорной черемисы. Это предложение пришлось англичанам по душе. И голова со стрельцами вступили на английский корабль, нагруженный пряностями и дорогими шелковыми тканями, ранили нескольких англичан и повернули корабли к себе.

От английской компании великий князь отобрал в свою казну много денег и добра. Королева послала спросить у великого князя — почему он так поступил. А великий князь отвечал послу так: «Опальные деньги не отдадут», — и этого ответа никто так и не понял.

Герцог Август курфюрст послал великому князю с бюргером из Лейпцига, Каспаром Куником, набор хирургических инструментов; все было искусно сделано и позолочено. И Каспар Куник не получил от великого князя ничего. Денежный мастер из Ревеля Пауль Гульден прибыл в Москву с драгоценностями, и от него они были отобраны.

Когда в Москве заключалось перемирие с Литвою и послы пришли к великому князю, он стоял у окна с жезлом в руках и громко закричал: «Поляки, поляки, если не заключите со мною мира, прикажу всех вас изрубить в куски!» Взявши у одного из литовской свиты соболью шапку, он надел ее на своего шута, приказывал ему кланяться по-польски, приказал изрубить приведенных ему в подарок лошадей, а потом во всё время пребывания послов топил татарских пленников.

Но я слышал, что великий князь недавно получил знамение. Трое мужчин и столько же женщин отправились в соседний лес за дровами. Когда же вечером, в су-

мерках, они возвращались домой, то услышали голос: «Бегите, москвиты!» Когда же, устрасясь этого, они пустились поспешно бежать, то из воздуха упала на землю, в снег, большая мраморная глыба (подобная тем, которые у немцев и других народов употребляются для надгробных камней). И падение ее сопровождалось ударом молнии, причем глыба ударилась не с большой силой, а легла так, как будто бы нарочно была кем-либо положена. На этой глыбе было начертано неизвестными и неотчетливыми письменами какое-то изречение, надгробная надпись. Когда камень низринулся, упали мертвыми все трое мужчин, а тела их пролежали на земле несколько дней без всякого смрада и разложения. Даже и женщины, устрашенные столь невиданным событием, пали ниц, но вскоре оправились; когда же они заметили на снегу капли крови, то со страхом поспешили обратно в город и, прибыв туда ночью, с громкими воплями возвестили о случившемся.

Сам великий князь пришел в волнение и, в сопровождении митрополита и сыновей, отправился за город и увидел обрызганный кровью снег и камень. Пораженный зрелищем, он тотчас спросил, что означает это дивное явление. Так как все терялись в догадках, то он повелел митрополиту растолковать неизвестные письмена. Митрополит не без великого страха отвечал, что он этого не знает. Тогда царь приказал на следующий день привести к себе двух военнопленных проповедников из Кокенгузена и Оберпалена, которые прославились своею ученостью даже между варварами, и обещал им свободу и подарки, если они разрешат тайну, написанную на камне. Но так как эти последние также не могли прочесть неизвестные письмена и открыть таинственную волю Божию, но, надеясь истолкованием наудачу получить себе свободу, обратились к царю со следующими словами: «В этом можно видеть погибель страны; посему молчи и помышляй об умилоствлении Бога. Эти знаки касаются твоих народов и твоего царства».

Михаил ГИГОЛАШВИЛИ

Услышав столь неблагоприятный ответ, великий князь тотчас же созвал своих помощников и повелел им разбить камень в куски; вскоре потом он уехал отсюда, помышляя человеческими мерами воспрепятствовать совершению грозных судеб.

6.

25 сентября 2009 г.

День с Алкой. Стоян.
Вечер в ресторане

• ПОЖАР •

Утро я почему-то встретил бодро — не боялся открывать глаз, не боялся их снова закрыть, как обычно, когда Бабаня будила меня в гимназию: «Вставай! Разве ты девочка-соня? Ты мальчик Фредя... утром все зверята и мышата умываются... пора... Вставай!».

Она говорила — «вставай», несовершенный вид. Почему?.. Ей же нужен был результат, чтобы я «встал», а не процесс — «вставай»?.. Когда я спросил как-то об этом, Бабаня сказала: «Говорю так, потому что люблю тебя и не хочу, чтобы ты вскакивал, как угорелый, а хочу, чтобы ты сам... как умный мальчик... вот, надел бы трусики... нет, гольфы потом, вначале трусики, потом штанишки... чтобы сам умел одеваться — не спеша, аккуратно, как подобает хорошим детям»... Вот сколько в этом маленьком суффиксе «ва» добра и ласки!..

Да, именно — не спеша, не торопясь. Это — путь печи... и правильно... Говорили же арабы в Израиле на базаре (а гид переводил), что спешка — от дьявола, а спокойствие — от бога... А полковник бы сказал: «А ну, встал, оделся, вышел!» — как он говорил Сашку... как все они говорят... довольно грубо, если не по-хамски... всё с приказом... Что значит — «встал, вышел»? «Встаньте, пожалуйста, и выйдите, если можно», — вот как цивилизованные люди говорят, а не так — злым голосом, с волчьим

придыханием, с хамским нажимом: «А ну встааал... одеселся... я сказааал!»

И какую противную байку про бога рассказывал полковник вчера в машине... Я хоть и лежал сзади, а всё слышал... и слушал... Когда бог сотворил Адама, ему надо было сходить в туалет, и он оставил Адама лежать одного. Тут вылез дьявол, стал на Адама плевать, блевать, писать, какать и даже мастурбировать... Облил его нечистотами и жижамы и сбежал. А бог устал, ему было лень чистить эту грязь, легче было вывернуть Адама наизнанку, что он и сделал: вывернул наизнанку, спрятал всю дрянь внутрь, и теперь сверху человек чист, а все нечистоты у него внутри спрятаны и только иногда наружу вылезают, когда он контроль теряет... «Потом бог пару раз пытался вывернуть Адама, но уже не получилось...» — добавил полковник из тряской темноты...

Мысли закудрявились вокруг полковника... конец вечера запудрен... Где паспорт?..

Осмотр карманов был позитивен: всё как будто на месте. Вот паспорт. Вот сиреневые евробанкноты, каких я и в Германии редко видел. И эта, пятьсотеврочная, в кармашечке клифта, для дедушки полезное купить, тоже на месте — выглядывает пёстрым глазком. Значит, всё это реально, не шутики...

Я рассматривал деньги, а в голове шлёпали какие-то звуки — шури-шари, шери-шири, шори-шури... перестук бокалов... тугие заушины... боже из баже... Значит, вчера я согласился быть у полковника секретарём?! Найти дом, счета вести, операции... Этого не хватало. Зачем мне это? Это всё явно опасно... И если Генрих фон Штаден тут прижился, то он был аферист, а я лингвист... Но там, в Германии... Почему бы не помочь?.. Я же за его хваталово-заборово не отвечаю?.. Он просит, чтобы я что-то со счета снял, что-то положил... ну и что, сделаю, где проблема?.. Разве запрещено помогать-помочь иностранцу вести счета?.. Где это написано? У нас в Мюнхене полгорода с русскими миллионерами

шахер-махеры делает — русские на всё согласны, лишь бы деньги спрятать, им наши налоги и правила до абазура... А если что-то нельзя будет сделать-сделать — скажу, что нельзя, и точка...

Дом в Альпах найти — тоже не проблема, только Интернет открыть... Недавно дедушка Людвиг, ругая правительство, говорил, что многие продают дома в горах — не могут содержать, всё стало дорого, перебираются куда-нибудь в города, поближе к детям.

А еще лучше это русским студентам перепоручить, перенанять их, они вечно заработок ищут. У нас полкафедры математики — из бывшего Союза, их всех паушально¹ «русскими» зовут — «ди руссен»... «Ди руссен зинд клюг», «ди руссен зинд зер клюг», «ди руссен зинд зер клюг унд кооператив»²...

Я до сих, для просушки мозгов, иногда так тренируюсь Вашим методом... могу и сейчас сказать одну из тех фраз, какие мы по очереди «наращивали» на занятиях: «Человек. Человек любит. Человек любит деньги. Западный человек любит деньги. Западный человек очень любит деньги. Западный человек очень любит деньги копить. Западный человек очень любит деньги копить, чтобы покупать. Западный человек очень любит деньги копить, чтобы покупать на них всё. Западный человек очень любит деньги копить, чтобы покупать на них всё, что душе угодно...» — и так вплоть до «западный человек очень любит деньги копить, чтобы покупать на них всё, что душе угодно и что на глаза попадётся, потому что на Западе за деньги можно купить всё, даже ум, честь и совесть»...

Нужно этих ребят с кафедры попросить, они всё равно день и ночь в Интернете сидят. Они за 50–100 евро быстро всё найдут, а я ему перешлю. Повозить по Баварии гостя из Руссланда — тоже не криминал: сейчас у нас

¹ От Pauschal (нем.) — всё вместе.

² От нем.: Русские. Русские умны. Русские очень умны. Русские очень умны и готовы к сотрудничеству.

все за русскими охотятся... за богатыми, конечно, бедные кому нужны?.. Такие, как старик... Самулович... нет, Самумович... или эта Роза с березы, где сало салят...

Да, но сейчас мыслилось бы прозрачнее, если бы банку пива... А как её купить, на 500-евровую? Может, у портье будет?

Я позвонил вниз и по голосу узнал упитанного портье-мордашку (их было два — один похож на кистеухую кенийскую свинку, а второй — такой пушистый толстюшка, добрый молодец... кстати, это он меня и послал в бюро, Добрынович, хотя сам должен был регистрацию сделать):

— Я ваш стоялец из 15-го места... Случайно, вы не знаете, где можно тут близко евро на рубли... э... размять... порублить?..

— Разменять, что ли? А сколько у вас?

— У меня — пятьсотовая... Ну, пятьсотевровая... евро-пятьсотая...

— Ого!.. Если бы 20 или 50 евро, я бы мог, от себя... Но пятьсот... С этим надо в пункт.

В голове всплыло головоногое в банке.

— Я хочу пить, у меня ничего нет — ни водицы, ни пивца. — Я хотел его разжалобить суффиксами и даже лживо предположил (потому что не хотел идти): — На буфете, наверно, перерыв...

Добрынич пошуршал, позвенел, потом сказал:

— У нас тут есть что-то для себя... Я могу вам до вечера дать. А вы потом разменяете и вернёте. Что вам?

— Всё! — обрадовался я. — Воду с минералами, и сладкую водичку, и пиво, два... две...

— Сами спуститесь?

— А как еще?

— Могу через уборщицу послать, она как раз на ваш этаж идёт...

— Да, было бы самое очень...

— А буяннить не будете? Зубы показывать и по-всякому куражиться?

Я испугался:

— О нет, какое там... курвяжиться... буражиться, нет!
Голова усиленно болит...

Он рассмеялся:

— Ну, раз так... Даниловна,хвати немцу из 15-го два пива и минералку! Вон там, под маленьким столом, в ящиках...

— О, хорошо, спасибо! Я буду ждать-ожидать.

— Кстати, к вам вчера ваши приятели заходили... эти, на фашистов похожие... Что-то забрать хотим в номере, говорят, но их не пустили.

— Спасибо пожалуйста. Это не настоящие наци... они за грамматику... Грамматика — настоящий бог божий...

— Видели их грамматику, свастиками обшитые, — туманно завершил портье. — Хорошо, если что насчёт денег узнаю — отзвоню...

Кому куда что «отзвоню» — я не понял, но подумал, что тут многие так говорят: «отъехал», «отошел», «отзвоню», хотя мы учили, что приставка «от» всегда требует предлога «от» — отошел от дома, отъехал от дерева. А тут просто — «отзвоню»... Звучит как-то неприятно, грубо, по-собачьи... Надо в жлобский словарь занести и почаще использовать.

Чтобы не пропустить уборщицу, я открыл дверь и ждал, в лёгком сквознячишке, когда милая женщина в фартуке, но без укоризны в глазах передала мне пакет с бутылками. У меня не было ничего, чтобы дать «на чай-пиво», отчего стало стыдно, и я заторопился что-то сказать про карточку, которую слопотнул — нет, сглопотал — банкомат:

— Вечером увидимся... я дам... только европатьсоватая...

Она не поняла, махнула рукой, ушла.

Пивом я был изрядно ободрён и, на всякий противопожарный случай, позвонил старику. Тот был дома:

— Самулыч?.. Это я, Клементинич! Фредя!

— Да, Фредя, как вы, оклемались?

— Да, климат хороший... А вы?

— Тоже ничего. Газеты выходят, я продаю, люди читают...

— И кидают... на молочишко... — (Как сказал полковник кобуратому... нет, кобурному? — кому-то в коридоре — «мальчишкам на молочишко».) — Скажите, как мы в последний... крайний раз закончили?.. Это вы меня... принесли в гостиницу?

— Я, а кто же еще?

— А что я... мы вообще делали?

— Вы вначале поспали у меня в ванной, потом решили куда-то ехать, то ли к Алке, то ли к Машке, я не понял и никуда вас не пустил... На шум заглянул Паша, сосед... — («А, в штанузах...») — Вы вылезли из ванны, дали ему остаток денег, он взял у метро... там всегда есть... — («Лучше бы не было».) — Потом вы спорили с Пашей насчет немцев, говорили, что немцы еще мало получили в Нюрнберге, надо было в Сибирь всех загнать, и Сталин еще мало наказал немцев, и Сталин лучше Гитлера, а Паша всё говорил наоборот... Он такой спорщик, всегда против говорит...

— Споритель?

— Да уж... Доспорился... Живот его видели?

— Да пухлый, пухластый...

— Цирроз! Ему пить запрещено, а он квасит и квасит... Потом за ним, слава богу, жена пришла, увела... А мы вышли на воздух, я вас пешочком довел...

— Это как, песочком? По саду?

— Нет, по улице, тут недалеко. Потом передохнул у вас и назад пошёл...

— А я?

— А вы спали уже...

— Значит, вы здесь... со мной... не спали? На кровати?

— Боже упаси, я на стуле посидел, пока вы раздевались и кровать выбирали — то в одну влезли, то в дру-

6. 25 сентября 2009 г.

гую... Да вы ничего были, только в вестибюле немного пошумели, про дядю-опричника... грозили, что приедет, отомстит... И всем свои то ли зубы, то ли губы показывали, чтоб все видели, какие они красивые...

— Какие глупости! — Мне стало стыдно, но Самулыч по-доброму сказал:

— Молодой, с кем не бывает?.. — а я еще раз подумал, какие все эти люди хорошие, деликатные и не делают никаких проблем — у нас бы портье сразу полицию вызвал... или что, старик обязан за мной убирать, что я на косогоре натошнил, хоть это и произошло от его же гриба?..

Старик тем временем поинтересовался:

— Ну что, звонили мадам Земфире?

— Нет, вот хочу. — (При имени Земфира веселая змейка пробежала внутри и тайно свернулась в низу живота.)

— С ней осторожнее... Они все, дамы эти, ночные бабочки, с милицией связаны... Докладывают, что да кто, где да как...

— Понятно... осторожен... А есть... факт?

— Ну, я так, на всякий случай, из лучших побуждений. Всё может быть. Знаете, советские люди всегда боялись всего...

— Сейчас же КГБ нету? Памятник — тютю, воркутю... По «Euronews» показывали...

— КГБ нет, другое есть. Сейчас ФСБ боятся... Раньше вот вашего предка боялись... Что есть — того и боятся... Народ ведь беззащитен, всегда всего боится... По себе знаю... А мы, старики, уж вообще никому не нужны...

Потом Самуилович, спохватившись, сообщил, что вчера зашёл к букинисту, спрашивал про Штадена, есть одна такая старая книга, но автора зовут не Генрих, а Ханс, и был он не опричником в Московии, а конквистадором в Бразилии, где попал в плен к каннибалам и чудом спасся:

— Вот, я даже данные списал... Название такое длинное, смешное... Сейчас, очки возьму... На русский пере-

вели в XIX веке... Автор — Ханс Штаден, ландскнехт и наёмник, родился в 1525 году в Хомберге... Название: «Достоверная история и описание страны диких, голых, суровых людей-людоедов Нового Света Америки»...

Я всполошился — что такое? Какие люди? Может быть, я неправильно понимаю его? Это про кого, про русских? Дикие, суровые — это ещё может быть, но почему голые? Людоеды?

Старик терпеливо объяснил:

— Да не про русских это, а про бразильцев, индейцев! Этот Ханс к ним в плен попал. Племя такое, тупинамба... Я просмотрел — интересно! Гравюры есть. В предисловии сказано, что Ханса Штадена дикари поймали и не съели только потому, что он целыми днями плакал и молил о пощаде, а по их верованиям, если съешь труса, то и сам трусом станешь... Потом его французы как-то спасли... Индейцы давали ему доедать суп из котла, на дне которого он время от времени находил малые черепки — то ли детей, то ли обезьян, то ли пигмеев...

— А! О-ё! Какие кошмаружусы вы сказали! Детский суп? Но это по-интересному... Но это не про московитов, нет? — ещё раз уточнил я.

— Нет, боже упаси, мы ещё до такого не дошли. Это другой Штаден — Ханс. Видно, все эти Штадены такие бедовые...

— Да, беды много. А покупить книгу можно?

Старик, чуть помолчав, значительно сказал:

— Можно. Но дорого просит — пятьдесят тысяч... Если хотите, я ему скажу, чтобы для вас на пару дней спрятал, а вы подумайте... Ну, бог в помощь, звоните Земфире, развлечётесь... Только парижанина не забудьте... Не знаете? Это раньше так презервативы назывались — «парижанин». «Одеть парижанина», «захватить с собой парижанина»... Кстати, знаете разницу между презервативом и парашютом?

— Нет. Оба счастье дают?

– Нет. Если лопнул парашют – одним человеком меньше, а лопнул презерватив – одним человеком больше, хе-хе... Ну, удачи!

– Да, береги только себя и своих близких... – вспомнил я новое пожелание, услышанное вчера в ресторане, про себя подумав, что для французской любви парижанины не нужны, а другой я с Алкой заниматься не собираюсь – предупредил же Хорстович, что русские женщины такие темпераментные, что с ними лучше другой любовью, кроме как французской, не заниматься, а то возбудятся и так уделают, что даже поебие не ощутишь... Всё время будут заставлять... хотя мужчину невозможно заставить, а женщину – пожалуйста... Открыла ножки – и готово. А я, если не хочу, открою ножки – и что? Ничего. «Тоте хозен»¹, как у нас в Баварии говорят, пустьшка, пока в голове не заголосится...

Помните, как зловерный студент из Косово утверждал, что в слове «женщина» употреблён тот же суффикс, что и в словах собирательных, типа «свинина», «говядина», «баранина», потому что женщина якобы рассматривалась древними как дорогой и вечно сладкий товар, что он лично считает очень даже правильным?.. Вы на это ему ответили, что и в слове «мужчина» – тот же суффикс «ина», а Виталик Вам возразил, что тут – два слова: «муж» и «чин», то есть «мужик в чине», солидняк... Тогда Вы озлились и сказали: «Если уж на то пошло, слово “мужчина” происходит от “мужик” с преувеличительным суффиксом “ина”, “мужикина”, потом “к”, как обычно, перешло в “ч”, а с “и” произошла стяжка по закону неполногласия, вот и получилось: “мужичина” – “мужчина”»... И Виталик был пристыжен.

Интересные у нас были споры!.. Особенно мне запомнился диспут, где обсуждался матриархат, который спасет мир. Вы заявили тезис, что есть средство прекратить навсегда все войны на земле и обеспечить на-

¹ От Tote Nosen (нем.) – букв. мертвые штаны.

родам мир и процветание: для этого надо всех мужчин во власти (в один день и час, всех сразу) заменить на женщин, особенно на самых высоких постах, потому что мужчины изначально агрессивны, узколобы, чванливы, заносчивы, амбициозны, неговорчивы, ленивы, вспыльчивы, грубы, нетерпимы и т.д., в то время как женщины по природе — неагрессивны, виртуозы компромисса, с пещерных времен умеют улаживать конфликты, разумно всё делить, запасать, рассчитывать, договариваться без крови и драк, лавировать, берутся за любую работу. И там, где правят женщины, всегда относительно спокойнее, чем в других местах. (И все были согласны с этим, кроме студента из Косово, который считал, что Аллах создал женщину тенью своего мужа, которой запрещено не только впереди, но даже рядом с мужем идти, только сзади...)

А как это «договариваться без крови и драк»?.. Договаривать себя? Браться за работу или брать себя за работу?... У, эти рефлексивные глаголы такие трудные! Вот, например, когда надо говорить «брить себя», а когда «бриться»?.. «Купать себя», «sich waschen», или «купаться»?.. Никто, кроме носителя языка, не знает. Ведь это «ся», как Вы учили, — это раненое «себя», из которого для удобства вынули любимый слог «еб», а остаток — «ся» — прицепили прямо к глаголу. Сокращение — это понятно: каждый язык стремится к простоте. Но вот можно ли сказать «брать себя за любую работу» — неизвестно?... И «договаривать себя» тоже звучит как-то не так, как надо...

Ладно, я всё равно ничего сделать с этим не могу. А телефон Алки может быть где-то в бумажках. Алка-зельцер... Пусть снимет головную боль, как это делала Элизабет, когда я её очень просил... А когда не просил — не делала. Нет, немки грубы, холодны и своенравны, а русские — нежны, горячи и податливы, вот как она тогда, в карцере...

6. 25 сентября 2009 г.

И что это говорил старик — люди-людоеды? Ханс Штаден? Трусовой человек? Жалобливо плакал? Это что? Было два Штадена? Может, родственники, братья? Мама ничего не говорила. Надо купить. Пятьдесят тысяч, но чего: рублей, долларов? Надо деньги проверить.

Я еще раз всё перепроверил: деньги тут. Три тысячи, переложил в карман пиджака к паспорту и билету, хотя Хорстович и советовал хранить всё отдельно друг от друга — на случай, если обворуют. Да кто обворует? Вот, еще сами деньги дали... И не надо папе звонить, варягов звать, как те, про которых Самумович так хорошо показывал: «Ууу! Придите! Владейте!» — и скорбно удивлялся, есть ли еще в истории человечества случаи, когда неизвестно кого, чужака с моря, приглашают царствовать?.. Чтоб вот так, добровольно, отдаться, признаться, что сами ничего не могут сделать?.. И кто такой был этот Рюрик?.. Швед?.. Викинг?.. Враг-варяг?.. Если правы фашисты и арии спустились с севера, тогда этот Рюрик был ария. И, значит, до Романовых Русью правили арийцы, Рюриксены... А после Романовых — немцы, как Самулович доказал по генеалогии Ключаревского, где все жёны Романовых были злые немецкие принцессы.

От таких головокружений я устал и подумал только, что надо про Рюрика Йогги рассказать, он сейчас у нас, после годового борща и ежедневного, если не ежечасного секса, большим специалистом по славянам считается. В кнайпе¹ иногда демонстрирует, как он там говорил: «О, мой потрук! Дай мне тфой боршч! Я хотшу кушат тфой фелики боршч!»...

Диктофон тоже на месте. Я перемотал кассетку, послушал грузинскую речь полковника, и мне вдруг стало страшно. Я ничего не понимал... Вдруг он так же будет приказывать мне, а я не пойму, чего господину надо...

¹ От Кнеіре (нем.) — трактир, пивная.

Буду как те бюрошники в Кремле, когда Сталин с Берией разговаривал. Берия — это помощник Сталина, опричник... Вы на семинаре «Князева дружина» не раз упоминали это округлое, как флавио, патио, лобио имя, пели частушки: «Вся империя — как Лаврентий Берия»... Лаврентий!.. Иосиф!... Бэссарион!.. Интересно, такие красивые имена тиранам с детства даются, или они их сами себе потом... присобачивают... присвоивают... ну да, от «свой», делать своим...

Нет, со мной полковник будет разговаривать по-русски, этот язык я знаю, и он его знает, хотя иногда и говорит что-то комическое... Кого-то назвал «этот Юрий Цезарь»... Когда меня мама иногда спрашивала, на каком языке я думаю, я отвечал, что когда я с ней или с Баба-ней, то я думаю по-русски, а когда один, или с папой, или в университете, то по-немецки. А сейчас тут? Почти что по-русски... Пошты... как говорило головоное в пункте... Да, дай такому осьминогу пятьсотевровую, он спрячет и скажет: «Патрял, да...»... Или «Не пьло, да...» Что будешь делать? Как докажешь, что только что ему деньги дал?

Вот телефон Алки.

Она сразу взяла трубку.

— Это я, Фредя.

— Да, миленький, слышу. Как ты? Чем занимаешься?

— Да я, так... По делам... Библиотека...

— Извини, я в тот вечер не могла — занята была...

— А сегодня?

— Сегодня — вполне. Пока никаких стрелок.

— Тогда приходи сюда.

— Куда, в гостиницу?.. В «Центральную»?.. Нет, туда я не приду, там у меня недавно разборки были... А чего, давай сначала погуляем где-нибудь? Травка есть хорошая, посидим...

На хорошей травке посидеть?.. Почему нет?.. Природу я люблю. Но где? Я знал три обязательных места, куда надо пойти и о которых было написано еще в учеб-

нике фрау Фриш: Красная площадь, Третьяковка и Большой театр. Какую траву она вспомнила? Трава могла быть всюду: на площади, около музея, на картинах... Но эти объекты Алку не воодушевили.

— Да ну, такая классная погода — и в музей? Притом в музее у меня всегда голова кружится — то ли от пыли, то ли от жары... была там недавно со Стояном...

— Это что за эдакое?

Оказалось, парень тоже классный, её бойфренд, болгарин Стоян Стоянов, что меня озадачило — если бойфренд, то... — но потом я подумал, что это её дело, она не простая женщина, а проститутка, и как у них с психологией — неизвестно, и если писатели пишут, что сознание женщины — Вселенная, то сознание проститутки — черная дыра...

Большой театр тоже не привлекал её — «да ну, сидеть там в духоте, эти пиздюлины слушать, я лучше под музыку буду на диване ногти на ногах стричь и на фотку Джорджа Клуни смотреть», — с чем я был отчасти согласен. Мне театр тоже был не очень... Глупо сидеть и слушать музыку три часа, сдавленный людьми, ни чихни, ни кашляни, ни шевельнись, не лучше ли то же самое делать, лежа на диване — вот, как Алка, у Джорджа Клуни ногти на ногах стричь?... Но мама в детстве столько водила-напереводила меня на всякие концерты и церквопения, что мне всё это в затылке сидит... Да, арии любят арии. Ну и что?.. А я больше люблю джаз, он меня завинчивает... И вообще толпа мне чужда, я всегда был одиночка.

Сошлись на Красной площади, а там посмотрим.

— Только, Алка, приезжай за мной на такси, у меня только пятьсотевричная, я выйти не могу, не знаю, где на рубли... нарубить... Потом вместе...

— Сделаем. У меня деревянные есть...

— Зачем дерево?

— Ну, наши деньги, рубли, ебись они сладким пирожком!

— Как это? — удивился я.

— Покажу, когда встретимся, — засмеялась она. — Будь тогда готов к двум. Я посигналю снизу. Может, и Стоян подвезёт...

— Стоян? — обескуражился я, вспоминая слова старика про очередь.

— А чего Стоян? Он такой безобидный телок, добрый парень, у него только постоянно стоит, утром забежит — я ему помогу... он и работает целый день дальше спокойно... до вечера...

— Где?

— У себя на фирме, они окна и двери вставляют...

— И ты что, сейчас опять... помочь? — Мне это было это уже как-то неприятно, но трубка успокоила:

— Нет, он уже утром был... У меня проблема с подругой, вот сидим, кумекаем, что делать...

«Кумековать?.. Наверно, от города Кум в Персии, где мудрецы сидят», — стал вычислять я, краем уха слушая, как она рассказывает о своей подруге Ане, которая собралась в Польшу бекиситтером поехать:

— Тут сейчас такие липовые приглашения типа визы за 500 евро купить в посольстве у поляков можно... Как будто какая-то фирма её приглашает, а она как будто едет туда работать, а на самом деле творит что хочет... Но в поезде её обчистили дотла, а на границе завернули...

— Кто почистил? Во что завернули? — Я не понимал её слов.

— Ну, не пустили. Назад отправили, вот у меня сидит... А Стоян — нет, в обед он редко когда заскочит... В общем, жди!

«Заскочит, один раз — это хорошо, плохо — заскакивает, много раз», — высчитал я и решил проблему не делать, глупую ревность не проявлять (как можно ревновать проститутку?) и смотреть на неё не как на жену или любовницу, а как на чужую женщину с мясомолочной грудью:

— О-кей, до хорошей встречи!

Было около часу. Все дела улажены. И даже на столе нашлась «ПОВЕСТКА». А где главная «СПРАВКА», что регистрация утеряна?.. Тут. Электронный словарь. Кассеты, диктофон. Теперь в душ.

Тут позвонил портье, сказать, что появился «человечек», который мог бы разменять мою «денежку».

– Человечёк? – не понял я.

– Ну, один человек зашел, я его спросил про вашу проблему с евро, он говорит, что может и рублями, и евроиками разменять. Вам что конкретно нужно?

Я подумал: если разменять всю пятисотевриковую, сразу всё и потратится, я уже систему понял, а это неправильно. Значит, надо размять так, фифти-фифти.

– И то и другое нужно. 250 – рублями, а 250 – в евро.

Портье помолчал, потом сказал недовольно:

– Чего это сумма такая закомуристая? Или уж 200 и 300, или как-то, а то считать не пересчитать...

– А машиночки нет?

– Да как хотите... Подождите... Сурен! – позвал он. – Вот немец хочет на 250 евро рублей взять, а 250 – по малым евро разменять.

– Так, – подтвердил я и услышал в трубку, как кто-то, шумно дыша, ответил с раскатисто-сахаристым «р»:

– Дорррогой, какая прррроблема, арра?.. Как дррут хочет, так и дам, эли. Пусть идёт сюда, бана!

Но идти туда мне не хотелось. Я сказал портье, не помог бы он принести – ну, за «чай», разумеется – деньги сюда, в номер, а то я еще в душе не был.

Портье передал мои слова Сурену, я услышал ответ:

– Хорррошо, брррат-джан, эли! Я доверрряю тебе, как брррату, ара! – и портье сказал:

– Сейчас поднимусь.

Я открыл дверь и подождал. Вот молодойнец, мордашка толстенная, как у кота в масле, несёт в двух руках отдельно веером рубли, отдельно – евро.

– Почти десять тысяч рублей, и евро, по двадцатке... Я себе по чуть-чуть взял...

— А, спасибо великое!

Он уехал на лифте.

Рублей много, еврознаки — новенькие и хорошо пахнут, я даже вспомнил тост полковника про бумагу, которая бывает разной, гипюра в купюре... Евро я спрятал в шкаф, а рубли положил в бумажник.

Полковник сказал, что свяжется со мной. Что это значит?.. Мне через несколько дней надо уезжать, когда он будет связываться?..

«А может, съехать, прямо сейчас, отсюда, сбежать?..» — посетила меня мысль. Ведь всё на руках — паспорт, билет, деньги. Собрать вещульки, выйти, сесть в такси, уехать на вокзал, оттуда на «Красном копье» — в Петербург, в аэропорт, поменять билет... А если нет билетов?.. Что тогда?.. Где лёгчиков искать, чтоб фифти-фифти делать?.. Сидеть, как неловкая мышь в мышеловке?..

«Да и чего бежать?..» — остановил я свой страх резон: почему надо бежать?.. Что он криминального предложил?.. С конто¹ снять, на конто положить, конь в пальто сможет... Дом найти — сделаем. Не будем делать, а сделаем, еще и провизион распилить можно... И тысяча евро в месяц, да еще с экстра, на улице не валяются... Почему не заработать, если можно заработать? Лютер говорил, не я. На конто положить, с конто взять... Опять эти подозрительные и хитрые глаголы, «класть-положить», два разных слова!.. Это опасно, на «брать-взять» убедился — вот, я в банкомате деньги «брал», да не «взял»! Хитро устроено: один глагол за другой не отвечает... Спросит полковник: «Ты клал деньги на австрийское конто?» — «Клал!» — «А почему их нет на конто?» — «А слон в пальто знает, я клал»... «Если клал, почему не положил?» Иди докажи...

Кажется, у Исидора в «Манифесте» так и прямо и сказано, что все беды происходят оттого, что нет гла-

¹ От Konto (нем.) — счет в банке.

голов совершенного вида в настоящем времени: всё или уже «сделано», кем-то и когда-то, или будет «сделано», кем-то и когда-то, но сейчас ничего не готово и готово быть не может по определению, потому что вначале язык отражает жизнь, а потом — наоборот, жизнь начинает жить по законам языка... Надо бы посмотреть внимательно их Манифест...

Нет, всё в порядке. Никуда бежать не надо. Досижу тихо, как мышулька в кастрюльке... несколько дней осталось...

Я залез под душ и начал мыться с особой тщательностью. Под горячей струёй змейка в животе стала расправляться, сползать вниз, ей было тесно, хотелось наружу, но я не дал ей вырасти, запретил угрожающе качать головкой. Сейчас этого делать нельзя. Надо перевести эти мысли на запасной путь. Сделаешь сейчас, потратишь силы — где потом, когда надо будет, наберёшь?..

Дедушка Людвиг учил руками особо не блудить, потому что на жизнь одного мужичины бог выделил всего три ведра спермы, и ни каплей больше: «Nur drei Eimer, mein Lieber, und kein Tropfen mehr, weiss nicht, warum Herr Gott so geizig an diesen Tag war»¹, — поэтому расхотать её надо бережно и расчетливо, чтобы не получилось вроде «русской работы»... Но я не слушался его и тайком таскал в летнюю баню порножурналы, которые в изобилии водились у папы Клеменса в запертном шкафу, ключ к которому давно уже был подобран...

Но когда я стал взрослым, дедушка Людвиг запел другую песню: что онанизм — это праздник, который всегда с тобой, что день умного человека должен начинаться с мастурбации, которая снимает агрессию, успокаивает, настраивает на позитивный лад, онанизм — это вообще-то изгнание дьявола, чистка глаз, души и тела, то добро, на которое расщедрился Господь, оставив не-

¹ Только три ведра, мой дорогой, и ни каплей больше, не знаю, почему Господь Бог так жаден был в тот день (нем.).

счастливым людям лазейку для выпуска злой похоти: «Это спусковой механизм, работающий на смазке воображения». Ну да, спусковой...

Интересно, была ли у фон Штадена своя баня?.. Наверно, как же в России без бани! Говорил же полковник, что русская национальная идея — это «бутылка-баня-борщ»... Или «баба-баня-дача»?.. Нет, если есть дача, то в неё и баня, и бутылка, и баба входят, как без них на даче?..

Да, баня и печь хорошо дополняют друг друга: теория печи, практика бани... Путь на печь через баню. Или, лучше, в баню через печь... Нет, это выходит подахауски... Когда мы были на вылазке в Аушвице, экскурсовод сообщила, что первая печь — для ведьм — была выдумана, конечно, немцем в Силезии, в городе Нейсс, хотя проходимость была слабой: за девять лет — около тысячи ведьм и колдунов. И так с укоризной, исподтишка на нас посмотрела — знала, что группа из Германии... Что делать? Это надо нести-носить всю жизнь... Даже в Австралии, когда мы в буш на экскурсию приехали, аборигены как услышали «Джормэни», так сразу давай руками «хайльгитлер» показывать и копьями трясти... Во всех странах печально известны...

Помнится, мама рассказывала, что фон Штаден так расширился и так рассвоеволился, что Грозный решил его сокrotить... ну да, сокrotить, сделать кротким... или коротким?.. Как раз была причина — крымский хан выслал отряд лазутчиков напасть на Москву, поджёт пригороды, а фон Штаден, вместо того чтобы отражать татар, играл у себя на даче в кости, до чего был большой охотник. И царь показал ему, где кузьки зимуют, — отнял вотчину, разорил медоварню, перебил учёных медведей и собак, а сам фон Штаден едва сумел ноги и голову унести, спрятавшись в обозе, идущем в Поморье, а там, далеко на севере, раздобыв себе новые «папиры», поселился около Белоозера в рыбной слободе, где поставил мельницу, на которой молол рыбы скелеты в муку. Эту муку

6. 25 сентября 2009 г.

подсыпали свиньям в корм, отчего те необыкновенно жирели, до чего северяне очень охочи — у них питание плохое, они ярые салаюдцы, как говорил Самумыч...

Я тщательно мылся, не забывая выковыривать грязь из всех укромных уголков, чтобы не случилось так, как однажды, когда Элизабет с большим неудовольствием извлекла языком из моего пупка длинную розовую нить (неизвестно как туда попавшую), что нанесло ей моральную травму, а мне, рикошетом, зарубилось в подкорке.

Приведя себя в порядок, я не поленился вытащить конверт с бумагами нацистов, которые дал мне Фрол. Где-то тут должен быть манифест, о глаголах, я видел... Ах, даже интернет-страница указана... Так, манифест... Вначале идёт «ПРЕАМБУЛА», всякие общие места... «...со времен татар и Ивана Грозного в России царят анархия, удельные междоусобицы, абсолютизм, перевороты, рабство, бунты, инерционное сознание, произвол и “кормление” властей, хаос, отсутствие дисциплины, культурно-цивилизационное отставание, самодурство, безалаберность, безответственность...»

Дальше еще пару пунктов — в таком же духе: «Россия каждый раз встает с колен под ударами бичей, чтобы упасть ещё глубже. Вся история страны, с её князьями и безмолвным народом — это история падений, а все попытки построить какой-либо приемлемый общественный строй кончались крахом... Россия превращается в страну без смысла и цели, где правосудие превращено в кривосудие, а народ обираем стаями хищников...»

Теперь пункты о языке, № 15: «...Всякая революция есть результат напряженности между двумя стилистическими пластами. Борясь за чистоту языка, ты приближаешь революцию... Требуем отмены цензуры...»

А, вот о совершенных глаголах, пункт 11 «МАНИФЕСТА». «Вся причина бед — в менталитете, отраженном в языке. Мысля на современном русском языке,

нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах».

Я поворошил листки... Много пунктов... лозунги... нужно сделать то... надо сделать это... Помню, дедушка Людвиг как-то сказал, что нацисты обожали конъюнктив, сослагательное наклонения, а Геббельс только им и говорил: «Нужно организовать... необходимо реорганизовать... давно пора начать... пришло время обратить внимание... необходимо приступить... в скорейшем времени сделать...»... *Müsse, könne, dürfe, solle, wolle, möge*¹... В этом, наверно, и есть суть фашизма — себе брать всё хорошее реальное, а вместо этого отдавать пустые слова в конъюнктиве... И будет еще этот Паша в штанузах спорить!.. Конечно, объективно Гитлер хуже, чем Сталин... Фюрер хотел хорошее только для немцев, потому он «национал», а Сталин — для всего мирового люмпена, потому он «социал»... Лучше уж для всех хотеть, чем только для себя...

Помнится, когда я ехал из Петербурга в Москву и спросил корректного попугайчика, слышал ли он о грамматике наци, он отмахнулся: «А! Глупости! Какая-нибудь липовая организация, деньги хотят где-нибудь урвать... Есть федеральные фонды на всякие такие вещи... Вот и хотят распилить бабло... У нас же как? Принимают липу — выпускают дуб!» — а потом так наглядно рассказал про мифические трубы и воздушные человеко-часы. Такая воровщина...

Я бросил листовки и принялся за дневник, который уже второй день не писал. Работа захватила меня, и я успел написать довольно много, когда услышал сигналы под окном. У меня номер на втором этаже, дом старый,

¹ Повелительное наклонение разных немецких модальных глаголов.

потолки высокие, улица видна хорошо. Стоит средних лет «опель», видно Алкино лицо.

Я быстро рассовал по карманам вещи, взял только рубли — «хватит же на день десять тысяч?» — и побежал вниз.

Алка открыла дверь:

— Садись, зайчик! Это Фредя, это Стоян! Он как раз в эту сторону ехал...

Плотный и улыбочатый был этот Стоян, в светлой рубашке с розами:

— Очень много ми е приятно!

Мне было не очень приятно, но я сделал хорошее лицо:

— Мне тоже.

Зато Алка была сегодня в красивой прозрачной блузке, пышная, пышущая, не переставая говорила то одно, то другое:

— Сейчас поедем на площадь, куда хочешь... Подруга сидит, слезами заливается... Всё посмотрим... Вот Стоян визу обещал мне прислать на работу в Болгарию, и мне, и подружкам...

Это меня удивило.

— А у них там что, своих болгарок нету?.. У нас в Германии много болгарок на улицах... ночные бабочки... В газете писали...

Алка объяснила:

— Так болгарки к вам едут, мы — в Болгарию, а чурки — сюда. Баб китайских из Китая навалом, штабелями... — И вынула из сумочки «джойнт»: — Не знаю, что с Аней делать... Плачет и плачет... Всё потеряла, денег нет, ребёнок простужен. На, покури, котик, очень успокаивает... Вот Стоян угостил...

— Да трава прехороша... в зеленчуков магазине друже дал... — незамысловато подтвердил Стоян, волосатыми руками выворачивая руль.

Видя мой вопрос, Алка объяснила:

— Он так, половину по-болгарски, половину по-русски говорит. У них язык — умора! Еще смешнее украинского! Вот у тебя сейчас, ты сказал, похмелье?

— Да, немного... Послехмелье...

— Вот, а как по-болгарски «похмелье»? А, Стоян?

Стоян повел крепкой шеей туда и сюда, заворачивая машину на круге, и победно сказал:

— Махмурлук!

— Слыхал! А «лентяй»? Ну, как тебя шеф часто называет?

Стоян гордо выпрямил спину:

— Марзылан!

Алка засмеялась:

— Во язык, ебись ты сладким пирожком! — вытащила пакетик с травой, стала нюхать, потом закурила «джойнт», передала мне: — На, потяни, веселит.

Я не знал, что делать. Ну, раз веселит... Я курил пару раз траву на Октоберфесте, но ничего особенного не было. Правда, нас было семеро, мы передавали «джойнт» один другому, как дядя Пауль и офицеры — пистолет.

— А... Плохо не будет? — Я взял пакетик понюхать. — Охо, запах — нюх-нюх!

Ответил Стоян, очень уверенно:

— Нет, хорошо будет. Глупак, кто это запрещает.

— А как называется по-русски «джойнт»? — спросил я, осторожно затягивая пушистый сладкий дым.

— Мастырка.

А, понятно, от «тырить», вчера полковник говорил... «Стырить» — это украсть. То, что украдено, что нелегально. Всё можно понять, если корни правильно выделить.

Я сделал несколько затяжек. И сидел напряженно, ожидая, что будет, но Алка положила мне на колено свою горячую руку (отчего стало уютно и тепло), завела разговор со Стояном о том, где можно Ане переночевать, а то у неё, Алки, нет места — сестра из Холмогор приехала, спать негде. А Ане деться некуда, будет тут проститут-

ствовать, пока деньги на самолёт до Новосибирска не соберет, а это не скоро будет...

— А какво точно се с ея случило там? В Польше? — спросил Стоян.

Алка прижалась круглым белым коленом к моей ноге:

— Ужас случился! — и начала рассказывать такое, что мне показалось очень длинным и извивистым, но я под это мирно ехал, положив руку на живое Алкино бедро и вспоминая, как вчера в ресторане полковник очень поэтично жаловался, облизываясь на официанточек: «Знаете, Фредя, прошло лет пятьдесят, как первый раз я возжелал женщину... и вот, прошло 50 лет, а по-прежнему самым захватывающим зрелищем является легкое колыхание женских ягодич под летней тканью...» Я чувствовал, как моя рука врастает в её плоть, и всё было безразлично, хотя история была жутковатая.

Села эта Аня с сыном в поезд на Белорусском вокзале. Проводник помог ей затащить коляску и скарб, принес чай. Незадолго до польской границы она повела ребёнка в туалет, а вернувшись, обнаружила, что в купе нет ничего — даже пакета, куда она собирала памперсы!.. Купе было абсолютно пустым, не было даже стаканов с остатками чая, даже облаток от сахара!..

— Пусто. — Алка опять протянула мне «джойнт», я сделал затяжку, но дым пошел не в то легкое, я стал кашлять, она, прижавшись еще ближе, похлопала меня по спине: — Пустым-пустёшенько... Ничего!

Женщина кинулась к проводникам, но там заперто. Вернувшись, попыталась обдумать, но положение было аховое. Вскоре вошли польские пограничники, осветили ее фонариком — где документы? Она сказала, что ее только что обокрали, на что пограничники опять, уже внимательнее осветив ее и осмотрев с ног до головы, сказали, что «по-руску не мувимы» и где «папиры»? Она ответила, что ничего нет, всё украли. «Украдли? Пашпорту теж нема?» — удивились они, осветили ребёнка,

как будто это была кукла с героином, долго оглядывали пустые полки.

— И тут Аньке показалось, что они бухие в стельку! Это её совсем испугало — прикинь, одна, с ребёнком, трое пьяных мужиков в узком купе... — (Я слушал её чем-то очень чутким изнутри.)

Потом пограничники, приказав: «Идзь, цыганка, к начальнику!» — повели ее на таможду, где была суета, солдаты с собаками, автокары, ругались какие-то люди. На таможде ее опять долго «не розумели», распрашивая с издевкой, ошупывая взглядами и пару раз недвусмысленно трогая за бока, а замначальника предложил переночевать у него в гостях, выпить, а может, и заработать, что так любят делать ее товарки, он их много перевидал.

— Я бы им, сукам, показала! — Алка докурила «джойнт», остаток дотянул Стоян и картонку выбросил в окно. — Таких бы пиздюлин навешала, шум подняла... Но и Анька тоже озверела, стала орать на них...

Мне казалось, что я сижу в прозрачном шаре, вроде циркового, всё вижу, всё слышу и всё вроде бы понимаю, но отделен от людей невидимой стенкой, и внутри так хорошо, безопасно, уютно, не хочется вылезать!.. И белая красивая рука тихо бредёт-бродит по моей ноге, пощупывает, поглаживает — шари-шури, шури-шари...

— Какви подлы плъхове!¹ — сказал Стоян.

— Куда плъли? — Я вынырнул из глубин, чтобы тут же уйти еще глубже.

В общем, Анька начала орать, замначальника немного стих и приказал привести проводника из ее вагона. Когда того доставили и спросили, знает ли он «ту кобете? Мьяла она билет? Папиры? Багаж?» — проводник, пьяно утираясь и делая удивленное лицо, разводил грязными руками: «Первый раз вижду, вашissime паньство! В нашшем вагоне не было, у меня глаз-алмаз! — и показывал

¹ Какие подлые крысы! (болг.)

свою потёртую папку, где на местах «28» и «29», действительно, было пусто. — Вот, нету билетов, вашissime паньство! Первый раз вижжжу!» — «Да как же ты первый раз видишь, сволочь!» — напустилась на него Анька, но он качался на своем: «Первый раз... Не было, христом-богом клянусь!» Замначальника прогнал его, а ей предложил написать заявление о краже и сообщить родным, чтоб те прислали деньги на обратный билет. «А как я без паспорта получу?» — «Пусть на мой счёт переведут, срочным переводом». Замначальника дал ей бумажку со счётом и разрешил позвонить.

Потом её и сына отвели в очень подозрительную комнату, где всю ночь стуки и грохоты пугали ее, не давая заснуть; ребенок нервничал, ничего не понимал, и она боялась, что ночью пьяные пограничники сделают с ней что-нибудь страшное. А потом полдня сидела, голодная, ждала, когда придут деньги. Наконец замначальника, убедившись, что деньги поступили, велел посадить ее в первый проходящий поезд, приказав шустрому проводничку: «Отвезешь до Москвы, пес!» — на что тот козырнул, пообещав: «Будет сделано, шеф!» — поселил ее у себя в купе. И даже эта сямка, мужчинка поганый, приставал, руки распускал, но она сказала, что её будет встречать брат, а он в солнцевской, и проводнику не поздоровится...

— Брат на солнце... не здоровается? — не уловил я из своей оболочки, которая становилась всё плотнее.

Алка объяснила:

— Это бригада такая, из района Солнцево... У нас вся Москва по бригадам разбита...

— Как в Чикаго? — Я вспомнил фильм, где Де Ниро злобно убивает палкой кого-то прямо за столом... кровь на всех прыгает...

— Ну, примерно. Их все боятся.

Конец этого бесконечного рассказа совпал с тем моментом, когда Стоян, наконец, сумел боязливо втиснуться между двумя чёрными джипами, бормоча:

— Не дай боже, — а я понял, что он боится джишачей, которых все боятся, даже милиция в Осеневе, куда пришли ночью звери спасать сержанта... — Так, я пошёл!

— Где мы? Куда ты? — всполошилась Алка, отстраняясь от меня.

— В зеленчуков магазин, имам дело до моего друже.

— Поставь машину там, в углу двора, где никого... А Красная площадь далеко? — озираясь, спросила Алка.

— Далече е. Там няма места за паркование.

— Фредя, ты хочешь на Красную площадь? — спросила Алка.

Я не знал, что сказать. Мне было лучше всего сидеть как сижу. И я сказал об этом.

— Вот, и я говорю, — обрадовалась она, устраиваясь удобнее, отчего мое бедро опять начало нагреваться. — Чего мы там не видели? Мы были там со Стояном недавно. Помнишь, Стоян?.. У Сталина на могиле полметра цветов лежало, а у других — ни хрена собачьего...

Стоян, достойно вылезая из машины, ответил:

— Спомням си. После мне трябва до зоопарка... В зоопарк ехать...

— Чего тебе там надо? — лениво спросила Алка, всё жарче залезая рукой по моей спине, ниже, в брюки, щупая ягодицы, чего Стоян, вышедший из машины, видеть не мог.

— Трябва да взема клетка с пеперуди... Шефът ми има рожден ден... Искаме да му пуснем пеперуди¹...

— Чего-чего? — не поняла Алка.

Стоян кое-как объяснил, в чем дело. Она переобъяснила мне:

— А, бабочек купить хочет. Ящик.

— Ящик бабочек? Ночных? Как это? — не понял я.

— Это сейчас потеха такая у богачей — бабочек пускать. — Алка придвинулась еще крепче. Я сидел низко, ощущал плечом тугость её груди, но всё-таки спросил:

¹ Мне надо бабочек ящик взять... У шефа день рождения... Хотим ему бабочек пустить (болг.).

— Пускать? Куда? А что потом?

Стоян уверенно ответил, стоя у машины и шаря в карманах:

— Умират от дим. От дим дохнуть.

— А давай, зайчик, мы тоже в зоопарк поедем? Ты был в зоопарке? Я зверушек люблю, — предложила она, а её рука охватывала меня так, будто я был женщиной, а она — мужчиной.

— Да, зоопарк, очень хорошо! — Эта идея показалась мне единственно умной, куда еще? — и я стал пускать пузыри из оболочки: — Да, я тоже... Зверей... биологом быть... Пони влюбилась в козу... любила-влюбила...

А Алка сделала узкие глаза:

— Слышь, Стоянчик, если у них чего закусить есть хорошего — захвати? Вот, я тебе деньги дам, — добавила она без видимых движений к сумке, на что невидимый Стоян откуда-то важно ответил:

— Ама, какви деньги, просто така ще взема, той ми е приятел¹...

— Ну, как хочешь, — тут же согласилась она, а я сказал, что не надо ничего, после зоопарка приглашаю их в ресторан, где можно будет поесть горячую солянку-поселянку, но Алка настаивала:

— Нет, пусть принесёт, от травы на жрачку пробирует.

Стояну слово «ресторан» понравилось, он сообщил, что знает хороший балкан-гриль, и ушел в зеленчуков магазин, а мы остались.

Змейка в низу живота начала тотчас неуклонно расти, требовала выхода. Я дотянулся губами до её уха, пожевал мочку... Алка внимательно оглядела пустой тупик. Правой рукой сжала меня за ягодицу, другой рукой распоясала меня, открыла ширинку и, мурча:

— Ты же этого хочешь, котик? — вытербенила из трусов всё хозяйство, выделила главное и стала его водить-вести вверх и вниз, еще и еще, отчего моя змейка,

¹ Ну, какие деньги, я так возьму, это мой приятель (балг.).

сбросив кожу и хищно обнажив головку, стала дико выгибаться, а мы с Алкой — мяться и трогаться.

И это было так прекрасно-освободительно, что я (даже не успев испугаться, что вокруг дневные люди и людской день) ощутил, что вот-вот где-то что-то прорвётся, рванет... И вот змея, упруго выгнувшись и фыркнув напоследок, испустила свою белую душу прямо на подставленный мясочный немой сосок.

Ох! Я с трудом сдулся обратно в шар, хватаясь руками за спасительную горячую грудь, но она исчезла в блузке. Алка, оправившись и быстро оглядевшись, хитро посмотрела из-под ресниц:

— Хватит, хорошего понемножку... Ему сделаешь приятное — а он ещё хочет...

На это я стал что-то оправдываться, но она закрыла мне рот рукой:

— Молчи... Мне самой приятно... Всегда было...

И рассказала, пока я кое-как застегивал штаны, что ей приятно делать мужчинам приятное еще с детства, когда её тянуло исключительно к мужикам — она хотела быть среди них, ей было надёжно в их крепких руках, она чувствовала себя под защитой; когда же она стала понимать, что может делать им приятное (отчего они были явно счастливы) да еще получать при этом какие-то награды («мзду — за пизду, короче», уточнила), то она и начала это делать всем, кто попросит, причем ей самой это всегда было приятнее всего. И ничего её остановить не могло — ни вызовы родителей в школу, где её ругали «шлюхой» и говорили, что она постоянно около мальчишкового туалета околачивается, ни скандалы, когда её ловили в этом туалете с кем-нибудь и вели к завучу, молодому мужику. А что завуч?.. Он дверь запирал, задергивал занавеску и делал с ней то же самое... Или дядь-Коль, сосед-инвалид, всё время дома сидел:

— Как со школы приду, родители на работе, только сяду уроки делать — зовёт дядь-Коль через стенку: «Алка, ты дома? Поди сюда! Иди, чего покажу!» — «Чего, дядь-

Коль?» — кричу, хотя знаю чего. А прихожу — у него уже между ног большое, красное, вздутое, опухшее... Болит, говорит, помоги немного, что-то плохо мне... Потри маленько... может, полегчает... Ну я знаю, не тупая... Сделаю, что надо, конфету возьму — и за уроки обратно... Не всё равно, где тереть — поясницу, шею, спину или там?

И Алка, зажигая сигарету, рассказала дальше, что это продолжалось долго, пока один раз отец не пришёл с работы раньше времени и не застал их:

— Меня отколошматил будь здоров, а у дядь-Коли протез от ноги отломал и чуть насмерть его этим протезом не забил...

Я слушал из шара-оболочки эту жуть, и вокруг меня плавали в пузырях какие-то лица, протезы, штанузы лошматые, ногузы башматые... Казалось, она уже целый день рассказывает эту историю, а конца всё нет... Но её откровенность завораживала — так открыто, так прямо никто со мной никогда не говорил и таких тайн не открывал... Вот она, загадочная душа, то откроется нараспашку, то закроется на застёжку!

— И что, помогло? Хренушки!.. Пару недель посидела наказанная, к дверям не подходила, а потом — опять к хуям на улицу! Мальчишки меня стерегли, как выйду — так обязательно в подвал или на чердак затащат... А я чего — иду, лезу, мне самой ужас как приятно, когда им приятно... Они думают, что я, типа, дуручка, а я думаю, что это они, типа, дураки... Школота была, а всё секла...

Она засмеялась, а у меня почему-то собаки заскулили под сердцем. И что это за синдром — всем приятное делать? Болезнь? Или доброта, которой у наших немок — иди ищи... Наши немки — только себе всё, машины... Очень неправ был полковник, когда вчера говорил, что в России много дешёвого женского мяса, но мало женщин... Еще шутили, как сказать в магазине — «взвесьте мне 55 кило женщиныны, бабонины»?.. Нет, это он врёт. Мясо добрым не бывает... А интересно, они ей... они ей тоже делали приятное? Я высунул нос из оболочки:

— А ты?.. Ну, они, мужики, тебе тоже... делали?

Она пожала плечами:

— Кто как. По ситуации... Но я, конечно, научилась кончать, куда ж ты денешься?.. Уже в двенадцать так дровича — мама не горюй!.. Нет, делали, конечно... Вот дядь-Коль... я иногда сижу, уроки делать лень, зайду к нему, говорю: «Дядь-Коль, покатай на карусели!» Он снимет со здоровой ноги носок, вытянет её, я на большой палец писькой сяду, за его сарделину ухвачусь — и давай кататься туда-сюда, пока он малофью не спустит... Мне было всегда приятно видеть это белое, что из вас выходит, слышать, как вы стонете... Вам, мужикам, этого не понять: вы кончили — и побежали дальше. Или заснули...

— Нет, я не такой-эдакий...

— Все такие тягомоты. И ты тоже.

Я долго и упорно искал, что сказать в свое оправдание, и — кстати или некстати — вспомнил Йозефа Фрицля из Австрии, который свою дочь посадил в подвал на цепь и 25 лет насиловал, отчего она родила там четверых детей, а роды принимал он сам:

— Там... в бункере... Ей 18 лет... Она — вниз, он — за ней, бах... Потом — на цепь... В Австрии у всех бункеры... от советс... Он потом бункер уширил... для детей комнату уплотничал... — Я пытался вязать слова, но прозрачная оболочка как будто не пропускала ничего наружу, а те редкие слоги, которым удавалось выскочить изо рта, тут же эхом возвращались ко мне и через лоб попадали в череп, где влезали обратно в мысли и исчезали...

Алка охала:

— Да, что-то слышала. Этот маньяк еще потом под поезд бросился...

— Это другой... тоже маньяк... он всего восемь лет... Вольфганг Приклопил... Тоже австрияцкий человек...

— Да что они там с ума посходили, без баб в этой Австрии? Это какой же ужас — всех в подвале на цепи держать!

Меня несло на страшные истории:

— А еще... в Германии... один сволочь, гад... трах-трах двух сестер... а потом иголкой и ниткой это... шик-шик... вульвы... шик-шик...

Она сделала большие глаза:

— Чего? Сшил, что ли, срамными губами?

— С рамой — нет... друг с другом... две... нет, четыре...

Когда полиция... раз-два... они так лежали на диване... сшитые...

— А зачем? — не поняла Алка.

Я тоже этого объяснить не мог, и только сказал, что я не садист и маньяков не понимаю, хотя говорит же мой психоаналитик, что любое соитие есть насилие: мужчина берёт, женщина дает... злоитие... вот у нас одного известного модератора посадили за то, что его любовница заявила в полиции, что он ей, угрожая ножом, сказал: «Ложись в постель, не то я тебя прирежу»... уже год сидит, ждет суда... Но сидеть, пить?.. Они кричали, наверно, больно... рот заткнул... А!.. Как дедушка Коля...

Алка качала головой:

— Нет, ты что, дядь-Коль золотой был человек... Только ручками, говорил... мне много не надо... только туда и сюда... Почему не сделать дяденьке приятное?.. Что мне — трудно, убудет с меня, что ли? Всё лучше, чем матёму зубрить... Помню, бабуленька мне всегда говорила, чтобы я к мужикам близко не подходила. «Что тебе среди них надо, грязных, вонючих?» — шумела. А мне было приятно нюхать эти запахи... Табак... Вино... Пот... А у тебя пота совсем нет. Вы что, не потеете? — Она вдруг строго посмотрела на меня, что несколько обидело и показалось скрытым намёком.

— Мы что, не люди?

Алка нагнулась за зажигалкой, показав темный шов... нет, ров... между увесистыми грудями (куда так хотелось забраться):

— Да ладно, не залупайся! Вы люди, конечно, но аккуратные. У моей подружки норвежец был, так он три

раза в день принимал душ и по два раза брился... Она ему говорит, — ты, дружок, должен за воду доплачивать... А вот этот бычок Стоян как мышь потеет...

Вот это было непонятно.

— Как мышь — почему? Мышь — это же «мало»... Он мало потеет?

— Нет, много. Так говорят у нас — «как мышь потный», «потеть как мышь».

— Почему?

Она задумалась, почесала за ушком красивым пальцем («У нас таких пальцев даже у королев красоты нету», — думал я, чувствуя, что Алка нравится мне всё больше и больше):

— Чёрт его знает. Народ знает, просто так говорить не будет... Видно, потеет, много бегают... Хотя шерстка у них — как им потеть?

Я помог ей:

— А на подбрюшке... В подбрюхари... ножки-ноженьки...

Алка предположила, что мышцы могут часто болеть гриппом, потому что там, в трубах, где они сидят, холодно и дует. Я возразил, что мышцы — умные звери и там, где холодно и дует, сидеть не будут, а будут искать — и найдут — место, где тепло и не дует, — например, на печи... На что Алка тут же твердо сказала:

— Нет, на печи мышцы сидеть не могут — там кошки сидят... Где кошка — там мышам делать нечего. — На это я вспомнил нашу баварскую поговорку о том, что, когда кошки нету дома, мыши пляшут на столе, а Алка вспомнила, что у дядь-Коли была вредная кошка Машка, которая всегда сидела на шкафу и тарасила глаза, когда Алка приходила проведать хозяина, а раз бесшумно соскочила со шкафа и кинулась на Алку, но дядь-Коль успел огреть её костылём — и она обиделась, ушла и неделю не приходила, а когда пришла, то принесла назло вшей, от которых дядь-Коль так и не смог избавиться.

Спор о потливых мышах на печках меня очень заинтересовал, сразу появилась интересная гипотеза, но Алку тянуло назад:

— А чего дядь-Коль?.. Сейчас, когда их столько у меня было, вижу, что он еще, может, самый хороший был. Нет, не думай, он меня не обижал, боже сохрани, что ты!.. Ласкал, дарил, что мог. «Лучом света» называл... А что он мог?.. Без ноги с войны. Сидел, писал что-то, статьи какие-то в журналы... Правда, после того, как мой батяня-комбат отхуярил его в дым его же деревяшкой, больше писать не смог... слёг и всё больше лежал... типа паралича... ничего, я ему и параличному пару раз приятное сделала, когда домой в отпуск приезжала... Жалко же, человек пострадал из-за меня. А мне не трудно...

— В отпуск? А где ты работаешь? — очнулся я, вспомнив из учебника фрау Фриш, что «все советские люди имеют хорошую работу, а летом едут в отпуск на побережье Крыма или Кавказа», причем фрау Фриш добавляла, что те, кто не работает, те не имеют права летом отдыхать на побережье Крыма или Кавказа, им надо сидеть в тюрьме...

Алка посмотрела мне в глаз:

— Не знаешь, что ли?.. Самуилыч же сказал... Земфирой работаю.

«Ночная бабочка», — вспомнил я, подумал, что я бы очень хотел иметь эту бабочку в Баварии — не надо ящика бабочек, пусть будет одна, но вот такая красивая, с мясистыми крыльями, грудинистая... и дневная, и ночная... Баварцы будут смотреть с завистью, они это любят...

— Ночная бабочка, — сказал я.

— В точку. Вот так летаю, летаю, — она показала руками полёт, — сяду на цветочек, как у тебя, — (она одобрительно погладила мою ширинку), — выпью нектар — и дальше... Вишь, кожа какая у меня классная?.. Атласная! От этого...

— Молокофья? — вспомнил я заветное слово.

Алка согласно встряхнула головой:

— Ну. Эликсир жизни. Малофейка, утробная струя. Цыганка говорила — чем больше пьёшь малофью, тем всё тебе мало и тем больше молодеешь...

— Тогда надо говорить «молодофья», — сообразил я.

— Тоже подходит. — Помолчав, сказала, уже каким-то другим тоном: — Ну а наши тёрки насчет Баварии как?

«Конечно, да-нет, посмотрим», — хотел ответить я по «неопределенной» схеме, но ответил твёрдым:

— Да. Что реально надо? — хотя край сознания ещё был бел и там отпечатывался ясный вопрос: правильно ли я сейчас делаю и какие последствия это может иметь?.. Но сейчас мне всё казалось правильным и понятным — а как же иначе?.. Warum nicht? Что может быть лучше этого — каждый день, утром и вечером, получать приятное?.. Нет, и о трёх ведрах, выделенных на жизнь, не стоит забывать... жизнь длинная... только утром тоже хватит... даст бодрость... Или только вечером, спокойный сон...

И тут, из чехлов и сетей хаоса, выпуталась золотая мыслерыбка: «А если её — к нам домой, горничной... прислугой?..» — хотя другой кусок открытого еще сознания мне сигнализировал, что прислуга у нас уже есть, фрау Клее, уже 20 лет работает, её куда деть? А уволить! И взять Алку!

Эта идея меня взбудорила, её тоже.

— А чего, класс! Жить буду у вас, по дому, что надо, сделаю, а в свободное время и подработать можно... Ты там у себя на улице для меня несколько бургеров пригляди, так, посолиднее, в возрасте, которым 400–500 евро в месяц не жалко... Мне и хватит...

И она принялась развивать теорию, что мужики везде одни и те же, даже в Дубаях, куда она сдуру съездила недавно «на гастроли», лучше б не ездила, только заебли до смерти, а денег с гулькин нос. А мои мысли вдруг развдоились — одни погнались за носом Гульки, а другие вострепнулись, испугавшись: «Нет, это уж слиш-

ком! Вместе это не идет! Или горничная у нас — или бургеры с улицы!..»

Про то, будет ли мама рада такой прислуге и уволит ли папа фрау Клее, я тоже не думал. Но насыпала же недавно фрау Клее, торопясь в церковь, соль в стиральную машину вместо порошка, отчего одежда стала маринованной, а машина — скрип-скрип... А до этого еще было — вместо муки взяла сослепу с полки сахарную пудру, обваляла в ней треску и пожарила, после чего мы все обтошнились, а папа ворчал, что её надо уволить... Вот пусть и уволит! Алку возьмём! Да, это казалось лучшим вариантом!

А Земфира-Алка, уже забыв, о чём шла речь, рассказывает опять что-то дико смешное, чего я даже охватить не могу, но и меня тоже тянет на смех и даже на хохот — да, я хотел хохотать, несмотря на то что в немецком языке такого глагола нет, только жизнерадостные славяне могут так открыто, от всего сердца, громко радоваться жизни, и это отлично, этому надо учиться:

— Прикинь, Фредя, встретились палочка Коха, бледная спирохета и болезнь Боткина. Палочка Коха начала залупаться: «Сейчас на человека нападуду, все легкие ему выем!» Спирохета тоже корячится, гоношится: «Язвуду ему вгоню в рубанок!» Боткина ерепенится: «Сразу в печень ему вгрызусь, пообедаю!» Ужас! — (Алка передала мне «джойнт».) — Тут лучи Рентгена подоспели, зашипели: «Ах вы бациллы! Всех вас насквозь видим! Не дадим человека мучить! Всех на черный снимок в белом виде выведем!» — «Чего так? — удивились микробы. — С чего это вам человеку помогать вздумалось?» — «А с того, что без человека у нас работы не будет, зачакнем, — отвечают лучи. — Некого будет насквозь видеть». — («Как того Адама... внаизнаку... вывернутого...») Алка приняла от меня «джойнт» и закончила: — Ну и что, ты думаешь, лучи эти просто так хорошее человеку делают? Нет, фигушки!.. За так никто приятное не сделает... Они кричат: «Вы, микробы-долбоёбы, у вас ни головы, ни мозгов!

Не лучше ли человека в постоянном страхе держать, просвечивать и проскабливать?.. И вам, тварям, хорошо — питаетесь и жируете, и нам неплохо — на службе, при деле, просвечиваем и облучаем понемногу... А потом мы его облучим до смерти, а вы дождётесь, и за следующего возьмёмся!»

Я пытался понять смысл этой баснеписи — не мог, но тоже хохотал вместе с Алкой. А она, пуская от смеха слезу и хватая меня за рукав, без перехода поведала, со слов сестры, как у них в Холмогорах жила вечно беременная кобыла со странной кличкой Ёбин Рот, и вот этой зимой эта беременная кобылиха сослепу провалилась в яму с морозной водой, сверху подёрнутой льдом. Она лежала там, пока её не нашли, еле живую; ну, вытащили кое-как верёвками, влили трехлитровую банку самогона — отогреться; Ёбин Рот охмелела, ходить не могла, прилегла опять, мужики оставили её — типа «пусть отдыхает, в себя приходит», — остатки из банки допили и пошли куда-то добавлять, а кобыла очухалась — у неё ж похмелье, лошадиный махмурлук, после трёх-то литров самогона-то... захотела пить, побрела по замерзшей реке к проруби, провалилась в неё и окончательно утопла:

— Не судьба была жить... И смех и грех...

Я не знал, что сказать на этот скорбный рассказ, и спросил, почему у лошади такое странное имя, и получил объяснение: когда-то в Холмогоры вместе с английскими коровами завезли пару огромных шотландских тяжеловозов — «копыта во, с две мои сиськи!» — и эта утонувшая кобыла была помесью такого тяжеловеса с простой лошадей, а Ёбин Рот произошло от Робин Гуд, кони-то были шотландские.

— Так что — шагай вперед, мой Ёбин Рот! — закончила Алка и добавила, что кобыла в яму под снегом провалилась — это дело обычное, климат в Холмогорах паршивый, как и всюду: долгая суровая зима, холодная весна, куцее безалаберное лето, унылая осень с затяж-

ными дождями, вечно хмурое небо. — Ничего не поделаться, такая она, наша Рашка, иногда прямо с утра удавиться хочется, чтобы понурость эту не видеть!.. Слышь, Фредя, мы с сестрой как-то в церковь пошли в Холмогорах, свечку за упокой души родителей поставить, так на церкви прибито объявление: «С просьбами не обращаться!» — а ручкой приписано: «А то заебали»... Понял, нет?

Это было очень печально, но, на счастье, бодрой походкой пришел Стоян и принёс в пакете что-то хорошее, стал вынимать и передавать нам назад:

— Вот... свеж хлебец... сиренце... — Он показал сыр. — Томаты, огурочки... Тут, в бурканчето, нешто, чушка, май¹, — подавал он. — Даже масельце...

— Нет, куда масло, измажемся, спрячь... — вернула ему брикет Алка, а я подумал, что и в болгарском языке пицца, видимо, тоже звучит вся как-то с суффиксами — «сиренце», «масельце»: «Что, у них тоже постоянный голод был?.. Как будто европейская страна... И как имя того вкуснотного сыр-пирога вчера — харабури?.. хамураби?..»

— А в Болгарии тоже всегда голод был? — спросил я.

Стоян гордо, но со скрытой печалью ответил:

— У нас всегда турки были...

И всем стало ясно, объяснять не надо: где турки — там ничего хорошего быть не может, папа Клеменс рассказывал, что османы стояли под Веной, от нас в двухстах километрах, а когда их разбили, они, бежав, бросили мешки с кофе, который раньше был в Европе неизвестен — вот единственная польза от турок, если не считать еще круассанов в форме полумесяца, которые хитрые французы, в ожидании турок в Париже, спешно научились печь.

А Стоян высказался в том плане, что турок — вечный враг Европы и христианства, как можно его в Евросоюз

¹ Тут, в баночке, что-то, перец, кажется (болг.).

пускать? — с чем я был полностью согласен, ибо из одного турка через несколько лет получается пять, если не десять турчат...

Кусок свежего хлеба с сырцом оказался мне высшим даром, лучше которого нет ничего на свете. Алка наклонялась, чтобы не крошить себе в декольте, ловко и быстро откусывала то сыр, то красный помидор, и её груди были так хорошо видны в вырезе платья, что я, помимо воли, не удержавшись, сунул между ними огурец...

Она ойкнула, выдернула огурец, бросила на пол:

— Ты чего, сдурел? — а Стоян сделал бараньи глаза:

— Э?.. Що за зверски глупости?..

— Так, шутка...

— Смотри, так шутить будешь — не приеду к тебе в Баварию! — Алка локтями поправила груди.

И я, обидевшись, что шутку не поняли, погрузился обратно в оболочку, и стало вдруг всё равно, приедет ли она ко мне, уеду ли я, самое главное сейчас — доесть этот пахучий кусок хлеба с сырцом...

Молча ели. Стоян тщательно жевал, у него мерно ходила челюсть. Алка откусывала помалу, но часто. Как я сам ел, я не знал, но слышал, как в затылке стучали — клац-клац — железные скобки, такие же увесистые и жёлтые, как клёчки, которые любила готовить Бабаня, каждый раз говоря, что их надо называть не «шпецле», как по-немецки, а «клёчки». Клёц-ки! Кляк-сы! Чип-сы!.. Вот и Алка говорит что-то... то ли «биксе по клипсе», то ли «хныксе по фиксе». Клипсы — кляксы... А, это Алка ищет клипсу... А теперь Стоян говорит, что в том ресторане готовят хорошую уху, а в других местах — уха плоха...

Что-то еще долго щёлкало в голове, но я перестал обращать внимание и занялся баночкой, где сидели в оливковом масле недоступные под закрытой крышкой и оттого наглые полоски красного перца вперемешку с немymi головками желтоватого чеснока...

Когда всё было съедено, мы собрали остатки об-

ратно в пакет, и Стоян уверенной походкой пошёл его относить, а Алка тронула меня за промежность (отчего дремавшая в животе змейка сонно огляделась):

— Ну, как он там? Жив? Потом ещё сделаем!

— Да, очень жив, живущий, — с собачьей преданностью ответил я, а сам представил, как было бы хорошо, если бы женщины вот так сами выбирали: кого какая хочет — подойдет и прямо цапнет за член... Я всегда завидовал девочкам — ведь они могут дать-давать, кому хотят, а мальчик не может получать-получить, что он хочет. А сейчас что?.. В день можно увидеть на улице пять-шесть симпатичных женщин, но не будешь же к каждой подходить и предлагать секс (что было бы лучше всего)?.. Я и так знакомиться на улице никогда не умел. Да у нас в Германии и не принято, могут полицию позвать, как одна дама, к которой Йогги нагло полез после Киева, хотел её в собачьей позе, а она пригрозила, чтоб он её человеческое достоинство не унижал, не то она в полицию позвонит!

Из оболочки мне было сейчас всё предельно ясно и понятно — да, такой бабоархат всех бы устроил, прекратился бы передел и беспредел. Идёт женщина, видит тебя, подходит: «Вы свободны?» — «Да». — «Пошли». — «Пошли». Или «нет, не хочу», «устал», «занят», тогда не пошли, потому что, если мужчина не хочет, зачем его с собой вести-водить? Только время тратить, толку, как с осла молока, совсем мало... А сейчас как же? Глупо, как в природе: самки копошатся в стороне, что-то жуют, искоса на самцов поглядывают, а те рогами и копытами бьются, и кто останется в живых, тот самку и берёт, а ей, в принципе, всё равно, кто там её сзади кроет, она знает главное: кто кроет — тот самый сильный, чего дёргаться?.. Тот же жизненный принцип, что и с едой (если с утра никого не убил и не съел, к вечеру так ослабнешь, что тебя самого съедят): если в бою кого-нибудь не покалечишь, не поранишь — самки тебе не видать, как своих рогов...

Мусор выброшен, «джойнт» докурен, можно ехать дальше, тем более что вот и солидные джиповики выходят из узорных дверей ресторана, к машинам гуськом продвигаются... подсолнцевые... лучше отъехать, от греха в сторону... Такое поедь...

Вдруг зазвонил мой телефон. Это папа.

— Ja, Papi!

— Manfred, wo bist du? Was machst du? Brauchst du kein Geld, oder was?¹

Этого вопроса я ждал! Но сейчас на него было так трудно ответить из оболочки, никак не найти слов ни на одном языке!.. Я молчал.

— Was ist los? Wo bist du?²

Я переждал, пока в горле с хрустом что-то открылось, и выдал:

— Ich bin in Moskau, Papi. Das Geld habe ich von einem Bekannten geliehen...

— Ach, so... Nun gut... sei dort vorsichtig und leg dich mit niemandem an. Erinnerung dich an Joggi!

— Nein, Papi, ich bin schon okay... Jetzt gehen wir in den Zoo...

— Wohin?

— In den Zoo!³

В голове вдруг чётко возник текст из учебника фрау Фриш: «Московскому зоопарку скоро 100 лет, в нём живут тысячи зверей из разных уголков нашей обширной родины»... Но папа не понимал по-русски, поэтому я только повторил:

¹ — Да, папи!

— Манфред, где ты, что ты делаешь? Тебе нужны деньги, или как? (нем.)

² — Что случилось? Где ты? (нем.)

³ — Я в Москве, папи. Деньги я одолжил у одного знакомого.

— Ах, так. Ну хорошо. Там осторожнее, ни с кем не связывайся. Помни о Йогги!

— Нет, папи, я о'кей. Сейчас мы идем в зоопарк.

— Куда?

— В зоопарк (нем.).

— In den Zoo, Tiere beobachten...¹

Папа вздохнул:

— О, Manfred, mach keine Dummheiten, bitte...² — и повесил трубку, сказав, что если мне что-нибудь понадобится — звонить, это я знал и без него (куда же еще звонить, как не домой?).

Я начал прятать телефон, но он, как-то странно мигнув, зазвонил вновь, будто ждал конца разговора с папой. Полковник.

— Фредя! Как дела? Как самочувствие после вчерашнего?

— А, спасибо, махмурлук...

— Что?

— Это по-болгарски... после хмеля.

— А вы что, с болгарами?

— Нет, так... вспомнил... — сказал я и сделал знак не шуршать в машине — с полковником шутки опасны. — Я гуляю. Красную площадь посматриваю.

— Да? — усомнился полковник. — А почему голосов не слышно?

Я поспешно показал Стояну открыть окно, что он и сделал. Я высунул мобильник наружу, как раз проезжала ватага машин:

— Как нет... вот...

Холодный голос полковника возразил:

— По Красной площади машины не ездят...

— А мы, около... — ответил я, думая, чего он привязался к этой площади.

— Ну-ну... А я думаю — позвоню, спрошу, как дела. Вы когда едете? Посылочку возьмёте, как договорились?

— Да, конечно... Всё, как... сделано... сделавши... — Я пытался спешно вырваться из чехлов оболочки, она рвалась, но не выпускала, цеплялась за мысли.

— Ну, перед отъездом ещё увидимся. Надо обговорить детали, связь.

¹ — В зоопарк, зверей смотреть (нем.).

² — Ох, Manfred, не делай глупости, пожалуйста (нем.).

— Хорошо. Я готов-приготов.

— Фредя, ведите себя хорошо! Много не пейте и на камнях не поскользнитесь... Там, на Красной площади, камни скользкие, многие падали, головы ломали...

— Спасибо! Вот даже уже Кремль вижу... из-за далека... Лобовое место...

Голос иронично сказал:

— Да? Поздравляю и завидую! И нашивки свои снимите...

— Какие эдакие?

— Фашистские... На Красной площади этого не любят...

О, как он помнит про нашивки!

— Я не надел... я эту преглупость никогда... зачем?

— Ну отдыхайте!

И он резко отключился, отчего телефон как-то странно вздрогнул. Казалось, Алка не слушала разговор, но, когда я спрятал телефон, спросила:

— Не Майсурадзе ли, случаем?

— Нет, товарищ... А что?

— С ним осторожнее. Опасный человек.

— Почему? Мне... такой милый... милостивый...

Алка махнула рукой:

— Да какое там! Змей еще тот! На всё способен!

— Например? — всполошился я, окончательно высвобождаясь из оболочки.

Алка усмехнулась:

— Ну, например, девочки говорили, что он ихнего грузинского бывшего президента то ли сам убил, то ли послал кого-то убить... А потом сбежал, там жить ему нельзя, тут сидит...

— А какого это президента?

— Камасутрия, что ли... Или Хамсамурдия... чего-то такого, сложного... Да я в них не разбираюсь — девчонки говорили... Он нас всех перетрахал, полковник твой любимый...

— И... тебя?

6. 25 сентября 2009 г.

– Ну, и меня... Я чем хуже? – обиделась она, а мне стало жаль её, я скорей полез к ней – только тут можно найти теплоту, доброту... приятное... хорошее... ласковое... Она это поняла и погладила меня по голове, как Бабаня, отчего я совсем сник и раскис и был полностью счастлив в этот день счастья.

А Стоян, поведя ушами и затылком, стал спешно заводить машину, потому что джиповики в шелковых шарфах и длинных плащах уже соизволили подойти к своим клыкастым и глазастым машинам и сейчас громко переговаривались, величественными жестами показывая, кому куда садиться. Под их пристально-недобрыми взглядами мы скромно отъехали и ввернулись в поток машин. Куда мы едем? Куда мы всё едем?

– На Красную площадь?..

Алка ответила:

– Нет, пока в зоопарк, Стояну бабочек надо. Зачем тебе эта площадь? Что там смотреть? – а Стоян, оторвав обе руки от руля, показал квадраты:

– Там сега има решетки, затворено е... Ще има концерт, строят сцена¹.

– Концерт? Кто приезжает?

– Думати Джими Хендрикс...

– Какой Хендрикс? – Я от души удивился (у нас по ТВ хоть и говорят, что звезды едут в Москву тогда, когда в другие места их уже не приглашают, но не с того же света!..). – Он давным-давным умирал!

– Нет, этот, другой... Джоэл... Вилли...

Алка вытащила зеркалко и стала ретушироваться.

Я следил за ней и вспоминал Италию, где видел, как на пляж утром пришли две славянские туристочки на каблучках, польки или чешки, разложились, первым делом достали косметички и начали краситься... весь пляж

¹ Там это сейчас решетки, закрыто. Концерт будет, строят сцену (балг.).

смотрел, онемел, но Алка, жмуря пухлые губы и так и смя, одобрила их:

— А чего, правильно бабы делают! Всегда надо хорошо выглядеть, никто ж не знает, где кого отловишь... Поэтому наши бабы всегда начеку и наготове, вон, мэл-гибсонов и ван-даммов охмуряют, не хренов собачьих, а звёзд... Или как та баба, что через рот забеременела от вашего Беккера?.. Он ей сейчас чуть не 20 тысяч в месяц отваливает... Как её зовут, чернявая такая, на негритоску похожа?.. Взяла за щеку и перенесла, куда надо! Умна баба!

— Получёрная такая, губливая? — включился я в поиск.

Стоян тоже зашевелил затылком. Чувствуя явную неприязнь к его затылку и не вспомнив имени этой поллучёрной губатой сперматозоида, мы начали обсуждать другую проблему — скоро ли изобретут чипы, чтобы любой язык прямо в мозг сажать?.. Следя за щетиной на затылке Стояна, я начал про себя вычислять, сколько гигабайт информации может вместить средний мозг вот такого среднего индивида?.. И от чего это зависит — от объема черепной коробки, мозгового вещества или каких-то других факторов?.. И если вес души можно мерить в микрограммах, то почему нельзя мерить память ну, в гигабайтах, например?.. У меня вот память быстрая и цепкая, целые куски из книг держит в запасе, иногда даже очень не вовремя их выпускает... И что мерять — объем или скорость поиска? Если скорость, то тогда в битах, как скорость Интернета... Или надо выработать новую единицу, чтобы охватить оба параметра: объем + скорость поиска... Помнится, Хорстович утверждал, что русские втайне, где-то в Сибири под землёй давно ведут такой эксперимент, и создан уже монстр, который может на ста языках сказать простые фразы типа: «Здравствуйте, вам нефть нужна?», «За пресную воду из Арктики кто платить будет, Пушкин?» или «Медь только у нас осталась, недорого»...

В пустой голове иногда катался от уха к уху маленький поезд: в одном ухе делал остановку, брал пассажиров — палочек Коха, спирохет, боткинцев, и вёз их — через голову — к другому уху, по мостику через реку, что втекает в двойной тоннель носа... Иногда вспыхивали лучи, и тогда жёлтые бациллы закрывались белыми сомбреро, только боткинцы ничего не боялись... И опять здоровы будем, други...

Ах, нет, это Стоян что-то рассказывает про друга из зеленчуков магазина — ракии много пьёт, самоушийца.

В машине как будто стемнело. Мы то стояли, то ехали. Алка задремала на моем плече, отчего я почувствовал себя ответственным за её сон и старался громко не отвечать Стояну, который ругал москвичек за выгодуничество и хвалил Алку:

— ...Алка — душечка, сладурче... добра душа... Тя е от мал град, а тези тук са израснали, гадини¹...

— А откуда она, из какого мал-града? — Я понял только это.

Сквозь дрёму она сама ответила:

— Город Холмогоры... улица Возрождения, 3...

Глаза её были тайно полуприкрыты, и уверенность в том, что её надо взять с собой, возросла... И почему-то возникло желание сказать таким грубым голосом что-нибудь в хамско-прошедшем времени, с нажимом на каждом слого, что я сделал:

— А ну, быстро сюдааа положиииил, я сказаааал! Не поооняяял?

Алка очнулась, осмотрелась:

— Ты чего, Фредя, рехнулся? Стоянчик, где мы? Где твои бабочки? В туалет пора. Слышь, бычок! — и она потрепала болгарина за ушами, вызвав его довольное урчание:

— Сейчас, муцунка²... Скоро.

¹ Алка — душечка, сладкая, добрая душа... Алка добрая, она из маленького города, а эти тут выросли, гадюки (*болг.*).

² Мордочка (*болг.*).

Около въезда к зоопарку выяснилось, что заехать надо с другой стороны: там цех по выращиванию бабочек, рыбок и всяких хомячков.

Стоян перепроверил по бумажке: так, заказано 300 пёстрых, 300 жёлтых и 300 белых пеперуди...

— Ты загони машину подальше, где людей нет, я косяк забить хочу, — сказала Алка, пересматривая сумку.

Стоян искоса хмыкнул, но без возражений поехал дальше, вдоль ряда машин, стоящих у входа в длинное здание, где на стенах были нарисованы звери: верблюд в пустыне, лиса в кустах, рыбы под водой...

— Они чего, верблюдов тоже разводят? — удивилась Алка, потягиваясь и резво посматривая на меня — и от её взглядов загорались огоньки в сердце, а где-то внизу, в коленях, насторожилась притихшая змейка.

Переждав, пока Стоян скроется в дверях и быстро, по-звериному оглядевшись, она засунула руку мне между ног и перебралась выше, до упора:

— Соскучился тут без меня, котик... Хочешь, приятное сделаю?.. Смотри, чтоб никого не было, а то штраф платить...

Я стал со страхом оглядываться в окна. Но внизу так было хорошо, что внимание сразу раздвоилось, я не знал, что делать и куда смотреть... Наверху — штраф, опасность, от этого внизу еще приятнее...

— Да, так, хорошо... — мечтал я вслух, крепко держась за её голые груди, чтобы не улететь...

Она сползла с сиденья вниз, её мясочные губы делали свое доброе дело, им помогали хозяйские пальцы и блудливый крепкий язычок, который неожиданно вылезал наружу, мельком обегал вокруг головки, не забыв заглянуть в щелочку, и стыдливо скрывался за влажными поворотами губ.

Вдруг я увидел две тёмные фигуры и сказал, как учил Виталик:

— Апас! Люди! Апасно!

Она оторвалась, сидела, притихнув, невидимая за спинкой сиденья, я тоже кое-как прикрыл расстегнутые брюки. Так мы переждали, пока они пройдут, причем Алка всё время украдкой держала руку на моей вздрагивающей змейке, не давая ей укатиться в обмороке за кудыкину гору. Было слышно, как один человек говорит другому:

— Так у него рыба вялая, он её ячменём кормит, а от ячменя рыбу пучит...

Как только они показали нам свои невезучие спины, Алка опять начала движение рукой, хотя я думал, что не надо больше стресса. Но её пальцы заставили меня думать иначе, увели мысли в дебри, в дерби, где был только один выход, к которому мчалась кукла, за ней спешили гончие кончики её пальцев, а дальше летело мое «я»... пока не выскочило, белым клубочком, на спинку сиденья...

Я ошалело молчал. Язык провалился в глотку, ушел в песок, а мою оболочку, как бочку, носило по волнам, пока опять не прибило к её груди, но Алка сказала:

— Хватит! Хорошего понемножку! — и движениями плеч и локтей уместила груди на место; стерла салфеткой сперму, «чтоб Стоян не пиздел», вытащила пакетик с травой и начала делать какие-то заварочки:

— Забьем косячишко...

— Да, ишко... юшка... — Я хотел погладить её душистое пушистое ухо, но она мотнула головой:

— Щекотно! Дурь рассыплю... Я до щекотки ужасно трусливая.

— Тогда тебе надо в Китай.

— Почему?

Возвращаясь с неба и застегивая штаны, я пояснил, что самой страшной пыткой у древних китайцев была пытка щекоткой, когда ноги жертвы закрепляли специальным образом, на подошвы сыпали соль, а стада овец целый день лизали их.

— Чего только гады не придумают! — Алка сделала большие глаза: — Житья от китайцев нет! Да и других

чурок полно, по улицам ходить страшно... Вот, говорят, недавно девку одну хорошую китайцы украли, а потом... суки... — она всхлипнула, — на мясо распродали, они же всё жрут, и собак, и кошек, и даже тараканов жарят... — А я подумал: «Эту историю, видно, все знают. Капитан рассказывал... На утку порубили...»

Мы помолчали. Мимо прошла мамаша с мальчиком, который нёс в клетушке хомячка, высунувшего нос между прутьев, и канючил:

— Ма, ну давай ему сразу и корма купим здесь... Ма...

Мама тянула его за руку:

— Нет, я сказала, купим у нас в ларьке, тут дорого.

— Когда ты купишь? Да он подохнет до этого!

— Не подохнет, листиков дадим.

— Ну, ма...

— Нет, я сказала!

Может, нам лучше пойти в зоопарк и выпить там кофе, а то уже скоро вечер?

— А где мы, не в зоопарке? — возразила Алка.

— Это лабораториум...

— Тут спокойно. А в зоопарке — шум и гам... детей навалом, с бабушками... — Алка ловко завернула и облизала «джойнт». — И вход дорогой.

— А мне, как иностранцы, и вообще... подавился... — вспомнил я против воли.

— Вот именно. Вот, тут тоже звери! — указала она закурным «джойнтом» на облупленную стену, где был изображен верблюд. — Любишься!

О, верблюд! Я в Израиле близко видел... такие странные... Арабы смеялись, нам через гида объясняли, что верблюды — единственные существа в мире, которые трахают самку вкруговую, не ссорясь, не бодеясь, не кусаясь, а просто сидят на земле и терпеливо ждут своей очереди: но вначале за самкой бежит, ловит и покрывает её самый шустрый и крепкий верблюд, другие же просто трусят следом, а потом сядут и ждут, когда придёт их очередь. И

трахаются не как все копытные, стоя, а сидя. Видно, жизнь в пустыне заставляет ценить секунды счастья.

— Во умные, мужикам бы поучиться! — И Алка рассказала, что на одну её подружку Инку верблюд в Дубаях так харкнул, словно сотня мужиков разом кончила: — Она в шортах была и с менструацией, видно, не понравилось ему, — а потом сообщила, со слов дядь-Коли, что у лисы вагина точно размером с бабую и что в сталинское время ээки часто ловили лису в ловушку, привязывали к трубе или батарее, чтоб не царапалась, и пялили её до упаду, а лиса озиралась, как баба, жмурилась, мурлыкала... Ну, курнёшь?

— Я — нет, хватит. И так... шило в мыло... — Но она сунула мне «джойнт», и я взял, хотя брать не хотел, вспомнив сержанта и его песнь о водке: «Любишь?» — «Нет». — «Будешь?» — «Буду».

А, пусть!.. Папа говорит — не пей, помни о Йоги. А что о нём помнить? Прекрасно себя чувствует. Провёл в Киеве лучший год своей жизни, получал от Германии 600 евро в месяц на карманные расходы и оплаченную комнату, а от Украины — ежедневный борщ, сало и девочек, чего еще?.. Я же за руль не сажусь и по стройкам не того... И даже не пью сегодня, как ни странно.

После нескольких затяжек меня стала привлекать задумчивая и очень раздутая, как с двумя флюсами, змея на камне... Дедушка Людвиг говорил как-то, что в мире только три вещи не оставляют следов: «Schiff auf dem Wasser, Schlange am Stein und ein Mann auf einer Frau»¹... Интересно, знает ли Алка, что змея — это животное Будды?..

— Это которого? Что ноги поджав сидит? Их царь? — уточнила Алка, зажимая «джойнт» между ладонями и втягивая в себя много дыма.

— Да, так почти... Будда пил яд, кожа стала синяя... Однажды демон Мара сделал бурю, бурягу... Ветер, дождь...

¹ Корабль на воде, змея на камне и мужчина — на женщине (нем.).

А великая кобра вокруг Будды так... так... — Я покрутил рукой, не зная, как сказать: — Вики, вики...

— Обвилась, что ли?

— Да... обвилась семь раз... и спасла... защита...

Потом мы обсудили вопросы, которые волновали её с детства: может ли слон сам себе драть хоботом?.. И как драт змея?.. Кузнечик наяривает лапкой, мышка трётся о травинку, жук спускает в личинку, даже дикобраз умудряется как-то выворачиваться, а слон? Достает ли хоботом до члена или членом до хобота?

Тут показался Стоян. Он с трудом тащил, обхватив с двух сторон, картонный ящик, на котором были нарисованы бабочки и было много дырочек. Он донес ящик до капота:

— Не влиза в багажника. Ще трябва в купето¹.

Алка пересела вперёд, а ко мне был вдвинут уже изрядно потным Стояном шуршащий ящик. Я сидел, лишившись Алки, прижатый холодноватым картоном, набитым шорохами. Приложил ухо к стенке — шелест, хруст, шруст... Заглянул в дырочку — и отшатнулся: показалось, что изнутри смотрит укоризненный глаз. Ящик стал пугать: что-то мёртвое, но начинено живым, шуршащим, шепуршащим!..

— Сколько их там?

— Кур ги знае... Хиляда... не знам².

— Кур? Вы их потом курам даете? — спросил я.

Стоян гордо расправил плечи:

— Не, кур при нас значи член³.

— По-ихнему «кур» — это хуй, — пояснила Алка и цапнула-царапнула меня за ширинку.

«Кур — член?» — удивился я (это что же получается: если сказать болгарину: «дай курить!» — то чего надо ожидать — сигареты или члена? Или на пачке написано:

¹ В багажник не пойдёт. Надо в кабину (болг.).

² Хер его знает... Тысяча... не знаю (болг.).

³ Нет, кур по-нашему — это член (болг.).

«кур-ение вредит здоровью...» — это как понимать?..). Алка засмеялась:

— А ты спроси у него, как манда будет по-ихнему? Вообще умора! Он мне каждый день говорит: «Покажи путку!»...

Как? «Пут-ка»? Что-то очень знакомый корень... Тут чтоб не попасть, как тот Незнайкин... Поэтому я осторожно спросил у Стояна:

— А это... От чего? От «путь»? Типа «идти по пути»... вдвоем?.. Или как?

Стоян не знал, но важно объяснил, принимая от Алки «джойнт», что когда они в школе на уроках русского учили склонять слово «путь» (оно же исключение — то женское, то мужское), то всегда смеялись, потому что всё время плохое слово выходило, и они специально просили у Иды Орлиновны — «млада учителька, ох, какви хубави бедра имаше!»¹ — чтобы сегодня опять хорошее слово «путь» склонять:

— Ты се изчервяваше — не, достатьчно, колко още, цяла седмица вече скланяме²...

Чего только не услышишь!.. Я полез было за электронным словариком, но решил сразу спросить, как будет по-болгарски и третье сакральное слово, которое объединяет путок и куров. Стоян, со свистом вытягивая всю душу из «джойнта», мельчавшего на глазах, важно ответил:

— Так как русский — «эба».

Но мне этого было мало, надо услышать всё спряжение по лицам — я, ты, он. Тогда Стоян достойно справил плечи и торжественно начал:

— Аз эба... — на что Алка прыснула:

— Во завернул, памятник! Аз есмь... — Я же не нашёл ничего смешного: кур эба путку, утка эба кура... у нас в

¹ Молодая учительница была, ух, какие бедра хорошие имела (болг.).

² Она краснела — нет, хватит, сколько можно, всю неделю уже склоняем (болг.).

немецком тоже есть идиотский птичий глагол для совокупления – «vögeln», «птичкаться», что ли... значит, мы, как и болгары, видим в этом что-то куриное... утинное... Я уточнил у Алки:

– А по-русски есть «птичкаться»?

– Чего-чего?.. Какие такие птички?.. Видел бы ты их хоботы, как у того слона. – Она мотнула головой на стену, где веселый слон стоял на воздушном шарике.

– Тогда как – слоняться? От «слон»? – обрадованно сообразил я.

– Не, «слоняться» – это другое, – охладила меня Алка.

«Осторожно, двери прислоняются!» – вспомнил я неизвестно что, на что Алка сонно отозвалась:

– Вот именно, прислоняются, а потом спать ложатся...

Стоял после «джойнта» затвердел и, как истукан, смотрел вперед.

– Эй, не пора ли пеперуни твои везти? Еще и пожрать чего-нибудь в кабаке не помешает... Заводи! – скомандовала, открывая глаза, Алка.

Стоял начал вслепую шарить ключом, искать (и не мог найти) зажигание, бросил это занятие, опустил руки и сообщил, что он свою работу «свершихом» и куда теперь ехать?

Алка встрепенулась:

– Вот Фредя вроде в кабаке приглашал... А ты говорил – знаешь хороший гриль.

Затылок Стояна размышлял:

– Туда далече, чрез весь град... час пик...

– Ну, езжай куда хочешь, пора бы чего-нибудь... с травы на хавку тянет... а нам с Фредей и так хорошо, да, котик?

– Да, котик – очень хорошо, прехорошо...

Рядом с ней я словно купался в счастье: бултых... бултых... И начал уже плавно опуститься в мягкую оболочку, чтобы лететь в ней до ядра земли, но услышал шуршание и тут же вынырнул обратно:

– А бабочки? Они умрут... умирают без воздуха...

Стоян равнодушно посмотрел на ящик:

– Не, казаха, че ще доживеят до утре¹. А там подохнут...

– А их кормили? – продолжал я беспокоиться, прижимаясь к ящику уже всем телом и ощущая, как бабочки притаились, надеясь на мою помощь... И слова этого бычьего Стояна меня очень ранили.

Я стал крепче прижимать ящик, с тоской думая, как же так, существо родилось – и должно сидеть в тесноте... или лежать, да, лежать друг на друге, в страхе и тоске... а потом сдохнуть? Зачем? Мы хоть ходить можем перед смертью, а им даже летать запрещено... И какой этот болгарин равнодушный! «Всё равно подохнут». А ну, тебя бы положить на других болгар и сунуть в ящик... Но от вида мелькнувших в подкорке болгар штабелями я покраснел, внутренне замолк... чья бы корова молчала, а чья – мычала, печи и всё прошлое всегда с тобой...

Ресторан помнится плохо – только бормотание Алки:

– Какие-то чучела на входе, кальяны. На кельнерах – кафтаны, сафьяны... все, суки, пьяны...

Вот наш отдельный стол за загородкой, над ним прибиты медвежья шкура и рога (под которые ни я, ни Стоян не хотели садиться, села Алка)... Водка... много жареного мяса... Стоян гордо перечислял: вот жареные рёбрышки... говядина под соусом... свинина на вертеле... отдохайте!..

Пошли первые рюмки стандартного типа «будем!». Водка после травы стала давить, наваливать пласты мыслей, в каждом можно было долго ковыряться – например, «ну, будем!», повторяемое Стояном, заставило задуматься о том, что этот тост говорится только в будущем совершенном времени. А будем – что?.. Будем

¹ Не, сказали, до завтра доживут (болг.).

быть?.. Будем будевать?.. Я буду быть. Я буду будевать. Или буду бывать?.. Или вообще будем живы? Надо бы Исидору ввести декретом будущее-процесс, чтоб у людей было чем заниматься... В целом это может подтверждать Ваш тезис о пассивном фатумном оптимизме славян: будем – и всё, это главное! А как будем – это уже другой вопрос...

Оболочка, в которой я так уютно сидел целый день, стала от водки как-то плотнее охватывать меня, качать, разносить в стороны, откуда было всё труднее возвращаться назад... ни прыг-скоком... ни скок-прыгом...

Сквозь шум и звон пробивались отдельные слова Стояна, которые я не мог и не очень хотел понимать, а тем более записывать. Не могу же я фиксировать все слова на свете, тем более такие уродливые, как у болгар, – «махмурлук», например, что красивого?.. Или «марзылан»... Как болван или барабан! Нет, русский язык – мягкий и ласковый – вот, например, слово «пепельница». Как звучит? Просто бабочка с крыльями!.. Так и хочется поласкать рукой. Кстати, и по-болгарски бабочка будет – «пеперуди», тут есть совпадения... Но вообще одного русского языка хватило бы на всех славян, зачем еще другие языки учить, мучиться?

Да и к чему вообще вся эта лингвистика, когда под столом ласковая нога Алки охватывала мою, отчего было очень приятно и казалось, что мы с ней – в заговоре, которого не знает никто в мире, в секрете, известном только нам, да еще Адаму с Евой... Некстати вспоминались слова полковника о том, что «кто бы с бабами связывался, не будь у них тела»... В общем, да. Но вот эта теплота, доброта... душливость... самодавача... Надо забрать её в Баварию...

...А если она заберёт меня в Холмогоры?.. Это где-то... провинция... Хорстович говорил, что один раз ездил в провинцию и больше не хочет – всюду на разбитых углах сидят на корточках небритые татуированные люди в штанузах, с банками пива в мозолистых руках, и у всех

золотые зубы, и все они поминутно то хлётко плюются, то так ловко — цык-цык — бочком, сморкаются. «А где это — провинция?» — спросил я его. «Всюду, где не Москва», — ответил Хорстович, на что я усомнился — есть же большие города, много миллионов, какая же это провинция?..

Потом Алка и Стоян куда-то пропали. Я обнаружил себя за столом, полным костей и пролитой водки. Холодная злоба стала шевелиться во мне — «пошла в туалет приятное делать бычку... сказал же сам — плотоугодлив зело».

Я огляделся получше — на сцене ребята в распитых распашонках долбили на каких-то трёхструнных корытах что-то громкое и тряское. А, вон и Алка, пляшет со Стояном балканское, с подпрыгом. Оттого, что они тут, а не вышли куда-нибудь в коридор, стало так приятно, будто душу окатили маслом масляным. И когда они пришли к столу, я жарко стал им говорить, как я рад, что мы подружились, моей мечтой всегда было дружить со всеми, и даже больше того — Фредя всегда мечтал прожить жизни всех людей, узнать, как они жили, говорили, что делали...

На это Стоян вспомнил заклятых турок и сказал, что лично он не хотел бы быть сваренным в кипятке. Нет, доказывал я, почему обязательно сваренным? Хочу знать, что думают крестьяне в тростниках Нила!.. О чем говорят на свадьбе подвыпившие рыцари?.. Как считает последние гроши гончар в Куме? Как примеряет свои первые сапфиры магараджа в Раджастане?.. Какую еду готовят этрусски?.. Что поют туареги, везущие рабов на продажу?.. Как пахло в соборе, где Лютер топал ногой на католиков?.. Что подают на обеде у Ивана Страшного, где фон Штаден откусил яйца у боярина, выпил подряд три кубка и смог еще станцевать тарантеллу, за что и получил из царских рук перстень, дошедший до моей мамы?..

Мне никто не возражал (Стоян догрызал рёбрышки, Алка думала о чём-то своем, оторванном от нас, нервно оглядывалась), но я настаивал, долбил:

— Хочу знать, что цикады... ночь... в Израиле... как царь Давид... цаки-цуки... Königin von Saba¹... её белые бёдрышки... — но Стоян начал вспоминать очень недобрыми лексемами турок, а заодно и византийцев, чей проклятый василиск... не, базилевс, взял в плен 30 тысяч болгар, но не убил, а приказал выколоть всем глаза, только оставив каждому десятому одно око, чтобы эти десятники могли увести связками всю слепую армию в Болгарию. Так он не только на века опозорил болгар, но и добавочно досадил еще 30 тысячам семей, лишив их на всю жизнь кормильцев и сделав побитых слепцов вечной обузой для родных:

— Ето така, с лъжици, издълбавали, сган! — потряс он ложкой из салата. — Ние сме нещастен народ... Всички нас са мъчили... Защо?... Мястото е хубаво, до море, всичко има².

Я был как в параличе от ужаса этой картины: «Ложками... глаза... тысячи глаз... Кто же это... как же это?..» — я не мог найти глагола, дрожа и от всей души желая, чтобы бог, если он сам не в катаракте, посмотрел бы на всё это своим всененавидящим оком...

Стало совсем грустно и тошно. Когда я временами открывал глаза, то видел, что народ отдыхает. Как же — не отдыхать?.. Отдых — главное... В Кении говорили, что лев в сутки отдыхает-спит 20 часов, а оставшиеся четыре — отнимает у самок их добычу и жрёт её до сытовальности... нет, вялосытости... А почему сам не охотится? А потому, что бегать трудно по жаре, грива мешает, 25 кило весит... А зачем ему грива?.. А чтоб шею защитить от гиен, шакалов и других самцов!.. А зачем его шею защищать, если он пользы не приносит?.. А затем, что он — царь и вождь, царюга и вождюга, и ему в первую очередь надо жить, жрать и самок жать. И с этим все согласны, и львицы в первую очередь... Ну и что, что он целый день

¹ Царица Савская (нем.).

² Вот так, ложками, выковыряли, сволочи. Мы — несчастный народ, все нас терзали. Почему? Место хорошее, у моря, всё есть... (болг.)

спит?.. Его даже спящего шакалы и гиены стороной обходят, знают, что проснуться может, если только больше 20 кило мяса зараз не сожрал — тогда царь зверей спит беспробудно двое суток, на него хоть всех козлят вешай — не шевельнется... Но всему бывает конец, и старый, слабый лев из хищноги превращается в жертву, и его приканчивают те же шакалы и гиены несмотря на его поредевшую, вшивую, плешивую гриву...

Тут Алка, пьяно шарящая взглядом по залу, увидела какого-то своего знакомого, очень неприятного бритого наголо типа с бакенбардами. Пересела к нему, потом они пошли танцевать, но меня это уже не интересовало — прикрыв глаза, я скорбно думал о том, что я ничуть не лучше всех этих живодеёров: сколько я сам съел живых существ? Сколько жизней убил?.. Вот они, все тут, пришли ко мне получить долги... Стадо молчаливых коров смотрит укоризненно и сурово... Слабо кудахчут бесчисленные куры, блеет баранта, бодаются телята, несколько перепёлок топчется в траве, а в огромном аквариуме плавают раки, креветки, рыбы, и щуки с распоротыми брюхами всплывают вверх, выпуская вёдра икры, которую так искусно солила Бабадя...

Потом завязался спор со Стояном о том, можно ли преступников вместо расстрела разрезать на органы и этими органами укреплять здоровье хороших, нужных людей?.. Пусть они живут 200–300 лет и пользу приносят! Я был уверен, что можно, и даже нужно — чего добру пропадать?.. — но Стоян продолжал ругать мусульман и грозил мне, чтоб я не говорил такие «зверные вещи», что я, наверно, садист и фашист, как все немцы...

На это я стал ругать христиан: как эти ханжи могут ходить в церковь с миллионами в карманах, когда вокруг — голод и нужда?.. И как у рыцаря поворачивался язык молиться Христу, когда он только что лишил жизни 1000 мусульман?.. Как рука не отсохнет у святоши, кото-

рый мечом крестит всяких неверных индейцев?.. Или богов закон «не убий!» не для них?..

— Сидит Папа, в золоте и диамантах, а что Христос говорил-сказал?

— Ты фашист, друже!

Его белое лицо нависало надо мной, постепенно превращаясь в мерзкий медузный мучной сливень, с прыщами, шлёпальцами и мелкими жукалинами... Оно так надвинулось и так противно задышало на меня, что я был вынужден ударить по нему куском хлеба, попавшим под руку:

— Чтобы ты сгинул, сгнил, Ёбин Гуд проклятовый!

Сразу чьи-то злые крики стали хватать меня за плечи и лопатки:

— Ты чего это топинуры на сиризину наболачиваешь?

Я хочу что-то ответить, но всё булькает через край... по лоб доволен... Стон в рухинном клифте... Зэки! Мыши! Лисы! Лисовы путки! Цисил тябюл икэз...

Потом — костлявое железо машины, куда я никак не мог (и не хотел) влезть. Железо хватало, задиралось, не пускало. Потом вдруг унялось, и грубая сила пристегнула меня к сиденью.

Последним был слабый шорох живых существ из бездонных дыр картона, куда я пытался засунуть пальцы. Но мне не разрешали, били по рукам, отрывали от ящика, отчего хотелось плакать... плакать вместе с бабочками, что лежат в темноте друга на друге, притихшие, без сил, и ждут смерти... задыхаясь и корчась... ждут... а перед смертью им надо ещё вылететь перед каким-нибудь ничтожным и поганым Бояном Бояновым, и умереть... подохнуть в дыме и гаме... и нам всем тоже... и всё на земле закончится и потухнет... как в этом полудохлом ящике, около которого я не хочу сидеть-лежать, потому что очень жутко прижиматься своим ухом к живой еще смерти. А я сам кто?.. Такой же дохляк! Уже не куколка, еще не бабочка... Так, гусеница, слизняк, улитка без крыльев...

Я зашарахался в стороны, но чей-то голос строго приказал:

— Седя тихо, лохарь, проклятник!.. — и я испуганно замер.

Ночью я проснулся с пересохшим горлом и головной болью. Свет фонаря безучастно сочился в окно. Где я?.. Следя за лучом, я увидел на полу тело. Что это?..

Я вскочил. Зажёг свет. Я в номере, опять голый. В постели — Земфира. Алка. Спит. А на полу, с рюкзаком под головой, раскинулся на спине Стоян, без туфель и рубашки, но в носках и штанах. Я поморщился, перешагнул через него, открыл окно и, пока пробирался в ванную и пил там воду, то думал, что хорошо, не наоборот — не я валяюсь на полу, как собака, а он... А я — лежу, как человек.

Вернулся в постель, стал смотреть на Алку. Её уёмистые груди при свете фонаря были фиолетово-сиреневыми, ощутимо круглились. Я тронул их, но Алка отстранилась, пробормотав во сне что-то типа «ну, в сосиску». Она спит и ничего не хочет. Но я хотел! Голову водило и вело, и мне казалось, что если я буду трогать эти округлости, то и в голове всё плавно наладится: изгибы мыслей успокоятся... Но как это сделать?.. Она спит. Тут еще этот, на полу... плотоугодник...

Нет, чтобы побороть желание, надо сделать так, как учил психоаналитик, а именно — дискредитировать объект желания, сделать его смешным или нелепым. Поэтому я взял с пола носок и осторожно положил его на спящую Алку, куда-то на изгиб бедра. И вид этого носка на молчаливо лежащем, тупом и немом обрубке тела тотчас вызвал во мне брезгливость, перебив этим все тяги.

Я лёг, отвернувшись от Алки и запрещая себе думать о ней, но не мог заснуть. Мысли летали — верблюды в кружке... ресторан... машина... бабочки... Бабочки где?.. Я стал оглядываться. Здесь, в номере, ящика нет. Значит, он в машине!.. И они там задыхаются!... Но будить

Стояна сейчас? Он не пойдет на улицу. Я тоже не пойду. Алка тем более.

...Может быть, бабочки даже спят, не зная, что их ожидает. Как мы учили на семинаре по логике? С одной стороны, «человек – смертен», «я – человек, значит, я смертен». С другой стороны, «каждый человек – Вселенная». С третьей – «Вселенная вечна и бесконечна». Значит, если верно утверждение, что человек – это Вселенная, а Вселенная вечна и бесконечна, то и человек вечен и бесконечен... А вот если он умирает, значит, что и Вселенная конечна и смертна... Всё очень просто... Может, и прав дедушка Людвиг, когда говорил мне, что на свете – три загадки: бог, смерть, Вселенная, Gott, Tod, All, и до тех пор, пока эти загадки не разгаданы, пока нет ответов, человеку можно жить, как ему угодно, ни на что не оглядываясь, и делать, что пожелается.

Ну, вот я и делаю, пока бог безмолвствует, смерть могильно молчит, а Вселенная спит космическим сном в межпланетной коме. И что мне толку, что чья-то Вселенная будет жить после моей смерти?.. Я её не знаю, я знаю свою. Моя Вселенная – как захочу, так и будет с ней! И достаточно. А другие – пусть сами разбираются, как та индюшка, которую я однажды встретил у дедушки Людвига в летней бане...

...Мне было лет пятнадцать. Подходило Рождество (когда мы обязательно из Мюнхена всей семьёй ездили к старикам в Альпы), и дедушка Людвиг отсадил в летнюю баню одну индюшку, кормил её особо, готовил к Рождеству. Вообще как это глупо – в день рождения человека, сказавшего «не убий», по всему миру убивать миллионы живых существ!.. Интересно, знает ли Он, сколько крови льется в Его честь на Рождество и Пасху, не говоря о будних днях?.. Или не говори «не убий», или сделай систему травоядной, как у буддистов, а вот того, что сейчас, – не надо...

В ночь под Рождество я, не зная об индюшке, отправился купаться в баню (хотя в доме была и обычная ван-

ная). Я любил купаться там из-за особой серной воды, которую дедушка Людвиг нашёл в скале и умудрился желобом увести к себе в баню.

Когда я вошел, индюшка сидела в дальнем углу, уткнувшись клювом в стену. Ей словно было стыдно смотреть на меня.

«Эй, пародия на орла!» — вспомнив слова папы, брызнул я на неё водой, потом открыл краны, зажгёт горелку, стал раздеваться. Индюшка недовольно повернула нелепый профиль, окинула меня беглым взглядом и, потоптавшись, вновь уставилась в стену, блестя широкой спиной, хвост лопаточкой. Всё её тело выражало полную безнадежность. «Оставьте меня в покое!» — был смысл её облика. Казалось, она чуяла приближение конца и недоумевала, зачем людям понадобилось помещать её перед смертью в это странное место.

Я присел перед ней на корточки. Она повернулась боком, и её одинокий глаз уставился на меня. Втянув розовую, покрытую пухом головку в сутулые плечи, она пару раз переступила с лапы на лапу. Было видно, что проволока, которой она привязана к скамейке, врежется ей в лапу до крови. Тускнела алюминиевая тарелка с размятым хлебом. Тяжкое одиночество перед казнью, последний ужин, одинокая смертная вечеря... Завтра мы будем сидеть в тепле, а она... Где она будет? Почему для неё нет Рождества Христова, а есть смерть?

Горячая вода хлестала из душа. Пламя гудело и свистело, вырываясь из газовой колонки. Клубы пара бродили по бане, предметы выступали из них углами.

Я стал медленно раздеваться. Индюшка как-то смущенно вздохнула и, взволнованно подергав головой на высокой шее, неуклюже повернулась в своем предсмертном углу, затихнув, углубилась в свои думы — наверно, человек с ножом чудился ей в отблесках огня. Пока я купался, она сидела, не шевелясь и только иногда дергая лапой с проволокой.

«Что, не хочется умирать?..» — спросил я глупо.

Она с некоторым недоумением повела головкой, наклонила её, повернула туда и сюда, болтая красным не-
лепым наростом на клюве.

«А что будет потом, когда отрубят голову?..» — продолжал я, выключая воду.

Белая пленка её глаза дернулась, обнажив внимательный зрак. Казалось, мои слова взволновали ее и она вслушивается в мой голос. Вот как будто и сама подала голос, издала тихое: «Кло-кло-кло-кло...»

«Говорят, это не больно: раз — и всё!..» — успокоил я ее.

Красный нарост на глазах стал наливаться.

«А потом — новая жизнь, реинкарнация, — продолжал я болтать, вытираясь махровым полотенцем, — твоя душа перевоплотится, и ты опять будешь жить. Жить вечно. Ты понимаешь, что такое вечно?..»

Неожиданно индюшка, несмотря на проволоку, легко вспорхнула на скамью, раскрыла и свернула крылья и внимательно — то ли с надеждой, то ли с усмешкой — уставилась на меня. Мне стало жутко. Я отшатнулся от скамьи и, пробормотав: «Это я так, пошутил, извини», стал то-ропливо собирать банные принадлежности и натягивать одежду.

Индюшка сразу съежилась, нахохлилась, втянула голову в старческие плечи и прикрыла пленкой глаза. Посидела так секунд десять, словно ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь. Глубоко, по-человечьи, вздохнула. Тяжело, неуклюже, боком спрыгнула со скамьи и опять уткнулась в стену.

А я выключил свет и газ, осторожно прикрыл за собой дверь и поспешил прочь, словно совершив какую-то гадость. И думал весь вечер, что не смогу завтра есть индюшатину.

Но на следующий день мы, после церкви, много катались на лыжах, умирали от голода, и я прекрасно ел свои любимые поджаристые крылышки, хотя встречи этой, и вдоха её, и безнадежной тоски не забыл...

6. 25 сентября 2009 г.

И как же теперь понять-понимать: время — не вечно? Пространство — не бесконечно? Душа — не бездонна? И как бабочкам добраться до рая? Ни вперед, ни назад. И обратно в кокон не совьёшься, в куколку не залезешь, личинкой не станешь, в яйцо не уйдешь и на аминокислоты не распадёшься, что было бы лучше всего...

• ПОЖАР •

Все окрестные границы были закрыты, и во время голода и чумы никто не мог убежать из опричнины в другую страну; а кого хватили на польской границе, тех сажали на кол, некоторых вешали.

До того, как великий князь устроил опричнину, Москва с ее Кремлем и слободами была отстроена так. Китай-город имел двойные ворота; на север он широко раскинулся по реке; на юге лежал Кремль; на запад были также двойные ворота. В Кремле были трое ворот: одни ворота Кремля были на запад и двое ворот на север. От восточных ворот города до западных город — весь насквозь — представлял собою площадь и рынок — и только!

На этой Красной площади под Кремлем стояла крутая церковь с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на Вербную субботу происходил ежегодно именно к этому храму. Под переходом похоронено несколько человек; на их могилах горели день и ночь восковые свечи; эти мертвые не тлеют, как говорят русские, а посему они считают этих покойников святыми и молятся им днем и ночью. У этого храма висело много колоколов.

На этой площади умерщвляли и убивали господ из земщины. Тогда вся площадь — от западных ворот и до

этого храма — бывала окружена и занята опричными стрелками. Трупы оставались обнаженные на площади и днем и ночью — народу в назидание. Потом их сбрасывали в одну кучу в поле, в яму.

Около храма есть ворота Фроловские в Кремль. На восточной его стороне — тоже церковь Св. Константина и Елены, ничем не отличающаяся от других русских церквей. Затем идут знатнейшие приказы, все деревянной постройки, и только один из камня. А именно: Казанский, Разбойный, Разрядный, Поместный, Приказ Большой Казны, Дворцовый приказ, приказ Челобитенный, где вычитывались все челобитья, которые сходили от великого князя и были подписаны. Дальше стоит Архангельский собор, где похоронены покойные великие князья.

Далее Казенный двор. Перед этой церковью и Казенным двором ставили на правее всех, кто был должен в казну. Дальше — еще одна двухэтажная церковь, Благовещенский собор, с лестницей вверху, со сводами. Свод и одна стена по левой стороне до дверей и входа в нижнюю церковь расписаны изображениями святых в образе человеческом. Дальше — сводчатым же проходом — можно пройти до площадки перед Большой набережной палатой великого князя, в которой он обычно обедает.

Когда он сидит за столом, то по правую его руку обыкновенно садится старший сын. Сам он с грубыми манерами: опирается локтями на стол, и так как не употребляет никаких тарелок, то ест пищу, взяв ее руками; иногда полусъеденное опять кладет в чашку. Прежде чем пить или что-нибудь съесть, он обыкновенно знаменует себя большим крестом и взирает на образа Девы Марии и св. Николая. Кравчий, подавая ему питье, употребляемое им в изобилии, часть выливает в другой стакан и вкушает его для пробы. Сын во время питья встает и желает отцу здоровья.

Если великий князь кому-нибудь своими руками по-

6. 25 сентября 2009 г.

даст что-либо из пищи или питья — это знак великой милости. Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно толстое, большие глаза, которыми он постоянно вращает и все наблюдает самым тщательным образом. Борода у него русая, довольно длинная и густая; но волосы на голове он, как большая часть русских, бреет бритвой — эта мода идёт, без сомнения, от татар.

Он так склонен к гневу, что в гневе испускает пену наподобие коня и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных. Если кто провинится немного потяжелее, того он уничтожает с корнем и истребляет со всем семейством, рабами и всем, что одарено живой душой. Часто беседует с Василием Нагим, про которого говорят, что он видит будущее и может летать.

Московиты, наученные многими примерами, так боятся своего князя, что, позванные им, они не спокойно приходят, но прибегают со сколь возможно большой скоростью, и во всем, что бы на них ни налагалось, оказывают ему послушание и повинуются без всякой отговорки, с великой душевной готовностью. Если ты кому-нибудь желаешь здоровья, то он говорит: «Дай Бог, чтобы великий государь наш был здрав, и потом мы, его подданные». Если ты спросишь у кого-нибудь о чьих-либо владениях, то он отвечает: «Великого князя и такого-то»; обыкновенно говорит, что он не знает, что должно думать о своем князе: «Бог и не Бог; человек и больше человека».

Если кто при дворе его дружественно сносится с приятелем, того тотчас схватывают, особенно если возбудится какое-либо подозрение, и палками доводят до того, что он бывает принужден признаться в этих речах. И так они живут в самом крайнем рабстве, больше которого едва ли может быть: это бремя они потому легче переносят, что совершенно не знают, какое устройство других царств и государств: они держатся в своей стране заключенные как бы в клетке и никогда не смеют ни

выйти, ни послать детей своих, на что многие, как мы слышали, очень жаловались. И так, довольствуясь одним только туземным языком, они, как весьма часто бывает, не знают всех других; а так как у них очень достаточно природных способностей к изучению всяких наук, то, если бы к этому прибавить образование, они были бы не ниже других народов.

Тем, которые вели себя на войне мужественно, великий князь оказывает свою милость, которая у них называется особенным именем «жалованье», или означает известную часть полей, или увеличивает годовое содержание. Татары, помощью которых он очень часто пользуется в войнах благодаря отличному мнению, составленному о них, живут почти довольствуясь небольшой частью полей и добычей, которая для них неограниченна. Однако очень многим, особенно начальниками, положено, кроме того, жалованье. Немецких солдат он предпочитает всем остальным и потому, если выходит на войну, особенно много заботится об их наборе и не щадит никаких издержек.

Девизом у великого князя Иоанна Васильевича: «Я никому не подвластен, как только Христу, Сыну Божию».

В дни праздников через Красное крыльцо идет обычно великий князь в сопровождении многочисленных князей и бояр, все в бриллиантах и золоте. Великий князь всегда держит в руке прекрасный посох с тремя огромными драгоценными камнями. Все князья и бояре также держат в руках по посоху; по этим посохам отличали правителей (теперь с великим князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним)!

В Кремле было еще несколько монастырей, где погребались великие князья и иные великие господа.

Посреди Кремля стояла церковь Иоанна Лествичника, возведенная итальянцем Боном-Фрязиным в 1505 г. На ее месте в 1600 г. отстроен «Иван Великий» с круглой красной башней, Звонница Петрока Малого, вы-

строенная в 1532 г. для 1000-пудового колокола. На этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии. Около башни стояла лифляндская артиллерия, которую великий князь добыл вместе с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом; стояла она неприкрытая, только напоказ.

У этой башни сидели все подьячие, которые всем и каждому ежедневно писали за деньги челобитные, кабалы или расписки; все они приносили присягу. По всей стране челобитья писались на имя великого князя, около этой башни или церкви ставили на правез всех должников из простонародья. И повсюду должники стояли на правезе до тех пор, пока священник не вознесет даров и не зазвонят в колокола.

Между башней и церковью висел еще один колокол: самый большой по всей стране. Когда звонили в него по большим праздникам, великий князь в своем одеянии направлялся в церковь в сопровождении священников, несших перед ним крест и иконы, и князей и бояр. Кремлевские стены выстроены все из красного обожженного кирпичика и по всему кругу снабжены бойницами.

В день Симона Иуды на этой площади великий князь вместе с князьями и боярами, с митрополитом, епископами и священниками, в облачениях, с крестами и хоругвями прощались с летом, провожали его и встречали зиму. У русских это — день Нового года: кто из иноземцев не имел поместья, тот должен был требовать себе новую «кормовую память».

Никольские ворота — двойные, около них во рву под стенами находились львы: их прислала великому князю английская королева. У этих же ворот стоял слон, прибывший из Аравии.

Дальше шел Судный двор, или Земский двор, и цейхгауз; за ним друкарня или печатный двор. Далее была башня или цитадель, полная всякого порохового зелья. Затем — северные, Владимирские ворота. Около них — много княжеских и боярских дворов, протянувшихся

до Ильинских ворот. Здесь была выстроена большая тюрьма, совсем как замок; в ней сидели пленники, взятые в плен на поле битвы в Лифляндии. На день тюремный сторож выпускал их по городу, а на ночь ковал в железо. Здесь же был и застенок.

Дальше до третьих северных, Варварских, ворот тянулись различные дома и дворы. На этой улице был выстроен еще большой двор с женской половиной: когда великий князь захватил и добыл Полоцк, здесь были заключены привезенные на Москву Довойна и некоторые другие поляки и их жены.

Далее, на Варварке был двор англичан, которые приезжают к Холмограм. Еще дальше — Денежный двор. За всем этим находились торговые ряды. В каждом ряду торговали одним товаром. Ряды тянулись вдоль площади перед Кремлем.

На площади изо дня в день стояло несколько «малых» с лошадьми: всякий мог их нанять за деньги и быстро доставить из подгородных слобод что-нибудь, как то: рукописания, грамоты, расписки — и затем опять идти в Кремль по приказам.

Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки.

По всем улицам были устроены «решетки», так что вечером или ночью никто не мог через них ни пройти, ни проехать — разве что по знакомству со сторожем. А если хватали кого-нибудь под хмельком, того держали в караульной избе до утра, а затем приговаривали к телесному наказанию.

В Москве все епископы страны имеют свои особые дворы — в городе и слободах, равно как и все знатнейшие монастыри, священники и дьячки, воеводы и начальные люди, все приказы и дьяки, все воротники, до 2000 человек из мелкой знати, также имеют здесь свои дворы; изо дня в день они выжидали по приказам какой-нибудь посылки; как только в стране что-либо случилось, им давались наказы и их отсылали в тот же час.

Также были дворы у охотников, конюхов, садовников, чашников и поваров. Были посольские дворы и много других дворов иноземцев, которые все служат великому князю. Все эти дворы были свободны от государевой службы.

Но когда была учреждена опричнина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, безо всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относилось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увести в опричнину.

А себе великий князь велел выстроить Опричный двор. Он был таков: великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на одну сажень от земли выложить ее из тесаного камня, а еще на две сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц; протянулись они приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие — на юг, третьи — на север. Северные ворота находились против Кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом. Изнутри — там, где ворота открывались и закрывались, — были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них проделаны большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот, когда ворота были открыты, уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стены. Ворота были обиты жстью. На них было два резных разрисованных льва — вместо глаз у них были пристроены зеркала, и еще — резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один лев

стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины.

На этом дворе были выстроены три мощные постройки, и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине.

От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для доступа воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорамами был погреб, полный больших кругов воску.

Такова была особенная площадь великого князя. Ввиду сырости она была засыпана белым песком на локоть в вышину. Южные ворота были малы: только один и мог в них въехать или выехать.

Здесь были выстроены все приказы и становились на правож должники, которых били батогами или плетью, пока священник не вознесет за обедней даров и не прозвонит колокол. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили.

Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то верхом они могли следовать за ним только вне двора.

Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем — ни во двор, ни из двора: эти ворота были исключительно для великого князя, его лошадей и саней.

Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; там находилась большая площадь, ничем не застроенная.

На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, хлебни и мыльни. Над погребями, где хранился разных сортов мед, а в некоторых лежал лед, были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы. В них подвешивалась всякая дичь и рыба, которая шла главным образом из Каспийского моря, как то: белуга, осетр, севрюга и стерляди. Здесь была калитка, чтобы с поварень, погребов и хлебень можно было доставлять еду и питье на великокняжеский двор. Хлеб, который великий князь ест сам, несоленый.

По лестницам и переходам держали караул из 500 стрелков; они же несли и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел, на южной стороне ночью держали караулы князя и бояре.

Все эти постройки были из прекрасного елового леса; вырубался он в так называемом Клинском лесу, около которого лежит посад того же имени и ям — в 18 милях от Москвы по большой дороге в Тверь и Великий Новгород. Платные мастера или плотники для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого железного ножа, вставленного в ручку.

Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри оттого запустили. Многие торговые люди из-за указов, которые пришли от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда. Так велика была беда, что земский поглядывал только — куда бы убежать!

Когда об этом разорении и море узнал крымский царь Девлет-Гирей, он пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли (свойственником великого князя). А великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов.

Поначалу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор великого князя — Коломенское — в од-

ной миле от города. Все, кто жил вне города в окрестных слободах, все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город — целиком все предместье и слободы; в нем было также много монастырей и церквей. За шесть часов выгорели начисто и Китай-город, и Кремль, и опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать! В живых не осталось и 300 боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели, упали, и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи и изнутри спален огнем, колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посредине Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Самый большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Так же и все другие колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных звонницах церквей и монастырей. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу.

Башни или цитадели, где лежало зелье, взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохнулось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине. Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить. После пожара ничего не осталось в городе — ни кошки, ни собаки.

Татарский царь Девлет-Гирей приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя. Потом повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и множеством полоняников и опустошил по дороге всю Рязанскую землю великого князя.

6. 25 сентября 2009 г.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы Опричный двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя Девлет-Гирея.

А великий князь был в большой обиде на опричнину, что не оказала крымскому хану должного сопротивления. И с этим пришел опричнине конец. И никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто только оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками.

7.

26 сентября 2009 г.

3-я встреча с граммар-наци.

Избиение торговца.

Побег из гостиницы.

Ужин у ветеранов

• ВОЙНЫ •

Утро началось плохо. Вначале был крик. И был он из ванной. И был он:

– Хватит! Заебал уже! Сколько можно?! Хорошего понемножку!

Я вскочил, огляделся. Раскардак, кавардаш... Это Алка кричит! Я бросился к ванной, но она сама уже, полуголая, выломилась оттуда.

– Что? Кто?

– Да заебал уже, махмурзан проклятый!.. Получил своё – нет, ещё хочет!.. Кончил дело – слезай с тела, тебе говорят!

В полуоткрытую дверь видна голая задница Стояна. Он что-то отвечает:

– Нача яр быти, прелюбодействен зело!

Я ногой прихлопнул дверь и увёл Алку в номер. Она сбрасывала мои руки, вырывалась:

– Пусти! Где моя юбка? Заебали уже! Ебитесь вы все сладким пирожком!

В этот момент позвонил телефон. Незнакомый холодный мужской голос сказал:

– Вы, это, господин хороший, не знаю, гражданином какой якобы цивилизованной страны вы являетесь, но мне интересно, когда вы кончите дебоширить?

Депо?.. Ширить?..

– Я не ширил... депо. Вы кто являетесь?

– Я являюсь главным менеджером этой гостиницы и отвечаю в ней за порядок. Уже в который раз мне сообщают... Это что же такое – такие концерты устраивать?.. Песни, пляски, «Интернационал» в три часа ночи!.. Мы милицию вчера не вызвали, а жаль... Смотри у меня! Не то выгоню к едрене фене, на гражданство не посмотрю! – И веско добавил: – Понял-нет?..

Я опешил, стал заплетаться в лепете:

– Да, смотрю... Понял... Буду...

Злой голос не успокаивался:

– У вас есть третьи лица в номере?

– Третьи?.. Да нет...

– Не надо мутотень на плетень наводить: есть или нет?.. Номер вы для одного снимали, а не для блядей и педиков! Чтоб через полчаса никого не было, не то придёт милиция, у нас всё на видео заснято, все ваши художества... Смотри у меня, мудорез грёбаный! – еще раз пригрозил злой голос и – «ту-ту-ту...»

Алка, одеваясь, спросила:

– Чего? Кто?

– Не знаю, начальник... Говорит, чтоб трёх лиц не было...

– А как же они узнали? Тебя портье на лифте одного отвозил, а мы со Стояном на черную лестницу шмыгнули, побыли немного... никак выход найти не могли... а потом пришли...

– А потом... что?

Алка уже натянула блузку и (сообщив между делом, что она почистила зубы моей щёткой, я не в обиде?), сказала, что ничего особенного не было: добавили еще бутылку, болтали...

– И... куровались?.. Путились?..

– Да было маленько... По малой... Ты, Фредя, слышь, я чего-то пакетик с травой найти не могу, он где-то тут должен быть... ты поищи... хорошая шмаль, жаль, если

пропадёт... — Но меня сейчас куда больше волновало другое, на что Алка махнула рукой:

— Не бери в голову! Всё было ништяк. Эй, Стоян, кабанчик, давай побыстрее — звонят уже, ехать надо! Сестра ждёт, она без меня выйти не может... И этому болвану болгарскому надо коробку шефу везти.

— Да, короб, кадка... А бабочки? Умерли, наверно? Без кормления? — Я замер от недоброго предчувствия. — Пеперуди?

— Сдались тебе эти пеперуди! Что им сделается? Они и так всего пару дней живут... — Алка присела, стала поднимать и ворошить на столе бумаги: — Где-то тут должен быть... мы вчера большую трубу замастырили... Паровозиком курили...

— Паровозиком? Курили? Три? — опять насторожился я.

— Не, ты чего, мы втроем не трахались, ты не хотел... рукой всё прикрывался...

Да?... Я ответил первое, что пришло на ум:

— Еще будет... Папа сказал... до 27 годов расти...

Алка, поправляя волосы перед зеркалом, фыркнула:

— Какие вы, мужики, все больные... Да у тебя всё в порядке, не надо ладошкой закрываться, всякой бабе хватит... Просто он у тебя кровяной...

Этого не хватало! Как понять — кровяной?.. Кровь идёт?.. Куда, откуда, где?.. Наверно, вид у меня был такой, что Алка объяснила, что есть два вида членов — мясные и кровяные: мясные имеют много мяса и в лежачем виде выглядят большими, но когда до дела доходит, то особо кровью уже не наливаются и не увеличиваются, а кровяные выглядят маленькими, но когда наполняются кровью, то становятся большими и упругими...

— А... какие вам... лучше? — спросил я, боясь, что вопрос глуп, но Алка серьезно ответила:

— Лучше кровяные... Мясные обычно вялые бывают, и ни туда, и ни сюда, как лежалые огурцы... А кровя-

7. 26 сентября 2009 г.

ные – активные, крепкие, боевые... Вообще что ни мужик – то своя елда, двух одинаковых нет! Уж я-то знаю!

На ум вдруг пришли слова дедушки Людвиг, что у некоторых самцов летучих мышей половой орган бывает размером чуть ли не со всё тельце, отчего эти особи быстро устают в полёте, плохо охотятся и вынуждены часто отдыхать на земле, где мало пищи, пока остальные мыши весело спариваются на лету и вместе ловят комаров и жуков... Он же и говорил: «In der Kürze liegt die Würze...»¹ Я сказал:

– Я... три вместе... не привычен... Если я один и две бабочки... да, было... Шпаниен, лето...

– Ишь, раскатал губу? Две!.. Тебе моих сисек не хватает? – Она нагло вытащила из лифчика мясосочный сосок. – А?.. Что, хочешь с двумя, котик?

– Конечно. Согласен.

От вида соска пружинка развернулась в мозгу, сразу слетела в пах и потребовала выхода, отчего я, тотчас спустив трусы, из глупого тщеславия показал Алке свой кровяной, но она отмахнулась:

– Времени нет, тороплюсь, – и стала щелкать по телефону, а мне пришлось, солоно похлебавши, поднять трусы и сделать несколько глубоких вдох-выдохов, чтобы успокоиться и вернуть механику на место...

И хорошо, потому что из ванной вышел Стоян в трусах, кивнул мне и начал влезать в брюки, искать носки. Его босые пальцы с черными волосками вызвали во мне отвращение, но я решил на этом не фиксироваться и перевёл внимание на Алку, которая как раз с кем-то договаривалась:

– Подруга, тут парень клёвый, немчонок, меня от голода спас в ментовке, последним пирожком поделился по-братски... хочу ему приятное сделать... вечером освободи пару часиков... Хорошо, лапочка... Буду рада, если выкроишь время немчика ублажить... Да, такой потешный...

¹ В краткости – вся соль (нем.).

«Опять про пот вспомнила, — понял я. — Потешный — это кто потеет. Разве я потею? Это он потеет!» Меня потянуло со злобой посмотреть на Стояна, но я, наоборот, отвернулся, следуя наставлениям психотерапевта (на объект раздражения не надо смотреть вообще, чтобы визуально не усиливать неприязнь).

Алка тем временем отключила телефон и спросила у Стояна, не брал ли он травы — «где, блин, пакетик?» — на что Стоян ответил, что всю траву скурили в ресторане, даже официантам досталось, но Алка сказала, что нет, здесь, в номере, еще заделывали, паровозиком курили, но Стоян вдруг поспешил к окну:

— Съвсем забравих! Пеперудите! Трябва бързо да изнеса сандъка на въздух! Как мислиш, дали всичкия въздух там са го... издишали? Или нали са малки, много не им трябва?¹ — обратился он ко мне, натягивая куртку, как будто я был специалистом по дыханию бабочек.

Я сухо повел лицом, не желая вступать с ним в дружеские пересчёты, что бабочкам «трябва», а что нет и «издышали» они воздух или нет.

Алка была уже около двери, сказала мне:

— Ну всё, котик, я с Наташкой договорилась, втроём на днях встретимся! Звони!

За ней, утописто ступая, вразвалку пошёл Стоян. У двери он солидно повернулся и крепко пожал мне руку:

— Е, приятел, извинявай, ако нещо в пиянството съм те обидил!² — отчего мне стало приятно, и я почувствовал себя своим в этом великом славянском братстве и заверил его, что, конечно, я его извиняю, по пьянству чего не бывает.

— Пошли, плотоугодник, последние пеперуди передохнут! — открыв дверь, поторапливала его Алка, посылая мне глазами приветы: — Чмоки-чмоки! До встречи!

¹ Совсем забыл! Бабочки! Надо скорей ящик на воздух! Как думать, они уже весь воздух там... выдышали? Или они маленькие, им много не надо? (болг.)

² Ну, друг, извини, если по пьянке чем тебя обидел! (болг.)

— Чмоки... — Я растерянно уставился в пустоту, оставшуюся после их ухода, и думая, что означает это «чмоки» — кто-то кого-то, кажется, ругал этим словом, то ли хрюшки, то ли чушки...

Опять один! И эти угрозы по телефону — выселим! Милиция! Депо ширить! Мудорез! Это слово плохое, несмотря на то что Вы на семина-рах по сакралу учили нас, что в основе всех славянских языков лежал один первоэлемент — УД. Элемент этот составляет корень всех хороших слов: пУД, мУДрец, чУДо, УДовольствие, УДача... УДобство... А все плохое, соответственно, имеет корень наоборот — ДУ: ДУрак, ДУбина, ДУрдом, тугоДУм, оболДУй, ДУроёб, ДУролом... Помню, мы еще делили лист пополам и играли, кто каких больше слов найдет с этими корнями...

Я начал проверять вещи — всё как будто на месте. Надо поставить на подзарядку телефон... А! Какое странное жжжжу!.. Раньше такого не было. Это, наверно, ток прыгает, Хорстович говорил, у него даже ноутбук сгорел, когда он включил его в той провинции, где сидят на корточках золотозубые руссоиды (как их называет полковник)... А я — русист, но пишусь почему-то с одним «с», хорошо бы узнать, куда второе закатилось... А самое правильное говорить — россист.

А зачем Хорстович ездил-ехал в провинцию?.. Это было, когда он квазиневест квазиискал. Кажется, ему кто-то из учительниц прямо за весь коллектив написал — у нас в школе одни женщины, на выбор, все приехать не могут, приезжайте, накормим, напоим и спать уложим, мы от Москвы недалеко — 550 км всего, поезд с рестораном ходит и сухую постель выдают... Ну, он от жадности и поехал. Потом не знал, как убежать. Они прямо в школе, в спортзале, устроили банкет, гирляндами украсили баскетбольные стойки, в кольца вложили букеты. Один мужик — однурукий физрук — одной левой бутылки открывал и подтаскивал... Потом — споры,

песни, конкурс красоты, танцы с учительницей немецкого языка, у которой была бородавка на губе и цепкие руки, никуда его не выпускавшие, хотя он желал танцевать с учительницей рисования, молодой и стыдливой дамой. Но немязычка, пользуясь правом первой ночи, не пускала и молола всякое, вроде того, что правда ли, что сердце Моцарта похоронено в помойной яме, а тело лежит в соборе Зальцбурга?.. И неужели фон Гёте жил с фон Шиллером как с женой?.. Спать она его тоже повела к себе, и он долго отбивался от её костлявых рук, а наутро, покорно проснувшись в её постели, не знал, где он и что делать.

Но главное испытание ждало его наутро, когда он влез в поезд, чтобы ехать в Москву: «Хороших билетов не было, мне пришлось ехать в общем вагоне, отчего я чуть не умер от духоты и тяжелых запахов. Но когда проголодался, то в поисках вагона-ресторана пришлось пройти сквозь все вагоны, и это было худшее, что я видел в своей жизни! Вагоны как у нас после войны, купе открытые. Дикая лица, беспорядок, хаос, запахи, боже!... Вопят, орут, пьют, еда лежит на газетах, скорлупа на полу, стучат в домино, дети кричат, что не удивительно, если учесть, что было лето, а все окна были забиты намертво — как объяснил пьяный проводник, “чтоб зимой холодно не было”!.. Из ресторана, увидев таракана, я сразу убежал, и опять надо было идти через этот ад!»

...Я стал проверять дальше. В бумажнике денег нет, ни одной купюры. В шкафу, в пиджаке — тоже как будто всё нормально... Вот деньги, сиреневые... Нет, стоп! Было же шесть сиреневых, три тысячи «за три месяца», как сказал полковник? А тут — четыре сиреневых, две тысячи. И какие-то 20-еврочные. Это что же? Надо разобраться.

Я вынес деньги к столу и начал вспоминать: я разменял у портье 500-евровую, которую полковник сунул отдельно, «дедушке на нужное». Половину взял рублями, их нет, ушли в ресторане... А вторую половину — значит,

7. 26 сентября 2009 г.

250 евро – этот человек с раскатистым сонорным «Р» обменял на мелкие евро, вот они, новенькие, двадцать штук, значит, 200... А, портье взял, чуть-чуть, на «чай-пиво». Так, а теперь сколько 500-евровых?.. Раз, два, три, четыре... Это значит – две тысячи. А должно быть – три...

Я тупо пересчитывал сирень – раз-два-три-четыре – всё... Пошёл к пиджаку, вывернул карман – ничего... Тысячи не хватает... Я точно помню, что полковник заплатил за три месяца, и сирени было шесть штук...

Кто? Алка? Стоян? Оба? Они раньше проснулись, обворовали... Это было очень неприятно. «Что же... как же... братство... доверять?».

Я ещё раз обыскал все карманы – пусто. Решил позвонить Алке, но её номер был недоступен. Кому звонить? Полковнику? И что сказать? Алка деньги украла? А может, это не она, а этот курчавый Стоян, кур его возьми!.. Или вообще портье: я ушёл, он вошёл, взял и ушёл, совершенный вид. Иди ловщи-свищи!.. Хорошо еще, что не всё взяли, до Германии доехать хватит. Вот так же нас в Италии обокрали – вначале «дотторе, дотторе», а потом...

Может, прямо сейчас уехать?.. Собрать всё, сесть на поезд до Петербурга... Интересно, знает ли полковник, откуда и когда мой самолёт?.. Я ему билета не показывал, билет был в номере. Но они же номер – быск, быск!.. Откуда им про немецко-персидский разговорник было известно?.. Значит, были и осмотрели. И видели. Или увидели – всё равно.

А может, уехать в московский аэропорт, купить новый билет и – адё?.. А будут ли билеты?.. И продадут ли, как иностранцу? Или опять скажут – справка, регистрация, виза, квиток, у вас уже есть билет из Пулково, оттуда и летите, а тут Москва, ничего поменять не можем, мы билеты не меняем... Притом полковник говорил, что я в каком-то списке... в картотеке... О, о!..

К тому же полковник дал мне три тысячи. И, как порядочный человек, я не могу просто так спрятаться

или бежать... Даже если бы и мог, он меня предупредил, что у него есть мой мюнхенский адрес и все паспортные данные... От русской мафии не спрячешься... даже если она грузинская... эта, может, еще хуже... Сказал же сержант, что, когда эти джипщики-грузинцы ночью на двух танках в милицию прикатили, все менты от страха укатились...

Я чувствовал себя в пирамиде, где все ходы ведут обратно в самих себя, где нет выходов, одни входы... Нет, придётся смириться, что деньги пропали. А так хотелось купить на них новый ноутбук!.. Или поехать с Элизабет на море. Я о ней совсем забыл. Но до неё ли, когда такие дела?.. Оставить всё тут. Хватит-довольно-устал...

А может, это сержант вытащил по дороге, когда меня везли из ресторана?.. Или Самулович — он тоже здесь... сидел-лежал, когда я спал... Нет, наверно, всё-таки Алка со Стояном.

И я опять вернулся к мысли собрать вещи и поехать в аэропорт, хотя даже программы-минимум не было выполнено по осмотру Москвы, а это не дело. Без Князь-колокола я не уеду, без Богатырь-пушки не вернусь! Я всегда хотел их посмотреть!.. Как же — быть в Москве — и не видеть?.. А тело Ильича в Мавзолее? Никак тоже нельзя обойти... по сторонам... хотя папа говорил, что там сейчас лежит не Ленин, а Сталин в гриме под Ленина, а Ленин лежит в могиле Молотова, а Молотов — неизвестно где лежит. Так, оказывается, Сталин настоял в своем завещании, позаботился, свои телом пожертвовал: если враги выкрадут тело Ленина из Мавзолея — то пусть это будет его, Сталина, тело, а не тело великого Ленина...

А кто может знать, где и как купить иностранцу билет на самолёт?

На ум вдруг взошли и прочно уселись ветераны из сада, Павлюша Иванович, и другой, одуванчик без имени, что 70 немцев зарезал... Может, они знают будут? Или Самумович? Там люди ходят, говорят...

7. 26 сентября 2009 г.

Я нашёл телефоны среди бумажек. Ларёчника не было дома. А телефон ветеранов ответил:

– Кто?

– Здравствуйте, Павлюша Иванович...

– Павел Иванович в саду. Я – Иван Максимович...

– А, вы другой... Максимыч... Разведчик... 70 немцев...

А я Фредя, немец... там, в саду... шахматы... – торопился я объяснить, ощущая, что на том конце меня не помнят, и приходя от этого в расстройство. Но трубка сказала:

– Конечно! Вы еще про своего безрукого дедушку рассказывали, как его судьба наказала... Как себя чувствуете, Фредя? Оклемались?

– Да, климат хороший... нравится, только газа много.

Трубка уточнила:

– Хорошо проводите время?

– Да, очень... Веселюсь круто...

– Где были?

– Да так... Всему свое место...

– А, ну да... К нам заглянуть не собираетесь?

– А где вы? Хотелось бы бы...

– А там же, в садике, где нам быть. Поехали бы к морю, в Турции всякие, да бабок нема. Мы или в саду, или дома. Я вот забежал – карты взять. И вы как раз звоните!

Я, опять забыв, как зовут одуванчика, но, вспомнив, что надо спросить про билеты, сказал ему, не знает ли он, как и где можно купить билет в Германию и улететь... поскорее?..

– А что так?

– У меня мама... заболела... папа...

– А что, что-то серьезное?

Я не знал, что врать:

– Нет, так... люмбаго...

– А... Капусту прикладывать очень помогает... А на счет билета – не знаю, надо в кассах узнать, как это для иностранцев... Касс тут рядом нет, а в город мы особо не снаряжаемся...

— А, нет касс рядом... Плохо... Хорошо, я сам того... Я позвоню. — На что он еще раз посоветовал мне не переживать, отдыхать и заходить.

Повесив трубку, я лег на постель и опять стал думать, кто мог взять деньги... Неужели Стоян?.. На вора не похож. Лицо такое круглое, открытое, позитивное...

Позвонил прикованный к розетке мобильник. Я подскочил к столу, где он лежал, заряжаясь. Взял, не отключая, со шнуром. Номера на дисплее нет.

— Хелло! Да! Слушаю! *Vommel ist am Apparat!*¹ — повсякому отвечал я, но трубка помолчала, пожужжала и отключилась — «вжик!»

А если уехать, то куда этот рюкзак деть? Не выкинуть же в окно? Надо Исидору сказать, чтоб они забрали свои вещи.

Я выглянул — под окном, далеко внизу (дом старый, потолки высокие) — была пешеходная тропа, отделенная невысокой решёткой от газона с клумбами из красных и жёлтых цветов. Не выкинешь же из окна?.. И портье не отдашь эти листовки... Хотя и не запрещены, но и не разрешены...

Да, Алка еще что-то о пакетике травы говорила. Где его искать?

Я начал вяло ворошить постель, на простынях были явные подтёки, и я подумал, что это, наверное, следы Стояна — у меня уже днём было много истрачено... хотя кто его знает... Вон Фрицль из бункера свои ведра никак не исчерпал. Где еще искать эту траву?..

Я пошарил под кроватью. Ничего. В ванной увидел бутылку виски с чуть-чуть. Вычутил всё из горлышка — курдык, куяк, хорошо!.. Улегся обратно в кровать и вернулся мыслями к Стояну.

Вот тебе и болгары! А прибедаются, что все их обижают!.. Сами кого хочешь удавят, как этот потный

¹ Боммель у аппарата (нем.).

7. 26 сентября 2009 г.

Стоян... Но нет, он на вора не похож. Глаза честные, хоть и тупые, как у того царя Павла, что мне Самулович показывал... Воры – другие, тёмные, быстрые... А у него такое открытое, белое лицо, как блинчики, которые мы как-то тайно пекли в аудитории на Вашем семинаре по сказкам, отчего пришёл караул и сказал, что дымовхват реагирует, что в аудитории нельзя печь продукты, потому что пожар будет, но мы угостили его блинами с вареньем и спели ему хором хвалебную песнь, после чего он, очень довольный, ушел восвояси... да, в свои яси... Нет, вор худой, чёрный, увёртистый, с поворотными глазами, так и ищет, где бы что слямзирить, стыринить. Взял – и убежал, такая воровщина...

...Когда нас обворовали в Италии, там портье тоже говорил, что воруют румыны и цыгане (черные и худые). Так он, во всяком случае, утверждал. Хотя его племянник, который всё время полоскался возле нас, тоже был реально очень тёмный и круто-курчавый...

Мы тогда поехали на Пасху с Элизабет и двумя парами с нашего курса в Италию, на море, сняли пансионат. Вначале всё шло хорошо – ризотто, тортелини, дотторе, палаццо, тут собор, там балкон, здесь кусок плащаницы, там в банке – язык святого Антония... Этот язык даже в меню в пиццерии был! «Язык Святого Антония по-падуански» – 12 евро!.. Я вообще язык есть не могу, как его можно есть?.. Когда я в первый раз (где-то в Шварцвальде, в детстве) попробовал жевать варёный язык, вдруг воочию представил себе, что этим куском мяса корова у себя в своём грязном рту всю жизнь ковырялась, и меня вытошнило прямо на стол... С тех пор не только есть, но и видеть этот варёный язык не могу – сразу спазмы, клац-клац, все окошки закрываются, поезд отправляется...

А мой папа Клеменс не может есть утку: в детстве – когда он еще в родном доме, в горах у дедушки Людвиг жил, – у него была утка Энте, которую папа любил, растил и которой дедушка Людвиг, после шнапса с пивом,

по ошибке отрубил голову, велел бабушке приготовить её, вымочив в пиве, чтобы корочка была повкусней. А когда на второй день папа, плача, стал отказываться её есть, дедушка Людвиг силой запихал ему в рот несколько кусков и заставил сжевать из принципа – чтоб отца слушался и порядок в доме был...

Я этого не мог понять, но мама объяснила, что раньше в Германии такой папоархат царил: в семьях было по многу детей и без императива «слово отца – закон» было никак не обойтись. Это после войны всё пошло по-другому, по-американски, стал расцветать бабоархат, а авторитет мужчин падать (да и женщины, конечно, не забывали им напоминать, что они – слабаки и войну с русскими проиграли)... С тех пор китайские рестораны для папы закрыты. А сам дедушка Людвиг почему-то не может есть огурцы. Как можно не любить огурцы?.. А мама не может есть суп, если видит в нем разваренную медузообразную луковину...

Кстати, пора бы и поесть. Вчера я съел только пару жирных кусков мяса, и то помня о Йогги, который считает, что жареное сало – второй после борща славянский хит.

...Когда нас обворовали, мы в тот день тоже в ресторане жареное мясо ели – мне принесли кусяру, я нажал вилкой, а из него кровь течёт... полтарелки натекло... Другие едят и хвалят: «Ах, стейк с кровью!» – а я смотреть не могу, меня от крови тошнит... Хорошо, там собака ходила, к такой крови приученная, я ей под столом отдал. Вернулись из ресторана, поболтали, разошлись, я кое-что из холодильника поел и тоже заснул. Утром – крик Элизабет: «Нас обворовали!» – «Кого? Когда?» – «Всех. Ночью. Тут по балкону воры ходили!»

Мы все – три пары – жили на втором этаже, балконы один за другим. Рано утром кто-то из наших пошел купаться в бассейн, видит: под балконами – паспорта, бумажники, кошельки, сумки, шорты... Всё обыскано и вывернуто, как тот Адам, но ничего, кроме денег и од-

7. 26 сентября 2009 г.

ного дорогого мобильника, не взято (и то из него чип-карта вынута и заботливо в обчищенный бумажник вложена). В итоге — общая недостача — около 700 €. Мы были счастливы, что документы и карточки на месте... Как легко сделать человека счастливым!.. Сначала надо крикнуть «У тебя всё украли!»... а потом объявить, что украли только деньги — и человек счастлив: спасибо, дорогие воры, что документы не взяли!..

На нашу жалобу, которую мы гурьбой пошли заявлять, портье, сам низкорослый, чернявый и носатый, спокойно покивал головой и сказал, что недавно задержали то ли цыган, то ли румын, а может, и албанцев — мальчишки лазили по балконам и кидали добычу папе, который проверял содержимое сумок и штанов и аккуратно складывал вещи под тем балконом, с которого они были скинуты. Портье также напомнил, что он предупреждал нас закрывать двери на балконы, а на пошок ввернул рассказ об итальянских ласковых ворах, которые украли у одних богатых людей машину, а вечером вернули с запиской — извините, нужна была для дела, большую тещу в хоспис отвезти, вот вам за беспокойства два билета в Ла Скала, прилагаем; люди рады, что их машина тут, а не на запчасти в Польше разобрана, в Литве заново собрана и в Эстонии продана, хвалят воров за рыцарство, едут в Милан, слушают оперу, а вернувшись, обнаруживают, что их квартира ограблена дотла... На наши же вопросы, почему воры взяли у нас только деньги, портье со знанием дела ответил: «Зачем? Они же не дураки? Если всё взять — вы вынуждены будете идти в полицию, заявлять, а так — всё тихо и спокойно и все довольны». Ну да, все довольны, кроме нас, дураков. Мы посетовали на цыган, румын и албанцев и, очень солоно хлебавши, разошлись по комнатам. «Принесли малую жертву, чтобы не приносить большую», — успокоил я тогда себя заповедью дедушки Людвиг и думая, что если бы нас не обворовали, то я, может, утонул бы или попал под машину и

что отделаться от фатума малой жертвой лучше, чем принести судьбе большую...

Кстати, там же, в Сан-Маринелло, на здании вокзала я видел надпись по-русски: «ХАДИТЬ ПО РЕЛСАМ ЗАПРЕШЕНО – АПАСНО ДЛЯ ЖЫЗЬНИ». Мне показалось, что там были ошибки. И я подумал, сколько русских должно было ходить по рельсам, чтобы итальянцы это, наконец, написали!.. Апасно! И Виталик говорил: «Апас!»...

...Нет, Стоян не такой. Он стоящий парень. Он белый и плотный, а не чёрный и худой. Тогда кто? Алка? Обидно, если она – мне так хорошо с ней... Но если она – то как её брать-взять горничной? Она же всё раскредёт!.. Нет, мама не согласится, а в отеле «У мамы» мама – главная. Да и папа не уволит фрау Клее, хотя сам же недавно нашел вылетевшие в спагетти волосы явно с её головы – оказывается, она забыла шапочку надеть, а волосы с неё так и сыпятся, да и понятно – старая, скоро 50... Это волосы – как в том анекдоте, что дедушка Людвиг любит рассказывать, как одна покупательница обнаружила в булочке волосы и пришла делать скандал. Пекарь ей говорит, что это бывает, что в муку иногда попадают волосы от мешков, в которых приходит мука, пусть она не беспокоится, это волосы от мешковины, «die Haare sind vom Sack»¹, на что покупательница покраснела: «О, извините, я совсем не подумала о том, что у вас в пекарне так жарко, что вам приходится работать голыми!..»

Есть еще вариант, что взяли Алка ó Стояном, вместе... Или какие-то третьи-четвёртые лица типа портье и этого... владельца, что ругал меня сегодня. Да, зашли в номер, взяли и ушли. И взяли не всё, а часть, как те цыгане или племянник портье, чтобы всё тихо и спокойно было... Если всё взять, я и в милицию могу пойти... Ну да, если б я остался без денег и документов,

¹ Волосы с мешка (нем.); игра слов: Sack (нем.) – 1) мешок; 2) разговорный синоним для обозначения мошонки.

вынужден был бы идти в милицию... Кстати, портье при моем въезде сказал, чтобы дорогих вещей в номере не хранить. А где их хранить-охранить? С собой таскать?.. Или этому портье отдать?.. Потом рыщи-плещи... Я скажу: «Где моя вещь?» — а он скажет: «Ничего вашего у меня нет, откуда, от верблюда, что ли?..» Я скажу: «Я вам давал мою вещь на охранение?» — а он ответит: «Давали, да не дали!» Иди и спорь потом с глаголами, совершилось действие или нет!.. Нет, прав Исидор, от глаголов лучше избавиться, одни неприятности от них...

Алка... Такая видная, красивая... Вот о такой, выдавшей пейзажи, мечтал тот маленький человекачёк из кафе «Уют», что пропал навсегда в подъезде... Он хотел, чтоб такая была... бывалая-давалая... сочеталая-шалавая... а молодых девушек не надо. Алка вчера рассказывала, что её в Москву старшая сестра отправила, сказала, чего ей в Холмогорах тереться, замуж её не возьмут, каждая собака как облупленную знает, да и проку с этих пьяниц ноль, ты баба видная, езжай лучше в Москву, там тебя оценят, может, и какого Рабиновича подцепишь, цап-царап... а тут, даже если замуж выйдешь, то будешь всю жизнь мудохаться с пьяницами, как я, беспросветница...

И Алка довольна: Рабиновича пока не цап-царап, но стабильный заработок есть — в Москве у мужиков, слава богу, стоит хорошо, потому что бабло есть. («Когда у мужика бабла нет, у него и бобовина стоит плохо, не до того ему, мозги проблемами заняты», — объяснила, с чем я был не согласен и привёл в пример Африку, где бабла нет, а у всех стоит. «Так это от беспросвета, другая крайность», — терпеливо пояснила она.) Даже откладывает получается, и сестре-мученице иногда посылать. Даже дядь-Колю она не забывает — то детского питания ящик отправит с проводницей, то памперсы передаст с оказией, ему много не нужно... А Стоян — для удовольствия бычок, как скажет: «Лягай в ляглу!»¹ — так «аж сердце малофьей омывается». Такие ля-ля-тополя...

¹ Ложись в постель! (болг.).

Мобильник заряжен. Я отсоединил его. Голод беспокоил всё сильнее. Время шло к полудню. Надо посмотреть, осмотреться. Я подошел к окну, чтобы узнать, какая погода в столице и как одеты пешеходы на широких улицах Москвы.

И вдруг увидел, как через улицу, на зелёный свет, медленным шагом переходит — и идёт к гостинице — Исидор в кожаном плаще и фуражке. За ним Фрол и какой-то боец в чёрном ведут (даже тащат) под руки маленького тёмного субъекта. Фрол несёт в другой руке что-то вроде плаката.

Их не хватало! Только предупреждал злой голос, что третьих не должно быть, а тут — целых сколько?!

Я отбежал от окна. Что делать? Не открывать? Но портье знает, что я дома! Может быть, портье их не выпустит?.. Или позвонит мне — к вам пришли — а я спущусь и отдам им их рюкзак с листовками: «Извините, в номер пригласить не могу, у меня дама»... И они уйдут, что же еще, не будут же ломиться в номер?.. Они хотят свои вещи, вот и всё. Всё в порядке!

Но что-то настойчиво выкрикивало во мне, что ничего не в порядке. Кого они ведут? Что им надо? Я не знал, что делать. Убежать? Но куда и как? Они уже внизу. Я — в пижамных брюках, тапочках, майке. Не успею никуда. Хоть бы их задержал портье!..

Я приоткрыл дверь в надежде услышать снизу перебранку. Но вместо этого услышал тишину, а потом шаги по черной лестнице, в обход лифта. Вот они появились в коридоре. Первым шагал Исидор, как заведенный. Фрол и другой тип тащили какого-то маленького монголоида с ссадинами на скулах, он вырывался:

— Кюота ити?.. Чито? — на что Фрол говорил ему:

— Молчи, чурятина, пока жив, — а второй боец тащил молча, и вдруг, так же молча, дал монголу с размаху по уху, отчего его приплюснутая голова отлетела на плечо, что-то хряснуло, а он смолк, испуганно озираясь, как птица.

7. 26 сентября 2009 г.

— Салют, господин бакалавр! — сказал Исидор и вошел в не открытую мной дверь; за ним ввалились эти трое.

Фрол, оставив монгола, закрыл дверь на ключ:

— Чтоб не сбежал! — и возмущенно показал мне криво оторванную от ящика коричневую продолговатую картонку, где печатно было написано:

ОЧИН ХАРОШИ КУСНИ ПАМИДОРИ

100 рубли

— Видал, что делают? Мы шли к тебе листовки забрать, у нас сегодня в три акция на рынке, вот радикалы подготовили. — Фрол кивнул на черного типа (тот, с надвинутой на лоб шапочкой, в это время обыскивал державшегося, как курица, монгола с кустишками щетинок на лице). — Идём, видим — этот чуркан стоит, помидоры продает, под вот этой табличкой... — И Фрол хлопнул монгола по лицу картонкой. — Ну, томаты потоптали, вишь, грязь, — (ботинки у него и у радикала были в красных опшметках), — а самого взяли в плен, чтобы штраф заплатил...

— Штраааф! Ты пооняял? — тем противным тоном, что я ненавижу, сказал радикал.

— Киакой шитираф?... Я уше мента заплачивал...

— Пасть закрыл, я сказал! Штраааф!

Радикал силой усадил монгола на стул, дал ему по макушке. Он стоял над ним вплотную, почти упираясь в лицо ширинкой своих чёрных брюк со множеством карманов. Монгол клацнул зубами, щелочки глаз превратились в ниточки.

Это всё мне очень не понравилось, я решительно направился к Исидору:

— Знаете... здесь... уборки всякие... уже звонили... третьих лиц... — но Исидор рукой отстранил меня:

— Позвольте! Кто звонил? Портье? Внизу никого нет... — И добавил, помягче: — Да вы не переживайте. Ребята ему диктант дадут, он напишет, ошибки сосчитаем,

он расплатится — и пойдет под свои нары, где он там обитает... И всё. Я ему сейчас объясню. Денис, оставь его! Дай картонку! — Исидор нагнулся над сидящим монголом: — Ты меня понимаешь? По-русски говорить можешь?

— Ита...

— Ты откуда?

— Чито?

— Ну, из какого Каракалпакистана?

— Узбкстаны...

— Вот его козлийный паспорт. — Радикал Денис подал Исидору мятый паспорт (Фрол в это время вытряхивал его бумажник).

Исидор прочёл:

— Так... Усманов... Насрулла... О, слышали имечко — Насрулла!

— Та, я...

Фрол захохотал, повторяя:

— Ни фига себе — Насрулла!.. Срали, срали — и вот насрали. Как ты с таким именем живешь, чуча чуркатая? — а Исидор показал узбеку картонку:

— Почему, Насрулла, ты тут по-русски неправильно написал? Ты понимаешь или нет — дети ходят, читают...

— Я — шито? Памдор кароши... — ошалело бормотал узбек.

— Помидор-то хороший, да вот ты плохой! — усмехнулся Исидор и обратился ко мне: — Нет, до чего дело дошло — недавно читаем в Питере на маршрутке надпись: «Иса Киевская», спрашиваем, куда это маршрутка идёт, а чучмек отвечает, что к собору... Это у них Исаакий — Иса Киевская... Что, наши дети должны расти рядом с исой киевской?..

Радикал потянул узбека за крученное малое ухо:

— Слушать, что говорят! Чего глаза выпучил, припизд! — (У самого радикала снизу на лицо, до носа, был накатан ворот свитера, сверху — шапочка по брови, а между этими чёрными полосами светилась тускло-холодная водянистая каша злых бесцветных глаз.)

Исидор отстранил его:

– погоди, Денис. Так негоже... Надо, чтоб человек понял свои ошибки, больше их не повторял.

Радикал напряжился, но отошел, стал ходить от кровати к стене:

– Да чего он поймет, засранец, чурбан с бархана?

Я не знал, куда деться. Любое насилие вызывает во мне дрожь и брезгливость. Сердце щемило. Краем глаза я видел, что Фрол что-то по-хозяйски раскладывает на столе. Между тем Исидор двумя длинными пальцами захватил кусок картона и показал его узбеку:

– Кто сие написал? Ты?

– Не знай чичас... атин... Ахмет, да...

– И ты стоишь под этим? И тебе не стыдно?

Узбек воздел к нему руки:

– Чито ститно, ва?.. Кароши памидор, кусни, да...

Люти пакпают, да...

Фрол очистил место на столе, бросил несколько шариковых дешёвых ручек:

– Слушай, сруль, сюда: сейчас диктант писать будем.

– Чито? Тикитан? – дико открыл глаза узбек и повёл рукой: – Титрать?

– Да. Ошибка – штука.

– Понял, животное? Каждая ошибка – штука! – И радикал, неожиданно, издалека, где стоял, развернулся на одной ноге, а второй ударил узбека в грудь так, что тот полетел на пол вместе со стулом.

От неожиданности я вскрикнул в расплохе и хотел помочь узбеку, но Фрол поймал меня за руку:

– А ты садись, Фредя. Тоже пиши. Чтоб ему было стыдно... Вот, чуркан поганый, человек – немец, и то в сто раз лучше тебя наш великий язык знает и уважает!

Я дёрнулся:

– Да, но... Я ещё писал-написал... уже...

– Ничего, ещё напишешь...

Его рука жгла насквозь. И я, подчиняясь ей, сел. Радикал, подняв узбека вместе со стулом, усадил его:

– Сидеть, я сказааал, овощ! Почему по-русски не знаешь? Зачем сюда едешь? Нам мозги здесь засирать?

– Узбцки школ хатил... – забормотал узбек, но радикал ткнул его кулаком в шею:

– Никого не интересует, где и куда ты ходил. Делать, что прикажут, хайлом не щелкать, чебурек!

Но мне что делать? Всерьез они хотят, чтобы я писал диктант?.. И что, я тоже должен платить?.. Как я им заплачу? Покажу 500-евровые?.. Отнимут...

– Мне... Что делать? – обратился я к Исидору. – Писать? Я уже написал раньше... Как пить-есть писал...

Тот поправлял хвостик под фуражкой, оглядывая себя в зеркало:

– Напишите, вам же не трудно?.. Кстати, просмотрели баснеписи?

– Да, некоторые прочёл. Очень хорошо. Можно... Но...

– Об этом потом. Сейчас пишите. Возьмите ручку.

Я обескуражился, взял. И рука, и ручка дрожали. Радикал как ребенка придвинул узбека вместе со стулом вплотную к столу:

– Тоже ручкуууу взяаяял, я сказааал, тухятина!

Фрол выдал мне листовку, повернув её чистой, глянцево́й стороной. Узбек (из носа – струйки засохшей крови, на лице – ссадины) взял ручку, вздохнул и забормотал что-то похожее на «алла», за что получил от радикала громкую затрещину. Это меня возмутило.

– Хватит! Что за звериные вещи? Как писать?.. Каждую минуту... бить... бить... что это, гестапо?.. – но радикал, не удостоив меня ответом, опять схватил узбека за ухо:

– Грамоту знаешь?

– Э... пилохо, та... умеу, та... так ну... узбецки школ хатил, та...

– Вот и пиши, что скажут! Ручкой по бумаге, а то я у тебя на жопе ножом напишу! Писать умеешь, чуча?

– Не умеешь – научим! – усмехнулся Фрол, а радикал пошел похаживать прыгучей походкой за нами,

что очень раздражало — над затылком как будто висела его чёрная рука, не давала ни о чем думать...

Я почти ничего не соображал, превратился в автомат. Исидор, усевшись на подоконник, наблюдал за нами. Фрол достал блокнот и начал диктовку:

— В лес... лес... ной... ной... ча...щэ... щэ... жы... жы... вут... вут ужы... ужы...

— Чито такой? — начал встревоженно спрашивать узбек, но радикал протяжно сказал:

— Пасть закрыыл! Не то разрежу! Видал, чурятина? — и, вытащив раскладной блестящий серебристо-чёрный нож-бабочку, стал им «кляц-кляц, кляц-кляц»...

Нож щелкал, сверкая, звякая и смыкаясь в лезвие.

От вида ножа мысли мои, как мыши, спрятались куда-то под черепной чердак, я не знал, куда смотреть — на сверкающий в чёрных руках нож или на глянцевый лист, где я писал и где сейчас, тенями, контурами, отражалась моя дрожащая душа. «Нож!.. Что это?.. Они криминалы?.. Радикалы — это кто, что?..» — испуганно думал я, автоматически выводя на бумаге фразу о том, как в лесной глуши, в полной тиши, дружно шуршали ежи и ужи, и думая, против воли, почему у него диктанты только на шипящие (не может что-нибудь на непроизносимые согласные дать, типа «костный мозг», «капустный червь», «счастливая лестница», как делала фрау Фриш)?

Несколько минут стояло молчание, только шелестели шаги радикала по комнате. Несмотря на стресс, я не поленился заглянуть в листок к узбеку — там были печатные каракули, больше похожие на квадратные иероглифы.

Исидор тоже искоса заглянул через его голову:

— Это, простите, уважаемый Насрулла, вы вообще на каком языке пишете? — спросил он с брезгливым удивлением у несчастного, взъерошенного как воробей, узбека.

— Русски... какой...

— Ну-ну, пишете.

Радикал в центре номера крутил нож: лезвие то выскакивало из «бабочки», то заскакивало, не давая сосредоточиться. Они с Фролом переглядывались, делали какие-то жесты, от которых холодок пробежал по спине и я никак не мог вспомнить, как правильно писать — «щука» или «щчука»... И этот нож!.. Опять проклятые бабочки! Вот расплата за вчерашнее: удавили тысячу штук живых пеперуди — получай теперь одну железную, острую, опасную, она отомстит за всех!..

Наконец, когда Фрол начал нудно диктовать про тунейца, у которого нет холодца в глухой тундре у крыльца, Исидор сказал:

— Достаточно, тут уже на сто штук набежало, — вытащил лист из рук жалобно смотревшего узбека и начал проверять.

Мой лист, видимо, его не интересовал, и я тихо отсунул его от себя.

Все ждали. Вот Исидор показал весь красный от исправлений текст:

— В 16 словах — 25 ошибок, из них — 14 орфографических, 7 — грамматических и по мелочи, 4 запятые... Итого 25 штук с тебя, дорогой друг из солнечной Чурекки! — Он потрепал листом узбека по щеке и положил лист перед ним на стол.

Узбек смотрел непонимающе:

— Чито? Сиколики? Как?

— Ты нам должен 25 тысяч рублей. Ошибка — штука, мы же договорились? Ну вот, если тут же расплатишься, можем сделать скидку, грамматику с запятыми не считать. Будет 20 штук. Но их-то обязательно.

— Аткута у мене... — Узбек начал вставать со стула, но радикал силой усадил его. — Толки вичира приехал... десят кило памидор... где ситолики шитук, э?

Радикал крикнул над ним отдельно, по слогам:

— Ког-да-бу-дет-ба-бло-блядь?

— И, нету, да... киянусь, та... вичира пириехал... да... поезд ис Анджана...

Радикал неожиданно с силой ткнул узбека в затылок, отчего тот ударился лицом об стол. Из носа потекла кровь... Я вскочил:

— Кровь!... Пол!.. Боюсь!.. Останови!.. Зачем?... Нельзя!.. — и стал оттаскивать радикала, попал ему по лицу, на что он отмахнулся:

— Да что ж такое... Уберите этого соплежуху в ванную! Фашист называется — крови боится!

Фрол, с грохотом вскочив, крепко схватил меня за обе руки и потащил к ванной, я наткнулся на его ногу и упал, но грубая сила схватила меня за шиворот, поволокла по полу, забросила в ванную и выключила свет:

— Тихо тут у меня!

Но я поднялся на ноги, в темноте подергал ручку — снаружи держали. Я подергал ещё — дверь распахнулась, я получил подошвой по груди, отлетел на унитаз, что-то посыпалось сверху, дверь — хлоп!..

...Когда пришёл в себя, услышал из-за двери крики:

— Бабло, сука... у земляков займи... роди, блядь... засрулла поганый... — и звуки ударов, грохоты мебели, визг подошв по полу, вскрики узбека, потом глухие стоны, как будто рот... затык-тык-тык...

О, его убьют, а потом мне будет!.. Я лихорадочно закрыл защелку изнутри и сидел возле двери, ощупывая нос и вытирая лицо концом полотенца, как потная мышь.

Шум нарастал: стала падать мебель, какие-то тела как будто боролись, слышны сопение, шепот, вскрики.

Я лихорадочно закрыл защелку изнутри и тупо сидел возле двери, в тревожной панике ощупывая нос и вытирая лицо концом полотенца.

Потом был дикий крик:

— Язык отрежу! — визг, верещание, скрежет, крики: — Куда, сука?.. Держи! Держи его! — звон стекла и — тишина.

И топоты ног, стук двери.

И опять тишина...

Я выбрался в номер. Дверь в коридор распахнута... Сквозняк... Сильно дует... Листы снесло со стола... Стулья

валяются... Кровь, всюду кровь!.. А где узбек?... Под столом нет... А это что?.. Обломки стекла в окне!.. Стекло выломано, кровь на осколках!..

Я отбежал к другому окну, выглянул — внизу, без движения — и как-то приподнято на решётке — лежал на спине узбек, лицо в крови...

Weglaufen! Schnell!¹

Я вырвал из шкафа пиджак, побросал в сумку, что под руку попало... Бежать... Чемодан кинуть, только самое нужное...

Натянув пиджак, с сумкой на плече, не понимая, что я делаю, я на цыпочках побежал по коридору, вниз по лестнице. На счастье, за стойкой никого не было, только уборщица из другого конца вестибюля недобро посмотрела на меня:

— Бегают тут...

Я бросил ей:

— Здравствуйте вам! — и поспешил на улицу, где сразу увидел: около тела стояла женщина с сумкой и смотрела то вверх, то на недвижимого узбека... Что-то кричит, машет рукой... Вот притормозила машина, из неё тоже смотрят — то вверх, то вниз... Что кричат?.. Выбросили?.. Рот разрезан до ушей?.. Язык отрезан?..

В оглушенном виде я стал ждать зеленый свет. Зебра перехода качается и мнётся, белые полосы стреляют по глазам, черные — разбегаются по сторонам. «Быстрее, быстрее!» — шептал я машинам, а когда орда жести сгнула, засеменял рядом с людьми, а потом начал уходить без оглядки по улице неизвестно куда, ничего не ощущая, кроме паники... Только бы подальше и побыстрее... Weg von hier!²

Наконец я устал от ходьбы, присел на скамеечку, стал делать вдох-выдохи и некстати сокрушённо и невесело подумал, что если есть только два инстинкта —

¹ Прочь отсюда, быстро (нем.).

² Уходить отсюда (нем.).

убегать и нападать, то я из тех, кто убегает, но не нападет и не тянет кишки из брюха живой жертвы, как это делают хищняги... или эти... наци-радикалы... они тоже убежали... ещё как! топ-топ-топотом!..

Медленно приходя в себя, я стал оглядываться. Никто на меня не смотрел — парень с девушкой обнимаются, на остановке люди в одну сторону смотрят, ждут автобуса, тут пожилая пара что-то обсуждает, мужчина в пальто рукой показывает что-то ребёнку... На затылок стала наваливаться тяжесть. Она вздувалась и не опадала. От страха мысли тоже шли пузырями, вспучивались, сворачивались в комки.

«Die Lage ist schlecht, sehr schlecht und bedrohlich!² — начал думать я по-немецки и вдруг обнаружил, что не могу вспомнить ни одного слова на других языках: — Wie soll ich das auf Russisch sagen?.. Wie?.. Ich weiss nicht!»³

Не только слова исчезли, но и предметы стали вибрировать, как мобильник без звука — из них, изнутри, билась дрожь, бегущая по рукам к голове, и в мозгу всё начало звенеть и трястись, как в едущем поезде. Беру ручку сумки — а из неё дрожь бежит по руке прямо в голову!

Словно немой, я, мыча, сам себе показывал пальцем на дерево, землю, машины, остановку, а в голове открывались только: «Baum... Erde... Autos... Haltestelle... Halt! Langsam einatmen, so tief wie möglich... und ausatmen, auch möglichst tief... Gut... Jetzt auf Russisch zählen... eins, zwei, drei³... четыре, пять, шесть, семь, восемь... вдох-выдох... хорошо...»

И постепенно слова стали разливаться по сухой голове, а я отдышался, как после гонки. Вдруг в сумке зазвонил телефон. Я выгашил, посмотрел — номера нет. Что делать? Брать-взять? Раз кто-то звонит мне, значит,

¹ Положение плохое, очень плохое и опасное (нем.).

² Как я должен сказать это по-русски? Как? Я не знаю (нем.).

³ Дерево, земля, машины, остановка. Стоп! Медленно вдохнуть, как можно глубже, и выдохнуть, тоже как можно глубже. Хорошо. Сейчас считать по-русски — один, два, три (нем.).

знает мой номер – куда денешься? Я обреченно нажал на кнопку...

Это был полковник, но по его тону и первым словам я понял, что он еще ничего не знает про узбека.

– Привет, геноссе Фредя! Как отдыхаете? Что делаете?

– Так... По-маленькому... Гуляю... В Третьяковке... картины...

– Да? А я не знал, что в музеях самосвалы ездят, – иронично сказала трубка.

Я с тоской проводил глазами нехстати проехавший автобус:

– Я у окна... Воздух дышаю... Воздух вдыхаю...

– Ну-ну, не простудитесь...

– А вы как? – собирался я с силами, думая о том, что даже если он сейчас ничего не знает, то скоро узнает: гостиница – в его кормушке, и не лучше ли ему всё прямо сейчас и рассказать, я же не виноват?.. Явка с неповинной! Ничего не делал... не виноват никак... Но прибор этих мыслей тут же отступал, шипя: «Нет, молчать... молчать... сбежать, как фон Штаден... мама говорила, он через север бежал... там город Божеск... нет, Ангельск... деньги дать... на судно сесть... шхуна...» А зато другой Штаден столько плакал и молил дикарей, что его помиловали, – может, и тут так будет? Надо только всё честно сказать-рассказать? Доплакаться и домолиться?.. Они же не люди-людоеды?..

Сквозь ворох этих мыслей я уловил, что полковник говорит, что его маме плохо, 98 лет, мама просит приехать, но он не может ехать туда, нанял сиделку, фельдшерицу, и как это тяжело, когда родители стареют, – когда умер отец, он вообще был на задании в Киргизии...

– Скорбно! И вы? Ездить не можете? – из вежливости спросил я, думая, что, если б он сейчас уехал к маме и оставил меня в покое, было бы лучше всего.

– Куда я поеду? Я же вам говорил. Невозможно мне туда ехать. Есть причины, всякие, веские...

Понятно, много весят, большой вес... И он в врасплохе... в расплохости... плохо всё... И я посоветовал:

— А вы так... тайно... как Сусан Иванин...

Трубка молчала, меня как бы рассматривая. Я тоже внимательно слушал молчание, но ничего не понимал и, глядя на свои ноги, думал, что первым делом надо купить туфли, брюки, куртку — не поедет же Фредя в поезде и в самолёте в пижамных брюках и тапочках! Но где купить?.. Одежду москвичи покупают в магазинах «Гастроном»... нет, «Универсам»... всюду таблички с ценами, нельзя курить... Как он назывался, этот большой магазин?.. МГУ?.. Нет, кажется, ГМУ...

— Нам надо встретиться, Фредя. Вы все наши разговоры помните?

— Конечно. Я готов... для услуг...

— Вы когда летите?

Хоть я и ждал этого прямого вопроса, но не был готов к ответу и начал шнуровать какую-то чужань:

— Паспорт посмотреть... С собой нет... Билет и паспорт вместе. Кажется, скоро... Или послезавтра, или еще потом... один день дальше...

— Нормальный человек знает, когда он уезжает... Ну, ваш германский адрес я знаю, так что... сами понимаете...

— Понимаю...

Тут проехали два ярких двухэтажных автобуса — туристы смотрели сверху, из укрытия, в чёрных очках, надежно защищенные, довольные... «Немцы, фашисты поехали!» — с отчаянием подумал я, провожая их завистливым взглядом: вот они едут, свободные, увидят Князь-Пушку и уедут, а мне еще тут... метелиться кур знает сколько... Почему не взял турпутёвку, как советовал папа?.. Поехал бы с экскурсиями... И Князь-Пушка... И Государь-Колокол... Нет, один... страну посмотреть изнутри... в Австралии один по бушу ходил... ничего не боюсь, себя проверить... тут кенгуру другие... Нет, тут не Австралия, тут без гида не идёт! Да и с гидом не очень, надо ухо остро поддерживать...

— Отойдите от окна, плохо слышно! — приказала трубка.

Но я нашёлся:

— В музее нельзя громко разговаривать! — на это полковник уже зло ответил:

— В музеях нельзя открывать окна!.. Ладно, ваше дело, хотите по блядям шляться — шляйтесь, только сифон не подхватите... Сегодня у меня совещание... Давайте завтра днём, часиков в час-два, будьте готовы, я заеду за вами в гостиницу! Сделаем прощальный шарапи! — решил голос.

— Всегда приготов... ошарапи... давайте... — ответил я, думая, что в эту гостиницу я в жизни не вернусь; но не начинать же с ним сейчас перетёрки — в гостинице нет надо, встретимся в другом месте... а где? — у Мавзолея, что ли, где Сталин вместо Ленина лежит-полёживает?.. Да и как, если он узнает об узбеке?.. А он узнает, это его кормушка. Наци нет, иди и докажи, что не ты узбека убил!.. Жив он или нет — тоже вопрос.

Трубка, напомнив, что «завтра, в час-два ждите», отключилась.

Я бросил её в сумку и стал ворошить вещи, исподтишка оглядываясь, нет ли хваталова, и боясь, что полковник поставит меня в полный розыск. Идти на встречу с ним?.. Нет, не отвечать на звонки — и всё. Или сейчас же уехать в московский аэропорт?.. Но в таком виде... Там милиция, быск, быск, обыск... И, может, я уже в картотеке? Говорил же полковник — «вы в картотеке», «как поставили, так и снимем»...

Какой же выход? Идти к ним сдаваться? Явка с неповинной — не виноват, не повинovat, ни перевиновat?.. Это тоже такие хитрые слова — «виновat», «виновен», «повинен», иди разберись!.. Скажут — «не виновat, но виновен» — и всё, тюрьма... Нет! Надо уехать на поезде! Или на пароходе, как фон Штаден, который дал взятку шкиперу и на шхуне из Ангельска попал в Амстердам,

7. 26 сентября 2009 г.

потом спустился в Вогезы, в Люцельштейн, к сумасшедшему богачу пфальцграфу Вельденскому, потому что тот (как говорили в Амстердаме знакомые торговцы пупниной) помешался на проекте захвата Московии с целью сделать её своей провинцией и поэтому собирал вокруг себя, кормил-поил всех, что-либо знавших об этой загадочной стране, а фон Штаден много чего знал и тоже (после всего, что видел и слышал) пришёл к убеждению, что для всех будет лучше, если Московия станет провинцией Австрии или Эльзас-Лотарингии, тогда всё там уладится... Пошли же когда-то они к врагам: «Приходите, правьте, сами не можем справиться!» Хотя если варяги не справились, то Австрия — и подавно...

Тут я вспомнил, что должны быть где-то ещё десять 20-евровых, вторая фифти от поделенной пятьсотевойной... Но в сумке найти их не смог, зато обнаружил свой дневник. И четыре сирени по 500, тут, в паспорте, вместе с билетом, а вот где эти двадцатки?.. И двадцаток нет, и двух сиреней!..

Некстати всплыло, что полковник в ресторане говорил, будто бы грузины ведут счёт двадцатками — почему? — а потому, объяснил он в шутку, что настоящий грузин меньше 20 бутылок вина не выпьет и меньше 20 женщин не удовлетворит!.. Мы посмеялись, но я ему всё-таки напомнил, что у русских слово «деньги» имеют только множественную форму, а это уже многое говорит о народном менталитете. (На это мое внимание обратил Хорстович, которому кто-то в Москве сказал, что «деньги» во множественном числе употребляют только русские и еще где-то в Африке — в королевстве Мауруру, кажется, где основным платёжным средством служат пустые консервные банки, и все три имеющиеся трактора с прицепом день и ночь с грохотом собирают с населения гремящие налоги и шумно свозят их к одноэтажному дворцу, где под заветной пальмой сидит князь-король и лично всё считает и проверяет, и не дай аллах-господь-боже-мой сборщикам украсть пару жестянок! — суд бы-

вайт быстр и вкусен: на вертел — и в печь! Что может быть лучше — сам, румяный, на печи, а враг румянится в печи!)

Помнится, на это полковник ответил, что не надо удивляться множественному числу — чего еще можно ожидать от вечно нищего и голодного народа, для которого деньги — миф, а само слово «богатство», «богатый», «богач» — одного корня со словом «бог», чего тоже нет ни в каких языках, и куда уж большее обожествление, чем у русских. Таков их бог: богатых он любит, а бедных ненавидит... Но на самом деле, объяснил потом полковник, слово «деньги» произошло, как и всё у русских, от татаро-монгольского «тенге», до сих употребляемого в Азии, на что я возразил, что моя версия — иная: «деньги» произошли от слова «день»: когда деньги есть, то светло, как днём, а когда нет — то темно, как ночью, безденежье — это без день-дня...

«Охохохохоюшки!» — проступил стон души. Теперь и у меня глаза стали, наверно, как у той официантки... О-е!..

«Надо ехать к Самумычу, с его помощью одеться, у него около метро всё есть», — пришла твёрдая мысль. Но как? У кого будет сдача с 500-евровой?.. А если поймать такси, подъехать к ларьку, взять старика из киоска, с ним разменять эти проклятые пятьсотки — да хотя бы у головоногого в вонючем пункте — и расплатиться с таксистом?..

«Ja, das ist richtig»¹. А в гостиницу мне никак нельзя. И с полковником встречаться — тоже. Меня уже, наверно, ищут... Если узбек мёртвый, никто не докажет, что это не я его из окна выбросил. А зачем мне было это делать? А это второй вопрос. Какой-нибудь волос найдут. Или ещё что. А если жив? Наверно, скажет, как было дело... А если он в коме?.. Жди тогда, когда он проснётся и скажет, что не ты его убил... может, и не вспом-

¹ Да, это правильно (нем.).

7. 26 сентября 2009 г.

нит... Женщина кричала: «Рот разрезан»... Что это, Средние века, базилевсы с ложками, глаза ковырять?..

И я, подхватив сумку, вышел на обочину, встал в серой жиже и, под брызги пролетающих машин, стал всматриваться в поток.

Вот едет старая красная «лада», чёрный капот — от другой машины. Бедный... Значит, хороший... И я поднял руку:

— На Жданова!

— Куда? — переспросил в окошко пожилой человек с залысинами и добрыми глазами. — Такой улицы давно нет!

— А... Может, Нежданова?

— Это другой коленкор. Садитесь, 300 рублей.

— Согласны.

Поехали. В машине пела какая-то певица что-то романсовое, но не по-русски как будто.

— Это кто?

— Тамара Гвердцители. Не знаете?

— Нет, я из Германии. Кто она? Русская звезда?

— Нет, грузинка. Ну да. Российская звезда...

— Ах, так... — я смутно вспомнил разговоры Антоши и полковника. — А разве... грузины... им можно тут?.. Было же это — пиф-паф, войнулька?

Водитель понимающе посмотрел на меня:

— Война — развлечение богатых, так ваш железный канцлер говорил, кажется... А народ — всегда в проигрыше, что бы ни происходило... Одно могу сказать: мы с грузинами всегда вместе, как братья, были... Да и уважать их надо — на 600 лет старше нас по христианству, понимать надо...

— А сейчас... война почему? По кочану?

— Кому-то понадобилось... Говорят, наш генералитет всё затеял — они там в 90-х под шумок нахватили дач и дворцов, теперь отдавать не хотят, побережье, то-сё... В общем, много всякой мути... Ну, грузины и обиделись.

А кто бы не обиделся?.. Без Грузии, кстати, и нашей литературы бы не было...

— Как это? При чем одно с другим?

— При том. Нет, была бы, конечно, но другая... Пушкин, Лермонтов, Толстой, Горький — они все на Кавказе мужиками стали, возмужали... Там было всё другое, загадка, тайна... Вот такие красавицы, как Гвердцители, жили... Отлично поёт, душевно...

— Да, очень даже ещё.

Пение успокаивало. И водитель так располагал к себе мягкими жестами, добрыми глазами и доходчивой ясной речью, что я решился сказать, что мне надо разменять евро на рубли, не поможет ли он:

— А то... зарубежец... в рублях как в мандаринах... считать не посчитать.

— Конечно. Не вопрос. Скоро будет пункт... Этих пунктов — как грибов...

У нас в Германии грибов мало, поэтому я уточнил:

— Мало?

— Какое там! Много! И все хотят валюту купить... Недавно зять перед турпоездкой евро хотел приобрести — в 12 часов утра во всех пунктах — хоть шаром покати...

— Зачем шар катать? Играть?

— Какая уж игра! Нету евро, говорят, приходите завтра, может, будут.

— Не хотят рубли?

— Не хотят. Рубли — это бумага, а евро — это деньги...

А, вот пункт! — Он подрулил к обочине. — Сами пойдете?

Поколебавшись, но вспомнив головоногое, я вытащил из паспорта, не глядя, на ощупь одну 500-евревичную и подал её водителю:

— Нет, лучше вы.

— Ого! — сказал он и осторожно, двумя пальцами, взял сирень. — Таких я еще не видывал! Красивая! Так, какой у них курс? — Мы посмотрели на таблички. — Покупка — 38,5, продажа — 41,5... Ясно.

Водитель, надавив плечом дверцу, вышел, направился в пункт.

А я, думая, какие тут хорошие и услужливые люди-людовозы, смотрел на дощатую дверь: не здесь ли сидело то, противное ногоголовое, или в другом месте?.. Вид у пункта был почти такой же — не очень казистый и не слишком уклужий... фанера... Куда, интересно, потом все эти евро?.. Куда-нибудь в Мюнхен... или вот — в Альпы, дом купить...

Теперь я — в который раз — всерьез задумался, что делать с полковником. Он завтра хочет меня видеть... Что-то передать. Я, конечно, открою, посмотрю, что он передает... Но где я с ним встречу? В гостинице?.. Нет, туда я не ходок-приходок! Там мёртвый — или полумёртвый — узбек... Во-вторых, я полный идиот — как я могу с ним встречаться?.. Он же будет знать всё. И — ГУЛАГ, дежурка, тужурка... ложка-место... начальник... Кроля... давай-давай... Нет, нельзя... И вообще — ни с кем встречаться нельзя... А вдруг Самуилыч — тоже оттуда? Меня ошарашило, ошпарило, пришпорило страхом. Алка же говорила... А сама Алка?.. И она знает, когда у меня билет, даже спрашивала, кажется...

Водитель вернулся, неся в руках деньги и чек.

— Вот, посчитайте.

А что считать? Я всё равно не знаю эти деньги... и считаю плохо. Высшая математика — да, это моё, а вот арифметика всегда в плохости была.

— Вы считали сам, там? Я верю!

— Ну да. Вот... пять тысяч... десять... пятнадцать... — передавал он мне тысячные, — двадцать... И тут должно быть 750...

— Возьмите отсюда за проездку... ну, 500 рублей... — Я дал ему деньги, а остальные запихнул в карман пиджака.

Водитель смущенно и деликатно взял:

— Ну, спасибо! — и, как бы скрыто оправдываясь, сказал, заводя мотор: — А что делать? Приходится таксовать на старости лет... Пенсии на газ-свет не хватает...

— Света не хватает? Тёмно?

— Да света полно, денег не хватает за всё платить...

Я всю жизнь в Плешке преподавал, философию, а сейчас уволили, новых набрали, я им не подхожу. — (А я вспомнил продавца мороженого на Невском, которому тоже приходится работать и сыну помогать.)

— У вас сын есть?

— Есть. И дочь. И три внука.

Ого... Если одному сыну помогать трудно, то тут сколько всяких эдаких? Я осторожно спросил:

— Они как, хорошо себя чувствуют?

— Да как сказать... — Он мягко посмотрел на меня. — Когда хорошо, а когда и не очень... Всё время хорошо только тем, кто на трубе сидит... Ну и тем, кто трубу обслуживает...

— Трубу на крыше? Кто высоко сидит? — поняв, что тут аллегория, но не поняв её смысла, уточнил я (вспомнив, однако, что на Вашем семинаре по сакралу была, кажется, какая-то поговорка про А и Б, которые сидели на трубе: А сбежало, Б пропало, И осталось на трубе).

Водитель, сторонясь джипов, аккуратно обогнал еще более старый «Москвич» и ответил:

— Чем только через 30 лет топить будем? — (Кого топить?.. Где?.. Лошадь утопла?.. У меня в голове всё смешалось.) — Вы кто, студент?

— Да, филолог, язык учусь...

— Учите, учите, скоро ничего не будет...

— Как это?

— А так. Грабят страну без зазрения... Хуже этих временщиков не было еще в истории... Вот вы по-русски читаете?

— Да, читаю.

Водитель кивком указал назад:

— Возьмите, посмотрите... Прейскурант взяток... сосед дал. Из Интернета выпечатал... Повезите, отдайте там в журнал, пусть знают!

— В какой журнал? — не понял я, но потянулся, взял. Толстенькое... — Чего это меню?

7. 26 сентября 2009 г.

— Сколько, за что, где и кому надо платить. Вот, всё официально, адрес в Интернете: <http://www.bg.ru/article/8681/>. У вас в Германии есть?

— Ну, у нас есть прайс-листы, меню, где цены... Но официально...

— А это неофициально, взятки. Вот, как раз начинается с институтов и университетов, плехановский там на первых местах... зачет — 2000 рублей...

Я открыл, начал просматривать: да, вот... «МГТУ им. Баумана, сессия: зачет/экзамен/курсовая — от € 300 до 1000... МГУ, гуманитарный факультет: допуск к сессии — 20 000 р. Российская экономическая академия им. Плеханова: зачет 2000 р.»

А водитель рассказывал, что, когда пришли новые времена, к нему на дом приехал староста группы, привез конверт с надписью «Лучший подарок — это деньги!» — в конверте было три тысячи долларов, скинулась почти вся группа, и список, кто сколько дал и, соответственно, на какую оценку претендует:

— Я конверт взял и отнёс в деканат... Один раз, второй, третий... А четвёртого уже не было... Сейчас у них другой расклад: замдекана называется «аккумулятор», он взятки собирает, декан — «трансформатор», передает наверх, ну а секретарши и лаборантки — это «проводники», мосты наводят и учёт ведут, кто какую оценку заказывал... Вот, Нежданова... — Он, въехав на улицу и спросив у меня, какой номер дома, разрешил: — Возьмите меню, сосед мне еще даст... в Интернете разное есть... Да у меня всё равно денег на всё это нету...

Я спрятал папку, еще раз уточнив:

— Значит, тут цены на взятки? Подмазка? Давалки? Датка? Шмирка?

— Ну, если один даёт, то другой, естественно, берет. У нас — круговой оборот взяток, как в природе. Вот я ему дам, — водитель указал на двух толстых милиционеров у обочины, — видите, у них на лицах написано, что они сегодня хорошо позавтракали и уже, наверно,

плотно пообедали и теперь собирают на ужин, а они оттуда часть дадут начальнику, а тот начальник — своему начальнику, по вертикали наверх... Для этого эта вертикаль и сделана: удобнее знать, кто под кем сидит и кому сколько положено по чину...

— Конкретно и реально, — понял я.

— А этот мент еще детей имеет — должен их кормить-обувать и за детсад или школу хорошую платить... всюду надо давать... вон... цены указаны... Или дядя болел — а в больнице плати, не то живого в морг снесут, как с нашим вахтером было: он лежал после операции, денег платить не было, так его санитары отвезли в морг для устрашения, чтоб за ум взялся, и забыли его там на ночь, а он простудился и умер... Наши бесплатные больницы — это же фабрики смерти... И кушать всем хочется каждый день, как ни странно. Так что все одной цепью повязаны... Фильм такой был, не смотрели?

— Нет.

Водитель, поглядывая на номера домов, говорил:

— Старый фильм, вас тогда и на свете не было. Там двое — белый и негр, сбежали из тюрьмы, связанные цепью, и никак расковать не могут, так и бегают.. Вот и мы, только не двое, а вся страна повязана... А им там, наверху — что?.. Покупают себе дворцы и покупают... Совесть совсем потеряли, еще и кичатся этим... Да... Жаль... Вот думали мыслители, что мы — народ-богоносец, а на деле что вышло?..

Этого я не уловил:

— Ного... босец?..

Водитель усмехнулся:

— Вот-вот, в точку попали, ногобосец... Нищий народ, деревня вымерла, а города от люмпенов и криминала лопаются... А наверху — тишь да гладь, паханат, диктатура серого убожества... — (Я стал думать: «убожество» — одного корня с «богом» и «богатым», переход «г» в «ж»?... Убожий богатый? Убогий божатый?) — Тут где-то должно быть, вот номер 52... 54...

7. 26 сентября 2009 г.

Вот киоск старика!

— Здесь, пожалуйста, останавливайте!

Водитель, попрощавшись, уехал, а я увидел, что киоск закрыт.

Может, перерыв? Я посмотрел на часы — около трёх... Киоск утрюмо, даже угрожающе-утрюмо молчал. На стекле — пыль...

Надо идти к нему домой. Это тут. Мимо детей и старушек. Вот подъезд, хорошо, что открыт. Вот табличка, «Беренберг». Но никто не отвечает на звонок. Еще и еще. Еще и еще никто. Надо сесть на ступеньки. Я достал телефон, хотя смысла звонить не было — зачем?.. Если он звонок в квартире не берёт, то телефон не возьмёт...

На шум выглянула соседка:

— Вам кого, молодой человек?

— Вот... Беренберга.

— А Матвей Самуилович пару дней назад срочно к дочери в Симферополь уехал — внука там рождает... Или родила... За визой еще бегал... Это дожили, а? На Украину визу делать надо!

— Когда назад, обратно? — Я цеплялся за соломинку.

— Кто его знает. А вы что? Кто ему?

— Родич... Родимый его...

— А, ну понятно, со стороны Веры Кузьминичны, наверно... Так что нет его.

— А ключ... не брал... не дал?..

— Нет, ключа мне не оставил.

И она захлопнулась, а вместе с ней — и во мне что-то — хлоп, хлоп!

Не сидеть же тут до ночи... А ночью где сидеть?

Я еще раз достал билет. Сегодня, кажется, 26 сентября. На билете «Abflug», «вылет» — 29.09.2009, время — 15:30. PULKOVO... Sankt-Petersburg...

Какое странное число — 29.09.2009... нехорошо... Мне стало страшно, но я решил не сдаваться: а может,

наоборот, — счастливое?.. Кто эту каббалу абракадабровую знает? Надо бы спросить...

Нет, надо ехать в Питер, к Виталику, там тихо досидеть — и всё! — решил я. Но — в пижаме, в тапочках ехать? Без куртки? У меня и так время от времени — дрожь, дрожь по спине... А если меня уже в розыск?.. В поездках паспорта не спрашивают, кажется... Хотя кто его знает, тут всё могут, вертикаль... Конечно, если я в ночной рубашке поеду, то спросят, и я бы спросил такого... поросюгу, почему он не одет...

Значит, вначале магазин одежды.

Ветераны!

Уж они-то будут знать, где купить мужские вещи. Покупают же они сами где-то? Ну, и я там куплю.

Я стал копаться в бумажнике, чтобы найти телефон и спросить, как называется их сад: «На Усах», что ли?.. Или «Под Усами»?.. Что с усами... Иногда оглядывался на страшный подъезд, где стены были облуплены, исписаны и исцарапаны, а лифт, видно по вмятинам, не раз открывали с помощью молотка... Как дедушка Людвиг любит повторять?.. «Das Hauptwerkzeug der Russen ist der Hammer!»¹ Ну и что? Молотком войну выиграли. Молотков-коктейль... А у немцев что?.. Пулемёты и танки, что ветеранам так нравятся?.. Нет, чья бы корова молчала...

В руки попала листовка. А, на обороте я писал мой диктант... ежи, ужи... интересно, сколько там ошибок, под волнением?.. Надо захватить, дать Вам проверить... Я повернул листовку и поморщился от ненавистного мне знака. Без свастики не обходится!

GRAMMATIK MACHT FREI

¹ Главный инструмент русских — молоток (нем.).

Из манифеста лингвофашистов

ПАМЯТКА

Отбрось пороссячью латынь!
Гордись своей грамотной речью!
Все неучи — в нашем расстрельном списке!
Граматику на свободу!
Учите свой язык, товарищи!
Иноземная лепра нам ни к чему!
Грамматик махт фрай!

Дальше эту глупость я не стал читать. Идиоты они!.. Ебланы ебатые! Дегенераты! «Я сказааал!» И с какой ненавистью они избивали этого узбека!.. Если они так всех бьют, не удивительно, что революция случилась... Говорил же баснесловец Крылов: «У русского всегда нерусский виноват»... А всякая революция — это всегда реэволюция, откат назад, и больше ничего... И вот, пожалуйста... У них была реэволюция, у нас — фашизм. А где фашизм, там сразу немецкий: грамматик махт фрай, яяя сказаааал, яб-лоны, мудаки!.. В Дахау они вели бы себя скромнее... Вот, телефон ветеранов. Но будут ли дома? Я набрал номер.

Ответили:

— Кто у аппарата?

— О! Доброго дня вам, Максимович! Это опять я, Фредя! Как чувствуетесь?

— Что? Кто? Я? Да ничего, как будто... Всё хорошо. Вот сидим с женой, пельмени лепим, день рождения правнука, скоро гости придут...

— О, хорошо! Какой возраст?

— Да четыре годика пока, но кусачий... Василий-Колбасиий такой... Тут тоже бегаает, помогает...

— Ничего, будет большим... Максимович, вы не знаете, где можно купить одежду для мужчин, штаны, например, или сапоги также?

— Сапоги? Зачем вам?

— Ну, ботинки я имел на вид... По-немецки всё — «Stiffel»...

— Штифель? Знаю... Я одного немца брал, с него сапоги, еще живого, стаскиваю, а он орёт: «О, майн штифель! Найн!» С тех пор запомнил — штифель! — И он обрадованно спросил не в трубку (а я вспомнил его разлапистые рубони и пожалел, что позвонил): — Лида, где мужская одёжа тут у нас рядом? Есть?.. — Потом мне в трубку сказал: — Да, есть... Мы по магазинам этим не ходим, на барахолке отовариваемся, если что... Если помощь нужна — приезжайте, рады будем!

Вот! Как масло масляное это было! Помощь!

— И я буду рад, да! Только где? Вы на Усах?

Максимович засмеялся:

— Нет, еще нет. Мы сейчас много не пьём — здоровье не позволяет...

— Нет, я хотел... По Усам? Место как называется, где я был, где шахматы? Сквер? Куда ехать, не ездить?

— А, понял, мой адрес, пишите...

— Почему «пишите», без результата? Я хочу записать! — забеспокоился я.

— Ну, запишите... Записываете?..

— Сейчас, ищу-найду ручку, — покопался я в сумке. — Есть!

— Улица Пулемётчиков, 83/85, корпус 2, строение 2 Б...

— А строение — это что, не дом?

— Дом, только учтите, что строение 2 А находится на одном конце улицы, а наше, строение 2 Б — на другом...

— Почему? — спросил я и сам же ответил: — По кочану?

— А хрен его знает, почему им так взбрело? Страна такая! У нас же всё — правое ухо через левый пень...

— Да, левша делал. — Я уловил знакомые мотивы и сказал, что скоро буду поймать машину и приходить.

— Ждём.

Я собрал сумку, закрыл её на молнию, адрес ветеранов оставил в кармане пиджака, под рукой.

Бабушки в платках, как у Бабани, сидели около подъезда... сюдачили... ну да, от «сюда-туда», кто куда пошёл, кто пришёл...

— А вы не скажете, где машину на улицу Пулемётную ловить?

— Чего? — отозвалась одна старушка, а другая оглядела меня:

— На спорт, что ли, собрался?

— Да. Спортсмен...

— Чего-то я вас не знаю? Вы из какой квартиры? Светки ли нашей жужон?

Другая старушка, прищурившись, осмотрела меня:

— Нет, Светкин жужон чернявый был, с короткой стрижкой, а этот — белесый, с кудрями... Да Светка того наглого уже давно прижучила, сейчас с одним студентом шляется, недавно видала их в беседке... А в сумке что у вас? — с подозрением указала она на сумку.

Я пожал плечами:

— Мои вещонки... Я Беренберга искал... хотел найти...

— А, Беренберга... Его нет, внучка рождает... И чего старый полёрся, спрашивается? Поможет, что ль? Дело большое!.. Я, когда своего четвёртого рожала, мужу сказала, чтоб он борщ помешивал, приду из больницы — заправлю...

— Деньги есть — вот и полёрся. Не зря же в ларьке сидит! — подпустила язву вторая.

— А вам что, спортзал на Пулемётчиках? Тогда лучше троллейбусом езжайте, вот тут «пятёрка» проходит, а потом на Кольцевой пересядете на автобус... Номер 27, кажется... Или 28, не помню...

— Нет, спасибо... лучше такси...

— А, вот так вот... — поджала губы старушка. — Мы на такси не ездим. Там! — сухо кивнула она в сторону улицы, что я и сам знал, но всё равно сердечно поблагодарил их:

- Вам — и спасибо великое!
- И тебе здоровым быть!

Отойдя в слякоть обочины, начав выискивать глазами пустую машину и уклоняясь от грязных брызг, я вдруг подумал, что Максимыч сказал — они ждут гостей. Как-то малоудобно идти в дом, когда там гости... Все будут буркалиться, глазами шнуровать... Надо где-нибудь посидеть, подождать, еще раз всё обдумать. Я отошёл к тумбам возле ларька, сел.

С одной стороны, ветераны — мои единственные знакомцы, с другой — не забывалась и внушительная лапонь одуванчика, которой он немцев убивал и штифели с них, еще живых, снимал. Чтобы так и меня... не разделал... Да, лапонь... Но зачем ему меня убить?.. А просто: был немец — и нету... Говорят же в Польше: «Хороший немец — это мёртвый немец»... Может, и у Максимыча такие же принципы?.. Говорит, пельмени лепим...

От этих мыслей начало бродить под ложечкой... Вкусные, наверно... В детстве я их часто ел — Бабаня лепила и меня учила, но маме это почему-то не нравилось — «ты не девочка», — и она мне запрещала крутиться на кухне, что я очень любил. А когда узнала, что дедушка Людвиг учил меня курицам топором головы отрубать, то устроила большой тарантуй... нет, субунтай (я помню, это праздник у татар, на семинаре по сказкам упоминалось, память всё-таки у меня феноменальная)... Кричала на папу, зачем из ребёнка растить садиста, мало их уже было вокруг?.. Я не понимал до конца её возбуждения: ну что такого — один раз топором тюкнуть?.. Сама она курятину ест... Если бы она узнала, что Хорстович живых лягушек варит, то совсем бы, наверно бы, обнервничалась бы со всех сторон (неизвестно, сколько раз это «бы» ставить, Вы на грамматике разрешили ставить сколько хочешь, не помешает)... Хорстович ловил лягушек и кидал их в кастрюлю, ставил её на огонь и с большим удовольствием смотрел, как вода по-

степенно закипает и лягушки мечутся, варясь заживо. А перестал после того, как попытался сварить котенка, но тот сумел скинуть стеклянную крышку, прыг-прыг — и до кости оцарапал Хорстовича. После этого Хорстович перестал (или опасался) мучить живое. Нет, мама права — никого нельзя трогать, если не хочешь, чтобы и тебя сварили.

А пельмени как они едят — со сметаной, маслом или уксусом? С чем?.. — начал навязываться ползучий вопрос. На столе еще, наверно, колбаска, и сырок, и салатики всякие... один особо вкусный, «оливье» называется, реально крутой... Мама его «русским салатом» зовёт — *Russischer Salat*, — а папа — «боливье». А на самом деле надо говорить «оливье», потому что там оливок много... И салыце с батоном... не вопрос... Батон Сталин, батон полковник... Как же без закуски-макуски?.. И пироги, точно, есть, чтобы их съесть... Ау, вкусные!.. Помните, Вы как-то (для нашего семинара «Веселие Руси») попросили студентку Дарью испечь нам пирожки — мы еще разыграли «Красную Шапочку», Виталик был волком, Дарья — Шапочкой, а я — дровосеком, и в конце, в суматохе я, спасая Шапочку, изрядно потрогал упругую грудь Дарьи и даже запихнул ей пирожок куда-то туда, в вырез, на что она крикнула: «Куда масляное сѹёшь?» А немцы готовить не умеют, нет... Все на диетах помешались... Вот недавно на одном празднике у студентки: вначале — пирог какой-то без яиц, крошится... суп-пюре из протертой тыквы... деревяшка с тремя видами сыра и два багета.. Пиво безалкогольное мешали с яблочным соком. А пили цикорий с соевым молоком — для организма полезно... Полезно, но скучно.

А если опоздать в гости — то всего этого может и не быть уже... «*Wer spät kommt, den bestraft Herr Gott*»¹ — говорит дедушка Людвиг, и это правильно. Но и рано кто приходит, того бог тоже не очень любит — сиди в углу и жди, как буклан в клетке... Нет, лучше поехать. Может,

¹ Кто поздно приходит, того карает бог (нем.).

гости придут вообще не сейчас, а вечером? А пока надо будет штаны, туфли... В каком я виде?.. Хаммурапи на шарапи... Стыдно. Мы всегда славились аккуратностью, и вдруг такая чума, в тапочках и штанузах, как негр... как тот животообразный Паша, которому Гитлер очень нравился...

А когда будет одежда — можно сразу в Петербург... сесть на Красное Стремя — и уехать. И чего было в Москву приезжать? Ходил бы по Невскому, пирожки кушал... Нет, Князь-колокол, Гранитная палата, Базилиус-Катедрале... А с Машей вообще анекдот... Чьи шорохи сзади?..

Я осторожно повернулся, но это была кошка. Она со спокойным удивлением посмотрела на меня, дернула пару раз хвостом и удалилась под машины, где её ждала пёстрая подружка. Оттуда понеслось довольное мурчало. Надо ехать!

Я решительно вышел навстречу одиноко едущему «москвичу». Дверца открылась:

— Куда?

— Доброго вам всего! Мне надо вот сюда. — Я, как немой, показал адрес мрачноватому шоферу в кепи.

— Это где же такое?.. Не знаете?.. — Он нашарил в кармане телефон, отщелкал: — Слушай, Глаш, где у нас улица Пулемётчиков, знаешь?.. А... Это что, в Болвановке, что ли?.. Понял... Ясно... Откуда поворот туда? С проспекта?.. Всё, усёк. Спасибо, отдыхай, — щёлкнул кнопкой и сказал мне: — Тысяча рублей.

— Что так? — помимо желания спросил я, хотя не очень твёрдо знал, сколько это. Просто слово «тысяча» звучит солидно и действует на людей сильнее, чем «миллион»: миллион люди не видели и представить себе его не могут, а тысячи — видели и поэтому могут себе их представить (так объяснил мне мой психотерапевт).

— А далеко ехать. В объезд надо. Там мост ремонтируют уже два года.

— Бабло пилят? Реально?

— Ну. Поехали?

Шофер был молчалив, включил русский шансон и ехал, безучастно пропуская вперед властные джипы и скорые «мерседесы», но с азартом обгоняя «лады» и «жигули». Только один раз сообщил, что ему больше всего нравятся «Audi», когда их начали выпускать, до войны?.. Я ответил, что «Audi» — это не что иное, как старый нацистский «хорьх», «Horch», название которого запретили на нюрнбергском процессе (как и все остальные нацистские знаки, символы, обозначения), американцы захватили завод, а машину переименовали на латынь («horch» — от «hören», «слышать», и «audi» — тоже «слышать», только по-латыни). Так «хорьх» превратился в «ауди».

Шофер уважительно слушал и под конец поинтересовался:

— А многие с ним сотрудничали?

— С кем?

— Ну, с Гитлером.

Я невольно покраснел:

— Да, все... много... А те, кто нет, — убежали в Америку. Что делать — всюду были наци...

— Да, Америка больше всего выиграла в ту войну — туда и бизнес утёк, и евреи, и бабки, и сами наци были спецы по грабежам, заранее много чего спрятали в Америке, особенно Южной... Да и американцы пограбили в Европе будь здоров!

— Спасибо! Буду!

Шофер искоса посмотрел на меня:

— Отец рассказывал, что наши наперегонки с американцами города занимали — кто занял, тот и разграбил...

Что было на это отвечать?.. Русские и американцы не сами по себе в Германию явились... Потом американцы еще сорок лет сидели, дедушка Людвиг всегда пускал слезу, когда мимо американских казарм в Вильямсхаузене ехал-ездил... Нечего было в Московию соваться. Это же не XV век, когда фон Штаден глупые затеи вынашивал,

вместе со своим тронутым пфальцграфом... Московию провинцией Эльзаса сделать!.. Это то же самое, что лев будет подчиняться мыши... или мышь — таракану... или таракан — какой-нибудь личинке... Захватить-то ты её, можешь, и захватишь, а вот как держать потом?..

Шофер чертыхался, застряв у объезда, а я думал, что, может, фон Штаден просто хотел деньги у графа получить, потому и написал эту свою книгу? Наврал там всё, может быть, а деньги у графа за эту ложь кассировал... Еще и план захвата и оккупации Московии приложил... экстра... За экстра ведь платят экстра...

Ехали долго: то метелились по закоулкам, то плелись в крайнем правом, то тлели в пробках... Я нарушил молчание:

— Езда по широким улицам Москвы вредна... 46 кило пыли кушает каждый москвитер в год.

— Ого! Это что, ваши, бундесовские данные?.. Наши всё скрывают. — Шофер угрюмо подвигался. — Неудивительно, что пыль и яд, — бензин совсем поганый стал. Хочешь не хочешь, а плати! И чем дороже — тем хуже...

(«А, как с бутылками — чем прибабамистее — тем опаснее», — понял я, но не стал об этом сообщать — раз тут живет, то сам знает, зачем лишний раз травмировать человека?) Да, вот он, будто слыша мои мысли, отвечает:

— В нас сидит эта привычка — платить дань... Князьям, татарам, крымскому хану, чтоб набегов не делал, опричникам, Петру, государям, помещикам, коммунистам... Теперь вот чеченцам, бандитам, чиновникам, всем этим носорогам... Всегда тёмный народ платил, от всех откупался!

— Да! Обидновато! Если бы эти бы деньги бы люди бы... — искренне вырвалось у меня, на что шофер согласно кивнул:

— Да не вопрос. Если все эти миллионы-миллиарды, что эти Абрамы хреновы тырят, народу дать — жизнь была бы дай боже, как в раю! Да кто даст?.. У вас тоже такой беспредел?

7. 26 сентября 2009 г.

– Нет, у нас предел... Что писано – то и так. А больше – справа, слева – нельзя, проблемы будут...

Он медленно и печально посмотрел на меня:

– А мы по-человечески даже мельницу сами сделать не можем, всё тяп-ляп... Вот, какой-то поэт сказал: «Русский на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь. Авось – России ось»... И стихи написал: «Мы беспечны, мы ленивы, все из рук у нас валится, и к тому ж мы терпеливы, этим нечего хвалиться»... Вот я что думаю: Германия так хорошо развита, потому что после войны все заново построено было, по последнему слову. А у нас – по ящику одна сплошная болтовня, да реформы, да «модернизация», да «инновация», да всякие нано-хуяно, на самом же деле – всё прахом идёт, скоро превратимся в страну, несовместимую с жизнью...

И он повёл речь о том, что генетика долго не выдержит: умные уезжают, деньги уплывают, недра расхищаются, скоро придётся, наверно, растапливать вечную мерзлоту и продавать в виде пресной воды – всё остальное будет извлечено и продано, что это пародия на государство, которое в итоге само себя победит и развалится на части, отчего всем будет только хорошо, и в первую очередь самим россиянам до Урала и до Северного Кавказа, и не надо будет кормить толпы тунеядцев – своих хватает...

– Вообще вся хуйня в мире от нефти этой ебучей происходит... Интересно, что было бы, если в один день вся нефть исчезла бы, испарилась?.. Нету нефти – и всё, ты хоть тресни, а?

Я вздрогнул – кого? что он от меня хочет? какая тресня? – но промолчал на всякий случай, а он с искренним сожалением сказал:

– И главное, расхищают-то как? Тупо, топорно, грубо, по-пацански! Ведь можно было эту нефть тут переработать и втрое дороже продать? Не сырой лес в Финляндию гнать, а самим из него мебель делать? Нет, не хотят, производство денег стоит, а они копейкой не

жертвуют, даже под нажимом и давлением заставить не получается... — Наклоняясь вперед и высматривая таблички, он сообщил: — Вот эта, Пулемётчиков... — и долго крутился по дворам и задворкам, пока, наконец, не спросил у мальчиков, игравших в карты в детском теремке:

— Ребята, где тут дом 83/85, строение 2 Б, будь оно неладно? — на что один мальчик сказал:

— Дай полтинник — скажу, — а другой крикнул:

— Я и за тридцатник покажу...

— Говорите, где! Не то выйду из машины! — пригрозил шофер, на что первый мальчик скорчил рожу:

— И выйди. Тут наш район, вон наши братья тусуются...

А третий мальчик сказал:

— Ладно, завязывай. — И через плечо, большим пальцем указал на восьмиэтажное здание: — Вот ваше строение, там раньше автозаправка была внизу, а сейчас магазин.

Мы кое-как подъехали к зданию. Я расплатился, вылез и с сумкой на плече долго искал подъезд, и люди смотрели на меня как на сумасшедшего. Да, видели бы меня сейчас папа и мама...

И вдруг опять словно прихлопнуло плитой — еще ничего не позади, и я один в чужой Московии... Меня ищут... А я тут, без одежды, в штанузах и тапочках, когда некоторые уже в пальто и шапках... Нет, одежда нужна — любой патруль остановит в таком виде. Ну и остановит. Вот мой паспорт, пожалуйста. Нет, лучше не надо в поле их зрения сеяться, а то перемелют на муку, вроде той, что фон Штаден на севере свиньям скармливал. Размоли, блин, тунцовы кости!

Вот квартира... За дверьми слышны голоса... запахи печёного... типа ватрушечки... Может, даже и блины... Запах чего-то мясного и вкусного... Да, московиты умеют готовить, сколько бы полковник ни клеветал на них... Вот кнопка!

На звонок сразу открыли. Свежие, веселые голоса! И Максимыч, в белой рубашке, побритый, за ним – какие-то женщины, дети...

– О, Фредя! Милости просим, входите!

Из-за ноги Максимыча выглядывал маленький мальчик. Он вопросительно смотрел на меня. И вдруг до меня дошло, что его день рождения, а я без подарка!.. Я автоматически пошарил по карманам и – о, чудосюдо! – нащупал алмазную серьгу (снятую полковником в ресторане с коня из бюро).

– Вот! Подарюга тебе! С день рождением! – Я протянул её, но Максимыч крепко перехватил мою руку:

– Да господь с вами – такому малышу такую мелкую вещь дарить...

Я возразил, пытаюсь освободиться, что это не мелочь, что это алмаз, но Максимыч объяснил:

– Да я не об этом! Он же её в рот потащит, проглотит, потом что? Входите!

– Как же без подарка? – бормотал я, входя и смущаясь под взглядами, но Максимыч махнул рукой:

– Потом шоколадку подарите – и дело с концом! – И он сунул серьгу мне обратно в карман. – Заходите ко мне, мы пока тут с Павлом Ивановичем, по-стариковски...

И он завёл меня в боковую комнату, где на письменном столе блестела бутылка и были разложены на тарелках розовые кружки колбаски, жёлтые лепестки сыра и отдельно – коричневатые и поджарые... нет, поджарные пухленькие пирожки (похожие на те, что не достались мне в подвале милиции, Алка съела). А за столом сидел Павел Иванович. Он был в расшитой сорочке навывпуск, в джинсах и шерстяных носках (туфли стояли тут же, под столом). Жировиков на лице как будто меньше.

– О, геноссе Фредя! Садитесь! Шнапсу с дороги! – Он потряс мне руку и указал на кресло и на бутылку.

– Тут сидело...

— Максимыч стул найдет. Это почётное место для гостя. Сумку бросайте в угол. Ну, рассказывайте, где были, что видели? Что-то вы очень по-летнему одеты, — присмотрелся он.

Я поставил сумку, сел в кресло:

— Спасибо вам. Это и дело, что по лету одет... Такая со мной бухта-барахта... Хочу ваш совет слышать... услышать. Помощь надо, блин-блинской... Реально!

— Конечно, о чём речь! — Он отвинтил крышку бутылки. — Ну, на Руси, как известно, народ все горести начинает лечить стопкой... За встречу! Максимыч, ты где? Бабы тебя не заклевали?

Максимыч вернулся в комнату с солёными огурчиками:

— Тут я. И еще бутылку прихватил, запас задницы не ломит... — И он ловко вытащил из-за пояса, из-под рубашки бутылку, поставил её на полку, за книги.

Книг, как и полок, было немного. А комната чем-то напоминала Самуильчеву, но была побольше и посвободнее от мебели. Но те же коврики на стенах, допотопная кровать. И люди — без туфель, в носках. Меня они сейчас об этом не попросили. Или забыли? «Это от татар», — объяснил мне Самулович, заставляя у себя снимать обувь, что, наверно, не очень приятно: сидеть, например, в костюме, галстук — и без туфель, в тапочках или носках, как чурек. Или специально придумано, чтобы за своими носками все следили?.. Как у мусульман — омовение, чтобы не забывали перед мечетью ноги вымыть...

Мы сдвинули стаканчики:

— За встречу!

От первой же рюмки я ощутил неторопливое мудрое спокойствие: как будто какая-то внутренняя рука усадила меня в кресло: «Сел! И подумал! Ничего не случилось — паспорт, деньги, визы в руках... А это главное... А всё другое... покумыкать надо!»

Перед второй Максимыч спросил, что я видел в Москве и доволен ли я поездкой.

7. 26 сентября 2009 г.

– Много доволен. Всё видел. Но вот... с одним делом плохо...

– Что такое? Кто обидел? – забеспокоились ветераны.

– Никто. Я сам обидел себя... Я идиот... – признался я и стал жевать пирожок – и не мог остановиться, пока не доел его до конца. Рюмка водки со вторым пирожком окончательно утишила меня, я понял, что пирожки – это номер два после солянки-поселянки и что не всё так плохо, как кажется, а кажется не так, как есть на самом деле.

Налив сам себе третью, я выпил её за Максимыча и за его дом (как Вы учили), Павел Иванович поддержал:

– Да, Максимычу повезло: у него зять – не только взять, но и сам домой бабки притаранивает.

После третьей ступор сменился течью, и я начал скачками рассказывать:

– Я знаком с граммар-наци... такая партия, глаголы порешить... Они чурок заводят... нет, разводят... короче, водят... Ошибка – штука... Такого одного в мой номер принесли... диктат писали-написали...

Ветераны слушали внимательно. В комнату заглянула женская голова:

– Папа, под шубой хотите?

– Не мешай, потом! – махнул на неё Максимыч.

– Ну вот так... Избивали-избили... Он прыг-скоком в окно... Или они бросили – не знаю... Я вещи взял и бежал... Что делать... Большой апас!

– Так, стоп, без паники. Значит, чурку избили, а вы убежали, так?.. Надо выработать план действий, – подобрался Павел Иванович, даже желваки его окрепли, перестали трястись. – Виза сколько еще действительна?

– 29-го... 29-е... Конец.

– А сегодня что у нас?.. 26-е?.. Не густо, два дня. Билет из Пулкова? Ну, значит, в Питер надо ехать. Первым делом вещичек прикупить. Максимыч, сын твой тут? – На что Максимыч, преданно слушая друга, кивнул:

— Здеся.

— Давай пошли его на барахолку, пусть он купит Фреде одёжу... Ну, ботинки там... штаны. Или джинсы хотите?

— Всё одно равно ещё...

— Ну, и куртку. Вы говорили, деньги у вас есть?

— Да, вот, сколько не надо. — Я полез за рублями, а Максимыч позвал сына:

— Мишаня, зайди! — Лысоватый Мишаня просунулся в дверь, а он спросил: — Ты пил уже?

— Нет еще, собираюсь.

— Тогда, знаешь, надо человеку помочь. Вот Фреде штаны, штифели и куртку купить... экипировку... Через границу перебрасывать будем!

— А чего? Если надо, я и такие дорожки найду, — приосанился Павел Иванович. — У меня в Литве еще со старых времён дружок живет. Сейчас каждый день туда-сюда ездит, сигаретами барыгует. Через границу — без проблем.

Эта идея показалась мне вдруг отличной. Раз-раз — и через границу! А там уже полиция пусть ловит! В Москву же не отправят?.. Там уже дома, в Евросоюзе...

Мишаня не очень радостно вдвинулся в комнату, смотрел то на меня:

— Он по-русски понимает? — то на деньги на столе: — Чего брать? Какой размер?

Они попросили меня встать и стали обсуждать, какой у меня размер. Павел Иванович утверждал, что 46–48, а Максимыч говорил:

— У них же размеры китайские... китаёзы сами малы, и размеры у них малые, ясный пень... Бери на размер больше!

Стали смотреть размер моего пиджака, но нашли только «25» — «а это хрен знает, сколько по-нашему». Потом стали прикидывать, сколько это может всё стоить, пока, наконец, Мишаня со вздохом не взял со стола все деньги:

7. 26 сентября 2009 г.

— Сдачу принесу! Значит, ботинки — 43? — и ушел, сильновато хлопнув дверью, так что Павел Иванович даже сказал:

— Опаньки! — и строго посмотрел на Максимыча, а тот отвёл глаза и занялся бутербродом.

После его ухода можно было вернуться к бутылке, которая, по словам Павла Ивановича, «скупала в гордом одиночестве». Когда после четвёртой рюмки стол утвердился на четырех ногах, стало куда веселее сидеть за этим столом. И куда теплее, чем было до этого. И я начал понимать вечную мудрость этого народа — бесстрашно встречать все препятствия и сразу искать — и находить — выход. Это и Хорстович говорил: «Русский народ — тихий и спокойный, но если его прижать в угол, то берегись, лучше из угла не выпускать». И правильно Вы заметили на семинаре по истории, что Европа уже века тайно и саботажно противится цивилизации Руси, чтобы та не возвысилась: ведь Европе совсем не нужен такой супер-пупер под боком, поэтому и тормозит всё... В старые времена даже, говорят, мастеров в Московию физически не выпускала — пусть русские у нас готовую продукцию втридорога покупают, а не у себя делают!.. Да, если б Россия граничила с Западной Европой напрямую, всё могло быть по-другому. Но буфер из разных стран ничего не пропускает. Недаром Петр I рубил окно на севере, искал прямой выход на Запад (не под Польшей же тоннели рыть?).

Ветераны соглашались со мной, Павел Иванович подхватил:

— Да, да, саботажники, а чуть что — Россию на помощь зовут! Вывалился откуда-то царь Дарий — русские себя подставляй в боях! Появилось корсиканское чудовище Наполеон — где русские?.. Вылез Гитлер — где Сталин с его Красной армией?.. Сами заразу порождают, потом с ней справиться не могут, а русский Ваня их спасай... на своих шеях выноси...

Максимыч, делая двуслойные бутерброды, с ним соглашался кивками и звуками: «Ну... Ясно... Как нехуй делать», – а Павел Иванович горячился:

– И саботаж этот не вчера начался, уже с татар идёт – давай русских под татар подставим, чтоб вроде фильтра были между нами, Европой, и татарами! Что мы за несчастный народ! Откуда только зараза к нам ни лезла!

После пятой, за здоровье внука Митяши – («Митяша, Мишаня... – умилился я про себя. – Ну где еще такое услышишь? Одни звуки уже успокаивают, расслабляют – шшшш-шшшш... шаня... яша...»), ветераны начали меня спрашивать, почему я так уверен, что меня уже ищут – «чтоб в розыск поставить, факты нужны, время, санкции всякие, эта процедура не быстрая», – и мне пришлось кратко изложить плакучую и тягучую историю проклятой регистрации, сказать о полковнике, о том, что я уже раньше попал в поле их зерния... ну да, где зерна много...

Они тоже знали, что это очень плохо и лучше от этого поля быть подальше.

– Раз уже раньше разборки были – кто его знает... Может, и в розыске... Говорите, в подвале милиции сидели?

– Да, час, два часа... – (О ресторане и предложениях полковника я запретил себе говорить, хотя уже прыгало на языке.)

Тут раздался звонок моего мобильного. Я в панике посмотрел – Алка! Брать или взять?.. Вдруг она... А!..

– Фредя слушает.

– Привет, котик. Как дела?

– В порядке. – Я хотел обрадоваться её голосу, но вспомнил о деньгах: – Но... это...

Она перебила меня:

– Слушай, чего я звоню. Ты когда отбываешь?

– Кого я отбиваю? Никого!

– Ну, уезжаешь когда?

– Я? Еще не сейчас. Не быстро. Здесь пока, – решил сказать я.

– Что, визу продлил?

– Да, вроде такого...

– Ну и отлично! Давай завтра с Наташей увидимся, я, ты и она...

– Давай, только без кабанчиков...

– Не вопрос. Фредя, я чего еще хочу сказать. – Алкин голос посерьезнел, что меня настрожило: «Что? Что ещё такое?» – Тут я обнаружила у этого бычка, Стояна, когда он на обед заявился, 500-евровую... Тудым-судым, в общем, он признался, что увёл у тебя штуку из пиджака и половину уже успел спустить в казино... За это я ему приятного не сделала, скандал устроила, хоть он и кричал, что у него стоймя стоит... Он вообще того, играет... Игрок. Но пятьсот я отобрала, завтра отдам при встрече. Или оттуда с Наташкой расплачусь. Она же не обязана с тобой за здорово живешь кувыркаться?

– О да, конечно! Здорово живу, спасибо, что правду сказала, – выскочило откуда-то само собой: меня так обрадовали её слова, как будто я уже за границу перебрался и в Мюнхене сижу. Какая благородная девушка! Конечно, её обязательно надо взять горничной! Она такая видная, красивая... – (И пружинистая змейка где-то в глубинах приподняла сонную головку и огляделась, маятник затикал.) – Ты где сейчас? Может, это...

Она замялась:

– Сейчас я... занята, в общем... Подожди, миленький, до завтра!

– Да, спасибо, хорошо, не вопрос!

И я, счастливый, щелкнул кнопкой. Я, конечно, оставлю ей эти деньги. Я так и знал, что этот кабанок... бычатка слямзирил!.. Игрок! Этим всё сказано. У этого Стояна стоймя стоит, а что мне от того? Ну его к туркам!

Максимыч спрятал за батарею пустую бутылку, а с полки вытащил новую:

– Вы, это, колбаску берите, сырочек... Может, оливьешку принести?

О да, оливье, сказочный салат!

— Принесите, да, пожалуйста! Оливьерушка крутой!

Максими́ч позвал, на зов просунулась голова и, получив заказ, исчезла. Павел Иванович отвинтил бутылке головку:

— Так. Когда амуниция прибудет — дальше чего? Сегодня он уже в Питер не ездок, пусть здесь ночует. Или у тебя, или у меня, милости просим. А завтра мы отвезем его на вокзал и отправим в Питер...

«Отправим» мне не понравилось: сразу вспомнился учебник фрау Фриш, где жители столицы отправляют письма, посылки и бандероли с Главпочтамта во все уголки необъятной Родины.

— Что я, бандерулька? А вы сами? Не едем? — Мне вдруг так захотелось, чтобы старики поехали бы со мной, и довели бы до самолета, и посадили бы в кресло...

— Это больших денег стоит, откуда у нас? Бедность, конечно, не порок, но паскудное паскудство и свинство.

— А у меня есть, — сказал я. — Сколько надо? Сколько билет до Питера?

— Долларов сто, кажется.

— Гостиница на сутки-две?

— Ну, по-разному, от 50 и выше.

— Ну, скажем, тоже 200–300. А у меня есть полторы тысячи, евро. Чего, не хватает?

— Да как не хватает? За глаза! Еще и на пол-литру с закусью останется, — оживился Максими́ч, потирая клешни.

Павел Иванович покачал лицом, но не возразил, а Максими́ч, разрезая огурчик и подавая мне половинку, добавил:

— А чего, сила есть, времени — воз и маленькая тележка...

— Зачем тележка? — испугался я (может, они хотят по-партизански по сѣльным дорогам ехать?) — Поедем на поезде!

— Ясный пень, не на лошадях... Ты в Питере когда был? — обратился Максими́ч к другу.

Тот пожевал губами, насупился:

— Да и не помню. Лет 25 назад.

— Ну, посмотрим город. Говорят, красивый стал...

А я обрадовался такому развороту — хотя бы они согласились поехать, решили бы все эти проблемы, усадили бы в самолет... И мне показалось, что чем больше «бы» я напихаю во фразу, тем вернее всё сбудется. Я начал хвалить Петербург:

— Да, очень прекрасный город... наипрекрасивейший...

Вошла пожилая женщина с тарелкой оливье, в другой руке — водка. Она поставила салат на стол, увидела, что из бутылки отпито совсем мало, и растерянно удивилась:

— Вы чё, не пьете, гостя не угощаете?.. А я вам вторую принесла...

Максимиыч сделал строгое лицо:

— Да мы тут... тёрли... Дела, обмозговать надо... Давай, запас костей не ломит, — взял он бутылку и поставил на стол.

«Мозгование» плавно переливалось в рюмки, от туда — на язык, с языка — обратно в мозги, где основательно полоскалось и сушилось. Ветераны вернулись к важному вопросу, который они обсуждали до моего прихода, и я, взяв себе, как дикий хищника, полтарелки оливье, начал есть и слушать, что было бы, если бы Гитлер победил и мог ли Гитлер сделать такой сильной и крепкой свою армию, если бы ему не помогал Сталин?..

По первому вопросу решили, что, если бы Германия победила во Второй мировой, Гитлер был бы возведен в ранг святого, евреев бы безнаказанно травили по всему свету, а немцы с удовольствием превратились бы в хозяев мира, без всяких там забот. По второму вопросу Павел Иванович напомнил, что по версальскому договору немцам всё было запрещено — иметь армию, вооружаться, лить сталь, делать оружие. И сталь лили для них в России, а танки и самолёты собирали на Украине и в Белоруссии и тайно отправляли в Германию:

— Без нас вы бы фиг что сделали! Сам Геринг в наших лётных частях учился на Украине! И Денниц! И Розенберг! Даже свастику мы вам дали! — разгорячился Павел Иванович, что было для меня неожиданностью:

— Как это вы так?

— А вот так. Вы про Гурджиева слышали? — Он уставился мне в переносицу.

— Нет... или кажется да... Это каннибал?

— Без Гурджиева не было бы вашего Туле...

— Какая Тула? — вначале не понял я, потом дошло — это же он о «Thulle-Gesellschaft»¹ говорит!.. — Да, Туле, знаю, общество. А Гурджиева — нет. Кто это?

Павел Иванович взял половинку огурчика.

— А это грузин один, дружок Сталина... — Это меня удивило: как, еще один грузин?

Максимыч тоже внимательно слушал, только заметил, что по-бурсурмански «Грузия» будет «Гюрджистан».

— Стан? Гурджи? — Сколько же названий у этой мифической страны? Полковник говорил, что настоящее имя — вообще другое, что-то типа Карт... Вело...

А Павел Иванович тряхнул жировой мотнёй:

— Ну а я что говорю? — и рассказал, что настоящую фамилию этого великого человека никто не знает, но знают, что он родился в деревне Гурджаани: — Вот, еще вино было, помнишь?

— Как не помнить, сухарь, белое, мы его на море всегда пили, — отозвался Максимыч.

— Правильно. Поэтому и назвали его Гурджиев. А учился он вместе со Сталиным в Тифлисской духовной семинарии, жил в одной комнате и даже, говорят, со Сталиным вместе экипажи грабил...

Я удивился:

— Сталин? Грабила? Цап-царап?

¹ Немецкое оккультное общество (полное название — «Группа изучения германской древности», «Studiengruppe für germanisches Altertum»). Название «Туле» происходит от мистической северной страны из древнегреческих легенд. Основано 17 августа 1918 г. немецким оккультистом Рудольфом фон Зеботтендорфом.

Павел Иванович охотно объяснил:

— Сталин вначале разбойником был, абреком, деньги для большевиков доставал... Банки, почты, инкассаторов брал... Ну, и этот, Гурджиев, с ним... А потом Сталин в революцию подался, стал генсеком, а Гурджиев ушёл в Тибет, стал дервишем...

— Откуда вам это знать? — спросил я.

— А передача недавно по «РТР-Планете» была — «Загадки Третьего рейха», там всё и говорилось. И про Туле, и про Гурджиева.

Всё знают эти люди! Ну кто сейчас помнит об этом обществе? А именно оттуда вышел весь нацизм, и Аненербе тоже, о котором так хорошо рассказывал Максимыч в прошлый раз... палка Иоанна Крестителя... бельё мешать... А тут, оказывается, Грузия вертит миром! Один из Кремля, другой — из Тибета... В одной комнате жили, грабили...

А Павел Иванович обстоятельно пересказывал слышанную по ТВ любимую притчу Гурджиева о том, как один богатый и жадный чародей имел большие стада и не желал тратиться на огораживание пастбищ, отчего баранта терялась и разбегалась, опасаясь за свои шкуры и мясо. Тогда чародей внушил баранам, что они бессмертны, а сдирание шкуры полезно для их здоровья, вожакам же внушил, что они — львы и орлы, и после этого настало беззаботное время: бараны шли туда, куда их вели вожаки, и не представляли себе другой жизни, кроме как в стаде, спокойно ожидая, когда чародей острижет или перережет их.

— Вот и доигрались. У Геббельса в поместье было кресло из человеческих костей! И Библия в переплете из человеческой кожи... Безобразия!

Я — молчок в тряпучок: что говорить-сказать? У Сталина такого кресла не было. Наоборот, была в Кремле церковь, где он каждый день, утром и вечером, молился (так Самумыч рассказывал). Но какие люди-людоводы!

Принос горячих пельменей в сметане совпал с приездом Мишани, который спешно втащил в комнату несколько пакетов и положил на стол деньги со словами:

— Вот сдача, а я пошёл, гости ждут!

— Спасибо, Мишаня! — сказал Максимыч и подтащил пакеты на середину комнаты, а я спросил у Павла Ивановича, почему он говорит, что этот Гурджиев выдумал свастику? Насколько я знаю, свастику, как эмблему для Thulle, предложил Фридрих Крон в 1918 году, и свастика означает на санскрите буквально «суасти» — «быть добру».

Павел Иванович победно усмехнулся:

— Насчет добра не знаю, а Крон предложил обычную свастику, как она у индусов есть, а Гурджиев предложил развернуть её в обратную сторону! Максимыч, у тебя же есть разные свастики? Покажи Фреде, пусть поглядит!

Вот оно что!.. Мне всё это было неизвестно. Вот что знают эти простые люди, победившие Гитлера!

— Я удивлен... знание... столько... я не знаю... Bravo!

— А немцам запрещено это знать, вот они и не знают. — Павел Иванович искоса и значительно посмотрел на меня, а Максимыч покопался на полке и положил на стол лист:

— Вот, прошу, у всех народов есть!

Я начал разглядывать рисунки, а Максимыч, принимаясь вытаскивать из пакетов вещи, спросил:

— А как этот Гурджи с немцами снюхался?

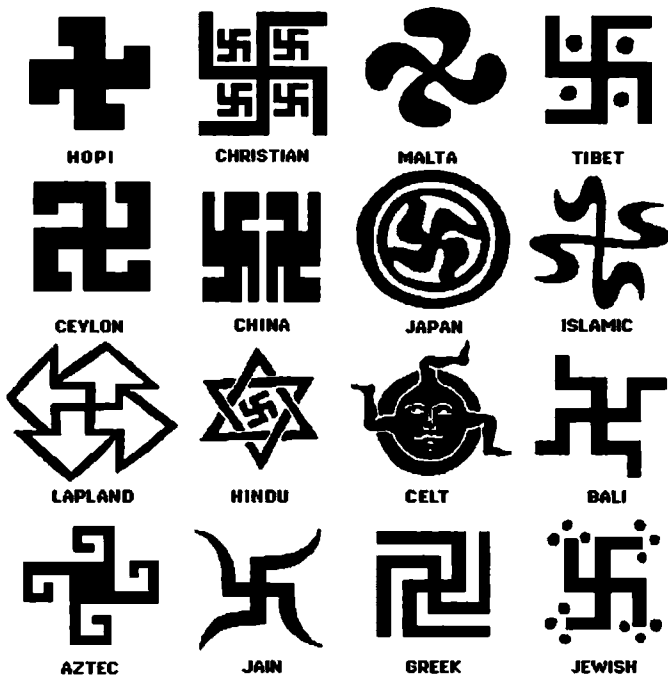
Павел Иванович разгляделся:

— А в Стамбуле после революции с нацистским мистиком познакомился, Зеботтом каким-то, не помню...

— Зеботтендорфер, — подсказал я (это имя в Германии знакомо).

— Вот-вот... Он там этого Зеботта обработал как полагается, обучил всяким штучкам-дрючкам, ну а тот потом всё это в Германию завёз. В этом Туле в основном баварцы были, нет?

— Да, баварцы, — признался я. — Всюду баварцы... Эти Туле... вначале мифы, старина... потом дрючки-тучки...

– Да, а потом до такого зверства дошло... Ну, этого Зеботта Гитлер тоже в покое не оставил, арестовал. А Гурджиев от них сбежал и в Париже школу дервишей открыл... Знаете, дервиши? Крутятся так, в трансе?.. И как-то странно кончил: то ли под трамвай, то ли под велосипед попал...

Максимыч подал мне ботинки на негнущейся резиновой подошве:

– Вот тебе и на... Фредя, а ну померьте!

Ничего как будто. Только жмут немного. Максимыч решил:

– Это от водки ноги опухли, завтра отпустит... – и забросил мои тапочки в сумку: – Пригодятся ещё!

Чтобы примерить штаны, я отошёл в сторонку. Оказались длинны и велики, спадали.

— Это мы мигом! Укоротим! Сымайте! Галя! Галина! На, подруби штаны для Фреды. — Он подал штаны голове, вглянувшей в дверную щель.

— Не надо рубить! — испугался я. — Просто так — верт, верт, — показал руками (в голове уже изрядно ходил туман).

— Да, понятно, не переживайте, сделаем...

Вот с курткой было плохо — мала: хотя на этикетке и стояло «54», но рукава — чуть ниже локтей, борта не сходятся, змейку не застегнуть. Максимыч качал головой:

— Я же говорил, на размер больше брать... А давай я вам мою куртку дам, разношенную, а эту себе возьму, — предложил вдруг он и принёс потёртую, выдавшую пейзажи куртку, вынул из кармана разную мелочь. Я надел. Было нормально. Ему тоже подошла новая куртка, он так и остался сидеть в ней, с биркой, закинутой на спину.

Скоро в комнате появилась молодая женщина с очередной порцией пельменей и готовыми штанами, рядом с ней приковылял Митяша и залез к деду на колени. Я подождал, пока она вышла, напялил штаны — в длину хорошо, в бёдрах великоваты. Да что делать... Пояс затянуть.

— Ну, одели-обули, главное. Деньги спрячьте, чтоб ребёнок не взял... Всё хватает...

— Ребёнок не возьмёт, смотри, чтобы взрослые не позарились, — туманно протянул Павел Иванович и разлил: — Ну, еще раз за Митяшу! Расти большой!

— Спласиба, — ответил малыш и открыл рот, куда тут же получил от деда кусочек сыра и от удовольствия начал стучать двумя руками по столу.

Закусив горячим, мы стали думать, как нам завтра лучше всего ехать. Есть утренние поезда? Надо ли заранее брать билет или можно взять на месте?

— Чай надо захватить и кипятильник. В поездах всё дорого, Мишаня говорил. Эх, всё дорого стало, всё денег стоит! — Максимыч начал загибать пальцы: — За детсад —

7. 26 сентября 2009 г.

плати подать, за страховки – плати дань, за газ-воду плати тысячи немереные. Я при коммунистах, помню, 10 рублей в месяц за всё про всё платил – и баста!

– Ну да, свет 2.50 стоил... телефон тоже столько... Сейчас оборзели все, – поддакнул Павел Иванович.

А я выгасил из сумки и показал им меню взяток, полученное от шофера с добрыми глазами:

– Вот, в Интернете, официал...

Они начали читать и хмыкать:

– ГИБДД... средняя стоимость... техосмотр – 150–200 долларов... за пересечение двух сплошных – 5000–6000 рублей... Ну-ка, найди экзамен на вождение – невестка должна сдавать, боится... Вот, экзамен – от 500 долларов... опаньки!.. Готовые права – 40 000–60 000 рублей...

Потом Павел Иванович попросил найти взятки по медицине, а то без зубов трудно жевать, каши остоебенели:

– Так, квота на операцию в «хорошей» больнице – от 100 000 до 200 000 рублей, ого! Круглосуточная медсестра – 1000–3000 рублей в сутки... распределение по «скорой» в «хорошую» больницу – 1000–3000 рублей... Вот это надо знать: чтоб «скорая» в хорошую отвезла, если что, а не в какой-нибудь полуморг... «благодарность» врачу в больнице – 10 000–50 000 рублей... ну, понятно... сопровождение при родах – 20 000–60 000 рубликов... Да тут много интересного, надо внуку сказать, он в Интернете найдет. – Они оторвались от меню, чтобы выпить.

Вдруг зазвонил мой мобильник. Номера нет. Брат? Ни в коем случае! Зачем? Вдруг это опять полковник! Я, наверно, побелел – ветераны, бросив меню, стали встревожено смотреть на меня:

– В чём дело, Фредя? Вам не плохо?

– Нехорошо. Мент в бордо... Боюсь...

Телефон настырно звонил и звенел. Трескучий звук стрелял прямо по мозгам. От волнения меня стало тош-

нить, но я мелкими глотками, как учила Бабаня, подавил это чувство. Если чихается — надави под носом, если тошнит — глотай глоточками.

«Что ему надо? — в панике думал я, беспомощно заставляя себя думать, что полковник просто хочет назначить мне встречу, что-то передать — он же говорил — Аутсбург»... Но что-то другое, упорное и твёрдое, отвечало, что нет, он всё знает про узбека и ищет тебя, чтобы посадить!

Я отнял звенящий телефон от уха и положил его на стол. Наконец он умолк.

В конце концов, я же не виноват, что они привели ко мне этого торговца?.. «Кусни памидори»... Я их не приглашал. Я его не трогал, наоборот, защищал. Да, но если узбек умер или в коме, кто это подтвердит? Где Исидор? Где Флор? Их он не знает, а я — вот тут, у него на проволоке... Может, лучше сделать явку с неповинной?..

Когда я сказал об этом ветеранам, они не одобрили:

— Нет, чего туда своими ногами идти?.. Соваться нечего. Может, и пронесёт... Надо будет — сами найдут...

— Вот... Ищут... Искать-найти...

— Ну и пусть ищут, а ты не бери... Хрен найдут!

Опять эти заморочки... нет, заворочки — «ищут», «найдут»... как будто специально все главные глаголы так хитро устроены, что в них удобно всё заворачивать... Ищи-лови-бери-возьми-найди-поймай...

Не успел Павел Иванович разлить по новой, как опять истошно зазвонил телефон, и Митюша (до этого задумчиво ковырявший корку хлеба) проворно смазал ручкой по лежащему брюхом вверх телефону. Кнопки пискнули.

— Ай, Митюша, нельзя, чужое. — Максимыч оторвал от телефона его пальцы, а я схватил трубку и, услышав злой голос полковника:

— ...слышите... слышите... — поспешно выключил телефон и спрятал его подальше в сумку.

Максимыч спустил малыша с колен:

7. 26 сентября 2009 г.

— Ну, Митюша, беги к бабе, скажи, чтоб она горячего пирожка нам с грибами прислала — чую, что готов.

— Плислать пилоска. — Митюша расплылся в улыбке и, скарабкавшись вниз по ноге, вразвалку отправился из комнаты, а около двери обернулся: — Голяцево пилоска? Будет вам оценъ-оценъ голящий! Да-да! — Он кивнул кудрями и открыл дверь, дав дорогу крикам, смеху, возгласам.

А я вдруг ощутил себя очень далеко отсюда, один на один со своим злосчастьем. Один, где-то, в идиотском наряде (как говорит Павел Иванович, в «одеже»)... Я со вздохом ощупал куртку Максимыча. Пахнет потом, табаком, в карманах — всякая шарахура, трухоблядь, крошки, билетушки... Ботинки ощутимо жали, но я специально не снимал их — чтобы растянуть.

А ветераны вернулись к вчерашней передаче, к секретному оружию рейха, которое выдумали в Туле — Павел Иванович называл его «техномагическим», хотя из трёх ракет, что фрицы успели сделать, две неизвестно куда исчезли прямо со старта, а одна вылетела и не вернулась, но в 1947 году вдруг 4-й американский флот около Антарктики был поражен каким-то предметом, который бесшумно метался в воздухе и огнем уничтожал один корабль за другим...

— Вроде наших «Искандеров», значит, — язвительно заметил Максимыч. — Я читал, что сейчас, когда с грузинами воевали, из двадцати «Искандеров» десять не туда полетели...

— Да, глупая была война, — оживился Павел Иванович. — Как можно с Грузией воевать? Это же единственный там помощник — и против персов, и против турки... А сейчас что? Потеряли Грузию — потеряем Закавказье, а может, и весь Кавказ, где война триста лет идёт... Говорят, когда наши долбоёбы вошли в Гори, несмотря на приказ, не посмели в памятник Сталину стрелять — ездили вокруг него на танках, а он стоял и прямо им в глаза смотрел... Один танкист говорил по ящику, что

не только стоял и смотрел, но и как бы поворачивался вслед за танками... Это ж надо, дожили — Красная армия приказ получает памятник Сталину расстрелять!..

Я, хоть и был занят своей скорбью, всё-таки решил поддержать разговор:

— Да, у нас Сталина тоже уважают... Дедушка Людвиг всегда скажет: «Der große Stalin hat nicht nur die Nazis vernichtet, sondern auch die wilden slawischen Horden in Zaum gehalten»¹. Ну, это значит, Сталин нацистов — цак-цак! — и славянские... стаи занавесил... при заборе...

Ветераны искоса посмотрели, но ничего не ответили, кроме:

— Ну да, он правильно железный занавес сделал, чтоб всякая зараза к нам из Европы не лезла...

— А почему это всё было? Эта войнулька? С Георгиен?

— Что? Война с Грузией? Да наши нефть хотят бакинскую контролировать, — утвердил Павел Иванович свои слова качанием оплодий, — ну и за Косово отомстили! Путин же сказал, когда Косово у сербов отняли: «Мы вам покажем, как сопли жевать!» Вот и готовились: раздавали в Абхазии и Осетии наши паспорта, дорогу построили, снаряды подвозить, 58-я армия стояла наготове... и другие мероприятия... Солдатскую причину нашли — и вошли. И в НАТО Грузия захотела, а это тоже нашим очень не понравилось...

Максимыч жарко ударил себя по согнутой руке своей увесистой лапостью:

— Вот вам НАТО!.. Хотели НАТО — нате!.. Без всяких обойдемся!.. Знаем, что за вояки америкосы! А чего, ты говоришь, с их флотом у Антарктиды случилось? Кто их порубал?

Павел Иванович солидно побарабанил пальцами по столу:

— Да никто толком ничего не знает, только стоял себе флот (или шел куда), вдруг с чистого неба сорвался

¹ Великий Сталин не только уничтожил нацистов, но и держал за забором дикие славянские орды (нем.).

огонь и начал бить по кораблям, один за другим зажигать, взрывать — там же снарядов полно... Ну, те и того, капут... Думают вообще, что часть фашистов там, на Антарктиде, окопалась.

— Как... на Антарктиде? — Я подвесил уши повыше.

Павел Иванович допил из стаканчика:

— А так... Ваши же наци очень эту Антарктиду любили.

— Как любить? Чего там? Снег? Лёд? Льда любить?

Павел Иванович рассказал, что Гитлер задумал переселиться в Антарктиду и там основать центр Третьего рейха — оказывается, там подо льдом есть огромные воздушные мешки с теплыми озёрами, а в самой материке водой за миллионы лет проделаны ходы и тоннели, где спокойно можно жить. И вообще, оказывается, оба полюса соединены гигантским «змеиным» ходом, который ведёт в обход ядра магмы, и из Арктики («ну, там где якобы неподалеку эти арии расплодились, где страна Туле была») можно запросто по этим змеиным ходам попасть в Антарктиду, надо только горючим запастись, чтобы такое расстояние одолеть:

— Да они вообще считали, что Антарктида — это уплывшая и потом замерзшая Атлантида!.. — заключил он веско.

— Ау! Оу! — вырвалось у меня. Антарктис! Атлантис!

Максимиыч тоже сглотнул от удивления. А Павел Петрович значительно шевельнул лицом:

— Они знали, что там, под коркой льда, воздушные мешки крепче нашей атмосферы, бьют горячие источники, а в пещеры можно целые города поместить. Говорят, в Антарктиде уже была организована пробная колония, «Новая Швабия», и перекинута в конце войны всё ценное. Конечно, они не всех туда хотели взять — только верхушку... Может, кто и сейчас там сидит... Вот американцы сунулись — и получили... Кстати, этот самый Зеботт разработал «теорию червей», что якобы около Земли есть «червячные переходы» — тоннели, ведущие к черным дырам. А через эти дыры уже можно

гулять в пространстве и времени. Так-то... Немцам позарез машина времени нужна была, чтобы узнать у атланцев все секреты, а атландцы спят в анабиозе в этих мешках и когда проснутся — неизвестно...

Максимум угрожающе переложил по столу свои громадные ручаги:

— Доузнавались, падлы... Правильно сказал Сталин, когда ему доложили о самоубийстве Гитлера: «Доигрался, подлец!» Доигрались, в натуре! И мир чуть не уничтожили! Хорошо, что мы им жару дали! Воевать надо так: немец на тебя с ножом, а ты на него — с пистолетом, он подбил машину — мы взорвали дом, он посылает одного нашего в больницу, а мы троих ихних — в морг...

Я молча выпил. Ohne Kommentar. Без комментариев. Что сказать? Молчать. Бережёного бог не бережёт, бережённый сам себя бережёт, богу надо за другими следить, кому помощь нужна, безбрежным и малобережным. Берегите только себя и своих близких... Кто меня бережёт? И где мои близкие?

Потом Павел Иванович сообщил, что Гурджиев учил, что главная сила жизни и власти — в абракадабре:

— Кто ею владеет, то владеет миром.

— А чего это? Абракадабра — это же так, глупость какая-то? — возразил Максимумч.

— Это ты так думаешь, что глупость, — загадочно усмехнулся Павел Иванович, — на самом деле «авракадавра» — заклинание, по-древнееврейски значит: «Скройся, нечистый!» И пишется оно так хитро, углом... дай сюда бумагу! — потребовал он, повернул листок со свастиками и начал выводить:

a b r a c a d a b r a
a b r a c a d a b r
a b r a c a d a b
a b r a c a d a
abracad
abraca

abrac
abra
abr
ab
a

И, пока рисовал, пояснил нам, что, говорят, Гитлер любил в свободное от тирании время играть с сотрудниками рейхсканцелярии в абракадабру — писали по букве, и на кого придёт последнее «а» — тот проиграл бутылку шампанского...

— Морской бой, что ли?

— Типа того.

Так, в беседах, прошло около часа, за которые Максимыч что-то перекладывал с тарелки на тарелку, уносил пустые, Павел Иванович вздрёмывал, свешивая голову набок и растворяя рот, просыпаясь, ругал врачей, которые не ставят ему бесплатную челюсть, скоро даже каши есть не сможет, а я им рассказал об одном враче, который жил недалеко от безрукого дедушки Адольфа. Этого врача прозвали «доктор-смерть», потому что заметили — куда он ни придет, пациенты умирают. Его начали заказывать из других мест, к заядлым тещам, неверным любовницам и зажившимся на этом свете богатым родителям, а там всё случалось по схеме: «пришел — осмотрел — умертвил». Об этом узнали власти, увезли его в Бонн...

— А там, наверно, от него все и подавно перемёрли, — предположил Максимыч и отправил ещё одну пустую бутылку укрыться в окопе за батареей; потом спросил, как правильно расшифровывается «SS»: — Это стоцро от «зондер», «особый», но чего «зондер»?..

Я был рад что-то сообщить:

— Ничего чего, не «зондер». «SS» — это «Schutz-Staffel»...

— Чего-чего? «Шутц» понятно — «охрана». А «штаффель»?.. На «штиффель» похоже... Охрана в сапогах, что ли?

– Staffel – это коммандо, отряд... У Геринга был свой полк – авиа, его охрана... оттуда начались называть-называть...

– Охранная команда, значит... Типа опричнины... А, хитро́... Кстати, ребята, надо список вещей на завтра составить, в поездку едем, нет? – сказал Павел Иванович, позёвывая и поправляя рукой что-то во рту, на что Максимыч достал с полок тетрадный лист и огрызком красного карандаша начал царапать:

– Так... Кипятильник... Чай... Колбаску, сыр, хлеб... Белье... Трусы-носки у вас есть? Можно купить в ларьке, у них всё есть...

– Ничего есть... Всё там... чемодан... персидский словарь, электронка... даже щубная зётка... блокнот-словарь... – перечислял я.

Вдруг раздался резкий, какой-то излишне горячий нервный звонок. Послышался скрежет стульев, женский голос крикнул:

– Это Борька, наверно. Я открою!

Щёлкнула дверь. Какие-то тихие разговоры. Вдруг с грохотом распахнулась дверь и в комнате появился Витя-кобурной, за ним ввалился капитан Жирновский.

– Остаться по местам! Мы из милиции! – сказал зло Витя и, схватив меня за руки, свёл их вместе и грубо защёлкнул холодным жгучим острым железом. – А ну, встал!

Ветераны, открыв рты, сидели не двигаясь. Я осоловело смотрел вокруг. Внутри всё оторвалось и полетело кавардаком.

– Где его вещи? Эта сумка? Эта, спрашиваю?

Максимыч сглотнул слюну:

– Ну, эта... да.

– Да вы чего, ребята? Это же божий человек, немчик учёный, гость, Фредя... – Павел Иванович начал было вставать, но Витя силой усадил его за плечо обратно:

– Сидеть! Руки на стол! Знаем, кто это! – А мне, встав-

шему со стула, процедил: — Вы арестованы по подозрению в убийстве... К выходу! Жирновский, сумку его!

Капитан только сейчас отдышался, хотел что-то сказать, но Витя уже рывками выдернул меня из комнаты, так что капитан, подхватив мою сумку:

— Эта? Еще чего его было? — разлаписто заковылял следом.

В прихожей я увидел много лиц, но они были как бы слеплены в один ком, и этот ком разными глазами смотрел на меня. Ноги не шли, но Витя толчком заставил переступить порог и удерживал около двери лифта, пока та с дрожанием и железным визгом не стала открываться. Люди стояли в дверях. Капитана не было. Я услышал голос Максими́ча:

— Лида, откуда менты?

Женский голос ответил:

— Извините, говорят, немца ищем, мы его друзья...

— Где он там? — не отпуская меня, громко и недовольно спросил Витя.

— Воду пьёт. Идёт, — ответили и расступились, пропуская капитаново брюхо.

Витя, державший ногой дверь лифта, воткнул меня в кабину, за мной втиснулся капитан с сумкой. Пока ехали, все молчали. Вид у них был неприветливый и усталый. Мысли мои мельтешили без выхода: «Ende!»¹ Болели руки в железе, жали ботинки... Когда я пискнул:

— Кого? Куда? — Витя оборвал меня:

— Замолчал! Не положено! — и я замолк, хотя видел, что капитан хотел что-то ответить.

На улице около милицейской машины курил сержант Пьянуркин. Я обрадовался ему, но он не отозвался на моё робкое:

— Доброго дня, друг! — и молча полез заводить машину.

Капитан и я сели сзади, Витя, поправив под курткой кобуру, ввинтился на сиденье рядом с водителем. Са-

¹ Конец (нем.).

дьясь, я заметил: с балконов смотрят люди, вокруг машины стоят притихшие дети и тоже смотрят на нас.

— Нельзя... ручки снять — я не убегаю. Болит...

— Да по мне... — отозвался капитан, но Витя отрезал:

— Не положено. В камере снимут...

В камере...

— Я не виноватый, — сказал я, когда машина поехала.

— Не виноват — зачем тогда прятался? — не оборачиваясь, ответил Витя, знаками объясняя сержанту, как лучше выехать с этих проклятых Пулемётчиков на проспект, а капитан укоризненно сказал:

— Три подъезда по пять этажей обошли, пока вас нашли... чуть не умерли...

Откуда они узнали, где эти подъезды, я уже не уточнял: какая разница?.. Может, Алка сказала, хотя я ей не говорил, что я тут... Про ветеранов вообще никто не знал... Странно... Хотя всё равно уже... Поймали. Ловили и поймали...

«Wohin jetzt?.. Ins Gefängnis?..»¹ Внутри всё продолжало рваться. Но вдруг всплыло правило из памятки: если попал в милицию, надо попытаться позвонить...

— Позвонить можно?

— Полковник решит, — отрубил Витя, а капитан не удержался от укоризненного вопроса:

— Как это вы так, а?..

— Что я? Я ничего... Ничего... Что я? Это они, наци, — начал я захлёбываться в словах, но Витя, не оборачиваясь, недобро поглядел в зеркальце на капитана:

— Прекратить лишние базары!

— Да я что, жалко парня...

— Какого? Которого он выбросил, рот разрезав до ушей?

— Кого... рот... резал... Я ничего знаю... в ванной был сидел...

— Ага, на Марсе, ничего не вижу, ничего не знаю,

¹ Куда теперь, в тюрьму? (нем.)

примус починяю... Слышим каждый день! Здесь поворот будет, не проскочи!

В здании милиции, где я приготовился идти наверх, меня силой свели вниз, в подвал, к знакомой тумбочке, где серьезный человек в синих погонах что-то записал в журнал, а Вите, снявшему с меня наручники, сказал:

– Будет сделано.

«Что, что будет сделано?..» – в тревоге уловил я, но времени испугаться не было – из коридора появился сержант Кроля и, откинув в сторону ногой мою сумку, показал на новые ботинки:

– Шнурки снял. Пояс, ремень есть?

– Да, есть... Но упадают... большие...

Кроля осмотрел меня:

– Да уж, вид... Ничего. Руками подержите. Сюда положил, я сказал...

«Я сказааал! Вот оно... Wie mit der Peitsche auf die Haut!»¹ Я положил шнурки и пояс на сумку и хотел было попросить снять жмущие ботинки, надеть тапочки:

– Вот, обули меня... Плохо... Ноги болят... – но Кроля сказал:

– Из карманов – всё на стол! Рот открыл!

– Ээээ... – промычал я с открытым ртом.

Кроля засунул палец за мою щеку, шаранул там, потом за вторую... обтер палец о мой рукав, полез в карманы и вытащил из пиджака алмазную серьгу.

– А это что? Где украл?

– Нигде. Не воровал. Полковник дал.

Серьга полетела к шнуркам и поясу.

– Вперед!

Около двери с цифрой «8» он остановился и, копясь в замке ключом, сказал:

– Это спецкамера. Там вода в жбане и туалет в углу. Вошёл! – И добавил с сожалением: – Дал бы я тебе пару раз как следует... да иностранец, не положено...

¹ Как кнутом по коже! (нем.).

В этой камере всё было по-другому. Под потолком — окошко в решётке. Полкомнаты покрыто настилом из досок. На стыке настила и стены косо прибита доска-подушка. На привинченном к полу столе — ведро воды. Тоже привинчено. Кружки нет, зато есть внизу краник, как у бочонка с пивом. В углу, за низкой загородкой, унитаз с бачком. Я нажал на спуск — работает.

— Чего там, играть-ся завязывай! — постучали ключом по двери.

Я в испуге съежился, сел на доски. Как-то они называются... пары, что ли... Сидеть на парах?.. А, ну да, наверно, по два сидят, парно, пара... Попал на пары... Нет, или парь? Сидеть на всех парах, парами? Сапоги-пароходы? Шапка-неузнавайка?

Мысли, устав вращаться по тупому кругу, замерли, утекли. Постепенно навалилась такая тёмная тоска, что было невозможно открыть глаза — тянуло умереть, чтобы ничего этого не видеть и не слышать... Я повалился навзничь, раскинул руки, как на кресте... Но опять всё вертелось-крутилось, злые голоса кричали: «Пора на пары! Пары! Тары-пары-растапары!»

Постепенно я исчез в лавине горя... Убийство!.. Mord!.. Tod!..¹ «Мало не покажется. Много покажется!» — сказало голосом Самумовича. И лавина уносила меня всё дальше от всего, что вокруг и чего не хотелось видеть. Нет, всё это творится не со мной, а с кем-то другим, несчастным человеком... а я сейчас проснусь и пойду на занятия...

...Я очнулся во тьме и тишине. Из окошка — слабый свет. Где я? Что я?... О... О... Голова... Вода... Где-то тут...

Я ощупью нашел стол, ведро... Как пить?.. Надо поднять. Но нет. Приклеено... Кое-как, ладонями, удалось выпить. От воды отбросило назад, во тьму страшного нигде и ничего. Голова отказывалась понимать, глаза смотреть, уши слышать. Створки горя закрылись, окутывая беспроглядной чернотой, куда тянуло уйти и не возвращаться.

¹ Убийство, смерть (нем.).

• ВОЙНЫ •

На следующий год после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить Русскую землю. Воинские люди великого князя встретили его на Оке, в 70 верстах, или по-русски в «днище» от Москвы.

Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и расстояние это между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять из-за них по татарам, когда те переплывали реку.

На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако им это не удалось.

Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя, Дивей-мурза, с большим отрядом переправился далеко от нас через реку, так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Тут пошла потеха. И продолжалась она 14 дней и ночей. Один воевода за другим непрестанно бились с ханскими людьми. Если бы у русских не было Гуляй-города, то крымский царь побил бы их, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землею.

Но мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хазбулата. Но никто не знал их языка. Мы думали, что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили: как долго простоит крымский царь? Татарин отвечал: «Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили». Тогда

было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: «Вот он — Дивей-мурза!» Когда спросили Дивей-мурзу: «Ты ли Дивей-мурза?» — тот отвечал: «Нет! Я мурза невеликий!» И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: «Эх вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с нашим господином, с крымским царем!» Они отвечали: «Ты сам в плену, а еще грозишься». На это Дивей-мурза возразил: «Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!» Воеводы спросили: «Как бы ты это сделал?» Дивей-мурза отвечал: «Я выморил бы вас голодом в вашем Гуляй-городе в 5–6 дней». Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом.

Города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; было определено — какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю.

Нагаи, которые были в войске крымского царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь Москву в прошлом году.

Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь опять обратился в бегство — на этот раз в Великий Новгород, в 100 милях от Москвы, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы.

Из Великого Новгорода великий князь отправил нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому, лживую

7. 26 сентября 2009 г.

грамоту: пускай-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40 000 конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался, оробел и пошел назад в Крым.

Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам.

Все русские служилые люди получали придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были ранены сзади, убавляли поместий, и на долгое время они попадали в опалу. А те, которые были совершенно искалечены от ран, так что становились калеками, те назначались чиновниками в города и уезды и вычеркивались из воинских смотренных списков. А здоровые приказные из городов и уездов расписывались на места калек. Княжеским или боярским сыновьям, достигшим 12-летнего возраста, также раздавались поместья, и они также записывались в смотренные списки. Если лично они не объявлялись на смотр, их наказывали так же, как и их отцов. Никто по всей стране не свободен от службы, даже и тот, кто ничего не получает от великого князя.

Затем были убиты два военачальника — князь Михаил Воротынский и Микита Одоевский.

Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, — все исполняется, и все, что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продержится это правление — ведомо Богу Вседержителю!

Сейчас скажу, как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань.

Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий го-

род; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел на Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все укрепления землей; сам он возвратился в Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свяжском. Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими.

Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани, вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а казанского хана-царя Шигалея взял в плен и отдал воинским людям город как добычу.

Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу по 20, 30, 40 или 50 трупов на одно бревно. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами.

Это видел астраханский царь и опасался, как бы и астраханцам не были связаны так же ноги. Он испугался и ушел к крымскому царю, а Астрахань оставил незащищенной. Русские пришли и заняли Астрахань воинскими людьми и артиллерией.

Великий князь вернулся в Москву, оставив в Казани и Астрахани у своих воевод много золотых вещей, серебра и золота и различных шелковых материй.

Хотя эти два царства и были взяты, но оставалось еще много мурз, князей или фюрстов, живших в этих царствах, которые по-прежнему были независимы в своих землях. Этим нелегко было покорить, ибо страна раскинулась далеко и широко, как, например, луговые и нагорные черемисы.

В обоих городах — в Казани и в Астрахани — русские

7. 26 сентября 2009 г.

воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы эти татары были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, чтобы они показывали подарки великого князя тем, которые не думали даже и подчиняться великому князю, а не то чтобы служить ему. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпала такая великая честь и подарки от воевод и начальных людей, знатные татары думали, что они получают еще больше. На это-то и рассчитывали начальные люди в Казани и Астрахани. Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей, т.е. фюрстов: пусть те придут и получают милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но когда они, выпив слишком много вина и меда — к чему они не так были привычны, как русские, — достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые у себя были самыми знатными.

Так великий князь привел в послушание оба царства, пока крымский царь не пришел и не спалил ему Москвы. Тогда поднялся народ из обоих этих царств и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собой великое множество русских полоняников, не считая тех, которые были убиты насмерть. Думают, что это удалось им только потому, что крымский хан спалил великому князю Москву.

На другой год хан опять пришел из Крыма, чтоб захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспоплибно, ибо он царь и государь вся Руси.

Но так как татарский царь ошибся в своих расчетах, то все эти купцы были ограблены русскими в Казани и

Астрахани. У них было найдено так много товаров и столь различных, что русские даже и не знали, что это за товары, да так и не узнали, так как купцы были убиты раньше, чем распакованы их товары.

Хотя войско его величества короля шведского стояло тогда под Везенбергом, великий князь все же отправился сам против татар со своими воинскими людьми. Приехав на границу, он послал в Казань и Астрахань спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру. А коли нет — он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских.

Тогда пришли к нему многие из начальных людей, которые не участвовали в этом замысле и заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет.

Великий князь послал вывести обратно на Русскую землю всех русских полоняников и приказал перебить татар. Начальных же людей он приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле.

Земля великого князя так расположена среди других, что ему нет возможности наступать на турка, так как он не может к нему пройти.

На восток лежит Нагайская земля. Но юго-востоке — Черкасская земля, заморская Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха. На юге — Крым; к югу — Литва с городом Киевом. На западе — Польша. На севере — Швеция, Норвегия и описанное выше западное Поморье с Соловецким монастырем. На северо-востоке самоеды, Мунгазея и Тахчеи.

У самоедов нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на

продажу русским и выменивают на сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно. Съезд бывает в Пустоозере, лежащем в глухом месте. С их земли великий князь получает ежегодно много соболей в дань. Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя теперешнего сборщика дани с самоедской земли — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему сами по доброй воле.

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь также ловят соболей и другое. Тахчеи совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа. Говорят, что в римские времена ссыльных посылали именно в эту страну.

Нагаи — вольные люди, без царей, королей и государей. Раньше они служили обычно великому князю за повольный грабеж в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции. Когда крымский царь жег Москву великого князя, с ним было 30 000 нагайской конницы. Раньше из года в год они пригоняли в Русскую землю великое множество лошадей на продажу — в одном табуне, причем великий князь получал каждую десятую лошадь в виде таможенной пошлины. А если он хотел получить сверх того, то стоимость тех лошадей определялась целовальниками и оплачивалась казной.

Из Черкасской земли великий князь взял себе в жены дочь князя Михаила Темрюковича. Этот предатель также был с крымским царем, когда тот жег Москву.

Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха — все эти страны постоянно торгуют с Русской землей. Обычный их товар — золотые изделия, разных сортов шелковые ткани, пряности и многое другое. Великий князь ото всего получает десятую часть в виде таможенной пошлины.

Думы великого князя таковы, чтоб в Немецкой земле управляться ему так же, как управлялся с Казанью и Астраханью, в Лифляндии и в Литве, в городе Полоцке.

Под Полоцк великий князь подошел с большим войском и артиллерией. В лагерь к великому князю вышло из города духовенство с крестами, иконами и хоругвями и город сдали вопреки воле наместника Довойны. Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом разъединили, а затем убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа. Евреи держат в Литве все кабаки и таможни. Бедный люд замерзал и умирал от голода. Мещане вместе с женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли. Наместник Довойна был отвезен в Москву в тюрьму. Но через несколько лет он был дан на размен против одного русского князя. Тогда он вырыл тело своей супруги, похороненное на немецком кладбище в Наливках за городом, и увез его с собой в Польскую землю.

Мещане, равно как многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал некоторые города в Лифляндии, все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а тела их брошены в воду.

Великий князь давно склонялся к мнению, что следует поддерживать дружбу с римским императором, пока не перезовет он в свою страну всякого рода мастеров и воинских людей — столько, чтобы с их помощью оказать сопротивление крымскому царю. А еще его дума такова: подбить Римскую империю на войну с Польшей. Он и хотел это учинить как раз тогда, когда польский король стоял под городом Гданьском. В то время великий князь забирал остальную Лифляндию. Что тогда учинил он с лифляндцами — кто не знает этого, может узнать при желании. Когда же Римская империя напала бы на Польшу, великий князь взял бы

тогда город Вильну в Литве, чем и приблизил бы свою границу к немецкой земле.

Еще он хочет перессорить всех европейских государств, и это ему удастся. Вот Иоганн III Шведский послал в Лифляндию под замок Везенберг шотландских, шведских и немецких воинских людей, конных и пеших, с пушками, зельем и всем необходимым для того, чтобы добыть и взять его. Когда же перед приступом обстреливали замок, между шотландцами и немцами начались раздоры; они били и побивали друг друга, и много их осталось на месте. Это пришлось по вкусу русским в замке и было им очень на руку. Вот почему тогда русские говорили о шотландцах и немцах: «Собака собаку и съела». Таким образом, войско королевского величества должно было отступить с позором, и предприятие его не осуществилось.

Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы. Те, что были русской веры и дружили с великим князем, те убиты; крещеных великий князь использует против некрещеных; некрещеных же против крещеных землевладельцев и их людей. Иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере; он не может только принуждать своих русских слуг и служанок есть мясо великим постом, по средам и по пятницам.

Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто бы он хотел бежать за рубеж, тогда — да поможет ему Бог! Его мастерство тогда ему не поможет, не помогут ему ни деньги, ни добро. И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна, а из страны — узкая-преузкая. Разве только что прошел он в Москве ее «высшую» приказную школу — но ведь это невозможно. Как бы ни был человек искусен или научен, придя в Москву, он это узнает, как это узнал Бомелий!

Этот доктор Елисей Бомелий пришел к великому князю во время великой чумы из Англии, получил много

денег и добра и туго набил свой кошель. Затем, будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую. Проезжую он взял себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить рыбы на торгу, где его узнали поговору, хотя он и был с небритой бородой. Русские отыскали его гульдены, а самого доктора повезли обратно в Москву, в железах, залитых свинцом. Позже ему выворотили из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетьюми, потом в этом виде привязали к деревянному столбу и поджаривали. Наконец еле живого посадили в сани, повезли через Кремль и бросили в тюрьму, где он тотчас умер.

Когда на границу приходит торговый человек, его товары осматриваются наместником и дьяком. И если они полагают, что великий князь то-то и то-то купит, то они отправляют к нему на ямских и пишут, что из такой-то страны идет торговый человек и что он имеет при себе такие-то товары и предлагает их по такой-то цене. И если эти товары нужны великому князю, то торгового человека вместе с товарами отводят на ям и приставляют к нему пристава, как будто бы для охраны его, чтобы не утащили у него его добра. Но в действительности охраняют его так для того, чтобы не мог он попасть во все закоулки и осмотреть все, что ему нужно в городах и по дорогам.

Если приходит посол, ему навстречу высылают на границу много народу. До того места, где великий князь пожелает дать послу аудиенцию, посла везут кружным путем и там, где живут крестьяне, чтобы он не узнал прямого пути и того, что страна великого князя так опустела. Посол и его слуги охраняются так тщательно, что ни один иноземец не может к нему пройти. Часто два, три посла приходят в одно и то же место — туда, где великий князь захочет их выслушать. Но они охра-

7. 26 сентября 2009 г.

няются так строго, что один посол ничего не знает о другом. И ни одного посла великий князь не выслушает до того, пока не будет знать, что сказать в ответ не только этому первому, но и второму, и третьему, и четвертому послу. Так великий князь умеет узнавать положение всех окрестных государей и их стран. Но его и его страны состояние не может правильно узнать ни один соседний государь.

Хоть настоящих мастеров в стране не много, ни один народ не рисует таких тонких вещей, как москочиты. Это невозможно описать. За иконку, которую носят на шее, шириной и длиной едва в два пальца величины платят 100 талеров только художнику. Но если подумать, то это недорого, так как они пишут людей, комплекция которых и все в такую величину, как стоит штришочек, и все, собственно, так выделано, что они не упускают ничего в маленьком размере, что имеется в большом. Такого типа каждый видел много медных вещичек, я видел их тоже, но мне не доводилось встречать таких изящных медных вещичек, какие я видел там, — в десятки раз меньших и изящных иконок масляными красками. В особенности одна со среднюю руку: на ней был календарь на целый год, святые каждого дня со своим житием, к тому же воскресное Евангелие со всеми страстями, роспись которого стоила более 2 тысяч талеров. И я верю этому. Поэтому их живопись представляет великое чудо.

8.

27 сентября 2009 г.

Договор о выкупе. В камере.
Бич Океанчик. Джанки.
Директор дома престарелых

• ПОБЕГ •

Я очнулся от грохота. Открыл глаза и, не соображая, где я, смутно разглядел незнакомого милиционера в дверях.

— Подъем! — было сказано кратко, но веско.

О Gott!... Тюрьма, камера!.. Тело болело от досок. В голове булькало и мурчало похмелье, рот пересох, вместо языка — сухой камень. И языков в голове нет.

Что-то пробормотав, я медленно сполз с досок, опустил ноги. Увидел ведро.

— Помыться нельзя?

Не входя в камеру, новый милиционер присматривался ко мне, потом сказал:

— Может, ещё ванну с бадузаном?

— Моя щетка... зубавная... Там, в сумке... Прошу! Как без зубов? Надо!

Сержант смягчился:

— Ну, пошли.

Я, кое-как всунув ноги в проклятые китайские ботинки, поспешил следом. Он довел меня до туалета в конце коридора:

— На всё про всё — пять минут! Давай!

— Давай-давай... Реально, а щётка?

¹ О боже (нем.).

— Где я возьму? Сумка у полковника. И вы туда скоро пойдете.

— Понял.

Стараясь особо не рассматривать туалет и с трудом передвигаясь в жмучих штифелях, я кое-как несколько раз оплеснул лицо, пальцем попытался почистить зубы, но вспоминился вчерашний бесцеремонный грязный палец Кроли у меня во рту, и невольные спазмы стали дёргать меня изнутри. Стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не усугубить тошноты, я заковылял к выходу, вспомнив жирного капитана, который всегда ходит, как я сейчас, врястяжку — как он, наверно, проклинал всё на свете, когда искал меня по этажам с этим холодным змеевидным Витей!.. Интересно, откуда они узнали, где я?.. Никто же не знал? Я сам не знал, куда я поеду... «Вот тебе и КГБ!.. Зря смеёмся... Сейчас к полковнику. Может, хоть у него попрошу щетку?»

Сержанта не было. Я остановился, не зная, куда идти. А, вот он, около тумбочки, с офицером. Машет рукой:

— Сюда пошёл!

Понял. Пошёл, куда скажут. А куда еще?.. Я пойман, в их руках полностью, у меня ничего нет — ни документов, ни денег, ничего. А что есть? Мало чего есть. «О Господи!» — впервые подумалось мне по-русски голосом Бабани (всегда повторявшей это с придыханием и чувством: «О хоссподиини!»). И я жарко пожелал, чтобы Бог был и чтобы Он меня услышал. Пусть даже такой, не очень справедливый, создавший хищняг и ворюг, забывший вывернуть Адама наизнанку, но всё-таки пусть Он есть, пусть Он будет... Это лучше, чем ничего!.. Если Он есть, то Он же видел, что я ни в чём не виноват, не виновен! В чём моя вина?.. Что с наци познакомился?.. Что их в номер впустил?.. А как не пустить?.. Если Он всё видит и слышит, то Он наверняка знает, что я не хотел их пускать, они сами навязались. О Господи, помоги!

Сержант указал мне на открытую дверь моей камеры:

– Идите туда пока, полковник на оперативке, к де-
вяти на вас заказ...

Я испугался:

– Как... заказ? Заказался? Забор?

Сержант засмеялся (улыбнулся и офицер у тум-
бочки, что-то писавший на отдельных листочках):

– Заказали вас. На допрос.

– Куда?

– Увидите. Идите, сидите там. Скоро уже.

– А сколько сейчас часов, минут?

– Без четверти девять.

Я сразу не сообразил: четверть – это сколько? И без
четверти – сколько?

Сержант поднёс часы к моим глазам и громко, как
глухому, сказал:

– Без пятнадцати минут, – а офицер внимательно
посмотрел на меня, молча открыл тумбочку и подал мне
жестянку пива:

– Опохмелитесь! Вам трудный день предстоит!

– Понял! Сейчас опохмелю себя! – поблагодарил я
и пошёл ковылять в камеру, по дороге думая, что русским
нравится, когда говоришь «понял», – они как-то успо-
каиваются после этого... думают: «Ну и хорошо, что по-
нял, значит, всё в порядке». Надо так кратко, понурливо
сказать: «Понял!» – и покористо ждать. Надо только с
душой сказать, чтоб они поняли, что человек понял...
реально и чисто понял, а не сляп-тляп...

Я сел на доски и попытался стянуть мысли в клубок,
но никак не мог их собрать. Даже слова стали как-то
странно двоиться, распадаться: полслова вылезало рус-
ское, а вторая половина – немецкая. Или наоборот. Вот
что это?.. Steward... Eйдро... Botiffel... Дветiг¹...

Я помотал головой – наваждение не проходило:
языки смыкались, как в калейдоскопе, и я не знал, как
их разделить, разорвать... От волнения я стал хвататься

¹ От Wand – стена, Eimer – ведро, Stiefel – сапог, ботинок, Tür –
дверь (нем.).

за доски — а они, как живые, двигались и нагревались, дыша. Или это я дышу так хряпко... хрюпко... хрупко...

Надо лечь на спину и задрать ноги на стену, чтобы кровь прилила к голове — так учил дедушка Людвиг, если в голове мутится. Чем выше ноги и чем ниже голова — тем лучше... Помогает. Еще вдохи-выдохи. Можно ногами сделать Fahгped, велораd¹...

Таким, с ногами на стене, меня застал сержант:

— Ого! Загораем? На выход! С вещами!

— Вещей нет. Я только сам вещь... — Я вдруг вспомнил продавщицу из ларька и стал пытаться влезть в жмучие башмаки. Но ступни, видно, от водки опухли (как объяснил вчера Максимыч), вот и не лезут... Но водка была вчера, а не лезут сегодня... Сейчас, после водки — поводкие... Пройдет... Вот пива выпить.

Сержант терпеливо ждал, пока я боролся со штифелями и допивал пиво, взял пустую жестянку и закрыл за мной дверь ключом.

— Зачем пустую закрыть? Кто убежит? — решил я наладить контакт через шутку. — Из пусторожнего в пусторожное?

— Черти чтоб не забежали. Прошёл — по лестнице и наверх!

На знакомой мне лестнице было людно — стояли, курили, кто в форме, с кобурой у пояса, кто без формы, с кобурой под мышкой. Были и два одетых по-маскарадски квазипанка, я их раньше видел, сержант назвал их типтунами, которые, всегда здоровые, по улицам бегают. «Будь — будь! Давай — давай!» Они неодобрительно посмотрели на меня, а я ковылял с трудом, руками поддерживая штаны и стараясь не смотреть людям в глаза.

В коридоре около кабинета полковника сержант потоптался, вошел, я остался стоять. Из своего кабинета вывинтился Витя с телефоном в руках, что-то в него сердито и яростно шепча:

¹ От Fahгrad — велосипед (нем.).

— А я тебе говорю, что по-твоему не будет, а будет по-моему... Почему?... Да по кочану!.. Сам должен понимать. Каких друзей?... Пошли их куда подальше... Таких друзей — за хвост и в музей!.. — Заметив меня, он сухим кивком отметил меня, спросил: — Ну как, очухались после вчерашнего?

— Да, вчера как чухча был... Пил... Немцу водка... как смерть...

— Эт-точно. И немцу, и финну, и всякому шведу... — отозвался он, возвращаясь к разговору, а из кабинета показался сержант:

— Стойте тут, он позовёт. А мне вниз надо срочно. Никуда не уходите!

— Куда тут ходьба...

Но когда он удалился, возникла мысль тоже уйти — только в другой конец коридора. И там тихо-тихо, вниз-вниз, и — nach draußen!..¹ А дальше куда, без паспорта, без ничего?... На улице под ларьком сидеть?... Или сесть в такси и в немецкое посольство уехать?... Но Витя тут, поглядывает одним глазом, а в трубку говорит:

— Ты мне мозги не компостируй, а походи и попытайся... Не надо философий разводить... Ну, дорогой мой, волков бояться — в зоопарк не ходить!..

Дверь открылась, возник полковник в черном костюме в полоску, сказал неприветливо:

— Входите!

Я заковылял к стулу, где уже раньше сидел, и плюхнулся на него.

— Что с вами? Вы ранены? — спросил он.

— Да... ранен... жизнь ранила... штифели новые... Я в тапочках... там, в сумке... можно надевать? — Я увидел свою сумку возле стола.

Он секунды три недоверчиво смотрел на меня, потом открыл сумку, вытащил двумя пальцами тапочки и кинул их мне:

¹ Наружу (нем.).

— Переобуйтесь...

— Да, новые купили... на разбазарке... забыли, что номер больше брать надо... китаёз мал... ветераны обули меня...

— Обули вас — это точно, — усмехнулся он и сел за стол, еще раз внимательно и оценивающе поглядывая на меня:

— Ну и вид у вас!.. Дикий!.. Что с вами за неделю Россия сделала!..

— Это не Россия. Это я сам идиот... Наци... Сволочь... Зубовой щетки нет? — вспомнил я.

Он поморщился, заломил по одному пальцы:

— Позже с этим. Скажите вначале, что случилось в номере и что лично вы делали? Лично вы!

— Лично ничего сделал... Наци пришли, принесли какого-то чухчу, начали крики делать — деньги, деньги... 25 штук... Он не имел. Они били, я был против бить... Они бросили меня туда, в Badezimmer, да, в ванную... чтобы не мешал... Радикал кричит: «Что за фашист эдакий, крови боится»...

— Позвольте, значит, кровь вы всё-таки видели? — насторожился полковник.

Я не знал, как точнее объяснить:

— Это мало... Вначале они его так били, когда диктат писали, — я показал локтём и ладонью, — мало кровь из носа была... А потом — больше, бабло, бабло, сюка... я был против, они меня в ванную затаскали... Я слушал шум, стук, громот... Удары, — я постучал по столу (полковник не перебивал). — А потом стекло звенелось... крик... И всё... Как из ванны вышел — никто был... А он уже там лежал, вниз...

— Ну, предположим. А вы? Вызвали «скорую помощь», милицию? Врачей? Сообщили портье о преступлении? Что вы сделали?

— Нет... скорая... я сам скорей... Люди же видят на улице? Вызовут? Куда я ещё? Я сам скоро уходил сразу...

Он что-то записал на листке:

— Вот и ещё одна статья — неоказание помощи. Может быть, он был ещё жив?

— А он не жив?

Полковник зловеще ответил:

— Нет, не жив. Позвоночником на решётку напоролся... Это помимо рта и прочих художеств... Значит, вы были в ванной, ничего не видели? — Пальцы полковника замерли. — Кто его выкинул, кто резал?

— Не видел... Пока я там был, никто не резал и не кинул. Только радикал ножом играл, пеперуди...

— Что, кличка?

— Нет, это «бабочка». Нож такой...

Он искоса бросил взгляд, нашёл ручку:

— Имена, данные этих подонков, ваших друзей!

Я стал заслоняться рукой от этих слов:

— Каких?.. Таких друзей — под музей!.. Так, партия...

— Где познакомились?

— В Петербурге.

— Кто познакомил?

— Никого. В кафе сидел, они — рядом.

Я решил Виталика не втаптывать в это дело не только потому, что нечестно, но и потому, что Виталик еще может понадобиться помочь убежать. Надежда умирает предпоследней, последним умирает человек.

— Да, я в кафе ел кофе с пончиком, слышал новые лексемы. И вот — про глаголы говорят. А русские глаголы — это загадочное... пирамида... Ну, так... Начались тары-бары-разбазары, протёрки... Так.

— Кстати, откуда в вашем номере целый рюкзак листовок фашистского содержания? Вы их из Германии привезли?

— Какое!... Это их... Они принесли... При заборе возьмем... Потом.

— Имена, фамилии, приметы фашистов! Где они живут, конечно, не знаете?

— Знаю, в Петербурге. Один — Исидор. Пещёристый, кажется. Или Пещанистый... Или Пещеровый, да...

Полковник недовольно поднял глаза на уровень моего лба:

— Это что, клички?.. Учтите, пока мы их не поймаем, вы будете сидеть! Да-да, будете сидеть в тюрьме, пока мы эту сволочь ловить будем, — вы же свидетель, а может, и соучастник. Так что давайте поконкретнее — где, кто, что? В ваших же интересах!

О, этого не хватает! Пока их поймают! Пока их не поймают! Может, через год их не поймают? Ловить будем, процесс! Но что я знаю о них?

— Один, кажется, в университете петербургском, на экономии... Он — главный, Исидор. Его помощник — Флор Манякин... или Банякин, не помню... Такой, люмпеновый... Он — народное крыло, люмпенович... Вот, всё. Ещё радикал... Весь чёрный... имя и лицо не знаю...

— А чем они заняты?

— А этим... Акции, листовки...

— Какие акции? Взрывать хотят что-нибудь? — Полковник волнообразно повёл руками.

— Не знаю. Говорили, на рынке... Карачуркесия... Колпакария... Потом еще что-то... 17-й год, террорщина... Вы не слышали?

Но полковник не хотел вступать со мной в беседы и спрашивал дальше: сколько раз и где я встречался с этими фашистами, что им было конкретно нужно. Я стал перечислять:

— Ну, взносы... 100 долларов... Потом — хочешь гауляйтер в Германии... Не буду! Ну, бюро открыть... Как пуристы в Англии... А я чтобы там — в бюро гауляйтер... За три тысячи долларов...

Полковник усмехнулся:

— За десять тысяч они бы вас китайским императором сделали... Да, Фредя, крепко вы влипли... — заключил он, встал и прошёлся до тайной двери и обратно.

— Как? — не понял я и признался: — Я волнуюсь, плохо понимаю...

— Может, переводчика вызвать?

– Для чего?

– Для допроса.

– А это что эдакое? Сейчас не допрос?

Полковник переложил на столе какие-то предметы:

– Нет, это разминка... Неофициальная беседа...

Это был какой-то знак. Раз неофициальная, то можно спросить, тоже неофициально:

– А что дело? Что меня обвиняют? Явка с неповинной?

Полковник раздражённо сказал:

– А вы сами не знаете?

Я искренне признался:

– Нет. Я же с узбеком не сделал?..

Полковник вытащил из папки бумагу и сказал:

– Узбек – это только часть вашего дела... Вы, господин Боммель, обвиняетесь по шести... нет, даже уже по восьми статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, и не имеет значения, что вы – гражданин Германии, ибо все преступления были совершены на территории Российской Федерации в момент нахождения данного лица пределах правового поля Российской Федерации и отвечать он должен по всей строгости законов Российской Федерации...

Я от взволнованной неожиданности привстал со стула:

– Чего? Не понял? Как это? – но он рукой указал мне не дёргаться:

– Сели. Сейчас объясню. И предупреждаю – все статьи тяжёлые и неприятные... Что-нибудь, может, и отпадет в процесс следствия, но основные останутся до суда...

В процессе? До суда? Что это? Какие? Узбек... Следствие... А ещё?...

Полковник втащил на стол плотный коричневый конверт (на котором была приклеена полоска бумаги с номером), взял оттуда бумагу, начал медленно читать:

– Итак. Экстремизм – раз. Связь с радикальными группировками – два. Распространение листовок фа-

цистского содержания – три. Организация убийства из националистических побуждений и с целью наживы – четыре. Нанесение тяжких телесных, со смертельным исходом – пять... Хранение наркотиков – шесть... Подделка и распространение фальшивых денежных знаков – семь. Ну и торговля алмазами – восемь... – Он достал из конверта серьгу проклятого коня из бюро и кинул её на стол. – До 15 лет тянет по совокупности...

Я был раздавлен. В голове мелькнуло, что приставка «до» всегда означает действие до чего-то. До 15 – это и 14, и 13... О, хоссподи! Только сумел выдавить:

– А наркотики... Откуда?

– От верблюда! Пакетик с анашой был найден в вашем номере при обыске... Вот, протокол обыска, всё честь честью... – Он потряс еще одной бумагой, вытащил из конверта целлофановый пакетик и понюхал. – Анаша ты, анаша, до чего ж ты хороша!..

– Это не моё. Чужое...

– Чьё, если не секрет?

– Наци... Да-да, их! – пришло мне в голову.

– Не врите, Фредя! Это или ваше, или Алкино...

– Алкино?

Полковник развел руками:

– Вы не только поэт, вы еще и артист, куда там Юрию Цезарю... Вы же с ней встречались?

– Да... Нет... Так... А что, она говорила, где я?

Полковник рассмеялся:

– Если мы только на минетчиц рассчитывать будем – плохи наши дела! Нет, зачем же она? На это есть техника, жучки...

И от вытащил из конверта, из отдельного целлофана, мой мобильник, открыл его крышку и вынул оттуда черный комочек:

– Вот он, GPS-жучок! Я сам поставил. Я же хотел с вами дело иметь, вот и хотел последить, что делать будете... Так что знаю, какие вы картины в Третьяковке

около зоопарка смотрели и как по музеям с машинами гуляли...

Вот оно что! Мне стало стыдно за ту ветвистую ложь, которую я ему крошил. Но с этим паучком...

— Но GPS... Я же не брал трубку?..

— Вы не брали, а кто-то нажал. Мы и засекли.

А, ребёнок, Митяня... Митюша... Ладонкой хлопнул! Я же еще слышал, как полковник кричал «слушайте»!... Значит, дом узнали, а по квартирам искать-ходить пришлось, ногами... Жирный капитан еще жаловался, воду пил... А что про фальшивое?.. Это что еще?..

Полковник разгладил рукой бумагу:

— А то, что во время обыска в вашем номере нашли десять штук 20-евровых фальшивых купюр... Вот они тут, в вещдоках, купюры в гипюре! — Он издала показал мне вынутый из конверта очередной целлофан, где синели 20-евровые. А я их искал... Забыл в номере.

— Это мне в гостинице дали...

Полковник настороженно и недоверчиво посмотрел на меня долгим взглядом:

— Кто? Где? Когда? В какой гостинице?

— Там, где я ночевался... ночевал себя... Я портье спросил, не может он помогать разрубить... Он сказал, есть один человек... или червочёк, не помню... может помогать. Ну и было. Я не видел.

— Ничего не видели! Ничего не знаете! Ничего не видели, не слышали! Как это? Он же вам дал эти деньги? Как же вы его не видели? — Полковник подозрительно посмотрел на меня, застыв с целлофаном в руках.

— Я по трубке слышал — у червочка было такое... hypertrophierte «R»¹... — Я не знал, как объяснить, чтобы полковник не сердился и поверил: — Не он приносил. Портье переносил, я на трубку слушал имя — то ли Суран, то ли Рубан...

— Может, Сурен?

— Может... Такое «р-р-р» у него, как у тигра ...

¹ Гипертрофированное «Р» (нем.).

Полковник записал, сказав:

— Знаете, я лично вам верю. Не думаю, что вы лично способны на такие зверства, хотя от немцев всего можно ожидать...

Я горячо вскинулся поддержать его:

— Конечно, а как же такое? Я — альтернатив, пацифист, самое худшее на мире — это зверство, мучения. Зачем все жестокие? Зачем человек дикий, как зверь? Кто так сделал жестокое всё? Бог?

Полковник рукой остановил меня:

— Но в любом случае придется идти свидетелем... Это еще так, предварительно... До суда... А суд не скоро, дорогой геноссе... Шлехт, зер шлехт¹.

Переход на шутливый немецкий меня немного ободрил — через шутки завязываются контакты, хотя мое дело — конец: свидетели, суд, следствие...

Как будто слыша меня, полковник сказал:

— И хуже всего, что я под расписку о невыезде не могу вас отпустить — у вас нет места жительства, кончается виза, нет поручителей... Значит, вы должны будете сидеть в тюрьме до суда... как обвиняемый или как свидетель...

У меня от такой информации потемнело в глазах.

— Вам не плохо?.. Вот вода! Валидол! — Он подал мне стакан, а таблетку велел не пить, а положить под язык.

Я так и сделал, но что-то изнутри сковало меня так, что я не мог шевельнуть ни рукой, ни мыслью... Всё окаменело. Взгляд было не оторвать от часов в виде маленького Кремлика на его столе.

— Эй, Фредя! Вам плохо? Вызвать «скорую»? — Он перегнулся через стол и помахал бумагой у меня перед лицом.

Я шарахнулся в сторону:

— Да, плохо... Что делать?.. Я в тюрьме буду умирать... Я не виноват!.. Что я виноват? Что? Ничего видел... реально... Отпусти, Мансур Ильич, в натуре, не вопрос!

Полковник прошёлся по кабинету.

¹ От Schlecht, sehr schlecht (нем.) — плохо, очень плохо.

— Как я могу вас отпустить, посудите сами?.. Столько статей! Еще тело даже родственниками не опознано... ждут из Узбекистана... Хорошо ещё, хоть паспорт нашли при обыске.

— Тело Насрулла зовут, — вспомнил я, неясно ободренный какими-то нотками в его голосе.

— Да уж, дал же бог имечко... Мне вас жаль, я вижу, что вы не преступник и не криминальный субъект...

— Нет, какое там!... Пацифист, лингвистик! — опять жарко поддержал я.

— ...что вы просто по глупости влипли, по неопытности попались на удочки этих мерзавцев... При Сталине всех этих наци и панков за 24 часа расстреляли бы, от всякого мусора очистили бы территории, а сейчас!.. — он махнул рукой (а я подобострастно добавил, что «да, Сталин, порядок, ордунг»), но закончил так: — Но что мне делать? У меня инструкции, законы! Надзор, наконец! Ничего нельзя сделать!

При слове «закон» пришла, как в бюро, спасительная мысль: где закон — там штраф. Да и терять нечего.

— А нельзя... так... штраф плачу?

Полковник остановился, серьезно посмотрел на меня:

— Штраф? Как вы это себе представляете? У вас же ничего нет, вы бедный студент, мои полторы тысячи евро остались — и всё... Куда, кстати, остальные полторы за два дня делись?

Я махнул рукой:

— Не знаю... утекаются... разменяли... унырнули...

Полковник вдруг подошёл ко мне и со словами:

— Может, вы колетесь? Морфинист? — резко задрал рукава куртки.

— Нет, когда... А деньги... Могу позвонить? Один раз? Один?

— Позвонить можете.

— А штраф... Сколько? — тихо подкрался я к самому главному сейчас вопросу.

Полковник вздохнул:

– Ну, чтобы такое дело закрыть – тысяч сто надо...

– Это... Рублей?

– Каких рублей? Евро! Кто в рублях считает?

Видя мою гримасу, он разъяснил:

– Но я говорю – закрыть. Открытое, официально открытое – закрыть. – Он голосовым нажимом выделил слово «закрыть» и прихлопнул рукой по делу. – А вот чтобы не открывать, как в вашем случае – как минимум пятьдесят... Не меньше... Да, пятьдесят–шестьдесят, как минимум...

Я, хотя и был опарашен этими заоблачными цифрами, всё-таки переспросил, наученный солёным опытом:

– Не открывать? Или не открыть – результат?

– Не открыть, да... Официально не открывать и не открыть... Открытое дело закрыть труднее, чем новое не открывать... – объяснил он туманно. – И я не один, вы же понимаете – прокуратура, надзор... Семье убитого узбека возмещение наверняка дать придётся, чтобы не шумели... это всё экстра... Ну, и органы надзора... Они же надзирают, что открыто, а что закрыто, чтоб им пу-сто было... Так что за 50–60 тысяч можно попробовать... Только деньги нужны срочно, быстро и наличными, сегодня до вечера или до ночи – дело завтра поступит на планёрку, на обсуждение, если я его не задержу... А задержать я его могу, только когда у меня будут деньги и я буду уверен, что это не блеф... И смогу попросить людей помочь мне дело закрыть... в отношении вас... Ну что, хотите позвонить?

– Давайте!

– Кому?

– Папе! Спросить надо?

Он согласно кивнул, предупредив:

– Только никаких конкретных информации!

Я тяжело вздохнул – «понял!» – взял свой телефон, собранный после жучка, набрал домашний номер. Но, услышав голос мамы, тут же выключил телефон: с ней об этом говорить нельзя. Нужен папа.

Я нашел папу по его мобильнику.

— Papi, ich bin... Ich bin bei der Miliz, fast im Gefängnis... weil hier etwas passiert ist... ich bin quasi Zeuge, aber sie lassen mich nicht raus... die wollen Geld, Strafe... bis heute Abend oder heute Nacht, sonst alles wird offizielle Wege gehen, und dann ist es aus mit mir¹...

Папа ответил не сразу. А когда ответил, то сказал:

— Ist das ein schlechter Scherz? Bist du betrunken?

— Nein, bin ich nicht. Das ist kein Witz².

Он помолчал, потом со вздохом спросил:

— Wieviel wollen sie?

— 50 Tausend.

— In Dollar?

— Nein, in Euro.

— O, Gott! Verdammtes Moskau! Ich werde in 10 Minuten zurückrufen³.

Я отключил телефон.

— Я сказал — пятьдесят. Он перезвонит через 10 минут.

Полковник удовлетворённо пододвинул ко мне тарелочку с печеньем:

— Эссен, битте... 50 тысяч для Европы — деньги не большие... А для Москвы и подавно — в ресторан впятером пойти... Расскажите мне пока об этом Сурене с гипертрофированным Р.

Я вспомнил, что в трубку слышал, как он часто повторял «бана» и «эли»... и еще — «брррат-джан»... Да, «бана», «эли»...

¹ Папа, это я... Я в милиции, почти в тюрьме, потому что тут что-то случилось, я как будто свидетель, но они меня не выпускают. Они хотят деньги, штраф. Сегодня до вечера или ночи, иначе все пойдет по официальному пути, и тогда мне конец (нем.).

² — Это плохая шутка? Ты пьян?

— Нет, я не пьян. Это не шутка (нем.).

³ — Сколько они хотят?

— 50 тысяч.

— В долларах?

— Нет, в евро.

— О боже! Проклятая Москва! Я перезвоню через 10 минут (нем.).

— Бана?.. Эли?.. Брат-джан? Армянин стопроцентно! Какой-нибудь армянский хач! Ну-ка, ну-ка, интересно, как выглядит этот Сурррррен? — шутливо зарычал полковник.

Я не был уверен, но какого-то черновязого... нет, темнявого типа я видел около стойки портье, когда выходил:

— В таком зеленом, с блеском... И тут... такие колбаски, — показал я у себя под ушами.

— А, бакенбарды...

Бард? Бакен?¹ Щёчная борода?

— Да, бардыбакены толстые... чёрные... И нос...

— Большой? Как у меня?

— Нет, больше!.. И мяснее... Мясной нос!

И я покраснел, вспомнив Алкины дефиниции и вдруг думая, какой член у полковника — мясистый или кровавый, — но полковник мое замешательство не заметил, что-то обдумывал, потом позвонил кому-то:

— Володя, дорогой, проверь, пожалуйста, по базе фальшаков — имя Сурен, фамилия как-нибудь на «ян» будет, все они «яны»... Лицо явно кавказской национальности... да-да-да, как и я... Что делать?.. От себя не убежишь... Кто есть — тот есть. Это знаешь, как с одним шотландским мастером, которого наш любимый царь выписал вместе со станком, монеты печатать: лично выдавал драгметаллы, часто навевался в мастерскую и каждый раз, уходя, говорил, чтобы тот остерегался русских и не доверял им, потому что все русские — воры, могут даже кипящее золото из печи стырить. Вот раз на обеде в Кремле этот мастер, бухнув сверх меры, не удержался и спросил, как это царь такое говорит — разве он сам не русский?.. Все думали, что Грозный его там же укокошит своим дрючком. А Грозный ответил: «Нет, почтенный золотовар, ты ошибаешься, я из немец!» Так и сказал — «из немец»... Ну да, Грозный из немцев, Сталин — из грузин, Троцкий — из жидов, Хрущев — из хохлов, Брежнев — из цыган... Володя, посмотри, пожалуйста-

¹ От Bart — борода, Backe — щека (нем.).

ста, не откладывай. Возраст? Фредя, возраст какой у того «яна» в зелёном пиджаке?

А я в это время лихорадочно вспоминал, были ли в том меню расценки на открытие и закрытие дел, и не сразу услышал его вопрос; а когда услышал, то преданно и с готовностью ответил:

— Да, не знаю, какой... такой... Под бардыбакеном не видел... волос чёрный, — искренне сожалея, что ничего конкретного не могу сообщить об этом проклятом Су-роне. — Всё скажу... но не знаю, что говорить-сказать...

— Ничего, портье скажет... Это какого портье он друг?

— Как кот в масле... вот его...

— Толстый такой, дородный? Микола?

— Да, родной такой... до кола...

Полковник пометил что-то у себя и стал спрашивать про то, где, по моему мнению, сейчас могут быть наци и что мне известно про чёрного радикала, у которого был нож-бабочка? Я отвечал, что не знаю, где они — «может, на базаре, акции делают, чухчей бьют?» — а радикал да, ножом играл... То ли Онис, то ли как-то звали, точно не помню:

— Такой весь, черняк до ушей... Ножом играл... Такой поджаристый... поджарчатый...

Звонок! Это папа:

— *Wohin und an wen soll das Geld gehen?*

— *Moment, ich frage¹.*

Я сказал полковнику, что отец хочет знать, кому и куда нести-принести деньги, полковник написал на бумажке номер телефона:

— Пусть в Москве по этому номеру позвонят, им скажут, куда подъехать.

Я продиктовал папе цифры, после чего он, не прощавшись, повесил трубку, а полковник порвал листок с номером, сказав:

— Но вам, дорогой геноссе, пока придётся сидеть тут...

¹ — Куда и кому должны отдать деньги?

— Минутку, я спрошу (*нем.*).

— Как сидеть?.. Мы же... обговорились?..

— Не имею права... Да и тут целее будете, а то, я вижу, вы любитель приключений... И как вы из этих кений и австралий живым вернулись?

— Нет, прошу, Ильич Гурам, пустите...
Полковник сделал рукой успокаивающие жесты:

— Ну куда я вас отпущу? Вам и жить негде.

— А гостиница?

Полковник сделал большие глаза:

— Забудьте! Какая гостиница, вы в своём уме?.. Это место преступления! Там всё оцеплено! — Он начал загибать гибкие пальцы, похрустывать ими: — Места жительства у вас нет, прописки нет, регистрации нет, виза через день кончается, поручителей и залога нет — куда я вас отпущу, на деревню к дедушке?.. Нет, тут посидите... Всем спокойнее, и вашему папе в том числе... Вот я понимаю — немецкая чёткость! Вопрос — ответ — всё ясно — вперед!

Он набрал номер по бездисковому телефону и спросил «ребят», как у них с камерами — что свободно, что занято:

— Хорошо... Хорошо... Если что — с чеченцем посади...

Положив трубку и увидев, как я вздрогнул при слове «чеченец», он успокоил меня плавным взмахом руки:

— Они вежливые и корректные, не бойтесь! Нет, это в крайнем случае. Камеры есть... Чем-нибудь займитесь там... Есть у вас книжки?

— Есть. Дайте мою тетрадь... Дневник... — вздохнул я, понимая, что надо будет сидеть до... до чего? Как папа сможет такое сделать?.. Где у него 50 тысяч?.. Как он их пришлёт? А завтра дело откроют, скажут, теперь дело открыто, штраф — не пятьдесят, а сто, потому что «официально»...

А полковник, переспросив:

— Дневник? — вытащил тетрадь и, поколебавшись, просмотрев её и пробомотав: — Вообще-то дневники — это вещдоки... — отдал её мне: — Ладно, до вечера, а там

посмотрим... Вот ручка... Да, вот деньги. — Он вытащил из сумки остатки рублей (что принёс Мишаня с китайского рынка) и кинул их на стол: — Вы щётку хотели... Ну и другое... Дадите вахте, они вам и щётку, и еду принесут, только алкоголя не пейте — может быть, вас прокурору показать придётся...

— Что я, выставка? Третяковка? Прокурор не хватает совсем! — Я ужаснулся одному этому слову, засовывая в карман тетрадь и деньги.

— Да он не страшный... Да, и вахте «на чай» не забудьте дать, за принос...

— Понял. При заборе. Чай-пиво.

Когда сержант вёл меня в подвал, ногам в тапочках было не больно, голове — прохладно, на душе посветлело. О том, что сейчас делает и о чём думает папа Клеменс и откуда он может в Москве до вечера найти 50 тысяч евро, я уже не думал. Не хотел думать. Об этом будем думать потом... Лишь бы бежать отсюда, от судов и проблем, а с деньгами как-нибудь... Распилим... Или у дедушки Людвиг попрошу... Свобода стоит 50 тысяч... В принципе, не дорого, если вспомнить, чего там только нет: и экстремизм, и наркотики, и фальшивые деньги... Хотя всё это правда, они ничего не придумали. Какие претензии?.. Были граммар-наци? Были. Марихуана? Была. Фальшивые деньги — наверно, раз они говорят... «В общем, как Де Ниро, он в Чикаго палкой убивал наповолам... нет, наповалый... или наобум?»

На лестнице я ощупывал в кармане деньги, думая, какие эти люди всё-таки человеческие и хорошие!.. И деньги дают... И деньги берут... Хоть бы взяли и отпустили... Сержант шёл следом. Я сказал ему:

— Товарищ, когда у меня будет очень голодняк, вы помогаете?

Он оживился:

— Не вопрос! Что вы хотите? Тут, рядом, у метро всё есть — и шаурма, и пирожки, и хачапури, куры гриль...

8. 27 сентября 2009 г.

– Нет, куры – нет! Вот пирожки... и эти, сыр-пирог... харипури... чакрапури очень вкуснятые... поджарные...

– Сколько?

– Ну, сколько хотите, мне и вам... Штук десять... Вот деньги...

Сержант взглядом покопался в деньгах и, услышав, что нужны еще пепси, ментоловые таблетки, паста, зубная щетка, усмехнулся:

– Далась вам эта щётка!

– В том дело, что не далась... Не дала себя!

– Ладно, ваши проблемы. – Он вытащил пару купюр: – Хватит! – и довёл меня до камеры 8: – Всё. Отдыхайте. И не переживайте – всё хорошо будет!

И, пока он уходил и я слышал его шаги, у меня внутри приятно растекались его золотые слова: «Всё! будет! хорошо!» – и я подумал, что хорошо, что я помолился сегодня утром русскому Господи – может, он спасает?.. Спасёт?

Расчищая место около ведра, прилаживаясь писать дневник, я думал о том, что вообще какая это страна особая, где шофера говорят о царях как о близких родственниках, старики знают все тайны вермахта, мороженщики рассуждают о Византии, а билетёрши и продавщицы видят тебя насквозь, читают по твоим глазам и зубам, как в открытой книге!.. И они все как будто живут сразу во всех временах!.. Об Иване Грозном говорят как о соседе, Петр I – словно их хаусмайстер... Сталин вообще из Кремля не выходил... У нас никто из молодежи дальше своего отца ничего не знает. А для русских – всё живо, всё сейчас и теперь, было не вчера, а сегодня утром, сейчас, действие идёт... Ну когда я в Германии говорю с киоскёром, как Самуилович, о таких вещах? Халлю-халлю-погода плохая-погода хорошая – и всё! А тут!.. Всё живо, движется, дышит...

А как тонко всё чувствуют, ощущают!.. Недаром в Берлине, в специальном борделе для девственников, работают исключительно русские девушки – они, как

никто, могут понять человека, вникнуть в его проблемы, сопереживать, быть нежными и деликатными, не то что наши фурии... У них совесть большая, а у нас, немцев, маленькая — где была эта совесть, когда Гитлер бродил и всё брал?

И как Вы были правы, когда говорили, что человека очень легко сделать счастливым: достаточно приговорить его к казни, поставить к стенке, ударить в барабаны, а потом казнь отменить. Казнь отменяется! Казнь отменяют себя! Вот и у меня... Только следы от этих железных нарукавников до сих пор краснеют...

Я расположился за столом, хотя ведро и мешало. На боку у него была такая дырявая зубатина, где когда-то что-то было прикирдычено. Но места достаточно, чтобы открыть дневник и увидеть, что уже два дня он не писан. Последнее, что там, — это очень живая Земфира, полуживые бабочки и еще живая индюшка в бане у дедушки Людвига, о чём я успел записать утром, до прихода нацистов... Если бы они не пришли — ничего бы не было... Вот и говори, что не фатумный рок правит миром!.. Если бы не выпал диктофон — не возник бы конь в бюро, взял бы свои 300 — и адъё!.. А если бы они пришли, а я не открыл бы дверь — не было бы камеры... А если бы не послушал Виталика — не было и бы нацистов... Если бы бы бы... Вот это великое «бы»!

Пока я прилаживался, вернулся сержант, и мы на досках открыли свёртки. О, тут всё, что надо, — и тёплые еще пирожки, и пиво, и даже треугольные, как шапочки Наполеона, чакрапури с сыром. Пасту и зубную щётку надо спрятать в карман куртки, вместе с салфетками, для всяких санитарных дел.

Сержанта звали Саня Косых, родом из-под какого-то городка, в Москве — шестой год. Я спросил его, не страшно ему работать в милиции?

— Конечно, страшно, а что делать? На хлеб зарабатывать надо?

А, процесс, без результата. Он аккуратно взял пирожок, присел на доски... на пары со мной, как равный, а не так — сверху вниз... У него было приветливое чистое лицо, тёплые глаза. Или это мне так казалось сейчас?.. Чтобы завязать разговор, я спросил его, не хочет ли он, как один мой знакомый, поступить в Иностраннный легион и мочить чёрных и белых, но он не хотел никого мочить — напротив, хотел собрать деньги и купить домик, уехать из Москвы и разводить бычков.

— Тут жизнь трудная, бойкая, я не привык... Того и гляди, хвост прищелят... Исколбасят почём зря...

Я не стал уточнять, кому его хвост нужен, — если я его правильно понял, он говорил о своём члене (наверняка у русских, как и у нас, немцев, есть метафора — в обиходе обозначать «мужской член» как «хвост», Schwanz)... Какие-то бабы хотят ему член прищепить, из ревности, очевидно, исколбасить, колбасу сделать... Прищелят? Защипка?.. Прищепка? Бабаня говорила, когда бельё вешала: «Фредя, подай зашипки!» Или прищёлки?.. Ну, неважно, что-то щеп-щип... А когда мама купила такую железную ракладятину для сушки белья, Бабаня всё равно вешала на веревках — «лучше сушится», говорила... Я еще смеялся — солнцу не всё ли равно, где сушить?.. А папа объяснил, что Бабаня права, потому что на верёвках объем подставленных солнцу площадей белья вдвое больше, потому что ничего не заслоняет лучей, тогда как на раскладятине вещи висят густо и закрывают друг друга... Мама, правда, и тогда оставила за собой последнее слово: «Сушит не солнце, а воздух, не имеет значения, как вещи висят», — но папа не стал продолжать спор — он вообще всегда отлично знает, когда надо закрывать-закрывать дискуссию, потому что у мамы дёргается веко и стучит каблучок о пол...

— А вы с какой Германии — с Восточной или с Западной? — спросил Саня, беря за ушко чакрапури и деликатно разрывая его пополам (внутри белела тонкая слойка сыра, как душа в человеке).

— Я — из очень главной, из Баварии! Не худшая страна! — не без гордости сообщил я и кратко пояснил, что мой дедушка Людвиг так учил меня бороться с депрессиями, тоской или если чего-то хочется, чего нельзя или нету: лечь в траву, посмотреть в небо, сказать себе: «Я живу не в худшей стране и не в худшее время, не всё так страшно, как кажется, — другим бывало куда хуже». — И всё пройдет! Der Weg ist in dir!

— Это что?

— «Путь — в тебе!» Сам, значит, всё... Червячный переход... — вспомнил я вслух рассказ Павла Ивановича и сообщил Сане, что нашу Землю можно проползти от полюса до полюса, а человек должен сквозь себя каждый день ползать.

Саня уважительно покачал головой:

— Ну, даешь!.. А здесь чего делаешь? На курсах?

— Да, курсатый... Но главный курс — жизнь. Вот, чашка-ложка... Да, а где отсюда эта... — Я вдруг забыл, как будет по-русски «Krug». — Круг где? — указал я на ведро. — С чем пить-попить?

— Какой круг?

— Ну, кружок... С чем пьют. — Я показал рукой.

— А, кружка!

— Да, кружка, маленький круг... И почему это так... нельзя снять, твёрдо... — Я пошатал ведро.

Сержант аккуратно вытерся салфеткой:

— Это эпоксидкой приклеено, чтобы бошки друг другу не поразбивали... Кто? А кто сидит. Тут всякие попадаются.

Это была тревожная информация!.. Вошки! Всякие! Попадают себя!

— И что... сюда могут плохие люди... присюдачить?

— Нет, вас велено одного держать, отдельно. Или с тихими. — Сержант потрогал ведро: — Была кружка на цепи... Да той цепью одного чуть не удавили, вот и сняли, от греха подальше... «Кто захочет — и так напоятся — сказал начальник, — а нам головной боли меньше».

- Это да, им меньше и людям хуже...
— Да ну! Одна зараза от этой кружки.
Из коридора послышались крики:
— Стоять, бакланы! Лицом к стене! Руки на затылок! — и Саня побежал, наскоро заперев меня ключом.

Я остался один. Сложив оставшееся в пакет, допил пиво. Теперь надо ждать. Как говорится, суй железо, пока горячо. Свинья не выдаст — бог не съест...

Я вернулся к дневнику и долго писал его, вспоминая как можно больше новых лексем и деталей. «Der Teufel steckt im Detail»¹, — повторяет дедушка Людвиг, хотя, вернее, это бог прячется в деталях... Кстати, интересно, верит ли чёрт в бога?.. Надо будет на семинаре по сакралу обсудить.

Но писать было трудно — голову наполняли панические мысли о деньгах: где отец возьмёт столько? Как переправит в Москву? Как потом отдавать?.. Нет, надо к дедушке Людвигу поехать... Если очень попросить — может одолжить... У него деньги водятся, еще с военных времен. Бабаня по секрету рассказывала, что, когда дедушка Людвиг работал в Дахау хаусмайстером, там в это время профессор Мюльхауз строил лабораторию по получению золота из парафина, камней и песка со дна реки Изар, и дедушке Людвигу, очевидно, кое-что перепало, хотя золото там так как будто и не успели начать добывать — Красная армия помешала... Да, если попросить дедушку Людвигу — он может одолжить Фреде деньги, хотя бы и с процентами, он деньги уважает...

А вот другой дедушка — безрукий Адольф — всегда ругал богачей и говорил, что богач несчастлив, живёт в вечной лжи и постоянном страхе за всё, что ему дорого, что высунувший голову от головы и погибнет, только от чужой. А когда он услышал по ТВ, что на аук-

¹ Дьявол прячется в деталях (нем.).

ционе была продана картина «№ 5 / 1948» Джексона Поллока за 140 миллионов долларов, от ярости грохнул своими протезами по столу: «Что это, мир окончательно ополоумел, свихнулся, спятил?» И начал считать — если с одной стороны поставить эту мазню из пульверизатора, а с другой — всё то, что можно купить на 140 миллионов, то это будут горы хлеба, километры колбасы, тонны еды, ряды новеньких машин, сотни бочек пива и вина, холмы одежды, курганы лекарств, прорва книг и т.д. Правомерно ли это? И что это вообще значит?.. Может ли стоить одна картина, какая бы она ни была великая, этих тонн и декалитров? И какое имеет право какая-то гадина где-то в своем бункере вешать себе на стены все эти тонны и декалитры, когда полмира умирает от голода и жажды?

Когда же я попытался возразить ему в том смысле, что живопись в хлебах не меряется, он отвечал, что очень даже меряется, что живопись — это то, что никому, в принципе, не нужно, пятна краски, но это покупается за бешеные деньги потому, что к этому делу привешен дьявольский ярлык дороговизны, как к золоту или алмазам. Люди, сговорившись, договорились считать алмазы и золото драгоценными. А что в них драгоценного?.. Ничего. Из золота даже приличной лопаты не сделать. Ну, алмазом стекло порезать ещё куда ни шло... И что?.. «Вдумайся, вот есть бриллиант “Куллинан” — 3106 карат, это где-то 621 грамм, его стоимость равна стоимости 94 тонн золота!.. А?.. О чем это говорит? Только о человеческой глупости и подлости! Почему кусок минерала должен быть равен 94 тоннам металла?.. А чему равны 94 тонны золота, что на них можно купить — ты можешь себе представить? Что это — мир совсем сошёл с ума?»

Чтобы не раздражать его, я не упомянул в том разговоре, что на «Сотбис» скульптурка Джакометти была продана за 104 миллиона долларов, а то бы он окончательно вспылал и ударился бы в подсчёт эшелонов с

8. 27 сентября 2009 г.

хлебами, грузовиков с колбасой и цистерн с пивом. Зато я вспомнил, как папа повёл меня ребенком на собрание акционеров «BMW», где в президиуме сидела госпожа Клаттен, хозяйка трети концерна, и её бриллианты сверкали так бурно, что людям в зале пришлось надевать темные очки, чтобы не ослепнуть. А после собрания, на улице, когда вдруг полил дождь, норковые и песцовые шубы дам намокли, и дамы стали похожи на облезлых несчастных крыс, о чём я папе и сказал, на что он усмехнулся: «Ничего, высохнут...»

...Незаметно прошло много времени, несколько часов. Мне было интересно писать. Правильно говорят: писатель — это чайник, в котором кипятятся впечатления, добавляется крепкая особая заварка личности — и чай готов!.. И чем заварка крепче, тем чай лучше. Помнится, Вы говорили на занятиях по лексике, что витать в эмпириях, реять в облаках, заглядывать на седьмое небо, нацеплять розовые очки могут себе позволить поэты, словесные акробаты, а прозаики, как жуки, должны рыть землю, буриться сквозь трупный гной и гнойный труп, потому что каждому своё, *jedem das Seine*: прозаики строят вечность, а поэты гоняются за мигами, вспышками секунд, из которых, впрочем, вечность и состоит. Но как приятно быть дрессировщиком слов и не бояться входить в клетку с фонемами! А этому учит чтение. Кто не читает, тот не мыслит, а кто не мыслит, тот не пишет. И когда я начал учить китайский, я понял, какой я счастливый, что у меня есть буквы, а не эти пугающе острые, чуждые, мрачные, хищные, скрытные иероглифы, на которые было так страшно смотреть, что я перестал ходить на лекции доктора Ли с третьей попытки...

Я иногда отрывался от дневника, чтобы осмотреть стены, пол, доски, прислушаться к коридору, но там было тихо, только иногда долетали слоги, какие-то движения, скрежет ключа в замках, звон решётки, отделявшей подвал от лестницы... Потом мысли уходили обратно в дневник, прорастали в него. Да, правы те, кто говорит, что с

прозой никогда не скучно, ничего не страшно и жить всегда весело — она всё время с тобой, невидимая работа идёт: всплывают червячные ходы и змеиные переходы, вспыхивают детальки, гомонят слова, можно с головой зарыться в корни или поспорить с глаголами, поворошить податливые суффиксы, поиграть с приставками, подёргать за хвост окончания...

А сколько свободы в русском языке!.. У нас, немцев, на всё регламент, у французов — на всё запрет, англичанин только шипит и морщится, а русский человек великодушен, и язык его ничего не боится, потому что его язык широк, глубок, высок, снисходителен, по-женски податлив для носителя, но по-мужски неприступен для чужака... И в этой свободе — суть величия души бескрайнего народа!

Пару раз заглядывал добрый Саня, справлялся, как дела, сменил воду в ведре — выпустил старую в другое ведро и принёс свежую, хотя и предупредил, что в Москве воду из-под крана ни в коем случае пить нельзя — отравись.

— Знаю. 46 кило на персону... А зачем тут ведро?

— Не знаю. Для мусульман...

Я не успел удивиться — что за геноцид? — как он позвал меня:

— Тебе надо по делу?.. Пошли, сведу в наше офицерское очко, — и проводил меня до туалета, который был с бумагой и горячей водой, так что удалось почистить зубы и немного привести себя в порядок.

Я уже доканчивал описывать ужин у ветеранов, как дверь открылась и Саня немного виновато сказал:

— Фредя, тут человечек допроса ждёт. Пусть у тебя посидит, не возражаешь?

Опять червочки! Но что сделать? Он завел в камеру морщинистого человека, у которого вид был испуган, а одежда не нова, сера, пыльна:

— Вот, тихий бомж...

Человек досадливо сгорбился:

— А вот без этого нельзя?.. Зачем сразу оскорблять, клички давать?.. Какой я бомж? У меня и квартира есть, и дети!..

Саня не стал спорить:

— За бродяжничество взяли. А бомж, бич — какая разница?

Слово «бомж» я помнил из наших практических занятий «Угадай профессию» — это по-немецки «Реппег»... А что — «бич»? От «бить»?.. А, драчунок! Дерётся!

— А вы... кого бьёте? Соседей? Бич?

Человек невесело ковырялся в руках:

— Бич — это бывший интеллигентный человек. Глупость, конечно, — бывших не бывает...

О, это интересно! «Интеллигент»!.. Именно об этом слове Вы спорили с лектором Барыгиным и не нашли ему адекватов в европейских языках.

— Как понять — интеллигент? Я немного русский... Бабушка...

Бич мягко спросил:

— Вы не из Риги? — назвал себя: — Василий Маркович, учитель биологии на пенсии... — и начал объяснять, что такого понятия нигде нет, кроме России, и здесь тоже скоро не будет.

— Но что это? У нас есть Intellektuelle, hohe Stirne, интеллектуальцы, высокие лобы... умняги... любовики... Есть Intelligenz... ну, это когда много знаешь... бакалавр, магистр... А в русском «интеллигент» — что? Успешный? — (Вдруг пришло слово из жлобского словарика.)

Василий Маркович замахал руками:

— Какое там «успешный»! Скорее наоборот! Как бы вам сказать?.. Тут многое вместе... Человек же должен в жизни не только на канализацию работать, верно?

— Наверно.

— А кто там работает-поработал? Вы?

Я угостил его пивом, и он, оживившись, стал говорить:

— Интеллигент — это тот, кто презирает удобства, может жить малым, не делать из еды культа, много знает, заботится о других... Всех понимает, всем хочет помочь, всех мирит, уважает книжные знания, сам книгочей...

— Чей? Книг?

Хоть и был ряд непонятных слов, но главное ясно — это хороший человек. Добрый человек. Не агрессивный.

Василий Маркович вернул мне пустую жестянку, и я, пряча её в мешок с мусором, не удержался, чтобы не спросить, как такой хороший человек, как он, попал в такое плохое место, как это?

Оказалось, он «не там» собирал пустые бутылки.

— Попрошачил? Не там — это как? А где — там? — я запутался в наречиях.

Выяснилось, не там собирал, где ему разрешено, там другие собирают.

— А что, ареалы?.. Revier?¹

Он утвердительно качнул головой:

— Да, всё поделено — где кто собирает, нищенствует, таксует... Я как-то стал игнорировать это, и милиция меня пару раз предупредила. А я не понял. Вот теперь тут сижу... — (А, не понял!.. Это они не любят! Они любят, чтобы «понял»! Это я хорошо понял.) — За хулиганство хотят пустить... А какое ж это хулиганство — бутылки из урн собирать?.. Нет, говорят, расхищение народного имущества, посягательство... Да не от хорошей же жизни ж...

И он рассказал, что пенсии ему хватает только за свет-воду заплатить — «чтоб этим чубайсам пусто было!» — а за газ уже не тянет:

— Сын у меня погиб от инфаркта, дочь далеко, да и у самой не густо... Лечь и помирать?

— А как вы их?.. Бутылки? Их же трудно... тащить... таскать...

— В коляску детскую собираю, на улице нашёл... Мне стыдно было вначале. Сижу на скамейке и встать себя

¹ Ареал, участок, место обитания (нем.).

8. 27 сентября 2009 г.

заставить не могу – стыд берёт... А потом ничего, привык... Главное – из урны быстро вытащить. А потом сунул в коляску – и иди себе, кто знает, что там под одеждой... А что будешь делать?

Я полностью его понимал – сам вчера сидел на улице у закрытого ларька и не знал, что делать, как встать и куда идти. И еще подумал: если хочешь понять людей, надо, чтобы и с тобой приключилось какое-нибудь горезлосчастие. И чем сильнее – тем лучше! Недаром один писатель год сидел, как нищий, на Мариенплац в Мюнхене, а потом роман написал, «Снизу», «Von unten».

Заглянувшего Саню я попросил еще раз сходить в ларёк: пришла пора второго завтрака. Он не возражал, уточнил, что брать, и быстро вернулся с покупками.

Мы с Василием Марковичем разделили пополам порцию чего-то, что называлась «шаурма», запили пивом, причем он признался, что сейчас все ругают интеллигенцию: она-де Россию до революций довела, а сама – в кусты, что она многомудрствовать любит, умничать, всё усложнять, во всём сомневаться, всё начинать словами «не всё так просто», что они беспомощные бездельники, и щепетильны не по делу, и кичливы, и вся их скромность – от бедности, а дай им палец – руку откусят тихой сапой...

(Я половины слов не понимал, но было ясно, что сейчас этим хорошим людям грозит кирдум. И что это – тихая сапа?.. Зверулька? Где живёт, чем кормится? В норе сопит, лежит, спит?)

Он осторожно отряхнул крошки, закончил:

– Может, что и так. А мне жаль, что больше не будет таких людей. Кто будет людей жалеть, учить?

А я вдруг увидел слезу в его глазу, что всполошило, и я поспешил увести разговор в другое поле зрения – спросил, чем Василий Маркович занимался до пенсии. Оказывается, он всегда хотел быть биологом – еще его отец, ветеринар, говорил, что звери куда нравственнее людей: не курят, не пьют алкоголь, не играют в азартные игры,

не прелюбодействуют день и ночь, умеренны в питье и еде (тучный зверь — добыча для хищника), не лгут, не кривят душой, а убивают только из необходимости... — на что я ответил, что это вина бога, а не зверей, что им приходится убивать:

— Не мог, что ли бы, другую систему бы... инсталлировать?

Он согласился и от себя добавил, что мир хищника жесток, но без злого умысла:

— Злые умыслы — только у людей. Где мысли — там и умыслы. Как только в хомо сапиенс превратились — тут же начали убивать друг друга в массовом порядке. Где такое видано, чтобы стадо жирафов шло войной на стадо бегемотов?..

— Нет, нигде видано такое.

Отслужив на флоте, он поступил на факультет океанологии, но из-за травмы спины на практике пошёл в учителя и всю жизнь преподавал в школе биологию. А кличку имел Океанчик, потому что всегда интересовался океаном и считал (и считает), что деньги надо вкладывать не в бессмысленный пустой космос, а в Мировой океан:

— Для чего этот космос? Кто надо — сами прилетят, нас не спросят. Тем более что на близких планетах ничего нет, а в океане есть всё, что человеку нужно, еще на тысячи лет вперед...

Оказалось, что уже свою дипломную работу он писал о ресурсах дна, и я, открыв рот, представлял себе, как в черных глубинах океана постоянно идет мелкий пушистый «морской снег» — остатки существ, погибших в верхних слоях, и это снег идет вечно и постоянно и дает пищу всем обитателям дна, что в Мировом океане — 30 000 вершин из застывшей лавы, некоторые из них, если считать с основания, куда выше Эвереста; что по дну, в полной тьме, ползают рыбы-троглобиты и белые слепые крабы, что все жители дна — без пигментации и без глаз, исчезнувших по ненужности, как и у червей-

нематод, у которых нет зрения, зато 6 губ и 4 носа — эти черви живут в дне океана и питаются бактериями из воды, которой 12 тысяч лет; а вот чем питаются эти бактерии — он уже не знал и думал, что ничем — лежат просто в анабиозе... ожила же плесень на китайском войске, выкопанном из земли... две с половиной тысячи лет спала — и пожалуйста!.. А я вспомнил рассказ Павла Ивановича об атлантах, которые тоже лежат где-то в Антарктиде в воздушных мешках... Ну где ещё такое услышишь?

Я сказал ему про губительную божью систему на земле — он был со мной согласен и добавил, что беда травоядных в том, что они целый день вынуждены проводить с опущенной головой, обнюхивая, щипля и жуя траву, отчего не чувствуют хищников, и выживают как виды только потому, что их много — бог позаботился о пище для хищников, но смерть многих рогатых для него ничего не значит; хищников мало, примерно один к десяти, если не к ста, и выживают они не числом, как травоядные, а умением, ловкостью, сноровкой — едят редко, но метко, а в остальное время наслаждаются жизнью в её чистом виде, отдыхая на солнышке или в тени, кому как нравится...

Василий Маркович разошёлся, рисовал картины, как происходит оборот мяса в природе: гну и газели, ориентируясь по небу, на громы и молнии, идут за дождями и за новой травой, а за ними бредут львы, леопарды, гепарды, за теми — гиены, шакалы, лисы, а за всем этим летят стервятники, ползут жуки, черви, насекомые, которые и уничтожают самые мелкие остатки, чтобы самим стать добычей птиц и мышей:

— Вот такой круговорот пищи в природе. Пожил немного — дай себя съесть другим!.. А рыб плотоядных — полно! Вот сома возьмите... — жарко сказал он (я даже оглянулся: «Где взять?»). — В Индии живёт сом-богарий, до трёх метров, усы вот в мою руку толщиной... Питается несгоревшими кусками трупов, которые индусы

пускают по рекам на кострах-плотах, причем такая шельма – научился выслеживать и переворачивать плоты, когда костер еще только начинает разгораться, чтобы ему мяса больше досталось...

От умного трупоядца-сома разговор перешёл к эволюции вообще, и Океанчик, возбуждаясь, сказал, что, если по Дарвину, то человек прошел эволюционно все стадии – от хордовых до homo sapiensa, а если по Библии, то бог создал человека по образу и подобию своему. Значит ли это, что бог тоже проходил все стадии эволюции? И кто прав?.. У Дарвина, кстати, есть доказательства его теории, а у бога – нет.

На это я спросил, верит ли он, что, согласно Дарвину, азиаты произошли от орангутангов, негры – от горилл, белые – от шимпанзе, а австралийцы – от гиббонов? (Помнится, Вы – в шутку или всерьез – советовали нам заняться сравнением языка шимпанзе и латыни: компьютерным лингвистам, как и филологам вообще, деньги в этой жизни не светят, так не всё ли равно, чем заниматься и что с чем сравнивать?..)

Он сказал, что не понимает одного: почему, если люди произошли из Африки, они сейчас белые, а негры – чёрные? На это я ответил ему загадкой дедушки Людвиг: а могут ли негры краснеть от стыда, бледнеть от страха, загорать?

Потом мы обсуждали, что было раньше – желание птиц летать или появление крыльев? И как это понять: вдруг какие-то животные на земле по неизвестным причинам начинали периодически махать лапами, желая взлететь, да так здорово махали целые тысячелетия, что лапы стали атрофироваться, усыхать, превращаться в крылья, а шкура – в перья? Или что раньше: желание копытных бегать – или появление на ногах нароста в виде копыта? И кто вытянул шею жирафам, а слонам – носы? Кто натянул в ежей и дикобразов иголок? Кто внедрил в летучих мышей и дельфинов локацию? Кто отнял лапы у змей? Кто приделал носорогу рог вместо

головой на морду? Кто умудрился снабдить кенгуру удобными сумками, а львов – гривой?..

Увели его так же внезапно, как привели:

– На выход! Давай по-быстрому, а то следак торопится! С вещами! – Хотя вещей у него не было – только чёрная мятая большая пустая сумка на боку, которую я не заметил вначале (или он прятал её, стесняясь).

Мы попрощались, я пожелал ему удачи (как все тут друг другу желают), думая про себя, почему мне встречаются одни таксисты и пенсионеры. Хотя понятно – молодые работают, а потом идут домой по широким улицам Москвы или едут на поездах метро, а я по улицам не хожу и в метро не сижу... Но где ещё такие интересные люди, как Василий Океанчик?.. На улице видишь, как он бутылки из урны тащит, думаешь – нищак несчастный, а он, оказывается, о ресурсах Мирового океана размышляет, о сомах-трупоедах диссертации пишет!

Вспомнился нищина, который стоял целыми днями на коленях, не поднимая головы, на мосту через Изар, – если ему бросали монету, он, не поднимая глаз, что-то бормотал и замолкал, как кукла. О чем он думал, стоя целыми днями на коленях и видя проходящие ноги людей?.. Чем спасался?.. Проклинал ли он людей и жизнь, или, наоборот, был в транс?.. Мог бы я так стоять? Или лучше сразу в реку? А вода холодна, глубока, там сомы, слепые крабы... А как они ослепли – сперва спустились на дно жить и там ослепли, или сперва ослепли, а потом пошли на дно? В любом случае Фреде лучше на земле, чем в воде...

Я вернулся к дневнику и начал описывать вечер у ветеранов, но в голове слонялись разношерстные мысли. Хоть я и рос в католической Баварии, но я не могу верить в разумного бога – как может быть разумным существо, которое в основу жизни одних своих созданий ставит смерть других?.. Строит такую систему, при которой ежедневное утоление животного голода одних должно быть причиной смерти и мучений других?.. Жрать, чтобы

жить, жить, чтобы жрать?.. Зачем делить мир на жертв и палачей?.. Или сделай львами всех, или никого!.. Если всё — в силах кого-то в небе, то этим «всем» можно было бы распорядиться куда разумнее! И кому нужны разные религии, которые унесли миллионы жизней?.. Кому нужно было делить языки, чтоб люди перестали понимать друг друга?.. Только нам, компьютерным лингвистам, а больше никому!.. Видя зверства людей, невольно думаешь: если человек создан по образу и подобию бога, то либо лик бога безобразен, либо творение вышло из-под контроля, вывернулось наизнанку, и тогда бог — неумеха и недоучка. И если бог создал Адама, то остальных кто?.. Тоже бог или уже Адам?..

В камеру заглянул Саня:

— Еще один тихарик, пусть посидит тут... — и впустил молодого парня.

Это был насморочный худяга с красными глазами. Он меня не замечал, смотрел побито на Саню, бубнил:

— Командир, я в ломке, плохо мне, дай мне одну пачку из того, что вы заграбастали... Прошу! — но Саня отвечал, что ничего нет, все вещдоки ушли к следователю.

Тип дрожал, просил:

— Ну, прошу, умоляю... Хоть пенталгин... Баралгин... Хоть что... Есть же в ларьках?

— Ну, есть.

— Купи, прошу, я подохну тут, тебе это надо? Что он там сто́ит? Я отдам... Вот сейчас мамка придёт, она даст...

Я, услышав «подохну», обеспокоенно спросил:

— Саня, что такое просит эдакий человек?

— Да лекарство, больной он.

Тип, как будто только что увидев меня, дернулся в мою сторону, стал объяснять руками:

— Тут, за углом — аптечный ларёк. Официально, без рецепта... Чего ты, командир, не человек? 350 рублей всего...

Я полез в карман... Вот 500-рублёвочная...

— Саня, на, купи... Всё равно скоро ужин, надо в ларёк идти... Сколько времени? — Я вдруг вспомнил, зачем вообще тут сижу. Полковником было сказано — до вечера или до утра. Уже, кажется, вечер.

— Полковник не звал?

— Нет. К пяти идёт... Ладно. Чего тебе брать? — спросил он у типа.

Тот радостно вскинулся:

— Да чего у них есть... будет... С этим самым, ну, ты сам понимаешь... Нурофен или пиралгин... — Он скользнул по мне воспалённым взглядом. — Чтоб не ломало... Или терпинкод бери... Или брынцаловку, но это на самый крайняк...

Саня спросил у меня:

— Вам брать что? — взял деньги и закрыл нас на ключ.

Тип протянул мне холодную и мокрую ладонь:

— Спасибо, браток. Не забуду! — Почувствовав, что мне это неприятно, он отнял руку, обтёр её о джинсы: — Извини, в ломке. — И лёг на доски. — Трусит меня, как собаку, трусит...

Трус? Боится?

— Как?

— Дрожь бьёт.

— А почему?

— А потому, что я полный дегенерат и лузер!

Это было понятно — я сам полный идиот... «Лузер» тоже ясно... Как его зовут?

— Дима, а так Винтом кличут. А ты кто?.. Фредя?.. Из Прибалтики?

— Да, оттуда. — Я не стал уточнять, заметив, что кожа у него на руках то ли облезает, то ли покрыта розовой сыпью, и на ладонях, на шее — какие-то темные ранки. Этого не хватало!

Тут до меня дошло — это же джанки! Колольщик! Осторожно с ним, мало ли что... Недобро думая о пол-

ковнике (за 50 тысяч мог бы и спокойнее посадить, в одиночку!), я испугался, что джанки будет трогать меня или мои вещи, но тот лежал на досках и что-то говорил, чего я разобрать не мог:

— На ширеве сижу плотно... Никак заход не скину... В день по пять раз двигаться надо... Ширево поганое!.. Его варить, сушить — целое дело... уже от одного запаха наизнанку выворачивает... Трубы накрылись, хотел в шею двигать — куда там... Но кайф бычий... хылкачу сильно...

Я не понимал его и не знал, что отвечать, только жалел, что полковник не дал мне электронного Ожегова (сказав, что твёрдые предметы в камере запрещены).

Когда появился сержант, Винт подскочил к нему и, выхватив пачки, быстро с треском выщелкал из двух таблетки и кинулся к ведру. Хорошо, что у меня были пластиковые стаканчики, я подал ему один и не успел открыть бутылку с водой, как он зачерпнул из ведра и стал кидать в рот таблетки, по две, по три, запивая их малыми глотками и дёргая головой, как курица. Саня — с неудовольствием, я — с интересом следили за ним... Вот живой джанки... Что хуже — Стоян с игрой или этот с иглой?.. Оба хуже... Саня покачал головой, сказав сам себе:

— Так себя убивать... Чего ради? Вот отправят его в психушку, пусть обследуют, — и вышел (а я приуныл — психов не хватало!).

Скоро Винт, успокоившись и сев с ногами на доски (я сидел у стола с ведром), начал почёсываться и поминутно спрашивать, нет ли сигарет и не хочу ли я тоже вмазать пиралгинчику, на что я ответил, что ничего мазать не хочу и как он себя чувствует?

— Да получше как будто... И всё бы ништяк, но такая непруха вдруг попёрла, что атас, — а когда я попросил его говорить понятнее, я этих слов не знаю, он, с сожалением скользнув по мне взглядом, рассказал, что его, как фраера лохатого, повязали на вокзале у камер хра-

8. 27 сентября 2009 г.

нения, куда он, как обычно, пришел забрать чемодан с драпом (ему на поезде привозил проводник, откуда — не важно, и оставлял в камере хранения). — Пришел забирать, а номер забыл!

«А надо не “забирать”, а “забрать”, тогда и забрал бы! При заборе!» — подумалось мне, но я промолчал — он сам муттершпрахлер, лучше знает.

— Вот стою у камеры и не могу вспомнить этот номер проклятый! Прикинь! Стою как идиот и не могу вспомнить! Забыл!

Опять неразбериха — «забыл» или «не мог вспомнить»? На мой вопрос, разве это не одно и то же, Винт удивленно остановился:

— Нет, не одно и то же... Ну, короче, забыл — и всё тут! Стою, как пень, и не помню, в конце 45 было или 54... Первые три помню — 123, а дальше — никак! И так и сяк — ни в какую! Ну, и прорвало меня! Начал руками дверцу отдирать — куда там, железо! А меня как дурняк прихватил, типа истерики — молочу по железу руками и ногами и не могу остановиться!.. — Он привстал и начал руками показывать, как он молотил. — Не в адекват был, реально!.. Тут как тут легавые подскочили, работники ножа и кулака... Замели, как фраера сохатого! Ячейку дежурный открыл — менты обомлели: такого улова не ожидали... Там только чистого кодеина граммов триста было... а еще герыч... Ну, меня сюда, вещдоки — к себе... Сейчас на допрос поволокут... Спасибо тебе, помог с колёсами, а то...

— Это сержант Саня хороший...

Винт промолчал, улёгся, завозился.

Да, бывают случаи — чтобы поддержать разговор, я вспомнил, что по ТВ показывали, как два панка решили ограбить Музей аптеки в Хайдельберге, где первыми лечебными экспонатами лежали два здоровенных бруска, кило по четыре — опиума и гашиша, я сам видел (мы со школой ездили на трехдневную экскурсию, собор смотреть); на опиуме штамп «East India Company, 1816», на

гашише — «Radshastan, 1821». Панки спрятались в музее, а ночью вытащили бруски, как-то открыли дверь и убежали. Их скоро нашли, очень разочарованных — оказалось, что они украли муляжи (а настоящие опиум и гашиш были использованы по назначению ещё во время войны).

— Вот у них облом был! — зло восхитился Винт. — Прикинь, ждешь четыре кияги опиухи — а тебе пластик суют!

Помолчали. Я спросил:

— А давно это делаешь?

Винт, лежа на спине, нога на ногу, дрыгнул грязной кедой:

— С детства. Да и детство было — пшик: чердак, подвал, подъезд, вокзал... Сейчас вот гепатит, нос сломан, ножевое в живот перенёс... Такая жизнь злоебучая...

Я поддержал его:

— Да, дикие люди-людоебы... И что куда теперь сейчас?

— Со мной? Да лет восемь дадут как пить дать...

— Дать воду? — Я потянулся за стаканчиком, но он махнул рукой:

— Нет, спасибо... Много воды нельзя... У меня уже третья ходка, рецидив... До восьми, легко, как два пальца обоссать...

Я подумал — что за странная идиома? Разве это легко сделать? Обязательно и на третий-четвертый палец капли попадут, но не стал спорить, уточнил:

— Рецидив — наркотик?

— Да. Одна ходка еще с грабежом — барыгу по ходу дела обобрали... А чего — смотреть на него, когда он такие цены заламывает?.. За коробок мацанки — штуку баксов! Это где видано? Правда, мацанка — бомба. Но и штуки по улицам не разбросаны... А тебя за что? На ширакета не похож...

— Чего?

— За что тебя повязали?

Я не знал, как уйти от этого вопроса:

— Совсем нет. Неприятное злосчастье такое... с визой...

Винт понял:

— А, ерунда. Значит, выпустят скоро... А мне греметь на всю катушку.

Я решил осторожно спросить:

— А штраф... нельзя заплатить?...

— Бабки ментам дать?.. Как нельзя?.. Да где бабки то?.. Я всё проширял, на полном голяке. Думал, с этого чемодана разживусь, раскручусь... Какое там!.. Вот, чужие люди заходом греют... Спасибо тебе, братан, хоть на допросе язык шевелиться будет!

— Ничего, хорошо... Я понимаю... Я сам... Язык шевелится... Себя шевелит.

Он повернулся, почесался, допил из стаканчика:

— Этот винт ебучий постоянно колоть надо... Это не герыч: раз сделал — и полдня тихо торчишь... Это ширево в приходе переёбывает, а потом через полчаса отпускает... И всё по новой. Уже сил нет. Про жизнь забыл, живую манду год не видел, а чего на неё смотреть? Под кайфом — не можешь, без кайфа — не хочешь... От винта чувырло, как чайник, распухло! Вен нет, поверишь? Дырки гноятся!

И он закатал рукава, показывая на сгибах рук что-то чёрное, ужасное. Я поспешил отвести глаза и согласиться, чтобы он не начал доказывать:

— Поверю, да... вижу... яблон ебатый...

Он ещё что-то говорил на своём тайном языке, из которого я мало что понимал, а переспрашивать не хотел. Только вписал в дневник, на полях, два слова: «драп» и «ширакет», надо будет потом уточнить.

В окошке под потолком потемнело.

Джанки затих, задремал, неестественно согнувшись на досках.

Я продолжал украдкой писать, думая о том, что и фон Штаден вот так собирал свои истории, а потом издал книгой, которая имела успех. Больше того: он полу-

чил известность как дипломат, стал ездить с параноиком-пфальцграфом по королевским дворам в поисках денег для захвата Московии, был у масонов, у императора Рудольфа II и даже у самого Стефана Батория, который денег не дал, покрутил пальцем у виска и сказал, что да, Московию время от времени следует разорять и грабить, но захватывать её — гиблое и бесполезное дело, себе дороже станет, куда она денется, на Луну же не улетит?

Часов в восемь Винта увели (уходя, он ещё раз поблагодарил меня за помощь).

Я остался один. Что происходит там, наверху? Но когда попросил Саню узнать у полковника, как дела, он сказал, что этого делать не следует, а полковник ничего не забывает:

— Да оставь ты их! Они лучше знают!

— Как это — лучше! Что, тут ночевать?.. — начал было я, но оборвал себя острой мыслью, что я уже и одной ночи не желаю остаться, а ведь еще утром пятнадцатилетняя тюрьма грозила!.. Вот наглое существо человек!.. И если он создан по божьему подобию, то — мое соблезнование богу, *mein herzliches Beileid an den Herrn Schöpfer!*¹ А если папа деньги не отдаст?..

Саня пообещал:

— Я тебе матрас дам.

На остаток денег он принёс из ларька курицу гриль — ничего другого не было, но птица была вкусная. И я подумал, что не всему надо верить, что говорят. Может, около Виталика кури гриль и были плохие, а тут хорошие...

Мы съели половину, остальное я спрятал к пирожку и половинке чакрапури (раньше бы выкинул остатки, а сейчас — уже нет, знаю им цену). Больше писать я уже не мог — рука устала.

Я прилёг на доски (подальше от того места, где недавно лежал джанки). В голове крутилось всякое, но выходило одно: бог создал человека по образу и подобию

¹ Мои сердечные соблезнования Создателю! (нем.)

своему, но очень скоро выяснилось, что это создание надо поправлять и наставлять, для чего на землю был послан сын божий. Из этого ясно и логично, что бог — любитель, а не профи: созданное профессионалом в перделке не нуждается! Да и вообще — тот, кто действительно создал Вселенную, никому не известен. А тот, кто известен, создан людским воображением. Так кому же молиться? Фантому? Фантазии? Фазтону? Аммону? Мамоне?.. Наверное, все-таки не бог, а Адам создал людей...

Может, и прав Хорстович, когда говорил, что народы понимают только кнут и силу?.. Или это полковник говорил?.. Не помню. Народы тихи и миролюбивы, пока их не тронут и не начнут убивать, тогда и бабочка будет защищаться... Народ — это те, которых много, которые траву жуют, а волки и львы — это те, которые высматривают и нападают. 1 к 10 или 100... Сто человек одного хищнягу кормят... Это как с германскими кайзерами — я как-то спросил папу Клеменса, где был двор германских императоров: «Ну, французские короли сидели в Версале, англичане — в Бакингомском дворце, русские — в Кремле. Наш баварский Людвиг — в своем дворце в Мюнхене, сейчас там экскурсии водят... А где немецкие кайзеры сидели?»

Папа ответил: «Везде!» — «Как это? — не понял я. И папа объяснил: кайзеры были неглупые ребята и поступали хитро — чем самим двор и дворец содержать, лучше постоянно по княжествам ездить, «гостить» всем двором. Так и делали: вот является император «в гости» в какое-нибудь княжество, где бедный князь кормит, поит и развлекает его и его двор столько, сколько хватает еды и питья; и уезжает этот кайзер, только когда всё возможное в княжестве съедено, выпито и перещупано — тогда он соизволяет отправляться «гостить» к другому вассалу, чтобы и там не оставить после себя ни корки, ни бутылки, ни девственницы... Когда зима — ехали на юг, греться, когда лето — на север, в тени отдыхать, воздухом морским дышать...

Вдруг случилось странное – Саня открыл дверь и нерешительно спросил:

– Фредя, того... Можно у тебя тут одна женщина посидит? Пустых камер нету, одни мужики. К ним опасно. А ты же её не обидишь? Она тихая, больная...

Я привстал на досках – женщина типа Земфиры?

– Проституцион?

– Нет, нормальная женщина... Пожилая... – и, не дожидаясь ответа, пропустил кого-то вперед: – Проходите, садитесь, мамаша.

В камеру боком вошла немолодая полная женщина с раздувшимся пластиковым полосатым пакетом (который у нас в Германии называют «Türkische Tüte»¹). И остановилась, сказав мне мимоходом, не поднимая глаз:

– Здравствуйте!

И так и стояла с пакетом, пока Саня не взял его из рук и не поставил у стены:

– Садитесь! Через полчаса воронок в тюрьму будет – отправим. А пока вот... Студент, иностранец... Русский учит, на курсах...

– А, иностранец!.. – то ли обрадовалась, то ли удивилась она. – Лады, посижу.

– Если в туалет – стучите, – напоследок напомнил Саня.

Женщина не ответила, только вздохнула. Я спустил ноги на пол, надел тапочки:

– Доброго вечера! Я – Фредя, немец. Курсист.

– Меня Раисой зовут...

– Раиса... какая?..

– Как это – какая? Обычная.

– Нет, имя папы? У каждого русского есть имя и отчество...

– Ивановна. Но без этого тоже можно! А вы кто по отчеству?

– Я – Клеменсович.

¹ Турецкая сумка/пакет (нем.).

— Ясно.

Лицо у неё было бледное, усталое, одежда — старомодная. Полные ноги, на икрах — черные вены, видимые даже через плотные чулки. Крупные руки. Покорность и усталость в глазах, седина в волосах.

Не зная, что сказать, я решил предложить ей поесть:

— Раиса Ивановна, вы пирожок?.. И другое, с сыром...

И полкурицыной... гриль, хорошая...

Она покачала головой:

— Спасибо, на пересылке кормили... Да и аппетита нет. На душе муторно.

Это я понял — утром меня тоже мутило. Но «пересылка»? Что это? «Посылка» — знаю, с почты посылают. «Ссылка» — слышал, в сарае кто-то сидел... А «пересылка»? Я не постеснялся спросить. Женщина со вздохом ответила:

— Да уж, на курсах такие слова не учат. Вам и знать не надо. Это когда арестованных куда-то везут, пункт, где их пересаживают, где им ждать воронка или «столыпина»...

Мне стало интересно, за что она здесь, и я, зная, что этого делать нельзя, всё-таки жадно спросил:

— А вас... куда введут?.. Извините вопроса, просто...

Вы такая... интеллигенция... За что?

Она только вяло махнула рукой, не ответила (я заметил на пальцах светлые полосы от колец), попросила пить:

— Есть не хочу, а вот воды попила бы...

— О, конечно...

Я налил воду из пластиковой бутылочки в новый стаканчик. Отставив мизинец, она выпила и отдала мне стаканчик:

— Спасибо!

Я выбросил его в пакет, куда собирались жестянки, бумажки и всякие пластмасски, а она, удобнее сев на доски, смущенно вытянула ноги, сказав:

— Можно я так сяду, извините, устала, целый день скрючившись, — а я, видя, как она тянется к туфлям,

чтобы снять их, и не достает, решил помочь ей, отчего она покраснела, сказав:

— Ой, спасибо, не надо, что вы... Опухли ноги...

Как я её понимал! И у меня опухли. Только у меня — от водки, а у неё — от пересылки:

— Я маме всегда туфли снял, когда усталъ была...

— Дай вам бог здоровья!

— И вам такого же!

Мы разговорились. Она всю жизнь проработала в доме для престарелых в Подмоскowie — сначала санитаркой, потом медсестрой, окончила что-то вечернее, стала в конце концов директорша; раньше, при коммунистах, хоть и были трудности, но как-то всё шло — со скрипом, с нажимом, но шло, а как перестройка грохнула и хаос возник, старики оказались крайними и лишними — кому они, нищие и бездомные, нужны? Она пишет в министерство, что мест нет, всё забито, а склеровозка всё везет и везет новых... Через что она прошла в поисках средств — вспомнить страшно. А в итоге? Три месяца назад, в июне, в самую жару, в доме случился пожар, и трое лежащих задохнулись, а еще десять ходячих получили ожоги... и некоторые тоже умерли, позже. А что можно сделать, если они — упрямые и непослушные, постоянно в палатах плитки и кипятильники жгут и выключать забывают?.. Уже было два возгорания, но сумели потушить. А тут — нет. Виной всему была пара непоседливых стариков, которые тайком, ночью, на чердаке, собрались водку пить и тушенку на газетах грели, а огонь с чердака метнулся вниз:

— Много ли надо, при сквозняке-то?.. — (А я вдруг вспомнил сквозной ветер, что дул в пустом номере, когда я вылез из ванной: бумага шелестела и шевелилась на столе, осколки стекла дрожали в раме.) — Загорелись занавески, панели... Я в это время в городе на совещании была... как раз на эту тему говорили, что засуха, что осторожнее надо быть. И — на тебе! Как накликали!

– Что это – накликали? Компьютером? Klicken!¹

– Да какое там! Срок на мою голову!

После пожара её и вахтёра, который спал (да кто же знал, что этим баламутам в три часа ночи в голову взбредёт на чердаке водку жрать?), сразу арестовали, как будто это она виновата, что в доме престарелых всё тоже престарелое и ветхое, сохлое, убитое, а проводка еще со сталинских времён – не в стены вделана, а снаружи болтается, старики о неё уж и обжигались, и током их било из сломанных розеток.

– Но что я могу?.. Что, это я виновата, что у нас всё через пень-колоду? Ничего толком не ремонтируется, по телевизору только МЧС показывают каждый день, скоро Шойгу президентом выбирать будем... У нас же всё наоборот: что должно взлетать – падает, что должно падать – взлетает, что должно плыть – тонет, что должно тонуть – взрывается... Одна большая катастрофа! Да и народ испортился. При Советах совесть была, а сейчас вся вышла..

– Куда отошла?

Раиса махнула набрякшей рукой:

– А спросите – куда? В воздух! Народ распустился, расхлябан, разболтан, необязателен, забывчив, ленив, вечно надо что-то расхлебывать и починять... Эх, такими уж нас бог создал! Да и как с начальниками спорить? Загрызут!

Я её хорошо понимал – сам ничего сделать не могу, грызут. Джипачи, боссы, милиция, кони из бюро – сквозь них не пробьешься. Потому и люди здесь все такие смирные... нет, смиренные... или смирившиеся?.. Может, и смирятые... или смиритившиеся... Причастия не для билингвалов... Бабаня их никогда не употребляла, да и Вы, на семинаре по литературе, говорили, то ли в шутку, то ли всерьез, что Тургенев в своем завещании под страхом смерти велел не употреблять причастия, но просил беречь леса и природу.

¹ Щёлкать, в том числе и мышью компьютера (нем.).

Саня заглянул спросить, как дела:

— Если что надо — зовите, я около тумбочки, хороший футбол смотрю.

А Раиса, поблагодарив его, вернулась к теме и рассказала, что недавно по телевизору показывали: дети утонули на озере, а на том самом месте, где они утонули, щит стоит ржавый: «Купаться запрещено»!.. Никто ж не смотрит, не соблюдает! Лес сгорел — тут же обугленная доска болтается: «Береги лес от пожара»! Ага, поберегли... В панике на концерте людей передавило в проходе, где белым по чёрному написано: «Проход воспрещен»:

— Мы же народ анархичный, что написано — не читаем... А если читаем — не исполняем. Всё у нас на авралах да на пятилетках, а так, чтобы что-то по-человечески сделать — это нет... — Она возмущенно всплеснула руками. — Мы авралом сильны — давай-давай, вперед! А кропотливая работа — нет, это не про нас, пусть немец горбатится. А мы, когда прижмёт, шапками закидаем. Закидаем — а потом шапки соберем и по избам разбредёмся... А у вас, я слышала, с этим делом хорошо, дома для престарелых удобные, старики ухожены, живут припеваючи?

— Да, поют, припевают. У них хор бывает. Я был... Моя тётя там...

— А чего так, смотреть было некому?

— Нет, кому? Родители работают, я малый был. Она пенсию отдала... стала там жить-поживать, припевать... Там у них всё — и стрижка, и брижка, и музыка. И хорошие танцы... Не бритьем — так копаньем... Занятые все...

Раиса заинтересованно кивала:

— Вот, вот... Об этом я мечтала... А сколько пенсии было у бабушки?

— Тысячи две.

— Евро? Это сколько же по-нашему в рублях?

Мы посчитали — выходило восемьдесят тысяч рублей.

Она ахнула:

– Ничего себе! А вот у моей мамы – пенсия семь тысяч рублей... Сравнить можно?

– Не можно.

– Если бы мои старики в месяц по восемьдесят тысяч платили бы, то и тут можно было бы хоромы отгротать бы...

Опять «бы, бы, бы»... А ведь сослагательное наклонение, Konjunktiv, очень странно строится в русском: прошедшее время + бы. Почему прошедшее?.. Речь же идёт о будущем, о желаемом будущем?.. «Я бы поехал». Значит, я желаю ехать-поехать?.. Или уже квазипоехал?.. Такого нет в других языках, всюду специальные формы, а тут... Тут тоже тайна души. Или что-то очень глубокое, мудрое, или просто лень новые формы выдумывать: пусть будет прошедшее с недоразвитым «бы» – и хватит, чего там...

Пока я перемалывал эти ненужные, но очень важные для меня лингвомысли, женщина деликатно заглянула в свёрток и, взяв пирожок:

– Можно?.. – начала его тихо жевать.

– Конечно. Всё, что там... Мы уже... Зацени!

Да, у Раисы почти такая же история, как у меня. В чём моя вина, что наци притащили чурека ко мне в номер?.. В чём её вина, что склерозники полезли на чердак и сделали там раскардак?.. Но... Почему не было замка на чердаке?.. Был бы замок – не полезли бы. У нас в Германии всё запирается. А на своём чердаке дедушка Людвиг приделал два замка – и сверху, и снизу, так что открыть могли только два человека одновременно, сверху и снизу, что было хлопотно, и, когда его осторожно спросили, зачем он это сделал, он объяснить толком не мог, сказал только: «Sicher ist sicher»¹. Да, такие мы, немцы...

Женщина перевела взгляд с пирожка на меня (глаза были с остатками туши):

– Был, был замок на большом люке! Так они с другого, малого, люка полезли, куда наш дворник лазал до этого, что-то с проводкой было, чинил... И, видно, забыл

¹ Надёжно есть надёжно (нем.).

крышку запереть, а они, пролазы, и пронюхали... А арестовали меня и вахтёра, как будто мы невесть кто, как будто мы не могли дома суда ждать... А вы как попали сюда?

Я решил опять вспомнить о визе:

– У меня виза не отрегистрована... да... но скоро пустят...

– Дай-то бог. А мне – сидеть. До девяти лет, говорят... Хоть половину, да придётся – трупы есть... А это – плохо! Если труп – всё, труба!

– Трупы – очень плохо? – встревожился я, вспомнив об узбеке. Но «труба»?.. На что она намекает? А и Б сидели на трубе... Или Дахау?..

Раиса аккуратно оторвала край бумаги, вытерла губы (с остатками помады), подтвердила:

– Да, когда трупы в деле – пиши пропало...

– Что писать? Что пропало?

– Придётся сидеть. А семья как? Муж и так на двух работах еле тянет... А тут еще я...

Я вспомнил о спасительном штрафе:

– А штраф... нельзя?

Она шмыгнула носом и сказала что-то, мне очень не понравившееся:

– Штраф – это само собой...

«Как это – «само собой»? Это как понимать?» – не успел я встревожиться по-настоящему, как она еще больше стусила мои опасения:

– И штраф, и конфискация... Всё сделают – и еще срок дадут... Ах, сам чёрт ногу сломит!.. Я уж и не понимаю, что адвокаты говорят. То одно, то другое...

Со страхом думая о своём, я машинально отозвался:

– Да, адвокаты... Полковник тоже... юристы все...

– Какой это полковник? – метнула она взгляд. – Тут который главный? Архипенко?

Я взял себя в руки, приказал не болтать лишнего и стал отнекиваться:

– Ахрипенько не знаю... Нет, другой совсем... В чёрном костюме...

— Тот всегда в форме, брюхатый — не могу... И чего все эти милиционеры такие жирные, пузатые? — искренне спросила она. — Что, сидят много? Или жрут безбожно?

Я хотел сказать, что одно другому не мешает, поэтому и пузонистые, но ключ застучал в замке и появился Саня. Вид у него был сконфуженный.

— Это, того... Вас до утра в тюрьму увезти не могут — там свет потух и дверь не разъезжается, воронок выехать не может. Так что тут ночевать придётся, — сказал он женщине. — А тебе, Фредя... Или тут тоже ночевать, или к чеченам в камеру идти — там их двое, место есть...

Что такое? К чеченам? Зачем?

— Нет, нет, лучше я тут... на пару... на парах... — испугался я. — Что я, маньяк Фрицль, женщину потрогаю?

Раиса, услышав слово «чечены», тоже забеспокоилась, замахала руками:

— Да пусть он тут сидит, куда его туда, жалко, парень тихий, незлобивый, свои невзгоды у него... Он мне не мешает, места много, как-нибудь устроимся...

Это было как масло масляное! Саня объяснил:

— Да нет, это мирные чечены... у них свои заморочки бабловы... Рядом сидят, через стену. Ладно, понял. Как хотите. Я вам сейчас матрасы принесу.

Принёс. А когда выводил нас по очереди в туалет, то я увидел, как в соседнюю камеру посыльный с надписью «ПИЦЦА» на спине вносит внушительную стопку разных картонок, в другой руке у него — пакет с жестянками и банками.

Раиса Ивановна расстелила нам матрасы, себе — с правой стены, мне — у другой. Потом вытащила из своей сумы какие-то вещи, а одну — «вот жакет, вместо подушки» — плотно сложив, дала мне. А я, перед тем как лечь, накинул ей на ноги свою куртку.

— Спасибо, родной, — сквозь сон пробормотала она.

Засыпая на тёплом и мягком жакете, я слышал странные вскрики: «Карагудай лымко турит! Лымко!» — и ду-

мал о том, что несчастья других заставляют человека забыть — на время — о своих злосчастиях, и в этом — главный смысл диалога.

Ночью я проснулся от шорохов. Открыл глаза и увидел в сырой темноте, как какая-то фигура поднимается надо мной. Я замер... Тень миновала меня... Понял, вспомнил — женщина, Раиса, старики на чердаке... Хочет пить. Или писать... В любом случае надо молчать, не показывать, что слышу, стыдно...

С закрытыми глазами я слышал — и слушал — шуршания, копания, дыхания, потом тихая струйка зазвучала тонко и задиристо, как масло на горячей сковородке... Запах мочи... И щелчок унитаза, мурчание воды... И опять тихие шурши, шорохи, шелесты, хриплое дыхание... И большая тень на ощупь идёт к стене, где светлел матрас и заскрипели доски.

Под утро я проснулся от шорохов, но сейчас был шёпот, еле различимый... Да, слова, слоги... «спаси и помилуй мя, грешную»... Молитва?.. Мне стало жутко, но я решил повторять за ней, чтобы здешний бог лучше меня понял — может, он слышит только русские молитвы?.. Иже... Еси... Небеси... О ххоссподи!.. О Herr, gib mir die Freiheit!..¹

• ПОБЕГ •

В Московии свирепствовала чума. Когда я пришел на Опричный двор, все дела стояли без движения. Начальные бояре косо посмотрели на меня и спросили: «Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли и на твоём дворе?» — «Нет, слава богу!» — ответил я. Тогда уж они больше не спрашивали меня, что я здесь делаю, только предупредили, что если придет чума, то дом надо заколотить и сжечь вместе с людишками.

¹ О Господи, дай мне свободу!.. (нем.)

Здесь я убедился, что боярские холопы получили разрешение уходить от своих господ во время голода и мора. Тогда к своим прежним холопам я прибавил еще нескольких чужих. Памятуя слова великого князя: «Ты должен именоваться отныне Андрей Володимирович», я устраивал свою жизнь соответственно с этим.

У меня были дела с одним бюргером в Ашерслебене округа Гальберштадт – Гартманом Крукманом. Если бы он не обошелся со мною нечестно, то я смог бы приблизиться к соболиной казне и получил бы оттого такой барыш, что, вернувшись в христианскую землю, я мог бы вести дворянскую жизнь. Но тогда я рассуждал так: так как он, Крукман, остается за рубежом, то ты должен вернуться, подняться выше ты не можешь! Но из-за денег я должен был еще поучиться русскому праву.

Именно: приходит муж моей служанки Анны; ему и ей я доверял все мое имущество, отчего он получал, наверное, хорошие барыши. В расчете на то, что он сохранит то, что украл у меня, он подал челобитье, будто я хотел его заставить дать на себя кабалу, как это было тогда в обычае. Ибо никто не смел держать слуги без кабалы; никто этого и не делал. И каждый слуга должен был дать своему господину кабалу, иначе он не мог быть принятым. Одна кабала называлась полной, другая же писалась так: «Я, имя рек, объявляю, что я получил от такого-то деньги; росту будет дано с пяти – один». Если кто-нибудь держит слугу или служанку без кабалы, то они могут свободно обокрасть его и уйти прочь у него на глазах. Если же слуга или служанка дадут на себя кому-либо кабалу, то никто другой не может их принять. А если примет и господин уличит его в этом, то дело идет на суд. Если мой кабальный убежит и пожелает записаться в опричнину в стрельцы, то являюсь я и не даю на то своего согласия.

Слуга начал с того, что взял во дворе у одного стрельца в залог за пропитые, но не выплаченные им деньги кафтан. А стрелец этот убежал. Тогда схватили моего слугу и,

связанного, приволокли на суд. Слугу спросили — чей он? Тот отвечал: «Андрея Володимировича». Немедленно вызвали на суд и меня. И стрелецкий голова, обратившись к боярам, сказал: «На этом дворе убит стрелец. Великий князь не хочет терять своего: у стрельца было золота и денег на 60 рублей. Прикажите ему возвратить эти деньги». Решение было быстро произнесено, тем более что на суде был предъявлен и кафтан! Я должен был заплачивать. Остальные стрельцы радовались этому и немедля хотели взять меня на правож и бить меня палками по ногам. Но бояре сказали: «Не бейте! Оставьте его, пока он не принесет денег». Когда же я положил деньги на стол, стрелецкий голова заявил, что он ошибся, обвинив меня в такой незначительной сумме. «Я должен был искать целую тысячу», — сказал он.

После того мой слуга был отпущен и отдан мне. Бояре сказали: «Возьми своего слугу и делай с ним что хочешь». Так я, как только пришел к себе на двор, приказал подвесить его в кладовой за руки. Он же взмолился: «Государь! Отпусти меня! Я добуду тебе твои деньги». — «Ну хорошо!» — отвечал я. Тогда он взял рубаху и завернул в нее один из моих золоченых кубков. Затем пошел к одному человеку, торговавшему солодом: говорили, что моя служанка приносила к нему на хранение часть украденных у меня денег. Слуга, придя к нему в дом, попросил хозяйку взять на хранение его рубаху, а сам внимательно следил, куда она ее положит. Затем я схватил моего слугу и повел на суд и просил бояр дать мне целовальников, будто бы я хорошо знаю, где находились деньги, украденные у меня моим слугой.

Когда мы подошли к дому, где была рубаха с золоченым кубком, туда же привели и моего слугу, раздетого донага, и водили его по всем углам. Хозяйка быстро сообразила, в чем дело, кричала и плакала. Как только в присутствии целовальников слуга нашел рубаху, ее тотчас же опечатали, этим дело было уже выиграно. Хозяйку схватили и повели на Судный двор. Мне было

стыдно, что я поклепал напрасно эту женщину: в земщине она была моей ближайшей соседкой; ее первый муж был иконописец.

«Бояре! — сказал я. — Теперь уже поздно начинать дело». И бояре приказали держать эту женщину в тюрьме, чтобы поставить ее на суд, когда я предъявлю ей обвинение. Тогда судьей был Дмитрий Пивов. Он был расположен ко мне и охотно попускал тому, что я добываю обратно свои деньги: он хорошо знал, что стрелецкий голова оговорил меня напрасно и неправдой получил от меня деньги. Теперь в моей власти было также отобрать деньги от другого, но я этого не сделал и попросил Пивова отпустить эту женщину (что он и сделал за мелкую мзду), а ей наказал собрать 50 рублей и дать мне, что она вскоре и сделала.

Еще раньше, во время опричнины, торговый человек турецкого султана Чилибей должен был покинуть Москву немедленно. И великий князь приказал, чтобы все его должники заплатили ему свои долги. Тогда Алексей Басманов просил одолжить ему 50 рублей. Когда я выплачивал ему эти деньги, он принес с собой золотые цепи и хотел оставить их мне в залог. Но я от них отказался. Узнав об этом, сын его Федор — тот самый, с которым развратничал великий князь и в годы опричнины был первым воеводой против крымского царя, — обратился ко мне по-дружески: «В каком уезде твое поместье?» — «В Старицком, боярин», — ответил я. «Этот уезд, — ответил он, — отдан теперь мне; не бери с собой никакого продовольствия; ты будешь есть за моим столом, а твои слуги вместе с моими». Я поблагодарил его, а он продолжал: «Если ты не хочешь отпрапляться — я в том волен и, как ты сам знаешь, могу тебя хорошо защитить». Я радостно благодарил его и ушел в веселом настроении. Некоторые из наших насмеялись надо мной.

Когда этот боярин Федор Басманов вернулся домой, великий князь сосватал ему невесту; на свадьбу был приглашен и я. Великий князь на этой свадьбе был очень

весел. И боярин сказал мне: «Говори, чего ты хочешь: все будет исполнено, так как великий князь весел. Я расскажу ему, какое преданное сердце бьется в твоей груди!» Я поблагодарил его и сказал: «Сейчас, слава богу, я ни в чем не нуждаюсь, но я прошу тебя сохранить твоё расположение ко мне». Он обернулся назад и приказал вернуть мне взятые в долг деньги. Деньги были отсчитаны в мешок, а мешок запечатан.

Один боярин по имени Федор Санин — он побывал во многих чужих странах — видел это и совсем по-дружески упросил меня поехать вместе с ним. Когда мы пришли к нему на двор, мне были оказаны все обычные почести. Он пошел со мною в кладовую, где увидел я много денег и добра. «Ты женат?» — спросил он меня. «Нет», — отвечал я. «Присылай, — сказал он, — посмотреть моих дочерей, и, коли ты решишь, я отдам тебе ту, которую ты пожелаешь. А вместе с ней добра и денег, сколько тебе будет угодно». Я поблагодарил его: «И денег, и добра у меня довольно, — ответил я ему, — из-за них я не хочу жениться».

Во время чумы, когда были заняты заставами все проселки и большие дороги, в моей деревне умер один из моих крестьян вместе с женой и детьми и со всеми домашними, за исключением маленькой девочки. Мои приказчики в присутствии понятых поместья переписали все добро; оно охранялось стражей. Но вот приходит один крестьянин по имени Митя Лыкошин и заявляет, что умершая женщина была его милой, его любовницей.

Те, что охраняли пожитки, отвечали: «Теперь нет суда ни здесь, ни где-либо в другом месте. Если хочешь что-нибудь получить, отправляйся тогда в Москву». А он, конечно, знал, что ни в Москву, ни из Москвы никто пройти не может. Поэтому все, что там было, он забрал силой. Я узнал об этом, и, хотя все пути были заняты, я, подав челобитную, посылал за ним тайно, с опаской там, где не было застав, с приказом поставить его на суд —

однажды, дважды и наконец в третий раз. А он так и не прибыл.

Когда же были сняты заставы с дорог и от городов, я вновь послал за ним и велел его арестовать. Когда это приводилось в исполнение, он был пьян. Его связали, и я приказал жестоко бить его на торгу в городе Старице с тем, чтобы он дал мне по себе поруку. Но никто не хотел быть поручителем по нем, потому что знали про него, что он богат, а про меня, что я себя не обижу. А у него было еще и свое имущество, и я действовал так, чтобы вместе с моим добром получить и его. Он же упорствовал, не желая отдавать ни своего, ни моего. Тогда его заковали в железа, залили их свинцом и отправили его в Москву. На Москве недельщики обошлись с ним подобным же образом; при них он был и слугой, и служанкой, и малым; и каждый день, как обычно, они бивали его на торгу.

Когда я пришел в Москву из Александровой слободы и вник в положение дела, Митя Лыкошин и опечалился, и обрадовался. Он написал челобитье, где просил выдать себя мне в качестве моего холопа до тех пор, пока он не заплатит все сполна. Бояре спросили меня: «Согласен ли ты взять его и на нем доправить? Мы готовы выдать его тебе, но, когда ты получишь свое, ты поставишь его опять перед нами». Так добыл я по нем поруку, увел его и отправил в мое поместье в село Новое.

Здесь он так был отделан моей дворней, что уже не мог стоять на правеже и говорил, что ночью наложит на себя руки, так как не в силах долее выносить побои и насмешки. Я тотчас же сообразил это и изготовил для него шейные железа с цепью в сажень длины, так что цепь затягивалась узлом, и ночью он мог лежать, а днем сидеть или стоять, и такие ручные железа, что обе руки можно было запереть вместе. Так его охранили от самоубийства. По утрам его освобождали, выводили на площадь и ставили на правеж. Железа его

были залиты свинцом. Я отдал приказание — бить его не очень сильно, чтобы он не умер. После того как он отстаивал четверть часа в селе на площади и подвергался всякого рода насмешкам и укорам, его доставляли обратно на его место. Так происходило ежедневно в моем селе. Но он все еще не отчаивался. Каждый день, когда его били, он взывал ко мне громким голосом: «Господарь Андрей Володимирович, пожалуй меня!» Он рассчитывал терпеть до тех пор, пока я не отпущу его, наконец. Деревня, где жил этот крестьянин, была неподалеку от моего села. Сын его — хороший был паренек, кутил и ругался круглые сутки, держал все время тайных любовниц. Он приехал к отцу и уговаривал его оставаться непреклонным. Так тот и поступал и ни разу не вызвался что-либо дать. Правда, он говорил: «Государь! Пошлите и прикажите привезти из деревни все, что там есть моего». Но я возражал: «Ни к чему мне такой труд. Пусть твой сын продает твои пожитки и платит мне деньгами. Не думаешь ли ты, что у меня мало палок, чтобы измочалить твои ноги?» И хотя его ноги были порядком разбиты — настолько, что он не мог больше стоять, а должен был лежать, — он не сдавался и продолжал ежедневно призывать мое имя.

Когда я пришел из Москвы, при мне был один бюргер по имени Ульрих Крукман (брат Гартмана Крукмана); он живет теперь в Кённерне в княжестве Ангальт. Он очень хотел уехать за рубеж, но не знал, как это сделать. Когда он узнал о деле Лыкошина, он обратился ко мне с просьбой: «Любезный Генрих Штаден! Помилуйте этого человека ради меня. Возьмите с него что-нибудь и отдайте мне это на пропитание, а его отпустите на свободу». Так я и сделал. К тому же я позволил ему выбрать на моей конюшне двух лучших коней вместе со слугой. И хотя Митя Лыкошин должен был уплатить мне 260 рублей, он уплатил мне тогда только 10. Их-то я и подарил Ульриху Крукману вместе с лошадьми и отправил его ближе к Лифляндии, чтобы он

смог уйти за рубеж. При этом я подвергал опасности свою жизнь. Если бы их схватили, то меня повесили бы или утопили, ибо никого не выпускают из страны без проезжей или без разрешения великого князя. Как отплатил мне за то Крукман — теперь слишком долго рассказывать.

Когда крымский царь подошел к Москве, никто не смел выйти из нее. Так как пожар все распространялся, я хотел бежать в погреб. Но перед погребом стояла одна немецкая девушка из Лифляндии, она сказала мне: «Погреб полон: туда вы не войдете». В погребе укрылись главным образом немцы, которые почти все служили у великого князя, — с их женами и детьми. Поверх погреба под сводом я увидел своего слугу Германа из Любека. Тогда я пробился через толпу русских и укрылся под сводом. У этой сводчатой палатки была железная дверь. Я прогнал оттуда половину бывших там и оставил там мою дворню. Между тем от огня Опричного двора занялся Кремль и город.

Раньше — на свой собственный счет по воле и указу великого князя — я добыл для него трех горных мастеров. Я увидел одного из них, Андрея Вольфа: он хотел тушить пожар, когда вокруг него все горело. Я выскочил из палатки, втащил его к себе и тотчас же захлопнул железную дверь.

Когда пожар кончился, я пошел посмотреть, что делается подо мной в погребе: все, кто был там, были мертвы и от огня обуглились, хотя в погребе стояла вода на высоте колена.

На другой год, когда войско великого князя собралось у Оки, каждый должен был помогать при постройке Гуляй-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укреплений по берегу реки Оки — посаженно. Я не соглашался на это. Когда крымский царь подошел к реке Оке, князь Дмитрий Хворостинин — он был воеводой передового полка — послал меня с 300 служилыми людьми. Я должен был дозировать

по реке, где переправится царь. Я прошел вверх несколько миль и увидал, что несколько тысяч всадников крымского царя были уже по эту сторону реки. Я двинулся на них с тремя сотнями и тотчас же послал с поспешеньем ко князю Дмитрию, чтобы он поспевал нам на помощь. Князь Дмитрий, однако, отвечал так: «Коли им это не по вкусу, так они сами возвратятся». Но это было невозможно. Войско крымского царя окружило нас и гнало к реке Оке. Моя лошадь была убита подо мной, а я перепрыгнул через вал и свалился в реку, ибо здесь берег крутой. Все три сотни были побиты на смерть. Крымский царь со всей своей силой пошел вдоль по берегу. И я один остался в живых. Я сидел на берегу реки, ко мне подошли два рыбака. «Должно быть, татарин, — сказали они, — давай убьем его!» — «Я вовсе не татарин, — отвечал я, — какой я татарин, посмотрите на меня? Я служу великому князю, и у меня есть поместье в Старицком уезде».

На том берегу реки паслись две хорошие лошади, которые убежали от татар. Я упросил рыбаков перевезти меня через реку, чтобы мне опять раздобыть себе лошадь. Когда же за рекой я подошел к лошадям, то не мог их поймать и в одежде простолюдина, под видом слуги, обходя татар, посты и пожарища, я кое-как добрался до Москвы и пришел на свой двор, где увидел, что многое разграблено и украдено в мое отсутствие. Но и большие дела были еще хуже: когда татары пожгли все и ушли, великий князь начал расправляться с опричниками за измены, наглость и самовольство. Все вотчинные дачи были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя, а опричники разбежались и попрятались по своим углам. Великий князь долее не мог обходиться без земщины.

Из-за этого я лишился моих поместий и вотчин и уже не числился в боярской книге. Причина: все немцы были списаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном

списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом — немецком — смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли, и я почти всего лишился.

Спустя некоторое время я бросил все, уехал подальше от Москвы, в Поморье, в Рыбную слободу и выстроил там мельницу. Но тщательно обдумывал, как бы уйти из этой страны.

Я был хорошо знаком с Давидом Кондиным, который собирает дань с Лапландии. Когда я пришел туда, то я заявил, что я жду купца, который должен мне некоторую сумму денег. Здесь я встретил голландцев. Я держался как знатный купец и был посредником между голландцами, англичанами, бергенцами из Норвегии и русскими.

Здесь же русские изъявляли желание диспутировать со мной: они говорили, что их вера лучше, чем наша, немецкая. Я же возражал, говоря, что наша вера лучше, чем их. За это русские хотели бросить меня в реку Колу. Но этого не допустили Яков Гейне, бюргер из Схидама, Иоганн из Реме, Иоганн Яков из Антверпена, Северин и Михаил Фальке, бюргеры из Норвегии. Увидев это, я представился скудоумным, и на меня больше не обращали внимания.

Вместе с 500 центнерами каменных ядер я отправился в Голландию. Когда мы подходили к острову Амеланд, поднялся страшный норд-ост и буря; она прибила нас к Амеланду и заставила наш корабль войти во вражескую реку. К нам подошли три галеры с валлонцами. Но мы сказали: «Любезные братья! Защитите нас от беды. Мы идем во Фландрию». — «Хорошо», — отвечали они, полагая, что мы их сородичи. Когда же мы снова вышли в море, тогда увидели они, что мы идем в Голландию, но было поздно.

Прибыв в Голландию, я захватил с собой одного русского и с ним поехал к Генриху Крамеру и Каспару Шельгаммеру в Лейпциг. Оба они рассчитывали завести тор-

МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ

говлю с русскими на Поморье. С этим русским они хотели отправить на несколько тысяч гульденов драгоценностей для продажи их в казну великого князя и просили меня сопровождать его до границы. Но мы были схвачены у Гертогенбоша, у нас было отнято всё, что мы имели с собой, нас хотели пытать, чтобы узнать, где у нас еще золото или пушнина, но мы сумели убедить их, что у нас ничего нет — так, впрочем, и было.

Потом я, по совету одного шкипера, решил пойти в Люцельштейн, к пфальцграфу герцогу Георгу Гансу, имевшему давнюю идею захватить Московию. Для сего дела он собирал вокруг себя всех, кто что-то знал об этой стране. Пфальцграф взял меня к себе и наедине расспрашивал меня о великом князе и положении его страны. Несколько месяцев он держал меня при себе и затем посылал к королю польскому, к гроссмейстеру Немецкого ордена и к другим владыкам. Сильно и неоднократно тянуло меня при этом в Русскую землю на Москву ко двору великого князя! Благодарение Вседержителю Богу, удостоившему меня пережить столь великое!

Далее по просьбе пфальцграфа я мог бы еще описать, каким образом можно взять Московию и обратить её в имперскую провинцию.

9.

28 сентября 2009 г.

Утренний допрос. Квази-Гагарин.
У Алки. Драка в сквере.
Поездка с полковником
в «Красной стреле»

• ПЛАН ЗАХВАТА МОСКОВИИ •

Стук ключа и грубый окрик:

– Подъём! Оправка! – были сквозь сон, как удары палки.

Wo bin ich?¹

Кроля стоял посреди камеры, оглядывался:

– Широко живёте – пиво, жрачка...

– Да, Саня, хороший... – Я приподнялся на локте. Место у стены было пусто.

– Здесь... женщина была? – полувопросительно сказал я. – Директорша престарелых...

Кроля хмуро подгрёб ногой в угол обрывок салфетки:

– Была. Воронок рано утром пришёл. Не хотела тебя, хрюнделя, будить, так ушла.

– Но это? Жакет? – Я посмотрел на фиолетовый комок, на котором было так удобно спать.

Кроля равнодушно скользнул косым взглядом по жакету.

– Оставила. Наверно, тебе на память. Невелика ценность. Удумал же Санёк бабу с мужиком сажать, а? Непорядок! – Он подозрительно заворошил остатки еды на столе, надеясь найти там следы нарушений.

¹ Где я? (нем.)

А я постепенно приходил в себя. Что происходит? Где полковник?.. Что с баблом? И со мной? Уже утро, а утром, сказали, всё пойдет официальными путями... и это плохо... Труп — труба... Положат гроб в граб¹, под бабин грабин мышкин хвостик — и капут!..

Страх вздувался. Пузыри росли, наливались, пшик, пшик!.. Страх щипал и реял так, что не было сил не спросить:

— Меня... не вызвали?

— Вызывали. Одевайся. Я через пять минут приду.

Видя, что я собрался идти с ним, он сказал, чтоб я делал свои дела тут, вот унитаз — в туалет выходить нельзя, проверка ходит.

— А! А если проверка сюда... присюдачит, тогда?..

— Разговоры! Готовность через пять минут!

Понял. Ничего. В бойскаутском лагере хуже было. Главное — лицо и зубы. И подмышки бы вымыл бы, если бы была бы вода, а не этот бы крантик...

«Как — “вызывают”? Или “вызвали”?» — обдумывал я хитрые аспекты, чистя зубы над унитазом и зная по опыту, что одной буквы достаточно, чтобы всё оказалось наоборот. Если вызвали — скажет, всё в порядке, вы свободны... А если «вызывали» — скажут: «Бабла нет, идите обратно в камеру, а дело поступает наверх, где боссы сидят»... Кажется, полковник шутил: как за каждым бегемотом плывет стая рыбок и жрёт ту полупереваренную жижу, которую бегемот время от времени выпускает из себя, так и вокруг каждого чиновника топчется родня, на шее сидят дети, а кругом кормится всякая нечисть?.. Да, в Кении я и сам видел, как вокруг бредущего по саванне носорога порхают птички, жрут вспугнутых мух и цепней, выклеивают что-то прямо из задницы носорогатого, а следом ползёт армия жуков-навозников и подбирает все остатки рогоносца... Бедные эти носороги! Гид в Кении говорил, что молодые самцы слонов во

¹ От Grab — могила (нем.).

время течки, когда самок на всех не хватает, нет-нет да и взбираются на носорогов, ломая им спины своим весом, уже 68 носорогов так безвинно погибло...

Пожалев, что не постирал ночью носки в ведре, я подумал, что сегодня, по-любому, надо принять душ. Стащил пакеты с мусором в угол, а жакет решил не бросать, хотя куда его?..

Я рассмотрел его — растянутый, с запахом времени, вязка крупная... Как это было в странных глаголах на «ью»? Бить — бью, шить — шью, пить — пью, вязать — вяжу?.. Что-то, с этим связанное... *weben*¹... птица вяжет гнездо? Нет, те глаголы были однословные... шить, бить, пить... Мыть? Мью? Нет, «мыть» — как «рыть» — рою, мою...

Слыша шаги Кроли, я сложил жакет, проверил карманы — дневник, паста, щётка. «С вещами!» — «Понял! Вот мои вещи!»... Когда фон Штаден из Ангельска бежал, то взял с собой на шхуну три сундучины с золотом, а я — чужую кофту, тетрадь и ручку, где кончилась паста...

Придерживая штанузы изнутри, из кармана, я отправился за Кролей, но, когда мы были уже в коридоре, он вдруг вспомнил:

— Мусор! — и велел вернуться и вынести из камеры пакеты.

— Понял! — развернулся я, но рук на всё не хватит, жакет надо повесить на плечо, и Кроля, видя это, сорвал его с меня:

— Зачем тебе эта дрянь? Куда ты с ним к полковнику, как баба? — и бросил его на пустой стул около тумбочки.

Ну, бог дал — бог взял, как говорил вчера Океанчик о внезапной смерти сына. А зачем давать жизнь, если потом хочешь взять её назад?.. Или передумал?.. Такой небесный детский сад... Или не давай, не дай эту жизнь... лучше уж быть нерожденным, чем умершим... Или как? Не понял.

¹ Заворачивать, вить (*нем.*).

- Сколько часов ещё время?
- Начало десятого.
- Это после девяти? – уточнил я.
- В точку.

Лестница была, как обычно, полна дыма, шагов и голосов, но я старался глаз от ступеней не поднимать и крепко держал через карманы китайчатые штанузы.

Долетали слова, фразы:

- ...а что делать – надо сидеть, ждать...
- ...ну а потом он как бы извинился, типа того, что выпивший был и как бы не помнит ничего...

«Как бы, как бы»... Все постоянно повторяют это словосочетание. Почему?.. Похоже на то таинственное недоразвитое «бы», к которому еще прицеплено «как»... Может быть, потому, что всё тут – «как бы»?.. Как бы всё в порядке, как бы фирма, как бы суд, как бы... И даже если всё наоборот, это «как бы» снимает ответственность с нарратора... Легче манипулировать: один как бы сделал что-то, другой – как бы принял это, третий как бы поверил, четвёртый как бы подписал... или подписывал... Lebensimitation... имитация жизни... страна Какбыбия, кажется, говорила рыбовидная Настя с Виталикиного дивана... Или Авоськия? – продолжалось лингвистическое движение, возникавшее во мне часто помимо воли и даже вопреки здравому рассудку.

Вот мы стоим у двери в кабинет полковника. Кроля, заглянув внутрь, кивнул:

- Заходи... Тут они...

Кто это – они? О-ё! Я от страха чуть не выпустил штанузы и споткнулся о порог.

В кабинете – полковник за своим столом, за приставленным столиком – стройный подтянутый молодой офицер, отлично выбрит и причёсан (таких много было на рисунках в учебнике фрау Фриш). На Гагарина похож.

– Господин Боммель! Познакомьтесь, это прокурор, майор Даевский!

Квази-Гагарин молча протянул мне руку.

— Да. Манфред Боммель! Много приятно! — прошептал я, поняв сразу, что всё пропало — прокурор, официал, дело наверх...

Я сел напротив полковника и с мольбой взглянул на него, но он, перебрав бумаги и не глядя на меня, начал говорить, сверяясь с листом и обращаясь к прокурору:

— Итак, Иннокентий Витальевич, свидетель Боммель мною вчера опрошен и дал полезную информацию и по делу об убийстве гражданина Узбекистана Усманова э... Насруллы, извините, и по делу о фальшивых деньгах. Установлено, что иностранный гражданин Боммель, лингвист и специалист по русскому языку, будучи на учёбе в Санкт-Петербурге, познакомился в университете с группой так называемых лингвистов-экстремистов. Эта группировка базируется в Петербурге, но и в Москве занята целым спектром противоправных дел, под видом борьбы за чистоту русского языка... Каких только сволочей не расплодилось! — Он вдруг ударил рукой по столу.

Квази-Гагарин подтверждающе хмыкнул, сложив перед собой ухоженные руки. И мундир, и сорочка, и пробор — всё было с ниточки-иглолочки.

— Эти люди, которых господин Боммель назвал и подробно описал... вот тут, лист 2... обманным путём изъяли у него 100 американских долларов, якобы в партийную кассу, предлагали за 3000 долларов стать гауляйтером в Германии... Нет, до чего, дошли, а?.. Парткассы, фашисты, гауляйтеры! — Полковник, из-под золотых тонких очков для чтения, бросил взгляд на прокурора (осуждающе крякнувшего). — А потом явились к нему в номер в гостинице «Центральная» и привели с собой этого несчастного узбека Усманова... имя не хочу лишний раз повторять... Начали вымогать деньги, бить, а когда господин Боммель вступился за него, фашисты избили его и заперли в ванную, где он практически ничего не видел и не слышал, кроме шума неисправного сливного бачка...

Где бачок сливать? Куда? Я обалдело слушал, ничего не понимая. Прокурор повёл бровями в мою сторону:

— Задвижка на ванной была снаружи или внутри?

Что отвечать? Что надо отвечать?

— Да... движка... изнутри тоже... снаружи... И вснаруже... так, да, тоже...

А полковник, глотнув чай из стакана в серебряном подстаканнике, добавил:

— Так как господин Боммель был избит, он намерен подать встречный иск против этих выродков — за побои и моральный ущерб... Вот, посмотрите, в каком он виде! — указал он на меня. — И это — специалист, молодой академик, поэт, наш гость, в конце концов!..

— Побои сняты? — спросил квази-Гагарин в пустоту.

Я не знал, что отвечать, за меня ответил полковник:

— Сняты, как же...

Прокурор удовлетворенно наклонил голову с идеальным пробором — казалось, он был всем доволен. Но нет — вспомнил:

— Я читал в деле, что там наркотики как бы были?

Полковник поморщился:

— А, это... Это уроды-нацисты обронули... Пакетик травы... Знаете, Иннокентий Витальевич, по моим лично убеждениям, траву давно пора узаконить и легализовать. Что в ней плохого?.. Это ж как валерьянка или шалфей! Люди под травой — тихие и смиренные, не то что от алкоголя, которым забита наша страна... А сколько сил высвободилось бы для борьбы с серьезными преступлениями?.. А как пошла бы вниз кривая нашего бича — пьяной бытовухи?.. Курильщик и топора поднять не может, не точно что резать и крошить, как это сплошь и рядом от алкоголя происходит!

Квази-Гагарин искоса взглянул на него:

— Господин Майсурадзе, сейчас не время для дискуссий... Это не наша компетенция, а законодателей... Я спешу на совещание. Кровь у Боммеля на анализ брали? Нашли что-нибудь?

— Конечно, обязательно... Ничего, пусто... Только пара капель пива, — легко и просто ответил полковник.

Прокурор вдруг жестом попросил у полковника дело:

— А ну позвольте!.. — и начал его просматривать (отчего у меня пятки ушли в душу и стали там топтаться). — Вот. Фальшивые купюры? Чьи это поддельные евро? Узнали? Его?

Полковник радостно подхватил:

— Как же! Как же! С помощью господина Боммеля удалось установить, что эти купюры принадлежат некоему Суррену... фамилия такая... на «ян»... там, в деле, должна быть... Причем при активной помощи господина Боммеля удалось составить словесный портрет мошенника...

— И лингвистовый тоже! — вырвалось вдруг у меня.

Оба взглянули на меня. Полковник первым понял:

— Ах, ну да, и лингвистический портрет, разумеется... Господин Боммель описал как его внешность, так и речь. «Сурррен, брррат-джан»... такое гипертрофированное «р», как у тигра... Всё это очень помогло следствию. Ну вот. Дело в отношении этого так называемого Сурррена выделено в отдельное производство, как и дело убитого Насруллы... простите... Исходя из того, что свидетель Боммель дал полезные показания и помог следствию, а также что у господина Боммеля завтра кончается срок визы, следствие считает, что господина Боммеля можно — и нужно — отпустить, чтобы он мог вернуться на родину, к своим прямым обязанностям... — (По мере того как он говорил, душа моя наливалась маслом масляным, я начинал понимать. О, Gott!) — Вот так, — заключил он и сложил бумаги, довольно бесцеремонно забрав у прокурора папку.

Квази-Гагарин проводил её безучастным взглядом и пригладил руками виски:

— Ну что же... Не против, согласен. Свидетель подписал показания?

— Ещё не всюду. Сейчас. — И полковник резво подскочил ко мне с листами: — Вот тут, будьте так добры, подпишитесь... тут... И тут...

Я испугался — подписывать ничего нельзя, все говорят!

— Что это? Подписать себя?

— Ваши показания. Подписывайте! — сквозь зубы, с нажимом процедил полковник, исподтишка поглядывая на прокурора (а тот косо поглядывал на свой неброский «Rolex» под белым манжетом).

— Понял.

И я подписал все страницы, не глядя и не читая текста. Зачем? Если хотят отпустить — отпустят, хотят посадить — посадят, не вопрос. Фатальный рок уже проник в меня, пустил свои успокоительные корни: от человека ничего не зависит... Тут, во всяком случае... И от этого стало даже как-то спокойнее — не надо думать, дёргаться, всё само как-то сварится, слепится, перемелется... разомни тунца...

А полковник, шаря по столу и говоря о каком-то их общем знакомом, майоре Свинолобове («Да, Карл Кузьмич хорош на охоте, не отрицаю, но на рыбалке — извините, слабак, дубинал натуральный»), подал прокурору на подпись отдельный лист, который и был подписан золотым пером, вынутым из специального футлярчика.

— Желаю хорошего полёта! — сказал мне квази-Гагарин, кивнул полковнику и без пожатий вышел, унося с собой запах парфюма и чистой рубашки (чего нельзя было сказать обо мне и чего мне так не хватало).

Как только он исчез, полковник изменился: повеселел, лицо его как-то распустилось, ожило:

— Ну, геноссе Фредя, аллес ист гут, зер гут! Всё в лучшем виде! Да, это не просто слова — немецкая точность! Пунктуальность! Обязательность! Дисциплина! О, я всегда говорил, что немцы должны править миром! А евреи — при них, под их контролем, заведовать финан-

сами!.. Впрочем, когда я одному немецкому комиссару полиции на банкете высказал эту идею, он ответил, что нельзя собак пускать стеречь колбасу – сожрут несмотря на страх... Не знаю, правда, кого он имел в виду – немцев или евреев...

И рассказал, что ровно в четыре часа утра к названному месту подъехал на огромном джипе сухой, как палка, немец и, не выходя из машины, выбросил пакет с деньгами: посмотрел, убедился, что его взяли, и без слов уехал.

– А кто это был?

Полковник рассмеялся:

– Вы у меня спрашиваете? Откуда мне знать? Он не представился. Какой-то ваш Эйхман или Гудериан... Выкинул, как собакам, – и уехал! – восхищенно повторил он. – Ариец! Как я их понимаю!.. Да, Роммель-Боммель...

Я сидел, еще не понимая до конца, что всё позади. Собрался с мыслями:

– Значит, я свободен? Волен? На воле?

– Конечно, вы свободны, как волк из вашей сказки... Вы же слышали? Прокуратура не против, надзор согласен... Бедному Насрулле уже всё равно... Одни «за», «против» нет. Словом, вы только свидетель. Не исключено, что через год вам в Мюнхен придет повестка явиться в суд, вы на неё плюнете – и всё... Но сейчас, я думаю, вам лучше всего будет побыстрее унести отсюда ноги, сегодня уехать в Питер на «Красной стреле», а завтра улететь своим рейсом. Как вам мой план?

Я не знал, что говорить:

– Понял. Согласен. Самое то самое...

Полковник завозился за столом:

– Это ещё не всё. Я решил поехать с вами в Питер – у меня там как раз дела... Поедем сегодня вместе, под рыбку с коньячком. А завтра я вас посажу в самолёт, посылку передам... как договорились...

– Да, самой собо...

Полковник строго и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Надеюсь, все остальные наши планы остаются в силе?

Что отвечать? Деньги наполовину потрачены, а то можно было бы попытаться бы отдать бы деньги... но нет, не сейчас всё это... Да и куда без денег в дорогу?.. Лучше бежать. Я кивнул, а он вскользь поинтересовался, цепко меня оглядывая:

— Вы как вообще?.. С ума не сошли тут? Оклемались немного?

(Опять это слово!.. Но тут что-то другое... может быть, от «Клемме»¹?)

— Немного сошёл. Не зажат... Было интересно...

Он усмехнулся, его ловкие пальцы стали сортировать бумаги на столе.

— Это сейчас вам интересно, а если бы вчера под утро этот сухой гауляйтер не приехал бы и не привёз бабло?.. Тогда бы вы другие песни пели, а?

— Да, пел бы припеваючи...

Он крутил в руках мой билет:

— Вот... вылет — в 15:30. PULKOVO... Sankt-Petersburg... 29.09.2009... О, какое странное число!

— И вы заметили? — заколотился я. — И как думать — плохо или хорошо?..

Полковник поднял брови:

— Кто его знает... Будем считать, что хорошо. — Он открыл мою сумку, начал в ней копать: — Тут только ваши вещи остались... Анашу и фальшивки мы забрали как вещдоки... Ну и рюкзак с листовками и другими подрывными материалами... Будем разбираться и с этим Суреном, и с фашистами...

— А почему вы сказали — анализы, побои есть? Где есть?

Полковник остановился:

¹ Клемма, зажим (нем.).

— Ну и что? Надо было бы — задним числом оформил бы, не проблема... — («Бы, бы, бы... как бы»...) — Вот ваш телефон, паспорт, билет. И деньги, полторы тысячи...

Я, хоть и сидел в упадке, но всё-таки вяло возразил:

— Это ваши деньги... — на что он сразу ответил:

— Как это? Если все наши договоренности в силе, то и деньги эти, за три месяца аванс, ваши... Только вас надо привести в божеский вид... — («Лучше в человеческий, а то бог... кто знает, какой вид имеет...») — пошутил я через силу.) — Да, еще вопрос — где вы будете сидеть до вечера, до поезда? Билеты я возьму, но где вам сидеть? В камере? — предположил он, ногой отсылая сумку по натёртому паркету в мою сторону.

— Нет, нет, зачем? — Я начал переключивать из кармана в сумку щётку и дневник, не очень, впрочем, испугавшись. На сердце было так легко, что можно было посидеть и день, и два. — Свободный — и в камеру? Нет!

— Ну а где? Не будете же вы на улице сидеть? Вон дождь собирается...

Где?.. Где?.. В Караганде... А у ветеранов, например!

— Нет, там вы опять напьётесь до бровей... Вам вредно с русскими пить. С ними всем пить вредно. Хотя и ваши немцы не лучше, я видел на Октоберфесте. Ну, там было — ямщик, не гони лошадей! Немцы хлещут пиво как лошади!.. Я много где был. Самый лучший угол для жизни — Западная Европа. Наши пузыри недаром там виллы закупают. Вот, говорят, в Карлсруэ Шеварднадзе себе бывшую виллу Отто Грюндига купил... Но Шеварднадзе по сравнению с этими, — он кивнул на угол так, будто там кто-то сидел, — нищий...

— Нищец? Нищага? Нищура? Нищара? — («Какое красивое слово! Мохнатое и пушистое!»)

Он вдруг замер:

— А знаете что? Давайте я вас к Земфире отправлю, а? — Он обрадовался своей идее, которая и мне показалась отличной — лучше уж у Алки на диване, чем в камере, с кем-то на пару. — У вас есть её актуальный телефон, а

то мне лень искать? Эти бляди меняют номера после каждого тарарама...

— Тарарам — это песня, весёлая?

— Да-да, песня, но не очень весёлая...

Я нашёл номер, начал диктовать, он стал щёлкать кнопками на телефоне, который вдруг сам лихорадочно зазвонил у него в руке. Он слушал, не перебивая, поблескивая стёклами очков, и вдруг вывел длинную, плавно-певучую словоформу, похожую на мощный хоральный аккорд:

— Арамцалиаахладэдамэ!¹ — А когда я спросил, что это значит (и попросил повторить, чтобы затранскрибировать в дневнике), он любезно объяснил, что это значит: звонит мама, а у него сейчас нет времени разговаривать с ней: — Она раз десять в день звонит... Забывает, что меня нет, просит то хлеб принести, то на кладбище пойти, папину могилу посмотреть... У неё всё есть, за ней ухаживают дай боже, сиделка круглосуточная. Но она в маразме, ничего не понимает... Кстати, как думаете, есть возможность перевезти её в Баварию?

— Надо узнавать-узнать, — ответил я и сообщил, кстати, что вчера познакомился с директоршей такого вот склерозного дома, которая ни в чём не виновата: — У неё места нет, а эта возка всё возит и возит... Или везёт, *mit Richtung?*² — Но он меня не слушал, повторяя «рихтиг, рихтиг»³, набрал номер, подождал, сказал:

— Земфирушка, Алушка, голубушка, узнала меня?.. О, богатым буду... Да, полковник... Тут такое дело — Фреде надо день до вечера пересидеть... Не могла бы ты ему — нет, нам — помочь?.. Что?.. Ну отмени! Ну и что с того, что вчера ждали... да, он был занят... Говорит, что вчера вас с какой-то шлюхой ждала, — объяснил он мне поверх трубки, а в трубку сказал: — Он был занят вчера, в библиотеке целый день коптился... Это я, полковник

¹ Мне некогда сейчас, мама (*груз.*).

² С направлением (*нем.*).

³ Правильно (*искаж. нем.*).

Майсурадзе, тебя просит!.. А моя просьба дорогого стоит, сама знаешь! Смотри, не то разгоню ваш Моспу-тантрест! Ну, умница... И еще, знаешь, купи ему одежду, а то он как клоун детсадовский одет... в каком-то дерь-монтине весь... — И стал договариваться, как передать меня ей: — Адрес напомни, искать неохота. Я его при-шлю с шофером... Это что, новый адрес?.. Хорошо, буду знать теперь. Да, загляну, почему нет? На обед... ага, го-рячей человечинкой пообедать... как-нибудь... Всё! У матросов нет вопросов!

Отключив телефон, он сказал мне:

— Ну вот, хорошо, пусть она вам одежду купит, а то как бич, стыдно...

— Как бомж, — разнеженно поправил я его, представ-ляя себе день с Алкой. Бавария, деньги, папа, сухой не-мец на джипе — всё отошло в сторону. Как всё отлично! Проведу день и завтра улечу! А проклятая регистрация?

Полковник со смехом замахал руками:

— Ах, никто её не смотрит, у них дел до хера... При-том у половины пассажиров она утеряна, у половины её и не было...

— Как это? А я что, идиот, что это всё... делал-сделал?

Полковник засмеялся:

— Конечно, идиот. Не надо было никуда ходить, ни в какое бюро...

— Но послали, сказали!

Полковник назидательно сложил пальцы в изящный кукиш:

— Вот им! Мало ли куда пошлют?.. А если в аэропорту на таможне возникнут — то дать им полтинник в зубы — и дело с концом! Это ж большое государство! Оно только так и функционирует... Правят преступные кланы, в центре ядер — криминал, вокруг него выросла оболочка из так называемых честных людей — врачей, юристов, нотариусов, адвокатов, всякого надзора, экономистов, мастеров и т.д. до санитаров и могильщиков, которые

защищают это ядро, питаются от него и помогают ему, иначе ни ядру, ни им не выжить... — Видя, что я хочу что-то возразить, он остановил меня рукой: — Нет, я не говорю, что честных людей нет совсем, они есть, но они не видны, сидят в бедности... Скажу больше — я вообще уверен, что добрых и честных людей на земле куда больше, чем злых. В противном случае в живых бы никого не осталось, это еще наш лектор по политэкономии говорил... Но злые — виднее, слышнее, о них пишут в газетах и в романах, показывают по ТВ, снимают фильмы, а честных, добрых и бедных — чего показывать? И как их в кино или в книге покажешь?.. Ну, встал, выпил чай с унылым бутербродом, пошел на глупую работу, просидел целый день как истукан, вернулся, посмотрел дурацкий ящик и лег спать — вот и вся жизнь. Да и добрые они и бедные, и честные часто оттого, что просто не умеют — или боятся — быть злыми и богатыми. Я таких навидался в утро... Дай такому тихоне власть или деньги — с потрохами сожрёт! Но вы, немцы, другие — вам всё по закону! По правилам! Вы — как тот фашистский офицер, который кричал своим солдатам на войне в Польше: «Пока билеты не купим, вокзал брать запрещаю!»

Я понял, что полковник говорит от какого-то внутреннего возбуждения, и не прерывал его, а он, щелкая гибкими пальцами, продолжал:

— Знаете, геноссе Фредя, я сам далеко не ангел, но, поверьте, вот тут что-то переворачивается, когда слышу, что какой-нибудь сраный олигарх-молигарх, Рабинович-Шмаринович...

— Абракадавравич... — вспомнил я ветеранов.

— ...вот именно, пообедал за двести тысяч долларов или съел трюфель за полтора миллиона баксов, и не подавился, гадина... И вместо того, чтобы вырезать этот трюфель из его поганого брюха, о нем еще в газетах пишут с умилением и по ТВ с уважением говорят, а сто сорок миллионов баранов все это слушают и ушами прядают... Нет, без большой крови всё это не остановить!

— Но... сколько кровь можно? Была уже...

— Не знаю. Но по-другому эта спящая красавица не очнется, нет! Очевидно, надо упасть до конца, чтобы начать подниматься, вот как в Грузии было... А сейчас идет организованное ограбление не только всего народа, но и всех будущих поколений, которые будут бродить в темноте по холодной пустыне, где время от времени что-то будет гореть и взрываться... О, их мамин гробин крышкин гвоздик!.. Знаете, у бабушки в деревне стояло во дворе засохшее дерево — его начисто выели короеды. Вот и нынешние — такие же гады, выжирают всё изнутри, оставляя одну оболочку, мертвый остов, видимость... Зачем хоррор-фильмы, зачем этот, как его, Тарантело, если есть такая страна?.. А в глубинке всё куда страшней, средневековье... Обирают население, причем навсегда, не оставляя места будущему. Это ли не фильм ужасов, который не снился ни Петру, ни Сталину? Не поверите, но искренне обидно, хотя что я — пришёл и ушёл?.. Их бы надо в тюрьму, пока у них борода до пят не вырастет! Как?.. А вот так, как Иван Грозный судил: «Этому сидеть, пока борода до сосков не дорастет, этому — пока пупок не закроет, этому — пока до члена не доберётся, а этому гнить, пока волосы до колен не дотянут»... И сидели, в прямом смысле до тех пор, пока борода не дорастала, докуда царь приказывал... Мог и до колен или пяток приговорить, одно слово только сказать — и всё, нет человека...

— А что Грозный... или Шталин сейчас... против олигархов-молигархов умел сделать? Теперь, если живой?

— Что бы Грозный с олигархами сделал? Да уж известно, что! — Полковник предельно оживился. — Собрал бы их всех где-нибудь в Георгиевском зале на банкет, награды бы дал, а потом растащил бы за шиворот по камерам, пытками заставил бы через мобильники и компьютеры всё награбленное вернуть, а самих — за Урал, за Байкал, дерьмо месить, как тот миллионер, что из Москвы вовремя сбежал, баранов накупил и пасёт их

всей семьёй где-то в болотах: морда небритая, сапоги по яйца, радости полные штаны... Недвижимость и движимость конфисковать, а в протоколах писать: «Убыл по приговору» — и всё! При Сталине была такая хитрая формулировка. А куда «убыл», надолго ли, когда вернётся — никого не касается... Куда надо, туда и убыл, и прибыл... Да, царь нашёл бы что сделать!.. И народ предельно доволен, и казне прибыток, и готовые детские сады и школы — пожалуйста вам, и на яхтах для пионеров катания, и на лимузинах для передовиков гуляния... А то от денег совсем рехнулись, в свиней превратились, сволочи, негодяи, яйцами Фаберже откупиться хотят... Им бы в жопу эти яйца — в самый раз!

Полковник даже порозовел от разговора (во время которого пару раз открывал ящик стола, нагнулся и что-то там вынюхивал), потом заключил:

— Так что все эти регистрации — миф... Я посажу вас в самолёт, помогу. Хоть Питер и не мой район, форму везде уважают. Или боятся, мне всё равно. Согласитесь, геноссе Фредя, в несчастьях других есть что-то бодрящее, веселящее, оживляющее?.. Я с первых дней работы в угрозыске ощутил это. Видеть и чувствовать, как тебя боятся, как умоляют и просят, как унижаются, на всё идут, всё предлагают, — большая радость... Я хорошо понимаю ваших фашистов, которые, слушая Моцарта и попивая коньяк с морфием, следили в окна за шевелящейся массой...

— Это кошка-мышка, игра?

— Да, как мышка — с червячками...

— Мне не нравится. Что хорошее? Злым злое кроет... Люди-людогоды!

Полковник пропустил эту реплику и сказал по бездисковому телефону, чтобы сержант поднялся наверх. Пока мы ждали его, полковник рассказывал, какие вкусные продукты он купит, чтобы нам было «чем не умереть с голоду в поезде»:

— Знаете, «Красная стрела» идёт, торопится — тук-тук, стук-стук! — а мы осетринку с буженинкой... икру с

сухариками... сёмга копчёная... свеженькие проводницы... Шампунем пахнут... мой отец таких чистеньких молодок называл «тракдабанилни»... Как перевести? Ну, это те, у кого вымыты попочки... Видите, я одно слово говорю — а в русском пять надо сказать...

— А разве... не у всех мыты-вымыты?..

Полковник усмехнулся:

— Раньше у нас не дай бог было не девственницей оказаться! Ну а целка — тоже человек, верно?.. Ей тоже хочется... Вот и шли в ход попочки, которые надо было всегда в чистоте держать... на всякий случай... и которые на девственность никак, к счастью, не проверяются — задняя дыра она и есть дыра... Это потом научились целки шить... — Видя, что такие сложности мне не осилить, он вернулся к закускам: — Холодная говядина, сыр овечий... коньяк пьём и бокалы бьём...

«Пьём, бьём, вьём! Ну да, вьём!» — вдруг вспомнилось пропавшее в камере слово, чему я был сейчас рад не меньше, чем приезду сухого немца и своему освобождению. Полковник, глядя на телефон и о чём-то думая, вдруг поднял палец:

— О! Чуть не забыл! Это важно! — И набрал номер. — Витя, ты Боммеля на розыск ставил? Сними его с розыска... Да, сними Боммеля, сними... прокурор так решил. Почему? Пойдет как свидетель... Сними, не забудь!.. Что, Интернет отрубился?.. Почему?.. А когда восстановят?.. Вот козлы рогатые!.. Ну, не забудь, пожалуйста, а то мне отъехать надо, а то бы сам проследил...

— А я что, уже там? — показал я на монитор.

Он удивленно посмотрел на меня:

— А как же?.. Ждать, пока вы за границу сбежите или в землю зароетесь? Узбек убит, в номере — наркотики, фальшивые деньги, поджигательная пропаганда... Что, три дня ждать, как это со склерозными стариками, что в тапочках убегают?.. Нет, сразу надо брать, пока не ушёл, за три дня в России далеко уйти можно... при нынешнем бардаке и всеобщем попустительстве...

— Куда пустить? — удивился я. — Куда я в России?

— Мало ли? Забьётесь в угол и будете сидеть у какой-нибудь Земфирочки, вас за секс любая в любой деревне приютит, где мужики от водки передохли...

Когда появился сержант Пьянчагин, полковник зашевелился:

— Ну, идите. Сидите у Алки тихо, не пейте много... мало пейте, вам вредно. Да и мне в Европе сотрудники-алкоголики не нужны, своих тут хватает. Договорились? Ну, до вечера! Телефон не забудьте поставить на зарядку. Мы вас найдём, заедем, где-то в районе одиннадцати, вечером... Чтоб в норме были! Вот адрес! Совсем недалеко от нас. — Он дал сержанту клочок бумаги (который тот, угрюмо не глядя, сунул в карман), а мне сказал: — И ни с кем там у Алки не связывайтесь! У баб в Москве никаких чувств нет, это холодные хитрые хищницы, расчётливые коммерсантки, помешанные на деньгах, торговки еблей, которую они ловко выдают за чувства и любовь...

— Не так. А Алка? Хорошая, хорошая!

Полковник улыбнулся:

— Алка — провинциалка, это совсем другая категория... Тут секс вывален напоказ, бабы не имеют ни гордости, ни чести, готовы за деньги на всё... Видели бы вы, что мне тут, в этом кабинете, только не предлагалось, чтоб я дело закрыл или повернул!.. Содом отдыхает! Ну, до встречи! Идите! Субито!¹ Шнель-шнель, партизанен!

Понял. Я подхватил сумку, рассовал вещи по карманам, надел пояс и отправился за сержантом, который шёл по коридору слабой походкой, что-то бурча себе под нос (я слышал «...как собаку...», «...хули там...», «...остоебенело...»).

Последнее слово меня удивило, я спросил, что это. Он показал руками круги:

— Когда всё надоело, в глотке сидит! — Провел реб-

¹ От Subito — немедленно, незамедлительно (итал.).

ром руки по горлу: – Вот досюда дошло! Когда всё остоебывается!

«А, сто раз ёб!» – понял я, но не унимался, на ходу нащупывая в кармане ручку:

– Как от этого глагола субстантив?.. Ну, остоебание или остоебывание?

Сержант с сомнением покачал кудлатой головой, и, пока мы спускались и выезжали, он время от времени, заводя вверх вялые глаза, поочерёдно произносил эти объемные, крупные слова и наконец решил, что говорить можно и так, и эдак, и как захочется.

– Мне б ваши заботы...

– Да, заботы были.

Я ехал молча, посматривая на широкие улицы Москвы и думая о том, распилит ли полковник бабло с прокурором или просто обманул прокурора?.. Наверно, распилит – откуда у квази-Гагарина такие часы?.. А может, и обманул, всё так представил – шито белыми нитками, крыто черными нитками, свидетель ничего не видел, в ванной сидел... Ещё и про иск придумал, и про анализы... И следствию помог... И портрет дал... Ну, любому хорошо... Сейчас Алку увижу... В чём она будет, в юбке или платье?..

Потом мы попали в пробку. Вокруг нас сгрудились большие чёрные машины. Я от нечего делать стал их разглядывать. На двух-трёх были синие лампы, разные огоньки и фары, а на лобовых стёклах – эмблемы, какие-то красивые плакетки с гербами, плакатики с золотыми надписями, чаще всего можно разобрать «Федеральное», «Федеральная»...

– Что эти приборбоны? Блямбы, пломбы? Всюду «федеральное»? – спросил я.

Сержант усмехнулся:

– Это всё блеф, туфта...

– Тафт? Ткань?

– Нет, не ткань, а пафосное фуфло... как и всё в нашей Фуфляндии... Всё это фальшивое, за бабки кушленное...

— Но почему фуфта? — (На бутылках блямбы и пломбы я понимал — дороже продать, но тут?.. И как может быть всё фальшивым? Нет, он обманывает, такого не бывает.)

— А чтоб безнаказанно по городу ездить и свои тёмные делишки творить.

— И все они... что творят?

— Что хотят, то и творят. А вы думали, они все сиротам в детдом гостинцы везут, спешат? Как же, держи карман шире!

— Как держать?

Я на всякий случай ощупал карман, но сержант не объяснил, завернул между домами и стал искать глазами:

— Тут где-то, номер 7... Подъезд этот, кажись... Не разберу.

— А ты разбери. Сталинский дом. Полковник приказал... — осмелел я.

— Вот пусть полковник и ищет, — огрызнулся Пьянуриков. — Кто их разберёт, сталинский он или микояновский... Там будет, в углу, четвёртый подъезд, тут третий!.. Вот и эти шалавы! — ткнул он на балкон, где Алка и другая женщина махали руками.

Неужели эта вторая — та, с которой Алка из номера говорила, что надо потного немчика тешить-изутешить?.. Надо сразу принять душ. Побриться, хотя у меня и так не сильно растёт... Вот у полковника борода, видно, сильно растёт — щеки синие даже выбритые... Он бы недолго у Грозного сидел, а я — долго... Но мечты о второй женщине пошли в обратном направлении, когда стало ясно, что это измученная сестра Алки (с сидячим в тюрьме сыном и лежащим от пьянки мужем). Опять слушать эти мурчаловки!..

Я забрал сумку и отправился в подъезд.

Увидев квартиру из двух комнат (хоть и с высокими потолками), я понял, что тут особо припеваючи не полежать. Лишь бы душ работал и вода была, а то у Виталика в Петербурхе хотел принять — а горячая вода на

профилактике... Ну, это там. Там и куры гриль плохие, а тут хорошие...

Алка была в среднем настроении – куда-то собиралась, а полковник изменил её планы, – обиженно сообщила:

– Мы тебя с Наташкой вчера весь день ждали – где ты был?

Но когда она протянула мне 500-евровую, а я сказал, что пусть оставит её у себя, дяде Коле на лекарства, она повеселела и начала думать, куда нам поехать за одеждой:

– Да, в этом виде ты не очень... У тебя рост и так не ахти какой...

– Ахти – это большой? Ах-ах?

– Сам не знаешь? У тебя какой размер?

– По-германски – 25-й... А тут... Китаеды малы...

– Ты не верти, говори!

Тут позвонил мой мобильник. Папа! Я и забыл!..

– Ja, Papi!

– Wo bist du, draußen?

– Ja, ich bin frei und komme morgen nach Hause...

– Ja, das wäre nicht schlecht. Danach müssen wir reden.

– Ja, Papi, klar... Danke für alles. Papi, wie hast du das geschafft?.. Sie haben gesagt, dass ein dünner Mann um 4 Uhr morgens Geld gebracht hat.

– Der arme Jürgen, hat wegen dir Vagabunden nicht geschlafen.

– Wer war das denn?

– Mein Freund, BMW Attaché in Russland. Oder sein Referent, beide sind dünn... Wann kommst du?

– Morgen.

– Also...¹ – и он повесил трубку.

¹ – Да, папи.

– Ты где, снаружи?

– Да, я свободен и завтра приеду домой.

– Да, это было бы неплохо. Потом мы должны говорить.

– Да, папи, ясно. Спасибо за всё. Папи, как ты это сделал? Они сказали, что сухой человек в 4 часа утра привёз деньги.

– Бедный Юрген, из-за тебя, бродяги, не спал.

– Кто это был?

Алка тем временем вытащила из шкафа темный пиджак и светлые брюки:

— Это Стояна, он тут иногда переодевается, если вечером куда-нибудь идёт.

— Куда идёт? Казино? Конь в пальто!

Брюки подошли, только снизу чуть подвернуть...

— Но туфли? — вспомнил я.

— Да, выйдем. Да и тут радости мало, — кивнула она на дверь в другую комнату, где сестра обсуждала по телефону, как бы подешевле отправить сыну посылку в тюрьму и кому сколько давать бабла в лапу.

— А у меня есть! — Я вспомнил про меню и вытащил его из сумки (полковник ничего не взял, кроме травы и фальшивых купюр).

И мы все вместе нашли раздел судов и тюрем, откуда узнали, что цены высокие, но хотя бы примерно можно понять, сколько стоит: например, свидание — 60 000 рублей... сумка продуктов — 500–5000 рублей... а, ну да, смотря что за сумка и что внутри... Вот, можно из ресторана еду заказывать, принесут за 500–600 рублей... запрещенный предмет: 3000–5000 рублей, это нам не надо... мобильный телефон — 5000 рублей. Это важно — телефон... Так, камеру поменять — 5000–6000 рублей... Женщину заказать — от 10 000 тысяч... Выбрать лагерь или колонию — от 15 000 до 200 000 тысяч...

Женщины что-то записывали, Алка хвалила меня:

— Откуда это у тебя? Ты, я вижу, хорошо освоился...

Потом мы стали обсуждать, какие услуги нужны в первую очередь, а я предположил, что, может, в пакете будет дешевле?

— Как это — в пакете?

Я объяснил, что «в пакете» — это если у нас в Германии что-то вместе с чем-то покупаешь, дешевле выходит,

— Мой друг, представитель «BMW» в России, или его референт, они оба худые. Когда ты приедешь?

— Завтра.

— Ну, тогда... (нем.)

ну, если вместе с путёвкой заказывать билеты и питание, то всё будет дешевле, чем по отдельности. Может, и тут так?.. Например, свидание и мобильник должны, например, стоить по отдельности 60 000 и 5000, а если брать вместе, может, дадут за 60 000 или даже 55 000?..

Они задумались и решили, что вряд ли — чего ментам бабло терять, когда и так свое получают, по-любому и реально, тюрьмы в России никогда не пустовали.

Алка посматривала на меня, я глаз не мог оторвать от груди, хорошо видной в вырезе платья. Сестра тоже была в платье. Все тут в платьях. Я последний раз немку в платье только в кино видел — все в джинсах и тапочках, на женщин мало похожи... Нет, тут дамы за собой следят. Алка же говорила — неизвестно, какого ван-дамма где встретишь, поэтому надо всегда быть в форме. Естественный отбор интенсивнее. Даже сестра, толстая и неповоротливая, тоже вся украшена — помада бордо, синие веки, румяна...

Время шло к полудню. Я спросил с надеждой, не уйдет ли сестра в тюрьму, но Алка сказала, что тюрьма — далеко, не здесь:

— А что от тебя менты хотят? Чего полковник крутится?

— Так... Виза не прописана... не завизована... А ты как? Платила?

— Сестра помогла. Я ей как раз из твоего подарка отдам.

— Отдай, у меня еще есть. — И я показал ей еще одну (из трех оставшихся) 500-евровых, отчего Алка радостно удивилась:

— Ты чего, рожаете их? Может, тогда закажем хавку по телефону, а то мы со вчера не ели. Нет, деньги есть. Не до того было с этими заморочками, передачами, продуктами, ебись они сладким пирожком... — Она тронула меня за рукав. — Вчера я, правда, Наташу пригласила, ждали... Я звонила. Где ты был?

Что говорить?

— Я был в городе Можарске, — вспомнил я Хорстовича, упоминавшего что-то такое.

— В Можайске? А чего там? Монастырь какой?

— Да, книги... рукой писаны... Я большой книгочитайка... — добавил я, вдруг забыв, как звали того типчика на выставке, от которого китаец убежал: что-то с суффиксом «-айка» типа «балалайка»... Дурайка, кажется... Малознайка?..

Потом она заказывала по телефону китайский обед, а я долго мылся в душе, получив чистые носки и трусы Стояна — трусы были велики, что навело на невесёлые мысли, но в ванную тихо проскользнула Алка, заперла дверь изнутри — щёлк-щёлк! — и, не выпуская меня из кабины душа, руками и губами не спеша убедила меня в том, что кровяные члены куда лучше мясных...

Благостно расслабнув, едва волоча ноги, я вылез из ванной как раз к приходу китайского вестника с разными коробочками, где обнаружили утку по-пекински, рис с тушёными овощами. У него не было сдачи с евроденег, и сестра расплатилась из сумки, забитой бумагами и бланками.

— О, Herbstrollen! Rouladen! Осенние рулады! Как раз осенью! — Я взял длиненькую еду, но они объяснили мне, что рулады не едят, а поют, а это — так, китайские дурацкие пирожки.

На звонки своего телефона Алка не отвечала, только один раз включила и спросила, где он («это Стоян, на всякий случай»), но я не хотел видеть его, и она не продолжала, отщелкнувшись и сказав:

— Поделом ему! Придёт — где брюки, где пиджак? А Фредя взял, в счёт долга... А можно, котик, я этот долг — пятьсот евро — на себя переведу?

Я разрешил:

— Да. Пусть уже проценты давать!

Сестра, загребая ложкой рис и обильно макая в соус хлеб, поддакивала:

– Правильно, нечего воровать! Взяли моду! Ты их кормишь, поишь, а они хвать из кармана! Что это такое? Совсем народ оборзел! Вот мой Валерка – драчун, а воровать – ни-ни! Ну, вы тут доедайте, а мне в Гусь-Хрустальный звонить...

– Еще гусь? Тут утка!

Алка пояснила:

– Город такой, там колония...

Собрав пустые коробки, мы с Алкой вышли из дома и стали ловить машину. Я беспокоился, что у шофера не будет сдачи, но она сказала, что пунктов размена полно, остановим, разменяем, не вопрос, как два пальца...

– Куда пальцы?

– Ничего... Значит, туфли. Или ботинки?

– Нет, ботинки есть, будь они проклятые. – Я вспомнил негнущиеся штифели, снятые и оставленные в кабинете у полковника. – Мне туфли. И плащ.

– А эта куртка чем плоха? Путёвая, – оценила она, а я подумал: «Путёвая. Значит, хорошая, в пути часто была, опытная».

Они с шофером долго обсуждали, куда ехать. А я думал о разговоре с папой. Да, беседа с ним будет. Он с детства сажал меня за стол, тушил верхний свет и долго и нудно со мной «беседовал». Но что было бы, если бы он не сумел бы достать бы этих денег бы?.. Я бы сидел бы в тюрьме, мама бы возила из Баварии передачи бы куда-нибудь в Хрустальный Гусь, а о папе говорили бы, что у него сын – преступник, связан с русской мафией и сидит в ГУЛАГе на Лубянке?... Lubjanka... Или Любянка – от «любовь»? У.. У.. Кому приятно?

Кстати я вспомнил:

– Мы далеко от Красной?

– А что?

– Там есть магазин ГУМ, где все москвичи покупают одежду и продукты, – напомнил я.

Алка сделала большие глаза:

— Вспомнил! Ты б еще в «Петровский» собрался. Там дорого!

— А площадь? Красная? Много крови лило...

Шофер, оценивающе посматривая на Алку и с некоторым сомнением — на меня, сообщил:

— Там сегодня мероприятие, День атомной промышленности, голубей пускают, песни поют... — а Алка, согласно кивнув, затянула припев:

— Давай, Россия, давай-давай! Давай красиво, давай-давай! — на что шофер фыркнул:

— Как это — «давай красиво»? Кому давать? Красиво только бляди дают!

Но я не успокаивался:

— Но Пушка-Матушка? Колокол-Батюшка? Миня и Пожарный?

Алка огрызнулась:

— Да ну, Фредя, ты как ребёнок! Сдался тебе этот колокол, ебись он в сосиску! В нем дыра в метр, хули на него смотреть?

— А... вечерний звон?..

— Какое там! — отмахнулась Алка: — Он с дефектом — никогда не звонил... Бракованный, без причиндала...

Как же так?.. А я думал — вечный звон, как страшен он... мамушка православная Сибирия... И продолжал настаивать:

— Но... Базилиус-Катедрале... Ведь Грозный Васильевич в честь отца Василия строил...

Шофер ответил:

— Нет, в честь блаженного Василия...

— Что это? Блаженный?

Алка ответила:

— Это значит — сумасшедший, псих, — а шофер уточнил:

— Дурачок; словом...

— И в честь дурачка... собор? — удивился я, хоть и вспомнил о павильоне со зверьком в шляпке, при виде которого китайский премьер покраснел и убежал с

ЭКСПО, на что шофер, спешно нарушая правила и заворачивая через две осевые — «пока ментов нет», пояснил:

— Его царь очень любил. «Вася, скажи мне, что будет, ты же знаешь», — просит. А Вася молчит, камушками играет. А царь стоит, ждёт... Или на колени бухнется рядом с дурачком, молится, а тот его камешками по бармам тюкает... Тип еще тот был!.. А как он жён выбирал — недавно по телику рассказывали. Приводили со всей Руси тысячу или две красавиц, он отметал половину, потом — половину от половины, потом — половину от половины — и так до того момента, пока одна не останется... Длилось долго, месяцами... А отмечённых своим опричникам сто пудов давал на утехи — не отправлять же товар обратно?.. Вот одна жена, Темрюковна, его и надоумила опричнину создать — она сама с Кавказа была, а там у каждого князька всегда своя банда головорезов под ружьем была, вот она и говорит ему: чего у тебя нет никого верных людей?.. Отбери полтыщи! Так и пошло...

А я восхищенно думал, что Московия — очень загадочная страна: цари стоят перед дурачками на коленях, соборы в их честь строят, а люди как будто живут во всех временах сразу, всё знают и всё понимают еще до того, как ты рот открыл-откроешь...

Когда мы вышли из машины, Алка предложила купить винца и выпить его для бодрости:

— А то по магазинам таскаться скучно на трезвяк.

Идея была неплохая. Пункта обмена мы не нашли, но в ларьке Алка купила две бутылки кенгурового вина, и мы сели на скамейку в скверике, причём Алка искала — и нашла — укромное место за кустами:

— Тут спокойнее, — отчего мне стало тайно приятно.

И грудь её так многообещающе топорщилась из выреза... Но она, заметив мои взгляды, сказала, исподтишка оглядываясь:

— Не, ты чего!.. И не думай!.. Ментов полно, день! Посидим, винцо поьем и в магазин зайдём... потом, дома... — А на мои вопросы, далеко ли Красная площадь,

ответила: — Отвяжись! Закрыто там! Говорят — День лесотехника... Или День атомной войны, однохуйственно — голубей пускают и песни поют, сказал же водила...

Что это — всё время закрыто?.. То Джими Хендрикс с того света, сейчас — опять голуби?.. Да еще в День войны?.. Насчет того, чтобы послушать песни на площади (что мне было бы очень полезно), я уже промолчал, чтоб её не злить.

Мы уже выпили полбутылки и болтали о том, о чём: она вспоминала, как её обокрал фраер, деньги на Турцию унёс, а я успокаивал её — может, к лучшему?.. Малая жертва?.. Неизвестно, что бы с ней в Турции случилось, с чем она была согласна:

— Тоже верно, не знаешь, где соломку стелить... Вот одна знакомая девушка поехала, а турки её поймали и трахали вкруговую, пока она не сбежала. Чуть до смерти не заебли, скоты... — Потом спросила, правда ли, что Дармштадт по-немецки — «город-кишка», ей недавно Стоян сказал, у него дружок там работу нашёл.

Я обстоятельно объяснил:

— Да, «Darm» — кишка, «Stadt» — город: такой, тянутый... У нас много слов так, вместе, — и закрепил пальцы крючком: — Друг с другом... так, крепко-прекрепко... И фамилии тоже всякие... У меня директор гимназии была госпожа Hassdenteufel, значит — госпожа Ненавидь Дьявола!

Она изумленно уставилась на меня:

— Да ну! Врёшь! Брешешь! Такая фамилия?.. Хотя у украинцев тоже есть такие, типа Залей-Глаза или Набей-Рыло...

— Да, Ёбин Рот... О, в немецком еще хуже есть!

Мы допили бутылку, я спрятал её (как прятали Максимыч и Самумович, говоря при этом: «с глаз долой») за скамейку и сказал, что у нас в прошлом году был семинар по этимологии фамилий, где мы обсуждали и фантазировали, откуда могла взяться та или другая немецкая фа-

милия – просто так ничего же не бывает?.. Вот, например, фамилия «Sauerwein», «Кислое Вино»?.. Мы придумали, что с предками этого рода когда-то случился какой-нибудь большой конфуз: ну, предположим, держали трактир в Швабии, где кормили гостей жареной свининой и поили вином со своих виноградников, и вот как-то раз один сын, ленивый Ганс, не домыл бочки – и весь годовой запас вина скис! Позор лег на поколения, а в городскую книгу была сделана соответствующая запись. С тех пор все потомки ленивого Ганса стали жить под этой фамилией.

Или «Junghahn», «Молодой Петух». Наверняка у них в предках был бедный дворянчик из Бремена или Любека, который в пылу ссоры умудрился наскочить с кулаками на какую-то важную персону, за что и был посажен на гауптвахту, а потом приведен в кандалах в ратушу, публично осмеян и назван «молодым петухом».

Или вот такая странная – «Kindervater», «Отец Детей»?.. Ясно, что тут кто-то когда-то рано остался вдовцом, но не женился, хранил верность памяти жены, сам воспитывал десять детей, всех вырастил, обучил наукам и помог обзавестись хозяйством. Не сыскать такого заботливого отца!.. И люди, которые всё видят и всё знают, решили, что такой поступок надо запомнить, и стали называть его «Отцом Детей»...

Алка тоже подключилась:

– А откуда мог появиться «Ненавидь-Чёрта»?.. – и предположила, что это, может, был какой-нибудь монах, который рехнулся и день и ночь кричал эти слова?..

На это я ответил, что дело могло быть хуже: какая-нибудь женщина в старые времена была арестована за колдовство, её пытали, держали в тюрьме, обещали сжечь, но она прошла все испытания, и её выпустили, велел 40 дней и ночей писать беспрерывно эту скороговорку – Hassdenteufel, Hassdenteufel, Hassdenteufel, Hassdenteufel, а она и после 40 дней не остановилась: обезумев, до конца своих дней повторяла только эти звуки, навечно запавшие в её ущербную душу. Так стали

звать и всех её детей, и даже стали сторониться их: нехорошо, когда в имени человека лежит след черта.

— А что делал предок фамилии «Stadtlober», «Хвалитель Города»? — спросил я.

Она азартно придумала:

— Да уж какой-нибудь подхалим, кивала и подпевала, всем угождал, сучка такая хитрая, лизоблюд...

— Да, блюдолиз... Люди-людолизы. — Я вдруг вспомнил фамилию Самулыча: — А вот старик, с нами сидел-сидывал? «Беренберг»? «Гора медведей»?

Алка не поняла:

— Кто Медвежья Гора? Самулыч? Так он же еврей!.. Ну, открываем вторую? — Она кивнула на бутылку.

— Почему «открываем»? Откроем!

Я свинтил пробку с бутылки, и мы продолжили игру и согласились в том, что сразу можно понять, хорошие люди были эти предки или нет. Вот, например, мог ли быть «Hezberg», «Гора Сердца», плохим человеком? Да никогда! Был исключительной кротости и добропорядочности, а один раз даже, наверно, спас тонущего ребенка или вытащил из огня старушку... Или «Wunderlich», «Удивительный»?.. Явно был удивительно хорошим и добрым человеком.

Алка вдруг возразила:

— А может, наоборот — был удивительный урод? Мучил кошек и детей, пока его не отправили в каталажку?

Я ответил, что, может, было вообще по-третьему: вначале это был душевный человек, но после неудачной любви превратился в злодея и стал делать такие вещи, что люди только качали головами: «Удивительно!» А как ей нравится фамилия «Mutter», «Мать»?.. Трудно, наверно, жить мужчине с такой фамилией! Или «Krummbiegel»? Я даже не знал, как это объяснить:

— «Кривая Накрутка», «Косая Навёртка»... Гнутка, от biegen¹.

Алка поняла:

¹ Гнуть, крутить (нем.).

— А, наверно, крутым слесарем был, а потом крепко выпил и наутро, с похмелья, резьбу запорол где-нибудь на колодезном журавле, а мальчишка какой-нибудь шустрый пизданулся в колодец вместе с ведром... А твоя от чего идёт — Боммель, фон-барон?

Я предположил, что от «bummeln», что значит — «болтаться», «шататься». Алка всплеснула руками:

— Гуляка, шатун... Ну ты и дурачок! Мы тебя тут с Наталкой ждем, клиентов на хер посылаем, а ты в Можайске книги смотришь! Лохарик, в натуре! Лузер!

— А, знаю, лузер, проигральщик... Да, я — фон Лузерлох!.. Но Шатунка... Гулянка... А как ласковое от «Фредя»?

Алка задумалась секунд на пять.

— Ну, много... Фреденька... Фредечка... Фредик... Фредюнька... Фредюшка... Фредуляшка... Фредулька... Фредулечка... Фредуленция... Фредульчик... Фредяшка-кашка...

А я слушал, открыв рот: вау, немцы, где вы? Одна форма — Fredchen — и всё, а тут... Какой же язык богаче выходит?..

Так, неторопливо, пилаась вторая бутылка кенгурятины, которая оказалась крепкой и ударила в голову. Мы начали украдкой касаться друг друга. Я залезал ей под юбку, трогал её за горячие бедра, стал шептать ей в шею, как я хочу видеть её в Баварии, у дедушки Людвига в летней бане, где я в первый раз был с женщиной и где мне всегда хочется... И целовал её ухо в мелком пушке, тянулся к губам, добрался до мясистой груди (вспоминная, как всегда, ту, первую, соседскую молодую вдову, голубоглазую и грудастую: я заманивал её в баню, начинал трогать, целовать, она всё время повторяла «Nein, bitte, nein, bitte!», мледа, глубоко дышала, шарила по мне цепкими и сильными пальцами, а потом, заткнув за пояс юбку, стянув трусики и обнажая пышный белый зад, неторопливо вставала на скамью на колени, основательно утапывалась, упираясь грудью в скамью и двумя руками растягивая ягодицы)...

Мы и не заметили, как из кустов появились два типа, похожие на дворняжек. Очень нетвёрдо ступая и качаясь, они что-то обсуждали (Алка тут же отодвинулась от меня, я напрягся). Вот один, в кепочке козырьком назад, шатаясь, подошел поближе:

— Граждане, не поможете? На билет до мамы не хватает. Вы, я вижу, пьете?

Алка нахмурилась:

— Что было — выпили, вот, если хочешь... — Она показала ему глазами на бутылку в моей руке, на что он презрительно поморщился:

— Я что, нищий? На билет, я сказал, до больной мамы не хватает!

«Я сказаал!» Я встал:

— А чего тебе... необходимо?

— Ты, друг, не хорохорься...

— Я не хорюсь, говорю. — Как назло, из жлобских слов ничего на ум не приходило, кроме: — Переживай!

Подобрался второй, услышал:

— Э, да ты не русский... А ты, шалава? Чего это, а?

Алка встала:

— Идём, Фредя. Чего тебе? Отвали, не то милицию вызову! — погрозила она мобильником и хотела пройти, но ей загородили дорогу:

— Куда, коза? Ты чего это с чурками якшаешься?

— Какой он тебе чурка, балда? Это чистый бундес! Это ты чурка перед ним!

Тип в кепочке смотрел на меня водянистыми глазами:

— Ещё того хуже! Ты чего к нашим бабам пристаешь, немчура? За это платить надо, поняял?.. Баблооо гони, я сказаал!

И он схватил меня за руку с бутылкой, я дернулся, вырываясь, и случайно попал ему горлышком бутылки куда-то под челюсть, отчего он ойкнул и отшатнулся, хватаясь за воздух и хрипя:

— Ты чего?

Алка, выхватив что-то из сумки, стала пылить струёй второму в лицо, отчего тот, сделав несколько нелепых шагов назад, осел в кусты. Алка хотела перескочить через скамейку, закинула уже ногу, но тип в шапочке ухватил её за ступню.

– Пустить ей! – закричал я. – Я сразу бью! Сюка!

И вдруг увидел в руке у опыленного нож и от страха ударил держащего Алку типа по голове бутылкой. Стекло разлетелось, а тип покотился на землю. Алка, задрав юбку, перелезла через спинку, крикнув:

– Бежим! – и я, откинув осколок бутылки и обогнув скамью, бросился за ней.

Опыленный тип, выпрыгнув из кустов и обогнув скамейку, попытался достать меня ножом, но лезвие только скользко чирикнуло по крепкой лоснящейся куртке, а он не удержался и упал на землю.

Мы пробежали мимо каких-то людей с собаками... мимо стайки детей... мимо зонтов кафе... завернули на большую улицу, где следовало сбросить ход и пойти не спеша. Задыхаясь, мы шли скорым шагом, приходя в себя после бега.

От волнения меня тошнило, я стал мелко-мелко глотать, отчего кислотное мутилово отпустило. Но я чувствовал себя крепко и уверенно: Фредя – молодец, не побежал, а ударил! И этого дворняжку сейчас, и Стояна в ресторане... Ну и что, надо учиться, если в гимназии не научился, хотя в школе у нас были турки-драчуны и пара хитрых итальянцев, с которыми они всегда дрались, но это было без ножей и большой злобы, скорее из куража... Это хорошее французское слово – «courage». Вот и у меня сегодня – кураж, в голове – раскардак, под рукой – Алка. А в душе гордость – не испугался, а дал по куполу, чисто и реально! Да и какой у него купол?.. Так, голова в шапочке, как у тех стариков, что водку на чердаке варили и других сожгли, за что сидеть Раисе до гроба в Столыпинске...

Алка нежно шупала и гладила мой локоть, отчего было приятно, но гордость мешалась теперь с беспокойством: ведь я видел кровь из-под шапочки на лбу ударенного!.. Опять криминал!.. Что за реверс? Мало было 50 тысяч заплатить? Но что делать — он же нападал? Любой суд оправдает. Да, но... больше квази-Гагарина я видеть не хочу. Да и полковника не желаю! Бежать сейчас, одному! Но он знает рейс, найдет... А тот тип с ножом... Хотел меня в спину ударить, куртка максимычевская спасла — крепкая, битая, путная, спасибо ему и удачи!

«Злом зло убил!» — вдруг пришла фраза, я начал вспоминать, откуда она («не из Лютера ли?»), стал беспокоиться, оглядываться:

— Алка, пусть чёрт туфли берёт, поехали отсюда, komm, weg von hier!¹

Алка преданно сжимала мой локоть:

— Комм так комм... Ладно. Я еще дома поищу, кажется, Стояновы обуви где-то торчат... А ты молоток! Ну, фашист! Дал ему как следует! С такими так и надо, а как еще? «Я сразу убью» — и как даст по башке бутылкой! — восхищенно изобразила она. — Ты не трус, не сдрейфил!

— Дрейф... Да, я как плыл... плавал... в дрейфе...

Когда мы добрались до квартиры, было уже темно, в домах светились окна.

Алка уступила мне свою комнату (где главной мебелью была очень большая трёхспальная постель и не менее большое зеркало рядом с ней):

— Ляг, отдохни перед дорогой, а я с сестрой телик посмотрю, — и ушла в другую, где бубнил телевизор и сестра занималась сортировкой тёплых вещей для посылки, вслух комментируя новости:

— Это они любят — в большом зале собраться и лапшу на уши вешать! А народ слушай да молчи! Шеи на гал-

¹ Давай подальше отсюда (нем.).

стуках лежат! Мундиры лопаются! Тут не знаешь, как концы с концами свести, а эти бессовестные совсем о людях не думают!.. Ну хоть что-то народу дай! Нет, не насытные! И всё только — надо, нужно, необходимо, уже пора, должны, обязаны, пришло время... а сами пока что — карманы набивать да яхты покупать...

— А чего это они так колготятся? — спросил Алкин голос.

Голос сестры со злорадством ответил:

— А с коррупцией бороться хотя! Ты на них только погляди — самые главные коррупщики собрались и талдычат... Вон, пишет что-то, поперёк себя шире, ручки в лапе не видать от жира...

Алкин голос засмеялся:

— Наверно, записывает, что взятки брать плохо, чтобы дома на стенку повесить и наизусть выучить... Да как усердно, мама родная, пишет — аж язык высунул, словно первоклашка какой, ебись ты в рот слоеным пирожком!..

Голос сестры с возмущением объяснил:

— Это чтоб все видели, какой он честный и покорный, всё записывает, что начальники говорят, чтобы, не ровен час, не забыть по дороге на свою Рублёвку, что с понедельника надо срочно начать бороться не на жизнь, а на смерть! Смех один! А ты день и ночь думай, где деньги взять, чтобы все эти мохнатые лопаты умилоствить и подмаслить... Всюду обдирон — мама не горюй! Коррупта проклятая! Короста!

— Да, короядцы... где Роза с берёзы... — громко вспомнил я, на что невидимый, весело-удивленный Алкин голос отозвался из другой комнаты:

— Во как! А ты такие слова откуда знаешь?

— Откуда? От верблюда!

Хоть я и шутил, но в голове крутилась сцена с типами. Надо сказать Максимычу, что я на свободе и что его куртка спасла мне жизнь!

Я не поленился и позвонил. Максимыч был рад, что всё уладилось:

— А то что это — студентов ловить? Совсем они там торкнулись умом! Других преступников нету, что ли? Мы уж с Павлом Ивановичем хотели этих ментов поганых прищучить, да больно быстро они вас увели, а то им пасть порвать — это в два счёта...

— Есть другие, спасибо... куртка спасала. — И я коротко рассказал, как было дело в скверике.

Максимыч стал предупреждать:

— Мы же говорили — осторожнее, хулиганья полно... один ко мне недавно шился, пока не получил по мозгам...

Я начал представлять себе его рубонь, которой я никуда не хотел бы получить от него... А Максимыч стал ругаться, что идешь по улице — тебе на башку сосульки валятся, или асфальт рухает, а оттуда кипяток бьёт; сел в метро — а там террористы, чечены, нашисты, скины, блин, всякие, готы-переготы, чтоб их чёрт побрал, молодежь жарит на Вечном огне колбасу, совсем совесть потеряли, по улицам фашисты шмыгают, а за что мы на фронте с сапёрными лопатками за поясом, чтобы хоть как-то грудь прикрыть, голыми руками с фашистом бились:

— Вот, сосед пошёл на футбол, а нарвался на фугас... А милиция таких, как вы, ловит. Вот какая у нас милиция. А вы когда едете?

— Вечером. Да, на скором поезде... Красное седло, кажется...

Максимыч пошуршал чем-то:

— Вот листок, где мы писали... Этот скорый всегда с третьей платформы отходит?

— Откуда знать? Сегодня — в Петербурх, завтра — в Мюнхен. Да, Павелу Ивановичу — приветы!

— Спасибо. И братской Баварии — привет! Рад был знакомству.

— И вам спасибо... за всё хорошего... много узнал,

что не знал... Удачной удачи вам! Чтоб конь всегда валялся!

Он отключился.

Я прилёг, тянуло заснуть, но надо было писать дневник, и я, пересилив себя, около часа записывал всё, что было, но потом всё-таки уплыл в никуда, и качался в тёмном прибое сна, и кто-то что-то настойчиво требовал у меня, а мне очень не хотелось это что-то отдавать — самому очень нужно было...

Просыпаясь, я ждал, что в темноте появится Алка, но она не входила, а за дверью слышались голоса, различить что-нибудь я не мог, засыпал и обнимал вместо Алки упругую и сладко пахнущую подушку. И всё казалось таким родным и близким, как будто я прожил всю мою жизнь здесь, в этом доме, среди этих отзывчивых и простых людей!

И когда папа в конце неизбежной «беседы» спросит меня: «Ну, как тебе русские? Какой народ? Пьют водку? “Наздровье”?» — я отвечу: «Добрый, душевный народ, но несчастлив, разорен, заброшен, обобран, потому и пьёт, а что еще делать?» Но я уверен, что меня будет тянуть сюда, где люди веселы, беспечны и неподдельны, живут одним днем, ничего хорошего не ожидая от завтра и мало что помня из вчерашнего, потому что голова болит и пива нету, где заботливые губы могут вмиг вознести на небеса и дать излиться белым дождём на всё сущее... снующее... сующее... где можно отлично выспаться в ванне без воды, где от водки распирает вены и душа бредёт по ним, и бродит, и бредит... и берedit соски счастья, которыми человек держится за всё это сущее снующее, присосан к нему, как теленок — к вымени...

Очнулся я от крика Алки:

— Фредя, вставай, за тобой приехали. На вокзал пора!

Она стояла у окна и показывала на улицу, где в свете фонаря можно было разглядеть милицейскую «попугайку»: из одного окна выглядывал сержант Пьянчуж-

ников, из другого — полковник, который, улыбаясь, показывал на часы: «Время! Пора!»

— Присядем на дорожку! — сказала сестра, когда я вышел из ванной, наскоро приведя себя в порядок.

Обе женщины присели, где стояли. Сел и я, хотя не понял, зачем садиться, когда надо идти. Как будто отвечая на это, Алка посоветовала:

— Проверь — паспорт, деньги, билет — всё взял?

Да, деньги!.. Я достал 500-евровую, протянул её Алке:

— Дорогая Алка, тебе надо «пи-си», контактовать...

Вот, купи ноутбук!

— Ой, да я не умею! — сконфузилась она, но сестра подтолкнула её:

— Бери, дурочка, человек правильно говорит — сейчас без компьютера никак, даже в тюрьму не попадёшь...

Алка взяла, спрятала куда-то за пояс:

— Ладно, спасибо, я Стояна попрошу, он научит...

На работе целый день в игры играет...

— Если б только на работе! — вздохнула сестра, а мне упоминание Стояна, чистый пень-пеньской, очень не понравилось, но я одёрнулся тем, что напомнил себе, чем Алка вообще на жизнь зарабатывает: одним стояном больше — одним меньше, какая разница? Оба хуже... Но нет, это неправильно, надо думать по-новому!.. «Засунь банал в анал! Надо постигать новые реальности, думать по-новому!» — говорил Виталик, когда мы обсуждали с ним будущее, но я, лохерлуз, не могу думать по-другому.

Алка подняла на меня шалавые зелёнистые глаза, поцеловала в щёку:

— Спасибо, родной! До встречи! Удачи! Чмоки-чмоки!

— Тебе тоже так! Чмук!

И я, подавив ком в горле и подхватив сумку, ушёл из квартиры, сказав Алке, чтобы она меня не провожала и не спускалась во двор, но она вышла на лестничную площадку и так ласково прижалась ко мне всем телом, что ток прошелся по ногам и ударил в голову, замкнувшись где-то глубоко в душе, затаясь навсегда.

В машине я сел сзади, к двум бумажным пакетам, набитым баночками, свёрточками и бутылками. Полковник, видя, что я их осматриваю, заверил:

— Всё, что нужно, у нас есть. До Питера от голодной смерти не умрём, а там запас пополним. Ну, где обнови? Вы, я вижу, опять в дурацких пантофелях?.. Вас ист дас? Дас ист квас?

Я показал на брюки:

— Вот, новые, а куртка эта крутая, путиновая...

Вдруг зачесался язык рассказать ему о драке в скверике, но я пересилил себя и не дал открыться течи речи... Молчание — золото, потому покойники — самые надёжные собеседники... труп — в гроб, гроб — в гроб — отдохни, зацени и не переживай!

Сержант Пьянчаркин скорбно осведомился:

— Теперь куда? На вокзал?

— А куда ещё? Не в цирк же, хотя Фредя и одет как клоун!

Сам полковник был в замшевой чёрной куртке с узором, в бежевой, умеренно полосатой рубашке. С брюками и обувью тоже было всё в порядке.

— У вас что, многие интересных делов в Петербурхе будет-есть? — из вежливости спросил я.

— Да, есть кое-что... Разные верёвочки туда тянутся... Что логично и понятно — нынешние правители — оттуда... Питерская ОПГ... даже ОХОПГ...

Я не понял:

— Что в охоп? Охо-хо, кого?

Полковник повернулся ко мне всем корпусом:

— ОХОПГ? Очень хорошо организованная преступная группировка... Знаете, Фредя, раньше коммунисты обещали светлое будущее, теперь — эти... Чей черед придет завтра, было бы неплохо узнать... Впрочем, мне всё равно. Решение принято. С вашей помощью переберусь в цивилизованную страну, а то тут душновато стало от их фряерства... Да и хватит. Недаром мужиков в 65 лет на пенсию отправляют, хотя у них ещё ого как

стоит! — Видя в зеркальце по моим глазам, что я не понимаю его, он пояснил: — Я бы вообще сделал так: пока у мужчины эрекция есть — на пенсию не отправлять. Как обымпотентится — пожалуйста на отдых... Прямо в медпунктах проверять... Вы как считаете?

— Точно так. Но не думал. Мне не разница, далеко...

Полковник погрозил пальцем:

— Но быстро летит время, ох быстро! Оглянуться не успеете, как старость подойдёт! А старость отвратительна, как чума! И хуже всего, что в старости тебе достаются такие же протухшие бабы! Любое супружество занято в начале, тягостно в середине и невыносимо в конце — уж поверьте, через три срока прошёл... Ведь сколько бы лет тебе ни было — 17, 37, 77 или 177, всегда будешь иметь проблемы с женщинами, потому что каждая отдельная баба — это отдельная проблема...

А я на это вспомнил ему поговорку деда Людвига о том, что спать с чужой женой — преступление, а со своей — наказание, что развеселило полковника:

— О, да я вижу, ваш дедушка философ!.. Старый нацист, а?.. Они крепкой породы, с удовольствием познакомлюсь и шнапс выпью на брудершафт... Да... А к маразму надо быть готовым. Будь готов — всегда готов! Бедная моя мама!.. А ведь какая была активная, образованная женщина, по матери из князей Шервашидзе... А вот звонит час назад — уже пятый раз — и говорит, что сливы сейчас дешёвые, купи кило десять на базаре, я ткемали сварю... Ткемали? Помните, такой соус вкусный к хашламе? Ну, неважно, вы хашламу тоже не помните... Я ей говорю: мама, сто раз тебе сказал — я в Москве, по делам, меня нет в Тбилиси, скажи Ламаре, она купит, что надо; да, да, отвечает, понимаю, скажу, но ты сливы лучше на Дезертирском базаре бери, чем на Сабуртало, на Дезертирке фрукты всегда дешевле... Ну что ты будешь делать? Недавно, кстати, кошмарный сон видел на эту тему: будто я еду где-то на машине,

один, с какого-то задания, все руки в крови, одежда разорвана... Пейзаж марсианский... понимаете?

– Да, красный... с горочками...

– Вот-вот. Еду и чувствую, что хочу писать! Остановился, вышел, начал. Писаю – и не могу остановиться!.. Льёт и льёт! Сумерки стали вокруг – а я всё стою, а из меня всё выходит и выходит... вокруг уже ночь – а из меня так и хлещет... Что бы это могло быть?

– Чёрен зашёл, красен вышел... лапами по воде иди-ходи, – вспомнил я в связи с красными горочками, вокруг которых полковник написал во сне реки и озёра.

Он как-то обтёр лицо рукой, будто скидывая что-то:

– Ну, неважно. Ничего хорошего по-любому не означает. И моча была такая красноватая... Что-то в моей жизни не может закончиться... А ты не хочешь с нами в Питер? – вдруг закончил он вопросом сержанту.

Тот недобро повёл изъеденной прыщами щекой:

– Чего я там потерял?.. Это у вас дела великие, а у нас – так, делишки...

– Но-но, не ворчи! Сам виноват. Я же предлагал тебя в спецназ устроить, но ты не соизволил.

Пьянчугин с презрением фыркнул:

– Да чего я там не видел, в этом спецназе? В гробу я его видел! Денег с гулькин нос, а опасности?.. Уколбашиваться вусмерть с рюкзаком 40 кило по пересечёнке? Людей по бошкам палкой бить? Больше делать нечего.

– У них и частные заказы есть, там бабла навалом, – заметил полковник (не отвечая на мой вопрос, что за нос у Гульки и проверяя билеты): – Так, третий путь... Время отправки – 23:55, а сейчас у нас – начало одиннадцатого...

А мне стало интересно:

– Спецназ – это такие... в пятнухах... уродры без головы?.. Профессор на семинаре так шутился: «спецназ спецотлично и спецбыстро спецвыполнил спецзадание»... Но как – частные заказы? Приват-бюро?

Полковник засмеялся:

— А вот так — спецназ в разборках очень помогает. У нас же сейчас разбойный капитализм, какой у вас в XV веке был... Например, ты мне не нравишься или я хочу тебе нагадить, тебя опустить, или я тебе должен денег и вместо денег хочу засадить тебя в тюрьму — мало ли причин, особенно сейчас, когда люди от бабла ошалели?.. Вот я нахожу нужных людей и через них прошу спецназ, в свободное от народной работы время и за хорошие деньги, разумеется, чтобы он, как вы говорите, спецдал бы по рогам, кому надо: ворвался бы куда нужно и перевернул бы там всё вверх дном, переломал бы все чашки-ложки-компьютеры и избил бы всех сотрудников... — (Это было мне понятно — мафия тоже нанимает бандюк, чтобы те избивали хозяев кафе и ресторанов, в каждом фильме показывают, но потом что?)

Он как будто почувствовал мой вопрос:

— А дальше — по ситуации. Что-нибудь всегда найдется... В суматохе или подкинут полкило героина... Или бесхозный труп с твоим ДНК-ниточкой под дверь подложат, пусть там суд разбирается... или еще что... Им только бабла дымящегося отвали — всё сделают... Ну а суд... Знаете, Фредя, худшее у нас — суды, потому что, с одной стороны, они обязаны исполнять, что сверху велят, с другой — кушать каждый день хочется, так что выходит, что часть дел сверху приказана, часть снизу куплена, а что для правосудия остаётся?.. Ничего, мизер...

И он сказал, что мне любой историк подтвердит: суд на Руси с татарских времен имеет фиктивную, прикладную функцию — оформлять решения ханов, князей, бояр, потом — царей, коммунистов, и вообще при монголах титул «великий князь» стал продажным и покупным: возвышая одного из князей, мурзы поручали ему собирать дань, давали ему земли и рабов разоренных мелких князьков — словом, перекупали, что очень радовало великого князя и его бригаду:

— Ну и сейчас — то же самое. Да и у нас, на этапе

9. 28 сентября 2009 г.

следствия, тоже несладко — звонки сверху, сбоку, снизу, от друзей, знакомых, родных. А за кого не звонят — за того несут деньги. Что прикажете делать? Кому отказывать? А кто у нас на следствии не смог сделать дело — делает его потом, в суде... Кстати, многие к нам не идут, а идут прямо в суд, правильно считают, что, дав на следствии, они не гарантированы в суде, а дав в суде, гарантированы от неожиданностей, если только, конечно, голодный прокурор со злости в горло не вцепится и дело на доследование не вернет, что тоже бывает, — тогда плати и прокурору отдельно... А где гнилая система судов, где органы больны — там государство не стоит, я то видел, как разрушился Союз, сам всеми руками и ногами содействовал, помогал... Беспредел, конечно, но люди сейчас перестали бояться, потому что знают: всё можно купить и выкупить... А если уж, не дай бог, угодило в зону попасть, то и там можно жить по-царски при наличии денег...

— Да, меню, — вспомнил я.

— Вот видите. Это общество не только больное, но и преступное... Раньше хоть Политбюро боялись. Была одна дружная семья дона Иосэба. Суды приговаривали. Органы карали. Армия охраняла рубежи. А за всем присматривало недремлющее око ЧК-ГБ. А теперь?.. Шайки, бригады, кодлы, ватаги, стаи, беспредел, бардак, базар. Вот и ругай теперь дона Иосэба!.. Кстати, недавно он опять приснился...

И полковник рассказал, что видел во сне, будто стоит лето, жара, синее небо, он, ребенок, играет на своём балконе, вдруг появился Сталин, вошёл в кухню и по-хозяйски сел за стол (на место отца), негромко сказал что-то типа «мшиа», что по-грузински значит «я голоден». Ребёнок кинулся к холодильнику, принялся доставать на стол, что было. Сталин начал есть. Ел и ел, а мальчик, не зная, что ещё предложить гостю, нашёл на плите сковородку, где тускнели тусклые остатки яичницы, кое-где подёрнутые зеленовато-синеватой плесенью; но мальчик

решил всё-таки поставить сковородку на стол. Сталин, не поднимая головы, сматывая с губ паутину и выплёвывая катышки плесени, съел всё из сковородки, встал (был великан под потолок); мальчик обнял его, прижался щекой к твердому, пахнущему пылью сукну, а он погладил его по голове тяжелой ладонью, вздохнул и тяжело пробормотал: «Рогор мецдеби, чеми бичи»...

— Что это? Бич? Бомж?

— Это по-грузински — «как мне тебя жаль, мой мальчик»... Такая странность!.. — закончил он, не ответив на мой вопрос о связи слов «сука» и «сукно» — суки носят сукно? И не правильнее ли говорить «сюка»? Сюка, сюда!

После Сталина на ум пришли ветераны и злосчастная авракадавра, я спросил:

— Гурджиев знаете?

Полковник подумал секунду:

— Это какой Гурджиев? Что полбатальона съел? Каннибал? Из Киргизии?

— Да нет, друг Сталина. Он всякие штуки... В день, когда арестовали... Писали... Авракадавра... Древне-еврейское заклинание...

— Заклинание?

— Да-да. Я тоже писал... И сразу меня ловили, арест...

Он рассмеялся:

— Ну ясно, на немца еврейское заклинание будет плохо действовать... И чего вы, немцы, так на евреев взъелись?

— Я ничего не ел, — недовольно ответил я («опять!»), но он пояснил вопрос:

— То, что евреев все и всегда ненавидели и мучили, — понятно, но почему именно вы так особенно brutally ополчились?

Опять этот вопрос! Я решил ответить так, как мне когда-то объяснил папа: немцы были недовольны, что евреи глубоко проникли во все сферы Германии, что в их руках сосредоточилась чуть ли не большая часть финансов, газет, журналов, не говоря о фабриках и заво-

дах, торговле и ювелирном деле, ну и так далее, вот и рвануло, Гитлер как раз подоспел, на этой волне играл-сыграл...

На это полковник, покоясь на меня, спросил, правда ли, он слышал от одного старого кагэбэшника, что у немцев были планы трупы евреев не сжигать, а рубить на куски, варить похлёбку и кормить ею других заключённых:

— Типа чтобы добро зря не пропадало? Немцы же расчётливые?

Меня передёрнуло от такого предположения, но я лично таких вещей не слышал и сказал, что фашисты хоть и сволочи и подлецы, но до такого дойти не додумались и что дедушка Людвиг мне объяснил, что вообще нацисты не сразу стали такими дикими — постепенно дичали, как это было с уничтожением психов, которое началось с того, что какой-то рьяный папаша написал Гитлеру, что у него сын психически болен и, чтобы не портить генофонд нации, разреши, мой фюрер, лично его усыпить во славу великого рейха?.. Идею развил Геббельс, осуществил Гиммлер. То же самое примерно — с очисткой Германии от геев. И вообще немцы — народ — мало что знал о том, что происходит.

На это полковник возразил, что читал недавно, что в Германии сохранился один-единственный архив СС — в Вюрцбурге, не успели сжечь, пришлось бежать от американцев. И сколько было эсэсовцев на весь Вюрцбург, как вы думаете? 20 человек! Зато архив был забит доносами жителей, вашего народа: «туда вошёл черный человек с пейсами», «оттуда вышли три женщины цыганосатого типа», «там трое собираются каждый день, наверно, коммунисты»... Так что народ если сам не душил и не резал, то активно помогал, а СС оставалось только выезжать на аресты. Сами же говорили, что доносительство — первая заповедь немца?

А потом, посматривая на меня грузным, даже грозным взглядом, сообщил, что смертельная логика немцев

ему хорошо известна, вся как на ладони, и привёл в пример рассказ того же старого кагэбэшника о том, как немцы, расстреляв в каком-то белорусском селе триста жителей за трёх убитых фрицев и не зная, что делать с оставшейся полусотней детей, расстреляли и их заодно, написав в акте о расстреле, что из человеколюбия решили не оставлять детей на волю судьбы одних в сожженной деревне... Вóт так позаботились, нечего сказать!..

Сержант прервал его, спросив:

— Куда подъехать? К центральному? Там видеокамеры...

— Ну и что? — ответил полковник, но потом, подумав, согласился: — Да, лучше давай к боковому.

Но, увидев столпотворение машин у бокового, куда ему стало лень въезжать, сержант промямлил:

— А там сейчас, может, и закрыто — недавно бомжи куролесили и пожар устроили, так что вход был закрыт...

Полковник, проверяя карманы, ответил:

— Был закрыт — теперь, наверно, открыт... У нас, геноссе Фредя, всё длится месяц, потом всё опять садится по своим гнилым местам, — объяснил он доверительно. — Был пожар — месяц проверяют безопасность. Утонули — месяц ходит человек по берегу. Рвануло где — месяц строгий надзор... Самолёт навернулся — месяц контроля... Люди отравились — месяц белый халат на кухне маячит. А потом...

Я вспомнил, как сестра Алки ругала коррупцов и пятилетку борьбы с коррупцией, на что полковник от души рассмеялся:

— Ага, у нас уже пятисотлетка борьбы, а результата нет... Вы знаете, геноссе Фредя, я думаю, даже уверен — многие русские правители, садясь на власть, засучивали рукава, хотели реформировать эту дремучую страну, но постепенно рукава вместе с руками опускались, оставалось только вешать и расстреливать, чтоб было как всегда, а не хуже... Так что вход уже будет открыт... — И когда сержант подрулил к открытому входу, он сказал: —

Ну, что я говорил?.. Неделю поборолись – и хорош... Эта страна неисправима. Так, выгружаемся!

Он шёл первым, с элегантной сумкой, за ним я со своей сумкой, за нами сержант тащил в одной руке в обнимку два пакета, в другой – чемоданчик.

На вокзале было шумно и энергично – люди спешили, поезда двигались, фыркали, рокотали. Пахло дымом, тянуло едой из ларьков. Полковник уверенно нашёл нашу платформу и вагон. У входа стояла приятная дама в форме, в пилотке, пахла жасмином.

– Ну, что я вам про тракдабанилли говорил, вымытые попочки, – шепнул мне полковник на ухо и подал продавщице билеты: – Вот, голубушка, пожалуйста... Мы не ошиблись – тут СВ суперкласс, с красавицами и горячим и крепким чаем?

– Тут, проходите, пожалуйста, – прищурилась проводница, оглядывая нас сияющими глазами; пилотка очень шла к её светлым волосам.

Полковник пропустил вперед сержанта, объяснив девушке:

– Это – тягловая сила! Он не едет, – и пошёл следом, я – за ним.

Когда всё было разложено по полкам, сержант кислово спросил:

– Ну, мне чего? Идти?

– Иди, раз не хочешь с нами ехать, – отвечал полковник, занятый коробочками и свёрточками, вытаскиваемыми из пакетов.

Но сержант мялся, и полковник, вынув из кармана солидный бумажник тёмно-синей кожи, вытащил пачку рублей, дал ему:

– Пойди отдохни, хоть сегодня и понедельник, – после чего сержант, пробормотав что-то типа «много доволен», исчез.

Полковник начал сортировать продукты, а я вышел в коридор и стал смотреть на платформу. Много людей.

Куда они едут? Какие у них дела? Кто их ждёт? Что они будут делать?.. Все оживлены. Тянет дымом сигарет, где-то испускает истеричное шипение локомотив. Отчаянные свистки, низкие траурные гудки, выкрики носильщиков, стук тележек, обрывки фраз... Всюду людоезды!

В купе зазвонил телефон. Полковник что-то терпеливо и ласково говорил на своем волшебном языке, потом объяснил мне из купе:

— Опять мама... О сливах беспокоится. Я сказал, что купил 15 кило хороших свежих светлых слив, дешево... Эхе-хе... Никому не пожелаю... Сейчас домработнице позвоню, пусть завтра купит и поставит на кухне, как будто я завёз, а то она не успокоится, спать не будет...

Вдруг я увидел группу в чёрных куртках и среди них — длинный плащ. Что-то знакомое... Неужели?.. Да, вон и фуражка с косичкой... Исидор! И Фрол рядом, тащит сумки и рюкзаки. Еще субъекты в шапочках до глаз и воротниках до ртов... Едут, наверно, домой.

Я отшатнулся.

Их не хватает! Что делать? Сказать полковнику? Вот он как раз выглядывает из купе: «Где вы, геноссе Фредя? Кушать подано! Кого там увидели — Кагановича?» Нет, зачем говорить? Они подонки, но доносить плохо, несмотря на то что у нас в Германии доносительство — первая добродетель, вот как в Вюрцбурге... Нет, молчать... «А вдруг они в наш вагон влезут — что тогда?» — испугался я, отошёл от окна и стал издали выглядывать наружу.

И с облегчением увидел, что группа прошла дальше, исчезла в толпе. Нет, зачем о них говорить? Мне лучше, чтобы они никогда не попались бы полковнику... А интересно, что он сделает, если я скажу?.. Начнёт суету, панику, аресты?.. Или скажет: «Плюньте, геноссе, выпьем лучше коньячишко, детям на молочишко»?.. Нет, молчать. Как те обезьяны — ничего не вижу, не слышу, не говорю. В русском языке отрицание правильное, а у нас —

нет... Ну, что за форма — «ich sehe niemanden», дословно — «я вижу никого», глагол стоит в позитиве, а на самом деле действие должно быть отрицануто — «не вижу никого»... нет, отрицато... ведь отрицать — отрицнуть?.. Ох, лучше бы правда отменили глаголы!..

До отхода было ещё минут десять, и полковник решил выйти наружу. Но я боялся, что появится Исидор с другими, и остался стоять в вагоне у открытого окна, а полковник, выйдя на перрон, стал о чём-то шутить и шептаться с проводницей, которая охотно смеялась его словам. Потом он придвинулся к моему открытому окну, чтобы сообщить, что спрашивал у проводницы, нет ли в этом суперпоезде какого-нибудь тайного тайского массажа для пассажиров:

— За экстраплату, разумеется... Вообще надо прицепить к «Красной стреле» один вагон с блядами — всем будем хорошо! Пассажиры расслабляются, девочки бабло рубят... цены должны быть повыше, как в поездном ресторане, наценка за движение и транспортировку... за толчки бесплатные...

Вдруг я увидел в толпе Максимыча. За ним ковылял Павел Иванович.

— Тут! — крикнул я.

Полковник отшатнулся:

— Что с вами? — и, заметив приближающихся ветеранов, спросил тихо: — Это что за чучела?

— Это не чучи, это войновые ветераны, где мне арест дали... Я туда! Тут!

— А, эти пьяницы. — И он отошёл к проводнице.

Максимыч, запыхавшись, влез головой в окно:

— Да опоздали из-за чёртова автобуса... Пока Павел Иванович одевался... Вот, тут собрали тебе! Чай, кипяильник, сахарок, булка с колбаской... — и протянул мне тощий мешочек.

Тут радио гроыхнуло, что поезд «Красная стрела» отправляется с третьего пути. Максимыч полез в окно обняться. Потом мы обнялись с Павлом Ивановичем, и

мне было совсем не противно ненадолго прижаться щекой к его шишкам.

— Приезжайте, Фредя, посидим, поболтаем. Продю-опричника расскажете... Жаль, опоздали! Это всё Павел Иванович, никак галстук завязать не мог...

Я похлопал их по плечам:

— Да, будем встретиться... Как дать пить, будем бывать!

Началась предотъездная толкотня — «провожающих просим покинуть вагоны», люди стали входить и выходить, проводники принялись закрывать железки. Я еще раз через окно пожал увесистую лапоть Максимыча — и поезд тронулся. Вот уже проехан почти весь перрон, людей всё меньше, какие-то тюки, ящики, картонные, мусорные баки, рельсы, деревья, домики...

Войдя в купе, я вдруг не выдержал:

— Кажется, этого видел, Исидора... Наци.

— Да? Уверены? — равнодушно переспросил полковник. — Нет? Ну и бог с ними. Мы их всё равно поймаем, зашлём агента — и выловим. Садитесь! — Мельком взглянув в пакетик ветеранов: — Выбросьте это скорей в мусор, чтобы тухлое не было! — Он начал открывать свои баночки-стекляночки.

Коньяк уже был отвинчен.

— Ну, за наше удачное путешествие! Битте, геноссе, эссен, тринкен! Да, я давно хотел спросить — как вас дома в детстве звали?

— Меня? По-разному. Бабаня — Фредя. Папа — Фредди, дедушка Людвиг — Манни... А мама — Маузи...

Полковнику очень понравилось это последнее.

— Ах, как хорошо — Маузи! Как нежно! Это от «маус», мышь? Жаль, раньше не знал, а то бы сказал прокурору: «Этого мышку Маузи надо отпустить домой!» Геноссе Маузи! Прошу! Вот осетринка, масло, балычок, видите, я тоже заговорил как русские — колбаска, сухарики, маслице... Это, конечно, не наша кухня, но тоже ничего...

Я в свою очередь поинтересовался:

— А вас как... в детстве... звать-позвать?

— В детстве? Меня и сейчас мама зовёт Гуга. А бабушка — Гурико, ей 105 лет, она в селе живёт. Вам было бы интересно в Грузию поехать! Уверен, вам там понравится. Мы всех встречаем радушно, хотя некоторые невоспитанные свиньи пьют и едят у нас, а потом уезжают и грязные пасквили сочиняют. Ну, горбатого могила исправит, только для горба надо поглубже яму выкопать...

— А вы знаете... певица Гверд... что-то Гверд...

— Гвердцитители? Как не знать? Даже лично был представлен на каком-то банкете. Красавица! Звезда!

— Красивая фамилия.

Полковник начал мазать икру на блинчик:

— Да, древняя, княжеская... А знаете, что означает? «Гверди» по-грузински «сторона», а «цитители» — «красный», что выходит?

Я понял:

— Давний предок был такой... с красной щекой... А как будет «Красная площадь»? Цители — что?..

— Цители моэдани.

— А, красный майдан... В Германии много фамилий тоже... вместе два слова... Мы с Алкой в скверушке сидели, говорили, фон Лузерлох, а разгильдяйцы пришли, били... людобилы... людобои...

— Какие разгильдяи? Кого били? Где? — насторожился он.

Я прикусил язык:

— Вообще так... Всякая сбродочь выкрутасывается... — И перевёл разговор: — У нас есть фамилия «Fleischhaueг»... кто мясо топором...

— «Рубщик Мяса»? — понял полковник, и мы предположили, что предок этого рода рубил мясо день за днем, год за годом, в дождь и пекло, одно и то же: замах — рубок — треск костей; и сын его делал то же самое, и внук, и правнук...

Разливая по второй, полковник начал разговор об Альпах, о новом доме и о том, как мы будем связываться по компьютеру:

— Я вам по-русски пришлю точное описание, что я желаю, а вы переведите на немецкий, поищите... — но я был занят вкусной твёрдой колбаской и мало слушал его:

— Да, хорошо, делаем...

Полковник подчеркнул:

— Это не то чтобы горит, но и затягивать не следует... Здесь очень уж плохо пахнет... Опасно жить стало, в прямом смысле... Надо уходить на Запад. Не на Восток же?..

И стал говорить, что раньше можно было многое противопоставить Западу, теперь — ничего, только позорное и слепое обезьянье подражание, что Запад похозяйски, с презрением, смешанным с жалостью, наблюдает, как Россия движется наобум и на авось, действуя по принципу: пока чеченский петух в задницу не клюнет, мужик в Кремле не перекрестится, где вспучило — туда и меть камнем, не ошибешься... И лучше вовремя уехать, чем потом, когда начнётся затягивание петель на шеях:

— Нет, я не говорю, что у России нет будущего. Это неверно. Будущее есть и у Сахары, и у Бермудского треугольника. Нет хорошего будущего — это будет вернее... А всё потому, что сознание у людей на всех уровнях — пещерное, криминальное, джунглевое... И троглодитство только усиливается... Одно на уме: распил — откат — занос...

Потом он предположил, что в будущем, когда в этих башкириях-татариях придут к власти молодые князья, которые не захотят отдавать нефть и бабло столичным олигархам, Россия может быть развалена на куски — а где столько танков взять, чтобы всех прочь ползущих удержать?

— Нефть в пригоршнях уносить будут, хаос начнётся. Поэтому так дороги сейчас эти поганые погоны, — хлопал он себя по плечам, — что все в менты хотят вы-

лезти, чтобы других терроризировать! «Другого народа и другого продукта у нас нет и не будет, надо расходовать и продавать то, что есть», — думает Кремль и ест то, что есть съесть... И будет есть, пока есть, что съесть. А что сам не съест — дружбаны подьедят... — Он наклонился ко мне, чтобы сообщить, понизив голос: — Я скажу вам больше — в России уже много веков власть с помощью армии, органов и чиновников ведет геноцид своего народа, раньше просто кол, виселица, рубка голов, расстрелы, сейчас — косвенно: уморение голодом, нищетой, болезнями, взятками, поборами... Поверьте мне, я с этим каждый день сталкиваюсь! Коррупцию в России надо узаконить, потому что борьба с коррупцией там, где все коррумпировано, в лучшем случае — донкихотство, в худшем — глупость... Тридцать миллионов чиновников — это факт, и ждать, что они все вдруг исправятся, — утопия. Ведь у нас разрешено любое преступление, нужно только заплатить. Раньше взятка была смазкой, теперь превратилась в само горючее, без неё ничего не едет, всё стоит... Они, может быть, там, наверху, и стараются что-то сделать, но не выходит. С коммунизмом явно не вышло, с капитализмом — тем более, но признать не хотят. Вообще критику, как все ущербные, не любят: не дай бог правду сказать — тут же на дыбы: да как, да мы, да великая держава!.. Самомнения — горы! Да и что в ней такого великого? Размер? Как в том анекдоте — «он не выше, он длиннее»... А без критики общество не стоит, как вы понимаете...

— Но вы не правы... По «Euronews» про техноцентр, Колково или Осколково, слышал...

Полковник поморщился:

— Ерунда на постном масле, как и всё, что они болтают... В это, как вы правильно сказали, Осколково ни один не то что великий, а нормальный ученый не согласился приехать. И не согласится — что ему тут делать?.. Учить, как компьютеры включать? Впрочем, в Россию какой синхрофазотрон ни вези, через месяц в нём будут

самогон гнать и огурцы солить, такая страна... Хотят как лучше, а будет как всегда... Скоро про это Осколково забудут, что-то другое начнут долбить...

— Павлик Отморозов, или?.. — вспомнил я учебник фрау Фриш, где был нарисован мальчик в ушанке и валенках и, кажется, с топором в руках.

Полковник сделал себе крошечный бутербродик с рыбушкой:

— Вот-вот, в точку... Национальный герой, Павлик Отморозов, который папу-кулака предал... А сейчас всем на всё наплевать, лишь бы деньги сделать и подальше отсюда, в тёплые края дёрнуть. Сейчас бы Отморозов в каком-нибудь менеджерском институте учился и как сыр в масле катался, при папе-то кулаке и маме-кулачке... Это раньше кулаки были врагами народа, а сейчас — первые друзья... Знаете, есть даже анекдот: выходят из Думы два народных депутата, один со вздохом говорит: «Да, плохо стал жить народ, плохо!» — а другой, сортируя по карманам пачки долларов, с удивлением на него смотрит: «А тебе-то чего?» Недаром семьдесят процентов молодёжи хочет быть не космонавтами, как раньше, не мафией, как в 90-е, и даже не бизнесменами, а госчиновниками... Это же страна-анекдот, где всё наоборот!

Пришла проводница в пилотке, принесла запах духов, шуршание чулок, лукавые взгляды, пробила билеты, спрашивала о чае. Полковник усадил её, взял за руку:

— Как, красавица, с массажем для пассажиров?

Она руку высвободила, но не очень резко:

— Массаж — в салонах, а у нас — поезд.

Полковник продолжал смотреть на неё жидкими глазами:

— Вот у нас идея есть — к поезду вагон с ночными бабочками пристегнуть. Где им и летать, как не в ночном поезде? Как вам эта идея? Наши ребята часто, наверно, в этом поезде ездят?

— Кто ваши — я не знаю, но по-любому шуму много

9. 28 сентября 2009 г.

будет, беготни... Жены ломиться станут.хлопотно больно, нам работы прибавится, — сразу оценила она, на что полковник игриво улыбнулся, еще гуще беря её за руку:

— А вы и для жён и для прочих бизнес-вумен вагон с молодыми горячими кавказцами прицепите? Впрочем, кавказец и вагон — сочетание взрывоопасное, и свои славяне-проституты найдутся... Ну а если серьезно? За плату? Массаж? При общей рублеризации и рублефикации жизни — самое то, что надо...

Она фыркнула. Я во все глаза смотрел на её крепкие бёдра и полную грудь и думал, как правы были инквизиторы, считавшие, что женщина греховна изначально, потому что одним видом своим уже вызывает похоть, что это — грех во плоти (а некоторые народы, между прочим, этот факт даже за принцип правосудия взяли и жертву изнасилования наказывают вместе с насильником — зачем соблазнила?..). И вообще — так много на свете женщин, миллионы, и так трудно до них добратсья... добираться... добиться... Почему? Никто не знает. Если душа человека — потёмки, душа женщины — крошечная тьма, в которой они сами, однако, видят лучше кошек... Это мы, как слепые крабы, по дну жизни ползаем...

Полковник тем временем достал 500-евровую и молча показал проводнице. Она хмыкнула, закрыла свою папку и встала уходить, но полковник успел сказать:

— Подумайте. Поищите. Это не сложно, если уметь!.. — и, переждав шорохи ухода, сказал мне доверительно, что обожает давать женщинам деньги за секс, потому что тогда чувствует себя полным их хозяином и ни в чём не сдерживается, нравится — не нравится, спи, моя красавица!.. А вам какие женщины больше нравятся — блондинки или брюнетки? Славянки или европейки?

На это я ответил, что не знаю, без опыта, а он что думает, у него опыта много? Насчёт опыта он был согласен, сказав, что хороши все, и славянская красота ему иногда нравится, но эта красота какая-то безликая, ту-

поватая и пустая, а красота Востока — всегда разная. Ещё, оказывается, Тургенев говорил, что все блондинки похожи друг на друга, а все брюнетки красивы по-своему — в них и глубина, и очарование, и тайна, поэтому эту четвёртую рюмку он предлагает выпить за святую Нину Каппадокийскую и за Грузию, где есть всё для счастливой жизни:

— Грузия воспета в греческих мифах, на которых стоит европейская цивилизация — как же Грузия не Европа?.. Не то что Европа, а начало Европы!.. — И он величаво процитировал: «Словно в венце из зеленых листов, виноградные лозы, ввысь поднимаясь, пышно цвели. А под ними четыре вечно журчащих ключа изливались, вырыты были богом Гефестом они, один из них горячей водою целебной струился, рядом другой бил вином, третий маслом бежал благовонным»... Из четвёртого тоже что-то вытекало, уже не помню... Ваши германцы тогда ещё на деревьях сидели, французы червей по пещерам жрали, а русских вообще и в помине не было... Земля богов! Да что там говорить, если слова «небо» и «земля» в нашем языке отличаются только одним слогом? Небо — «ца», земля — «мица»... Да, всё было бы хорошо, да соседи попались неудачные, гадят и портят всё... А Россия вообще облила серной кислотой...

— Как это такое?

— А очень просто. Россия была всегда влюблена в Грузию (прочтите русскую классику), а Грузия отвернулась от неё, изменила с Америкой, нато-шмнато всякие, блоки... Вот Россия, как истеричная барышня, и плеснула серной кислотой, обезобразила из ревности, зависти и корысти... А что было Грузии делать — обратно лезть в империю, которая гниет и с головы, и с хвоста?.. Непродуктивно!.. Глупо! Ясно же всем, что гигант угадает, наступил износ материала, что все эти примочки — ерунда, пустое дело... Обратите внимание, что сейчас происходит: суперактивное малое меньшинство сурово и безостановочно драит и доит в хвост и в гриву пас-

сивное большинство, а оно молчит. Такого расслоения, как сейчас, в России никогда не было, подлецы-олигархи выедают страну, как яйцо, а стране остается одна скорлупа и шелуха, без смысла и цели, в виде рабов, льстецов, лгунов, воров, прихлебал и фальсификаторов... Впрочем, одна цель есть — пожить немного до того времени, когда вся нефть и газ будут выкачаны и распроданы кремлевскими паханами направо, налево, вниз и вверх... Потом наступит тишина и темнота. Это большая трагедия! И не только для России, но и для всех соседей по периметру!.. Согласитесь, когда где-то рядом разлагается динозавр, этого трудно не заметить! В своих конвульсиях он может и лягнуть насмерть!

Он серьезно посмотрел на меня, понимаю ли я его, подлил коньяк:

— Конечно, Америка не будет так любить Грузию, как её любила Россия. Америка — большая гадина, которая любит только себя, сейчас осмелела и нагло колонизирует мир, на что Россия только огрызается — на большее сил нет и не будет, уверяю вас, потому что армия небоеспособна, развал идёт полным ходом, о чем уже твердят все газеты и рты, которые заткнуть, к сожалению, невозможно. Восстановить такую страну никому уже не под силу. И вместо того, чтобы за своей задницей следить, эта развалина лезет на Кавказ!.. 300 лет пытается завоевать Кавказ, который только при Сталине сидел тихо, а при всех остальных бунтовал. И что сейчас там будет, в Абхазии? — Он допил из рюмки, махнул рукой с неподдельным отчаянием: — Русские будут туда сейчас свой ржавый флот пихать, загадят всю акваторию, баз понастроят, леса порубят, бензином всё закоптят... А я так любил Сухуми! У меня был там друг, начальник милиции, я к нему ездил — всё было как в сказке: море, кипарисы, рестораны, женщины на выбор — заходи в любой санаторий (а еще лучше на турбазу, там свежей и дешевле), бери охапками блондинок... Ничего, я им устрою прощальный обед — мало не пока-

жется!.. Эти осетины пусть пропадают, туда им и дорога, но абхазов мне жаль, всё-таки братский народ, бок о бок столетия жили, вместе воевали, сейчас они растворятся без остатка...

Видя, что он нервничает, я решил увести его в сторону, а заодно и спросить, почему вообще была эта война, кто абхазы и чего хотят?

Полковник на это объяснил, что абхазы тысячу лет входили в Грузию как княжество, живут в своих местах давно, с Колхиды, но временно, в советские времена, были обижены — Тбилиси собирал с них в общий бюджет 90% доходов, а выделял 50%, если не 40, вот абхазы и взбунтовались. Денег захотели. И правы были — раньше все 300 миллионов совка отдыхало или в Крыму или на Кавказе, через абхазов проходили огромные суммы в центр, в Тбилиси — и не возвращались.

— Кому понравится? Ну а потом еще этот безумный Гамсахурдиа, вроде вашего фюрера, с воплями «Грузия для грузин», после которых, как вам хорошо известно хотя бы по опыту Германии, государство тотчас же и разваливается... А по большому счёту мы потеряли треть своей территории из-за своего высокомерия — нельзя смотреть на всех свысока и не упасть при этом в яму. Это хорошо известно преступному миру, в котором нации не играют роли... Вот и результат... — Он недобро усмехнулся. — Абхазов надо было не танками и морфинистами-мхедрионовцами умирять, а бабками, капустой, баблом — пересмотреть проценты, доли, структуру бюджета... Новому президенту надо было ехать туда, налаживать отношения, а не лаяться и грозить... Ну а русские воспользовались и залезли, как обычно, в чужой огород, поживиться... Только как они без Грузии с Кавказом воевать хотят — непонятно...

Постичь все эти детали было трудно, но я всё-таки из вежливости спросил:

— И что делано-делано сейчас?

Полковник пожал плечами:

9. 28 сентября 2009 г.

— Никто не знает, и сами русские — в первую очередь. Они сперва делают, потом думают и смотрят, что на их голову свалится...

По его словам выходило, что сейчас выход для Грузии — меньше лаять на динозавра и строить дальше нормальное государство, а абхазы и осетины пусть из-за колючей проволоки завидуют; потом, лет через десять—пятнадцать, когда вся эта сволочь наконец сгинет, — провести референдумы и вернуть блудные провинции.

— Уверен, сами прибегут с радостью (есть сигналы, что такие настроения уже есть). А вожаков сепаратистов, упёртых мерзавцев, у которых на толстых мордах написано, что они воры и расхитители, — просто ликвидировать, как делает это Америка с помощью своих «морских котиков». Если Америка бен Ладена по всему миру бомбит, то почему мы своих гадов подавить не можем? Когда Россия Чечню гнобила и геноцидила, ей можно было конституционный порядок наводить, а когда Грузия захотела чистку провести и предателей приструнить — нет, шалишь... Это их такое человекообразное человеколюбие?.. Народам жить негде, давятся в своих границах, а эти захватили полмира, изгадили всё, что можно изгадить, и сидят теперь, как чумные собаки на гнилом сене, и всё им мало, опять на чужие территории зарятся!

— Зарятся — это от «заря»? Встаёт заря во мне, холодном? Голодном? — вспомнилось что-то непонятное.

Махнув рукой и выпив рюмку, он воодушевленно сообщил, что его мечта — увидеть когда-нибудь объединенный Кавказ, Северный и Южный: это будет сила почище Евросоюза. Оба моря перекрыть, заблокировать хребет, Грузия держит горы и перевалы, Азербайджан снабжает нефтью, Дагестан контролирует Каспий, сваны и абхазы следят за Черноморьем, черкесы, чеченцы и балкарцы обороняют северные границы:

— Юрий Цезарь же говорил: «Кто владеет Кавказом, тот владеет миром». Тоже не последний дурак был, между

прочим, да и Александр Великий не даром через Грузию в Индию пошёл... Около Мцхеты есть мост, по которому его бойцы переправлялись... А многим солдатам так понравилась местность, что они от армии отстали, осели... А согласитесь, в грузинах есть что-то царственное, величественное — в жестах, походке, осанке, манере держаться, говорить?

— Откуда знать? Ничего не знаю, только вас смотрел, — ответил я ему, думая о своем.

Вдруг взгляд мой уловил чемодан, укромно лежащий наверху.

— Это что эдакое? — всполошился я. — Что там есть такое?

Полковник снял чемодан, повернул его боком, где была приклеена бумага с адресом: «Her Schmit, Müllerstrasse 5, München».

— Слово «Herr», «господин», пишется с двумя «г»... И «Strasse» — большая буква. Где индекс? Что это?

Полковник положил обе руки на чемодан:

— Там пара фамильных вещей... Подстаканник, подсвечник... столовый прибор... никакой ценности не представляют, уверяю вас... так, память о семье, чтоб у меня в новом доме была... медяшки, вещички... Да и кто там на выходе бирки смотрит? Сколько раз я там был — никто не смотрел.

Это правда, никто не проверяет...

— А кому отдать?

— А вы заберите домой, потом за ним заедет такой бодрый старичок, Бадри зовут... Бадри Мачабели...

— Бодрый? Бадри? Большой? Моча белы?

— Да нет, это фамилия такая, княжеская...

Но я не понял:

— Но... Но... Кто этот добрый Дабри — Мочабелый или Schmit?

Полковник объяснил:

— «Schmit» я специально написал: если вдруг, не дай бог, тьфу-тьфу-тьфу, что-нибудь случится на таможне —

вы должны сказать, что в Пулково, в аэропорту, когда вы стояли в очереди на регистрацию, подошёл старичок-немец, попросил взять этот чемоданчик для своего брата в Германию, там лекарство, то, сё, денег дал, сто евро... Вы, бедный студент, взяли – варум ниht? Почему нет?

– Значит, там что-то плохое? Некорректное? – Понять это было не трудно и даже трудно было не понять.

– Да нет же, говорю, пара медяшек... для моего нового дома.

– Чего?.. Бывает, потеряются чемоданы...

– Ну, если потеряется – туда ему и дорога! – развел руками полковник. – Значит, не судьба. Ах, Маузи, лучше расскажите что-нибудь о себе, – предложил он, забрасывая чемодан обратно.

– Что?

Тут возникла проводница с чаем, стала устанавливать стаканы, касаться нас ногами, отметила:

– О, да у вас вкусные вещи, как я погляжу! – что обрадовало полковника:

– Берите, берите, милая. Если не хотите сделать счастливым одного одинокого мужчину, то хоть сами будьте счастливы... Ну как, не нашлось массажистки?

– В пятом вагоне есть медпункт, – туманно и жеманно ответила она и красивыми пальцами сделала себе бутерброд с бужениной, но есть не стала, а завернула в салфетку: – Попозже. Если еще чаю – заходите, я в купе! – (А я невольно заметил на её большом пальце кольцо, и это было так нелепо, неприятно и противно, что я сразу потерял к проводнице всякий интерес.)

– Понял. Понял. – Полковник стал радостно и удовлетворенно рыться в карманах и протянул ей 100-евровую: – Спасибо за чай. Это вам, на шоколадку.

– О! И вам спасибо!

Она грациозно взяла деньги и посмотрела на полковника дольше, чем обычно. Он тоже сказал ей что-то глазами.

Так мы ехали дальше. Он оживился от коньяка, стал говорить, что да, он взяточник и продажная душа, но не убийца, что на его руках есть кровь, но от ранений и захватов, а крови смерти нет, что убийц он никогда не прощал и с педофилов денег не брал и, будь его воля, сам бы их расстреливал. Крестился, что-то бормоча. Потом стал спрашивать о полиции в Германии — не мог бы он там быть как-нибудь полезен, он много интересного поведать может, и если здесь он специалист по кавказской преступности, то там мог бы стать консультантом по московскому криминалу, главному в стране, а может, и во всём мире, и документов у него полно, и доказательства, но я ничего об этом не знал и пересказал ему какие-то казусы, о которых слышал по ТВ — например, как два турка-близнеца ограбили в Берлине супермагазин «KaDeWe», унесли много золота, камней и часов. По одному-единственному ДНК-отпечатку их нашли и арестовали. Однако отпечаток подходил к обоим (у близнецов одинаковые ДНК), то есть один на месте преступления был точно, но только вот кто, который?.. И что же, как думаете, делает судья? Судья отпускает обоих: пусть виновный гуляет, лишь бы невиновный не сидел!

Полковник покачал головой:

— Я бы посадил обоих. И посоветовал бы в следующий раз перчатки натягивать, а место преступления пеной из огнетушителя покрывать — тогда ни одного ДНК не найдут.

Потом выяснилось, что те же два брата трахали одну женщину, которая родила ребенка и подала на алименты. Провели ДНК-тест с тем же результатом: один из братьев — отец ребенка. Только вот кто?.. ДНК общие для обоих. И опять суд решает, что алименты не должен платить ни один, чтобы не пострадал невиновный, а бедная женщина осталась с носом и с неоплаченным ребёнком.

Теперь полковник стал одобрять:

— Это правильно! Лишь бы виновный не пострадал! — а я — возражать: я бы на месте судьи заставил

обоих платить алименты – оба же трахали её, чего никто не отрицает. Пусть оба и платят! Женщине и ребёнку лучше будет!

Полковник качал головой:

– Несправедливо. Один, значит, предостерегался, в неё не кончал, презервативы натягивал, а другой в своё удовольствие без резинки дрючил её по-всякому, так почему первый должен платить за удовольствие второго? Нет, судья прав. А у нас виновен не виновен – сиди...

Потом я кратко пересказал заметку из «Франкфуртер Рундшау» о том, что недавно в Германии одна баронесса завещала 152 миллиона евро своему псу, догу Гюнтеру III; завещание было написано при жизни баронессы, подтверждено необходимыми справками, так что, когда завещательница усопла, ни одному племяннику не досталось ни пфеннига. Зато сразу было создано акционерное общество «Гюнтер Групп АО», чтобы помогать псу в мире бизнеса. И дело пошло – капитал за несколько лет был увеличен вдвое. После смерти пожилого Гюнтера III (как поговаривали, тайного любовника баронессы) почётным председателем АО был выбран его сын, Гюнтер IV, который тут же купил один из футбольных клубов Италии, став его почетным президентом. Говорят, пёс подумывает о большом пакете акций «BMW», но точных данных пока нет, да и вряд ли госпожа Сюзанна Клаттен продаст псу под хвост что-нибудь из своих акций...

Полковник слушал, затаив дыхание, с восхищением потирая энергичные пальцы. Когда я закончил, он рассмеялся:

– Вот это я понимаю! Если бы этот Гюнтер жил у нас, то деньги бы дальше адвоката и нотариуса не ушли бы... А при утечке информации – распилили бы бабло с чиновниками, после чего пёс сразу бы попал под машину. Кому остались деньги? Государству. А государство – это они, чиновники! Или привили бы ему бешенство – а потом усыпили без затей... Или вообще на стол к корейцам угодил – зачем хорошему продукту пропа-

дать?.. Народ у нас на всякую дрянь очень смекалистый и задиристый...

И рассказал, что один театральный режиссёр, за педофилию к ним попавший, говорил на допросах, что все беды России в том, что нарушены какие-то важные три правила – времени, места и действия. Сам полковник в этом не силён, это что-то с театром связанное, что-то типа того, что страна думает, что живет в XXI веке, а по сознанию обретается во времена Бирона и Чингисхана, считает себя благодородной Евразией, на самом деле – примитивная и дикая Азиопа, думает, что строит капитализм, а в реальности комически копирует худшие его стороны:

– А из этого выходит, как всегда, абракадабра, чем ваши ветераны вас отравили... Смеялся еще этот педик: «Национальную идею всё ищут, найти не могут, потеряли, а она – вот она, на виду: Грабёж – Делёж – Правёж!» Недаром первое, что закупил Петр I в Голландии, когда поехал с Европой знакомиться, – это мамыры, 20 штук...

– Мармуры? Лемуры? Обезьянушки?

Полковник руками изобразил:

– Мамура – это топор палача... Своих, видать, тогда ещё производить не умели, у заграницы покупать надо было, как всё и всегда... И не два-три, заметьте, приобрёл топора, а сразу двадцать – чтоб по губерниям разослать, наверно... Самый важный предмет. Знал свою архаичную и анархичную страну. А-а!.. – Он махнул рукой. – Всё равно не помогает! Иван Грозный на площадях жёг и коптил, Пётр рубил и вешал, Сталин расстреливал, их не слушались – этих путиных-мутиных послушаются, которые творят что хотят: у них в ОХОПГ все друг друга прикрывают, не подступишься... А правда, что в Европе сейчас полно стало всех этих арабов, негров, китайцев? Когда я был в Голландии, там их была пропасть!

Услышав, что да, эта проблема есть, он весело отозвался, хрустя пальцами:

— Хе, я бы эту вашу проблему решил в одну ночь по всей Европе. Назвал бы операцию «Чистая земля»... Ночью, в час X, надо отключить на пару часов весь Интернет, все эти хуйсбуки-твистеры, мобильную и прочую связь, силами армии арестовать всех, кого надо, по спискам, самых злостных, опасных, фанатичных вывезти куда-нибудь и подвергнуть нейтрализации, трупы уничтожить, а остальное быдло загрузить в танкеры изпод нефти, отправить к ебене матери к самым безлюдным берегам Африки и сгрузить на берег — пусть каннибалы радуются... И утром — чистая Европа, без этих грязных чёрных рож и невытых курчавых обезьян! Чистота и порядок! Никто не ссыт на углах, не сморкается в ладонь, не встает раком посреди улиц молиться, не ворует и не гадит! Белая Европа — для белых европейцев!.. А остальным, по каким-либо причинам избежавшим часа X, приказал бы убираться в 48 часов, не то второй час X наступит...

— Но это... геноцид... Кто так что сейчас? Только что вы сами... Камасутрия... этноцид...

— Называйте как хотите, а другого выхода нет. Они вас сожрут, как жрут уже всё тут... Надеюсь, в Баварских Альпах их еще нет?

— Есть, мало, в городе, в деревне не ходят, испугаются...

— Ну да, бояться. В горах фашиста с дробовиком врагу не пожелаю встретить... Лучше по городу шляться, баб задевать и по карманам лазить...

Потом он начал копать в сумке, низко наклоняясь к ней (мне показалось, что он что-то нюхал), и, взяв пустой стакан, сказал, что пойдет за чаем, а я чтобы не искал его, не тревожился и пил бы коньяк:

— Геноссе Маузи, битте — эссен, тринкен! Отдохните! В этом деле переводчик мне не нужен, сам ещё справляюсь, хотя и мечтаю, чтобы импотенция, наконец, успокоила меня и дала спокойно жить!

— Понял.

Он постоял перед зеркалом, подправляя то рубашку, то пояс, то волосы. Потом ушёл, а я лёг, с облегчением сняв тапочки и прикрывшись одеялом.

Под дребезжание ложечки в пустом стакане начало думаться о том, как хорошо знать разные языки — пробоины в чужие дома: всё можно услышать, разглядеть, понять. Билингвалы — паромы, на которых перевозятся горы слов и тюки фраз с одного берега на другой. И если слова — ступени, по которым ходит мысль, то переводчик — электрик, пускающий ток по проводам.

Но я бы не хотел иметь переводчество своей профессией — как проститутке нечего продать, кроме своего тела, так и переводчику — кроме своих мозгов. И хороший словесный шофер должен помнить, что он обязан по первому зову заказчика идти туда, не знаю куда, и говорить то, не знаю что. Он не имеет право на свое «я», чувства и эмоции, он — не человек, а механизм для поиска адекватов — и только. Его мнение никого не интересует, а порой раздражает. Чем бесцветнее личность переводчика, тем он ценнее в своем деле.

Он вообще как тот верблюд, который идет за вожатым, не интересуясь, куда и зачем нести груз, — у полевой мыши и слепого червя больше свободы, чем у толмача, который обязан двигаться в кем-то вырытой колее. Его дело — открывать рот после того, когда другие отговорят, и молчать и слушать — пока другие говорят. И если компьютер — это мыслящая машина, то переводчик — это машинная мысль, чугунный зад и железные нервы: нелегко на чужой скелет натягивать свою лексическую кожу — то там сорвется, то тут лопнет...

Но какая разница? Переводчик должен забыть слово «гордость» — он только наемник, лакей, слуга и раб, у которого нет и не должно быть гордости своего мнения. А главное — он должен крепко помнить, что он никогда не будет прав, потому что каждое слово имеет множество контекстов и нюансов, которых ровно столько,

9. 28 сентября 2009 г.

сколько и переводчиков, оттого конгрессы и споры этих говорящих голов бесполезны, как невыключенное порно после эякуляции...

Задрёмывая, я решил отложить дневник до завтра. До рейса будет много времени, можно будет всё обстоятельно записать... А потом — Мюнхен, дом, Элизабет... Её глаза... Да, стыдно... Но это же было предательство тела, а не души!.. И папа, конечно, с разговором... Пятьдесят тысяч — не пять евро... Но зато какая была практика!.. Как это полезно!.. Со сколькими носителями языка я вступал в диалог!

Колёса своим стуком клонили к подушке, выбивали из головы всякие мысли, но я упорно собирал их, думая, что эти десять дней многому меня научили, но, несмотря на приключения, мне будет не хватать и этих людей, и этого адреналина, которым тут пронизан воздух — не то что «в сытой Европе, где мухи со скуки дохнут», как сказала сестра Алки в нашем споре (где лучше жить), не найдя больше ничего, что можно было бы поставить в упрёк Старому Свету, на что я ответил, что дохлые мухи лучше голодных волков.

И когда мама будет завтра спрашивать, что я видел, я скажу, что страна чудовищна и монструозна, но народ добр, открыт, прост, контактен, терпелив, незащищен и безвинен, хоть и обобран до нитки, оболган до предела и запуган до немоты. Люди-людолюбы! В них есть и широта, и глубина, и загадка; и главное, несмотря ни на что, люди не теряют надежды, хотя и обречены (если верить полковнику) ещё долго жить под гибридом животного с растением... Немцам бы такой оптимизм, а то всё в депрессиях пропадают. Пожили бы в Московии — узнали бы цену жизни!

Да, опасная, прекрасная своей затаенной грустью, многотерпением и святой простотой страна, хотя народ обирают, унижают, обманывают, поэтому люди генетически начеку и ментально насторожены, все закованы в общие цепи, все друг другу дают взятки, квазиподкупают...

Может, и прав полковник: жизнь в России — сплошное преодоление препятствий, созданных для вымогания денег. Но права и Бабаня, когда говорила мне, что главное — ощутить душевную ясность этого наивного, всему верящего народа мечтальщиков и фантазёров!.. Вот, Максимыч в узелке последнее принёс на дорогу, Самулович угощал чем бог послал, сержант Санёк десять раз в ларёк бегал, а мог бы и не бегать, сказать, как в Германии все говорят: «Это не моя проблема», — и всё... Нет, тут все проблемы общие... еще, наверно, с татар завелось — общая беда, надо всем вместе спастись... Чистые, бедные души... Но что-то витает в воздухе тревожное, люди будоражатся, недовольны, жалуется... Но что потом? Опять революция? В 2017-м? Фредя хоть иногда и идиот, но у него есть глаза и уши, он может ощущать...

Через полчаса шумно заглянул полковник:

— Маузи, не желаете освежиться? Сказка, голубой боржом!.. Девушка-богиня!

На это я, очнувшись от дрёмы, ответил, что сегодня уже было, у Алки, и кратко поведал ему о трёх вёдрах дедушки Людвига, выделенных на человека скупым и расчётливым богом. Полковник, придвинув глаза с широкими зрачками и дыша коньяком, опять начал шутки о том, что давно ждёт того времени, когда, наконец, его перестанёт беспокоить эта хроническая болезнь — эрекция и когда, наконец, старость раскинет свои спокойные прохладные крыла, чтобы можно было, действительно, успокоиться:

— Впрочем, у некоторых и после смерти стоит — говорят, что отец Лаврентия Берии, Павлэ Берия, умер в возрасте 97 лет во время полового акта и член никак не смогли уложить на место, он торчал, величиной с милицейский жезл, и каких только знахарей и гадалок не приводили — безрезультатно... Так и хоронили, еле крышку гроба удалось заколотить...

— Как?.. Мамин крышкин гробин гвоздик не били? Не хоронили?

— Похоронили. Ну а куда деться? Наверху никого не забудут, все в одну помойку уйдем, даже костей не останется, как от динозавров, — в нас слишком много химии... Знаете, Маузи, давайте выпьем, пока живы, за те часы, когда нам было хорошо! — разлил он.

Выпили. Полковник спрятал пустую бутылку обратно в пакет (куда отправил до этого пустые коробки и консервные банки), сказав:

— Терпеть не могу, когда воняет рыбой, даже если это и белуга... Ничего, приедете в Тбилиси — там вас угостят жареной осетриной с наршарабом...

— Что такое? Наршарап? — Я насторожился сквозь истому.

— Сок граната... Я сам в Грузию ехать не могу, но поручу вас опекать, люди еще остались, хотя этот нынешний президент почти всех моих сотрудников прогнал с работы, я вовремя ушёл... Травы хорошей покурить не желаете? — вдруг кротко и вкрадчиво спросил он. — У меня есть, отличная, у одного таджика изъяли пять кило... Вы же любитель, а?

— Нет, не курю... это мне хватит, — я показал на коньяк, который укачивал в такт с поездом, не пьянил и не тупил, а наполнял душу уверенностью и твёрдой радостью, что всё хорошо, и было бы еще лучше вот так, в поезде, поехать куда-нибудь далеко, хоть на очень Далёкий Восток... У нас таких уютных поездов — с чаем, постелью и массажем — нет, у нас сел — проехал — вышел. Да и откуда будет, когда одно Подмосковье чуть ли не больше всей Германии?..

Полковник, опять наклонившись к своей сумке, зашмыгал носом и откинулся на сиденье, прикрыв глаза:

— Эх, геноссе Маузи, как хорошо будет в Баварии! Будете ко мне в гости приезжать, во дворе сидеть, вино пить.

— Там пиво... и шнапс...

— Пиво — напиток, которым греки поили рабов! Это пошло для низшей расы — арийцам пристало пить только вино! Ничего, я их научу цивилизации... Будут пить вино без пшнпса. Выпишу повара, обязательно мегрела из Западной Грузии, вот где родники эти били и лозы дыбом стояли... Мегрелы — лучшие повара... В Восточной Грузии только шашлык, хашламу и лобио хорошо готовят... Он же будет и садовник, и пекарь, и слесарь, и сторож... Хлеб я тоже буду обязательно выпекать свой... Шотиспури... Что? Это такой особый хлеб... Его, по преданию, любил Шота Руставели, слышали, нет?.. Построю печь, но не для того, чтобы кого-нибудь сжигать, а для хлеба... Знаете, есть анекдот: едет автобус с туристами из Израиля посетить музейный комплекс Дахау...

О, Gott, без Дахау ничего не обходится!

— ...вдруг автобус ломается, вокруг никого, водитель не знает, что делать, потом видит — невдалеке крестьянский дом, на пороге стоит бюргер-фермер, трубку курит. Водитель — к нему: «Мы везем евреев в концлагерь, но у нас, к сожалению, с автобусом проблемы. Вы бы не могли нам помочь?» Немец говорит: «Конечно, с удовольствием, но только у меня дома печь маленькая, микроволновка...»... хе-хе... Что-то душновато, может, открыть окно?

Он как-то покраснел, зачесался, рывками открыл окно, после чего мы вышли в коридор, где он продолжал говорить о своих планах развести поросят и ягнят, проложить водовод к серным источникам, о которых читал в Интернете, и создать хор тирольского пения. Не поленился принести из купе наши рюмки:

— Ну, чтобы в этом моём новом доме все ролексы-люрексы и жалюзи-джакузи на месте были!.. Система долби для дебилов! Чистый воздух, яркое солнце, полная чаша!

— Да, в чаще тиши чешут уши ежи и ужи... — понял я и тоже захотел в летнюю баню дедушки Людвига, где так хорошо будет целоваться с Алкой, когда она приедет в Баварию... «Я ей покажу ту скамейку, где ей вставить на

коленки... И если дедушка Людвиг тоже захочет отстегивать ей 400 долларов в месяц, я против не буду — пусть... Не противно... Ведь я сам из дедушки, через папу, вышел!»

Было поздно, около трёх часов ночи. Поезд спал. Мы смотрели в открытое окно, полковник что-то говорил о новом доме (надо присмотреть в Мюнхене кресла-качалки, столик для фруктов на колёсиках, чилим¹ на высокой ноге), а меня не отпускала тёмная летняя баня, где однажды я вечером ждал соседку — она вошла, я набросился на неё сзади, стал лапать, а это оказалась мама, искала меня и случайно зашла... И с тех пор мама иногда входит в самый неподходящий момент, отчего всё рушится и падает...

Вдруг краем глаза я заметил, что в конце вагона возник Исидор — без фуражки и без кожаного плаща, в джинсовом костюме. В одной руке у него была незажженная сигарета. Его качало и носило вместе с вагоном, и он, чертыхаясь, цеплялся и бился о стенки, высоко поднимая ноги, чтобы не упасть.

Я замер, обернулся к окну. Может, не заметит?

Но когда Исидор был рядом с нами, его так основательно потрянуло, что он налетел на полковника и угрожающе заворчал:

— Ты чего, ёб твою... — Но тут увидел меня и по-пьяному широко удивился: — Ты, бакалавра немецкая, откуда?

— Что? Кто? Не знаю! — ответил я, но Исидор обрадованно раскрылся:

— Да это я, Исидор! Не узнаешь, дурачок германский?

А полковник — услышав имя и увидев нашивки на плаще — быстро, точно и нацеленно ударил Исидора двумя пальцами куда-то в стык горла и груди, отчего Исидор, громко икнув, упал на пол, а полковник, выхватив из подмышки пистолет, добавил рукоятью по косичке. Потом, держа одну ногу на Исидоре, а туловищем залезши в купе, сдёрнул на пол свою сумку, выхватил оттуда

¹ От Çilim — курительная трубка (*тюркск.*), кальян.

пластиковый жгут и, повернув икающего Исидора лицом вниз, грубо, с треском заломил его руки на спину и скрепил пластиком.

— Вот так, Исидор, шени деда¹... Фредя, втащите его в купе, а я сейчас... — Вскочил и, сунув пистолет под мышку, поспешил в купе проводников.

Я попытался втянуть Исидора. Но двери были узки, а он — длинен и широк. Во время этих движений он пришёл в себя, непонимающе смотрел половиной лица:

— Кто это? Что это было?

— Это милиция было...

— А ты что же, от ментов? Провокатор, сука? А?

И он, переваливаясь на бок, извернувшись, больно ткнул меня ногой в живот и заерзал, пытаясь подняться, но это ему не удалось — полковник уже спешил назад (проводница побежала в другой вагон). Видя, что какие-то двери купе начали открываться, он громко закричал:

— Милиция! Задержание опасного преступника! Закрывать двери! Опасность номер один! Без приказа двери не открывать!

Двери тотчас захлопнулись, а полковник, перешагивая через Исидора, сказал, утирая лоб:

— Сейчас наряд придёт, заберёт эту сволочь... Ну что, бедный Насрулла не снится тебе? Ничего, он тебе еще отомстит, еще поднаsrёт тебе в твоей козлиной жизни! Еще будет сниться долго, лет десять как минимум, уж я позабочусь!..

Исидор с пола затравленно смотрел то на полковника, то на меня, дёргал головой в крови, шептал:

— Ну, курва подсадная, подожди, мы до тебя доберёмся, нигде не спрячешься!

Полковник небрежно ткнул его ногой куда попало:

— Пасть заткни! До этого ты не доживёшь, погань! Будут тебя в лагере шпилить день и ночь в твой женский хвостик! Тухнуть в лагере будешь, гнида паршивая, вши-

¹ Твою мать... (груз.).

вая! Сидор-пидор кликуха будет! — и вслед выкрикнул водопадом несколько непонятных, но угрожающих фонем, которые, будто большие пузыри, вздувались и с трескучим скрежетом лопались.

Ошарашенный этими звуками и скоростью, с какой действовал полковник, и видя, что кровь дотянулась до глаза Исидора, я машинально вынул из кармана платок и вытер ему лоб, на что полковник усмехнулся, но ничего не сказал, а Исидор буркнул:

— Иуда проклятый! — А я же, не зная, куда деть окровавленный платок, выбросил его в окно, но он, влетев обратно, облепил мне плечо, словно кровавый паук, и я с дрожью стал стаскивать его с себя. Полковник, поправляя пистолет под мышкой, сказал:

— Нет, Сидор-пидор, это не он иуда, а этот, ваш радикал... Мы его взяли, он вас всех и сдал, раскололся, как гнилой орех, всё подробно написал... Наша группа едет вас брать, ты вот первая ласточка, сама прилетела... А Фредя просто домой летит... Хватит, нахлебался тут...

Исидор замер, непонимающе глядя то на меня, то на полковника, который, ногой отодвинув его ноги, придвинулся к окну, и я увидел, что лицо его оживлено и возбуждено. Перехватив мой взгляд, он подтвердил:

— Да, этого в Альпах будет не хватать... Я же ищейка, пёс! Для меня ловить и сажать как для других — рыбу ловить или зайцев стрелять! Ух, ме магати деда!..¹

Появились два растерянных молодых милиционера. Придерживая фуражки, они не без опаски приблизились. Полковник показал удостоверение, они сделали под козырёк. Он приказал:

— Этого выгрузите на ближайшей станции. Что будет сейчас?

— Бологое.

— Вот, позвоните туда, в линейный отдел, пусть сотрудники выйдут к поезду и заберут его, а завтра отпра-

¹ Я их мать... (груз.)

вят в Москву, я сейчас оформлю задержание... Это опасный преступник, фашист, убийца, с ним — осторожность номер один.

Милиция стала поднимать Исидора. И первое, что он сделал, встав на ноги, — плюнул в меня:

— Ты, сука цветная, еще заплатишься за блядство...

В первый миг я машинально утёр теплое и влажное со щеки, во второй какое-то красное сияние ударило в меня изнутри, я схватил его за отвороты куртки, закричал:

— Я не сюка, я фашист, буду тебе бью, пью, вью!

Нас понесло, милиционеры отскочили, Исидор со связанными руками повалился на пол, а я удержался на ногах и начал пинать его так яростно, что полковник оттащил меня сзади:

— Маузи, хватит, этим займутся другие, это не ваше дело... А пацифист, кричали! Ногами, а, живого человека, да ещё связанного, а?.. Одобряю! Делаете успехи!

От его ободрения мне стало больно и стыдно — бить связанного, живого! Тошная горячая дурнота прилила к горлу, я успел отвернуться к открытому окну, но часть блевоты залетела обратно в вагон, осела темными пятнами где попало, но полковник в азарте не замечал этого, командовал:

— Вы, салаги, держите его крепче. Фредя, заходите в купе, из вас фашист — как из дерьма пуля... — а сам сел к столу заполнять какой-то вынутый из сумки бланк, пробормотав в мою сторону тихо, чтобы не было слышно в коридоре: — Видите, как удачно получилось! И подонок пойман, и вас отмажем, особо отметим в протоколе, что преступник был задержан в результате разыскных данных, полученных благодаря оперативной помощи главного свидетеля, господина Манфреда Боммеля по кличке Маузи...

— Какое это ещё такое — кличка? Ключка? Ключик?

— Шучу, шучу... Я же говорил, вы мне всё время приносите удачу!

Слыша, что в коридоре начались какие-то перепалки, полковник резво содрал с подушки наволочку и дал мне, сказав:

— Отдайте ментам, пусть ему на голову нацепят — сразу успокоится. — И добавил полотенце. — А этим пусть ему на башке ранку заткнут... там совсем ничего, у меня удар намётан...

Я исполнил — они усадили Исидора на пол, навернули на затылок полотенце, а на голову нацепили наволочку, отчего Исидор сразу затих, превратившись в ничто, в не человека, не в человека, а в какой-то бездушный обрубок, по которому вдруг захотелось со всей силы ударить ногой, бутылкой или камнем...

Я поспешил в купе, замер в углу. Что-то внутри меня билось, горело, просилось наружу, я дрожал, и полковник, заметив это и оторвавшись от протокола, налил мне полчайного стакана коньяка:

— Пейте глотками! Рот прополоскайте!

И я сумел выпить коньяк мелкими глотками и даже прополоскать им рот, чего раньше никогда не умел; успокаивающая теплота открылась в животе и потекла в голову.

Дописав, полковник позвал милицию:

— Вот, протокол задержания... Подпишите вы оба... и вы, Фредя... Веселее, геноссе! Сталинград еще далеко!

Я подписал, милиция тоже поставила свои корявые закорючки, взяла копию и вышла в коридор. Полковник встал и вышел за ними, я тоже выглянул из купе, услышал, как он приказал:

— А ну-ка снимите с него колпак! Его сообщники где-то тут! Надо прочесать поезд! Где твое купе, засранец?

— Нету, безбилетник я, сирота, — зло усмехнулся Исидор, мотая головой, пытаясь согнать с бровей и глаз натекшую кровь и с ненавистью глядя на меня, отчего мне стало страшно стыдно, и я пробормотал, втягиваясь в купе, как осьминог в пещеру:

— Я не сказал... не хотел... Нет!

— Уведите его пока в тамбур, к ебене матери! — приказал полковник, вернулся в купе и налил себе коньяк: — А вы, Маузи, можете быть довольны: помогли обезвредить опасного преступника...

— Да, чем доволен?.. На лицо плюнуто?.. Может, он не убил?

— Может, и не он убил. Но он убивал!.. — («А, вот, началось: не убил, но убивал...») — Ничего, он скажет. Попытка не пытка, правда, Лаврентий? Шучу, шучу... Ну, выпьем за 29.09.2009! Оно пришло, и так удачно! — (А я подумал, что для меня ничего удачного нет, а вот для полковника — очень может быть: ведь Исидору придётся платить большой штраф: где труп — там гроб, где гроб — там граб...)

Видя, что я все еще не пришёл в себя от возбужденной обиды (влажный комок плевка не сходил с лица, сколько я ни тёр щеку), полковник вытащил из куртки таблетки, дал мне одну:

— Это слабое снотворное, примите и засните. А я пойду в тамбур, побеседую с этим подонком. Как, вы говорили, звали второго, его дружка-люмпена, что рюкзаки таскал? Дениса с ножом я запомнил, а вот этого не помню...

— Флор. Флора, растение... — проглатывая таблетку, ответил я.

Он присел, стал поправлять пистолет под мышкой (который ни в машине, ни раньше не был замечен, пока он его не вытащил); стал рассуждать вслух:

— Поезд прочесать — совсем не сложно: надо только пройти по составу и тихо у проводниц спросить, был ли у них такой тип, с косичкой, и где его купе, там этот Флор и будет дрыхнуть бухой... Этот тоже ведь на ногах не стоял... А, вот что! Можно лучше сделать! Я его сейчас сфотографирую на телефон, а потом пройду по составу и покажу проводницам! Вот и всё! — обрадовался он, вытаскивая телефон. — А вы не обращайтесь на это внимание, — он кивнул на мою щеку, — если бешеная собака

вас укусит, вы же не будете на неё обижены? На то она и бешеная, чтобы кусаться... Ничего, попался, который кусался... Вот, приложите и забудьте. — Он вынул из кармана крахмальный свежий платок и дал мне. — Забудьте! Скоро его выгрузят, в Бологом...

— А что это какое — Благое? Тюрьма?

Ковыряясь в телефоне и не поднимая лица, полковник ответил:

— Бологое? Нет, городишко... На полдороге... Может, они и дрыхнут там все... Ничего, тогда тут где-нибудь в поезде задрём... Мы раз взяли в поезде Андижан—Москва группу барыг с сухим морфием, человек семь оказалось (мы думали — два), а куда их деть до города — там перегоны в ночь длинной?.. Мы их в отключенный морозильник вагона-ресторана загнали, дали пару бутылок электрику, а этот болван напился и наутро с похмелья, спаниковав, что рубильник отключён, врубил его — «чтоб мясо не испортилось»... Хе-хе, мясо не испортилось — это точно! Можно было в Африку посылать президенту Бокассе, который всю оппозицию у себя съел... Я в молодости часто в Азию на захваты ездил... Ох и принимали нас в Киргизии — один раз, помню, целого жареного жеребёнка на огромном блюде принесли, а старый аксакал его череп на 72 косточки разделал, весь вечер ковырялся, и не противно ему было... Ну, всё? — И он, видя, что я тру платком щёку, и сказав: — Давайте я подую, все пройдёт! — придвинулся вплотную, ласково подул мне на щёку, а потом вдруг легко и мягко поцеловал в щёку, чем испугал меня до удивления: — Всё ушло! Финита! Животное плюнуло — чего обижаться? Вот если бы верблюд плюнул, вы бы обижались?

— Бы нет... Плюнул в Дубаях... юбка кратка была... «Юбка» — от французского «jupon»...

— «Жюпе»? Отлично! Ну и «жопа», значит, оттуда же!

Настроив телефон для съёмки, он ушёл в тамбур, а я остался лежать в купе. Да, ему легко говорить!.. Беше-

ная собака!.. Верблюд! Жеребятина! А мне какво?.. Никогда такое никто не делал... Он срубил с Исидора бабла, а меня они прикончат где-нибудь... «Сука!» — кричал Исидор, а это слово очень плохое, хоть и обозначает всего лишь собаку женского пола (как Вы объясняли нам на семинаре по сакралу), но произошла инверсия — и хорошая собака почему-то дала своё доброе имя плохим женщинам, хотя собаки славятся своей материнской заботливостью, и было бы куда правильное хороших женщин, особенно многодетных, называть этим именем: «Глубокоуважаемая госпожа сука!»... Эту экспрессивную лексику разве поймешь — сам чёрт костыли ломает, как дядя Коля...

Колёса с нервного тика перешли на мерный ток. Коньяк с таблеткой заливал изнутри тёплым покоем. Мысли вертелись около Исидора, ареста, плевка... Как полковник быстро и умело действовал! Ударил двумя пальцами куда-то под шею... Сразу сообразил, что это — граммар-наци... И как они не правы, когда говорят, что Россия — пропадающая страна, где никто не знает, что и как надо делать, потому что в настоящем времени нет глаголов совершенного вида, нет результата, а есть только один бесконечный процесс!.. А вот сделал же полковник сразу? Раз-раз — и в кутузовку? Субито!

Прошло около часа. Лёжа в прострации, я то ли спал, то ли думал. Но вдруг грянул стук дверей, громкий яркий свет из коридора, топотания, реплики:

— Стоять смирно! Не дёргаться! — тупые звуки ударов, ойканье и криканье.

«Was ist das?»¹ — всполошился я. Опять?

Полковник возбужденно шарил по стене, щёлкал чем-то, но зажигался только мертвенный синий свет, как в трупохранилищном морге.

— Кого? Что?

Найдя свет, полковник указал на проем двери:

¹ Что это? (нем.)

9. 28 сентября 2009 г.

– Этот – Флор? – Там милиционеры держали за руки взъерошенного Фрола, у которого лицо шло гримасами, а лоб сплюснулся, как слоеный пирог.

– Да, такой...

– Увести!

И свет потух, дверь с лязгом захлопнулась, шаги и топоты ушли дальше, а я, уже не понимая и даже отчетливо не помня случившееся, попытался пролезть обратно в сон, но какие-то зудящие мысли вились, кружились, пока не вытянули откуда-то ответ: «злом зло убил», — что не успокоило и не усыпило — я был пуст, опустошён, как машина без тряски, как могила без гроба, как море без рыбы, как небо без бога...

• ПЛАН ЗАХВАТА МОСКОВИИ •

ПЛАН ОБРАЩЕНИЯ МОСКОВИИ В ИМПЕРСКУЮ ПРОВИНЦИЮ

Как предупредить желание крымского царя с помощью и поддержкой турецкого султана, нагаев и князя Михаила из Черкасской земли завоевать Русскую землю, великого князя вместе с двумя его сыновьями-пленниками увести в Крым и захватить великую казну.

Всепресветлейший, вельможнейший, непобедимейший римский император, король венгерский и чешский, наш всемилостивейший государь!

Ваше римско-кесарское величество усмотрите из этого моего послания, как сильно и жестоко — и не без основания — воюет крымский царь землю великого князя. Все прежние великие князья ежегодно давали крымскому царю определенную дань. А теперешний великий князь за несколько прошедших лет не давал своей обычной дани крымскому царю.

Крымский царь так жаждет захватить Русскую землю, что я не могу ни описать, ни рассказать того вашему римско-кесарскому величеству в полной мере. Крымский царь с поддержкой и помощью турецкого султана, который не откажет ему в поддержке, рассчитывает захватить Русскую землю, а великого князя вместе с его двумя сыновьями, как пленников, связанных, увести в Крым и добыть великую казну, которая собиралась много сотен лет. Из нее турецкому султану будет выдана чудовищно большая сумма. А турецкий султан уже отдал приказ пятигорским татарам, которые обычно воевали Литву и Польшу — много зла причинили они Польше еще и в прошлом году, — чтоб с Польшей они держали перемирие, с тем чтобы польскому королю тем легче было напасть на воинских людей великого князя. Все это весьма на руку крымскому царю, который знает, что сейчас великий князь не может устоять в открытом поле ни перед кем из государей.

Сейчас, после войн, опричнины, нашествий, бунтов, мора, голода и чумы Московия обезлюдела и ослабла — целые волости и уезды, не говоря о селах и вотчинных дачах, стоят пустыми, сожженными и разграбленными, народ кто жив, кто разбежался кто куда, армия поредела, отряды стрельцов плохо обучены и экипированы, оружие малое и плохое (а из пушек и мортир совсем мало осталось) — словом, сейчас самое время идти туда на захват. И сделать это надо раньше, чем это сделает крымский царь, чтобы не повело это к посрамлению всемогущего Бога и сына его Иисуса Христа и Святого Духа, к умалению вашего римско-кесарского величества и погибели всего христианского мира.

Я представляю вашему римско-кесарскому величеству следующий совет и план захвата Московии.

Есть неизвестный путь водою на Москву, по которому можно, идя на кораблях по рекам, захватить с воды все речные города и приречные села. Вот карты

и описание главных прибрежных городов, причалов и пристаней, через которые можно беспрепятственно прийти до Москвы:

<...>

Есть неизвестный пеший путь сушею на Москву — по пустым волостям, через безлюдный север, народы которого сами ненавидят великого князя и сами сдадут его при случае и сдадутся сами. О местах, мною ниже описанных, великий князь совершенно не помышляет, а все, кто только ни бывал на Москве или у великого князя из наших стран, эти места также не видали и о них не слыхали. Вот карты и описание главных крепостей, постов и тайных дорог, которыми можно без боя прийти до Москвы:

<...>

Чтобы захватить, занять и удержать страну великого князя — достаточно иметь 200 кораблей, хорошо снабженных провиантом; 200 штук полевых орудий или железных мортир и 100 000 человек: так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну.

Для этого христианского предприятия вашему римско-кесарскому величеству датский король одолжит 100 кораблей, хорошо обеспеченных продовольствием и снаряжением. Причина: великий князь отобрал у него несколько замков и еще намеревается, как только заключит мир с Польшей, отобрать у датского короля всю Норвегию. И еще: с его братом, герцогом Магнусом, великий князь обошелся не по-христиански.

Другие 100 кораблей охотно одолжит вашему римско-кесарскому величеству Ганза, или поморские города.

Ваше римско-кесарское величество могли бы договориться и с принцем Оранским, чтобы он одолжил вашему римско-кесарскому величеству 100 кораблей на один рейс. А не то — те же 100 кораблей ваше римско-кесарское величество могли бы получить от Испании или Франции.

Вашему римско-кесарскому величеству Гамбург охотно одолжит на один рейс несколько кораблей. Город Бремен также сделает что-нибудь для этого предприятия, равно как и город Любек.

Потребная для того первоначальная сумма — 100 000 талеров. И воинские люди должны быть снаряжены так, что, когда они придут в страну великого князя, они могли бы служить и в коннице. Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы: ни кола, ни двора. Таких ведь много найдется в христианском мире. Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять и не одну страну. И если бы великий князь имел в своей стране всех побирох из военных, которые шатаются по свету — причем некоторые из них поворываюут, за что кое-кого и вешают, — то он захватил бы все окрестные страны, у которых нет государей и которые стоят пустыми, и овладел бы ими.

Необходимо еще несколько тяжелых пушек и мортир, чтобы разбивать ворота деревянных городов, а мортирами в случае надобности зажигать пожар в деревянных городах и монастырях.

Шкипера и лоцманы найдутся в Голландии, Зееландии, в Гамбурге и в Антверпене. В Голландии, в Бриле, есть шкипера и лоцманы; найдутся они и в Дордрехте. В Схидаме живет шкипер по имени Яков Гейне: он плавал в эти места несколько лет. В Антверпене живет шкипер по имени Иоганн Яков: он долгое время ездил к этим же местам. В Гамбурге живет некто по имени Симон Салинген, который давно знает все эти места. В Бергене, в Норвегии, живет Северин Фальке; он отыскал эти места за 4 года до того, как я там был.

Ваше римско-кесарское величество должны выбрать одного из братьев вашего римско-кесарского величества в качестве государя, который взял бы эту несчастную страну и управлял бы ею с мудростью и терпением.

Прежде всего, он не должен быть суровым. И с бед-

9. 28 сентября 2009 г.

ными, и с богатыми должен беседовать охотно и каждому давать благожелательные аудиенции — впрочем, до тех пор, пока страна не будет занята. При войске на первый раз должна быть по меньшей мере сотня проповедников: в укреплениях и городах они проповедовали бы слово Божие воинским людям. Таких проповедников достаточно можно найти по университетам.

Пленных, взятых с оружием в руках, надо увезти в империю на тех же кораблях. Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом: за то, что наших пленных русские продают турку. Так следует держать их до тех пор, пока не будет взята вся земля. Что с ними будет после — это будет изложено ниже.

Убивать не надо никого, кроме тех, кого захватят с оружием в руках. Раньше в тех местах, что я описал выше, и войны-то никогда не бывало; никто не имеет здесь и оружия, здесь живут только крестьяне и торговые люди, которые вовсе не обучены военному делу, а заняты рыбой и мехами.

У русских надо будет отобрать, прежде всего, их лучших лошадей, оружие, боеприпасы, а затем все наличные струги и лодьи — маленькие корабли — и свезти всё это к укреплениям, чтобы при случае защитить укрепления артиллерией.

Особо надо распорядиться насчет казны, которая хранится под Вологдой в каменных палатах: как бы поступить с нею так, чтобы из нее ничего не исчезло. План, где искать казну, представлю вашему величеству лично и конфиденциально, во избежание разгласки столь серьезного дела.

Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей, но только на три дня, не более, а потом всё строго прекратить, чтобы солдаты и ландскнехты не распустились и не потеряли боевой дух.

Если подойдет враг, надо выступить в боевом порядке. Необходимо позаботиться и о том, как бы завести с русскими переговоры. Можно подослать к ним пленных, которые завели бы с ними разговоры на их языке и изложили бы им, с одной стороны, всю великую тиранию великого князя, описав его дикость, злобу, жестокость и опасность для народа, а с другой — все преимущества римско-католической жизни в Европе.

Наши военачальники должны говорить с русскими служилыми людьми дружеским тоном и предложить каждому из них принести грамоты на их поместья: если они выполняют это по доброй воле, то наши военачальники собственной рукой подпишут-де им их грамоты тут же, в их присутствии, и после будут их всячески охранять и опекать.

Когда русские узнают, что, с одной стороны, им предстоит долгая и упорная война с сильным врагом, а с другой стороны, увидят, как благожелательны и дружественны к ним наши военачальники, то они не будут больше отклонять их предложений и сами же будут просить об их выполнении.

Так жестока и ужасна тирания великого князя, что к нему не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне; ему враждебны все окрестные государи, как язычники, так и христиане — и так, что и описать невозможно! Поэтому я твердо уверен, что большое кровопролитие будет излишне: войско великого князя не в состоянии более выдержать битву в открытом поле. Однако надо быть готовым к следующим возможным ответным шагам великого князя:

<...>

Но всего этого — я полагаю — и не понадобится. Когда русские увидят, что наше войско пребывает в стране и зиму и лето, они поймут, что мы сумеем их защитить от великого князя. А великий князь тотчас же укроется, конечно, по своей привычке, в какой-нибудь город. Но ясно, что в его стране нет ни одного укрепленного го-

рода. Все они мне хорошо известны. У монастырей большей частью — во всяком случае у богатейших — действительно имеются каменные стены. Но города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей. В центре государства все остроги упали и запустели, потому что великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границам — с Польшей, Лифляндией и Швецией, равно как с Казанью и Астраханью.

Как только великий князь засядет в каком-нибудь городе, его нужно тотчас же осадить. И когда русские увидят, что дело касается только великого князя, то они же, его собственные русские, немедля окажут нам поддержку. Настоящие воеводы великого князя все перебиты.

Когда будет пойман великий князь, необходимо захватить его казну: вся она — из чистого золота и год от года умножалась стараниями прежде бывших князей; захватить ее со всеми великокняжескими коронами, скипетрами, одежаниями и своеобразными сокровищами, что собирали прежние великие князья, и с той великой казной, которую всеми правдами и неправдами собрал теперешний великий князь; всю ее захватить и вывезти в священную Римскую империю и сложить в её сокровищницах. Серебряные же деньги, артиллерию и все, что надо для войны, необходимо оставить на месте.

А великого князя вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увести в нашу христианскую землю. Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей какую-то часть их убить так, чтобы великий князь и его сыновья видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на

каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну; бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь грех один! Великий князь будет тогда взывать к Богу через посредство святого Николая и других усопших святых. А наши будут укрепляться этим и поучаться и скажут, что они-то и суть подлинные христиане, ибо они крепки своей верой в Бога Отца и Сына и Святого Духа; веру и надежду свою возлагают только на Иисуса Христа, Сына всемогущего Бога и Бога Духа Святого; в него только верят, его почитают, на него надеются.

Великому князю и его сыновьям надо предоставить в империи подходящую область — в качестве графства. Туда его следует отвезти после того, как он посмотрит на вышеупомянутую казнь; там их надо держать под охраной, однако позволяя им в пределах графства свободно ездить, ходить или пребывать на месте. При них должны быть два или три проповедника, которые ежедневно учили бы их слову Божию. Отлично можно сравнить и перетолмачить русское и наше Священное Писание, и великий князь убедится тогда, что истинно наше Писание, хотя он и думает, что он служит Богу праведно, ибо Бог помог ему взять Лифляндию.

В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языка ни митрополит, епископы, монахи или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подьячие. Все они пользуются только своим собственным языком. Однако и самый последний крестьянин так сведущ во всяких шельмовских штуках, что превзойдет и наших докторов-ученых, юристов во всяческих казусах и вывертах. Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву — придется ему учиться заново!

Как только будет захвачена Русская земля, Польша отойдет к Римской империи. Русскую землю, если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на 2 или на 3 части, ибо она очень обширна: в длину и столько же в ширину. Кто проедет от Колы из Лапландии до Астрахани к Каспийскому морю, тот узнает, что это так. Поезжай от Полоцка или Озерища из Польши до Пустоозера, где самоеды сходятся с русскими и торгуют салом и толокном, — найдешь то же самое.

Тотчас же по занятии Русской земли необходимо закрепить за служилыми людьми их поместья, с которых они служат и будут служить, если только это окажется нужным.

Правитель страны должен устроить проповедь слова Божия и для наших людей. Повсюду рядом с русскими церквями, из которых маленькие выстроены из дерева, необходимо поставить церкви по нашему закону — каменные. В дальнейшем наши церкви останутся, а русские разрушатся. По моему расчету в Русской земле около 10 000 церквей стоят пустыми, может быть, даже и больше, но, во всяком случае, не меньше: в них русского богослужения не совершается. Несколько тысяч церквей уже сгнило.

Правитель страны не должен упускать из виду, как бы, подобрав людей, вновь заселить Рязанскую землю: область эта — ворота Русской земли и Москвы. Рязанская земля — такая прекрасная страна, что подобной ей я и не видывал, но сейчас большая часть дворов и острогов стоят в ней пустыми, остальные сожжены крымским царем Девлет-Гиреем. Если крестьянин в Рязанской земле высевает 3—4 четверика, то ему еле-еле хватает сил, чтобы убрать урожай, так земля эта тучна. Весь навоз свозится к рекам: когда сходит снег и прибывает вода, то навоз весь сносится водой. В этой стране много лип, а в них пчел и меду. Одним словом: это — прекрасная страна.

Затем новый правитель Русской земли может присоединить еще окрестные земли, у которых нет государей,

и занять пустые земли. Но это должно сделать так, чтобы императору Священной Римской империи Рудольфу ежегодно высылалась со всех присоединенных земель особливая сумма денег. Тогда Священной Римской империи императору Рудольфу должны будут ежегодно выплачивать определенную сумму денег и король шведский, и датский король, равно как и королева английская и шотландская. Причина: Русская земля лежит далеко на северо-восток за Англией — коли королева не захочет платить, то России ей не видать и ничем от неё не пользоваться, и никак через неё не ходить и никакие товары через неё не провозить из Индии и Персии.

Когда Русская земля вместе с окрестными странами, у которых нет государей и которые лежат пустыми, будет взята, тогда границы нашей империи сойдутся с границами персидского шаха. И тогда турецкий султан увидит, как Бог Вседержитель ратует за тех, кто истинно верует в сына его — Иисуса Христа и надеется на него всем сердцем своим. С помощью персидского шаха можно будет совсем легко справиться с турецким султаном и крымским царем. А затем через окрестные страны и Сибирь можно будет пройти до Америки и проникнуть внутрь нее.

Как можно видеть из выше мною описанного, захват Московии должен привести к захвату всего мира и покорению его, что означает доступ ко всем его богатствам и народам. А Ваше римско-кесарское величество станет полновластным владыкой как Запада, так и Востока с Америкой, что может только послужить к славе и величию всемогущего Бога, сына его Иисуса Христа и Святого Духа и всей нашей Священной Римской империи, в противовес всем остальным религиям и царствам, которые станут вассалами и данниками святого папского престола.

10.

30 сентября 2009 г.

Арест в мюнхенском аэропорту

Господин профессор, я упробил полицейских отдать на время мой дневник, чтобы кратко записать то, что было, и переслать его Вам — может быть, Вы смогли бы чем-нибудь помочь? Из дневника ясно видно, что я ни в чём не виноват, но опять попал в плохую историю, и сейчас всё, кажется, намного хуже, чем в Москве.

Мы приехали в Петербург утром, плотно позавтракали, после чего друзья полковника увезли нас в аэропорт на таком огромном чёрном джипе, что влезать в него надо было по специальной лесенке. Полковник был со мной до конца и махал рукой, пока нас не отправили на посадку. Никто про регистрацию не спрашивал. И всё шло отлично. Самолёт приземлился в Мюнхене, где на паспортном контроле я искренне приветствовал таможенника (похожего на пожилого Хонеккера):

— Guten Tag, wie schön endlich zu Hause zu sein!¹

Он кисло улыбнулся, долго сверял паспорт с чем-то, мне не видным. Потом нажал на какую-то кнопку, и через минуту (за которую он, не поднимая глаз, молча со всех сторон изучал паспорт) ко мне нацеленно приблизились два полицейских — мужчина, здоровый, как медведь, а женщина — в половину его, юркая, пролазливая. Медведь встал рядом со мной, уложив руку на пистолет, а пролаза

¹ Добрый день, как хорошо наконец быть дома (нем.).

заглянула в кабинку, где таможенник, молча указав на невидный мне монитор, отдал ей мой паспорт, она ответила:

— Alles klar!¹

— Was ist los, was ist klar?² — в панике прошептал я, а медведь-полицай настойчиво взял меня под руку:

— Kommen sie bitte mit³.

Они, не отвечая, повели меня к незаметной двери, через которую мы попали в пустой, белый и тихий коридор. Один шёл впереди, другая — сзади. А я, пытаясь собрать скачущие осколки мыслей, с трудом думал, в чем дело: может быть, паспорт мятый?.. Или с визой проблема? Она — до 29-го, скажут — нарушение, опоздание?.. Неужели узнали про драку?.. Бутылка?.. Вдруг тот тип умер?.. Тип-труп-гроб?.. О-вей!..

Они завели меня в комнату, где крутился еще один рыжий и коренастый полицай. Медведь попросил его открыть базу Интерпола по России за сентябрь. Через несколько минут стало ясно: да, я, Манфред Боммель, 1986 года рождения, гражданин ФРГ, разыскиваюсь за убийство, наркотики, фальшивые деньги, экстремизм...

— Was ist denn das?⁴ — с интересом спросили они у меня, слегка разворачивая ко мне экран.

Я ответил, что это всё ошибка, так, игра, я уже штраф заплатил и меня отпустили, потому что регистрации не было, но я свидетель в другом деле... Что еще говорить? Пусть они позвонят в Москву, полковнику, тот объяснит, в чём дело. Но они начали улыбаться — если в каждое Зимбабве звонить да переводчиков нанимать, это полиции дорого сядет, но, если мне надо, по закону я могу позвонить куда хочу, но только один раз:

— Ein Mal — und nicht mehr!⁵

Меня обыскали, из подозрительного нашли серьгу с алмазиком и отложили её в сторону. Пролаза-поли-

¹ Всё ясно! (нем.)

² Что случилось, что ясно? (нем.)

³ Пройдемте с нами (нем.).

⁴ Что же это такое? (нем.).

⁵ Один раз, не больше! (нем.)

цайка, отклеив от билета талоны, пошла за моим багажом, а они разрешили мне позвонить.

Кому звонить? Папе? Но что я ему скажу?

Я позвонил полковнику на его секретный номер (полученный ночью в поезде). Он сразу отозвался бодрым голосом:

— Как дела, геноссе Маузи? Всё в порядке? Где вы, в Германии? Рад вас слышать!

— Совсем нет, не рад... Ильич Гурам, мне сделали арест в Мюнхене... На аэропорте, паспорт-контроль... Говорят, я в Интерполе, розыск... Вы ли же сказали Вите — снять?

Полковник изменившимся голосом ответил:

— Я ещё в Питере, но мне только что сообщили, что Витя разбился на мотоцикле, не знаю подробностей... Он мотоциклист, черт бы побрал эту глупость... Вот попал в аварию... Наверно, не успел снять... Но ничего, задним числом можно...

— Какое задним? Уже посадят, передним! Уже тут!

— Багаж они смотрели?

— Нет еще, а будут, идили... шли...

— Говорите, что это — не ваш чемодан, старик в аэропорту просил передать... Ах, Витя, Витя!.. — не то с угрозой, не то с сожалением протянул полковник и приказал: — Дайте полициям трубку! — но те отказались говорить, тем более что по-русски никто из них не знал.

Тут в трубке запершило, щёлкнуло, гудки.

— Что, прервалось? Да, тут бетон, связь плохая, — сказал рыжик.

Я растерянно положил мобильник на стол, пробормотал:

— Das ist ein Fehler, sie hätten mich aus der Kartei rausnehmen müssen...

— Iso, waren sie drin¹? — Они напряглись, закладывая мой телефон в целлофановый пакет, а медведь даже по-

¹ — Это ошибка, они должны были меня снять из картотеки.

— Значит, вы были в ней? (нем.)

тянулся к кобуре и сказал, что меня надо отправить обратно в Санкт-Петербург, откуда я прибыл, пусть они там разбираются (в голове мелькнуло, что это совсем плохо — там же никто ничего про эти дела не знает!).

До багажа они посадили меня в белую комнату без мониторов и кресел, но с чёрными решётками и видеокамерой. Мыслить я не мог, из меня словно было выпущено вещество жизни. Навалилась апатия, стало всё — всё равно. Отправят в Россию — пусть отправят... А там начнётся — Интерполу бабло отстегивай, суду — отдельно, новые штрафы, старые дела, мёртвый узбек, живые свидетели... Родители с ума сойдут... диплом, работа — всё пропадёт...

За дверьми началось движение, я был выведен. На столе лежала моя сумка, у ножки стола — чемодан. Медведь взял видеокамеру, а юркая полицайка, натянув перчатки, начала открывать багаж. Сумка их не заинтересовала (кроме немецко-персидского словаря, с недоброй ухмылкой отложенного в сторону). А вот когда открыли чемодан с глупой наклейкой «Her Schmit, Müller-strasse 5, München», из него вперемешку с мятыми газетами и тряпками стали появляться блестящие предметы.

Полицайка раскладывала их по столу, осматривала, иногда и через лупу, диктовала, медведь снимал, а рыжик у монитора записывал:

— ...золотой или позолоченный подсвечник... проба есть... еще один... похожие на золотые столовые приборы, вилки, ложки, ножи и кольца для салфеток... по шесть штук... да, какая-то проба есть... портсигар с камнями, возможно, диаманты... пять, шесть, семь, восемь, девять колец жёлтого металла, с разными камнями... вот еще одно, десятое, с зеленым квадратным камнем, похоже на смарагд... золотая цепь с кулоном в виде ангела... складная икона... еще одна... акварель в рамке... подпись похожа на «Utrillo»... сабля с рукоятью жёлтого цвета, возможно, золото или позолота... на клинке — узоры...

женское украшение цвета серебра... другое, из камней и золотых монет...

Наконец, весь чемодан был обшарен, а предметы разложены на столе, тщательно сфотографированы (и серьгу с алмазом не забыли), запрятаны в целлофановые пакеты с номерами. Рыжик заглянул в толщенный Уголовный кодекс:

— Контрабанда в крупных размерах. После оценки станет ясно — может быть, и в особо крупных...

— Это не моё! — мёртвыми губами сказал я.

— А чье?

Я тронул пальцем чемодан:

— Вот, написано... Мюллера... Нет, Шмита. Он должен был встретить... — на что полицейка сморщила мордочку:

— Да? Встречает? А давайте объявим — может, он придёт за своими вещами? Скажем, что вы — в медпункте, просьба зайти в медпункт, чтоб он не испугался...

Я пожал плечами. Они и правда позвонили куда-то, и через минуту я услышал, что господина Шмита, проживающего на Мюллерштрассе, 5, в Мюнхене, срочно ожидают в медпункте. Пока ждали сигнала из медпункта и фантомного Шмита, полицей-медведь на другом компьютере посмотрел список улиц Мюнхена — улицы Мюллера в нём не обнаружилось. Да если бы и была, то с именем — ведь Мюллеров тысячи...

Потом они начали совещаться, что со мной делать. С одной стороны, меня надо депортировать в Россию, так как с Кремлём есть соглашение о реадмиссии, возврате преступников, и мы его не нарушаем, пусть они там сами разбираются. Но, с другой стороны, этот молодой человек — гражданин Германии, налицо контрабанда в крупных размерах на территории Германии, поэтому, по германским законам, судить его надо тут, по месту преступления. Можно, конечно, сделать ещё правильнее: дело о контрабанде законсервировать, отправить преступника в Россию, пусть он там отсидит, а потом, если

после русских тюрем жив останется, судить его в Германии за контрабанду... Всё это судья должен решить.

Они это обсуждали при мне, вслух, и от каждого довода становилось всё страшнее — будущее улетало, исчезало. Я попросил сделать звонок, папе, но они сказали, что один звонок уже сделан, ещё на один я не имею права, не положено:

— Ordnung muss sein!

«Орднунг! Фашисты проклятые! Имею не имею, положено не положено, в натуре!» — от всей души зло подумал я по-русски, невольно вспоминая доброго Саню с птицей гриль, и попытался еще раз объяснить, что это — ошибка, недосмотр, тят-ляп, что я студент, лингвист, журналист, в Москве стал невольным свидетелем преступления и был по ошибке занесен в картотеку, а там компьютер в тот день не работал, Интернет завис, а потом Витя разбился, и никто оттуда меня не снял... а в Пулково ко мне подошел старый немец, сказал, что видит, что у меня мало багажа, и попросил взять этот чемоданчик для своего больного брата, господина Шмита, что тот брат Шмит встретит меня в Мюнхене... за это старый немец заплатил мне 100 евро, а я бедный студент, денег нет, вот и согласился, поэтому это всё — не моё...

Но они оборвали меня, сказав, что бедный студент полторы тысячи евро в портмоне не возит!.. Сейчас надо ждать следователя, а потом меня доставят к судье, который будет решать, что дальше со мной делать: высылать в Россию или отправлять в тюрьму, но раньше, чем завтра, это не получится — сейчас поздний вечер, судьи нет и, пока судья не появится, будьте добры идти с нами!

Они завели меня, полуживого, в какой-то коридор, а там — в стерильную одиночку (всё белое, прибитое, неразбиваемое), где я провёл худшую ночь своей жизни, несмотря на то что попросился к доктору и вымолил у него снотворное, которое помогло мне часа на три провалиться в полицейскую ночь — с разговорами, смешками,

топотом и шагами в коридоре. Что творится? Московия меня захватила, не отпускает. За что мне это?.. Что я сделал?.. В чём моя вина?.. Кого я убил, ограбил, обидел?.. Как же этот бог не слеп?.. Да это слепой бог! Или у него другие понятия, чем у нас, у людей? Или он тоже совершает ошибки? Да, если мы — его подобия, то тем хуже для нас... Люди-боголюди? Нет, лохерлузы ебатые!

...Но худшее — то, что они опять правы, как была права милиция в Москве, — всё это действительно было в моём багаже, это не подкинули (как спецназ — спецгруппы со спец-ДНК), это всё нашпи в моем чемодане! Эх, полковник!.. Вазочки, подстаканнички, медяхи, вещульки... Так что — тюрьма...

...Чем в тюрьме сидеть, лучше сразу с этой жизнью покончить — вот как брат нашего студента: тайно уехал в Страсбург, а там поднялся на 12-й этаж паркинга около собора, посидел на кромке (его видел вахтер, кричал, но безрезультатно) — и прыгнул... Спрыгнул. Наверху остался рюкзачок с книгой Сэлинджера, при вскрытии были обнаружены остатки флам-кухена¹, красного вина, а в голове — опухоль... У Фреди опухоли нет, но и жизни не видно...

...Вдруг вспомнился ландскнехт Штаден, который в Бразилии столько плакал и молил, что дикари его не съели... Будешь плакать, когда перед твоим носом детей в котлы бросают, а потом тебя этим супом кормят и для супа готовят!.. Не поешь — сдохнешь с голоду. А тут, в цивилизации, никакой плач не поможет!.. Не в Московии, а тут! Всё вежливо, тихо — но сидеть! Начнешь плакать — поведут к врачу, дадут таблетку... Люди-людоеды!

Под утро пришёл полицей-медведь и, уточнив, знаю ли я русский, попросил помочь с переводом: где сейчас взять переводчика в четыре утра, надо успокоить двух дагестанцев — их депортируют из Германии, а они уезжать не хотят и грозят голодовкой. Это были отец и

¹ От Flammkuchen (нем.) — эльзасское блюдо, типа пиццы с ветчиной и луком.

МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ

сын, оба возбужденные, ругались, что всюду им нет жизни: в России федералы убивают, а тут, в Германии, не хотят давать убежище, обманом выманили паспорта, а теперь высылают по месту прописки, где их ждёт верная смерть.

Мы, как могли, уговорили их не сердиться и подождать до утра. Они, ворча и ругаясь по-своему, затихли.

— А мы вас так на Кавказе ждали! — сказал мне напоследок отец-дагестанец, когда меня уводили из их камеры.

— Меня? — удивился я. — Ждали? На горе?

— Не тебя, а вашего Гитлера... Чтобы он нас от безбожных коммунистов избавил... Хлебом-солью встречали вашего гауляйтера, белого коня, бурку и шашку с золотой рукояткой подарили, а вы... Эх, слабаки!

— Я опять виноватый?

После дагестанцев я догадался попросить у полицейских, в качестве оплаты за опасную работу, свой дневник, который они — посоветовавшись и оценив мою помощь в уговаривании дагестанцев — дали, сказав, что потом всё равно заберут — это вещественное доказательство.

Что делать? Всё страшно. Жизнь занавесилась от меня черным покрывалом. И на голове у меня колпак, как у Исидора... Или это фатум? Авракадавра? От наших полицейских и судей штрафом не отделаешься... И, к большому сожалению, слово «Strafe» в немецком языке означает совсем не то, что в русском, — это не штраф, не деньги, а «наказание» — срок и тюрьма, для которых фактов найдено предостаточно...

С тех пор пишу, чтобы забыться. Что ещё делать-сделать?

...Вот, скрип ключа. Вошли. Говорят, чтобы собирался к судье и где дневник?

— Hier, ja, bitte, nehme...¹

*Лето 2010 – зима 2012,
Испания – Германия*

¹ Тут, да, пожалуйста, возь... (нем.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Письмо в редакцию

11

1. 19–20 сентября 2009 г.

Приезд в Петербург. Виталик и Настя.
1-я встреча с граммар-наци. Дело Хорстовича

15

НАЧАЛО

54

2. 21 сентября 2009 г.

Переезд в Москву. Обед в кафе. Ветераны.
История деда Адольфа. Надо идти в контору

64

ПРИКАЗЫ

109

3. 22 сентября 2009 г.

Конфликт в конторе.
Знакомство с полковником Майсурадзе.
В КПЗ, с Алкой и Матвеем Самуиловичем

119

ТЯЖБЫ

179

4. 23 сентября 2009 г.

2-я встреча с граммар-наци. Головоногое.

Пропажа карты. Пьянка с Самуилычем

189

ОПРИЧНИНА

237

5. 24 сентября 2009 г.

Обед. Предложение полковника

248

БЕСЧИНСТВА

295

6. 25 сентября 2009 г.

День с Алкой. Стоян. Вечер в ресторане

305

ПОЖАР

367

7. 26 сентября 2009 г.

3-я встреча с граммар-наци. Избиение торговца.

Побег из гостиницы. Ужин у ветеранов.

378

ВОЙНЫ

453

8. 27 сентября 2009 г.

Договор о выкупе. В камере. Бич Океанчик.

Джанки. Директор дома престарелых

464

ПОБЕГ

514

9. 28 сентября 2009 г.

Утренний допрос. Квази-Гагарин. У Алки. Драка в сквере.
Поездка с полковником в «Красной стреле»

525

ПЛАН ЗАХВАТА МОСКОВИИ

603

10. 30 сентября 2009 г.

Арест в мюнхенском аэропорту

613

Литературно-художественное издание

Гиголашвили Михаил Георгиевич

ЗАХВАТ МОСКОВИИ

НАЦИОНАЛ-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ответственный редактор *Н. Холодова*

Редактор *М. Немцов*

Художественный редактор *Н. Ярусова*

Компьютерная верстка *К. Москалев*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact

Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.*

E-mail: vrzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала
Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,
ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара»,
пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044)
495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032)
245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,
ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Подписано в печать 13.02.2012.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,76.

Тираж 5100 экз. Заказ № 7790.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-55393-8

9 785699 553938 >

Одним прекрасным днем в середине XVI века немец Генрих фон Штаден въехал в пределы страны Московии. Его ждали приключения и интриги, фавор и опала, богатство и нищета. А цель была одна — захват страны.

Одним прекрасным днем в начале XXI века его далекий потомок Манфред Боммель въехал в пределы страны России. Его ждали интриги и приключения, фавор и опала, тюрьма и сума...

Но его целью тоже был захват страны.

Между двумя немецкими вторжениями — пять веков.

Что изменилось за этот срок? Что нашли немцы вместо этой страны, какая судьба ждала их?

Что у них получилось? Какая судьба ждет то, что называют Московией и Россией?

Читайте новый роман

МИХАИЛА ГИГОЛАШВИЛИ —

учебник по перекраиванию карты мира
и пособие по русской жизни
с картинками.

Острый литературный прием — заставить взглянуть читателя на его привычную жизнь глазами чужака — в новом романе Михаила Гиголашвили сработал с изумительной гротесковой мощью. Немецкий студент, идеалист, вдохновенный романтик, влюбленный в «великую русскую культуру», угодил в сегодняшнюю российскую жизнь, как кур в очки, причем чуть ли не в самом буквальном смысле. Роман написан мастерски: временами дико смешно, временами страшно: а когда отхохочешься... так и хочется воскликнуть вслед за А. С. Пушкиным: «Боже, как грустна наша Россия!»

ДИНА РУБИНА

ЗКСНО

ISBN 978-5-699-55393-8

9 785699 553938 >

